This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

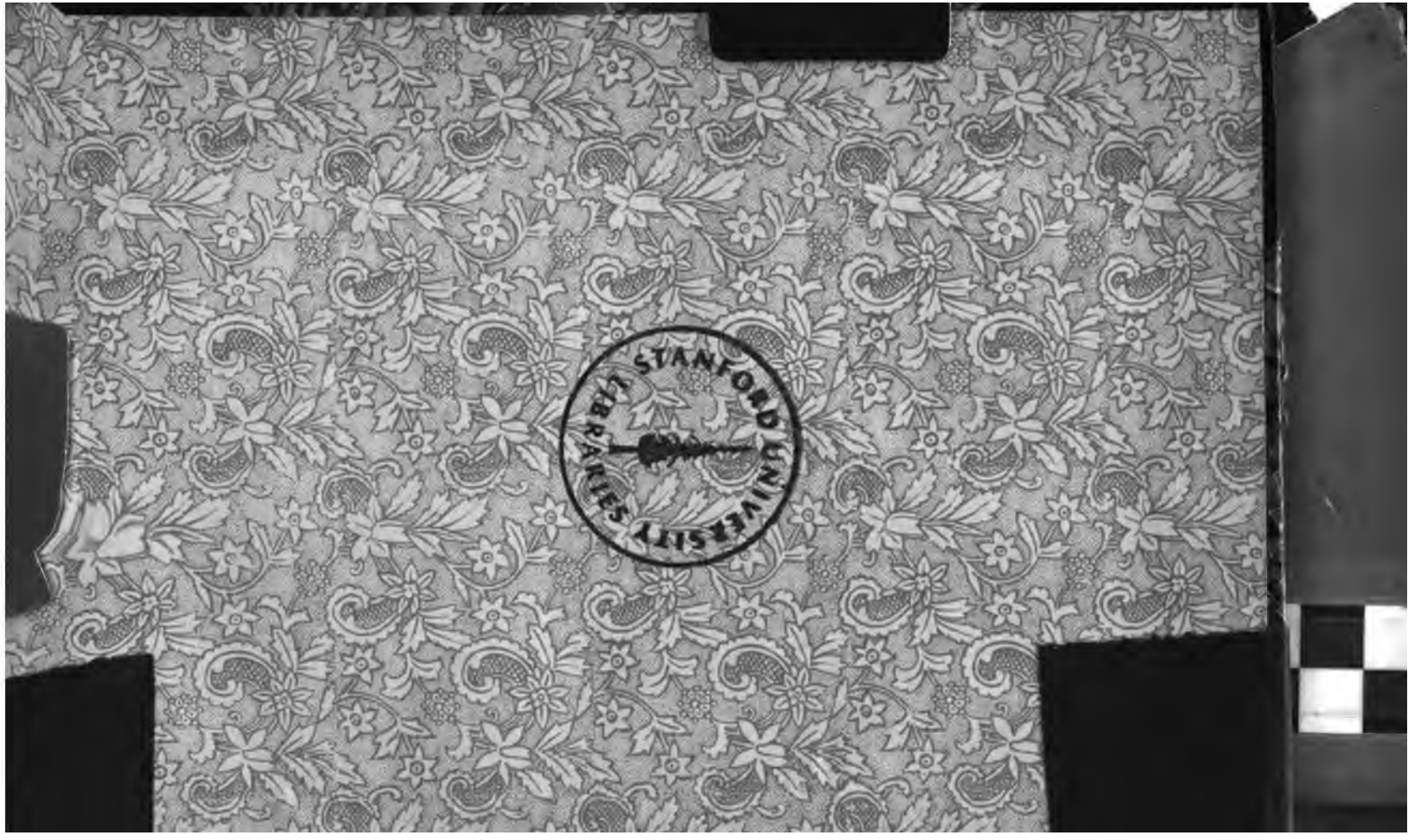
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

[redacted]

Маркевичъ, Б. М.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG3467
M327
1885
v.6

FUMIGATED 5/00

Содержаніе

ШЕСТАГО ТОМА:

	стран.
Часть первая	1
Часть вторая	285

ПЕРЕЛОМЪ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ *).

Безумный натискъ здѣсь, а тамъ
отпоръ *безсильный*.
Изъ пародіи.

T'is all in vain to keep a pother
About a vice, and fall into an other
Pope.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

E pur si muove
Galileo.

Тебя-ль забыть!...
Цыганскій романсъ.

Въ Большомъ театрѣ шли *Пуритане* съ Бозіо и Калцолари. Княгиня Краснорѣцкая давала въ этотъ понедѣльникъ большой балъ Двору, и театральная зала представляла по этому случаю особенно праздничный видъ. Въ креслахъ воссѣдали военные и статскіе сановники, въ звѣздахъ и лентахъ; въ бельэтажѣ счастливыя избранницы петербургскаго high life прикрывали роскошными sorties de bal свои обнаженныя плечи, и осторожно, не ворочаясь, держали свои пышно убранныя цвѣтами и брилліантами головы; за ними

*) Впервые напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ во 2, 3, 4, 6 и 9 книжкахъ за 1880 годъ и въ 1, 3, 4, 7, 8, 11 и 12 книжкахъ за 1881 годъ, а въ 1882 году книжный магазинъ „Новаго Времени“ напечаталъ ее первымъ отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ.

изъ глубины выглядывали бѣлые галстуки и шитые воротники мужей ихъ и поклонниковъ, тѣсно жавшихся къ задней стѣнкѣ ложъ, изъ боязни помять разстилавшіяся предъ ними волны газа и шелка надъ необъятными кринолинами. Весь этотъ свѣтскій людъ, поглощенный мыслію о предстоявшемъ балѣ, разсѣянно, чуть не угрюмо, внималъ Беллиніевскимъ мелодіямъ, между тѣмъ какъ сверху, изъ той счастливой области подъ плафономъ, гдѣ наслажденіе искусствомъ даруется цѣною бани въ сорокъ градусовъ жары, раздавались послѣ каждой аріи оглушительныя рукоплесканія и клики восторженныхъ молодыхъ голосовъ. Внизу сочувственнѣе всѣхъ относился, повидимому, къ этимъ поднебеснымъ восторгамъ высокій, богатырски-сложенный генералъ въ парикѣ съ хохломъ и алмазами на груди, занимавшій кресло рядомъ съ генералъ-губернаторскимъ и небрежно отвѣчавшій кивками на низкіе поклоны проходившимъ мимо него звѣздоносцевъ; важный сановникъ питалъ, какъ извѣстно это было всему Петербургу, старческую невинную страсть къ сладкозвучной примадоннѣ, заливавшейся, какъ бы въ угоду ему, въ этотъ вечеръ во весь раскатъ своего соловьинаго голоса. Бѣдная дочь страны, любимой солнцемъ, она не предчувствовала, что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ее должно было унести изъ числа живыхъ суровое дыханіе враждебнаго сѣвера.

Въ пятомъ ряду креселъ, у самаго прохода, сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30—32-хъ, въ штабъ-офицерскихъ эполетахъ и съ Георгіевскимъ офицерскимъ крестомъ на пѣхотномъ мундирѣ кавказской формы. Свѣтлорусый, съ бровями и усами темнѣе волосъ на головѣ—признакъ породы—лицо его отличалось замѣчательною правильностью и изяществомъ своихъ очертаній; но внимательный наблюдатель могъ бы прочесть на этомъ красивомъ лицѣ несомнѣнные слѣды мятежно и страстно прожитаго прошлаго. Въ общемъ выраженіи этихъ тонкихъ чертъ, въ складкахъ рта, въ абрисѣ опущенныхъ, чуть-чуть помаргивавшихъ глазъ сказывалась какая-то будто утомленная энергія, пресыщеніе или горечь неудовлетворенной жизни. Онъ сидѣлъ, весь согнувшись высокимъ и худымъ тѣломъ, въ своемъ креслѣ, подпирая голову лѣвою рукой, а

правою разсѣянно перебирая по черной густой волнѣ папахи, лежавшей на его колѣняхъ. Легкая, какъ бы необычная ему улыбка играла на его губахъ—улыбка, которую вызывало въ немъ зрѣлище того впечатлѣнія, какое очевидно производило превосходное исполненіе оперы на сосѣда его съ правой стороны. Сосѣдъ этотъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ широкимъ, выпуклымъ и голымъ черепомъ и чертами лица, напоминавшими Сократа, былъ по всѣмъ признакамъ меломанъ въ квадратѣ, меломанъ-фанатикъ, меломанъ-факиръ. Откинувшись затылкомъ въ спинку своего сѣдалища, онъ полулежалъ, закрывъ глаза и расширивъ ноздри, словно стараясь вбирать въ себя ими опьянявшіе его звуки; увлаженныя, чувственныя губы причмокивали, будто тѣ же звуки вливались въ нихъ въ то же время въ видѣ сладчайшаго напитка, и до слуха Кавказца явственно доносились отъ времени до времени легкій стонъ и едва сдержанное завываніе, вырывавшіеся изъ гортани сосѣда отъ преизбытка музыкальнаго наслажденія. „Небеса, не-бе-са!“ приговаривалъ онъ какимъ-то таинственнымъ шопотомъ, ежась и поджимаясь, какъ сытый котъ на окнѣ, пригрѣтый весеннимъ солнцемъ...

Онъ пришелъ въ себя лишь въ ту минуту, когда опустилась занавѣсь за послѣднимъ аккордомъ финала перваго дѣйствія.

— Еще немножко, и я бы началъ безпокоиться за васъ, сказалъ ему насмѣшливо Кавказецъ, лѣниво подымаясь съ мѣста и оборачиваясь спиной къ сценѣ; — музыка производитъ на васъ то же дѣйствіе, какъ на другихъ опіумъ или гашишъ.

— Да помилуйте-съ, обидчиво возразилъ тотъ,—вѣдь это надо понимать-съ, вѣдь это послѣдніе соловьи-съ, послѣдніе Могиканы великой классической школы пѣнія!... Вѣдь это божественно-съ! Вѣдь отъ этого-съ должны у самаго черстваго человѣка во всей вселенной расцвѣсти на душѣ горацiанскія розы! приговаривалъ онъ, уже шипя, язвительно поглядывая на своего собесѣдника, словно именно его разумѣлъ онъ самой черствою душой во всей вселенной.

Кавказецъ продолжалъ улыбаться: артистическій энту-

зіазмъ его театральнаго сосѣда былъ слишкомъ видимо искренъ, чтобъ имѣлась какая-либо возможность оскорбиться его ребячески агрессивнымъ способомъ выраженія.

— А вѣдь хорошо! улыбаясь и слегка пришепетывая заговорилъ, оборачиваясь къ разговаривавшимъ, сидѣвшій предъ ними въ четвертомъ ряду большаго роста господинъ, съ неправильнымъ, добродушнымъ и умнымъ лицомъ, носомъ формы истоптаннаго башмака и довольно длинными, сѣдоватыми волосами, густыя пряди которыхъ, падавшія ему на лобъ, онъ то-и-дѣло откидывалъ головой или рукой назадъ.

— Еще бы! выразилъ меломанъ движеніемъ плеча, между тѣмъ какъ тотъ обводилъ биноклемъ окружность бельэтажа.

— Какой старикъ великолѣпный! сказалъ онъ, остановивъ его на одной ложѣ.

— Это—Кавказецъ повелъ взглядомъ въ ту же сторону,—англійскій посланникъ при нашемъ дворѣ.

— Благороднѣйшая англо-саксонская кровь! воскликнулъ меломанъ. — Глядите, какая тонкость и твердость очертаній, а въ выраженіи какое сознаніе своего я, *Iam a man, я человѣкъ*, такъ и читаешь на этомъ изящномъ родовитомъ лицѣ.

— Да, подтвердилъ сѣдоватый господинъ, глянувъ кругомъ прищуренными глазами,—особенно если посравнить...

— Вѣдь этого нельзя-съ, Петенька, зашепталъ тутъ же, осторожно озираясь, меломанъ, хватая на-лету недосказанную мысль,—тутъ-съ—позволь тебѣ сказать, сравненія неумѣстны. Вѣдь *раса*, любезный другъ, не есть случайный физіологическій продуктъ, а результатъ цѣлаго процесса исторіи, да-съ! Вѣдь тамъ-съ уже сто лѣтъ послѣ норманскаго завоеванія не оставалось ни единаго раба на всемъ пространствѣ страны. Тамъ-съ въ продолженіе столѣтій взростаютъ поколѣнія въ сознаніи своей свободы, своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ-съ. Соотвѣтственно сему выработался и этотъ типъ независимаго, гордаго, оригинальнаго человѣка.... А тутъ-съ, уже зашипѣлъ онъ, — отъ чухонской помѣси, татарской плети и московскаго батожья могли произойдти единственно индючьи носы, какъ у насъ съ тобою, Петенька, и

выраженіе *усердія* на челахъ — да-съ! Такъ какія же тутъ сравненія!...

Джентльменъ, котораго пріятель его называлъ „Петенькой“, весело разсмѣялся. Кавказецъ, слегка наморщившись, поглядѣлъ на нихъ:

„Индючьи носы“, недурно! Заявили себя низшею „расой“, племенемъ рабовъ, — и ликуютъ... Какъ это у нихъ, по-новому, называется: „самообличеніе“ или „самооплеваніе?“ спрашивалъ онъ себя съ какимъ-то гадливымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Троекуровъ, взгляни, какъ эффектна сегодня madame Rantzof! проговорилъ въ эту минуту ему на ухо проходившій мимо адъютантъ.

Онъ, какъ бы нехотя, лѣниво обернулъ голову на ложу перваго яруса съ лѣвой стороны, гдѣ въ пунцовой, расшитой золотомъ мантильѣ, накинутой на великолѣпныя плечи, вѣнчанная головнымъ уборомъ изъ пунцоваго же бархата, перевитаго жемчугомъ, и сіяя двумя огромными шатонами, продѣтыми въ маленькія розоватыя уши, сидѣла молодая черноглазая женщина, весьма, дѣйствительно, „эффектная“ своею яркою, вызывающею красотой. Напереди, рядомъ съ нею, помѣщалась какая-то выцвѣтшая особа, по всѣмъ признакамъ компаніонка или бѣдная родственница. Дверь ложи постоянно отворялась, впуская и выпуская антрактовыхъ посѣтителей, преимущественно изъ военной молодежи, обмѣнивавшихся съ красавицей очень веселыми очевидно рѣчами, судя по тому, что она то-и-дѣло прикрывала большимъ, отороченнымъ бѣлыми перьями, вѣеромъ свои алыя, широко раскрывшіяся отъ смѣха губы.

— Est-ce qu'elle va au bal? все такъ же шопотомъ спросилъ адъютантъ не то насмѣшливымъ, не то недоумѣвающимъ тономъ, разсматривая издали роскошный туалетъ госпожи Ранцовой. Онъ разумѣлъ, само собою, балъ у княгини Краснорѣцкой, куда ѣхалъ самъ „et tout le monde élégant“.

Вопросъ этотъ, повидимому, былъ не пріятенъ Троекурову; онъ сдвинулъ брови и дернулъ плечомъ:

— Поди, спроси ее. Я почемъ знаю.

И вдругъ глаза его блеснули, — блеснули живымъ, молодымъ блескомъ, странно противорѣчившимъ общему характеру его усталаго облика. Они наткнулись случайно на бинокль, упорно направленный на него изъ ближайшей къ ложѣ г-жи Ранцовой, крайней ко входу въ кресла, ложи. Держала его обнаженная, мясистая женская рука, а надъ нимъ красовалась нарядная кружевная наколка съ желтыми цвѣтами на темныхъ съ просѣдью волосахъ. Рядомъ съ владѣлицей бинокля сидѣла другая женская молодая особа...

Адъютантъ, остановившійся подлѣ Троекурова—звали его барономъ Грюнштейномъ, — продолжалъ допрашивать его между тѣмъ:

— А ты самъ будешь?

— Гдѣ? нетерпѣливо проговорилъ Кавказецъ.

— На балѣ.

— А я тебѣ тамъ очень нуженъ?

Грюнштейнъ засмѣялся и пошелъ.

„Это онѣ“, говорилъ себѣ мысленно Троекуровъ... Онъ задумался на мгновеніе и двинулся затѣмъ съ мѣста вслѣдъ за толпой, валившею изъ креселъ къ выходамъ на время антракта.

Онъ намѣревался зайти къ красавицѣ въ пунцовой мантильѣ. „Оттуда можно видѣть вблизи“... неопредѣленно, не договаривая себѣ самому мысли своей, думалъ онъ.

До него донесся по пути разговоръ двухъ юныхъ конногвардейцевъ, остановившихся на мгновеніе въ проходѣ и глядѣвшихъ на ту же, ближайшую къ ложѣ г-жи Ранцовой, ложу, на которой сосредоточено было все вниманіе самого его, Троекурова.

— Какъ хороша, видишь! говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Прелесть! Я ее видѣлъ въ Москвѣ; это сестра Сережи Лукоянова, кавалергарда...

И ему вдругъ стало досадно до злости за эти слова, за то, что эти „молокососы“ знали *ее*, смѣли говорить о *ней*, любоваться *ея* красотой...

А бинокль изъ той ложи продолжалъ все такъ же не

отрываться отъ него... „Странно!“ думалъ на-ходу Троекуровъ, слѣдившій за нимъ, въ свою очередь.

Въ ложѣ г-жи Ранцовой сидѣли двое молодыхъ людей: нѣкто Хазаровъ, изъ недавнихъ правовѣдовъ, бѣлокурый, низенькій господинъ, съ плоскимъ, нагловатымъ лицомъ, и такой же низенькій, еще безусый лейбъ-гусарскій корнетъ, крѣпышъ на пѣтушьихъ ногахъ, отличавшійся совершенно купеческимъ пошибомъ физіономіи, хотя и носилъ одну изъ древнѣйшихъ фамилій Россіи и состоялъ даже ея послѣднимъ представителемъ, князь Шастуновъ. Обоихъ ихъ словно передернуло при входѣ Троекурова. Хазаровъ, сидѣвшій подлѣ хозяйки, тутъ же всталъ, пожалъ ей руку и, склонившись внимательнымъ, какъ бы робкимъ поклономъ предъ вошедшимъ, вышелъ изъ ложи. Гусаръ, помѣщавшійся за спиной компаніонки, поклонился также учтиво и поспѣшилъ откинуть въ спинку стула свой не по лѣтамъ развитый торсъ, перевалившійся было къ самымъ колѣнямъ черноокой красавицы.

Кавказецъ медленно опустился на мѣсто, оставленное Хазаровымъ, и подалъ ей руку.

Она глянула ему прямо въ глаза:

— Зачѣмъ не пріѣхали обѣдать сегодня?

— Не могъ; я обѣдалъ у Свистунова.

— Bon dîner au moins?

— Détestable! разсѣянно отвѣчалъ онъ, не глядя на нее.

Досадливое выраженіе пробѣжало по ея лицу. Она обратилась къ Шастунову:

— Такъ что же, князь? Это очень интересно.

Онъ принялся сообщать ей какую-то городскую новость.

Говорилъ онъ, что называется, *нудно*, словно жернова ворочалъ, съ какою-то внушительною интонаціей въ голосѣ, какъ говорятъ вообще тупые и притомъ самодовольные люди. У Троекурова подымалась желчь отъ тягучихъ звуковъ этого голоса, отъ вида этой „иньйобильной“ наружности.

Онъ закусилъ усъ и закинулъ голову себѣ за плечо.

Словно только и ждала она этого, владѣлица бинокля,

сидѣвшая въ сосѣдней ложѣ, торопливо закивала ему головой самымъ привѣтливымъ образомъ.

Онъ отвѣчалъ на это почтительнымъ, чуть-чуть удивленнымъ поклономъ.

Она потянулась къ нему съ мѣста и изъ-за спины дочери — занимавшая рядомъ съ нею кресло напереди ложи молодая особа была ея дочь, Александра Павловна Лукоянова, — спросила его:

— Какъ же это вы здѣсь, а не въ Москвѣ?

Онъ съ величайшимъ изумленіемъ взглянулъ на нее:

— А почему это мнѣ надо быть въ Москвѣ?

— Развѣ вы ничего не знаете? видимо изумилась она, въ свою очередь.

— Ровно ничего! отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Такъ зайдите къ намъ сюда, я вамъ разскажу, поспѣшно молвила она.

Онъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и поднялся со стула.

— Кто это? какъ бы испуганно проговорила ему на ухо, прежде чѣмъ онъ успѣлъ встать на ноги, красавица Ранцова, не проронившая ни слова изъ предыдущаго разговора.

— Вы ихъ не знаете, коротко отвѣтилъ онъ на это, пожалъ ей еще разъ руку и вышелъ.

Добродушное, нѣсколько массивное, но хранившее слѣды несомнѣнной красоты лицо госпожи Лукояновой выражало необычайное оживленіе. То, что она собиралась сообщить Троекурову, имѣло, очевидно, въ ея понятіи крайнюю важность для него. Едва успѣлъ онъ переступить черезъ порогъ ложи, какъ она усадила его въ темный ея уголъ, и сама близко подсѣла къ нему, прикрывъ на половину его колѣни своимъ огромнымъ нескладнымъ кринолиномъ, съ которымъ она ни какъ не умѣла справиться.

— Такъ вы рѣшительно ничего не знаете? начала она.

— Про что? я васъ не понимаю, все съ тѣмъ же изумленіемъ проговорилъ онъ.

— Про дядю вашего, Острожѣнко?...

— Что мнѣ про него знать! отвѣчалъ онъ, нахмурясь.

Московская барыня положила свою руку на его руку.

— Простите ему по-христіански, monsieur Троекуровъ, молвила она, сжимая ему пальцы,—въ эту минуту его, вѣроятно, уже на свѣтѣ нѣтъ.

— Что вы говорите!...

— Не мудрено; въ его годы такая потеря, продолжала она,—вѣдь подумайте, единственный сынъ!...

— Какъ сынъ? чуть не крикнулъ Троекуровъ.

— Ахъ, Боже мой, заспѣшила она,—я все забываю, что мы въ Петербургѣ и что ничего еще не дошло до васъ... У насъ въ Москвѣ успѣли объ этомъ во всѣ колокола перезвонить. Да и какой же случай ужасный!... На прошлой недѣлѣ, въ четвергъ.... да именно, въ прошлый четвергъ утромъ, выѣхалъ двоюродный вашъ братъ Иванъ Акимовичъ въ саняхъ прогуляться.... Вы знаете, онъ лошадникъ былъ страстный, только вѣдь и занятія было у него, такъ хотѣлъ, говорятъ, новаго рысака объѣхать.... тысячи двѣ, говорятъ, заплатилъ онъ за него Воейкову. Вотъ, ѣдетъ онъ по Арбату, вдругъ изъ Денежнаго переулка, на перерѣзъ ему, выѣзжаетъ гремя какая-то пустая бочка. Лошадь испугалась, закинула, да съ Арбата понесла вправо къ Подновинскому. На поворотѣ Иванъ Акимовичъ изъ саней вылетѣлъ, да такъ несчастливо, теменемъ прямо о тумбу... Принесли его домой безъ чувствъ—и двухъ часовъ не прожилъ.... А въ ту же ночь со старикомъ ударъ.... Вчера предъ самымъ моимъ отъѣздомъ заѣзжалъ ко мнѣ прямо отъ него Варвинскій, онъ отходилъ....

Она остановилась и пристально глянула въ глаза молодому человѣку.

— А вы вчера изъ Москвы уѣхали? проговорилъ онъ почти безсознательно. Что-то еще темное, странное шевелилось въ глубинѣ его души.... Онъ перевелъ глаза на молодую дѣвушку. Она сидѣла къ нему профилью, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ нарцисовъ, съ низко опущенною къ затылку, по модѣ того времени, огромною косой, черною съ синеватымъ отливомъ, какъ крыло ворона. Онъ глядѣлъ на эту великолѣпную косу и на эти нарцисы, на длинную, лоснящуюся пуховую кисть ея бѣлаго бурнуса, закинувшуюся за спинку ея стула;

онъ любовался художническимъ любованіемъ безупречнымъ тонкимъ очеркомъ ея носа, брови и подбородка, и чувствовалъ, что то, что копошилось теперь внутри его, имѣло какъ будто прямое отношеніе къ ней, къ этой безмолвно сидѣвшей тутъ молодой особѣ съ ея строгими чертами и вдумчивымъ взглядомъ большихъ темныхъ глазъ, какъ у Гомеровской „волоокой Геры“...

А мать ея объясняла ему между тѣмъ:

— Вчера уѣхали, а сегодня, вообразите, на балѣ въ Петербургѣ, dans le grand monde, у Краснорѣцкой!... Мы съ нею въ родствѣ считаемся, но мнѣ въ голову бы не пришло напрашиваться къ ней, да еще въ самый день пріѣзда. Все это мой Сережа бѣдовый!... Онъ тамъ вѣдь свой. На желѣзной дорогѣ, вообразите, встрѣтилъ насъ съ пригласительнымъ билетомъ въ рукѣ: „Княгиня, молъ, проситъ, требуетъ, чтобы вы Сашу непремѣнно привезли къ ней сегодня, что Дворъ будетъ, что ей лучшаго случая не представится вашъ здѣшній бомондъ увидать...“ — Помилуй, говорю, Сережа, я всего на три дня пріѣхала, собственно для тебя, говорю, налегкѣ; у Саши съ собою ни одного бальнаго платья нѣтъ. А онъ мнѣ на это: „Не безпокойтесь, говоритъ, maman: платье давно ждетъ у Andrieux; княгиня, говоритъ, сама заказывала...“ И вообразите, дѣйствительно, въ два часа принесли къ намъ— мы у Сережи остановились,—принесли платье, точно по ней сшито... Какъ по васъ, авантажна она? нежданно спросила московская маменька;—повернись, Саша!

Она обернулась, приподымая навстрѣчу его жадному взгляду свои длинныя рѣсницы...

Онъ низко поклонился ей.

— Зачѣмъ спрашивать! учтиво отвѣчалъ онъ ея матери, но въ этомъ банальномъ отвѣтѣ зазвучало повидимому что-то, заставившее дѣвушку всю зардѣться, и она, поспѣшно прикрывъ глаза биноклемъ, направила его безцѣльно вдаль... Рука ея слегка дрожала...

— А вы на балѣ будете? спросила его госпожа Лукоянова, улыбаясь замѣтно довольною улыбкой.

— Н-нѣтъ, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— Жаль, Сашинаго дебюта не увидите, даже слегка вздохнула она.

Троекуровъ пристально и пытливо взглянулъ ей въ лицо...

Она очевидно смутилась, нѣсколько отодвинулась отъ него со своимъ мятежнымъ кринолиномъ и принялась обмахиваться вѣеромъ.

— Я думаю, васъ очень удивило, поспѣшила заговорить она,—что я васъ такъ безцеремонно пригласила сюда; но я думала, что вамъ будетъ интересно...

Она не досказала, замѣтивъ любопытный взглядъ обернувшейся въ ея сторону въ-полоборота красивой сосѣдки ея по ложѣ.

— Скажите пожалуйста, кто эта jolie femme, тихо спросила она Троекурова,—у которой вы сейчасъ сидѣли?

— Ее зовутъ Ольга Елпидифоровна Ранцова, промолвилъ онъ протяжно.

Московская барыня чуть не крикнула:

— Ахъ, Боже мой, такъ это она, скажите! Рожденная Акулина? Я про нее такъ много слышала... Отецъ ея вѣдь частный приставъ былъ; rien de plus, добавила она, наклоняясь уже къ самому уху Троекурова,—а она... Мужъ ея камеръ-юнкеръ, да?... И скажите, ее у васъ здѣсь всюду принимаютъ? У нея туалетъ такой восхитительный; вѣрно также къ Краснорѣцкой ѣдетъ?

— Право, не знаю, сухо отвѣчалъ Кавказецъ.

А госпожа Лукоянова продолжала тараторить тѣмъ же шопотомъ:

Онъ, Ранцовъ, вѣдь совсѣмъ du prostoï, говорятъ, темный армеецъ какой-то былъ, и вдругъ нечаянно наслѣдство большое получилъ, я знаю. Но они, я слышала, чуть ужь не совсѣмъ промотали его теперь... Какіе у нея шатоны, прелесть! Вѣдь это тысячъ десять должно стоить!... И она у васъ въ большой модѣ, кажется? Что молодежи перебывало у нея въ ложѣ! Видно, кокетка страшная, mais très, très jolie femme, надо правду сказать; даже смотрѣть на нее пріятно... И вы ужь тутъ, навѣрно, пропадаете? фамиліарно и какъ бы съ какою-то тайною боязнью домолвила она.

Онъ молча пожалъ плечами.

Она замѣтила его недовольный, омрачившійся видъ и, со свойственною ей торопливостью, вернулась къ первоначальному предмету ихъ разговора:

— Когда же вы къ намъ, въ Москву, monsieur Троекуровъ?

— Въ Москву? повторилъ онъ, какъ бы думая о другомъ.

— Ну, да, засмѣялась она;—да вы, кажется, мимо ушей пропустили все, что̀ я вамъ передавала? Подумайте же, Акимъ Ивановичъ Острожѐнко родной вамъ дядя по матери, а за смертью сына его, Ивана Акимовича, вы его прямой, законный наслѣдникъ,—имѣніе вѣдь все родовое. Положимъ, старикъ упрямъ,—и злопамятливъ былъ онъ, не тѣмъ будь помянутъ,—положимъ, онъ бы, на зло вамъ, могъ имѣніе все свое продать и деньги по монастырямъ разсо̀вать. Такъ вѣдь онъ объ этомъ подумать не успѣлъ, какъ его самого... прихлопнуло... Этимъ вѣдь нельзя шутить, monsieur Троекуровъ, уже захлебываясь отъ волненія, восклицала г-жа Лукоянова;—вѣдь это три тысячи душъ въ двухъ губерніяхъ, незаложенныя, и какого имѣнія! Въ одной межѣ, что̀ земли, говорятъ! И денегъ куча у старика въ опекунскомъ совѣтѣ,—я навѣрное знаю!... Вамъ надо скорѣе, завтра же летѣть въ Москву... Я бы на вашемъ мѣстѣ взяла экстренный поѣздъ,—ну, пятьсотъ рублей бросите, вы теперь можете себѣ это позволить!...

Онъ слушалъ эти спѣшныя до комизма рѣчи, эти въ перегонку бѣжавшія одно за другимъ слова, и только теперь, какъ изъ тумана, стало выдвигаться предъ нимъ ясное представленіе того, чего-то невѣроятнаго, невозможнаго, что̀ совершалось въ его судьбѣ. Онъ снова богатъ, вдвое богаче, чѣмъ былъ когда-то прежде;—и отъ кого же валится ему въ руки это богатство? Отъ людей, которые при жизни съ радостью увидали бы его умирающимъ съ голоду предъ ихъ окнами. А вѣсть объ этомъ приноситъ ему эта вальяжная и добродушная московская маменька, которая еще такъ недавно оберегала отъ него дочь свою, какъ отъ чумы... „Ужь не сплю-ли я?“ проносилось въ головѣ Троекурова,—„все это

похоже на сонъ, на сказку изъ *Тысячи и одной ночи*"... Онъ отвелъ глаза отъ своей собесѣдницы и устремилъ ихъ въ залу... Нѣтъ, онъ не спалъ: толпа приливала изъ выходовъ, возвращаясь на свои мѣста, и все тотъ же важный, видный генералъ въ алмазахъ, обернувшись спиной къ сценѣ, туго поворачивалъ голову, отвѣчая снисходительно на заискивающія рѣчи вившагося вокругъ него необыкновенно приличнаго и прилизаннаго адъютанта, котораго звали барономъ Грюнштейномъ; тотъ же отставной откупщикъ Гусинъ, изъ іерусалимскихъ дворянъ, котораго еженедѣльно въ то время продергивали каррикатуры сатирическихъ листковъ, шушукалъ озабоченно съ сосѣдомъ своимъ, вертлявымъ французомъ, поучавшимъ его за большія деньги хорошимъ манерамъ, — увѣряли тѣ же газетные зубоскалы; а тамъ, какъ разъ насупротивъ ложи Лукояновыхъ, въ ближайшемъ ко входу бенуарѣ съ правой стороны, все тѣ же, извѣстныя всему Петербургу, Берта и Клемансъ выкладывали какъ на блюдѣ свои оголенныя красы, которыя такъ и пожиралъ сквозь золотую одноглазку, остановившійся въ проходѣ, не менѣе тогда извѣстный Петербургу своимъ цинизмомъ и служебнымъ вліяніемъ, *статскій генералъ* Прытковъ... Нѣтъ не спалъ нашъ герой...

— Такъ когда же вы ѣдете? спрашивала его тѣмъ временемъ г-жа Лукоянова.

Онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

— А сами вы когда думаете? молвилъ онъ, вмѣсто отвѣта, еще разъ пристально взглянувъ ей въ глаза.

Она еще разъ какъ бы сконфузилась, заиграла вѣеромъ и проговорила, насколько могла равнодушнѣе, будто не придавая никакого значенія тому прямому указанію, какое давала она этими словами Троекурову:

— Мы пріѣхали сюда для Сережи, на самый короткій срокъ, и думали уѣхать черезъ три дня, въ четвергъ, съ двухчасовымъ поѣздомъ...

Кавказецъ чуть-чуть кивнулъ головой, всталъ съ мѣста и изъ темнаго угла пересѣлъ по другую сторону ложи на стулъ, стоявшій за спиной дѣвушки.

— Такъ вы сегодня въ свѣтъ, на балъ, Александра Павловна? молвилъ онъ, чуть-чуть нагибаясь къ ней,—и рады?

— Везутъ, равнодушно пожимая плечомъ, проговорила она.

— А если бы не везли? спросилъ онъ смѣясь.

— Она никуда бы ногой, отвѣчала за нее мать съ оттѣнкомъ упрека, усаживаясь въ свое кресло напереди ложи.

— И правда! молвила дѣвушка, не оборачиваясь, и медленно кивнула головой впередъ, причемъ, подъ низко опущенною косой ея, въ глаза молодаго человѣка метнулся на мигъ очеркъ ея матовой, словно изваянной шеи.

— А что, сказала г-жа Лукоянова, улыбнувшись,—если бы на твоемъ мѣстѣ была теперь Кира?...

— Кира? съ удивленіемъ повторилъ Троекуровъ.

— Племянница моя, княжна Кубенская, объяснила она.

— Какое необыкновенное имя!

— Она вся у насъ необыкновенная, какъ бы невольно сорвалось съ языка московской барыни, и она поспѣшила примолвить со смѣхомъ:—это чудакъ братъ мой покойный выискалъ; Кира по-гречески, говорятъ, значитъ *госпожа*, такъ онъ этимъ смысломъ плѣнился и окрестилъ ее нарочно...

Дверь ложи отворилась и въ нее вошелъ красивый, похожій лицомъ на Александру Павловну, невысокаго роста, но прекрасно сложенный молодой человѣкъ, въ кавалергардскомъ мундирѣ. Онъ замѣтно удивился, увидавъ Троекурова, но также замѣтно поборолъ тутъ же это первое впечатлѣніе и, пожавъ ему дружелюбно руку, сѣлъ подлѣ матери и сталъ шептать ей что-то на ухо.

На лицѣ ея изобразилось безпокойство.

— Саша, громко заговорила она,—вотъ Сережа говоритъ, что намъ надо пораньше собраться къ Краснорѣцкой, прежде чѣмъ нахлынутъ. Дворъ никогда, говорятъ, не пріѣзжаетъ позднѣе половины одиннадцатаго,—такъ чтобъ успѣла княгиня заранѣе повидать тебя и переговорить, объяснила все также громко откровенная московская дама, къ большому, повидимому, неудовольствію ея сына, нетерпѣливо покусывавшаго тоненькіе свои усы и нѣсколько смущенно поглядывавшаго на Троекурова изъ-подъ нахмуренныхъ бровей.

— Vous voilà prévenues, mesdames, сказалъ онъ, вставая.— Alexandrine, я тебя буду ждать тамъ на лѣстницѣ съ букетомъ, un bouquet de narcisses blancs, ma chère, analogue à la coiffure... На счетъ кавалеровъ не безпокойся,—можешь заранѣе записать на вѣерѣ весь нашъ полкъ по старшинству... Онъ улыбнулся, подалъ еще разъ руку Кавказцу и вышелъ.

— Милъ, что̀ говорить, милъ! только-что затворилась за нимъ дверь, принялась восхищаться его мать, перегибаясь къ Троекурову,—любезенъ,. уменъ, находчивъ! Отъ него всѣ дамы здѣшнія безъ ума. А ужь какъ о насъ, о сестрѣ заботится! Обо всемъ подумаетъ, все предвидитъ, устроитъ,— вотъ вы слышали сейчасъ... Одно горе, вздохнула вдругъ она, до̀рогъ, очень до̀рогъ обходится...

— До̀рогъ? не могъ не разсмѣяться Троекуровъ.

— Три тысячи вотъ теперь, въ этотъ пріѣздъ, привезла, долги заплатить... Въ прошломъ году пять уплатила,—все-таки меньше. И за то спасибо! Конечно, молодъ и въ такомъ полку служитъ... Да и соблазну что̀ въ вашемъ Вавилонѣ!... А который часъ?

— Безъ четверти десять, сказалъ Троекуровъ, вынимая часы.

— Ахъ, Боже мой! Пора... пока доѣдемъ... До свиданія, monsieur Троекуровъ, enchantée de vous avoir vu... Собирайся, Саша!

— Я готова, maman...

Она поспѣшила встать, обернулась спиной къ залѣ... и молодаго человѣка такъ и обдало лучами безконечной нѣжности, лившимися изъ ея широко устремившихся на него глазъ. Она не слышала разговора матери съ нимъ, но изъ звука ихъ голосовъ, изъ того, что мать пригласила его въ ложу, изъ ея какой-то теперь торжествующей улыбки, дѣвушка поняла, что судьба ея рѣшена, что въ углу этой петербургской ложи совершилось то, о чемъ она въ Москвѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ со слезами и тревогой въ сердцѣ молилась по ночамъ въ своей дѣвической комнатѣ предъ родовою иконой Божіей Матери Нечаянной Радости, которою, умирая, благословила ее бабушка, княгиня Кубенская,—и на полномъ просторѣ взглянула она теперь въ лицо любимому человѣку,

вознаграждая себя однимъ этимъ взглядомъ за всѣ тѣ дни мученія и сомнѣній...

Госпожа Лукоянова, забирая мятежный кринолинъ свой обѣими руками, пропустила сначала его, а затѣмъ вышла сама изъ ложи. Александра Павловна медленно слѣдовала за нею.

Троекуровъ не выдержалъ: у самой двери онъ быстрымъ движеніемъ руки коснулся пальцевъ дѣвушки и проговорилъ чуть слышно:

— Вы та же все?

— Зачѣмъ спрашивать? громко, со всею дерзостью счастія, повторила она его отвѣтъ матери о ней и прошла въ корридоръ.

Онъ готовился выйти за нею, когда услыхалъ за собою голосъ, звавшій его по имени.

Онъ обернулся.

Перегнувшись всѣмъ плечомъ черезъ барьеръ, отдѣлявшій ея ложу отъ опустѣвшей ложи Лукояновыхъ, сверкая гнѣвными глазами, звала его Ольга Елпидифоровна Ранцова:

— Борисъ Васильичъ, deux mots!

Гусаръ Шастуновъ все еще сидѣлъ у нея, и Троекуровъ поймалъ на-лету полный затаенной ненависти взглядъ, какимъ глядѣлъ на него этотъ „пузырь“.

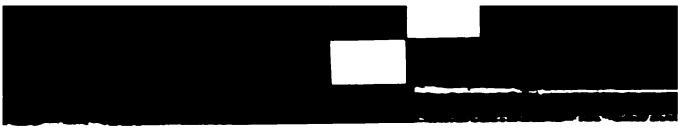
Невольная усмѣшка пробѣжала у него по губамъ. Онъ вернулся отъ двери и низко наклонился къ красивой барынѣ.

— Я ѣду сейчасъ домой и *требую*, чтобы вы пріѣхали! быстро и рѣшительно прошептала она ему на ухо.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ онъ вслухъ веселымъ тономъ и вышелъ.

Онъ добылъ свою шинель и успѣлъ достать московскихъ своихъ знакомыхъ довольно во-время, чтобы раскланяться съ ними на подъѣздѣ театра.

Здоровый выѣздной въ кавалергардской ливреѣ захлопнулъ дверцы ихъ кареты и, проворно вскочивъ на возлы, крикнулъ: „пошелъ“. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ окно экипажа, сквозь которое нашъ Кавказецъ могъ различить еще на мигъ бѣлый вѣнокъ на головѣ дѣвушки и руку въ перчаткѣ, быстро протиравшую платкомъ запотѣвшее стекло...



II.

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ списокъ.
Пушкинъ.

Троекуровъ очутился одинъ на улицѣ. Извощики, будто стая сѣрыхъ волковъ, облѣпили его со всѣхъ сторонъ, голося зычно и разомъ и подталкивая свои сани прямо ему подъ ноги. Онъ не взялъ извощика и пошелъ пѣшкомъ, шагая по камнямъ и снѣгу, не разбирая ихъ. Свистящій, порывистый вѣтеръ срывалъ ему высокую папаху съ головы; мерзлые хлопья залѣпляли ему глаза, но онъ какъ бы ничего не замѣчалъ, не чувствовалъ. Подъ гулъ и свистъ сѣверной метели „горацiанскiя розы", какъ сказалъ бы пріятель его меломанъ, разцвѣтали на душѣ его.

„Non parlar di lei che adoro,
Non parlar..."

запѣлъ онъ вдругъ громко, стараясь дотянуть уже охрипшимъ голосомъ до высокихъ фальцетныхъ нотъ Калцолари и смѣясь тому, какъ это у него скверно выходило... Онъ чувствовалъ какую-то потребность насмѣшки надъ собою: ему было совѣстно, чуть не стыдно за то ликующее настроеніе, которое уносило его, помимо воли, въ „какую-то нѣмецкую лазурь неба", говорилъ онъ себѣ съ напускною презрительностью. Онъ такъ давно отвыкъ отъ этого, ото всего, что̀ походило на „радость жизни"... Онъ старался наладить себя на спокойное, объективное отношеніе къ тому, что̀ произошло съ

нимъ... Эта встрѣча съ *ними*, наслѣдство Острожѣнковъ, — да, это, дѣйствительно, похоже все на какую-то волшебную сказку. Воспоминанія, образы тѣсною и шумною толпой проносились предъ нимъ,—безпутные годы молодости, *прожиганіе* жизни, на которое ухлопалъ онъ въ пять, шесть лѣтъ состояніе, тысячъ въ сорокъ дохода, оставленное ему строгимъ сановнымъ отцомъ: *парадёры*, скаковыя лошади, пари, товарищескія оргіи, Француженки, банкометъ Бачмановъ, маневры Краснаго Села, *Минерашки*, эта черноглазая Ранцова, изъ-за которой онъ безумно дрался съ лучшимъ своимъ другомъ... И все это вдругъ какъ бы отрѣзано разомъ,—перемѣна декорацій: темный армейскій полкъ, куда переведенъ онъ былъ за дуэль, война, шесть мѣсяцевъ на Севастопольскихъ бастіонахъ, лишенія, кровь, стоны, тупая смерть, разгромъ цѣлаго строя понятій, преданій, вѣрованій... Тамъ, въ этихъ развалинахъ, въ госпиталѣ, куда тяжело раненаго отвезли его послѣ Черной, о многомъ научился думать бывшій пажъ и конногвардеецъ; тамъ, вмѣстѣ съ изгнившимъ, въ клочья порваннымъ въ траншеяхъ старымъ бѣльемъ своимъ, оставилъ онъ навсегда прежняго *петербургскаго* человѣка. Онъ вспоминалъ тѣ дни мучительныхъ вопросовъ, унынія, дни глубокаго иной разъ внутренняго ожесточенія... Онъ не захотѣлъ вернуться въ гвардію, куда „за отличное мужество“ переводили его вновь по окончаніи войны, отклонилъ предложенное ему мѣсто адъютанта у высокопоставленнаго лица. Онъ былъ въ такомъ *стихѣ* тогда, что *карьера* представлялась ему чѣмъ-то незаконнымъ, почти преступнымъ. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Севастополя, были слишкомъ живучи, слишкомъ болѣзненны: ему хотѣлось далекой, безвѣстной, дикой жизни, пустыни и одиночества. Онъ попросился въ ряды той же „темной арміи“, на Кавказъ...

Онъ былъ тамъ раненъ опять въ экспедиціи. Чуть живого довезли его въ мѣсто расположенія баталіона, которымъ онъ командовалъ въ Дагестанѣ. Онъ лежалъ въ темной, сырой саклѣ, страдая и раной, и невыносимою тоской того одиночества, въ которомъ годъ тому назадъ чаялъ вкусить „забытья и покоя“, когда нежданно получилъ письмо... Стран-

ное впечатлѣніе произвело оно на него... Писала ему одна московская его кузина, княжна Женни Карнаухова, дѣвица лѣтъ тридцати съ хвостикомъ, состоявшая другомъ всего міра и по этому случаю переписывавшаяся со всѣмъ міромъ. Къ нашему Кавказцу, въ его качествѣ „героя“, она питала особенную благосклонность и, узнавъ, что онъ раненъ, поспѣшила отправить ему посланіе, полное христіанскихъ утѣшеній, изложенныхъ на безподобнѣйшемъ французскомъ языкѣ, и всевозможныхъ московскихъ вѣстей и сплетокъ, имѣвшихъ въ ея понятіи служить той же христіанской цѣли: „apporter un peu de distraction au pauvre blessé...“ „Votre état éveille ici des sympathies générales“, писала она между прочимъ: „я узнала даже une chose qui m'a fort touché: прелестная дѣвочка, Сашенька Лукоянова (она даже въ свѣтъ еще не ѣздитъ), которую ты видѣлъ у насъ, ходитъ каждый день со своею няней, sous prétexte de promenade, съ Арбата къ Спасскимъ воротамъ, ставить Спасителю свѣчку о твоемъ выздоровленіи...“

Бываютъ нежданныя, рѣшающія минуты въ жизни... Троекурову показалось, что въ эту грязную, мрачную его саклю, гдѣ ожидалъ онъ умереть забытымъ, „какъ Робинзонъ на своемъ островѣ“, ворвался вдругъ золотой лучъ солнца и все пригрѣлъ и освѣтилъ собою, и принесъ ему жизнь, счастіе, воскресеніе... А между тѣмъ онъ съ трудомъ въ первую минуту могъ вызвать въ памяти образъ той, о комъ писала Женни... Дѣйствительно, онъ видѣлъ ее у Карнауховыхъ, въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ, по заключеніи мира, устраивать дѣла свои съ кредиторами (и, само собою, ничего не устроилъ). Онъ пріѣхалъ туда однажды вечеромъ, засталъ много гостей; Женни посадила его въ кружокъ дѣвушекъ, пріятельницъ своихъ, и заставила разсказывать „о войнѣ“. Ему было досадно сначала, но на него глядѣли всѣ эти молодыя лица такъ жадно, такъ восторженно и такъ сочувственно, что онъ увлекся подъ конецъ, заговорилъ горячо, сердечно... Онъ вспомнилъ теперь, что замѣтилъ ее тогда: внимательные большіе черные глаза, матовая блѣдность лица, великолѣпные волосы, словно подавлявшіе ея небольшую правильную головку...

Она была моложе всѣхъ въ этомъ кружкѣ, почти еще ребенокъ, видимо робѣла и не проговорила слова во весь вечеръ... И она каждый день теперь ходитъ „ставить свѣчку Спасителю за его исцѣленіе“. „Она будетъ моею женой“! сказалъ себѣ нежданно, съ какою-то безповоротною твердостью Троекуровъ.

Онъ какъ-то очень быстро выздоровѣлъ послѣ этого письма и зимою былъ въ Москвѣ. Женни Карнаухова, не смотря на свой тридцатилѣтній возрастъ даже, подпрыгнула отъ радости, узнавъ, что онъ „интересуется“ Сашенькой Лукояновой, обѣщала ему „все, все устроить“ и, дѣйствительно, устроила дѣвичій вечеръ, какъ въ позапрошломъ году, на который пригласила „дѣвочку“ (ей въ ту пору только-что минуло 17 лѣтъ). Троекурову удалось обмѣняться съ нею тутъ лишь нѣсколькими словами, но въ этихъ словахъ все какъ бы сказано и рѣшено было между ними. Пылкіе комментаріи, которыми сочла нужнымъ украсить ихъ тутъ же Женни, провожая Сашеньку до лѣстницы, когда она уѣзжала домой, ничего не прибавили къ тому, что успѣла прочесть сама дѣвушка въ глазахъ того, кто съ первой минуты ихъ встрѣчи завладѣлъ неотразимо ея молодымъ чувствомъ. Онъ любилъ ее: она это понимала, видѣла, ощущала каждымъ фибромъ своего существа, какъ понимала и то, что онъ со своей стороны „*все* знаетъ о ней“...

Обѣщанное Женни Троекурову *устроеніе* этимъ вечеромъ и покончилось. Она попробовала было *сондировать* мать Сашеньки, Марью Яковлевну Лукоянову, съ которою состояла, какъ „со всею Москвой“, въ величайшей пріязни. Но едва произнесла она имя своего cousin, какъ та замахала своими большими мясистыми руками: „И не говори, ma chère! Мотъ, mauvais sujet, сорви-голова, котораго не сегодня, завтра и совсѣмъ пристрѣлятъ Черкесы,—терпѣть не могу такихъ“! Женни прикусила язычекъ, но догадливая Марья Яковлевна, на основаніи правила „подальше отъ грѣха“, положила тотчасъ же „принять свои мѣры“. Она перестала пускать дочь въ тѣ дома, гдѣ она могла встрѣтить Троекурова, и прежде всего къ Карнауховымъ. Онъ такъ и уѣхалъ обратно на Кав-

казъ, не добившись увидѣть ее еще разъ.. „А все же будетъ она моею женой“! говорилъ онъ себѣ упорно, кривя уста досадливою улыбкой, во все продолженіе пути...

Походъ 1859 года, увѣнчавшійся плѣненіемъ Шамиля, подалъ ему случай отличиться еще разъ. Имя его выдвинулось внезапно впередъ, пріобрѣло боевую извѣстность. Онъ награжденъ былъ Георгіевскимъ крестомъ, произведенъ въ полковники... „Ну, теперь покончено, Кавказъ покоренъ, воевать не съ кѣмъ“, молвилъ онъ себѣ мысленно, „новаго дѣла поневолѣ искать приходится“...

Онъ взялъ годовой отпускъ и уѣхалъ осенью въ Москву. Старички-патріоты Англійскаго клуба приняли его съ особеннымъ почетомъ; компанія *жуеровъ*, во главѣ которой стоялъ извѣстный мастакъ во всѣ игры, добрѣйшій *товарищъ* и перворазрядный питухъ, котораго почему-то звали всѣ—въ переводѣ его русской фамиліи на французскій языкъ—monsieur Lecourt, устроила въ честь его колоссальную жженку и поила его шампанскимъ на смерть каждый разъ, какъ появлялся онъ въ клубѣ. Женни Карнаухова и мать ея, извѣстная княгиня Додо, все еще продолжавшая называть свой салонъ „un petit coin de Pétersbourg transportê à Moscou *), но былой авторитетъ которой уже ни въ грошъ не ставился въ пустѣвшемъ съ каждымъ годомъ московскомъ свѣтѣ, ужасно *мусировали* „les exploits militaires“ ихъ *кузена*. Но сердечныя дѣла его нисколько не подвигались отъ этихъ овацій и выхваленій. Г-жа Лукоянова была женщина практическая, къ „военнымъ подвигамъ“ относилась съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, кѣмъ бы они совершены ни были, и все такъ же говорила о Троекуровѣ, какъ объ „отъявленномъ *мотыгѣ* и *злючкѣ*, которому поставить человѣка на барьеръ все равно, что стаканъ воды выпить, и у котораго, кромѣ долговъ, ничего въ настоящую пору за душой не осталось“. Она, попрежнему, прятала отъ него дочь... Троекурову удалось увидѣть на этотъ разъ Сашеньку совершенно невзначай, на пріемномъ утрѣ у princesse Louise, гдѣ менѣе всего почему-то разсчи-

*) *Четверть вѣка назадъ*. Часть 1-ая.

тинила натолкнуться на него бдительная Марья Яковлевна. Онъ уже сидѣлъ тамъ, когда она вошла съ дочерью; хозяйка, повинуясь обычаю, сочла нужнымъ представить его „незнакомымъ ему дамамъ". Уѣзжать было нельзя сейчасъ, показать себя неучтивою тоже. Марья Яковлевна поклонилась, улыбнулась кислою улыбкой, сѣла и, какъ на иголкахъ, ждала удобной минуты встать и уѣхать... Но, на ея бѣду, часъ еще былъ ранній, кромѣ ея съ дочерью и Троекурова никого не было въ гостиной, и princesse Louise привѣтливо завела съ нею разговоръ, который она, со своей стороны, обязана была поддерживать приличія ради. Тѣмъ временемъ Сашенька успѣла спросить [illegible], надолго-ли онъ въ Москвѣ, и получила въ отвѣтъ, что онъ принужденъ ѣхать на дняхъ въ Петербургъ, но вернется непремѣнно въ теченіе зимы. „Я положилъ себѣ, что вы будете моей женой!" прочла она, въ добавку, въ его глазахъ. „Ничьею, какъ вашею!" отвѣчалъ ему, въ свою очередь, мгновенно загорѣвшійся и такъ же мгновенно отвернувшійся отъ него взглядъ ея... Марья Яковлевна продолжала сидѣть, какъ на иголкахъ, угадывая этотъ новый разговоръ своимъ материнскимъ чутьемъ и не находя никакого средства помѣшать ему. Но вотъ, наконецъ, еще кто-то пріѣхалъ... Она поспѣшно встала, подняла дочь съ мѣста повелительнымъ взглядомъ, распрощалась съ хозяйкой, отвѣтила короткимъ кивкомъ на учтивый поклонъ молодого человѣка и, взглянувъ еще разъ на Сашеньку, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ увѣриться, что та не отстаетъ отъ нея, вышла быстрыми шагами изъ гостиной, словно спасаясь изъ загорѣвшихся хоромъ.

Троекуровъ на другой же день уѣхалъ въ Петербургъ... Онъ еще сразу охватилъ и понялъ старый, знакомый водоворотъ. [illegible] не ждали, онъ [illegible] онъ представлялся въ Царскомъ Селѣ и хотя не сдѣлалъ былъ флигель-адъютантомъ („и не будетъ онъ никогда", предсказывали, на основаніи какихъ-то особыхъ соображеній, компетентные въ этой области вѣдѣнія люди), но принятъ былъ очень милостиво, съ весьма лестными для него словами [illegible]... А главное онъ былъ „интересенъ" и [illegible] — „[illegible]

было даже про него въ одномъ дворцѣ; этого было достаточно, чтобы вознести его сразу на положеніе *льва* начинавшагося петербургскаго сезона. Онъ изнемогалъ подъ бременемъ приглашеній, раздушенныхъ записокъ, „милыхъ упрековъ", званыхъ обѣдовъ, вечеровъ „en petit comité" въ обществѣ „des plus charmantes *mondaines* de Pétersbourg", пьяныхъ ужиновъ въ компаніи всякихъ Бертъ и Клемансъ, и выяснявшагося для него вполнѣ только теперь отчаяннаго положенія его финансовыхъ обстоятельствъ...

Онъ былъ „окончательно нищъ,"—для него уже не оставалось сомнѣній. Не далѣе какъ сегодня утромъ ростовщикъ Розенбаумъ, которому онъ въ теченіе семи, восьми лѣтъ переплатилъ до полутораста тысячъ рублей одними процентами, отказалъ наотрѣзъ переписать его векселя еще на годъ, но въ видѣ утѣшенія пригласилъ къ себѣ на завтракъ съ графомъ Зубрицкимъ, княземъ Щенятевымъ и генераломъ Сергоегорьевскимъ, „моими большими *фаворитами*", тщеславно говорилъ отвратительный жидъ про этихъ неоплатнѣйшихъ изъ его „аристократическихъ" должниковъ. „Этотъ déjeûner des victimes у Розенбаума съ вами,—это послѣдній ударъ, значитъ!" отпустилъ Троекуровъ тутъ же громко за столомъ, къ общему хохоту товарищей своихъ по трапезѣ и „несчастію..."

„И вдругъ это богатство съ неба", воскресало теперь опять въ его мысли, съ усиленнымъ приливомъ крови къ вискамъ, съ какимъ-то сладостнымъ стѣсненіемъ въ груди,—„эта маменька, которая сама гонитъ меня теперь въ Москву..."

— Па-ади! Или не видишь, мазурикъ! облаялъ счастливца, не различивъ за слѣпившею глаза изморозью его военной папахи, надменный кучеръ съ высоты быстро катившей щегольской кареты, подъ колеса которой чуть не попалъ нашъ Кавказецъ, перебѣгая съ тротуара на тротуаръ у Почтамтскаго переулка.

Троекуровъ обернулся и засмѣялся вдругъ неожиданнымъ для него самого смѣхомъ. Онъ узналъ и карету, и кучера...

— Съ *этимъ* надо будетъ теперь же покончить! съ какою-то суровостью проговорилъ онъ себѣ затѣмъ, заворачи-

ваясь плотнѣе въ шинель отъ вѣтра, съ новою силой задувшаго ему въ лицо при поворотѣ въ переулокъ.

Чрезъ пять минутъ онъ входилъ въ широкія сѣни барскаго двухъэтажнаго дома въ Почтамтской.

— Дома Ольга Елпидифоровна? машинально спросилъ онъ, скидывая въ то же время, не ожидая отвѣта, шинель свою на руки толстаго швейцара, двинувшагося ему навстрѣчу.

— Только-что изъ театра изволили вернуться, отвѣчалъ сонnымъ голосомъ тотъ.

Троекуровъ неспѣшными шагами поднялся въ бельэтажъ.

III.

O, femme, femme, sexe faible et décevant, tout animal créé ne peut manquer à son instinct; le tien est-il donc de tromper?

Beaumarchais.

Du, übersinnlicher, sinnlicher Freier,
Ein Weib nasführet dich.

Faust.

Онъ вошелъ въ гостиную.

Это была большая, глубокая, съ тремя окнами на улицу, комната, обтянутая темномалиновымъ атласомъ, на благодарномъ фонѣ котораго особенно ярко и выпукло, при свѣтѣ двухъ зажженныхъ на столахъ высокихъ карселей, выступала позолота панелей и карнизовъ, обтянутой тою же темною матеріей, стиля Louis XV, мебели, рѣзныхъ рамъ кругомъ зеркалъ и картинъ, блестящая бронза люстры, канделябръ и большихъ часовъ Pompadour на каминѣ изъ сѣраго мрамора. Мягкій Обюсоновскій коверъ во всю гостиную выкидывалъ изъ-за ножекъ обильно и безпорядочно разставленныхъ на немъ креселъ и кушетокъ гдѣ листъ, гдѣ розу, гдѣ завитокъ своихъ вычурныхъ разводовъ. Великолѣпное фортепіано Эра, съ развернутою тетрадью оперной партитуры на пульпетѣ, стояло въ углу подъ сѣнью длиннолиственной пальмы. Между окнами, отражаясь въ широкихъ зеркалахъ, подымались горки пестрѣвшихъ въ густой зелени пахучихъ цвѣтовъ. Нѣсколько довольно крупнаго размѣра, но далеко не завидныхъ по живописи, картинъ симметрически развѣшены были по стѣнамъ: дюжинные морскіе виды Айвазовскаго, какая-то

нимфа съ чухонскимъ лицомъ и зеленымъ тѣломъ, копія со злосчастнаго *Поцѣлуя* Моллера, а въ самой серединѣ съ каждой стороны глядящіе другъ на друга черезъ комнату портреты высокопоставленныхъ лицъ, словно пріобрѣтенные изъ какого-нибудь присутственнаго мѣста... Фотографія за то являла здѣсь самые блистательные образчики своихъ преуспѣяній: „карточки-портреты“, большіе и малые, группами и въ одиночку, раскрашенные и „не ретушованные“, на темномъ фонѣ и на свѣтломъ, въ рѣзныхъ и гладкихъ, скромныхъ и цѣнныхъ, картонныхъ, деревянныхъ, бронзовыхъ стальныхъ, филиграновыхъ, плетеныхъ изъ соломы, выклеенныхъ изъ перьевъ, рамкахъ, выглядывали изо всѣхъ угловъ, со столовъ, мольбертовъ, этажерокъ, шкафовъ современной имитаціи стараго Буля, громоздились на мраморѣ камина, на палисандровой поверхности эраровскаго инструмента. Тутъ былъ въ ликахъ, какъ говорится, „весь Петербургъ“ — *мужской* Петербургъ того времени: и Гриша Сѣверовъ, извѣстнѣйшій и популярнѣйшій изъ тогдашнихъ *жуировъ* и покорителей сердецъ, и тогдашній молодой, красивый и изящный петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, и „статскій генералъ“ Прытковъ, и цѣлая семья генералъ-адъютантовъ и свитскихъ генераловъ, мрачныхъ и игривыхъ, то въ регаліяхъ, съ рукою на эфесѣ сабли, то en négligé, верхомъ на стулѣ, съ сигарою въ зубахъ; итальянцы-тенора и секретари посольствъ съ прикрученными въ нитку усами и проборомъ до затылка; надворные и коллежскіе совѣтники морскаго министерства, всѣ до одного готовившіе себя въ тѣ дни на посты министровъ, и даже въ срокъ самый непродолжительный; тоненькіе кавалергарды и пухлые лейбъ-гусары; красавецъ-гимнастъ Леотаръ на своей трапеціи, и рядомъ съ нимъ варшавскій баронъ изъ Евреевъ, прибывшій на берега Невы съ какимъ-то, какъ говорили, необыкновеннымъ финансовымъ проектомъ, имѣвшимъ поступить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но который онъ, какъ „цивилизованный Европеецъ“, полагалъ прежде всего *провести* способомъ не извѣданнымъ еще „дореформенною“ тогда Россіей, а именно чрезъ посредство „вліятельныхъ *дамъ*“... Все это въ перемѣжку съ дорогими бомбоньерами-

ящиками изъ китайскаго лака, слоновой кости, перламутра, оксидированнаго серебра, съ фарфоровыми вазами, расписными вѣерами, саксонскими куклами, яшмовыми чашами, хрустальными флаконами въ оправахъ изъ драгоцѣнныхъ камней, серебряными пепельницами, каррикатурными фигурками изъ гутта-перчи и папье-маше и всякими иными ненужностями самоновѣйшихъ фасоновъ, какъ бы только-что доставленными сюда прямо отъ Кнопа или La Renommée *). Салонъ Ольги Елпидифоровны Ранцовой походилъ на выставку благотворительнаго базара, составленнаго изъ пожертвованій доброхотныхъ дателей. Но это былъ очевидно весьма любимый въ Петербургѣ и многопосѣщаемый салонъ. Мебель хранила явные слѣды многочисленныхъ туловищъ, придавившихъ первоначальную упругость ея пружинъ, напомаженныхъ затылковъ, опиравшихся объ ея мягконабитыя спинки; къ благовонію цвѣтовъ примѣшивался всюду тотъ острый запахъ, который неизбѣжно оставляетъ за собою въ комнатахъ куреніе табаку. Безцеремонный смѣхъ и легкія рѣчи словно струились въ тепличной атмосферѣ этого роскошнаго и безалабернаго покоя...

Троекуровъ, съ легкимъ зѣвкомъ и пожимаясь отъ ощущенія пронизавшаго его на улицѣ холода, опустился на низкое кресло предъ каминомъ, въ которомъ еще вспыхивали синіе огоньки потухавшаго угля, и досталъ портсигаръ изъ-подъ полы своего мундира.

— Вы здѣсь? крикнулъ ему голосъ изъ другой комнаты.

— Да, и смерзъ, отвѣчалъ онъ.

Портьера приподнялась, и въ гостиную торопливо вошла-вбѣжала хозяйка. Она была еще въ своемъ изысканномъ туалетѣ, со своими сверкающими шатонами въ ушахъ и ожерельемъ въ три нитки крупнаго жемчуга на обнаженной, восхитительной шеѣ.

— Что, хорошо, прелестно, какъ вы находите, поступила со мною ваша Краснорѣцкая? воскликнула она сразу, подходя къ самому креслу Троекурова и глядя на него въ упоръ.

---

*) Извѣстные до сихъ поръ магазины на Невскомъ проспектѣ.

Онъ, повидимому, ожидалъ не этого вопроса и слегка усмѣхнулся:

— Прежде всего, почему она „моя?“ сказалъ онъ, учтиво швыряя въ каминъ только что закуренную имъ папироску.

— Разумѣется, *ваша*, вашего монда, вашей crême, пылко вымолвила красавица-барыня, сверкая глазами изъ-подъ сжатыхъ темныхъ бровей,—а я для нея une Dieu sait qui, une madame Rantzoff! Madame Rantzoff, qu'est-ce que c'est! Меня можно только доить какъ корову, деньги съ меня тащить безсовѣстно... Сама скупится, или нѣтъ у нея, а я дала три тысячи „на улучшеніе пищи“ ея школы, и мой мужъ сидитъ теперь третій мѣсяцъ въ деревнѣ и бьется тамъ изъ-за денегъ, а она... Я съ нею въ томъ же совѣтѣ патріотическихъ школъ сижу, и она всѣхъ нашихъ дамъ сегодня пригласила, и даже cette affreuse madame Паульсонъ, которая чужія платья носитъ, — я знаю навѣрное, Сашенька Василинина ей два своихъ подарила, — а меня... Она сочла, съ меня довольно, что она мнѣ карточку забросила: нарочно, гадина этакая, пріѣхала, когда—знала вѣдь!—когда меня дома не бываетъ... Это за мои три тысячи! Un peu cher обходятся ея визиты!.. А Лиза Стародубская, родная ея племянница, еще третьяго дня божилась и клялась, что я непремѣнно, непремѣнно получу приглашеніе... Мерзкія, отвратительныя онѣ всѣ! Подличаютъ, когда нужно имъ что-нибудь, и фыркаютъ, когда... И я очень хорошо понимаю, изъ-за чего не хотятъ онѣ меня всѣ. Потому что ихъ мужьямъ, сыновьямъ и *любовникамъ* — подчеркнула она злобно,—тысячу разъ веселѣе у меня, въ моемъ домѣ, чѣмъ въ ихъ противномъ гранжанрѣ, и онѣ это знаютъ и бѣсятся... И я очень рада, что у нея сегодня будетъ bal manqué,—нежданно добавила Ольга Елпидифоровна, — потому что императрица не поѣдетъ!

— Кто это вамъ сказалъ? тихо и глядя на тлѣющіе угли, спросилъ Троекуровъ.

— Мнѣ говорилъ Петруша Луповъ: онъ вчера дежурный флигель-адъютантъ былъ. Pour sûr не поѣдетъ!

— А я сегодня обѣдалъ у Свистунова съ гофмаршаломъ

Гагинымъ, который былъ *тамъ* сегодня утромъ, — всѣ ѣдутъ, напротивъ, протянулъ Кавказецъ.

Красивая барыня гнѣвнымъ движеніемъ швырнула на каминъ перчатки, которыя держала въ рукѣ, и быстро опустилась въ кресло насупротивъ своего собесѣдника.

— Ну, и поздравляю ее... и васъ! Отправляйтесь и веселитесь!...

— Вы разрѣшаете? промолвилъ онъ съ новою усмѣшкой, выпрямляясь и устремляя на нее глаза.

— Что такое?...

— Ѣхать мнѣ на балъ къ княгинѣ? Вы съ меня требовали слово, и я вамъ далъ его, что я поѣду туда только въ томъ случаѣ, если и вы будете... Но разъ вамъ угодно теперь, чтобъ я „отправился“...

— Ну, конечно, язвительно прервала она его,—вамъ только этого и нужно! Вы меня въ душѣ проклинаете теперь за это данное вами слово, потому что вы умираете, хотите ѣхать туда... Вы думаете, кажется, что я ничего не понимаю, Борисъ Васильевичъ, проговорила она внезапно измѣнившимся тономъ, тономъ мнимаго спокойствія, скрещивая на груди свои полныя, высоко обнаженныя руки съ ямочками на локтяхъ, — вы даже вздумали скрытничать. Это просто смѣшно! Я васъ спрашиваю въ театрѣ, кто эти барыни, къ кому вы ушли отъ меня, и вы принимаете вашъ grand air и отвѣчаете: „вы ихъ не знаете“, и цѣлый часъ шушукаетесь тамъ въ углу съ этою госпожей, которая такъ нахально вытребовала васъ отъ меня. А у меня сидитъ Шастуновъ, который ихъ знаетъ по Москвѣ, и говоритъ мнѣ прямо, кто онѣ. Къ чему же эти тайны, развѣ я не узнаю всегда все, что мнѣ нужно? Но вы сочли лучшимъ принять со мною равнодушный видъ, чтобъ я не обратила вниманія, какъ вы будете разсыпаться съ этою ingénue, у которой глаза, какъ тарелки... Что она очень богата, по крайней мѣрѣ? не выдержавъ, съ новою язвительностью проронила г-жа Ранцова.

Брови Троекурова сжались на мигъ, но онъ, какъ бы сознавая это, провелъ по лицу рукой и совершенно спокойно возразилъ:

— Для чего это вы меня спрашиваете?

— Очень просто, гнѣвно отвѣчала она:—не стали же бы вы, la coqueluche du grand monde, компрометировать себя публично въ театрѣ съ какою-то неизвѣстною московскою колокольней, если-бъ у васъ не были свои какіе-нибудь особенные виды?

— „Виды“ уплатить мои долги приданымъ богатой жены,—такъ вѣдь это? промолвилъ онъ все также хладнокровно.

Она пренебрежительнымъ движеніемъ приподняла плечи:

— Что-жь такое, не вы первый, не вы послѣдній!

— Само собою! засмѣялся онъ, глядя на нее съ какою-то безсознательною жалостью.— И вообразите, я не спрашивалъ и даже весьма склоненъ думать, что тутъ никакого приданаго нѣтъ, или очень мало...

— Онѣ ѣдутъ на этотъ балъ? прервала она его вдругъ.

— Ѣдутъ.

— И вы, если-бъ я сняла съ васъ ваше слово, поскакали бы сейчасъ туда же produire эту интересную безприданницу въ мазуркѣ? Говорите чистосердечно!

— Поѣхалъ бы, Ольга Елпидифоровна, отвѣтилъ онъ серьезнымъ голосомъ, съ поднятыми на нее глазами.

Изъ ея глазъ брызнули мгновенно слезы:

— Вы меня никогда не любили! воскликнула она, поспѣшно доставая изъ кармана кружевной платокъ.

„Вотъ оно когда настоящее-то!“ пронеслось въ мысли Троекурова.

— Я бы могъ, однако, привести вамъ доказательства противнаго, выговорилъ онъ вслухъ, какъ бы вскользь.

— Ахъ, пожалуйста, замахала она на это руками,—знаю наперед, что вы мнѣ можете сказать!... Старая исторія, какъ вы безумствовали изъ-за моей жестокости, всѣхъ ревновали, чуть не убили бѣднаго Ордынцева, который не болѣе васъ тогда былъ dans mes bonnes grâces... Да развѣ это любовь,—настоящая? „То кровь кипитъ, то силъ избытокъ“, какъ сказалъ Лермонтовъ. Каждый новопроизведенный корнетъ и до сихъ поръ считаетъ своимъ долгомъ влюбиться въ меня такъ, какъ вы влюблены были тогда... А вы, хоть и не корнетъ

ужь были, а тотъ же юноша, пылкій, безтолковый, ne sachant rien de la vie...

— И вы тогда надъ этою безтолковостью смѣялись, вырвалось невольно изъ устъ Троекурова,—смѣялись и надо мною, и надъ Ордынцевымъ съ опытнымъ и *толковымъ* графомъ Анисьевымъ?...

Она вся вспыхнула.

— Не напоминайте мнѣ этого имени, я сто разъ вамъ говорила! вскликнула она;—вы знаете, что я никогда его не любила, никогда не былъ онъ моимъ... Этотъ человѣкъ терроризовалъ меня просто: въ первые годы моего замужства онъ забралъ насъ съ мужемъ въ руки и заставилъ буквально плясать по своей дудкѣ. Мы тогда только-что пріѣхали сюда, никому неизвѣстные; надо было устроить себѣ положеніе, отношенія создать... Онъ зналъ, что былъ необходимъ намъ, и пользовался этимъ... Я не скрываю, онъ все сдѣлалъ, чтобъ отдалить меня отъ васъ тогда, онъ пугалъ меня страхомъ потеряться во мнѣніи свѣта... Но къ чему эти ретроспективные упреки,—прервала себя вдругъ она:—мало вамъ того, что теперь, когда мы опять увидѣлись, я, сумасшедшая, имѣла глупость первая на шею къ вамъ кинуться?...

Онъ слушалъ ее, поникнувъ головой, съ учтивою внимательностью, едва скрывавшею выраженіе недовѣрія, которое повидимому внушали ему ея слова. Когда договорила она, онъ, не вставая, пододвинулся къ ней на колесцахъ своего низенькаго кресла, наклонился и захватилъ обѣ ея руки въ свои... Эти теплыя, холеныя руки, проникнутыя тонкимъ, знакомымъ ему, не разъ опьянявшимъ его до экстаза, запахомъ духовъ, такъ и манили прижать ихъ къ горячимъ губамъ. Но онъ воздержался, сжалъ ихъ и, глядя ей глазами въ глаза, проговорилъ съ мягкою насмѣшливостью:

— Упрековъ вы отъ меня никогда не слышали и не услышите, а все же долженъ я сказать вамъ, моя прелесть, что въ то время я васъ, хотя и „безтолково“ пожалуй, но за то и безъ памяти любилъ; вы же „настоящимъ“ образомъ не любили меня ни тогда, ни теперь... да и едва-ли способны такъ любить...

Она съ сердцемъ выдернула у него руки.

— Вотъ какъ!... Что же, вы, можетъ быть, правы, нежданно воскликнула она черезъ мигъ, какъ бы одумавшись,— такъ, по-*настоящему*, безъ оглядки, *васъ* любить я дѣйствительно, можетъ быть, не способна. Для этого, какъ въ музыкѣ, надо быть увѣреннымъ, что втора идетъ за вами вѣрно. А у васъ вѣчно полутономъ выше или ниже звучитъ, потому что вы, какъ Шопенъ, ищете вѣчно какихъ-то неслыханныхъ, неизвѣстныхъ простому человѣчеству звуковъ. Вы та же больная аристократическая натура, только онъ въ музыкѣ, а вы въ жизни.

— Откуда мнѣ сіе, помилуйте! засмѣялся на это Кавказецъ.

— Да, да! воскликнула Ольга Елпидифоровна:—я умна, вы знаете, и вижу людей насквозь. Вы—aristocrate par l'épiderme... Это Montebello про васъ сказалъ, и отлично!... Въ васъ какая-то особенная, обидная утонченность нервовъ, вы способны коробиться и возмущаться отъ того, что проходитъ незамѣченнымъ для девяти десятыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, отъ какого нибудь нечаянно вырвавшагося неудачнаго слова, неловкаго движенія, отъ цвѣта платья, выбраннаго не къ лицу. Вы вѣчно все видите и все судите... Оттого вы и любите—точно снисходите; въ вашей любви вѣчно чувствуется озабоченность брезгливаго человѣка, который, входя въ незнакомый домъ, говоритъ себѣ: какъ бы здѣсь чѣмъ нибудь непріятнымъ не запахло!... Я всегда, съ тѣхъ поръ какъ... какъ мы близки, производила на васъ это впечатлѣніе,—правду я говорю, скажите?... Я всегда была для васъ une fleur trop vulgaire. Въ первые годы молодости вы любили меня, какъ молодой звѣрь. Когда мы встрѣтились опять, вы *позволили* любить себя, какъ позволяетъ какой нибудь пойманный орелъ кормить себя, но съ тѣмъ же затаеннымъ презрѣніемъ и враждою глядитъ на того, кто подаетъ ему пищу...

И, такъ же мгновенно и нежданно, какъ въ первый разъ, мгновенныя и нежданныя для нея самой слезы закапали изъ глазъ красавицы. Она отерла ихъ, уронила руку на колѣни и печально взглянула въ лицо Троекурова.

Онъ медленно закачалъ головой:

— Не справедливо и противорѣчитъ даже тому, что̀ сами вы сказали сейчасъ. Разъ вы находите во мнѣ такую необыкновенную „утонченность нервовъ“, допустите же, что я могу столько же цѣнить и любоваться, сколько „коробиться“ и „возмущаться“, какъ вы сказали. А я увѣряю васъ, что вами я всегда самымъ искреннимъ образомъ любовался... Вы представлялись мнѣ всегда блистательною бабочкой, которая летитъ на все, что̀ свѣтитъ и горитъ... Вы видите даже, какъ я по этому случаю поэтически говорю! добавилъ онъ поспѣшно, какъ бы извиняясь за необычную ему *фразу*.

— Это меня не трогаетъ, полуулыбаясь и приподымая свои великолѣпныя плечи, возразила Ольга Елпидифоровна:— не такіе еще стихи мнѣ писали! Что̀ же дальше?

— А то̀, отвѣчалъ онъ,—что и *вы* любить можете, и *васъ* любить должно въ границѣ этихъ вашихъ инстинктовъ...

— Летѣть на свѣчку?

Онъ съ мягкою улыбкой повелъ утвердительно бровями.

— И вы считаете теперь своимъ долгомъ, иронически засмѣялась она,—свѣчку эту задуть, sous prétexte не дать мнѣ слишкомъ обжечь крылья?

— Безо всякихъ предлоговъ; вы знаете, что я не фатъ, съ преднамѣренною сухостью произнесъ Троекуровъ.

Она остановила на немъ внимательный взглядъ и слегка побѣднѣла.

— А-а, протянула она,—c'est donc la fin?... Вы *этого* хотите?

Онъ поднялся съ мѣста и оперся объ уголъ камина.

— Поневолѣ, учтиво промолвилъ онъ:—я долженъ уѣхать отсюда и, по всей вѣроятности, надолго.

— Куда же это, въ Оренбургъ? спросила она, насколько могла хладнокровно, видимо сдерживая все, что̀ кипѣло у нея внутри:—вчера у меня былъ (она назвала тогдашняго генералъ-губернатора того края); онъ мнѣ говорилъ, что приглашалъ васъ туда, что тамъ готовится какая-то экспедиція въ Среднюю Азію.

— Нѣтъ, медленно проговорилъ Троекуровъ,—довольно

воевать!... Мнѣ, по всей вѣроятности, будутъ предстоять иныя заботы, какъ-то невольно добавилъ онъ къ этому.

— Что такое?... Или это опять тайна?

— Н-нѣтъ... Мнѣ съ неба падаетъ, повидимому, наслѣдство, о которомъ мнѣ и не снилось никогда...

— Какое наслѣдство? вскрикнула она съ тѣмъ женскимъ любопытствомъ, которое у прекраснаго пола не остываетъ и среди самыхъ поглащающихъ тревогъ жизни.

Онъ принужденъ былъ сообщить ей по этому поводу все, что уже извѣстно нашему читателю.

Она слушала, глядя на него взглядомъ, въ которомъ угадывалось, что она вовсе не думала о томъ, о чемъ онъ велъ рѣчь. Какіе-то недобрые огоньки пробѣгали будто при этомъ въ ея зрачкахъ.

— Когда же вы узнали объ этихъ счастливыхъ для васъ смертяхъ? иронически спросила она.

— Сегодня.

— Утромъ?

— Нѣтъ...

— Вамъ это сообщила сейчасъ въ ложѣ эта башня въ желтомъ чепцѣ?

— Госпожа Лукоянова, подчеркнулъ Троекуровъ.

— Да, расхохоталась вдругъ красивая барыня, подымаясь съ мѣста,—вы, дѣйствительно, настоящій теперь женихъ для дочери ловкой московской маменьки!...

Троекуровъ не отвѣчалъ и только потянулъ себѣ усъ, съ видомъ человѣка, готоваго встрѣтить спокойно всякую бурю.

— Не сердитесь пожалуйста, это къ вамъ не пристало! сказала она, проходя мимо него и оглянувъ его быстрымъ взглядомъ.

— И не думаю! поспѣшилъ онъ усмѣхнуться на это.

Ольга Елпидифоровна подошла къ своему Эрару, ударила пальцемъ по клавишѣ въ басу, провела его затѣмъ по всей клавіатурѣ, зѣвнула и со скучающимъ видомъ опустилась въ стоявшее близь инструмента кресло.

— Во всякомъ случаѣ, съ вами сегодня не весело!

— Я не виноватъ: вы сами же заставили меня разска-

зывать вамъ сейчасъ о вещахъ, которыя могутъ быть интересны только для меня.

— Все, что̀ васъ касается, Борисъ Васильевичъ, не можетъ не быть для меня интересно, насмѣшливо кланяясь ему съ мѣста, сказала она.

Онъ отвѣчалъ ей такимъ же поклономъ и усмѣшкою:

— Позвольте выразить вамъ всю ту благодарность, которую заслуживаетъ ваша любезность...

— Прелестно! Точно изъ какого-нибудь романа Александра Дюма... Да, перебила она себя:—я все время въ театрѣ спрашивала, и никто изъ моихъ умниковъ не умѣлъ мнѣ сказать: изъ какого романа взятъ сюжетъ des *Puritains?*

Троекуровъ не успѣлъ отвѣтить. Ольга Елпидифоровна скинула мантилью съ плечъ, обернулась съ кресломъ къ фортепіано и торопливо, словно спѣша не забыть чего-то, отстегнула браслеты съ обѣихъ рукъ, уронила ихъ на коверъ... Ея захватывающій голосъ огласилъ чрезъ мигъ комнату: она пѣла каватину баритона въ первомъ дѣйствіи *Пуританъ*:

Ah, per sempre io ti perdei,
Fior d'amore, fior d'amor, la mia speranza,
E la vita ché s'avanza
Sara diena di dolor. *).

Она подражала Ронкони, усиливая, какъ бы въ насмѣшку, густоту звука своего контральтоваго тембра, но, словно помимо ея воли, задушевная нѣжность очаровательной мелодіи лилась и плакала въ ея горлѣ во всей искренности создавшаго ее вдохновенія. Ее самое проникало это вдохновеніе, губы ея увлажились, глаза пылали томно и страстно.

Но она оборвала вдругъ; руки ея скользнули съ клавишей на колѣни, она откинула голову назадъ:

— Удивительный былъ артистъ этотъ Ронкони! проговорила она будто въ утомленіи:—четыре ноты въ голосѣ, а всю душу забиралъ...

---

*) О, навсегда потерялъ я тебя,
Цвѣтокъ любви, моя надежда,
И приближающаяся жизнь
Будетъ полна однимъ страданіемъ.

— Зачѣмъ вы кончили! вырвалось у Троекурова,—его какъ-то внезапно всего подняло ея пѣніе:—еще, пожалуйста, еще!

Онъ отодвинулся отъ камина и шагнулъ къ ней.

Она лѣниво сѣользнула по задку кресла, о который опиралася ея затылокъ, и слегка свислась головой въ его сторону:

— Вамъ еще мало музыки?... Впрочемъ, вы тамъ, въ театрѣ, не тѣмъ были заняты! промолвила она, пока онъ подымалъ съ пола ея браслеты.

— Спойте еще, прошу васъ! повторилъ онъ настойчиво.

— Вы просите?...

Глаза ея засверкали вдругъ; она разомъ выпрямилась, встряхнула головой:

— Примите кресло, на немъ низко пѣть!...

Троекуровъ поспѣшилъ исполнить приказаніе: онъ отодвинулъ кресло, пододвинулъ ей табуретъ. Усаживаясь на него со своимъ пышнымъ кринолиномъ, она сдѣлала неловкое движеніе, какъ-бы падая, слегка вскрикнула... Онъ ее поддержалъ за локоть, за этотъ прелестный, полный локоть съ ямочкою на сгибѣ, который и во снѣ снился ему въ оны дни... Матово-бѣлая, низко открытая спина ея вздрогнула, показалось ему при этомъ... Глаза его невольно остановились на ея соблазнительномъ очертаніи...

— Хорошо, можете слушать, не оборачиваясь, обрывисто сказала она.

Онъ обошелъ инструментъ, уложилъ обѣ руки на его доску и устремилъ на нее глаза.

— „Торжество побѣдителя“! со смѣхомъ возгласила Ольга Елпидифоровна,—и начала:

Сто красавицъ свѣтлоокихъ
Предсѣдали на турнирѣ;
Всѣ цвѣточки полевые...

— Fleurs vulgaires, скороговоркой вымолвила она, воспользовавшись ritardando въ мотивѣ,—

Лишь моя одна какъ ро-оза,—

каррикатурно допѣла она колѣно, и тою же скороговоркой:— Изъ московскаго грунтоваго сарая прямо въ оранжерею archichic княгини Краснорѣцкой! И кому-то смерть хочется туда же, и онъ, бѣдняжка, не можетъ... Ну, просите хорошенько,—я, можетъ быть, возьму да и сжалюсь,

Car moi j'en ris,
Car moi j'en ris, tant je suis bonne fille,

заключила она, съ неподражаемымъ ухорствомъ выраженія, припѣвомъ изъ не совсѣмъ салонной пѣсни Беранже.

— Какъ можете вы дурачиться съ такимъ голосомъ! полудосадливо, полугорячо вскликнулъ Троекуровъ.

— О, о, какая строгость! И она насмѣшливо и гордо окинула его взглядомъ:—съ какого права?

— Вы капризничаете! сказалъ онъ, хмурясь.

— А если-бъ и такъ?

Она быстро скинула партитуру съ пульпета фортепіано, опустила его, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ удобнѣе вглядѣться въ лицо Кавказца, разговаривавшаго съ нею поверхъ этого пульпета, и нагнулась къ нему такъ, что его всего обдало опьяняющимъ благоуханіемъ ея роскошнаго тѣла...

— Изъ-за чего, скажите, стала бы я тѣшить васъ?... А я могла бы, дѣйствительно, сегодня—мгновенно перемѣняя тонъ, продолжала она:—я въ голосѣ, какъ никогда. Если-бъ я пѣла на сценѣ, я чувствую, не было бы сегодня человѣка въ театрѣ, который бы не палъ къ моимъ ногамъ...

— Я постараюсь замѣнить вамъ публику, насколько будетъ въ моихъ силахъ, сказалъ онъ, стараясь скрыть подъ беззаботнымъ видомъ шутки начинавшее разбирать его волненіе.

Она кивнула головой вверхъ:

— Tempi passati! Эти предложенія теперь къ лицу развѣ кому нибудь изъ моихъ amoureux transis, въ родѣ Шастунова, а никакъ не...

— А знаете, кстати, прервалъ ее Троекуровъ,—я никакъ не понимаю, какъ вы можете съ нимъ возиться!

— Съ кѣмъ это?

— Съ вашимъ Шастуновымъ.

— Что-жь такое! Молодой звѣрь, какъ я ихъ называю... И вы были такимъ dans le temps!...

Троекуровъ гадливо повелъ губами:

— Онъ и не звѣрь, онъ просто животное!...

— И носъ кривой, замѣтили вы! расхохоталась Ольга Елпидифоровна.—А вы не видѣли, какую онъ discrétion проигралъ мнѣ вчера?... Вотъ тамъ на столѣ, въ футлярѣ... Подайте сюда!

Это былъ довольно объемистый, чеканнаго золота ящичекъ въ формѣ ковчежка, на крышкѣ котораго во всю его ширину читалось французское слово *Epingles*, начертанное бриллiантами и рубинами весьма почтенныхъ размѣровъ.

Троекуровъ взглянулъ и пожалъ плечами.

— Quel mauvais goût, не правда-ли? продолжала смѣяться Ранцова; — а вѣдь онъ увѣренъ былъ, что ничего нельзя выдумать de plus grand genre, какъ поднести для грошовыхъ булавокъ вещь тысячи въ полторы или двѣ! Такъ и видна купеческая кровь... Вѣдь его маменька, рожденная Раскаталова, excusez du peu! Вы эту его маменьку не знаете? Феноменальная дура!...

— Къ чему вы отъ него принимаете? сказалъ тихо Троекуровъ.

— А что-жь такое? отвѣчала, не смущаясь, красивая барыня, любуясь игрою свѣта, падавшаго на Шастуновскій подарокъ: — камни эти, разумѣется, я велю вытащить вонъ и сдѣлаю изъ нихъ браслетъ, Renaissance, о которомъ давно мечтаю...

Онъ потихоньку вынулъ у нея футляръ изъ рукъ, закрылъ и кинулъ его на столъ:

— Спойте лучше, чѣмъ вздоръ говорить!

Она усмѣхнулась новою ироническою усмѣшкой:

— А, а, „l'épiderme aristocratique“ ужь закоробило!... Удивительный вы человѣкъ!... Чего вы хотите отъ меня? спросила она вдругъ, погружаясь ему глазами въ глаза.

— Чтобъ вы пѣли, произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ

Она продолжала неотступно глядѣть на него:

— *Неправда*!

— Какъ „неправда?“

— Совсѣмъ не о пѣніи вы думаете.

— Можетъ быть, прововорилъ онъ не сейчасъ и какъ бы противъ воли... Онъ стоялъ теперь, нѣсколько склонясь высокимъ тѣломъ предъ нею, охватываемый видомъ, атмосферою ея женской прелести.

— Вотъ видите! лукаво сказала она.—О чемъ же, говорите!

— Отгадайте!

Она насмѣшливо прикусила алую губу своими сверкающими зубами:

— Вамъ хочется меня умаслить, чтобъ я разрѣшила вамъ ѣхать къ Краснорѣцкой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ почти съ сердцемъ,—я бы не поѣхалъ теперь, если бы вы и разрѣшили.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Взоръ ея сверкнулъ неваризимымъ торжествомъ.—Что же это должно значить, Борисъ Васильевичъ? промолвила она, обнимая его взглядомъ, отъ котораго тысячи искръ запрыгали у него предъ зрачками...

— Вы прелестны, Ольга! еле слышно вырвалось изъ его гортани.

— Развѣ это такъ говорятъ? произнесла она такимъ же шопотомъ, будто уносимая тою же страстною волной; — à genoux, monsieur, á genoux, и просите у меня прощенія!

Онъ, уже безвластный, опустился къ ея колѣнямъ.

— Прелесть моя! могъ онъ только выговорить, охватывая обѣими руками ея гибкій станъ.

Она мгновенно откинула отъ себя эти руки, вскочила съ мѣста—и взглянула на него пристальными и злыми глазами:

— Ужь если разрывъ, такъ не отъ васъ, а отъ меня. Я хочу разрыва, Борисъ Васильевичъ, помните это!... Можете теперь безпрепятственно ѣхать на балъ!...

Она присѣла предъ нимъ большимъ реверансомъ, какіе дѣлались въ бывшемъ тогда въ модѣ танцѣ *Lanciers*, захватила съ кресла свою пунцовую мантилью и вышла изъ гостиной, прежде чѣмъ нашъ Кавказецъ нашелъ слово въ отвѣтъ.

Да и что бы отвѣтилъ онъ ей? Въ первую минуту онъ готовъ былъ броситься за ней, но онъ сдержалъ себя и судорожно сжалъ вѣки, какъ бы съ тѣмъ, чтобы подавить мутившее его сознаніе раскаянія и стыда...

Уже на улицѣ, остуженный метелью и сыростью, спросилъ онъ себя, ѣхать-ли ему теперь къ Краснорѣцкой или нѣтъ. „Нѣтъ, — подойти къ *той* послѣ *этого?*“... Онъ не договорилъ, кликнулъ извощика и, уткнувшись носомъ въ шинель, отправился спать въ свою гостиницу.

IV.

Ба! Знакомыя все лица!
Горе отъ ума.

Три дня послѣ того, что̀ передано сейчасъ читателю, на отходившемъ пассажирскомъ поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги только-что прозвонилъ второй звонокъ. Утро стояло ясное, слегка морозило; свѣтъ ослѣпительною волной вливался въ широкую и высокую выѣздную арку, игралъ на мѣдныхъ принадлежностяхъ только-что подкатившаго паровоза, бѣжалъ длинною пеленой по каменной настилкѣ пространнаго дебаркадера. Чувствовалось, что тамъ, сейчасъ, въ полѣ, нестерпимо и весело заблещетъ солнце, отражаясь въ холодныхъ алмазахъ безбрежнаго снѣговаго савана... Весело было и далѣе, въ глубь, на противоположной оконечности поѣзда, погруженной въ полусумракъ, падавшій отъ занесенной свѣжимъ снѣгомъ стеклянной крыши. Среди общаго движенія, сквозь торопливый говоръ, гулъ и шлепанье калошъ и тяжелыхъ сапоговъ, прорывались звонкія молодыя рѣчи, неудержимый смѣхъ. На площадкѣ самаго послѣдняго, *семейнаго*, вагона, на двухъ окнахъ котораго значилась этикетка „занято“, стояла въ бархатномъ, каштановаго цвѣта, дорожномъ платьѣ, отороченномъ соболями, съ собольею же шапочкой на густыхъ волосахъ, Ольга Елпидифоровна Ранцова и, держась одною рукой за перила, съ огромнымъ букетомъ пунцовыхъ камелій и бѣлыхъ розъ въ другой, перекликаясь съ цѣлою толпой пріѣхавшихъ проводить ее и только-что едва уговоренныхъ жандармомъ отойти за рѣшетку, военныхъ молодыхъ людей въ бѣлыхъ и красныхъ фуражкахъ.

— Чрезъ недѣлю, никакъ не позднѣй, не обманете?...

— Я прямо отсюда, на тройкѣ въ Сергіевскую пустынь, служить молебень о вашемъ счастливомъ странствованіи, кричалъ молоденькій кавалергардикъ съ розовымъ, точно прямо съ вербы лицомъ.

— А я о вашемъ скорѣйшемъ возвращеніи—въ Ново-Дѣвичій монастырь, хохоталъ рядомъ его товарищъ.

— Спасибо, смѣялась въ отвѣтъ она,—я вамъ каждому по сайкѣ изъ Москвы привезу... Ah, monsieur Vaquier, grand merci pour le waggon, j'y serai comme une reine! прервала она себя, протягивая руку подошедшему къ ней господину съ иностранною физіономіей.

— Vous l'êtes déjà, madame, par la grâce et la beauté et j'aurais voulu avoir tout un palais roulant à vous offrir, галантерейно отвѣчалъ monsieur Vaquier, представлявшій „французскіе интересы" въ правленіи Николаевской дороги.

— Merci, vous êtes charmant!

— А мнѣ что вы привезете? возгласилъ изъ-за рѣшетки „пупырь" Шастуновъ.

— Ma bénédiction et la manière de s'en servir, отвѣчала она съ новымъ смѣхомъ и взглянула на Vaquier, какъ бы спрашивая: „C'est chic ce que je dis là, n'est ce pas?"

Степенный французъ снисходительно улыбнулся, учтиво поднялъ шляпу и пошелъ далѣе вдоль вагоновъ.

— Moi je veux une tabatière отъ Лукутина, прохрипѣлъ за рѣшеткой Шастуновъ.

— Пустите, господа, пустите! раздался за нимъ запыхавшійся голосъ. И Хазаровъ въ бекешѣ и цилиндрѣ, держа высоко надъ нимъ что-то завернутое въ бумагу и перевязанное накрестъ узенькою красненькою тесемочкой, протиснулся къ нему.

— Опоздалъ, братъ, опоздалъ! захохотали кругомъ.—Не станетъ Ольга Елпидифоровна ѣсть твоихъ конфетъ; у нея ими и такъ вагонъ доверху набитъ!...

— *Moi je* lui ai apporté seul dix livres, загоготалъ Шастуновъ.

— Мои—парижскія, Ольга Елпидифоровна, отъ Siraudin.

Отвѣдайте хоть одну, а остальное бросьте! жалобно взывалъ къ ней Хазаровъ, потрясая своимъ ящикомъ въ воздухѣ.

Проходившій мимо по платформѣ высокій, чернокудрый, лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то мущина въ синей, московскаго фасона, длинной шубкѣ изъ сѣрыхъ смушекъ, и въ такой же смушковой круглой и низкой шапочкѣ, замѣтивъ его отчаянныя тѣлодвиженія, остановился на-ходу:

— Желаете передать? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Сдѣлайте одолженіе! вскликнулъ Хазаровъ.

Тотъ улыбнулся еще разъ, взялъ конфеты и направился къ площадкѣ вагона, съ которой красавица, не слушая и не глядя на юное стадо своихъ обожателей, уже нѣсколько мгновеній съ широко раскрывшимися глазами слѣдила за нимъ...

— Приказано вручить вамъ, промолвилъ онъ, подходя къ ней съ глубокимъ поклономъ.

Она наклонилась къ нему, вскрикнула:

— Monsieur Ашанинъ... Владиміръ Петровичъ, такъ это вы?

— Самъ, къ вашимъ услугамъ.

— Боже мой, какъ я давно васъ не видѣла!

— Девять лѣтъ счетомъ! возразилъ онъ, глянувъ на нее взглядомъ, отъ котораго, вмѣстѣ съ краской, покрывшею все ея лицо, цѣлый минувшій міръ молодости воскресъ внезапно въ ея памяти.

— Вы ѣдете съ этимъ поѣздомъ? поспѣшила она спросить, чтобы скрыть невольное смущеніе.

— Имѣю счастіе! отвѣчалъ онъ, кланяясь еще разъ и трогаясь съ мѣста.

— Мы еще увидимся? Зайдите ко мнѣ на пути, у меня особое отдѣленіе.

Онъ поднялъ на нее свои большіе черные глаза, вздохнулъ и пресерьезно выговорилъ:

— *Съ мужатицею не сиди, да не когда преклонится душа твоя на ню и духомъ твоимъ поползнешися въ пагубу.*

— Это что такое? вскликнула она въ изумленіи.

— *А* это изъ *Книги премудрости Іисуса сына Сирахова*, глава седьмая, пояснилъ онъ и вздохнулъ еще разъ.

Кондукторъ, стоявшій у подножки сосѣдняго вагона перваго класса, заторопилъ его въ эту минуту:

— Пожалуйте, пожалуйте въ вагонъ, третій звонокъ сейчасъ!

Онъ послушно взбѣжалъ по ступенькамъ.

— Вы объясните мнѣ потомъ, какую это тарабарщину вы мнѣ проговорили? сказала ему со своего мѣста Ранцова чрезъ раздѣлявшія ихъ перила.

Онъ повелъ головой и вошелъ въ свой вагонъ.

Она полуоткрыла дверь въ свое отдѣленіе и обернулась къ своимъ поклонникамъ:

— До свиданія, господа!

Все загалдѣло разомъ, приложило руки къ фуражкамъ:

— До свиданія, Ольга Елпидифоровна! До скораго! Не заживайтесь въ Москвѣ!

— Ne vous laissez pas séduire par les charmes de la Бѣлокаменная! восклицалъ Хазаровъ, высоко помахивая своимъ цилиндромъ.

— Телеграфируйте, въ какой день будете,—мы къ вамъ навстрѣчу всѣ выѣдемъ!

— Съ букетами...

— *Moi je* vous apporterai toutes les fleurs rares du Ботаническій садъ! кричалъ Шастуновъ.

— И не привезешь! пожалъ на это плечами стоявшій рядомъ товарищъ его по полку.

— Привезу! возразилъ онъ,—кто тебѣ сказалъ, что не привезу?

— Тамъ казенное, не продаютъ.

— Дамъ три тысячи, а привезу! фыркнулъ „пупырь“.— *moi je* sais, quand je veux quelque chose...

Звонъ сигнальнаго колокольчика и послѣдовавшій за нимъ оглушительный свистъ двинувшагося локомотива покрыли его „moi je“, его хвастливыя рѣчи и нудный голосъ. Ольга Елпидифоровна исчезла въ своемъ отдѣленіи. Длинный поѣздъ, съ грохотомъ натягивавшихся цѣпей и визгомъ желѣза о желѣзо, медленно потянулъ въ арку навстрѣчу сверкавшему тамъ, за нею, на свободѣ, веселому зимнему солнцу... Молодежь,

гремя шпорами и саблями, отправилась къ ожидавшимъ ее на площади *одиночкамъ* и извощикамъ...

Вагоны перваго класса того времени состояли изъ трехъ отдѣленій: одного, въ срединѣ, большаго, съ нѣсколькими рядами креселъ, обращенныхъ попарно передками другъ къ другу, и двухъ малыхъ, на каждой изъ оконечностей вагона, съ продольными диванами по обѣ стороны ихъ. Въ большое отдѣленіе можно было пройти лишь чрезъ одно изъ малыхъ.

Отдѣленіе, чрезъ которое приходилось проходить Ашанину, было биткомъ набито дамами. Шубы, капоры, пледы, подушки, дорожные мѣшки, корзинки, несессеры, ящики въ футлярахъ и въ наволочкахъ—все это такъ и запестрѣло въ глазахъ молодого человѣка. Негдѣ было уже болѣе яблоку упасть. Пассажирки, съ озлобленными лицами, устраивались кое-какъ на своихъ мѣстахъ. „Извините!—Pardon!—Тѣснота-то какая!—Что же это такое, Господи"! несся говоръ и громкіе вздохи. Духота была уже и теперь страшная.

Ашанинъ остановился у дверей, затрудняясь проложить себѣ путь въ этой толчеѣ женщинъ и вещей...

— Каково-то напихали насъ, что сельдей въ боченокъ? Полюбуйтесь, батюшка! обратился очевидно къ нему изъ ближайшаго угла знакомый голосъ.

— Ахъ, Марья Яковлевна, воскликнулъ онъ, узнавая свою московскую знакомую,—я и не зналъ, что вы въ Петербургѣ... И вы тоже, Александра Павловна!..

Онъ подалъ руку г-жѣ Лукояновой и сидѣвшей подлѣ нея дочери.

— Какъ же, пріѣзжали, какъ видите, на нѣсколько дней, заговорила московская барыня;—и даже на балъ попали въ прошлый понедѣльникъ, dans le grand monde, у Краснорѣцкой; я ей родня, вы знаете, и даже не дальняя... Очень кстати такъ вышло, Дворъ былъ, Саша всю царскую фамилію видѣла,—лицо Марьи Яковлевны засіяло удовольствіемъ,—и всѣ милы такъ съ нею были, говорили, и даже одинъ изъ князей танцовалъ съ ней. Она, правду сказать, очень авантажна была въ этотъ вечеръ...

Александра Павловна при этихъ словахъ чуть-чуть поморщилась и повела какъ бы съ упрекомъ глазами на мать.

— А ужь только, признаюсь, ѣхать на этихъ желѣзныхъ дорогахъ смерть моя; не привыкну я къ нимъ никогда! продолжала она между тѣмъ; — Серёжа сегодня дежурный, провожать насъ не могъ. Пріѣхали мы съ его человѣкомъ спозаранку, заняли вотъ эти мѣста и надѣялись, что насъ не обезпокоятъ...

Поѣздъ въ эту минуту двинулся. Марья Яковлевна слегка привскочила, широко перекрестилась и проговорила:—Фу, ты, Господи, каждый разъ испугаетъ!..

Ашанинъ воспользовался этимъ и пробрался въ большое отдѣленіе, гдѣ ему заранѣе было занято артельщикомъ мѣсто.

V.

Колпино, десять минутъ...

Поѣздъ стоялъ у станціи. Ашанинъ поспѣшилъ подняться и направился къ выходу.

— Ну, слава Богу, хоть отдышаться можно будетъ! говорила въ то же время Марья Яковлевна Лукоянова, успѣвшая за это время возбудить къ себѣ враждебное настроеніе со стороны всѣхъ своихъ спутницъ громкими своими воздыханіями и жалобами на тѣсноту и духоту; — выйдемъ, Саша, на воздухъ.

Ольга Елпидифоровна Ранцова, смертельно скучавшая одна въ восьмимѣстномъ отдѣленіи, предоставленномъ ей любезностью monsieur Vaquier, стояла уже на своей площадкѣ, глядя прищуренными глазами впередъ, какъ бы выглядывая кого-то въ толпѣ, выходившей изъ вагоновъ.

Она тотчасъ же узнала массивную, въ тяжелой лисьей шубѣ, московскую барыню, съ трудомъ продиравшуюся въ дверь, насупротивъ ея. Марья Яковлевна, въ свою очередь, живо обернулась къ слѣдовавшей за нею дочери и шепнула ей: „Узнаешь, Саша?“

— Сходите осторожнѣе на платформу, maman, скользко! громко отвѣтила на это та.

— А вотъ Владиміръ Петровичъ поможетъ мнѣ, любезный кавалеръ, засмѣялась громоздкая маменька, завидѣвъ приближавшагося къ нимъ Ашанина.

Она сошла при его помощи и тутъ же остановилась и стала повѣствовать ему, какъ имъ дурно и тѣсно въ вагонѣ,

и ѣдутъ съ ними все какія-то провинціалки и „даже большія *мовешки*“, судя по ихъ разговору: разсказываютъ, какъ онѣ „кутили“ въ Петербургѣ, а одна такъ прямо говоритъ, что очень любитъ пить шампанское и „притти отъ него въ то состояніе, которое называется *bon courage...*“ „И отродясь не слыхивала я подобнаго выраженія, и что̀ это за „bon courage“ такое, восклицала сердито Марья Яковлевна:—„сейчасъ видно, что ужасныя mauvais genre. И такъ это не пріятно, ѣду я съ дочерью, молодою дѣвушкой, и вдругъ рисковать слышать такіе разговоры! Не понимаю, какъ этакой всякій сбродъ пускаютъ въ первый классъ!..“

Ашанинъ слушалъ эти рѣчи со снисходительною улыбкой, подымая отъ времени до времени украдкой глаза на Ольгу Елпидифоровну Ранцову, которая, въ свою очередь, закусивъ нижнюю губу, внимательно прислушивалась къ нимъ со своего мѣста, какъ бы соображая что-то, и въ то-же время любопытно разглядывала стоявшую къ ней бокомъ безмолвную дѣвушку, на чертахъ которой угадывала она неодобреніе пылкимъ откровенностямъ ея маменьки.

— Monsieur Ашанинъ, внезапно сходя на платформу, громко произнесла она: — présentez moi à ces dames, je vous prie!

Онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, но, повинуясь, выговорилъ ея имя, имя дамъ, съ которыми стоялъ...

Она не дала ему кончить и протянула руку еще болѣе, чѣмъ онъ, изумленной московской барынѣ:

— Прошу у васъ тысячу разъ извиненія за мою смѣлость, торопливо заговорила она на французскомъ языкѣ:—но я невольно услышала то, что̀ вы говорили monsieur Ашанину: вамъ не удобно въ вашемъ вагонѣ, и притомъ непріятныя спутницы... А у меня полвагона въ моемъ распоряженіи, и я совершенно одна. Позвольте предложить вамъ перейти ко мнѣ, вы меня осчастливите, vous me rendrez tout-à-fait heureuse, madame! съ очаровательною улыбкой говорила г-жа Ранцова.

Это было такъ неожиданно, что Марья Яковлевна могла только пробормотать:

— Но какъ же это такъ... въ чужой вагонъ!... Мы васъ все-таки стѣснить можемъ...

— Vous me rendrez tout-à-fait heureuse, madame! повторяла та умоляющимъ голосомъ.

— Но у насъ тамъ... вещи, слабо возразила московская барыня:—она, видимо, сдавалась на предложеніе.

Оно застигало ее врасплохъ. Во всякомъ другомъ случаѣ она была бы, вѣроятно, менѣе сговорчива, не рѣшилась бы такъ легко принять услугу отъ этой „дамочки", о которой слышала, какъ о большой кокеткѣ, отъ которой всѣ мущины безъ ума и которая, „конечно, не совсѣмъ компанія для ея Саши". Но здѣсь, на желѣзной дорогѣ, гдѣ приходится „душиться въ скверномъ вагонѣ" и слушать разсказы о какомъ-то „bon courage", имѣть возможность „протянуться на привольѣ"... И притомъ „cette madame Rantzoff все-таки bien élevée, видно, и такая хорошенькая, такъ любезно просить, и туалетъ на ней такой восхитительный, богатый и со вкусомъ"... „Да и *его*, какъ видно, нѣтъ на поѣздѣ", молвила себѣ въ заключеніе г-жа Лукоянова, обѣгая быстрымъ взглядомъ платформу, по которой съ разрумянившимися лицами разгуливали пригрѣваемые солнцемъ пассажиры.

— Вещи ваши сейчасъ перенести можно! суетливо говорила тѣмъ временемъ „хорошенькая madame Rantzoff":—monsieur Ашанинъ, вы, кажется, въ одномъ вагонѣ, распоряднтесь скорѣе!...

— Саша можетъ показать... уже совсѣмъ томно улыбаясь, проговорила Марья Яковлевна, взглянувъ не совсѣмъ увѣренно на все такъ же безмолвную дочь.

— Mercі, madame, mercі! воскликнула Ольга Елпидифоровна, захватывая и горячо пожимая ея большія безъ перчатокъ руки.—Войдите ко мнѣ скорѣй, вы увидите, какъ намъ будетъ хорошо!...

Ашанинъ отправился вслѣдъ за дѣвушкой въ ихъ вагонъ.

— Мнѣ это совсѣмъ не нравится! проговорила она вполголоса по пути.

Онъ не отвѣчалъ. „Это" далеко не нравилось и ему: онъ

никакъ не разсчитывалъ на компанію тамъ, въ этомъ отдѣльномъ помѣщеніи, куда приглашала его при отъѣздѣ Ранцова...

— Скажите, что̀ она, хорошая? спросила его Александра Павловна, сходя съ нимъ опять на платформу, пока кондукторъ переносилъ указанныя ею вещи въ отдѣленіе Ранцовой:—вы ее знаете?

— Я ее девять лѣтъ не видалъ, отвѣчалъ Ашанинъ:— а была она... Какъ бы вамъ сказать?... Попадешься ей на удочку, выдерешься не легко.

— Опасная? выговорила дѣвушка какъ бы съ тревогой.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ кому?... А впрочемъ, все это далеко отъ меня, Александра Павловна! произнесъ онъ вдругъ со вздохомъ и принимая смиренный видъ.

Она хотѣла что-то сказать, но въ это время сама та, о которой они говорили, показалась въ дверяхъ своего вагона, въ который она только-что отвела Марью Яковлевну.

— Venez, ma charmante, venez! говорила она, протягивая руку Александрѣ Павловнѣ и притягивая ее къ себѣ на площадку.—Monsieur Ашанинъ, и вы также, не правда-ли?...

Онъ поклонился и пошелъ за ними.

Въ отдѣленіи Ранцовой было и обширно, и тепло, и удобно. Въ углу стояла только-что нагрѣвшаяся чугунная печь. Огромная медвѣжья шкура на подбойкѣ краснаго сукна разстилалась ковромъ предъ диваномъ, на который хозяйка поспѣшила усадить своихъ новыхъ спутницъ. На этомъ диванѣ, на сѣткахъ для поклажи, уложены, раскиданы были коробки съ конфетами, фруктами и всякимъ съѣстнымъ снадобьемъ, будто въ каютѣ какого-нибудь корабля, снаряженнаго въ полярное плаваніе. Крошечный king-charles, свернувшись клубочкомъ, спалъ на великолѣпномъ мѣху шубы Ольги Елпидифоровны изъ чернобурой лисицы, полуприкрытый развернутымъ, но еще не разрѣзаннымъ томомъ французскаго романа. Запахъ одеколона и англійскихъ духовъ несся изъ раскрытаго тутъ же nécessaire de voyage, съ его сверкавшими въ блескѣ дня хрустальными флаконами и серебряными принадлежностями.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо! восклицала Марья Яковлевна, усаживаясь комфортабельно въ уголъ вагона и растегивая крючокъ шубы;—вотъ такъ путешествовать я понимаю, съ этимъ полнымъ баловствомъ себя, такъ сказать... Да у васъ здѣсь цѣлая кондитерская! засмѣялась она, озираясь кругомъ.

— Да, я должна признаться, меня вообще ужасно балуютъ! засмѣялась на это тоже хозяйка, подсовывая ей подъ голову подушку въ синемъ грогреновомъ чехлѣ и тутъ же съ нѣжною улыбкой протягивая Александрѣ Павловнѣ коробочку съ шоколатомъ отъ Балле.

— Да какъ же васъ не баловать,—mercі mille fois, мнѣ, право, совѣстно!—вы такъ милы! Васъ, надо думать, съ дѣтства каждый почиталъ за удовольствіе баловать, молвила, совсѣмъ уже разчувствовавшись отъ расточаемой ей любезности, московская барыня.

— Ахъ, вотъ ужь совсѣмъ нѣтъ! закачала головой, все такъ же однако продолжая смѣяться Ранцова:—молодость моя совсѣмъ не couleur de rose была! Вотъ monsieur Ашанинъ знаетъ.

— А вы давно знакомы съ Владиміромъ Петровичемъ? поспѣшила спросить г-жа Лукоянова.

— Ахъ, ужасно, просто вспоминать стыдно!... И не видѣлись мы съ нимъ... Сколько лѣтъ вы говорите?... Une éternité enfin... Что же вы дѣлаете, Владиміръ Петровичъ, разскажите, пожалуйста. И она повернулась всѣмъ тѣломъ къ Ашанину, усѣвшемуся подлѣ нихъ въ креслѣ. (Александра Павловна, сохраняя свое безмолвіе, перешла къ окну на противоположной разговаривавшимъ сторонѣ вагона).

— А это я вамъ скажу, что онъ дѣлаетъ, не давъ ему времени отвѣтить, заговорила окончательно расходившаяся Марья Яковлевна:—онъ все душу теперь спасаетъ.

— Свою или чью-нибудь чужую? блеснувъ весело глазами, спросила Ольга Елпидифоровна.

— Свою, свою собственную, неисчислимые грѣхи свои замаливаетъ.

— То-то онъ мнѣ при отъѣздѣ сейчасъ что-то изъ

священнаго проговорилъ, кажется, я не поняла... Что вы мнѣ отпустили?—говорите, только не по-славянски, а чтобы понять можно было!

Ашанинъ поднялъ глаза къ потолку и проговорилъ, не шевельнувъ ни единымъ мускуломъ лица:

— Отнюдь не сиди съ женою замужнею, чтобы не склонилась къ ней душа твоя и ты не поползнулся духомъ въ погибель.

Обѣ дамы такъ и прыснули со-смѣху.

— И что же вы теперь по монастырямъ ѣздите, Богу молитесь? спросила его опять молодая женщина.

— Молюсь, Ольга Елпидифоровна! вздохнулъ онъ въ отвѣтъ.

— На сценѣ больше не играете?

— Помилуйте, все тотъ же нашъ вѣчный jeune premier! всклинкула московская барыня.

— И играете по-прежнему, значитъ, продолжала трунить надъ нимъ Ранцова:—и сидите теперь у меня, у замужней женщины. Вѣдь это все по-вашему грѣхъ? Какъ же согласшаете вы это съ вашею святостью?

Онъ вздохнулъ еще разъ:

— Не согрѣшишь — не покаешься; не покаешься — не снасешься, Ольга Елпидифоровна.

Марья Яковлевна махнула рукой:

— Неисправимъ, хоть брось!...

Красивая петербургская барыня перемѣнила разговоръ:

— Что вы служите гдѣ-нибудь, Владиміръ Петровичъ?

— Служу гдѣ-то, да-съ, но, право, весьма затруднился бы доложить вамъ, гдѣ именно.

Она пожала съ улыбкой плечами:

— Это только отъ Москвича услышать и можно! Никакого честолюбія, да?

Онъ беззаботно пожалъ плечами въ свою очередь...

— Видѣли-ли вы въ Петербургѣ пріятеля вашего бывшаго, Гундурова? обратилась она къ нему еще съ новымъ вопросомъ.

— Онъ и теперь мнѣ пріятель, только я его не видѣлъ,

отвѣчалъ Ашанинъ,—онъ очень занятъ, а я пріѣзжалъ всего на два дня. Вѣдь онъ членъ комиссіи по устройству крестьянъ.

Ольга Елпидифоровна сморщила какъ бы озабоченно брови:

— Д-да, проговорила она нѣсколько сквозь зубы,—и даже пользуется вліяніемъ тамъ...

— Вы его видаете? съ живостью спросилъ молодой человѣкъ, заинтригованный страннымъ тономъ ея словъ.

— Нѣтъ: онъ, какъ вы сказали, очень занятъ... Et puis, промолвила она какъ бы нехотя,—онъ въ другомъ лагерѣ... il est du parti rouge...

— А у васъ, значитъ, лагерь бѣлаго цвѣта? спросилъ онъ невиннѣйшимъ тономъ.

Она слегка прищурилась:

— Je déteste les démocrates! произнесла она уже совершенной *грандамой*.

Марья Яковлевна покосилась на нее. „Частнаго пристава дочка!“ промелькнуло у нея въ головѣ. Однако мнѣнію, высказанному этою дочкой частнаго пристава, не могла она не выразить сочувствія и, слегка фыркнувъ большимъ, породистымъ носомъ, уронила свысока:

— Да, нечего сказать, наши московскіе, говорятъ, отличаются тамъ!...

Но разговоръ на эту тему тутъ же оборвался и перешелъ на московскія сплетни, по части которыхъ Марья Яковлевна оказалась докой, а г-жа Ранцова большою, повидимому, охотницей. Она такъ и подбивала на нихъ свою собесѣдницу разспросами своими и одобрительнымъ смѣхомъ, а та все сильнѣе приходила въ пафосъ, захлебывалась приливавшими ей къ горлу изліяніями по адресу ближняго.

— А что у васъ княгиня Шастунова дѣлаетъ? пожелала узнать между прочимъ красивая барыня;—вы ее знаете?

— Аглаю-то? воскликнула госпожа Лукоянова,—кто-жъ ея въ Москвѣ не знаетъ! А вотъ какъ вы—петербургская, какъ она *вамъ* извѣстна?

— Мы съ нею сосѣди по имѣнію, промолвила вскользь Ольга Елпидифоровна,—и сынъ ея часто бываетъ у меня въ Петербургѣ.

— Молодчикъ, молодчикъ, протянула московская маменька,—можно къ чести сказать, сынокъ-то ея! Года нѣтъ какъ офицеръ, пятьдесятъ тысячъ долгу заплатила она уже теперь за него... Всѣ они, конечно, должаютъ, офицерство-то это,—но этакую сумму!... Протретъ онъ глаза ея милліонамъ, протретъ!...

— А скажите, спросила съ лукавою усмѣшкой и нагибаясь къ ней Рапцова, какъ бы для того, чтобы слова ея не дошли до Александры Павловны, сидѣвшей впрочемъ настолько далеко отъ нихъ, что при шумѣ поѣзда не могла слышать и громкаго ихъ разговора:—что у нея все также... какъ бишь его... господинъ Зяблинъ?

Марья Яковлевна такъ и заходила отъ удовольствія.

— Тоже все, тоже! замахала она и лицомъ, и руками:—извелся ужь весь, несчастный, точно моль его всего выѣла, а все по-прежнему около нея старается... Надѣется и по сю пору, что она за него замужъ выйдетъ... Ѣздитъ онъ ко мнѣ „душу отвести“, говоритъ, плачется на нее: „въ гробъ, говоритъ, вгонитъ она меня глупостью своею и неблагодарностью!“—„А вы, говорю ему, перестаньте-ка благодѣтельствовать, батюшка; поглядите на себя, вѣдь чуть не на ладанъ ужь дышете; вамъ бы куда-нибудь въ монастырь, на покой... вотъ, какъ Владиміръ Петровичъ Ашанинъ, напримѣръ, душу спасать“, кивнула развеселившаяся Москвичка на чернокудраго красавца, безмолвно, но съ видимымъ интересомъ и сочувствіемъ внимавшаго ея бойкой рѣчи,—„душу спасать, да, а не старухъ ублажать“... А онъ нѣтъ—уповаетъ все еще!...

— Сугубо воздастся ему кара на томъ свѣтѣ! возгласилъ Ашанинъ, принимая комически жалобный видъ.

— „Сугубо-то“, батюшка, ужь за что же? возразила смѣясь массивная дама.

— За храбрость превыше силъ человѣческихъ, Марья Яковлевна! Господь Богъ этого не любитъ, отвѣчалъ онъ, вознося очи горѣ.

Собесѣдницы его покатились еще разъ...

VI.

She loved me for the dangers I have pass'd,
And I loved her for she dit pity them.
Shakespeare. *Othello.*

Въ этихъ пріятныхъ разговорахъ время шло незамѣтно. Поѣздъ опять остановился; сиплый голосъ оберъ-кондуктора прохрипѣлъ опять:

— Тосна, десять минутъ!...

Ольга Елпидифоровна поднялась съ мѣста, подошла къ окну, у котораго сидѣла Александра Павловна, обернувшись къ нему лицомъ, и взяла ее нѣжно за руку:

— Вы не очень скучаете, ma charmante?

Дѣвушка не отвѣтила, какъ бы не слышала. Она глядѣла сквозь двойныя стекла этого окна какими-то словно привороженными, не отрывавшимися глазами.

Ранцова быстро кинула взглядомъ по направленію этихъ глазъ и слегка перемѣнилась въ лицѣ,—но тотчасъ-же совладала съ собою.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула она совершенно естественно,—да это, кажется, Троекуровъ! Откуда онъ взялся? Я его не видѣла при отъѣздѣ.

Марья Яковлевна даже привскочила на своемъ диванѣ:

— Троекуровъ! словно выстрѣлила она,—и тутъ-же прикусила себѣ языкъ, чтобы не выдать радости своей и смущенія.

— Да, подтвердила Ольга Елпидифоровна все тѣмъ же естественнымъ тономъ,—Борисъ Васильевичъ Троекуровъ...

Mais vous le connaissez, madame, — какъ бы припомнила вдругъ она;—въ понедѣльникъ я имѣла удовольствіе быть вашею сосѣдкой въ итальянской оперѣ, и онъ еще отъ меня перешелъ къ вамъ...

— Д-да, мы съ нимъ нѣсколько знакомы, пробормотала московская маменька.

— Онъ съ ружьемъ, вѣрно на охотѣ былъ гдѣ-нибудь въ этихъ мѣстахъ, а теперь ѣдетъ... Неужели въ Москву?... Онъ вамъ ничего не говорилъ объ этомъ? обратилась къ ней самымъ невиннымъ образомъ петербургская барыня. И, не ожидая отвѣта, подбѣжала къ ней *кошечкой* и залепетала вкрадчивымъ голосомъ:

— Знаете что, plus on est de fous, plus on rit,—если онъ ѣдетъ съ нашимъ поѣздомъ, пригласимте его сюда къ намъ!

— Помилуйте, вы здѣсь хозяйка, а я... я ничего не имѣю... не договорила Марья Яковлевна. Она никакъ еще сообразить была не въ состояніи, что изъ этого могло выйти, но только смутно топырилась въ душѣ и раскаивалась, что согласилась перейти изъ общаго вагона къ этой „Цирцеѣ“ (Марья Яковлевна въ молодости воспитана была, само собою, на французскихъ „классикахъ“).

А та, словно обрадованная пансіонерка, вскинула на нее благодарнымъ взглядомъ, проговорила: „Mercі, madame, vous êtes adorable!“—и поспѣшила выйти изъ вагона.

Троекуровъ, въ черной, мягкой дубленкѣ и высокихъ сапогахъ, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и отдавалъ какія-то приказанія своему слугѣ, Грузину, въ длинной черкескѣ, съ буркой на плечахъ и огромною папахой на головѣ, державшему ружье его въ рукахъ... Онъ только-что различилъ лицо Александры Павловны за окномъ семейнаго отдѣленія и растягивалъ слова свои не въ мѣру, пріостанавливаясь и повторяя тѣ же фразы, чтобъ имѣть предлогъ оставаться подолѣе на этомъ мѣстѣ. „Нужно было имъ брать особый вагонъ,—въ общемъ гораздо удобнѣе было бы подойти“, говорилъ онъ себѣ, глядя въ то же время словно

незрячими глазами на уныло, съ выраженіемъ непроходимой скуки на лицѣ, внимавшаго ему Грузина.

— Что же это такое! чуть не вскрикнулъ онъ.

Рядомъ съ *ея* окномъ, выходя очевидно изъ *ея* двери, показалась женщина, съ которою навсегда, думалъ онъ, покончены его счеты, которую надѣялся онъ никогда болѣе не встрѣчать на своемъ пути. И вдругъ она тутъ... и улыбается какою-то вызывающею улыбкой, и самоувѣренно зоветъ его:

— Борисъ Васильичъ, вы были на охотѣ, да? И теперь ѣдете? Куда, въ Москву?

— Въ Москву, машинально повторилъ онъ.

— Какъ я рада! Войдите скорѣй ко мнѣ въ вагонъ, vous y trouverez des connaissances.

„Къ *ней*, онѣ у *нея*, какъ онѣ попали сюда?“ со злостью спрашивалъ себя Троекуровъ, между тѣмъ какъ она, въ свою очередь, говорила себѣ въ это время: „какую же комедію сострою я сейчасъ со всѣми ими!“...

Но глаза ея въ эту минуту встрѣтились съ зорко устремившимся на нее блѣдноголубыми, какъ сталь холодными глазами этого человѣка, который еще три дня тому назадъ стоялъ колѣнопреклоненный передъ нею, и она прочла въ нихъ что-то, отъ чего разомъ безсильно опустились ея дерзкіе и лукавые глаза. Она поняла, что никакой „комедіи“ онъ не допуститъ, что она дорого бы заплатила за малѣйшую попытку прикоснуться къ его чувству, — къ его чувству „къ *ней*, къ этой куклѣ, которая таетъ тамъ у окна, глядя на него“...

— Войдите, Борисъ Васильевичъ, повторила она инымъ, чуть уже не робкимъ голосомъ, — madame Loukoianof désire beaucoup vous voir.

Троекуровъ низко наклонилъ голову.

— Очень вамъ благодаренъ... Если только мой костюмъ...

— Помилуйте, съ охоты и зимою! C'est très élégant votre costume...

Они вошли въ вагонъ.

Госпожа Лукоянова отвѣчала на поклонъ Троекурова смущенною, какъ бы виноватою улыбкой, причемъ сочла нуж-

нымъ вскрикнуть, будто изумляясь: „ахъ, вотъ ужь не ожидала!“ — но изумленія не вышло... Она сама это почувствовала, покраснѣла и начала поспѣшно объяснять ему, будто извиняясь въ чемъ-то, „какимъ чудомъ застаетъ онъ ихъ въ *чужомъ* вагонѣ;“ но, встрѣтившись взглядомъ съ уставившеюся вопросительно на нее хозяйкой этого вагона, тутъ же оборвала и усиленно закашляла... Троекуровъ повелъ чуть-чуть углами губъ и перевелъ глаза на Александру Павловну. „Наконецъ-то!“ сказали ему поднявшіеся на него темные глаза ея, въ отвѣтъ на его молчаливое привѣтствіе...

— Вы не знакомы, messieurs? спрашивала его между тѣмъ Ранцова, указывая ему на Ашанина.

— Мы встрѣчались въ Москвѣ, сказалъ тотъ, вставая и подавая ему руку.

Всѣ затѣмъ усѣлись, и разговоръ быстро завязался (поѣздъ уже катилъ далѣе). Говорилъ впрочемъ почти одинъ Троекуровъ, отвѣчая на разспросы дамъ объ его охотѣ. Онъ убилъ наканунѣ медвѣдя. Разсказывая объ этомъ, онъ оживился, увлекся; быстрая рѣчь его лилась, полная образовъ, мѣткихъ очерковъ мѣстностей и лицъ; за горячимъ охотникомъ угадывался зоркій и тонкій наблюдатель... Марья Яковлевна слушала, воззрившись въ него такъ, будто собиралась въ ротъ ему вскочить. Въ выразительныхъ чертахъ впечатлительнаго Ашанина отражалось сочувственное впечатлѣніе, производимое на него разскащикомъ. Ольга Елпидифоровна, съ загадочнымъ выраженіемъ на лицѣ, поводила глазами то на одного изъ нихъ, то на другаго, какъ бы сравнивая ихъ и... и припоминая... Александра Павловна сидѣла по-прежнему нѣсколько поодаль отъ другихъ.

— Тебѣ не все слышно, Саша, проговорила скороговоркой ей мать:—Борисъ Васильевичъ такое интересное разсказываетъ...

— Нѣтъ, maman, мнѣ хорошо, тихо отвѣтила она на это, не поднимая рѣсницъ и продолжая гладить обнаженною рукою волнистую шерсть собачки госпожи Ранцовой, которую взяла къ себѣ на колѣни.

Марья Яковлевна обратилась къ Троекурову:

— Какіе это вы всѣ мужчины безстрашные, я всегда удивлялась... Скажите, вы, я думаю, отродясь и не знали, что̀ такое бояться?

Онъ улыбнулся.

— Кто скажетъ вамъ, что никогда не испытывалъ страха, тотъ хвастунъ и даже очень мелкаго сорта... А что̀ до меня, такъ я долженъ вамъ признаться, что со мною былъ даже случай, когда я отъ *страха* лишился чувствъ, какъ самая слабонервная женщина.

— Въ сраженіи? вскрикнула наивно московская барыня.

Александра Павловна мгновенно вскинула глаза на мать и вся зардѣлась.

— Не совсѣмъ... возразилъ Троекуровъ съ новою улыбкой.

Онъ вдругъ примолкъ и слегка поморщился: онъ подумалъ, что все это не стоитъ въ сущности разсказывать.

— Начали, такъ продолжайте! молвила Ранцова, — а не то мы думать будемъ, что вы похвастались своимъ страхомъ.

Онъ холодно взглянулъ на нее:

— Нѣтъ, безъ хвастовства и преувеличенія... Я вамъ разскажу, если это можетъ васъ интересовать.

— Ахъ, пожалуйста, я ужасно люблю страшныя исторіи...

Онъ началъ:

— Это было въ экспедиціи, въ Дагестанѣ. Я былъ въ отрядѣ съ ротой. Послѣ утомительнаго перехода по горамъ, мы спустились къ вечеру въ одно ущелье, гдѣ назначена была ночевка. Погода была сырая, туманная, всѣ мы ужасно утомились. Мнѣ разбили палатку, добыли сѣна. Я разстегнулся, упалъ на него и, прикрывшись буркой, заснулъ какъ убитый... На зарѣ просыпаюсь я вдругъ отъ какого-то страннаго ощущенія: что-то будто щекотало мнѣ подъ мышкою лѣвой руки. Я поднесъ къ ней правую—и какъ-то инстинктивно откинулъ ее назадъ... Тамъ, выше, на груди, подъ рубашкой, шевельнулось что-то... Я осторожно приподнялъ голову, не двигая тѣломъ, прижался подбородкомъ къ горлу и глянулъ сверху внизъ: въ разрѣзѣ рубахи быстро мелькнулъ узкій, зеленоватый хвостъ...

— Змѣя? Какіе ужасы! визгнула Марья Яковлевна, поднося обѣ руки къ лицу.

— Мѣдянка, продолжалъ, кивнувъ утвердительно, Троекуровъ; — онѣ, дѣйствительно, цвѣта vert antique; въ тѣхъ мѣстностяхъ ихъ много,—небольшія, но укушеніе ихъ почти всегда смертельно. У меня въ той же экспедиціи умерли отъ этого двое солдатъ моей роты, и въ страшныхъ мученіяхъ... Она очень любитъ тепло и, забравшись въ палатку, не нашла ничего лучшаго, какъ пригрѣться у меня за пазухой... Я обмеръ... Это слизистое, ползущее по тебѣ тѣло... трудно передать, какое это отвратительное ощущеніе... Всего меня внутренно поводило... А дѣлать было нечего, змѣя каждую минуту могла раздражиться и укусить. Оставалось лежать по возможности недвижно — и ждать: авось-либо вздумается ей самой уйти, какъ пришла, не причинивъ мнѣ вреда...

— Не томите, батюшка! вскликнула, перебивая его, Марья Яковлевна:—что же, сама вылѣзла?...

— Нѣтъ. Я былъ спасенъ... Пока я лежалъ въ этомъ безпомощномъ состояніи, въ лагерѣ пробили зорю, и мой фельдфебель вошелъ въ палатку за приказаніями. Видя, что я лежу безмолвенъ, онъ подумалъ, что я сплю и громко окликнулъ меня. Я не отвѣчалъ. Онъ подошелъ ближе. „Ваше высокоблагородіе!..“ Я потихоньку приподнялъ правую руку и указалъ ему пальцемъ на мѣсто, гдѣ уложилась змѣя. Онъ высоко приподнялъ брови, нагнулся надо мною и вдругъ кинулся вонъ изъ палатки. Черезъ нѣсколько минутъ она наполнилась народомъ. Сбѣжались офицеры, солдаты; окружили меня... Мѣдянка, какъ бы почуявъ опасность, зашевелилась снова; по моей кожѣ опять заскользили ея холодные извивы... Некрасиво, должно быть, было выраженіе моего лица, судя по тому, что читалъ я самъ на лицахъ присутствующихъ. Всѣ они были блѣдны и молчали, будто приговоренные къ смерти.... Только вотъ изъ толпы солдатъ отдѣляется одинъ, протискивается впередъ, мимо моихъ офицеровъ, и ко мнѣ. Скулатый, низколобый, маленькіе, живые татарскіе глаза,—я его зналъ, звали его Скоробогатовымъ. Подошелъ: „Ваше высокоблагородіе“, говоритъ мнѣ шопотомъ,—„позвольте, я ее вытащу“. Я

повелъ на него глазами. Человѣкъ рискуетъ для меня жизнью и рискуетъ безполезно: змѣя могла при этомъ точно такъ же ужалить меня, какъ и его. Я хотѣлъ заговорить, сказать: „оставь!“ Но языкъ уже не повиновался мнѣ... Онъ тихо опустился на колѣни, засучилъ по-локоть рукавъ, перекрестился... „Платкомъ оберни, платкомъ!“ услыхалъ я чей то сдавленный голосъ. „Ловчай такъ будетъ!“ И съ этимъ словомъ онъ запустилъ мнѣ разомъ руку въ разрѣзъ рубахи... Я судорожно прижмурилъ глаза... и тутъ же широко раскрылъ ихъ. Надо мною быстро, какъ молнія, пронеслась красная, жилистая рука съ чѣмъ-то мотавшимся на ней, зеленымъ, длиннымъ и узкимъ какъ лента... Все разомъ крикнуло кругомъ: „Не тронула?“—„Цѣлъ.“—„А ротный?..“ Кинулись ко мнѣ: „Борисъ Васильичъ!..“ Но я уже лежалъ въ глубокомъ обморокѣ, каюсь,—закончилъ, усмѣхаясь Троекуровъ,—нервы не выдержали!..

— Еще бы! Господи!.. И Марья Яковлевна звонко вздохнула и перекрестилась.

— Ужасъ! проговорила вздрогнувъ Ранцова.

— А что этотъ солдатъ, спросила Александра Павловна, все время блѣдная и не переводя дыханіе слушавшая разсказъ Троекурова,—живъ онъ еще?

Троекуровъ обернулся на нее съ блеснувшимъ какъ бы благодарностью взглядомъ:

— Вообразите, въ тотъ же день натолкнулись мы на довольно сильную партію Чеченцевъ. Дѣло вышло довольно жаркое. Потеряли мы тутъ человѣкъ сорокъ. Однимъ изъ первыхъ повалился Скоробогатовъ...

— Убитъ! вскрикнула дѣвушка.

— Нѣтъ, къ счастію, выходился; мѣсяца однако четыре промаялся въ госпиталѣ. Я выхлопоталъ ему чистую отставку тогда...

— И воображаю, что денегъ дали ему при этомъ, avec votre générosité ordinaire! сказала Ольга Елпидифоровна.

Александра Павловна и Троекуровъ обмѣнялись мгновеннымъ взглядомъ: ихъ обоихъ внутренно какъ бы передернуло отъ этихъ словъ.

— Гдѣ онъ теперь? Вы имѣете о немъ извѣстія? спросила она.

— Да. Онъ грамотный, изрѣдка пишетъ ко мнѣ... Живетъ на родинѣ, въ Казанской губерніи, но жалуется на скуку. Онъ вдовъ и бездѣтенъ, — понятно... Вотъ поселюсь въ деревнѣ, выпишу его къ себѣ.

— А вы думаете? Марья Яковлевна такъ и впилась въ него глазами.—И какъ славно, Борисъ Васильичъ!

— Да, сказалъ онъ, съ мгновенно освѣтившею все лицо его улыбкой,—время теперь настаетъ такое...

— Хорошее! досказалъ сочувственнымъ голосомъ Ашанинъ.

Троекуровъ кивнулъ головой:

— Хорошее, дѣйствительно, повторилъ онъ какъ бы про себя,—для того, кто старое видѣлъ, въ особенности.

— Ну, батюшка, возгласила г-жа Лукоянова,—нечего Бога гнѣвить, и старое-то не дурно было!

Но слова эти, видимо для нея, ни въ комъ не возбудили отзвука. Она перемѣнила разговоръ.

VII.

O, learn to read what silent love hath writ.
Shakespeare. Sonnets.

Время бѣжало. Недолгій свѣтъ февральскаго солнца догоралъ въ розовыхъ отливахъ на безбрежной снѣговой глади. Углы вагона уже тонули во мракѣ... Марья Яковлевна заговорила объ обѣдѣ.

Обѣдали въ Вишерѣ, за особо-сервированнымъ столомъ (о чемъ молодые люди, по мысли Ашанина, телеграфировали за часъ до прибытія на мѣсто). Въ холодильникѣ стояла приготовленная бутылка шампанскаго. Ашанинъ разлилъ его по рюмкамъ дамъ.

— Какъ живо мнѣ помнится, какъ я наливалъ вамъ такъ въ послѣдній разъ, прошепталъ онъ чуть слышно сидѣвшей подлѣ него Ольгѣ Елпидифоровнѣ, между тѣмъ какъ Марья Яковлевна относилась съ какимъ-то вопросомъ къ помѣщавшемуся между ею и дочерью Троекурову.

Красивая барыня слегка зарумянилась, затѣмъ прищурилась и улыбнулась:

— Вы въ ту пору, сказала она, внимательно взглянувъ на него,—въ святость еще, кажется, не вдавались? Скажите пожалуйста, съ чего вы это вздумали? Совѣсть очень уже замучила, вѣрно?

— Воспоминанія, Ольга Елпидифоровна, проговорилъ онъ знакомымъ ей комически смиреннымъ тономъ, который такъ и обдалъ ее еще разъ воспоминаніемъ ихъ первыхъ встрѣчъ.

— Да развѣ вы способны помнить? засмѣялась она.

Онъ вздохнулъ и, опустивъ глаза въ свою тарелку, произнесъ вполголоса:

— *Вода многа не можетъ угасить любве, и рѣки не потопятъ ея.*

— Что это—опять текстъ, спросила она, или собственнаго сочиненія?

— Сочиненія нѣкоего премудраго царя, пѣвца и великаго сердцевѣдца, а звали его Соломономъ, Ольга Елпидифоровна; это изъ его *Пѣсни Пѣсней.*

— И вы проповѣдуете мнѣ это для чего теперь? быстро промолвила она.

Онъ поднялъ такъ же быстро голову и ожегъ ее своими огненными глазами, между тѣмъ какъ голосъ его звучалъ на тѣхъ же низкихъ бархатныхъ нотахъ:

— Вы такъ умны были всегда, Ольга Елпидифоровна... развѣ измѣнились въ Петербургѣ?...

Она вскинула головой:

— Вы все тотъ же, рѣшительно! сказала она громко.

Марья Яковлевна обернулась къ ней смѣющимся лицомъ:

— Я вамъ говорила: неисправимъ!... Что онъ вамъ разсказывалъ, не про свою-ли Цыганку? спросила она тихо, наклонясь къ ней и подмигивая на Ашанина.

— А-а! вскликнула Ранцова,—la belle du moment?...

Она повела на него загадочными глазами и перевела ихъ на Троекурова.

Онъ доѣдалъ молча свое жаркое и, видимо, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Сидѣвшая подлѣ него Александра Павловна не ѣла и тоже молчала.

Ольга Елпидифоровна чуть-чуть сморщила брови и улыбнулась пренебрежительною улыбкой...

Она понимала: онъ былъ „отрѣзанный ломоть и навсегда“... Она и не жалѣла о немъ. Да и любила-ли она его когда-нибудь?... Нѣтъ, она завладѣла имъ въ этотъ разъ, послѣ его „кавказскихъ удачъ“, потому что „всѣ *они* изъ *гранжанра* кинулись на него“, и ей не хотѣлось, чтобъ „онъ имъ достался“. Но онъ былъ „не ея поля ягода“; онъ дѣй-

ствительно „аристократическая натура“, не умѣющая безза-вѣтно отдаваться,—не умѣвшая отдаться ей, по крайней мѣ-рѣ... Она вѣчно чувствовала судью въ этомъ страстномъ лю-бовникѣ, онъ не понималъ... „Да и кто изъ нихъ понимаетъ!“ тоскливо проносилось въ мысли красивой барыни: „они всѣ мелки такъ, жалки, точно въ шорахъ ходятъ, какъ старыя объѣзженныя лошади. Они годами иногда добиваются любви женщины и—презираютъ ее, едва достигши своей цѣли... Онъ не такой, этотъ Троекуровъ, онъ какимъ-то лордомъ смотритъ; но онъ все-таки узкій и гадливый баричъ, болѣе ничего! Онъ не допускаетъ въ душѣ,—я это всегда понимала,—чтобы страсть, желаніе, минутный капризъ, какъ и жажда „положенія“, ро-скоши, вліянія, власти, чтобы все это было такъ же законно въ женщинѣ, какъ и у нихъ самихъ, и чтобы такъ же за-конно было для нея искать всему этому удовлетворенія. У него, какъ и у всѣхъ остальныхъ, для женщины только два оборота медали: или кормилица и няня, или лоретка. Тошно становится, когда только подумаешь!... Одинъ вотъ этотъ мо-сковскій коптитель неба,—и темные глаза Ольги Елпидифо-ровны еще разъ на мигъ остановились на Ашанинѣ,—одинъ онъ умѣетъ любить безъ оглядки и думанья, любить—какъ поютъ птицы, какъ цвѣтутъ цвѣты... И одного этого au fond, сказалось ей послѣ минутнаго размышленія,—одного этого... перваго, и любила я въ жизни...

— Звонятъ! громко проговорила она тутъ же, спѣшно по-дымаясь со стула,—пойдемте!....

Вагонъ нашли они уже освѣщеннымъ. Толстая свѣча го-рѣла въ фонарѣ, полузадернутомъ синею тканью. Колеблемый воздухомъ, неяркій свѣтъ ея длинною и узкою полоской едва добѣгалъ до противоположной стѣнки, таинственно и мягко играя на лоснящемся мѣху шубы Ольги Елпидифоровны, на желтой оберткѣ кинутой на него книги; все остальное про-странство тонуло въ голубоватыхъ, сгущавшихся въ углахъ тѣняхъ...

— Какъ темно! воскликнула, входя, Ранцова;—у меня впрочемъ есть свѣчи и все, что нужно; можно сейчасъ за-жечь...

— И столъ тутъ... Можно было бы составить партію, слабо примолвила къ этому Марья Яковлевна.

Никто не отозвался на ея предложеніе, да и сама она не настаивала на немъ: ее клонило ко сну. Она усѣлась на прежнее свое мѣсто, въ углу дивана, и тутъ же задремала... Ольга Елпидифоровна, со своей стороны, не возобновила разговора о свѣчахъ...

Она помѣстилась на краю того же дивана. На складномъ табуретѣ, прямо противъ нея, у стола, на которомъ помѣщался ея несессеръ, сѣлъ Ашанинъ, спиной къ Александрѣ Павловнѣ и Троекурову, занявшимъ рядомъ мѣста на противоположной сторонѣ вагона. „Этакъ мы другъ другу мѣшать не будемъ“, рѣшилъ онъ въ своей сообразительной головѣ. Онъ имѣлъ особенный даръ все замѣчать и все угадывать, а съ Лукояновыми къ тому же былъ довольно близокъ: одного выраженія глазъ молчаливой „Сашеньки“ въ ту минуту, когда вошелъ въ вагонъ „этотъ бѣлокурый Аммалатъ-бекъ“, достаточно было ему, чтобы проникнуть въ ихъ тайну...

А они, очутившись теперь рядомъ, вдвоемъ въ этой таинственной полутьмѣ вагона, довольно долго оставались безмолвными. Какое-то блаженное, томительное и робкое чувство оковывало „Сашеньку“; ему все еще было не по себѣ: ему противна была мысль, что первый случай говорить съ нею на свободѣ доставляется ему этою, въ двухъ шагахъ сидѣвшею отъ нихъ женщиной, ея какъ-будто содѣйствіемъ и какъ бы подъ ея покровительствомъ. Не при такихъ условіяхъ должно было въ его мечтаньи произойти ихъ первое объясненіе.

— Извините меня за нескромный вопросъ, Александра Павловна, началъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ;—какимъ образомъ очутились вы здѣсь, въ этомъ вагонѣ?

— Это не хорошо, не правда-ли? мгновенно вскликнула она на это, обернувъ къ нему съ выраженіемъ тревоги свое невинно строгое лицо.

— Я этого не говорю, уклончиво отвѣтилъ онъ,—но мнѣ нѣсколько странно. Какъ это произошло, можете мнѣ сказать?

Она передала ему. Онъ слушалъ какъ можно спокойнѣе, стараясь не выдать ни малѣйшимъ движеніемъ въ чертахъ оттѣнковъ тѣхъ впечатлѣній, которые пробѣгали у него въ мысли въ это время.

— Это ничего, что maman согласилась перейдти къ ней, какъ вы думаете? повторила она свой тревожный вопросъ.

Онъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ:

— Ей было скучно одной въ своемъ вагонѣ, матушкѣ вашей неудобно въ своемъ; онѣ оказали другъ другу взаимное одолженіе... Это ни къ чему дальнѣйшему не обязываетъ, добавилъ онъ къ этому съ удареніемъ.

Дѣвушка замолчала, а чрезъ мигъ подняла опять свои большіе глаза на Троекурова.

— Скажите, правда, что она... такая опасная? прошептала она, слегка заикаясь.

— Чѣмъ это? возразилъ онъ съ усмѣшкой,—кусается, вы думаете?

— Она очень хороша, не правда-ли? объяснила чрезъ мигъ Александра Павловна.

— И смѣла очень, проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Вотъ видите!...

— Что? тихо выговорилъ онъ на это, вырвавшееся у нея, восклицаніе и пристально глянулъ на нее.

Она не отвѣчала, схватила лежавшую подлѣ нея муфту и, торопливо вложивъ въ нее обѣ руки, приникла къ ней своимъ пылающимъ лицомъ.

— Александра Павловна, послѣ довольно долгаго молчанія, началъ опять Троекуровъ, стараясь скрыть подъ тою же спокойною улыбкой внутреннее волненіе, надъ которымъ чувствовалъ онъ уже себя не властнымъ,—замѣтили вы, что между нами все какъ-будто уже сказано, и ничего не говорено между тѣмъ? Такъ сложились наши отношенія, и въ этомъ есть — для меня, по крайней мѣрѣ, — большая прелесть... Но безъ словъ все-таки не обойдемся...

Она поспѣшно высвободила свою руку изъ муфты и чуть-чуть притронулась ею къ его рукѣ:

— Зачѣмъ, прошу васъ, не говорите! прошептала она ка-

кимъ-то не то испуганнымъ, не то умоляющимъ голосомъ:— это портить!...

Онъ понялъ: всякое слово, какъ-бы сердечно ни вылилось оно изъ его груди, отозвалось бы рѣзкимъ звукомъ въ этой чистой молодой душѣ, „испортило“ бы дѣйствительно ту прелесть захватывающаго, сосредоточеннаго чувства, которымъ исполнена была она... Онъ примолкъ и только поймалъ коснувшіеся его пальцы и пожалъ ихъ мгновеннымъ, нѣжнымъ пожатіемъ.

— А поблагодарить васъ все-таки мнѣ надо, заговорилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, принимая шутливый тонъ, — хотя бы изъ простой учтивости...

— За что благодарить? спросила съ изумленіемъ она.

— За давнишнее, Александра Павловна...

— За что?

Голосъ его дрогнулъ, слегка отвѣчая:

— Когда я, раненый и забытый, лежалъ тамъ, въ дикой трущобѣ, кто-то въ Москвѣ ходилъ каждый день ставить за меня свѣчу у Спасителя...

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула дѣвушка, вся застыдясь,— это все Женни! Она какъ-то узнала и написала вамъ... Зачѣмъ это... точно я напрашивалась?...

— А я, возразилъ на это Троекуровъ,—я не знаю, чѣмъ готовъ бы я былъ воздать ей за то письмо... Оно спасло меня отъ отчаянія,—отъ смерти, можетъ быть.

Александра Павловна вскинула на него вопрошающіе глаза и остановила ихъ на немъ.

— Рана моя была далеко не смертельна, продолжалъ онъ, поясняя свои слова, — но я... самому-то мнѣ жить не хотѣлось... Бываютъ въ жизни такія времена... Разсказывать объ этомъ трудно...

— Говорите, я пойму, тихо сказала она...

Глаза его заискрились:

— Да, вы поймете! Знаете, это... вотъ это самое, сказалъ я себѣ тогда, получивъ письмо Женни... Мнѣ было скверно тогда, я почиталъ себя и жизнь свою безвозвратно *растраченными*... Молодость моя прошла безобразно...

Онъ пріостановился на мигъ и продолжалъ, увлекаясь самъ не зная какъ, на исповѣдь, на душевныя излія́нія, далеко не входившія въ обычай его сдержанной натуры:

— Въ самый разгаръ ея, меня, къ счастію, сослали въ армію...

— Вы дрались на дуэли, я знаю, неребила дѣвушка, — за что?

Его какъ бы озадачилъ этотъ вопросъ въ первую минуту. Онъ не отвѣчалъ, поглядѣлъ на нее только молча и смущенно.

— Безуміе! проронилъ онъ наконецъ, нервнымъ движеніемъ проводя себѣ рукой по лицу.—Меня сослали, поспѣшно заговорилъ онъ снова; — теперь я за это очень благодаренъ судьбѣ, но тогда, въ первое время, я озлобился... Тутъ началась война, повели насъ подъ Севастополь... Потомъ я перешелъ на Кавказъ. Я жилъ тамъ одинокъ, уйдя въ себя, въ свой внутренній, невеселый міръ... Я выписывалъ много книгъ: съ моимъ пажескимъ воспитаніемъ мнѣ многому приходилось учиться... Дѣло мое опостылѣло мнѣ давно, съ Севастополя, но я не приготовленъ былъ ни къ какому другому. А между тѣмъ и до моей трущобы долетали вѣсти о томъ, что̀ начиналось съ новымъ царствованіемъ. Небывалое что-то... новое... Издали рисуется это еще болѣе заманчиво... Я говорилъ себѣ, что пришло время, когда людямъ, кромѣ ремесла, предстанетъ еще что-то, болѣе важное, что они перестанутъ быть только солдатами или чиновниками, а станутъ... (Троекуровъ слегка заикнулся, какъ бы боясь употребить слишкомъ притязательное выраженіе), а станутъ прежде всего *гражданами*, произнесъ онъ будто вскользь, безсознательно взглянувъ на дѣвушку вопросительными глазами.

Она тихо кивнула головой, какъ бы говоря ему: „я поняла, продолжайте!“

Онъ продолжалъ:

— Что̀, однако, какъ, какой смыслъ могло это имѣть для меня, чѣмъ я со своей стороны могъ служить *этому?* Меня по цѣлымъ днямъ мучили эти вопросы. Я приходилъ всегда къ заключеніямъ самымъ безотраднымъ. Положимъ, въ этомъ общемъ движеніи найдется мѣсто и для меня. Но къ чему,

для кого? Меня такъ и придавливала эта мысль тогда... Я былъ одинъ на свѣтѣ; матери я лишился ребенкомъ, ни одного *нѣжнаго* воспоминанія не вынесъ я изъ моего прошедшаго; подлѣ меня, за мною не стояло ни одной, что говорится, „родной души“...

Троекуровъ оборвалъ вдругъ и усмѣхнулся опять:

— Я зналъ въ Петербургѣ одного очень умнаго и несчастнаго человѣка. Болѣзнь отымала у него постепенно ноги, руки, зрѣніе, вкусъ. А онъ все продолжалъ страстно желать жить: „изъ любопытства“, говорилъ онъ... Признаюсь, я никогда этого не понималъ... Я ужь сказалъ вамъ, что рана моя была не важная, да не поправлялся я никакъ. Старый мой баталіонный лѣкарь даже ругался съ досады. „Вы бы у барабанщика Өирсова призаняли на двугривенный жизненной силы, а то васъ всякая курица осрамитъ“... И вотъ въ это время пишетъ мнѣ Женни... Меня сразу всего будто подняло и понесло. Черезъ двѣ недѣли я былъ на ногахъ. Все стало для меня вдругъ яснымъ, простымъ, достижимымъ... Куда бы я ни пошелъ теперь (знаете, что это такъ сразу, безповоротно, и сказалось мнѣ тогда!), есть существо, которое пойдетъ за мною!...

— Куда хотите! быстро и твердо проговорила Сашенька, вся загорѣвшись опять.

Какіе-то лучезарные круги завертѣлись у него подъ глазами...

— Вотъ видите, Александра Павловна, вскликнулъ онъ въ неудержимомъ порывѣ, завладѣвая еще разъ ея рукою,— вотъ съ этимъ, чистымъ, безкорыстнымъ женскимъ чувствомъ я до сихъ поръ не встрѣчался еще въ жизни!

Она не отвѣчала, только пальцы ея мгновенно дрогнули и захолодѣли въ его рукѣ.

— Вы, стало-быть, въ Петербургѣ бываете? говорила въ то же время Ольга Елпидифоровна Ранцова Ашанину,—а мнѣ въ продолженіе девяти лѣтъ не подумали ни разу хоть карточку забросить?

— У меня и карточекъ нѣтъ вовсе, отвѣчалъ онъ,— я ѣзжу только туда, гдѣ, я знаю, меня навѣрное примутъ. А

ѣхать къ вамъ, въ моемъ понятіи, значило только для карточки.

— Это почему такъ? воскликнула она.

Онъ взглянулъ на нее своими лукаво-невинными глазами:

— Вы меня такъ жестокосердно изгнали отъ лицезрѣнія вашего въ послѣднюю встрѣчу нашу *)...

Она сжала брови, стараясь припомнить, и расхохоталась, вспомнивъ:

— Какъ вы однако памятливы, въ самомъ дѣлѣ!... А знаете, что если бы вы тогда не ушли... вырвалось у нея вдругъ и не договорилось.—Нѣтъ, прервала она себя съ новымъ смѣхомъ,—я вамъ не скажу, вы и такъ достаточно балованы... Шутки въ сторону, вы напрасно не бываете у меня въ Петербургѣ, я могла бы быть вамъ полезна Вѣдь вы ничего не дѣлаете въ Москвѣ?

— Живу, улыбнулся Ашанинъ.

— То-есть грѣшите, замаливаете по *Пѣсни Пѣсней царя Соломона* и принимаетесь опять грѣшить. Это прелестно, конечно, и очень какъ-то идетъ къ вамъ. Но мнѣ кажется, что это нисколько не должно бы вамъ мѣшать дѣлать, какъ всѣ, подумать о вашей карьерѣ, о будущемъ...

— Помилуйте, какая ужь карьера! засмѣялся онъ,—я такъ отсталъ въ чинахъ отъ моихъ сверстниковъ...

— Это ничего не значитъ, прервала его красивая барыня,—я скажу Прыткову,—онъ мнѣ не смѣетъ ни въ чемъ отказать,—онъ васъ опредѣлитъ въ одинъ изъ своихъ комитетовъ...

— Впречься въ ярмо, въ канцелярію ходить!

Московскій „коптитель неба“ даже руками замахалъ.

— Какой вздоръ! То же будете дѣлать, что теперь; можете даже по-прежнему въ Москвѣ жить, если это вамъ не наскучило, а чины будутъ вамъ итти каждые два года, а потомъ, когда вы будете статскій совѣтникъ, мы васъ губернаторомъ сдѣлаемъ.

— Что вы, Ольга Елпидифоровна, какой я губернаторъ!

---

*) *Четверть вѣка назадъ*. Гл. XCIV.

— Это вы разсуждаете такъ потому, что засѣли въ вашей старой дурѣ, Бѣлокаменной. Вы все еще тамъ по-старому смотрите и судите... А я живу въ центрѣ движенія, comme on dit, ко мнѣ ѣздятъ всѣ, кто теперь всю эту машину нашу ведетъ... Вѣдь это все совсѣмъ другое теперь, Владиміръ Петровичъ! Прежде все это было туго—рутина, правила; нужна была „опытность", какъ они говорили, долгая служба, на большихъ мѣстахъ стояло одно старье... Ну, и увидѣли наконецъ, къ чему это старье привело насъ;—Севастополь и прочее... Теперь пошли молодые въ ходъ; кто только смѣлъ и понимаетъ, какъ и чрезъ кого... Теперь, Владиміръ Петровичъ, воскликнула съ какимъ-то внезапнымъ увлеченіемъ, вся даже выпрямившись, Ольга Елпидифоровна,—теперь все, все можно, только ловкимъ надо быть!

Ашанинъ наклонился къ ней, какъ бы съ тѣмъ, чтобы ближе слѣдить за игрой ея лица.

— А вы, не то насмѣшливо, не то укорительно промолвилъ онъ,—вы и дѣйствительно, какъ говорятъ про васъ, превратились въ „политическую женщину?"

Ольга Елпидифоровна поглядѣла на него съ довольнымъ видомъ:

— Вы это про меня слышали?... „Femme politique", да?... Это не совсѣмъ такъ, хотя я знаю, что въ Михайловскомъ дворцѣ про меня сказано было: „la madame Roland du parti retrograde". Это моихъ бѣдныхъ генералъ-адъютантовъ называютъ „париками", расхохоталась вдругъ „femme politique" своимъ прежнимъ, беззавѣтнымъ, дѣвическимъ смѣхомъ, отъ котораго сладостно повело все существо московскаго Донъ-Жуана;—тамъ вѣдь главное гнѣздо du parti libéral, а у меня, напротивъ, большинство изъ ancien régime. Они у меня сиднемъ сидятъ всѣ, и я чрезъ нихъ могу все обдѣлать. Ихъ кислыя grandes dames жены бѣсятся на меня за это и дѣлаютъ мнѣ всякія аванія,—mais je m'en fiche!

— И весело вамъ съ этимъ вашимъ „ancien régime?" спросилъ Ашанинъ, все неотступнѣе глядя на нее своими страстно разгоравшимися глазами.

— У меня и молодыхъ неотолченая труба,—вы видѣли,

сколько пріѣхало ихъ меня проводить... Я совсѣмъ нечаянно собралась, а они узнали; вчера еще утромъ не знала, что поѣду, а вечеромъ получила телеграмму отъ отца,—вѣдь вы его знаете?—онъ заболѣлъ очень, испугалъ меня...

Она все время видимо избѣгала этихъ пожиравшихъ ее глазъ Ашанина, и вдругъ, какъ бы уже невластная предъ ними, уронила сложенныя руки на колѣни и взглянула ему прямо въ лицо:

— Вы меня спрашиваете, весело-ли мнѣ?.. Нѣтъ, скажу вамъ прямо. Ни со старыми, ни съ молодыми!.. Скажите, отчего это они всѣ такіе?.. Разные вѣдь они у меня: есть умные, злые, сентиментальные,—старички все больше сантиментальны, ужасно любятъ становиться на колѣни и все просятъ поцѣловать le bout de ma pantoufle, — только всѣ они какіе-то... точно изъ кислаго тѣста сдѣланы. Flasques et mous comme des outres vides, говоритъ про нихъ Непиръ. Англичанинъ этотъ—злючка и терпѣть насъ не можетъ, а это онъ вѣрно замѣтилъ... Съ ними все можно сдѣлать, и ни на кого изъ нихъ въ то же время положиться нельзя. И сами они меньше всего на себя надѣются... Я съ ними вѣчно бранюсь за это... Они, напримѣръ, ужасно теперь боятся и бранятъ этихъ либераловъ, „les rouges“, и я сама ихъ терпѣть не могу; я читаю иногда *Колоколъ* и то, что у насъ пишутъ, и очень хорошо понимаю, чего хотятъ tous ces va-nu-pieds. Но мои „парички“ такъ запутаны и Герценомъ, и этими семинаристами, что только руками машутъ и вздыхаютъ: „c'est le commencement de la fin...“ А впрочемъ, они всѣ премилые, ужасно балуютъ меня, и я не хочу говорить про нихъ дурно! неожиданно заключила, разсмѣявшись, Ольга Елпидифоровна.

— Что всѣ они васъ „балуютъ“ и рвутся облобызать кончикъ вашей туфли, совершенно понятно, проговорилъ Ашанинъ,—но... сами вы?..

— Онъ все про свое! прервала его она съ новымъ смѣхомъ.—Я вамъ сейчасъ цѣлую лекцію прочла, о—говоря по газетному — „о современномъ состояніи высшаго русскаго общества“, а вы... Васъ ничего въ мірѣ, видно, не интересуетъ, кромѣ все одного и того же...

— Истинную правду изволили сказать, смиренно вздохнулъ онъ въ отвѣтъ, потому что это *мое* одно неизмѣнно, какъ самый міръ; все же остальное—преходяще какъ вѣтеръ, какъ тучи въ небѣ...

Онъ остановился и замолкъ.

— У васъ одно несомнѣнное качество, медленно начала она,—вы горите какъ солома или смола, не долѣе ихъ, но за то и *весь* какъ онѣ. *Подтопокъ* не нужно вамъ: кинута спичка, вы вспыхнули и горите до конца, безъ остатка. Ни разсчета при этомъ, ни тщеславія, ни задней мысли; горничная или царица—все равно, лишь бы женщина, способная дѣлать вашъ этотъ пожаръ, а затѣмъ ни суда надъ нею, ни злобы, ни упрека... За то уже ни сожалѣнія, ни воспоминанія по большей части... Такъ это?

— Почти такъ, улыбнулся онъ,—но не всегда... Васъ я никогда забыть не могъ!..

— Будто?.. Можетъ быть, потому, что мы такъ мало...

— Я вамъ скажу откровенно, молвилъ Ашанинъ,—вы мнѣ сказали однажды *тогда*: „я не изъ тѣхъ, кого кидаютъ, я кину первая...“ И вы, дѣйствительно, первая кинули меня, чего со мною въ жизни не бывало. И я поэтому ни одной женщины такъ не любилъ, какъ васъ!..

— Какъ это на васъ похоже! промолвила, покачивая головой, Ранцова, кинувъ украдкой взглядъ въ сторону г-жи Лукояновой.

Но Марья Яковлевна, уткнувшись большою головой своею въ подсунутую ей хозяйкой вагона подушку, сладостно похрапывала подъ гулкій стукъ мчавшагося впередъ поѣзда...

Молодая женщина почувствовала въ то же время на своихъ колѣняхъ горячую руку московскаго донъ-Жуана, ухватившую и страстно сжимавшую ея пальцы.

— Вѣдь я „кину“... какъ и тогда! прошептала она не сейчасъ, въ отвѣтъ на это нѣмое моленіе...

— Что же!.. Вы когда-то пѣли: „Одинъ лишь мигъ!..“ такимъ же шопотомъ, подъ самымъ ея ухомъ проговорилъ онъ. Губы его скользнули по ея разгорѣвшейся щекѣ...

Она испуганно оттолкнула его дрожавшею какъ въ лихорадкѣ рукой:

— Что вы, Бога ради, здѣсь!..

Марья Яковлевна продолжала все такъ же мирно почивать. Троекуровъ и Александра Павловна забывали весь міръ, сидя другъ подлѣ друга... А желѣзное чудище, пыхтя, съ хвостомъ огненныхъ брызговъ и чернаго дыма за собою, мчало, не уставая, длинный поѣздъ по безконечной снѣговой равнинѣ, и мѣдный мѣсяцъ, скользя промежъ опаловыхъ тучекъ, равнодушно глядѣлъ на него, на землю, съ высоты холоднаго темносиняго неба...

VIII.

Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Горе отъ ума.

Moi renoncer au monde avant que de vieillir
Et dans vôtre désert aller m'ensevelir!
Molière. *Le misanthrope.*

Въ одиннадцатомъ часу утра поѣздъ, пронзительно свистя выпускаемыми парами, медленно подкатывалъ къ Московской станціи.

Троекуровъ и Ашанинъ, простившіеся со своими спутницами въ Бологовѣ и ушедшіе отъ нихъ спать въ первый классъ, стояли теперь у полураскрытой двери своего вагона, готовясь выскочить первыми высаживать дамъ изъ ихъ отдѣленія. Платформа дебаркадера уже плыла имъ навстрѣчу со своею обычною, разновидною толпой оживленныхъ радостью или тревогой ожиданія лицъ: румяныя бабы съ грудными ребятами, синія длинныполки въ картузахъ, лакеи въ ливреяхъ, востроглазыя барыни, толстопузые купцы и чиновные господа, въ тѣхъ пышныхъ шубахъ, которыми искони любила щеголять Москва...

— Проходите, проходите! проговорилъ вдругъ поспѣшно Ашанинъ въ минуту, когда, судорожно встряхнувъ въ послѣдній разъ всѣмъ своимъ желѣзнымъ многочленнымъ остовомъ, замеръ, останавливаясь, поѣздъ у станціи. И онъ, быстро подавшись тѣломъ назадъ, пропустилъ своего спутника въ дверь.

На платформѣ, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, въ форменной фуражкѣ, установленной для придворнаго вѣдомства, съ ко-

кардой на бархатномъ околышѣ и въ старой сѣраго сукна шинели съ бобровымъ воротникомъ, видимо, передѣланной изъ военной, стоялъ мужъ его красавицы, бывшій капитанъ, нынѣ камеръ-юнкеръ и коллежскій совѣтникъ, Никаноръ Ильичъ Ранцовъ. Донъ-Жуанъ немедленно сообразилъ, что кидаться этому мужу съ перваго раза на глаза было по меньшей мѣрѣ безполезно..

Но тотъ едва-ли бы увидѣлъ, едва-ли бы былъ въ состояніи замѣтить его. Ашанинъ, отошедшій къ окну, норовя теперь выйти изъ вагона послѣднимъ, видѣлъ, какъ подъ щетинистыми усами этого человѣка задрожали губы, какъ судорожно замигали готовые заплакать отъ счастія глаза его, принимая на руки сходившую съ площадки вагона жену.

— Оленька! былъ онъ только въ силахъ произнести.

— Какъ это вы здѣсь? вскликнула она на это, сжавъ брови и торопливо подставляя щеку подъ неизбѣжный для нея поцѣлуй его тянувшихся къ ней губъ.

— Узналъ въ деревнѣ про батюшкину болѣзнь, вчера пріѣхалъ. Онъ мнѣ сказалъ, что ты сегодня будешь... Ему лучше, ждетъ тебя, не дождется... Ѣдемъ, мой другъ, у меня и карета, и сани, какъ пожелаешь, потому погода чудесная. Гдѣ твой багажный билетъ?

— У моей Амаліи.

— Ну, и прекрасно, она и поѣдетъ съ вещами во второмъ экипажѣ, суетился заботливый мужъ.

— Погодите! нетерпѣливо прервала его она,—я тутъ съ дамами...

Она обернулась къ вышедшимъ передъ нею изъ вагона Лукояновымъ.

— Тутъ, должно быть, мой выѣздной съ каретой, говорила Марья Яковлевна, пришуренно глядя на проходившую мимо ихъ густую толпу,—я предъ отъѣздомъ приказъ отдала...

Ольга Елпидифоровна быстро обратилась къ мужу:

— Ступайте, отыщите скорѣе человѣка madame Loukoianoff!... Mon mari!—проговорила она, не видя возможности не представить его, и тутъ же:—скорѣе, mon cher, скорѣе! поспѣшно повторила она.

Ранцовъ нѣсколько заметался, торопясь и поклониться дамамъ, и пожать руку, которую протягивалъ къ нему стоявшій у вагона Троекуровъ, и исполнить скорѣе владычную волю супруги, но успѣлъ совершить все это безъ особенной неловкости и помчался отыскивать Лукояновскаго выѣзднаго.

Марья Яковлевна громко заголосила, пожимая въ своихъ большихъ рукахъ руки молодой женщины:

— Мнѣ просто совѣстно; вы ужь такія любезныя, такія внимательныя, что я не знаю, какъ и благодарить васъ! Надѣюсь, что мы еще увидимся? Вы долго думаете въ Москвѣ пробыть?...

— Нѣсколько дней, я думаю...

— Такъ сдѣлайте милость, не забудьте меня!... На Арбатѣ, собственный домъ, всѣ извощики знаютъ. Только, пожалуйста, ужь безъ визитовъ, а просто откушать, чѣмъ Богъ послалъ, или вечеркомъ... Да вотъ, безъ церемоніи, сегодня же, напримѣръ, день мой — пятница; я такъ нарочно и пригнала выѣхать изъ вашего Петербурга, чтобы къ этому дню дома быть, у себя. Такъ вотъ и прекрасно, пріѣзжайте, моя милая, вечеркомъ!... И je vous prie, безъ лишнихъ élégances, а то предъ вами другимъ слишкомъ совѣстно будетъ! И пораньше, je vous prie, у меня не полуночничаютъ, какъ у васъ въ Петербургѣ, говорила Марья Яковлевна, уже нѣсколько свысока, чувствуя себя опять на родной, московской почвѣ и разсудивъ при томъ, по впечатлѣнію, какое произвела на нее наружность мужа этой красавицы, что онъ дѣйствительно, какъ слышала она о немъ, „du prostoï“ и „не важная птица, не смотря на свой придворный мундиръ“.

— Я, право, не знаю, какъ расположу мой день, небрежно отвѣтила на это по-французски Ольга Елпидифоровна, тотчасъ же замѣтившая этотъ оттѣнокъ въ обращеніи, и принимая свой air de grande dame: — не знаю, впрочемъ... не обѣщаюсь, но можетъ быть, заѣду, словно уронила она съ губъ.

Московская барыня тотчасъ же почуяла, въ свою очередь, эту перемѣну тона, и, поведя украдкой взглядомъ на безмолвно

внимавшаго ихъ разговору Троекурова (она робѣла предъ нимъ теперь), заегозила съ новою любезностью:

— Нѣтъ ужь, пожалуйста, не обижайте меня, обѣщайтесь!... Вотъ и monsieur Троекуровъ сдѣлаетъ мнѣ, надѣюсь, удовольствіе... Вы будете, monsieur Троекуровъ? (Онъ поклонился въ знакъ согласія). И Владиміръ Петровичъ тоже, кивнула она на подходившаго къ нимъ, наконецъ, Ашанина,— онъ ужь всегда, хоть къ ужину, да подъѣдетъ...

Московскій Донъ-Жуанъ поднялъ глаза на молодую женщину; она чуть-чуть усмѣхнулась...

Ранцовъ бѣжалъ назадъ въ сопровожденіи сѣдаго и краснаго ливрейнаго лакея, въ шляпѣ съ потертымъ серебрянымъ галуномъ, мрачно надвинутой на самыя брови.

— Гдѣ это ты, батюшка, ползъ? обратилась къ нему барыня,—никогда тебя нѣтъ, гдѣ нужно!...

— Гдѣ? пробурчалъ на это слуга,—извѣстно, съ каретой ѣхалъ.

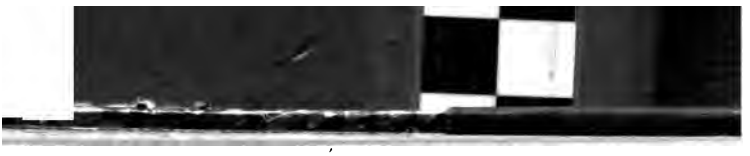
— А по дорогѣ во царевъ кабакъ заѣзжалъ?...

— Ѣдемъ, maman, пора! поспѣшила прервать Александра Павловна эти интимныя объясненія.

— Ѣдемъ, мой другъ!... Такъ до свиданія, chère madame Rantzoff, не правда-ли? А теперь позвольте васъ поцѣловать и поблагодарить еще разъ за себя и за Сашу...

Она двинулась наконецъ, прошла нѣсколько шаговъ — и вдругъ вспомнила, что забыла первый долгъ учтивости: поблагодарить того, кто бѣгалъ за ея красноносымъ служителемъ. Она обернулась, отыскивая глазами Ранцова, но онъ уже исчезъ съ женою.

Троекуровъ усадилъ мать и дочь въ ихъ большую, четверкой съ форейторомъ карету, которую пріѣхавшая съ ними горничная успѣла уже набить до верху всякими картонками, шкатулками и узлами, получилъ отъ Марьи Яковлевны повторительное приглашеніе быть у нея непремѣнно вечеромъ, простился съ ними и, перейдя на другую сторону двора станціи, готовился сѣсть на извощика, когда увидалъ опрометью бѣгущаго къ нему Ашанина.



— Вы гдѣ думаете остановиться? торопливо спрашивалъ онъ.

— У Шевріе.

— А багажъ вашъ гдѣ?

— Человѣкъ мой привезетъ, онъ знаетъ.

— Такъ возьмите меня съ собой,—я въ двухъ шагахъ тамъ живу.

— Сдѣлайте одолженіе! сказалъ Кавказецъ, прижимаясь къ краю саней, чтобы дать ему мѣсто.

Ашанинъ проворно вскочилъ къ нему о-бокъ:

— За вашею папахой отлично, какъ за деревомъ густымъ... Не увидитъ!

— Кредиторъ? обернулся на него, засмѣявшись, Троекуровъ.

— Хуже!—женщина.

— Цыганка?

— Вы почемъ знаете? вскликнулъ удивленно тотъ.

— Я слышалъ: васъ вчера за обѣдомъ дразнили наши дамы.

— Ну, да! Я уѣхалъ въ Петербургъ, ничего ей не сказавъ,—вотъ она и шмыгаетъ, должно быть, на каждый прибывшій поѣздъ, въ надеждѣ тутъ же и сцапать меня... Стою я преспокойно сейчасъ у рѣшетки багажной, чемодана своего жду. На счастіе мое, обернулся я какъ-то: вижу, а она летитъ стремглавъ—опоздала къ поѣзду... Я такъ чемоданъ свой тамъ и оставилъ, и дрàла, прежде чѣмъ успѣла она сыскать меня.

— Да, проговорилъ Троекуровъ тономъ равнодушной шутки,—это часто мѣшаетъ.

Тонкій Ашанинъ тотчасъ-же навострилъ уши:

— То-есть, что̀ именно хотите вы сказать?

— Старая связь.

— Нѣтъ, что̀ же, своею комически невинною интонаціей отвѣчалъ чернокудрый красавецъ,—на то она и старая, чтобъ ее бросить; а вотъ какъ если съ третьяго слова наровятъ глаза тебѣ выцарапать...

— А эта привычка у вашей барыни имѣется? засмѣялся еще разъ его спутникъ.

— Такая ужь порода! вздохнулъ Ашанинъ,—съ древности! Въ Книгѣ Премудрости не даромъ сказано: *къ ствающейся не примѣшайся, да не како увязнеши въ начинаніяхъ ея!...* „Начинанія“—это должно быть вотъ этотъ самый дурной ихъ обычай рукамъ волю давать.

— Такъ вы бы ихъ оберегались, какъ въ этой книгѣ сказано.

— Кого это? Цыганокъ?

— Вообще „поющихъ“, неспѣшно проговорилъ Кавказецъ, слегка покосясь на него.

— Да какъ же отъ нихъ оберечься? самымъ наивнымъ тономъ произнесъ на это Ашанинъ; — если у васъ рецептъ противъ этого есть, сообщите на милость!

Троекуровъ невольнымъ нервнымъ движеніемъ дернулъ плечомъ и тутъ же безмолвно усмѣхнулся. Оба они замолкли.

Очутившись въ каретѣ вдвоемъ съ женою, Ранцовъ схватилъ ея руки и нѣжно принялся ихъ цѣловать поверхъ перчатокъ.

— Какъ я радъ, Оленька, какъ я радъ видѣть тебя! говорилъ онъ разчувствованнымъ голосомъ.

— Что съ отцомъ было, скажите пожалуйста, прервала она его изліянія;—ударъ?

— Въ этомъ родѣ, Оленька... да, озабоченно отвѣчалъ онъ,—лѣвая рука отнялась... А впрочемъ докторъ не отчаивается... электричество прописалъ... Голова у него совсѣмъ свѣжая; про тебя все говоритъ...

— Упалъ духомъ?

— Н-нѣтъ!... А только все же видно...

Онъ не договорилъ.

— Боится смерти? заключила за него Ольга Елпидифоровна.

— Не то, чтобы... а, видно, занятъ мыслію на счетъ будущаго... Говорилъ, боится, что, если насъ тутъ не будетъ, растащатъ у него все...

Ольга Елпидифоровна замолчала, прижалась плотнѣе къ углу кареты, затѣмъ спросила:

— Ну, а у васъ какъ, въ Рай-Никольскомъ?

— Да не хорошо, Оленька, проговорилъ онъ замѣтно смущеннымъ голосомъ, не глядя на нее.

— Все та же пѣсня! отрѣзала она.—Хлѣбъ продали?

Онъ повелъ глазами въ окно.

— Продавать-то не много пришлось... Что было хлѣба, на винокурню все пошло; сама знаешь, какой урожай былъ у насъ въ прошломъ году...

— Денегъ мнѣ привезли? спросила она послѣ новаго молчанія.

— Тысячи полторы собралъ, проговорилъ онъ чуть слышно.

— Только? До какихъ же поръ?

— Я ужь, право, не знаю, Оленька, пробормоталъ бѣдный Ранцовъ,—раньше конца апрѣля, когда вино сдамъ, никакой то-есть получки и въ виду не имѣю...

— Чѣмъ же я буду жить, пока у васъ опять будутъ деньги?

— Да вотъ, Олечка, я привезъ тебѣ...

— Полторы тысячи! Этого, вы знаете, на мѣсяцъ мнѣ не хватитъ!...

Ранцовъ заерзалъ на мѣстѣ, судорожно провелъ языкомъ по своимъ, какъ бумага, сухимъ и побѣлѣвшимъ губамъ и, все такъ же избѣгая глазъ жены, началъ, заикаясь и глотая половину словъ, видимо давно и мучительно задуманное объясненіе:

— Ты не должна сердиться на меня, Оленька, потому— сама знаешь, я всей душою, и, кажется, ты видѣла и видишь... Только мы такъ больше не можемъ... потому сама знаешь...

— Что „не можемъ“, что „не можемъ“? гнѣвно вскрикнула она, передразнивая его.

— Такъ жить, Оленька, произнесъ онъ насколько могъ твердо,—потому доходовъ не хватаетъ... и подъ конецъ можно этакъ по міру пойти.

— Прелестно, превосходно! злобно засмѣялась она;—послѣ девяти лѣтъ замужства, вотъ какую перспективу обѣщаетъ мнѣ мой мужъ—нищую суму!

Лицо Ранцова стало еще бѣлѣе его губъ; глаза его болѣзненно заморгали:

— Я знаю, Олечка, что ты вспыльчива и не резонно гнѣваешься часто,—только ты бы меня пожалѣла, потому, сама знаешь, мнѣ это хуже, чѣмъ ножомъ... Онъ передохнулъ съ мучительнымъ усиліемъ и продолжалъ: — мнѣ ничего не нужно, лишь бы тебя успокоить... Какъ ты всегда желала, я ни слова противъ никогда. Сама знаешь, по первому абцугу на переѣздъ нашъ и устройство въ Петербургѣ пошло сорокъ тысячъ... Стали мы тутъ же жить вельможами: дохода въ хорошій годъ двадцать пять и тридцать тысячъ, а мы сорокъ, да и всѣ пятьдесятъ въ иной годъ проживали. Обѣды, ужины,—такъ съ перваго года и по днесь жили. Всегда притомъ расходы непредвидѣнные, то на школы твои, то на то, то на другое... За границу захотѣлось тебѣ съѣздить, — что тамъ денегъ осталось!... Имѣнье мы все позаложили... Теперь опять что будетъ съ *волею*? Даровой трудъ отъ насъ отойдетъ, опять убытки...

Ольга Елпидифоровна слушала безмолвно, устремивъ прищуренные глаза на мелькавшіе сквозь окно кареты дома, заборы, занесенные снѣгомъ сады пространнаго города, и закусивъ нижнюю губу съ видомъ глубокаго и тяжелаго раздумья.

Она вдругъ обернулась и пристально взглянула въ лицо мужу:

— Какой же доходъ разсчитываете вы получать теперь и на будущее время?

— Если, какъ теперь я, входить во все самому, тысячъ пятнадцать вѣрныхъ всегда можемъ получить, Оля, отвѣтилъ онъ съ радостнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, въ упованіи, что она „сдается на его резоны“.

Она презрительно захохотала:

— Пятнадцать тысячъ! Да развѣ съ этимъ можно существовать?

— Конечно, Олечка, попробовалъ онъ возразить,—если бы ты согласилась въ деревню... или даже сюда, въ Москву, поспѣшилъ онъ прибавить.

— Не жить въ Петербургѣ? крикнула она,—никогда!

— Такъ какъ же быть, растерянно залепеталъ Ранцовъ,— когда доходы...

— Да не [illegible] ... она,— у васъ [illegible]
смущеннымъ [illegible]
— Все та же [illegible]
Онъ повелъ [illegible] ...ходовъ! неожиданно пере-
— Продавай [illegible] ...дусь!...
на винокурн[illegible] ...ъ біеніемъ сердца, воззрился
у насъ въ [illegible] ...ъ ней припадокъ или... или...
— Де[illegible] ...своей мысли.
молчанія. ...Въ ея подвижномъ воображеніи
— [illegible] ...радужныхъ краскахъ исходъ изъ
— [illegible] ...минуту до этого почитала безна-
— [illegible]
Ранцовъ [illegible] ...на меня какъ сова! обратилась она къ
[illegible] ...ли вы не умѣете устроиться въ жизни.
...на это приниматься. И я начну.
...недоумѣло спросилъ мужъ.
...ать.
...кѣмъ?
...ему не сейчасъ:
...одинъ ужъ баронъ Функель даетъ мнѣ триста
...она съ тою же улыбкой радужныхъ надеждъ,
...крикнулъ Ранцовъ, вспыхивая до самыхъ волосъ.
...то, что я проведу ему въ государственномъ совѣтѣ
...которое принесетъ ему пять или шесть милліоновъ
...
...глубоко вздохнулъ, какъ бы скидывая тяжелый ка-
...съ груди, но тутъ же, съ прежнею тревогой, взялъ по-
...ку ея руку:
Олечка, другъ мой, подумай: какъ же ты это можешь
...дѣлать? Въ государственномъ совѣтѣ, шутка сказать!
Въ совѣтѣ, въ сенатѣ, въ комитетѣ—не все-ли равно!
нетерпѣливо возразила она на это;—вы точно будто не знае-
те, не видѣли сами, *кѣмъ* я окружена и какъ готовы всѣ они
дѣлать все, что̀ я ни пожелаю!
— Это, конечно, молвилъ добродушно мужъ, видимо успо-
коенный и побѣжденный „резонностью“ такого аргумента,
принимаясь снова цѣловать ея перчатки,—ты у меня умни-

ца, всякую тонкость понимаешь, и я дѣйствительно знаю, какіе козыри у тебя въ рукѣ... Только все же, Оленька, на такую аферу, какъ ты говоришь, полагаться трудно....Разскажи ты мнѣ, по крайней мѣрѣ, что это за дѣла и какъ именно думаешь ты приняться...

— Ну, это когда-нибудь въ другой разъ, а теперь скучно! не дала ему договорить Ольга Елпидифоровна, откидываясь снова въ уголъ кареты и запахивая на колѣняхъ полы своей великолѣпной шубы.

IX.

What should poor Jack Falstaff do in the days of villainy? I have more flesh than another man, therefore more frailty
Shakespeare. *King Henry* IV.

На одной изъ московскихъ Мѣщанскихъ, въ глубинѣ двора, невидимый съ улицы за выходившими на нее деревянными флигелями, стоялъ небольшой, каменный одноэтажный домъ, обитаемый отставнымъ частнымъ приставомъ Елпидифоромъ Павловичемъ Акулинымъ, и который, какъ и всѣ окружавшія постройки, составлялъ его благопріобрѣтенную собственность. За нимъ, высоко подымая надъ крышею свои опорошенныя инеемъ вѣтви, виднѣлись деревья довольно, повидимому, обширнаго сада.

Ранцовыхъ ждали. Едва успѣла въѣхать карета ихъ во дворъ, какъ подъ навѣсомъ небольшаго крыльца, пристроеннаго къ одному изъ угловъ дома, появился молодой малый въ куцомъ фрачкѣ и съ глупо улыбающимся лицомъ кинулся принимать господъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте! голосилъ онъ, ни дать ни взять лавочникъ въ Городѣ, *) зазывающій покупателя. И, подхвативъ Ольгу Елпидифоровну подъ мышки, повелъ ее вверхъ по нѣсколькимъ, обитымъ сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, ступенькамъ просторной, чистенькой, освѣщенной большимъ продольнымъ окномъ лѣстницы, стѣны которой сверху до низу оклеены были весьма оригинальною коллекціей лу-

*) Московскій гостинный дворъ.

бочныхъ картинъ патріотическаго содержанія, подобранныхъ съ эпохи Двѣнадцатаго Года.

Немногочисленныя, но довольно объемистыя комнаты „укромнаго уголка", какъ называлъ свой домъ Елпидифоръ Павловичъ, едва-ли уступали роскошному петербургскому аппартаменту его дочери по количеству наполнявшихъ ихъ предметовъ самаго разнообразнаго свойства. Но между тѣмъ какъ тамъ все носило печать новизны и случайности, здѣсь все свидѣтельствовало о прирожденномъ артистическомъ вкусѣ и терпѣливой страсти къ *собирательству* своего хозяина. Недаромъ цѣлыхъ восемь лѣтъ состоялъ главнымъ полицейскимъ окомъ въ Городской части Елпидифоръ Павловичъ, не даромъ зналъ онъ наизусть каждую лавченку своего торговаго муравейника, не даромъ являлся самъ „надзирать" за подчиненными ему квартальными, при составленіи ими описи движимости сколько нибудь состоятельнаго должника, назначенной къ продажѣ съ аукціоннаго торга. Онъ, очевидно, не пропустилъ ни единаго изъ тысячи представлявшихся ему случаевъ пріобрѣтать дешево—если не всегда даромъ—художественныя вещи, настоящая цѣнность и рѣдкость которыхъ въ тѣ времена и не вѣдомы были весьма часто ихъ владѣльцамъ, и которыя угадывалъ Акулинъ и чутьемъ своимъ, и наглядкой, пріобрѣтенною долгими годами этого собирательства. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ. Тутъ были и картины, и старинная мебель, фарфоръ и бронза, мозаика и яшма, монеты и мраморные бюсты,—всякое добро, выставленное въ-явь, или тщательно хранимое въ глуби завѣтныхъ ящиковъ...

— Да у него тутъ цѣлый музей! восклицала Ольга Елпидифоровна, проходя съ мужемъ мимо всего этого неожиданнаго для нея художественнаго богатства (она еще въ первый разъ посѣщала отца послѣ отставки въ этомъ его давно купленномъ имъ домѣ, куда онъ постепенно отправлялъ свои пріобрѣтенія, признавая *неудобнымъ* „выставлять ихъ на показъ" въ казенной квартирѣ,) по узенькимъ коврикамъ, протянутымъ во всю длину веселыхъ, свѣтлыхъ комнатъ, съ бросавшеюся въ глаза, совершенно голландскою опрятностью.— Откуда это у него все? спрашивала она съ удивленіемъ.

Ранцовъ не отвѣчалъ и продолжалъ итти за нею, вперя взглядъ въ носки своихъ сапоговъ.

— Оля, другъ мой! раздался изъ глубины послѣдней комнаты, спальни Елпидифора Павловича, его взволнованный, уже полный слезъ голосъ.

Она поспѣшила переступить черезъ порогъ.

Акулинъ сидѣлъ полулежа, протянувъ коротенькія ноги свои во всю длину, въ старинномъ глубокомъ и удобномъ вольтеровскомъ креслѣ, съ большою подушкой за спиной, и другою съ лѣваго боку, на которой лежала недвижно его отнявшаяся рука. Противъ него на стулѣ помѣщался смуглый, съ ворохомъ черныхъ волосъ спускавшихся низко на лобъ, довольно еще молодой человѣкъ въ синихъ очкахъ. За кресломъ Елпидифора Павловича стояла красивая, съ широкимъ развитіемъ плечъ и груди, лѣтъ двадцати осьми женщина, повязанная по-купечески шелковымъ платочкомъ по свѣтлорусымъ волосамъ, въ шелковой синей кофтѣ крестьянскаго покроя, изъ плечевыхъ отверстій которой выступали широкіе собранные у локтя полотняные рукава рубахи ослѣпительной бѣлизны. Обѣ руки ея, пухлыя и бѣлыя, съ бирюзовымъ колечкомъ на одной изъ нихъ, лежали рядомъ на верхушкѣ спинки кресла, какъ бы выжидая чего-то. Ея подернутое легкимъ румянцемъ лицо и синіе съ поволокой глаза глядѣли чрезвычайно спокойно, мягко и умно.

— Оля! повторилъ Акулинъ, ухватываясь здоровою рукой за ручку кресла и усиливаясь приподняться.

Синеглазая женщина запустила тотчасъ же свои ожидавшія руки за подушку и осторожно наваливала ее къ спинѣ больнаго, съ незамѣтною, но несомнѣнною силой удерживая его отъ паденія назадъ.

Молодой человѣкъ, вскочивъ со стула, бросился помогать ей.

— Оставьте! тихо проговорила она. Онъ послушно опустился на прежнее мѣсто.

— Оля!... И Елпидифоръ Павловичъ разрыдался истерическимъ рыданіемъ.

Дочь быстро подошла къ нему, наклонилась, обняла:

— Что это вы, папа, какъ не стыдно! Ну, вотъ я, и очень рада, и нечего вамъ плакать!...

— Вотъ видишь! пробормоталъ онъ, указывая на недвижную руку.

Ольга Елпидифоровна едва узнавала его. Онъ страшно измѣнился. Громоздкая его фигура словно стаяла на половину; лишенная своей жировой подкладки, кожа лица моталась мѣшкомъ при малѣйшемъ его движеніи, падала тряпкой на отложные воротнички его ночной рубахи; прежніе живые, „полицейскіе“ его глазки странно увеличились въ объемѣ, тускло свѣтя изъ-подъ нависшихъ, непричесанныхъ бровей...

— Это ничего, пройдетъ... электричество очень помогаетъ въ этихъ случаяхъ, отвѣчала она ему словами банальнаго утѣшенія, тронутая несомнѣнно его жалкимъ положеніемъ. но еще болѣе заинтригованная этими двумя, никогда ею невиданными прежде у отца лицами, этою „барыней-крестьянкой, которая, конечно, не случайная сидѣлка“, тотчасъ же догадалась Ольга Елпидифоровна.

А та между тѣмъ, перегнувшись черезъ спинку кресла къ уху ея отца, шопотомъ спрашивала его:

— Опустить?

Онъ кивнулъ въ знакъ согласія. Она все также осторожно опустила его съ подушкой, направилась беззвучною походкой къ столу, на которомъ разставлена была обычная печальная кухня всякаго больнаго, налила счетомъ изъ стклянки въ рюмку съ водой предписанное количество капель и вернулась съ этимъ къ креслу.

— Что это такое? спросила Ольга Елпидифоровна, безъ застѣнчиво уставившись прямо ей въ глаза.

— Капли-съ, невозмутимо, какъ бы вовсе не замѣтивъ этого взгляда, отвѣтила та.

— Кто у васъ докторъ, папа?

Онъ назвалъ.

— Онъ предписалъ?

— Да.

— Для успокоенія, промолвила синеглазая, принимая отъ

Елпидифора Павловича опорожненную имъ рюмку, отнесла ее на столъ и остановилась тамъ въ заповѣдной позѣ русскаго женскаго простонародья, уложивъ щеку на правую руку и подперевъ ее лѣвою, и глядя на отца и дочь все тѣмъ же мягкимъ и спокойнымъ взглядомъ.

Господинъ въ очкахъ въ свою очередь глядѣлъ на Ольгу Елпидифоровну во всѣ глаза сквозь свои синія стекла.

— Олечка, безъ малаго три года не видались! заговорилъ Акулинъ.

— Да, я была за границей... потомъ Петербургъ, выбраться изъ него такъ трудно... Видите, впрочемъ, сейчасъ же пріѣхала, какъ только вы дали знать... А какъ у васъ здѣсь хорошо! прервала себя она, обводя взглядомъ кругомъ стѣнъ, увѣшанныхъ картинами французской школы прошлаго столѣтія.

— Ты у меня еще не была здѣсь, вздохнулъ онъ;—да, собралъ кое-что, собралъ...

— Давно это все у васъ?

— Да вотъ, какъ выдалъ тебя, а самъ сюда на должность поступилъ, скука одолѣла; ну, случаи были, началъ потихоньку, потомъ пристрастился... Домикъ купилъ, отдѣлалъ. Вотъ, думалъ, подъ старость отдохнуть въ укромномъ уголкѣ, любуясь и Бога благодаря... за милость Его... ко мнѣ... грѣшному... Да видно, не Его... воля святая, договорилъ, уже всхлипывая, Елпидифоръ Павловичъ.

— Полноте, полноте, почтеннѣйшій, заговорилъ вдругъ господинъ въ очкахъ, нагибаясь къ нему и какою-то кошачьею ухваткою принимаясь гладить его по колѣнкѣ,—налюбуетесь еще, поживете, насъ похороните!...

Голосъ его визгливый, какъ у мальчишки, странно противорѣчилъ его далеко не ребяческой наружности; говорилъ онъ съ замѣтнымъ малорусскимъ акцентомъ. Ольга Елпидифоровна поморщилась.

— А у васъ, сколько я понимаю, есть вещи рѣдкія, папа? обратилась она снова къ отцу.

— Хорошія есть вещи, хорошія! сказалъ онъ, внезапно оживляясь.

— Знатокъ извѣстный Елпидифоръ Павловичъ! молвилъ гость, одобрительно покачивая головой со своей стороны.

Онъ нагло, почувствовалось ей, разсматривалъ ее сквозь темную синеву своихъ очковъ.

Она отвернулась отъ него и отыскала глазами мужа, усѣвшагося у окна и безмолвно внимавшаго всему этому разговору.

— Вы видѣли Троекурова на станціи?

— Видѣлъ, Оленька; а что?

— Онъ большой любитель du bric à brac и знаетъ въ немъ толкъ. Вотъ его бы привезти къ папа показать; онъ оцѣнитъ.

— Я очень радъ, Оля! проговорилъ Акулинъ, — если знатокъ въ особенности...

Господинъ въ очкахъ внезапно заволновался:

— Троекуровъ! воскликнулъ онъ: — позволите-ли, сударыня, узнать имя и отчество?

— Борисъ Васильевичъ, небрежно проговорила Ранцова.

— Вы изволите говорить, онъ здѣсь, пріѣхалъ... Неизвѣстно вамъ, гдѣ остановился?

— Не спрашивала! отвѣчала она тѣмъ же тономъ.

На лицѣ больнаго заиграла словно какая-то злорадная улыбка; онъ обернулъ голову къ говорившему:

— Это самый и есть наслѣдникъ твоего... Ивана Акимовича покойнаго? спросилъ онъ.

Тотъ не отвѣчалъ и поднялся съ мѣста:

— Я ужь съ вами прощусь, почтеннѣйшій, въ сенатъ пора! сказалъ онъ, подходя къ Елпидифору Павловичу и осторожно прикасаясь пальцами къ его здоровой рукѣ,—позволите зайти понавѣдаться на дняхъ?

— Приходи! съ видимою неохотой проговорилъ больной.

Женщина, стоявшая у стола, сдвинула еле замѣтно брови и тотчасъ же опустила глаза.

Гость отыскалъ свою фуражку, поклонился хозяину, дочери его и зятю и, проходя мимо стола, проговорилъ скороговоркой:

— Анфисѣ Дмитріевнѣ мое всепочтеніе!

Она отвѣчала степеннымъ пояснымъ поклономъ ему вслѣдъ.

— Кто это? быстро спросила отца Ольга Елпидифоровна, какъ только исчезъ онъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Такъ одинъ... дѣлами занимается... Троженковъ по фамиліи, отвѣчалъ сквозь зубы Елпидифоръ Павловичъ.

Онъ видимо затруднялся говорить, какъ бы хотѣлось. Ольга Елпидифоровна тотчасъ же это замѣтила и сообразила: она обернулась къ синеглазой женщинѣ, имя которой только что узналъ читатель.

— Вы, должно быть, устали, милая, стоять; можете себѣ итти,—если что нужно будетъ батюшкѣ, я тутъ.

— Ничего-съ, постоимъ, возразила со смиренною усмѣшкой та.

— Ступайте, ступайте! довольно уже рѣзко сказала на это петербургская барыня:—мнѣ нужно поговорить съ папа, васъ позовутъ въ случаѣ нужды.

Анфиса Дмитріевна медленно двинулась съ мѣста, медленно прошла за спиной Ранцовой и, направившись въ глубь спальни, исчезла за невидимою съ перваго взгляда небольшою дверью, оклеенною одними обоями съ комнатой.

Больной съ замѣтною тревогой слѣдилъ за ней глазами. Но она прошла, и взгляда на него не кинувъ.

Онъ обернулся къ дочери и заговорилъ слабымъ, жалобнымъ голосомъ:

— За что это ты, Оля, за что?..

— Что такое? спросила она, сжимая брови.

— Обидѣла... женщину...

Ранцова уставилась на него пристально:

— Да что она у васъ такое, слуга, или...

— Э... экономка у меня... она, промямлилъ онъ, отворачивая отъ нея глаза.

— И, какъ видно, нѣчто еще болѣе вамъ близкое? промолвила Ольга Елпидифоровна съ ироническою усмѣшкой.

Онъ смутился, заметался на своей подушкѣ:

— Что же, Оля, всѣ мы люди, всѣ человѣки...

— И вы ее боитесь! отчетливо выговорила она съ той же усмѣшкой.

Эти слова внезапно какъ бы встряхнули больнаго, отнесли его къ другому, дремавшему въ немъ до этой самой минуты помыслу. Онъ приподнялъ голову, отыскивая Ранцова, все также молчаливо сидѣвшаго у окна, и поманилъ его къ себѣ глазами.

Тотъ поспѣшилъ подойти къ нему, наклонился.

— Погляди за дверью, прошепталъ ему на ухо тесть, кивая въ сторону, куда ушла „экономка", — и запри... на ключъ!..

Никаноръ Ильичъ зашагалъ послушно къ двери, полуоткрылъ ее, взглянулъ въ комнату, въ которую вела она, и тотчасъ же заперъ. Это была комната самой Анфисы Дмитріевны; въ углу подъ иконами съ теплившеюся предъ ними лампадкой стояла кровать ея, покрытая сшитымъ квадратиками изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ одѣяломъ, и сама она сидѣла на этой постели въ обычной позѣ, оперевъ щеку на руку, а локоть этой руки на колѣни... Онъ нащупалъ крючекъ на двери, закинулъ его безшумно въ петлю и вернулся къ креслу Елпидифора Павловича.

— Садись... ближе, сказалъ ему тотъ, приглашая глазами дочь сдѣлать то же.

Они подвинулись къ нему.

— Вотъ ты сейчасъ сказала, Оля, началъ онъ шопотомъ, смущенно и какъ бы робко поглядывая въ глубь комнаты:— я „боюсь..." Я точно, Оля... Недужный, какъ видишь, сталъ, поразилъ меня Господь за прегрѣшенія... Одинъ, на чужихъ рукахъ... Страшно, дѣйствительно...

— Помилуйте, батюшка, чего вамъ бо... счелъ было нужнымъ успокоить его волненіе Ранцовъ, но взглядъ жены остановилъ его на полусловѣ.

— Давно у васъ эта женщина? спросила она отца.

— Четвертый годъ... Привыкъ, слезливо молвилъ больной,—весь домъ на руки ей сдалъ...

— Я не видала ея у васъ, когда въ послѣдній разъ была въ Москвѣ.

— Стыдилась тебя... не показывалась, пробормоталъ онъ.

— Кто она, откуда?

Акулинъ завздыхалъ:

— Изъ мелкоты изъ купеческой... Въ племянницахъ жила у торговца одного. Выдали они ее молоденькою замужъ за прикащика, пропоицу горькаго... Помучилась она съ нимъ... Только умеръ онъ вскорѣ тутъ; дѣваться некуда, вернулась опять къ этому дядѣ въ домъ... Красавица была она, въ полномъ цвѣтѣ. Ну, а у этихъ ракалій извѣстны нравы:—сталъ этотъ мужланъ соблазнять ее... на сожительство... Не захотѣла она грѣха на душу брать,—тиранство пошло, извѣстно, ихнее, грызня, колотухи... Ухо ей было совсѣмъ, повѣришь, оторвалъ разъ у бѣдной... Въ этомъ видѣ, въ крови вся, прибѣжала она ко мнѣ въ частный домъ: „Спасите“, говоритъ, и въ ноги, безъ чувствъ... А я еще раньше съ лица ее зналъ, какъ она еще замужемъ жила. Тихая такая была, милая... Останься, говорю, у меня; никакой чортъ-дядя не сунется сюда отбирать тебя, потому я его съ лица земли сотру... И, дѣйствительно, прижалъ я чорта этого такъ, что онъ не то отступился отъ нея, полторы тысячи чистаганчикомъ окромя того за безчестье ей отсчиталъ... Всѣмъ она мнѣ, могу сказать, обязана: поена, кормлена, холена... не ждалъ я отъ нея черноты такой!..

И Елпидифоръ Павловичъ захлебнулся слезами.

— Полноте плакать, папа, не стоитъ! строго вымолвила Ранцова:—если вы что нибудь замѣтили, надо скорѣе принять мѣры.

— Нѣтъ, Оля, ты не знаешь, продолжалъ онъ, отирая влажное лицо,—умница вѣдь она, тонкая... всякія мои до корешка дѣла знала,—въ нашей должности, извѣстно, всякое бываетъ,—все знала... Да что! Жить меня научила, деньгу хранить...

— И что же, нетерпѣливо прервала его дочь,—вы боитесь теперь, чтобъ она на счетъ этихъ вашихъ „дѣлъ“ не выдала васъ?

Тусклые глаза бывшаго полицейскаго блеснули внезапно старымъ, яркимъ и острымъ блескомъ:

— А выдавать-то что? ухмыльнулся онъ:—съ меня взятки гладки: состою въ чистой, по формуляру ни сучка, ни задоринки, за тридцатипятилѣтнюю службу удостоенъ подобающей пенсіи: сорокъ два съ полтиной получаю въ треть,—въ чемъ же выдать-то меня кто можетъ?

— Вы говорили мужу, боитесь, чтобы васъ не обобрали, вспомнила Ранцова.—Вы *ее* подозрѣваете?

Онъ снова болѣзненно заметался и занылъ:

— Измѣнница она, неблагодарная! За мою... привязанность... съ кѣмъ связалась! Вотъ, вы видѣли, сидѣлъ тутъ... сейчасъ... Змѣй! Путаетъ онъ ее, наущаетъ...

— Да вы что же, узнали что-нибудь, замѣтили? допрашивала тревожно Ольга Елпидифоровна;—когда? Давно, или теперь только?

Брови больнаго сосредоточенно сдвинулись,—онъ видимо старался припомнить все подробно:

— Боленъ я сегодня шестой день, началъ онъ,—а ты объ этомъ когда депешу получила?

— Третьяго дня вечеромъ, поздно.

Онъ испуганно закачалъ головой:

— Вотъ оно, вотъ! Доказательство! Раньше не получала?

— Нѣтъ!

— А я... Когда это со мной случилось (Акулинъ указалъ глазами на руку), я, какъ только отошла голова, на другой же день, значитъ, говорю *ей* при *немъ*,—языкъ-то у меня едва еще ворочался тогда: „Олѣ сейчасъ дай телеграмму въ Петербургъ“.—„Хорошо, говоритъ, сейчасъ“. А *онъ* тутъ же съ услугою. „Позвольте, говоритъ, я напишу и отвезу самъ для вѣрности на телеграфъ“. Сѣлъ, дѣйствительно, къ столу, написалъ, показалъ мнѣ и ушелъ... Это, значитъ, въ понедѣльникъ было,—ноньче пятница... Тутъ опять сонливость на меня напала, безъ малаго двое сутокъ голову не могъ отъ подушки оторвать. И сплю я, и не сплю, а глазъ растворить не могу, лежу трупомъ безчувственнымъ... И ужь не знаю, утромъ-ли рано, ночью-ли, только слышу я вдругъ,—шепчутся, а въ уши такъ ясно мнѣ голоса звенятъ: „Не встать ему ни за что!“ Это говоритъ *онъ*. „Это про меня“,

думаю, и такъ страшно стало мнѣ тутъ; кому-жь онъ это говоритъ? Только опять слышу, *ея* ужь голосъ: „А ты послалъ депешу?“ *Ты!* Она ему „ты“, можете себѣ представить! Я бы ее, кажется, въ другое время... а я и вѣкой моргнуть не въ силахъ, и чувствую только, лучше бы, кажется, умереть мнѣ сейчасъ...

Онъ пріостановился, тяжело дыша и мотая головой...

— Что же, папа, дальше? съ возрастающею тревогой и любопытствомъ молвила Ранцова.

— Не разслышалъ я, или забылъ что за этимъ, а только помню опять, она говоритъ: „Грѣхъ“! А онъ ей на это: „А у него-то самого (у меня, то-есть, значитъ,) откудова деньжищи?“ И потомъ: „Мы съ тобой на вѣки счастливы будемъ...“

Ольга Елпидифоровна поблѣднѣла и во всѣ глаза глянула на мужа.

— И вы это такъ именно, эти слова самыя и слышали? обратился онъ съ вопросомъ къ тестю.

— Я тебѣ вотъ что скажу, отвѣчалъ на это медленно тотъ, какъ бы снова силясь собрать разбѣгавшіяся мысли:— я тутъ сейчасъ опять въ безчувствіе впалъ. А пришелъ я въ себя наконецъ настоящимъ образомъ третьяго дня, значитъ въ среду. Далъ мнѣ что-то докторъ, голова освѣжилась, и тутъ я вспомнилъ,—только такъ вспомнилъ, что самъ не могъ себѣ сказать: дѣйствительно, или во снѣ я этотъ разговоръ ихъ слышалъ. И спросилъ я тутъ: сколько я спалъ, и какой нынче день?—„Среда“, говорятъ.—„Что же, говорю, до сихъ поръ отъ Оли отвѣта нѣтъ? Послана-ли ей депеша?“ А *она* мнѣ на это: „При васъ, говоритъ, третьяго дня написана и повезли на станцію“.—„Видно пропала, говорю опять, Оля непремѣнно бы отвѣчала“.—„Развѣ можетъ то быть, чтобы пропала, когда Степанъ Акимычъ самъ ее свезъ?“ возражаетъ мнѣ на это Анфиса. Я тогда къ доктору,—при немъ это было: „сдѣлайте милость, говорю, Акинфій Николаевичъ, вы около самаго телеграфа живете, отвезите вотъ новую депешу дочери, Анфиса сейчасъ напишетъ“. Она сѣла къ столу и написала подъ диктовку мою,—тихо, будто не-

хотя писала-то, я все время на нее глядѣлъ;—написала еще тутъ же письмо отъ меня къ тебѣ, потому, думаю, пусть и Никаноръ пріѣдетъ; докторъ взялъ и депешу, и письмо и отправилъ тогда.

— Какой же тутъ сонъ! воскликнула Ольга Елпидифоровна;—это совершенно ясно: они разсчитывали, что вы... что вамъ не оправиться, и собирались прибрать ваши деньги, а для того, чтобъ имъ никто помѣшать не могъ, телеграмму вашу ко мнѣ не отправили!...

— Все онъ, все онъ, Оля! захныкалъ еще разъ больной.

— Да кто онъ, скажите пожалуйста, откуда вы его добыли?

— Не добывалъ я его, дочь моя любезная, самъ онъ ко мнѣ за кускомъ хлѣба пришелъ. Писаремъ у меня съ полгода служилъ... Потому въ ту пору выгналъ его отецъ изъ дому за безпутство какое-то... Незаконный онъ, богатаго одного, недавно вотъ померъ, человѣка сынъ...

— Чей сынъ?

— Говорю, одного... Остроженко по фамиліи, богачъ, оригиналъ былъ тутъ такой.

— А! знаю теперь, знаю! воскликнула она припоминая:—„Троекурова дядя"! сказала она себѣ.

— Пригрѣлъ я его, опериться далъ, продолжалъ больной,—дѣлу научилъ. Боекъ онъ, способный! Отъ меня въ сенатъ перешелъ, тяжебными дѣлами теперь занимается, деньгу зашибать сталъ. Только корысти у него и злобы на людей нѣсть конца; грызетъ его, что вотъ, молъ, магнатомъ могъ очутиться, а повернуло такъ, что ни гроша, ни имени... И изъ этой только злобы и корысти своей,—продолжалъ, все болѣе и болѣе волнуясь, Акулинъ,—подбился онъ къ *ней* теперь. Вѣдь если-бъ она рѣшилась... вѣдь онъ бы тутъ же какъ лишку обобралъ ее, бѣдную, и бросилъ...

— Зачѣмъ вы такого человѣка пускали къ себѣ, батюшка? тихо промолвилъ Ранцовъ.

— Да развѣ я могъ подозрѣвать, Никанорушка! Вѣдь я *ей* вѣрилъ, какъ въ Христа *ей* вѣрилъ!

И слезы уже градомъ полились изъ глазъ бывшаго частнаго пристава.

— Успокойтесь, папа, вѣдь нельзя такъ, сказала ему строго дочь;—выпейте воды!

— Капель этихъ... Позови ее... Анфису... Она нальетъ мнѣ...

— Зачѣмъ же ее звать? возразила Ольга Елпидифоровна,— я сама съумѣю вамъ накапать.

Она поднялась, подошла къ столу и, пробѣжавъ рецептъ, налила нужное въ рюмку.

Онъ выпилъ, примолкъ и, прижавшись головой къ подушкѣ, робко поднялъ на нее глаза. Чувство своей немощи, очевидно, лишало его теперь всякой самостоятельности передъ этою владычною его дочерью, которой онъ и такъ всегда побаивался.

— Что же вы думаете теперь дѣлать? давъ ему успокоиться, категорично поставила она ему вопросъ:—разъ уже въ васъ закралось подозрѣніе, нельзя при вашемъ состояніи здоровья жить въ вѣчной тревогѣ: это можетъ имѣть для васъ очень серіозныя послѣдствія. Надо на что-нибудь рѣшиться... Ее слѣдовало бы удалить, папа, промолвила тише и не сейчасъ петербургская барыня.

Онъ задрожалъ даже весь:

— Пожалѣй ты меня, Оленька... пожалѣй меня! проговорилъ онъ такимъ жалкимъ голосомъ, что Ранцовъ поднялъ на жену полные какого-то ужаса и мольбы глаза.

— Не я, батюшка, а вы хозяинъ въ вашемъ домѣ, поспѣшила возразить она на это;—я сказала вамъ мое мнѣніе, *вы* вольны принять его или нѣтъ... Во всякомъ случаѣ *его*, я надѣюсь, вы перестанете пускать къ себѣ, добавила она съ презрительнымъ выраженіемъ на губахъ.

— Да, другъ мой, да, закивалъ онъ радостно головой;— я такъ радъ, что вы теперь здѣсь... Такъ и прикажите малому моему, Ѳедькѣ: въ шею его, въ шею!...

— И учтивѣе можно, проронила свысока Ранцова;—только этого мало!

— Что же еще, Оленька, что? растерянно проговорилъ онъ.

— Если, какъ вы говорите, „*онъ ее* наущаетъ", она послушна его волѣ, такъ вѣдь опасность остается все та же.

Вы, дастъ Богъ, станете поправляться, мы съ мужемъ уѣдемъ, и вы опять останетесь подъ épée de Damoclès, что васъ обворуютъ... Надо было бы отнять у *нихъ* самый соблазнъ къ этому.

— Да, да! закивалъ онъ опять своею исхудалою головой съ прыгавшею по его воротничкамъ отвислою кожей щекъ;— ты всегда была умна, Олечка!

— У васъ есть списокъ вашимъ вещамъ? спросила она.

— Есть, умница моя, есть! Аккуратнѣйшимъ образомъ все до малости записано.

— И деньги? проговорила она небрежно;—много у васъ денегъ здѣсь?

На лицѣ его заиграла нежданно самодовольная улыбка:

— Есть малая толика, Олечка, есть!

— *Она* знаетъ гдѣ онѣ? медленно протянула та.

Епшидифоръ Павловичъ подалъ утвердительный знакъ глазами.

— Тутъ они у меня! со внезапною живостью сказалъ онъ и кивнулъ на стоявшій у стѣны противъ него старинный шкапъ голландской работы.

— Ключъ у васъ?

— На мнѣ. Сыми цѣпочку!

Онъ отдѣлилъ голову отъ подушки.

— Вы хотите сейчасъ?...

— Сейчасъ, сейчасъ! залепеталъ онъ торопливо;—для васъ же берегъ... Берите сейчасъ, чтобъ и духу ихъ здѣсь не было!..

Ранцовъ открылъ изумленно глаза, воззрился на него, на жену:

— Какъ же это такъ брать, батюшка? что намъ съ ними дѣлать? недоумѣло произнесъ онъ.

— Развѣ ихъ нельзя отвезти въ банкъ на сохраненіе? отвѣтивъ на его взглядъ холодною усмѣшкой, спросила Ольга Епшидифоровна.

— Можно, конечно... На ваше имя, батюшка, не иначе! твердо примолвилъ Никаноръ Ильичъ.

— Безполезныя слова все говорите! фыркнула ему на это жена.

— Бери ключъ, Оля, отворяй! нетерпѣливо говорилъ между тѣмъ Елпидифоръ Павловичъ съ капризною настойчивостью больнаго. „Увезутъ деньги, *ему* не разсчетъ будетъ таскаться сюда, съ *нею* по-прежнему у насъ пойдетъ", стояла у него въ головѣ единственная мысль.

Ольга Елпидифоровна сняла у него съ шеи стальной, тонкой старинной работы, довольно большихъ размѣровъ, висѣвшій на серебряной цѣпочкѣ ключъ, подошла къ шкапу, повернула замокъ; онъ щелкнулъ со звономъ, разлетѣвшимся по всѣмъ комнатамъ... Она даже вздрогнула слегка отъ неожиданности.

Шкапъ открылся на обѣ половинки.

— Помоги ей! сказалъ Ранцову Акулинъ:—средній ящикъ надо вонъ вынуть.

Когда это было исполнено, онъ приказалъ зятю отыскать въ гирляндѣ рѣзныхъ украшеній, бѣжавшей кругомъ ящиковъ, какую-то пуговицу и подавить ее.

Ранцовъ нажалъ пальцемъ: другой ящикъ, совершенно подобный вынутому, выскользнулъ на его мѣсто изъ темнаго зада шкапа. Онъ заключалъ въ себѣ десятка три бумажныхъ пакетовъ, исписанныхъ цифрами и уложенныхъ самымъ тщательнымъ образомъ.

— Вынь и его, неси сюда! закомандовалъ опять Елпидифоръ Павловичъ; — и давайте сюда какой нибудь столъ поближе, да карандашъ вонъ тамъ возьми, Оля, и бумаги: станешь записывать, а мужъ считать будетъ.

Они принесли столъ. Ранцовъ поставилъ на него ящикъ; она присѣла къ нему съ бумагой и карандашомъ, молча глядя на отца, на эти многочисленныя бумажныя обложки, въ которыхъ очевидно уложены были деньги... много денегъ... Удивленіе сковывало ей уста.

А въ отвѣтъ этому сказывающемуся въ чертахъ ея ощущенію лицо недужнаго освѣщалось замѣтнымъ выраженіемъ какого-то лукаваго удовольствія. Онъ видимо радовался изумленію дочери, забывая теперь ослабѣвшею головой все, что предшествовало этому лишь за нѣсколько минутъ назадъ.

— Ну, давайте, давайте! говорилъ онъ веселымъ тономъ;— считай, братъ, Никаноръ, считай, а ты записывай, дочка!

Ранцовъ вынулъ одинъ изъ пакетовъ и вытащилъ изъ него билетъ Опекунскаго Совѣта.

— Три тысячи пятьсотъ рублей, прочелъ онъ, — на имя неизвѣстнаго.

— Пиши, Оля, пиши! приказывалъ Елпидифоръ Павловичъ;—а ты погляди, проценты получены-ли? — на обложкѣ помѣчено.

— По пятнадцатое ноября прошлаго года, прочелъ опять Ранцовъ.

— Такъ! Ну дальше, другой бери!

— Билетъ Опекунскаго Совѣта въ пять тысячъ четыреста рублей... на имя неизвѣстнаго.

— У меня только такіе билеты и есть, да серій тысячъ на пять надо быть...

— Проценты получены по восьмое августа.

— За полгода, значитъ, дополучить надо... Читай дальше, читай!

Ольга Елпидифоровна записывала. Мужъ ея внятно и невозмутимо произносилъ одну за другою крупныя цифры, значившіяся на билетахъ. Акулинъ все шире и шире улыбался: онъ видимо наслаждался всласть „пріятнымъ сюрпризомъ“, который доставлялъ дочери. Она безсознательно отворачивала отъ него глаза; глухое чувство стыда за него и за себя, за жадную радость, разыгрывавшуюся помимо воли ея въ ней по мѣрѣ наростанія тысячъ подъ ея карандашомъ, скребло гдѣ-то въ глубинѣ ея существа...

— Все! сказалъ Ранцовъ, дочтя сумму послѣдняго билета.

— Сложи, Оля, промолвилъ Елпидифоръ Павловичъ.

Она подвела итогъ:

— Сто шестьдесятъ семь тысячъ шестьсотъ рублей... Откуда это у васъ столько денегъ, папа? вырвалось у ней неудержимо.

Онъ засмѣялся вдругъ своимъ давнишнимъ, грузнымъ, давно ей знакомымъ смѣхомъ:

— А все трынка, Оля, все въ трынку набилъ!

— Что это такое? спросила она въ недоумѣніи.

— А игра такая дурацкая есть; купцы научили,—я ихъ и наказалъ вотъ!...

— И такъ много выиграть могли?...

— А я фортель съ ними ужь такой изобрѣлъ, продолжалъ онъ смѣяться, — что ни сядутъ со мной играть бородачи, я ихъ вплуплю!

Въ этомъ смѣхѣ, въ этомъ залихватствѣ словъ откликнулся снова на мигъ балагуръ-любимецъ стараго *графа* *), ухарь-исправникъ прежнихъ дней... Увы, только на мигъ!...

— Шш... проговорила вдругъ Ольга Елпидифоровна.

Изъ глубины покоя доносился слабый визгъ крючка въ петлѣ двери замкнутой Ранцовымъ: чье-то, очевидно, тѣло напирало на эту дверь съ другой ея стороны.

— Насъ подслушиваютъ! громко и рѣзко выговорила она.

Визгъ сразу замолкнулъ.

Выраженіе лица больнаго мгновенно измѣнилось; щеки затряслись, глаза забѣгали, словно у пойманнаго звѣря.

— Забирай скорѣе все, Никанорушка, вези въ банкъ, торопливо зашепталъ онъ, указывая глазами на пакеты съ деньгами.

— Во что бы нибудь сложить въ одно, озабоченно молвилъ Ранцовъ, оглядываясь.

— А тутъ въ шкапу, второй справа ящикъ, портфель есть; вали туда, и съ Богомъ!...

Никаноръ Ильичъ вынулъ портфель, сложилъ туда пакеты.

— Росписку вамъ дать... началъ было онъ.

Тесть поспѣшно замахалъ ему здоровою рукой.

— Что это ты! Отъ себя вези, на свое имя клади, на свое!

— Да для чего же, батюшка! возражалъ тотъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Вѣрнѣе такъ, вѣрнѣе, Никанорушка, дрожащимъ и опустившимся голосомъ проговорилъ Акулинъ,—самого себя боюсь, пойми ты... Отдамъ вѣдь...

---

*) *Четверть века назадъ.*

Онъ не договорилъ, закинулъ голову въ подушку и закрылъ глаза. Возбужденныя временно пріѣздомъ дочери, объясненіемъ съ нею силы отказывались, очевидно, служить ему долѣе; натянутые не въ мѣру нервы распускались, какъ струны ветхаго, не держащаго болѣе строя инструмента.

— Отправляйтесь скорѣе и дѣлайте, какъ вамъ сказано! быстро вымолвила мужу Ольга Елпидифоровна, повелительно указывая ему взглядомъ на дверь въ слѣдующія комнаты.

Онъ вздохнулъ, заперъ портфель, закинулъ его подъ мышку и вышелъ.

— Что, папа, устали? обратилась она къ больному.

— Усталъ... заговорился, съ усиліемъ отвѣчалъ онъ, — ко... ко сну... клонитъ...

— Хотите на постель лечь?

— Н-нѣтъ... не люблю... Я такъ... Скажи Анфи...

— Что? спросила Ранцова, наклоняясь къ нему.

Но онъ уже спалъ.

Она постояла надъ нимъ, притронулась рукою къ его головѣ. Онъ не открывалъ глазъ; ровнымъ дыханіемъ вздымалась и опускалась грудь подъ мягкимъ мѣховымъ халатомъ; легкая испарина выступила на лбу...

Ольга Елпидифоровна только теперь почувствовала, что сама она не мало утомлена и этимъ разговоромъ, и ночью неудобно проведенною въ вагонѣ, что она послѣ дороги не успѣла еще совершить своего туалета, умыться. Она потихоньку вышла изъ спальни отца. Черезъ комнату отъ этой спальни приготовлена была ей комната, и ея Амалія, Чухонка изъ Ревеля, уставляла уже тамъ на столѣ вещи, вынутыя изъ барыниного дорожнаго несессера.

Наша красавица готовилась приступить къ тому многосложному процессу омовенія, раздѣванія и новаго одѣванья, что извѣстенъ вполнѣ лишь хорошенькимъ женщинамъ, когда вдругъ вспомнила, сѣла и приказала горничной позвать къ ней слугу отца, „малаго“, котораго звали „Ѳедькой“.

Ѳедька явился немедленно въ своемъ куцомъ фрачкѣ, со своею румяною, глупою и гостинодворскою физіономіей. Онъ ухмылялся самою счастливою улыбкой и глядѣлъ на „пріѣз-

жую дочку хозяина" во всѣ глаза. Ольга Елпидифоровна не могла не улыбнуться при его видѣ. „Quel Jocrisse!" сказала она себѣ мысленно, повторяя безсознательно эпитетъ, которымъ одинъ изъ большихъ ея поклонниковъ, старикъ графъ Наташанцевъ, неизмѣнно угощалъ за глаза своихъ болѣе молодыхъ ривaловъ.

— Знаешь ты, спросила она,—этого господина въ синихъ очкахъ, который былъ сегодня у батюшки?

— Что вы, значитъ, изволили даже застать у нихъ, когда пріѣхать изволили-съ? выговорилъ Ѳедька съ видимою претензіей на краснословіе.

— Этотъ самый.

— Степанъ Акимычъ, значитъ; Тарашенкинъ по фамиліи, знаю-съ!... Ну-съ? спросилъ онъ въ заключеніе, выставляя правую ногу впередъ и закладывая руки за спину.

Ольга Елпидифоровна такъ и покатилась.

— „Ну-съ", повторила она,—если этотъ господинъ пріѣдетъ, ты скажешь ему, что батюшка боленъ...

— Они знаютъ-съ, прыснулъ въ свою очередь „малый".

— Все равно! Скажешь ему, подчеркнула Ранцова,—что батюшка боленъ и не при-ни-маетъ. Понялъ?

— Понялъ-съ. Только они сегодня ни за что ужь не будутъ. Потому имъ далече. Они только разъ въ день ѣздютъ-съ.

— Ты очень глупъ, я вижу! вскрикнула нетерпѣливо она;—говорится это тебѣ не на сегодня только, а навсегда. *Когда бы* этотъ господинъ ни пріѣхалъ, ты ему *всегда*—понялъ?—скажешь то же самое: „боленъ" и *не принимаютъ*.

Ѳедька на этотъ разъ дѣйствительно *понялъ*. Все его широкое лицо осклабилось вдругъ подъ очевиднымъ впечатлѣніемъ непомѣрнаго удовольствія. Онъ поднялъ къ носу обшлагъ своего рукава и словно чихнулъ туда неудержимымъ смѣхомъ.

— Изволите, значитъ, приказывать, сказалъ онъ,—чтобъ ихъ къ намъ въ комнаты николи не пущать?

— Приказываю. Никогда!

— Слушаю-съ!

Онъ переступилъ съ пятки на пятку:

— А какъ ежели, заговорилъ онъ снова,—какъ ежели Анфиса Дмитревна прикажутъ, чтобъ я ихъ пустилъ?

Ольга Елпидифоровна вспыхнула:

— Да ты знаешь ли кто я?

— Какъ не знать-съ!—И Ѳедька вытянулся вдругъ по военному, приложилъ руку ко швамъ своихъ сѣрыхъ брючекъ:—Елпидифора Павлыча дочка изъ Питербурха, Ольга Елпидифоровна, значитъ.

— Такъ кого же долженъ ты слушать?

— Извѣстно кого-съ.—Онъ ухмыльнулся еще разъ во всю ширину своего дурацкаго лица.—Такъ я имъ такъ и скажу-съ!

— Кому это?

— Анфисѣ Дмитревнѣ.

— Скажи! непремѣнно скажи! И этого господина ни за что̀ не пускай!

— Не пущу, ни за что̀-съ! возгласилъ Ѳедька съ совершенно уже ликующимъ выраженіемъ.

— Хорошо, ступай!

Онъ умильно поглядѣлъ на „распрекрасную барыню“, повернулся и ушелъ.

— Wie dumm der Kerl! проговорила ему вслѣдъ Амалія, отвѣчая смѣхомъ на улыбку своей госпожи.

— Слушайте, Амалія, сказала ей та:—я раздѣнусь и лягу,—я очень устала, а васъ прошу расположиться вотъ въ этой комнатѣ, по сосѣдству съ батюшкой. Онъ спитъ теперь, но васъ я прошу не спать и прислушиваться. Если онъ проснется и позоветъ кого нибудь, вы тотчасъ же разбудите меня. А безъ меня никого къ нему не пускайте, кто бы ни хотѣлъ къ нему войти!

— Nu, gut schon, gut! молвила смышленная и бывалая ревельская субретка, подмигивая барынѣ правымъ, нѣсколько косымъ глазомъ.

— Если бы васъ не хотѣли послушаться, опять-таки сейчасъ разбудите меня... Да приготовьте мнѣ мое бордо фай платье, примолвила Ольга Елпидифоровна,—я, можетъ быть, выѣду вечеромъ.

X.

A nous deux maintenant!
A. Dumas. *Antony.*

Часу въ четвертомъ, подкрѣпленная сномъ, бодрая и довольная собою, петербургская барыня позвала свою горничную и спросила, вернулся-ли Никаноръ Ильичъ (первою мыслью ея, открывъ глаза, было о портфелѣ, который Ранцовъ повезъ съ собою въ банкъ).

— Гдѣ онъ? сказала она на утвердительный отвѣтъ Амаліи.

— Сейчасъ къ вашему папенькѣ прошелъ, молвила та.

— Онъ проснулся?

— Только сейчасъ.

— А вы сидѣли подлѣ, какъ я вамъ сказала?

— Все время.

— Никто не входилъ къ нему?

Амалія осторожно оглянулась и начала шопотомъ своею полурусскою, полунѣмецкою рѣчью передавать барынѣ, что съ часъ тому назадъ вошла къ ней въ гостиную какая-то женщина, eine gewisse Frau „по-простому, wie die Bäuerinen sich kleiden, doch etwas schöner," и хотѣла пройти къ больному, но что она, Амалія, не пустила ее и сказала: „нельзя, keinesweges". Женщина сказала тогда, что къ ней дверь изъ комнаты барина заперта на крючокъ и что ей теперь къ нему „другаго хода нѣтъ".—А на что вамъ къ нему? спросила Амалія и получила въ отвѣтъ, что она, das Ding, за бариномъ ходитъ и что, можетъ быть, ему кушать теперь

хочется, потому что онъ всегда въ этомъ часу обѣдаетъ. „Я ей тогда сказала, что Herr von Акулинъ спитъ, а когда люди спятъ, они не кушаютъ, и что meine Herrschaft приказали мнѣ никого къ нему не впускать, пока онъ спитъ. И она это не поняла и спросила меня, „wer das“, кто? „И я тогда kurz und klar сказала ей: моя госпожа, madame von Rantzof!...“

— И что же она на это? прервала ее съ любопытствомъ Ольга Елпидифоровна.

— Она посмотрѣла на меня такимъ большимъ глазомъ. Sie kuckte mich so grossaugig an и спросила: „Это меня не приказали пускать?“ Ну, сказала я, и васъ, и всѣхъ!... И она тогда ушла, doch sah ich wohl gleich dass es ihr gar nicht lieb war!...

— Хорошо, молвила Ранцова съ улыбкой; — дайте мнѣ одѣться...

Она отправилась, покончивъ съ туалетомъ, въ спальню отца. Изъ нея торопливо выходилъ ея мужъ.

— Куда вы? спросила она.

— Да вотъ обѣдать проситъ батюшка...

— Скажите Ѳедькѣ!

— Онъ эту... Анфису требуетъ, прошепталъ Ранцовъ ей на ухо.

Она остановила на немъ глаза, какъ бы намѣреваясь сказать ему что-то, но не сказала, пожала только плечомъ и прошла мимо.

Она не успѣла обмѣняться и двумя словами съ отцомъ, какъ со стороны комнаты „экономки“ послышался стукъ въ дверь.

— Это мнѣ несутъ.... Отвори, Оля! проговорилъ, весь встрепенувшись, Елпидифоръ Павловичъ, повертывая голову по тому направленію.

Она, поморщась, пошла къ той двери, скинула крючокъ.

Анфиса Дмитріевна, держа въ обѣихъ рукахъ большой подносъ съ установленнымъ на немъ приборомъ, суповою чашкой и графиномъ, прошла бочкомъ мимо барыни, склонивъ при этомъ медленно голову, какъ бы благодаря за услугу, уставила принесенное на столикъ съ колесками, подкатила

его къ больному и, зайдя за спинку его кресла, проговорила тономъ дружескаго упрека.

— Ишь подушку-то какъ сбили безъ меня!

Онъ улыбнулся радостною улыбкой, закидывая неестественно глаза подъ лобъ, чтобы глянуть на нее снизу, пока она, какъ въ первый разъ, отодвигала его туловище своею сильною рукой и въ тоже время вытаскивала изъ-за его спины и взбивала другою рукой сбившуюся въ комъ подушку.

Ольга Елпидифоровна внимательно и безмолвно глядѣла на нихъ обоихъ. Каждое движеніе Анфисы, ловкое, спокойное, ровное, казалось, говорило ей: „Ты видишь, что я ему необходима и что замѣнить меня при немъ ты не въ состояніи, хоть и родная ты ему дочь...“

Она усадила его наилучшимъ для ѣды образомъ, подвязала ему салфетку подъ отвислый подбородокъ и, наливъ до края супу въ поставленную предъ нимъ тарелку, принялась кормить его съ ложки. Онъ продолжалъ улыбаться радостно-животною улыбкой подъ двойнымъ вліяніемъ насыщаемаго желудка и ея присутствія. О присутствіи тутъ же дочери онъ видимо забылъ.

Та сѣла поодаль и все также молча глядѣла на нихъ.

— Жаркое! жадно проговорилъ Акулинъ, едва доглотнувъ послѣднюю ложку своего бульона, который заѣдалъ онъ большими ломтями бѣлаго хлѣба.

— Сейчасъ, родимый, сейчасъ! успокоивала его „экономка“, спѣшно перемѣняя ему приборъ.—Не извольте, барынька, двери за мной запирать, потому тутъ ближе къ кухнѣ! молвила она вслѣдъ за этимъ, проходя мимо Ранцовой къ своей комнатѣ и взглянувъ ей прямо въ лицо своими прекрасными, голубыми, необыкновенно кротко улыбавшимися глазами.

Выраженіе „барынька“ и эти невозмутимые глаза взорвали Ольгу Елпидифоровну. Она вся зардѣлась, но сдержалась опять и не отвѣчала ни единымъ словомъ, будто не слышала.

Та мигомъ вернулась съ жаркимъ, поставила его предъ больнымъ, принялась разрѣзывать.

Вошелъ Ранцовъ.

„Погоди, голубушка, ты видно еще не знаешь!“ мелькнуло вдругъ въ головѣ его жены. И обернувшись къ нему:

— Были въ банкѣ? спросила она.

— Какже, Олечка, я батюшкѣ докладывалъ, заторопился онъ отвѣтить, глядя на тестя.

Но тотъ, держа въ здоровой рукѣ ножку цыпленка, сосалъ и грызъ ее теперь съ такою алчностью, что ни о чемъ другомъ, очевидно, не былъ въ состояніи думать въ эту минуту.

— Деньги положили? продолжала спрашивать Ольга Елпидифоровна.

— Положилъ.

— Всѣ? подчеркнула она.

— Само собою, мой другъ, нѣсколько оторопѣло проговорилъ Никаноръ Ильичъ,—законный документъ привезъ.

— Гдѣ онъ?

— Въ портфелѣ, въ шкапу; сейчасъ мы вотъ съ батюшкой...

— Покажите мнѣ! прервала она его.

Онъ еще разъ повелъ глазами на тестя, какъ бы вызывая его на утвержденіе такого приказанія, подошелъ къ шкапу, въ которомъ еще торчалъ ключъ, снятый съ шеи Акулина, и, доставъ портфель, вынулъ документъ и подалъ женѣ.

Голубые глаза Анфисы мгновенно блеснули, метнулись на мигъ издали въ бумагу, которую разсчитаннымъ, медленнымъ движеніемъ развертывала въ эту минуту Ольга Елпидифоровна, и такъ же мгновенно опустились, встрѣтившись съ упорно слѣдившимъ за нею взглядомъ петербургской барыни.

— Принято, года, мѣсяца, числа... на храненіе... громко и растягивая начала читать та, перескакивая черезъ цифры,— отъ коллежскаго совѣтника Никанора Ильича Ранцова... билеты Опекунскаго Совѣта подъ нумерами... а всего на сумму сто шестьдесятъ семь тысячъ шестьсотъ рублей... Всѣ! На свое имя положилъ, папа, какъ вы приказывали, возвышая голосъ, будто говоря съ глухимъ, обратилась она къ отцу, указывая кивкомъ на мужа.

— Да, да, промычалъ безучастно больной, продолжая глодать своего цыпленка.

— А я, папа, портфель къ себѣ возьму... вѣрнѣе будетъ! промолвила она, вставая.

Онъ закивалъ головой не то утвердительно, не то безсознательно.

Ольга Елпидифоровна зашагала по направленію своей комнаты. Ранцовъ безотчетно тронулся съ мѣста за нею.

Анфиса съ мертво-блѣднымъ лицомъ, съ судорожно-заморгавшими глазами быстро вдругъ наклонилась къ больному и задыхаясь прошептала:

— Это вы отъ меня, что-ль, отъ меня отдали имъ прятать?

— Что, Анфисушка, что? перепуганно залепеталъ онъ, глядя на нее, ничего, очевидно, не понимая, кромѣ этого грознаго выраженія на этомъ любимомъ лицѣ.

Она не успѣла отвѣтить. Ольга Елпидифоровна входила опять въ комнату; она вернулась съ полпути, сказавъ себѣ вдругъ почему-то, что „ихъ ни минуты, ни мгновенія не надо оставлять наединѣ".

— Да, я хотѣла сказать вамъ, папа, заговорила она:—я ваше приказаніе исполнила на счетъ этого... какъ его... Таращенковъ, Трощенковъ... въ синихъ очкахъ, который сидѣлъ у васъ утромъ. Я сказала вашему Ѳедору, чтобъ его никогда болѣе къ вамъ не пускать.

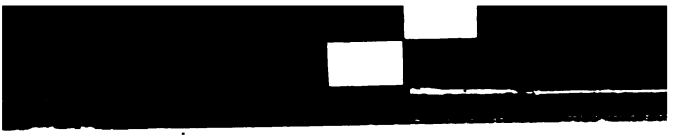
Она скользнула взглядомъ по „экономкѣ" и безсердечно улыбнулась: она замѣтила, какъ у той задрожали нервнымъ ознобомъ руки, прибиравшія тарелки. Ударъ былъ окончательно нанесенъ,—она „сломила эту женщину!"

— Что это ты говоришь, Олечка? забормоталъ между тѣмъ больной,—я ничего... Ослабѣлъ очень я...—Голосъ его зазвучалъ опять жалкими, слезливыми нотами:—утромъ еще ничего, бодрѣе... а вотъ какъ... Куда это ты, Анфисушка? перебилъ онъ себя съ мучительнымъ выраженіемъ въ чертахъ, увидавъ, что она уходитъ.

— За компотомъ вамъ, отвѣчала она обрывисто и исчезла за своею дверью.

Онъ уронилъ голову на грудь и нежданно заплакалъ.

Громкій вздохъ, какъ бы въ откликъ этимъ слезамъ, вырвался изъ угла, въ которомъ по обыкновенію помѣстился Ни-



каноръ Ильичъ Ранцовъ. Жена его повела въ ту сторону своими карими глазами и приподняла плечи.

Такъ прошло нѣсколько времени.

— А что же сладкое батюшкѣ? вспомнила Ольга Елпидифоровна;—спросите! обернулась она къ мужу.

Онъ было всталъ, когда изъ двери, ведшей въ гостиную, выступилъ Ѳедька съ миской компота, покрытою стекляннымъ колпакомъ.

— Приказали подать, проговорилъ онъ, ставя ее на столъ предъ Акулинымъ, широко улыбаясь и словно вопросительно глядя на „распрекрасную барыню“.

— Кто приказалъ? быстро спросила она.

— Анфиса Дмитревна.

— А сама она гдѣ?

— Вышли-съ. Угорѣли оченно, говорятъ, отвѣчалъ „малый“ шопотомъ и лукаво подмигивая ей.

— Ступай вонъ, хорошо! гнѣвно вымолвила она на это.— Хотите сладкаго, папа, я васъ накормлю? молвила Ольга Елпидифоровна, подходя къ отцу.

— Ан... фи... сушка! протянулъ плаксиво онъ, не поднимая головы.

— Она на минуту вышла, придетъ... Хотите кушать, я могу за нее, папа...

— Я... спать... хочу... Анфис... залепеталъ несвязно недужный, валясь головой въ подушку.

Ранцовъ торопливо вскочилъ со своего мѣста и подбѣжалъ къ его креслу.

— Не хуже-ли ему, Олечка, Боже сохрани! тревожно проговорилъ онъ ей на ухо.

Она наклонилась:

— Нѣтъ, дышетъ ровно, лицо не красно... Уснулъ опять... Пойдемте!...

— Не послать-ли за докторомъ? спросилъ онъ ее уже въ гостиной.

Она остановилась у окна и забарабанила ногтями по стеклу, глядя на дворъ:

— Отчего же, пошлите... если только застанутъ...

Никаноръ Ильичъ двинулся—и остановился:

— Олечка! не совсѣмъ твердымъ голосомъ началъ онъ.

— Что? спросила она, не перемѣняя положенія.

— Ты ужь очень строга, Олечка!...

— А вы не понимаете ничего! отрѣзала она, всѣмъ тѣломъ на этотъ разъ обернувшись къ нему:—это *она* его до этого довела; въ его лѣта, съ его корпуленціей, и *такая* женщина!...

Ранцовъ открылъ большіе глаза, поникъ головой и отправился въ переднюю искать Ѳедьку. Онъ послалъ его за докторомъ въ каретѣ, которую нанялъ съ утра для жены.

Докторъ жилъ не далеко, былъ дома и тотчасъ же пріѣхалъ. Онъ былъ еще не старый человѣкъ и любопытствовалъ увидать скорѣе красавицу-дочь своего кліента, о которой тотъ постоянно говорилъ ему. Она произвела на него весьма чарующее впечатлѣніе, и онъ, что называется, тотчасъ же *загорѣлся*, чтобы въ свою очередь вызвать въ ней мнѣніе о себѣ, какъ о человѣкѣ воспитанномъ и даже свѣтскомъ; ввернулъ въ разговоръ нѣсколько французскихъ, правильно произнесенныхъ фразъ, два, три очень ученыхъ медицинскихъ термина и при этомъ улыбался самымъ пріятнымъ образомъ, глядя на нее сквозь щегольски оправленные золотые очки. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ нею въ спальню, довольно долго стоялъ надъ спавшимъ больнымъ, осторожно притрогиваясь къ его головѣ, щупая пульсъ и слѣдя по часамъ за скоростью его дыханія. Продѣлавъ съ подлежащею серьезностью лица всю эту свою процедуру, онъ поднялъ глаза на красивую барыню и повелъ раза два головой въ видѣ ободренія ея, а затѣмъ, вернувшись за нею въ гостиную, объявилъ, что „онъ не видитъ никакого измѣненія противъ вчерашняго, что замѣчается даже нѣкоторое какъ бы стремленіе къ улучшенію въ общемъ состояніи организма и что если не представится какихъ-нибудь новыхъ усложненій...

— Послушайте, перебила его поспѣшно Ольга Елпидифоровна,—un médecin est un confesseur, говорятъ; я поэтому *буду говорить* съ вами совершенно откровенно. Вы лѣчите мое-

го отца съ начала его болѣзни и потому, вѣрно, замѣтили, что при немъ тутъ женщина...

— *Анфисушка?* протянулъ онъ тонко и насмѣшливо.

— Да. Вы, конечно, поняли, какую... роль она играетъ у него?

Докторъ улыбнулся одними углами губъ и поправилъ молча свои золотые очки.

Ранцова продолжала:

— Онъ къ ней, видимо, чувствуетъ одну изъ тѣхъ старческихъ страстей, которыя всегда, вы лучше меня должны это знать, имѣютъ самыя дурныя послѣдствія... Я думаю, что и самый ударъ у него просто... отъ этого былъ... Вы какъ находите?

Докторъ слегка покачался на своемъ стулѣ:

— Пораженія такого рода, уклончиво отвѣчалъ онъ,— могутъ несомнѣнно, въ числѣ множества другихъ, происходить и отъ такой причины... Въ настоящемъ же случаѣ, въ виду общаго, такъ сказать, апоплексическаго предрасположенія субъекта, я не почиталъ нужнымъ констатировать, произошло ли это именно отъ такого повода, тѣмъ болѣе...

— Тѣмъ болѣе, прервала еще разъ его собесѣдница,— что *она* всегда тутъ, и что вы не могли при ней говорить съ больнымъ, какъ слѣдуетъ?..

— Конечно... и это... проговорилъ онъ нѣсколько разсѣянно, глядя на нее и любуясь подвижностью и оживленіемъ ея красивыхъ чертъ.

— И, кромѣ того, я, — да и не я одна, — онъ самъ, мы имѣемъ причины весьма сомнѣваться въ ея... безкорыстіи, молвила вполголоса, наклоняясь къ нему Ольга Елпидифоровна;— понимаете?

Докторъ закачалъ головой и процѣдилъ:

— Ска-ажите!..

— Такъ я поэтому и хотѣла васъ спросить: думаете-ли вы, что было бы полезно удалить эту женщину отъ больнаго... И чѣмъ скорѣе, по-моему, тѣмъ лучше...

— Онъ такъ привязанъ къ ней, Оля, привыкъ... заговo-

рилъ вдругъ Никаноръ Ильичъ, бывшій тутъ въ комнатѣ и все время молчавшій.

— Я спрашиваю *доктора!* рѣзко отвѣтила она на это, поведя на него разгнѣваннымъ взглядомъ.

Врачъ, въ свою очередь, повелъ глазами на нее, на Ранцова и тотчасъ же сообразилъ, что она мужу господинъ и владыка, и что услужить такой хорошенькой и энергичной женщинѣ столько же лестно было бы для него, сколько и разсчетливо. Но чувство совѣстливости взяло верхъ надъ соблазномъ такой мысли:

— Конечно, сказалъ онъ,—pour vous, madame, какъ дочери, очень непріятно, je comprends... И спустя нѣкоторое время, когда мы... надѣюсь, поставимъ вашего батюшку совершенно на ноги... удаленіе этой... особы, дѣйствительно, можетъ быть полезно (онъ все время покачивался на стулѣ какъ бы въ тактъ словъ своихъ, держа сложенныя ладонями руки межъ прожатыхъ колѣнъ). Но въ настоящую пору, когда... когда болѣзненный процессъ, такъ сказать, еще не разрѣшенъ окончательно, такого рода, скажемъ, переворотъ въ привычкахъ, въ обычномъ ходѣ жизни больнаго... былъ бы не совсѣмъ удобенъ. Надо избѣгать всякаго повода къ новому, скажемъ, потрясенію организма... Въ этихъ разстройствахъ...

Ольга Елпидифоровна встала:

— Что же, проговорила она, не давая ему кончить своей, надоѣдавшей ей рѣчи, — нельзя, такъ нельзя! Оставимъ ее пока!.. Во всякомъ случаѣ, очень вамъ благодарна, докторъ, за откровенное мнѣніе...

Она улыбнулась ему кисло-любезною улыбкой, кивнула и ушла въ свою комнату.

Сконфуженный практикантъ вскочилъ со стула и взялся за шляпу.

— Не пропишете-ли вы что нибудь больному, докторъ? спросилъ, подбѣгая къ нему, Ранцовъ.

— Нѣтъ, что же-съ, я не нахожу перемѣны... Продолжайте капли... Честь имѣю кланяться!..

И онъ торопливо, съ недовольнымъ, нѣсколько покраснѣвшимъ даже лицомъ, вышелъ изъ комнаты.

Никаноръ Ильичъ провелъ его до лѣстницы, громко вздохнулъ тамъ раза два и отправился къ женѣ спросить, желаетъ-ли она обѣдать теперь, или позднѣе.

Она отвѣчала досадливымъ тономъ,—точно онъ въ этомъ былъ виноватъ,—что она, кромѣ чашки чаю, выпитаго въ вагонѣ и кусочка шоколата, „ничего не имѣла во рту съ утра и *конечно* ѣсть хочетъ".

Онъ побѣжалъ распорядиться.

Въ столовой Ольга Елпидифоровна была пріятно изумлена видомъ старинныхъ, превосходной рѣзьбы панелей изъ чернаго дуба, обрамлявшихъ до высоты почти человѣческаго роста всѣ четыре стѣны довольно пространной квадратной комнаты. Она видѣла такія панели у графини Бобрищевой въ Петербургѣ и вспомнила тутъ же, какъ графъ Наташанцевъ говорилъ ей про нихъ „que cela a une grande valeur artistique". „Какъ же онъ будетъ удивленъ, когда увидитъ такую же valeur у меня въ столовой!" мгновенно пронеслось у нея въ головѣ вмѣстѣ съ мыслью: „удивительный человѣкъ этотъ папа, откуда это онъ все добыть умѣлъ?.. Неужели въ самомъ дѣлѣ *всему этому* научила его эта „Анфисушка?.."

И вслѣдъ за этимъ, съ обычною ей быстрою измѣнчивостью впечатлѣній, она тутъ же подумала, что теперь эта женщина... у которой въ самомъ дѣлѣ такіе прекрасные „сиреневые" глаза и которая, конечно, весьма естественно думаетъ о своемъ будущемъ... нисколько ей не опасна, что всѣ деньги теперь въ банкѣ, а банковый билетъ запертъ у нея, Ольги Елпидифоровны, въ шкатулкѣ, а насчетъ расхищенія отцовскихъ вещей она съумѣетъ заранѣе принять надлежащія мѣры... „Я напрасно говорила о *ней* съ этимъ докторомъ,—къ чему? au fond, въ случаѣ, если-бы папа... не выздоровѣлъ, надо будетъ устроить cette pauvre femme qui a été à lui и такъ хорошо за нимъ ходила", явилось даже нежданно вѣнцомъ помышленій нашей барыни.

Она ужасно развеселилась вдругъ, сознавая себя такою въ одно и то же время и умною, и великодушною, и принялась кушать съ большимъ аппетитомъ. Обѣдъ былъ очень вкусенъ и не тяжелъ, что еще болѣе расположило ее къ душев-

ному благодушію. Мужъ сидѣлъ понурясь за столомъ противъ нея; онъ показался ей вдругъ такимъ достойнымъ сожалѣнія и сочувствія. „Я ужасно гадкая была съ нимъ сегодня, надо поправить“, рѣшила она и стала „поправлять“.

— Никсъ? громко вдругъ произнесла она, употребляя уменьшительное, придуманное ею въ первые дни замужства, („Никаноръ такое мужицкое имя“, разсудила она тогда,) и звукъ котораго былъ теперь также рѣдокъ въ ея устахъ, какъ свѣтъ солнца въ туманномъ Лондонѣ, какъ дождь въ песчаныхъ пустыняхъ Сахары..

Ранцовъ даже вздрогнулъ отъ внезапной радости и поднялъ засіявшіе глаза на жену.

— Никсъ, повторила она улыбаясь, — а что моя *Примадонна?*

— Здравствуетъ, Оля, здравствуетъ; я ей каждый день проводку дѣлалъ и сахаромъ баловалъ въ твое воспоминаніе.

Она поблагодарила его кивкомъ и повела рѣчь о Рай-Никольскомъ, самомъ любезномъ для него предметѣ разговора. Онъ тотчасъ же пустился въ подробнѣйшій разсказъ о томъ, что онъ тамъ дѣлалъ и думалъ дѣлать для увеличенія какъ дохода „экономіи“, такъ и крестьянскихъ заработковъ. Она слушала его, одобрительно поводя головой и улыбаясь мягкою, ласковою улыбкой, которая привела Ранцова въ самое блаженное состояніе. Но это продолжалось недолго. Онъ сталъ глядѣть на нее такими влюбленными глазами, что ей сдѣлалось вдругъ „гадко“ (увы, страстные порывы бѣднаго Никанора Ильича неизмѣнно производили такое впечатлѣніе на его красивую супругу!). Она нахмурилась и, такъ какъ обѣдъ приходилъ къ концу, встала изъ-за стола и, пройдя въ гостиную, объявила ему, что она „хотѣла бы поговорить съ этою женщиной, Анфисой“...

— На что она тебѣ теперь? съ внезапнымъ страхомъ спросилъ онъ ее;—не трогать бы ее ужь, Оля...

— А кто же вамъ сказалъ, живо возразила она,—что я ее хочу „трогать?“ Я не обидчица всеобщая, кажется... Пожалуйста, позовите мнѣ ее!

Ранцовъ поспѣшилъ повиноваться. Онъ ушелъ и долго не

возвращался. Нетерпѣніе начинало разбирать Ольгу Елпидифоровну...

— Ну, что же? вскликнула она, когда онъ показался наконецъ въ дверяхъ гостиной.

— Да никакъ дозваться ее нельзя, отвѣчалъ онъ:—и изъ буфета къ ней дверь заперта, и съ чернаго хода тоже; ворочалъ ужь я, ворочалъ замкомъ и тутъ и тамъ,—ни отклика даже...

— Дома нѣтъ вѣрно?.. Ѳедька говорилъ тогда, будто она угорѣла и вышла...

— И вернулась, возразилъ онъ, — онъ же сказалъ мнѣ сейчасъ: прошла до кухни и назадъ... Развѣ вотъ чрезъ ту дверь попробовать, изъ батюшкиной спальни...

Онъ отправился туда на цыпочкахъ... Но и эта дверь оказалась запертою изнутри.

— Разгнѣваться изволили! уронила, надувъ губы, красивая барыня.

— А я такъ думаю, Олечка, что заснула крѣпко, не слышитъ... Замаялась, вѣдь и день и ночь на ногахъ...

— А батюшка все спитъ? спросила она, помолчавъ.

— Спитъ.

Она встала и прошла въ свою комнату. Онъ нетвердыми шагами пошелъ за нею.

Ольга Елпидифоровна взяла со стола привезенный ею изъ Петербурга романъ и присѣла съ нимъ къ окну, но тутъ же бросила его на подоконникъ:

— Темно. Пора бы, кажется, и огня подать!

Никаноръ Ильичъ поспѣшно добылъ изъ кармана спичечницу и зажегъ двѣ стоявшія на столѣ свѣчи.

— А лампы развѣ нѣтъ въ домѣ?

— Сейчасъ, Олечка, сейчасъ принесутъ!

Онъ вышелъ и вернулся съ Ѳедькой, который несъ тяжелый карсель обѣими руками. Онъ поставилъ его осторожно на столъ, уставился на „распрекрасную барыню“ и доложилъ:

— Анфиса Дмитревна дома-съ.

— Поздравляю тебя! коротко засмѣялась она.

— Сейчасъ въ буфетъ приходили за спичками... Я имъ докладывалъ: васъ, молъ, Анфиса Дмитревна, самъ мужъ барынинъ искали, потому онѣ васъ къ себѣ требуютъ, — Ольга Елпидифоровна то-исть.

— Ну?

Онъ въ свою очередь теперь хихикнулъ въ рукавъ.

— А онѣ ничего нѣ сказали-съ; вернулись къ себѣ въ комнату и заперлись опять на ключъ.

Она вся вспыхнула:

— Хорошо, ступай! отрѣзала она и большими, гнѣвными глазами уставилась на мужа.

Онъ опустилъ свои въ землю.

Ольга Елпидифоровна схватила книжку своего романа за отвернутый уголъ, притянула ее къ себѣ, разложила и, упершись о столъ обоими локтями, погрузилась въ чтеніе.

Такъ прошелъ часъ или два. Она читала. Рапцовъ курилъ въ неосвѣщенной гостиной, усѣвшись такъ, что могъ оттуда видѣть жену въ отворенную къ ней дверь, и тихонько вздыхая отъ времени до времени. Глубокая тишина воцарилась въ домѣ; лишь кое-гдѣ въ углу стѣны шелестили срывавшіяся песчинки мусора подъ обоями, или половица еще свѣжихъ паркетовъ издавала глухой трескъ. Когда нѣсколько утомленная пестротой печатныхъ строкъ, молодая женщина отводила на половину глаза свои отъ книги, предъ нею вдали чрезъ комнату мерцали досадливыми ободками свѣта двѣ свѣчи подъ зелеными абажурами, зажженныя, по заведенному обычаю, Ѳедькой на столѣ у одного изъ оконъ спальни больного. Этотъ убогій свѣтъ, въ продольной линіи котораго слабо вырисовывались изъ общей тени очеркъ уха и коричневатый рукавъ одиноко и безмолвно сидѣвшаго подъ угломъ ея зрѣнія мужа, раздражалъ ее, и она снова поспѣшно устремляла зрачки въ лежавшій предъ нею *Affaire Clémenceau* Дюма-сына. Романъ былъ увлекателенъ, но она чувствовала невозможность отдаться, какъ бы хотѣла, его обаянію; сквозь интересъ уносившаго ее разсказа неустанно выпирало щемящее чувство этого глухаго молчанія, этого скорбнаго освѣ*щенія, этого* бѣднаго влюбленнаго мужа, робко вздыхающаго

по ней „гдѣ-то тамъ у окна“, — сознаніе всей этой тоски, всей этой скуки...

— Никаноръ Ильичъ, проговорила она вдругъ громко, откидываясь затылкомъ въ спинку своего кресла, — который часъ?

Онъ быстро вышелъ къ ней изъ своего мрака, вынулъ часы:

— Семь безъ четверти, Оля.

— А папа все спитъ?

— Спитъ... не слыхать...

— И долго онъ такъ, какъ вы думаете?

— Къ чаю, надо-быть, Оля, проснется... Всегда говорятъ, къ этому времени, часу въ десятомъ... Ночью часто сна нѣтъ у него, а днемъ и до вечера всегда, говорятъ, какъ вотъ сегодня...

— Вы не отпускали карету? спросила она, помолчавъ.

— На дворѣ она; я на весь день взялъ.

Она помолчала опять.

— Я обѣщала непремѣнно этой madame Loukoianof пріѣхать къ ней вечеромъ... Вы не разсердитесь? примолвила красавица, взглянувъ нежданно на мужа чуть не нѣжнымъ взглядомъ.

— Помилуй, другъ мой, залепеталъ онъ, схватывая ея руку и страстно прижимаясь къ ней своими щетинистыми усами, — что-жь тебѣ одной скучать! Поѣзжай, голубка моя, а я ужь тутъ распоряжусь насчетъ всего...

— Да, да, пожалуйста!... И вотъ что: устройте, чтобы все по-прежнему, какъ привыкъ папа, чтобы эта.... Анфиса подала ему чай и оставалась при немъ, сколько нужно... Вѣдь вы тутъ же будете?

— Конечно тутъ, Оля, куда же мнѣ! Не безпокойся, я ужь постараюсь, чтобы все какъ слѣдуетъ...

— Ну и прекрасно!... Пошлите мнѣ Амалію одѣваться!

Черезъ часъ наша петербургская дама въ demi-toilette моднаго тогда цвѣта Bordeaux, съ кружевною наколкой на гладко причесанныхъ волосахъ и съ темнымъ вѣеромъ въ обтянутой сѣрою перчаткой рукѣ, прошла изъ своей комнаты

въ спальню отца, поглядѣла на него, какъ бы для убѣжденія себя, что онъ дѣйствительно спитъ и слѣдовательно не нуждается въ ней, и затѣмъ направилась въ переднюю. Ранцовъ поспѣшилъ за нею:

— Съ тобою, Олечка, мой Сергѣй поѣдетъ, я его привезъ съ собой изъ Никольскаго.

— Безъ ливреи! вскликнула она:—такъ я его и возьму!... И, закутавшись въ шубу, вышла на крыльцо.

— Домъ Лукояновыхъ на Арбатѣ, знаешь? спросила она у возницы подкатившей кареты.

— Какъ не знать-съ? самодовольно произнесъ онъ со своихъ козелъ;—намъ по Москвѣ всѣ дома господскіе извѣстны.

— Ну, такъ и вези туда! Adieu, Никсъ! послала она въ видѣ конфетки на прощанье подсаживавшему ее мужу, — и уѣхала.

Ранцовъ вернулся въ домъ. Акулинъ все еще не просыпался. Никаноръ Ильичъ вынесъ изъ своей комнаты (кабинета Елпидифора Павловича) привезенныя имъ изъ деревни счетовыя книги, разложилъ ихъ въ гостиной на столѣ, перенесъ туда свѣчи изъ комнаты жены и принялся провѣрять итоги по винокуренному заводу, внимательно прислушиваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ малѣйшему шороху, чудившемуся ему въ покоѣ недужнаго.

Много времени прошло такимъ образомъ... Но вотъ изъ спальной донесся до него звукъ продолжительнаго зѣвка и вслѣдъ затѣмъ звонъ колокольчика.

Онъ вскочилъ и устремился туда.

— Что, батюшка, проснулись? спрашивалъ онъ, подбѣгая къ больному;—что, какъ вамъ?

Елпидифоръ Павловичъ сидѣлъ выправившись въ своемъ креслѣ и глядѣлъ на него бодрымъ взглядомъ:

— Ничего, выспался... Поздно?

— Десятый въ началѣ.

— Во какъ хватилъ! засмѣялся онъ слегка; — чай пить пора!...

— Я сейчасъ прикажу.

— Ты скажи Анфисѣ: у нея всегда во-время готово...

Никаноръ Ильичъ зашагалъ къ двери „экономки“... Она по-прежнему была заперта замкомъ изнутри.

— Анфиса Дмитріевна, проговорилъ онъ, наклоняясь къ щелкѣ, сквозь которую пробивалась струйка свѣта,— Анфиса Дмитріевна, батюшка чаю проситъ!...

— Сейчасъ! послышался чрезъ нѣсколько секундъ неторопливый отвѣтъ ея.

— Что она говоритъ, что? заволновался въ своемъ креслѣ Акулинъ.

— Сейчасъ, говоритъ, подадутъ, отвѣтилъ Ранцовъ.

— Скажи, чтобы сама шла сейчасъ, чтобы сама! нетерпѣливо закомандовалъ больной.

Тотъ наклонился опять къ замочной скважинѣ:

— Батюшка проситъ васъ, Анфиса Дмитріевна, самихъ притти сюда.

— Хорошо, приду, отвѣчала она все такъ же неспѣшно.

Но дверь по-прежнему не отворялась, а изъ дверей гостиной выступилъ Ѳедька, держа въ одной рукѣ подносъ съ двумя налитыми стаканами и корзинкой въ другой, съ лежащими въ ней сайкой и грудой сушекъ. Все это онъ опустилъ на столикъ подлѣ кресла барина и, отступивъ отъ него затѣмъ на нѣсколько шаговъ, сталъ въ выжидательную позу, заложивъ руки за спину.

Больной вдругъ страшно закипятился:

— Что это такое, что это за чай! Развѣ я такъ пью! Гдѣ кипятокъ, гдѣ чайница?... И зачѣмъ *ты*... зачѣмъ *ты*!...

— Не могу знать-съ, приказали мнѣ подать, возразилъ ухмыляясь „малый“.

— Кто приказалъ? кто приказалъ? болванъ ты этакой...

— Извѣстно кто-съ: Анфиса Дмитревна приказывали.

Епидифоръ Павловичъ конвульсивно заметался въ подушкахъ:

— Не смѣй, не смѣй!... Вонъ, мурло дурацкое, вонъ, мерзавецъ, и чтобы не смѣлъ ты никогда входить ко мнѣ!... Анфиса, Анфиса! кричалъ онъ, уже не помня себя.

Ѳедька испуганно скрылся... Въ то же время щелкнулъ

замокъ въ двери Анфисиной комнаты, и сама она появилась на ея порогѣ.

— Что это вы крикомъ-то кричите, Елпидифоръ Павлычъ? проговорила она своею пѣвучею московскою интонаціей, — только себѣ вредите.

Онъ разомъ смирился, завидѣвъ ее; щеки его запрыгали отъ волненія, глаза заискрились радостнымъ блескомъ.

— Ты не сердись, Анфисушка, залепеталъ онъ, — сама видишь, безъ тебя и порядку никакого нѣтъ...

Она не отвѣчая поглядѣла на него съ мѣста и медленно закачала головой.

— Да что ты тамъ стоишь! Подойди ты сюда, скажи слово!

Она двинулась и остановилась у стѣны, насупротивъ него, все такъ же не разжимая рта.

— Не видать мнѣ тебя отсюда, темно, заволновался снова недужный.—Никаноръ Ильичъ, родной, подай сюда свѣчи!

Ранцовъ пошелъ за ними къ окну и поставилъ ихъ на столъ, на которомъ стылъ поданный Ѳедькой чай.

Елпидифоръ Павловичъ поднялъ здоровую руку и лихорадочнымъ движеніемъ сбросилъ съ нихъ зеленые колпачки. Въ разбѣжавшемся свѣтѣ вырисовалась на темномъ фонѣ обоевъ стройная фигура „экономки“, со строгимъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ.

— Что ты молчишь все, Анфисушка? тоскливо заныл онъ, тяжело приподнимаясь на своемъ креслѣ и подаваясь тѣломъ впередъ, чтобы лучше разсмотрѣть ее,—сердишься ты что-ли? За что? Говори, не томи ты меня, Христа ради!

Она еще разъ закачала головой и громко вздохнула:

— Было времячко, да прошло; пѣли пташечки, да слетѣли. Не Анфисушка я вамъ, Елпидифоръ Павлычъ, ни что... Была хороша, а теперь не нужна стала, Богъ съ вами!

— Да что это ты говоришь, что! со страшнымъ перепугомъ воскликнулъ онъ.

— Что говорю? безстрастно отвѣчала она,—извѣстно что... Прощайте, счастливо вамъ оставаться!

— Да ты... съ ума... сошла... ты...

Языкъ его путался.

— Успокойтесь, ради Бога, батюшка! тревожно заговорилъ Ранцовъ, быстро наклоняясь къ нему и обнимая его за спину,—я право не знаю, что̀ это вздумалось Анфисѣ Дмитріевнѣ...

— И ничего мнѣ не „вздумалось“, баринъ, это вы напрасно, проговорила она на это съ холодною усмѣшкой,— а только что безъ меня *вѣрнѣе*, говорятъ, будетъ, и сами вы себѣ покой найдете, и всѣ...

Ранцовъ покраснѣлъ до самыхъ волосъ:

— Если вы насчетъ того, что жена моя могла сказать, заторопился онъ возразить,—такъ вы не такъ, повѣрьте слову, поняли, Анфиса Дмитріевна... Потому она и сейчасъ вотъ, какъ уѣзжала, говорила мнѣ, чтобы непремѣнно попросить васъ къ батюшкѣ, по-прежнему чтобъ... Она очень хорошо понимаетъ, что онъ привыкъ къ вамъ... и вы, такъ это хорошо все... Она понимаетъ, повѣрьте, а что если она иной разъ скажетъ по живости своего характера, такъ вы не обижайтесь на нее, очень прошу васъ, потому она, повѣрьте, самая прекрасная по душѣ женщина.

Она дала ему договорить, пристально и съ какою-то презрительною жалостью глядя на него.

— Вамъ лучше знать про нихъ, баринъ, промолвила она нараспѣвъ,—не даромъ, знать, мужемъ ея прозываетесь. А мнѣ что-жь на нихъ обижаться! Коли-бъ еще ровня! А то вѣдь не по одной дорожкѣ бѣжимъ, не изъ одной миски хлебаемъ. Какъ знаютъ, такъ пусть и политику свою ведутъ... А я тоже свою честь понимать должна...

Она отдѣлилась отъ стѣны и поклонилась больному глубокимъ поклономъ:

— Простите, Елпидифоръ Павлычъ, если въ чемъ согрѣшила вамъ!... А впрочемъ четыре годика прожили вмѣстѣ, не жаловались ни разу... Счастливо вамъ оставаться! Кому прикажете хозяйство завтра сдать?

Онъ слушалъ ее оторопѣло, съ широко, судорожно раскрытыми глазами, не разумѣя видимо ничего изъ выслушаннаго имъ разговора, кромѣ того, что она покидаетъ его, уходитъ...

— Да ты что, обезумѣла! забормоталъ онъ опять, дрожа всѣмъ тѣломъ и судорожно кривя побѣлѣвшія губы:—я... я не хочу... Я не пущу тебя!... Не смѣй!...

Она надменно глянула на него:

— Я вамъ не крѣпостная, Елпидифоръ Павлычъ! Вольная я птица, вдова купецкая, куда хочу, туда и иду.

— А! взвизгнулъ онъ вдругъ отчаяннымъ крикомъ, какъ бы внезапно вспомнивъ:—ты къ Степкѣ къ этому, къ подлецу Троженкову!...

— А и опять моя на то воля, къ нему иль не къ нему! слегка поблѣднѣвъ, отвѣтила она на это и направилась къ своей двери.

— Анфиса!...

Она и ухомъ не повела на этотъ стонъ, на этотъ хрипъ...

— Анфи...

То былъ какой-то уже не человѣческій голосъ, она вздрогнула и обернулась.

Голова Елпидифора Павловича валилась безжизненнымъ мѣшкомъ черезъ ручку кресла, внизъ, на руки едва успѣвшаго подставить ихъ, пораженнаго ужасомъ зятя...

XI.

> Une fois que la chimère est née, ils la recueillent chez eux comme un passetemps de salon; ils jouent avec le monstre encore petit; ils n'imaginent pas qu'il puisse jamais devenir une bête enragée et formidable.
>
> Taine. *Ancien régime.*

Марья Яковлевна Лукоянова принимала по пятницамъ въ своей большой, полукруглой гостиной, украшенной тѣми двумя неизбѣжными колоннами, оштукатуренными подъ мраморъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не могла обойтись ни одна гостиная въ московскихъ городскихъ домахъ, построенныхъ послѣ пожара Двѣнадцатаго Года. По случаю возвращенія своего изъ Петербурга (о чемъ заранѣе извѣстно было ея знакомымъ,) и названныхъ ею въ гости вагонныхъ своихъ спутниковъ, она отдала приказаніе, помимо двухъ стоячихъ лампъ, освѣщавшихъ въ эти дни комнату, зажечь еще пару изъ дюжины старинныхъ, полинялаго зеленаго цвѣта съ золотомъ *кенкетовъ*, висѣвшихъ, очевидно, кругомъ ея стѣнъ болѣе въ видахъ украшенія, чѣмъ практической пользы. *Кенкеты* чадили немилосердно, и хозяйка уже два раза высылала съ ними красноносаго Архипа „промыть ихъ, вычистить и новыми фитилями заправить“, на что онъ злобно возражалъ ей, унося ихъ, что „онѣ съ самаго царя Гороха *не воздержны*, потому въ нихъ жесть давно прогнила насквозь, а не то чтобъ фитиль али мыть...“ Сама она, сидя на диванѣ, массивная, *простоволосая* (чепцовъ на себѣ она дома не терпѣла,), съ огромнымъ, твердымъ, похожимъ на кирасу корсе-

томъ, подымавшимся чуть не до горла и заканчивавшимся чуть не у колѣнъ ея, играла въ шашки со стоявшимъ противъ нея на табуретѣ по другой сторонѣ небольшаго столика карликомъ Памфиломъ Иванычемъ, причемъ щелкала его легонько по крохотному носу, когда онъ проигрывалъ (выигрышъ свой, опредѣленный въ двѣ копѣйки ассигнаціями за партію, Памфилъ Иванычъ каждый разъ аккуратно вписывалъ своими дѣтскими ручками въ книжечку съ карандашикомъ, который вынималъ съ лукавою улыбочкой изъ боковаго кармашка своего чистенькаго сюртучка). За нею въ глубинѣ, образуемой впадиной окна въ толстой стѣнѣ, сидѣла приживалка, горбоносая старая дѣва, грузинскаго происхожденія, Катерина Борисовна Амилахвари, полусѣдая, съ огромными коровьими глазами, въ темной юпкѣ и большомъ шерстяномъ платкѣ, повязанномъ накрестъ по широкой, отвислой груди, и вязала чулокъ. Предъ нею стоялъ старинный нашъ знакомый Шѝгаревъ *), все также продолжавшій разыгрывать шута въ московскомъ обществѣ, и занимался дразненіемъ ея. Дразненіе состояло въ томъ, что онъ заводилъ съ нею рѣчь о первомъ попавшемся предметѣ, но непремѣнно въ вопросительной формѣ и, что̀ бы ни отвѣтила она, онъ вытягивалъ длинное лицо и произносилъ тономъ чрезмѣрнѣйшаго удивленія:

„Браво, брависссимо
Катерина Борисссссовна!“

На что̀ она въ свою очередь неизмѣнно фыркала въ отместку: „а ты—рыжій песъ!“ хотя Шѝгаревъ никогда рыжимъ не былъ, а въ настоящую пору былъ даже лысъ, какъ тыква, и походилъ всегда гораздо болѣе на пигалицу, чѣмъ на благородное животное, именуемое псомъ.

Александра Павловна на противоположномъ концѣ залы сидѣла за круглымъ столомъ съ Ашаниным̀ъ и разсѣянно улыбалась какому-то его разсказу.

Онъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи новой встрѣчи съ Ольгой Елпидифоровной Ранцовой, пріѣхалъ спозаранку къ Лукоя-

*) *Четверть вѣка назадъ.*

новымъ и заста́лъ обѣдавшихъ у нихъ Шѝгарева и племянника покойнаго мужа Вѣры Яковлевны, Иринарха Овцына, молодаго человѣка, съ которымъ мы не замедлимъ познакомить читателя.

Почти по самой срединѣ комнаты, между двухъ ея колоннъ, стояли длинные пяльцы, на половину прикрытые простыней. По открытой части натянутой канвы быстро двигались, вышивая какой-то пестрый коверъ, длинные пальцы сидѣвшей за этою работой молодой дѣвушки. Она была почти полголовой выше Александры Павловны, нѣсколько еще худа и нескладна, хотя ей уже минуло девятнадцать лѣтъ, и широкій складъ ея плечъ говорилъ о несомнѣнномъ пышномъ развитіи ея организма въ весьма недалекомъ будущемъ. Русые волосы, съ тѣмъ особымъ каштановымъ оттѣнкомъ, который Англичане называютъ auburn, собраны были въ одну огромную косу надъ бѣлою, высокою и тонкою шеей. Глаза были у нея совсѣмъ почти зеленые, холодные,—какіе-то пронзающіе и недосягаемые вмѣстѣ съ тѣмъ глаза,—которыми она, казалось, могла, какъ ясновидящая сквозь стѣну, читать въ душѣ другихъ, но которые не давали никоимъ образомъ другимъ проникнуть въ свою очередь въ ея душевную глубь. Выдавала она себя, какъ арабская лошадь, лишь говорящимъ движеніемъ своихъ подвижныхъ, тонкихъ до прозрачности ноздрей, да высокомѣрнымъ очеркомъ красивыхъ, твердо вырисованныхъ и, видимо, неохотно открывавшихся губъ... Ея лицо обычный, почти странный обликъ могъ многимъ не нравиться, но никто бы не прошелъ, не замѣтивъ ея... Дѣвушка эта была княжна Кира Никитишна Кубенская, двоюродная сестра „Сашеньки“.

Противъ нея сидѣлъ Иринархъ Овцынъ, господинъ лѣтъ двадцати трехъ, съ бѣлокурыми, жидкими волосами, зачесанными за уши, бѣлымъ безкровнымъ лицомъ и нѣсколько подслѣповатыми сѣрыми глазами, съ замѣтною опухолью кругомъ нихъ. Черты его были довольно правильны и не дурны, но судорожное выраженіе, казавшееся присущимъ его длиннымъ, узкимъ, то-и-дѣло подергивавшимся губамъ, давало общему характеру его наружности нѣчто какъ бы злое и ехидное.

Росту онъ былъ средняго, худощавъ; одѣтъ былъ и держался съ намѣренною, казалось, небрежностью и нескрываемою презрительностью ко всему окружающему.

— Съ одной стороны, сила и энергія молодаго поколѣнія, съ другой—немощь и тупоуміе отживающаго старья,—выборъ, кажется, не труденъ! говорилъ онъ дѣвушкѣ, покачиваясь на стулѣ, не громкимъ и самоувѣреннымъ голосомъ въ заключеніе какой-то предыдущей, пространной, повидимому, проповѣди.

Онъ вытащилъ изъ бокового кармана своего сюртука смятую папироску, расправилъ ее костлявыми пальцами, съ сизыми оконечностями обгрызанныхъ ногтей, и потянулся съ мѣста закурить ее къ шандалу, стоявшему на пяльцахъ княжны.

— Нѣтъ, ты пожалуйста ужь это оставь! крикнула ему Марья Яковлевна, замѣтивъ его движеніе.

— А почему такъ? Онъ обратилъ на нее недовольные глаза.

— Потому что у меня здѣсь не курятъ.

— Вотъ что!—И онъ хихикнулъ:—стѣсненіе личной свободы, значитъ?

— Ахъ, батюшка, расхохоталась она,—да я-то въ своемъ домѣ хозяйка, кажется!

— Что-жь, пользуйтесь... пока не отняли, примолвилъ Овцынъ съ тѣмъ же ядовитымъ хихиканьемъ, но понижая голосъ, и взглянулъ избока на безмолвную Киру.

— Что ты тамъ мурлыкаешь, что? крикнула ему опять съ мѣста Марья Яковлевна.

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

Еле слышными шагами вошла въ комнату худенькая, невысокая, лѣтъ за тридцать, женская особа въ темномъ платкѣ на плечахъ, кисейномъ чепцѣ съ оборками, охватывавшими вплотную ея увядшее, чрезвычайно добродушное и нѣсколько слезливое лицо, и съ туго набитымъ мѣшкомъ на рукѣ. Она, точно скользя по паркету, торопливо и робко кивая по пути направо и налѣво, подошла къ хозяйкѣ и, не говоря ни слова, поцѣловала ее въ плечо.

— Лизавета Ивановна, воскликнула та,—что это васъ

такъ давно не видать? Мы и въ Петербургъ успѣли съѣздить съ тѣхъ поръ.

— Слышала, ангелъ мой (она произносила не *ангелъ*, а „анделъ"), слышала... А я у Троицы побывала, сегодня вернулась только...

Марья Яковлевна засмѣялась:

— Сердце не камень, на владыку лишній разъ воззриться ѣздили,—онъ тамъ вѣдь теперь?... Ну, садитесь, разсказывайте!

Она грузно двинулась на своемъ диванѣ, указывая вошедшей подлѣ себя мѣсто. Лизавета Ивановна присѣла на краюшкѣ и улыбнулась кроткою и счастливою улыбкой:

— Сподобилась, какже, матушка Марья Яковлевна, сподобилась! Отъ *самого* благословеніе имѣла счастье получить, заговорила она вполголоса, растягивая и удлиняя слова отъ удовольствія, которое видимо производили они на нее;—до слезъ, ангелъ мой, до слезъ умилена была... Велелѣпіе-то какое, благочиніе, и словами не сказать! А какъ двинулся онъ это, идолъ мой, послѣ службы, идетъ весь въ золотѣ, голубчикъ, на головкѣ митра такъ и сіяетъ; діакона его два въ облаченіи подъ мышечки ведутъ, а у самого ручки-то такія масенькія, интересныя, косточки однѣ, ну мощи, милая, какъ надо быть мощи... Какъ увидала я его, старца моего святенькаго, не смогла, просто, анделъ мой, Марья Яковлевна, впала ему прямо на путь въ ноги: „благослови, говорю, владыка, меня грѣшную!..." Онъ, идолъ мой безцѣнный, поглядѣлъ на меня таково ласково, возложилъ на чело мое знаменіе и тихонько такъ,—голосокъ-то слабенькій, какъ у комарика:— „встаньте, говоритъ, пропустите!" А я ужь и не могу, милая, заливаюсь, ну просто такъ и льетъ, такъ и льетъ изъ меня слеза... Просвирочку вамъ, анделъ мой, привезла, прервала себя Лизавета Ивановна, смахивая верхомъ руки навернувшіяся у нея при этомъ воспоминаніи новыя слезы и поспѣшно развязывая свой мѣшокъ,—подавала за здравіе ваше и барышни нашей многоцѣнной, промолвила она уже громко, улыбаясь чрезъ комнату сидѣвшей на другомъ концѣ залы и дружески кивавшей ей въ свою очередь Сашенькѣ.

— Спасибо вамъ, милая, спасибо! Вѣдь никогда не забудетъ... говорила Марья Яковлевна, принимая отъ нея просфору.

Та поцѣловала ее въ плечо еще разъ и поднялась съ мѣста:

— Ну, а теперь я со сокровищемъ моимъ поздравствоваться, усмѣхнулась она опять своею кроткою улыбкой и поплыла, перебирая быстро маленькими, худыми ногами въ сторону Александры Павловны. Она замедлила шаги, проходя мимо княжны Киры, и почтительно поклонилась ей.

— Благодати масла и ладона отвѣдали всласть, а? отпустилъ ей чрезъ спину Овцынъ, прислушивавшійся, кривя губы, съ мѣста къ разговору ея съ теткой.

— Что-жь, батюшка, Иринархъ Ѳедоровичъ, краснѣя и какъ бы испуганно останавливаясь на ходу, возразила она, заикаясь,—развѣ что въ этомъ дурно?... Сказано: *храмъ Мой храмъ молитвы наречется*...

— Какъ тебѣ не стыдно, Иринархъ! быстро молвила Сашенька, вставая съ мѣста и идя съ протянутыми руками навстрѣчу маленькой особѣ.

Княжна Кира подняла свои зеленые глаза, остановила ихъ на мигъ на кузинѣ и опустила ихъ опять съ тѣмъ же непроницаемо холоднымъ выраженіемъ.

— А помнишь ты, Ира, раздался неожиданно изъ глубины окна звучный басъ грузинской дѣвы Амилахвари, — помнишь, какъ за грубость твою высѣкла тебя при мнѣ разъ матушка твоя покойница, Анна Ивановна, царство ей небесное?

— Видно, мало! отпустила въ этому такъ же громко Марья Яковлевна.

Овцынъ, не удостоивая ихъ взгляда, отчеканилъ медленно и внятно, продолжая относиться къ сидѣвшей противъ него княжнѣ:

— Давно пора весь этотъ безобразный порядокъ смести съ лица земли!

— Мети, батюшка, мети, тебѣ здорово! расхохоталась

хозяйка, *фукая* шашку у проглядѣвшаго Памфила Ивановича,—вѣники хоть на мой счетъ покупай, жертвую!

Княжна Кира чуть-чуть повела углами губъ, но никто бы не могъ сказать, словамъ-ли Овцына, или отвѣту тетки выражала сочувствіе ея нѣмая улыбка.

— И все-то изъ-за меня грѣшной, Господи! съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ и сжимая нервно руки, прошептала Лизавета Ивановна, растерянно глядя на Сашеньку, усадившую ее подлѣ себя и Ашанина.

— И нисколько! успокоительно молвилъ ей на это Ашанинъ: — будто вы не знаете, что Марья Яковлевна и такъ при всякомъ случаѣ жучитъ его и старается изъ него дурь выбить.

— Мнѣ это нисколько не нравится впрочемъ,—и Александра Павловна, вздохнувъ, закачала головой: — Иринархъ еще болѣе раздражается и путается въ этихъ своихъ... идеяхъ... Я боюсь, что изъ него ничего не выйдетъ...

— А вы питали еще надежду? разсмѣялся онъ.—Но что въ немъ находитъ занимательнаго Кира Никитишна, хотѣлъ бы я знать; онъ вѣчно къ ней пристроится со своими проповѣдями, а она слушаетъ!...

Александра Павловна съ мгновенною морщинкой на лбу медленно пожала плечами... и вдругъ слегка вздрогнула, пріосаннлась и вся обернулась взглядомъ на дверь въ сосѣднюю комнату, изъ которой долетѣлъ до нея легкій шумъ чьихъ-то мужскихъ, неспѣшныхъ шаговъ.

Кира Кубенская подняла еще разъ глаза и устремила ихъ по тому же направленію.

Стройный, красивый, съ папахою подъ мышкой, обтирая тонкимъ батистовымъ платкомъ свои еще влажные отъ мороза усы, вошелъ Троекуровъ.

— Вотъ это мило, по-нашему, по-московски, радостно заголосила, завидѣвъ его, Марья Яковлевна, — а то я боялась, вы, по обычаю вашего петербургскаго grand genre, вздумаете за полночь пріѣхать ко мнѣ, когда у насъ добрые люди давно въ постеляхъ.

— Я пріѣхалъ, какъ вы приказывали, отвѣчалъ онъ съ подлежащею свѣтскою улыбкой.

— Вотъ и прекрасно! Садитесь пожалуйста!... Надо васъ познакомить со всѣми... Сашеньку и Владиміра Петровича вы знаете. А это племянница моя, княжна Кубенская.

Троекуровъ отвѣсилъ дѣвушкѣ глубокій поклонъ.

Она внимательно поглядѣла на него, отвѣчала короткимъ кивкомъ и, опершись затѣмъ головой объ руку, принялась съ какою-то ироническою поощрительностью глядѣть на тетку, какъ-бы говоря: „ну, ну, продолжайте это ваше забавное называніе, гдѣ не мужчину дамѣ, а даму мужчинѣ представляютъ“...

Овцынъ, въ свою очередь, насмѣшливо улыбаясь, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

Расходившаяся Марья Яковлевна продолжала:

— Алексѣй Ѳедоровичъ Шѣгаревъ, старинный нашъ пріятель... А это племянникъ мой по мужу, Овцынъ, сказала она, указывая на него: — большой забавникъ, сочла она нужнымъ прибавить отъ избытка блаженныхъ чувствъ, — золъ на весь міръ, предваряю васъ.

Тотъ, закусивъ поблѣднѣвшія губы, круто повернулъ на каблукахъ и воззрился въ лицо Троекурову:

— Точно такъ-съ, фамилія моя — Овцынъ, но овечьей кротости въ себѣ не питаю!

Кавказецъ, безотчетно сжавъ брови, серьезно, поглядѣлъ въ свою очередь ему въ лицо.

— Бодаетъ! скорчивъ гримасу, отпустилъ Шѣгаревъ:—изъ Овцыныхъ въ Козловы просится.

Въ сторонѣ отъ говорившихъ послышался будто какой-то мышиный писк: сочувственно смѣялся обрадованный карликъ Памфилъ Ивановичъ.

— Въ Козловы готовъ, но никакъ не въ паяцы! отрѣзалъ Овцынъ, вызывающими глазами глядя на зубоскала.

— Иринархъ Ѳедоровичъ! раздался вдругъ твердый и чистый голосъ Киры,—оставьте! Сядьте ко мнѣ!

Онъ подошелъ и опустился на прежнее мѣсто съ дрожавшими еще отъ гнѣва и торжества губами.

Марья Яковлевна гнѣвно поглядѣла на нихъ, готовясь, надо думать, отпустить опять колкость, — на сей разъ и по адресу племянницы,—когда въ комнату вступило новое лицо.

Это былъ извѣстный въ тѣ дни всей Бѣлокаменной Фифенька Веретеньевъ, свѣтскій жуиръ, замѣнившій давно переселившагося на службу въ Петербургъ Чижевскаго *) въ должности Vortänzer'a московскихъ баловъ, дирижировавшій ими повсюду, въ „maisons huppées", какъ на купеческихъ свадьбахъ (Фифеньку „нанимали" бородачи на эти торжества, увѣряли злые языки,) облекаясь въ эти дни въ сочиненный имъ особаго рода фракъ съ обтянутыми бѣлымъ атласомъ обшлагами и подбойкой, — добрѣйшій и безпутный малый, безбоязненно говорившій по-французски, какъ испанская корова, и вообще безграмотный, какъ семилѣтній школьникъ; находившій средство проѣдать и проигрывать тысячъ пятнадцать въ годъ на миѳическій капиталъ какого-то, никогда имъ самимъ невиданнаго, костромскаго лѣса, „который", утверждалъ онъ, „подъ Москвою стоилъ бы, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ тысячъ", но, къ несчастію, находился въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и гроша мѣднаго за это добро никто ему дать не хотѣлъ; дожившій тѣмъ не менѣе безъ печали въ этихъ условіяхъ до сорокалѣтняго возраста и мечтавшій теперь, для увѣнчанія своей карьеры, „подцѣпить какую нибудь милліонную приданницу изъ Рогожской", надъ раскольническими учрежденіями которой состоялъ онъ одно время, по милости вліятельныхъ сестрицъ, смотрителемъ отъ правительства. Таково было общественное положеніе Фифеньки, самаго популярнаго въ ту пору персонажа въ Москвѣ.

Красный, хохочущій, съ двумя недостававшими у него спереди зубами, вбѣжалъ онъ въ комнату; пришепетывая и присвистывая въ пустое отверстіе этихъ зубовъ и махая отъ входа хозяйкѣ обѣими руками:

— Марья Яковлевна, даму вамъ привезъ, une femme... quelle encore! (то-есть въ вольномъ переводѣ: „какая еще!"). Первый сортъ, изъ Петербурга... На Вздвиженкѣ ѣду въ са-

*) *Четверть вѣка назадъ.*

няхъ, смотрю: на боку карета, колесо отлетѣло. Я сейчасъ: „стой!“ кричу, выскочилъ; слышу женскій голосъ: „выпустите меня, ради Бога!“ Я ей: „madame, говорю, отворяя дверцу,— soyez si bon, sortez“. А она какъ вышла, я такъ и крикнулъ: „Ольга Елпидифоровна, déesse! Какъ вы здѣсь, куда?“ А она мнѣ говоритъ, что къ вамъ... Скажите пожалуйста!... „Asseyez, говорю, plus vite dans mes traineaux“...

— Вы ее привезли, madame Rantzof, гдѣ же она?

И Марья Яковлевна поднялась съ мѣста.

— Въ передней у васъ обтираютъ ей платье; прямо вѣдь изъ кареты въ снѣгъ выскочила...

— Саша, ступай скорѣе, прими! поспѣшно молвила ей мать.

— А, Троекуровъ, mon cher, давно-ли? присвистывалъ тѣмъ временемъ Фифенька, кидаясь къ нашему герою (онъ имѣлъ талантъ быть знакомымъ и на „ты“ со всѣмъ міромъ,) и принимаясь обнимать его;— пріѣдешь въ клубъ ужинать?... Здѣсь дохлятиной кормятъ, прошепталъ онъ ему уже на ухо.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался звонкій голосъ петербургской гостьи:

— Нѣтъ, нѣтъ, mercі, я никогда не простужаюсь, да и ногъ я совсѣмъ не промочила, на мнѣ были мѣховыя ботинки... Quelle aventure! молвила она со смѣхомъ, появляясь на порогѣ залы и быстро кивая шедшей навстрѣчу ей хозяйкѣ;— если бы не Фифи...

— Да, Филиппъ Андреичъ намъ сейчасъ говорилъ... Не ушиблись вы? заботливо допрашивала Марья Яковлевна.

— Нѣтъ, ни малѣйше, цѣла и невредима!

— А карета ваша что же?

— А, право, не знаю!... Надѣнутъ колесо, пріѣдетъ вѣроятно; кучеръ знаетъ куда...

— А если тамъ сломано и не скоро поправить можно?.., Я тогда прикажу для васъ мою карету заложить, любезно предложила хозяйка.

— Ни за что! вскликнула Ранцова,—я въ саняхъ поѣду; *ода теплая.*

Ашанинъ съ поклономъ и протянутою рукой быстро подошелъ къ ней:

— У васъ карета извощичья?

— Да.

— Такъ это его долгъ пріѣхать съ этою или съ другою каретой. Позвольте, я это сейчасъ устрою.

И торопливо, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не слыхать возраженій своей предусмотрительности, онъ вышелъ изъ комнаты.

Марья Яковлевна повела торжественно петербургскую даму къ своему дивану (изящный туалетъ Ранцовой производилъ на нее невольно импонирующее впечатлѣніе,) и усадила подлѣ себя, сказавъ при этомъ Памфилу Ивановичу, продолжавшему все такъ же стоять на своемъ табуретѣ у шашечнаго стола: „убирайся, будетъ!“

Ольга Елпидифоровна обняла быстрымъ взглядомъ старушечій чепецъ на головѣ Лизаветы Ивановны, сморщенное какъ старое яблоко лицо карлика, восточную физіономію приживалки съ чулкомъ и повела его, прищурясь, на сидѣвшаго тутъ же Троекурова: „Москва pur sang, не правда-ли?“ говорилъ этотъ насмѣшливый взглядъ. Но глаза его не отвѣчали на ея вопросъ. Ему досадно было присутствіе самой ея здѣсь, да и занятъ онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ... Онъ съ какимъ-то враждебнымъ и осторожнымъ любопытствомъ поглядывалъ со своего мѣста на „странную“ дѣвушку, склонившуюся надъ пяльцами посреди залы. Его покоробило и отъ небрежнаго кивка ея на его поклонъ, и отъ „неучтивой выходки“ ея въ поощреніи „этого длинноволосаго мусьяка“, — и онъ безотчетно старался теперь прочесть въ чертахъ ея лица смыслъ и поводъ всего этого. „Не вульгарность это, не mauvaise éducation“, говорилъ онъ себѣ,—онъ чутьемъ это чуялъ и понималъ своимъ долгимъ свѣтскимъ опытомъ,—„а что-то крайне независимое, надменное и презрительное. Она, видимо, глубоко убѣждена въ превосходствѣ своемъ надо всѣмъ, что здѣсь. Откуда это, съ какого права?...“ Но ничего прочесть онъ не могъ: дѣвушка не отрывала глазъ отъ своей работы и только иной разъ, казалось издали Троекурову, выражала чуть замѣтнымъ движеніемъ головы одобреніе

или сочувствіе тому чему-то, что̀, наклоняясь къ ней чрезъ пяльцы и подергивая губами, говорилъ ей Овцынъ.

А про нее въ то же время зашла рѣчь между хозяйкой и гостьей. Онъ сталъ прислушиваться.

— Qui est cette jeune personne? пожелала узнать г-жа Ранцова, обратившая тотчасъ же вниманіе на необычайную наружность той, которая занимала самого его въ эту минуту.

— А это племянница моя родная, брата моего покойнаго дочь, сирота, княжна Кубенская.

— Она точно une jeune reine, молвила улыбаясь петербургская барыня, — между этими двумя колоннами, dominant l'alentour, серіозная такая, важная...

— Да, не сейчасъ и сквозь зубы молвила на это Марья Яковлевна,—царицей себя держитъ... Привыкла!... Про брата моего, князя Никиту Яковлевича, вѣрно слышали? спросила она черезъ мигъ.

— Онъ въ Сибири генералъ-губернаторомъ былъ?

— Пятнадцать лѣтъ цѣлыхъ царствовалъ тамъ... Она тамъ и родилась... Съ женой онъ всего только два года прожилъ, умерла она, оставя ему эту дѣвочку... Какъ выросла, такъ у него и принимала, и всѣмъ домомъ, почитай, всѣмъ краемъ ворочала, когда онъ болѣть тамъ сталъ...

— Ахъ, Боже мой, воскликнула Ольга Елпидифоровна,— я теперь вспоминаю: я ихъ видѣла въ Баденъ-Баденѣ тому два года.

— Да, ноги отнялись у него, онъ тогда должность оставилъ и поѣхалъ съ нею за границу.

— Я встрѣчала ихъ тамъ въ allée de Lichtenthal, всегда вдвоемъ; его возили въ колясочкѣ, а она рядомъ идетъ въ широкой соломенной шляпѣ... Я бы ее впрочемъ не узнала... Они ни съ кѣмъ тамъ не знакомились, ни у кого не бывали...

Марья Яковлевна только головой качнула.

— Давно она у васъ живетъ? вмѣшался въ разговоръ Троекуровъ.

— Да вотъ, какъ братъ померъ. Я сейчасъ же ей написала... *Куда*-жь ей было, окромя какъ къ теткѣ къ родной!

Привезла ее мнѣ тогда Швейцарка, компаніонка; второй годъ съ тѣхъ поръ пошелъ...

— Отецъ оставилъ ей состояніе? спросила довольно безцеремонно Ранцова.

Марья Яковлевна пожала плечами:

— Монеты какія-то, да камни; охотникъ былъ до нихъ покойный. А окромя этого хлама ни гроша мѣднаго. Все тамъ въ Сибири прожилъ... Положилъ ей Государь двѣ тысячи пенсіи въ годъ до замужства, да единовременно три тысячи изъ кабинета ей прислали: вотъ и все наслѣдство у нея!...

— Познакомьте меня пожалуйста съ ней, chère madame!

— Ахъ, виновата, я вамъ не представила... Кира! громко крикнула г-жа Лукоянова.

Дѣвушка приподняла голову отъ канвы и медленно обернула ее на тетку. Ноздри ея словно оскорбленно дрогнули и расширились...

— Что вамъ угодно? произнесла она своимъ отчетливымъ голосомъ.

— Поди сюда, я хочу тебя представить madame Rantzof...

Ольга Елпидифоровна вскочила съ мѣста:

— Ne vous dérangez pas, princesse! Позвольте мнѣ поглядѣть на вашу работу...

Она подбѣжала къ пяльцамъ, схватила и стиснула руку Киры и заговорила о томъ, что она два года тому назадъ „любовалась ею“ въ Баденѣ, но что княжна вѣрно и не замѣтила ея, а она такъ рада теперь, такъ рада случаю познакомиться съ нею...

Зеленые глаза княжны пристально остановились на расточительницѣ этихъ любезныхъ словъ:

— Благодарю васъ, промолвила она,—но знакомство со мною никому не можетъ доставить удовольствія.

— Это почему? воскликнула наша барыня.

Что-то въ родѣ улыбки сложилось на характерныхъ устахъ Киры.

— Почему? повторила она:—потому что я дикая.

Та сочла долгомъ разсмѣяться:

— Вы, то-есть, хотите сказать, что вы дичитесь насъ

грѣшныхъ? Это совсѣмъ другое дѣло. И я позволю себѣ спросить васъ тогда, за что такая немилость?

— Я говорю то, что говорю, отвѣчала протяжно на это дѣвушка.

— Изъ чего же вы заключаете то, въ чемъ вы никогда не увѣрите меня? продолжала все съ тою же любезностью ея собесѣдница.

— Я себя знаю, а вы меня не знаете.

„Да, съ нею трудно!“ подумала Ольга Елпидифоровна. Она наклонилась къ пяльцамъ и спросила!

— Кому вышиваете вы этотъ прелестный коверъ?

— На могилу на одну, отвѣчала, помолчавъ и видимо нехотя, Кира.

„Ah, mais cela devient lugubre à la fin!“ сказала себѣ на этотъ разъ по-французски Ранцова и, прищурившись, огляну-лась кругомъ, ища, съ кѣмъ бы можно было завести болѣе пріятнаго рода бесѣду... Александра Павловна разговаривала стоя съ Веретеньевымъ у фортепіано, приставленнаго къ одному изъ простѣнковъ залы; она направилась къ нимъ.

— Аппробую! сказалъ съ ликованіемъ въ чертахъ Овцынъ княжнѣ, какъ только та удалилась.

— Что? спросила она, продѣвая иглою снизу вверхъ.

— А то, что безъ буржуазной ипокризіи вы прямо заявили ей свои убѣжденія.

— Какія убѣжденія? словно уронила Кира.

— Вы ей честно на ея безсмысленное свѣтское кудах-танье отвѣтили, что вы *„дикая“*.

— Такъ что же? спросили поднявшіеся на Овцына глаза княжны.

— Вы ей сказали этимъ, пояснилъ онъ,—что вы пре-зираете тѣ искусственныя, нелѣпыя условія, которыми до сихъ поръ опредѣлялась жизнь людей въ обществѣ, и не хотите признавать ничего, кромѣ естественныхъ, нормальныхъ потреб-ностей человѣка.

Она не отвѣчала сразу.

— Я терпѣть не могу фамиліарности, вымолвила она на-*конецъ и опять замолкла.*

Фифенька говорилъ тѣмъ временемъ Александрѣ Павловнѣ:

— Я къ вамъ чай пить пріѣхалъ до клуба. Pourquoi pas до сихъ поръ?... Вотъ и déesse моя тоже хочетъ.—Онъ подбѣжалъ къ подходившей петербургской барынѣ,—n'est-ce pas, vous buverez московскаго чайку?...—Онъ взялъ ея руку, повернулъ ее ладонью вверхъ и приложился губами къ голому мѣстечку между перчаткой и рукавчикомъ.—Ну, что Наташанцевъ, Bazancourt, Chou-Pail? У вашихъ ногъ toujours? Люблю! Всѣмъ tête tourne, а сама ничего... N'est-ce pas, ничего? Молодецъ déesse!...

Въ дверяхъ залы появился старикъ-буфетчикъ, въ сюртукѣ, но въ бѣломъ галстукѣ и нитяныхъ перчаткахъ на рукахъ.

— Чай готовъ, пойдемте! громко сказала Александра Павловна.

Она нетерпѣливо ждала этой минуты, когда наконецъ представится ей возможность поговорить съ Троекуровымъ.

Всѣ поднялись и потянулись въ столовую.

Въ дверяхъ Сашенька обернулась, отыскивая глазами Лизавету Ивановну.

— Куда вы, куда, голубушка? вскликнула она, увидавъ, что та улепетываетъ на неслышныхъ своихъ ножкахъ въ противоположную дверь залы, и побѣжала за нею.

— Нѣтъ, нѣтъ, ангелъ мой, залепетала маленькая особа,— оставьте!... Народу у васъ сегодня, чужіе все.... Сами знаете, на что я имъ, да и боязно какъ-то. Я къ нянюшкѣ, къ Глафирѣ Савельевнѣ, мы ужь завсегда, какъ гости, чай пьемъ вмѣстѣ... А въ спаленку къ вамъ, какъ придете, можно? спросила она тутъ же съ какою-то робкою и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательно нѣжною интонаціей въ голосѣ, подымая на дѣвушку вопросительные глаза.

— Непремѣнно приходите, непремѣнно! — И Сашенька съ мгновеннымъ порывомъ закинула ей обѣ руки за шею.— Я все вамъ, душечка Лизавета Ивановна, все разскажу, прошептала она ей на ухо, крѣпко поцѣловала ее въ щеку и побѣжала назадъ.

Троекуровъ, пропустивъ всѣхъ впередъ, поджидалъ ее у дверей. Онъ со своего мѣста все видѣлъ.

— Скажите, сказалъ онъ, глядя на нее со свѣтлою, всю ее озарившею улыбкой, — кто это, кому я теперь такъ завидую?

Она разсмѣялась какъ бы безсознательно, въ унисонъ этой улыбкѣ его.

— Ахъ, она такая хорошая... Сердечная! примолвила она, тутъ же перемѣняя тонъ, — и несчастная такая, если бы вы знали!.. Ее зовутъ Лизавета Ивановна, по фамиліи Срѣтенская; она дочь священника одного, богатаго, осталась молоденькая сиротой... И былъ у нея женихъ, офицеръ, котораго она ужасно любила, и его убили въ Венгерскую кампанію. Она все тогда, что у нея было, раздала бѣднымъ и пошла въ монастырь. Только тамъ игуменья одна, Наѳанаила, очень ее обижала, она и вышла.

— И теперь у васъ живетъ? спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ мы просили ее, она не хочетъ. Квартирка у нея своя... Она все по церквамъ, да за больными ходитъ...

— Вы ее очень любите?

— Да, очень, она стоитъ...

Троекуровъ остановился и поглядѣлъ на нее...

— Больше, чѣмъ вашу кузину, княжну *Киру*, что по-гречески значитъ *госпожа?* подчеркнулъ онъ, намекая на объясненіе, данное ему Марьей Яковлевной въ ложѣ Большаго Театра.

— Зачѣмъ это вы у меня спрашиваете? молвила она съ удивленною и какъ бы смущенною улыбкой.

— Потому что я чувствую, что я никогда не былъ бы въ состояніи полюбить ее, на вашемъ мѣстѣ, отвѣчалъ онъ серіознымъ тономъ.

— Напрасно! поспѣшно возразила Александра Павловна,— она тоже несчастная!..

— Саша, гдѣ ты, иди разливать! раздался изъ столовой громкій голосъ г-жи Лукояновой.

— Иду, maman!.. *Идемъ*, тихо добавила она, вся сіяющая и вся розовая, обернувшись на своего спутника...

XII.

...Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что̀ слово—приговоръ!
Горе отъ ума.

Ein schöner Stern geht auf in meiner Nacht
Und neues Leben mir verspricht.
O, lüge nicht!
Heine.

Александра Павловна сѣла на одномъ изъ концовъ длиннаго стола за большой, сіявшій какъ зеркало вычищенною своею мѣдью самоваръ, и поспѣшно подставила чайникъ подъ кранъ. Рука ея слегка дрожала... Подлѣ нея, на углу, сѣлъ Троекуровъ, и она избѣгала встрѣтиться съ нимъ глазами: „а не то непремѣнно обожгу пальцы кипяткомъ“, говорила себѣ мысленно дѣвушка, съ нѣмой улыбкой, точно вылетавшею изо всего ея существа. „А если-бъ обожглась—нарочно“, пробѣгала у нея мысль, — „воображаю, какъ бы онъ испугался, кинулся... Нѣтъ, ни за что̀! Онъ такая прелесть!..“

Прямо насупротивъ, на самой срединкѣ другаго узкаго конца стола, медленно опустилась на стулъ княжна Кира. Это было ея обычное мѣсто; она терпѣть не могла „чувствовать у своего бока локоть сосѣда“, говорила она... Овцынъ помѣстился по ея лѣвую руку на углу, какъ Троекуровъ подлѣ Сашеньки, и Шигаревъ, замѣтивъ это, тотчасъ же вытянулъ длинное лицо, имѣвшее изобразить комично мрачное выраженіе, и обратился къ приживалкѣ грузинскаго рода, рядомъ съ которой усѣлся онъ:

— Катерина Борисовна, когда двѣ стороны треугольника равны между собою, что̀ тогда выходитъ?

— А ты—рыжій песъ! фыркнула неизмѣнный свой отвѣтъ дѣва.

— Вотъ и неправда ваша, захихикалъ онъ, подставляя ей свой указательный палецъ,—выходитъ: дважды два *амуръ!*

Катерина Борисовна отгрызлась и, протянувъ руку къ огромной корзинѣ, со всякими печеньями стоявшей посреди стола, достала изъ нея сайку и положила ее предъ нимъ:—знаю, что любишь, ѣшь!

— Карета ваша тутъ! коротко проговорилъ вошедшій въ это время Ашанинъ, наклоняясь къ уху Ольги Елпидифоровны Ранцовой, которую усадила подлѣ себя хозяйка (Веретеньевъ занялъ мѣсто по другую ея сторону).

— Mercі! сказала она ему въ-полоборота, продолжая начатый ею Марьѣ Яковлевнѣ разсказъ о какой-то дворцовой сплетнѣ.

Фифенька закинулъ вверхъ голову и подмигнулъ на нее Ашанину:

— Déesse, a? Можно par concience сказать?

— По совѣсти... и безо всякой совѣсти сказать можно, молвилъ смѣясь московскій Донъ-Жуанъ.

— Ахъ, comme bien dit! засвисталъ въ восторгѣ Фифенька, откидываясь въ спинку своего стула и хлопая въ ладоши:—какъ въ сайку попалъ! Молодецъ, mon cher! Въ нее именно такъ и влюбляются всѣ—*безсовѣстно!*...

Петербургская барыня, сидя къ нимъ спиною, чуть-чуть усмѣхнулась и пожала плечами.

— Сестрица, съ пріѣздомъ! проговорилъ нежданно надъ нею чей-то голосъ.

Она вздрогнула чуть-чуть, повела вверхъ головой и вопросительно повернула ее затѣмъ въ сторону Веретеньева.

— Отецъ вотъ этого длинноволосаго, поспѣшилъ объяснить ей тотъ, кивнувъ осторожно въ сторону Овцына.

Это былъ коротко остриженный, сѣдой, длинный и худой мущина въ золотыхъ очкахъ на длинномъ носу и во фракѣ застегнутомъ снизу и вплоть до высокаго галстука, туго повязаннаго кругомъ шеи, и изъ котораго торчали, прижимаясь къ его щекамъ, не менѣе туго накрахмаленные и вы-

сокіе воротнички, углами угрожающіе небу, какъ говорятъ Французы. Видъ онъ имѣлъ чрезвычайно внушительный и глубокомысленный, и имѣлъ претензію походить на Ламартина, которымъ кто-то прозвалъ его въ шутку въ клубѣ, въ пору Февральской революціи во Франціи.

— А, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, здравствуй! проговорила Марья Яковлевна, оборачиваясь и подавая ему руку, къ которой тотъ, низко наклонясь, немедленно и приложился съ какою-то старинною, искательною галантерейностью.—А я съ твоимъ успѣла ужь сегодня побраниться;—и она указала ему глазами на сына.

— За что это, сестрица, позвольте узнать?

— Да за то же все: вздоръ несетъ не описанный!...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ поднесъ руку къ очкамъ, медленно приподнялъ ихъ и опять опустилъ, и проговорилъ баскомъ:

— Это намъ часто кажется, сестрица, потому что мы одного поколѣнія, а они другаго; а въ сущности-то выходитъ, что не извѣстно... да-съ, не извѣстно,—повторилъ онъ, таинственно вдругъ понижая голосъ, — вздоръ-ли они дѣйствительно несутъ.

— Да ты слышалъ, что онъ поретъ? вскрикнула Марья Яковлевна, не смущаясь присутствіемъ другихъ.

— Знаю, что онъ *говоритъ*, подчеркнулъ тотъ.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— Поздравляю тебя въ семъ случаѣ!...

Онъ все съ тѣмъ же таинственно внушительнымъ и глубокомысленнымъ видомъ нагнулся къ ней и прошепталъ:

— Повѣрьте, сестрица, имъ внятнѣе, чѣмъ намъ... требованія вѣка.—Онъ усмѣхнулся, видимо довольный произнесенными имъ, модными еще тогда, словцами, и заключилъ:—Они ужь тѣмъ правы, что молоды-съ, а мы роль свою отыграли, что дѣлать!...

Марья Яковлевна только рукой махнула.

Онъ выпрямилъ опять свой длинный и худой станъ, поправилъ очки съ какою-то недменностью и, закинувъ по-Ла-

мартиновски руку подъ обшлагъ своего застегнутаго фрака, отправился здороваться съ Александрой Павловной.

— Хороши нынче папеньки! громко промолвила Марья Яковлевна, подъ вліяніемъ досады своей на него.

Ранцова, смѣявшаяся чему-то въ это время съ Веретеньевымъ (Ашанинъ, обойдя кругомъ стола, сидѣлъ теперь противъ нихъ, подлѣ Шигарева,) повернулась опять къ ней:

— C'est un parent à vous, n'est ce pas?

— Да, beau-frère, на сестрѣ мужа моего покойнаго женатъ былъ... Съ состояніемъ былъ большимъ человѣкомъ, все въ картишки проигралъ, добавила откровенная барыня (она не почитала нужнымъ вообще „менажировать“ мужнюю родню). А теперь въ либералы играетъ... Сумасбродъ!...

— Много развелось ихъ такихъ въ наше время! одобрительно замѣтила на это Ольга Елпидифоровна.

А Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ, пожавъ руку Сашенькѣ и раскланявшись своимъ стариннымъ кругловатымъ поклономъ Троекурову, котораго дѣвушка, занятая разливаніемъ чая и „своими мыслями“, позабыла познакомить съ нимъ, прошелъ на другой конецъ стола и съ новымъ, еще болѣе почтительнымъ на сей разъ поклономъ протянулъ и пожалъ руку княжнѣ Кирѣ. Покончивъ со всѣми этими обязанностями, онъ повернулъ къ мѣсту сына, сѣлъ и пододвинулся къ нему со стуломъ.

— Здравствуй, Ира, со вчерашняго не видались, тихо и далеко не внушительно заговорилъ онъ.—Ты здѣсь обѣдалъ?

— Здѣсь, отрѣзалъ тотъ, не глядя на отца и помѣшивая ложкой въ только-что поданномъ ему стаканѣ.

— А я сегодня у доктора, у Перцова былъ, началъ опять Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — онъ согласенъ дать тебѣ свидѣтельство о болѣзни...

— Это на что? воскликнулъ сынъ.

— А въ университетъ-то представить. Вѣдь ты изъ Петербурга второй мѣсяцъ съ зимнихъ вакацій. Взыщутъ пожалуй!

— А ну его къ чорту!

— Такъ вѣдь нельзя же, залепеталъ отецъ,—пока у васъ

такіе... стѣснительные, конечно, Ира, я не спорю, а все же... порядки есть...

Иринархъ высокомѣрно глянулъ на него черезъ плечо:

— А тебя кто проситъ вмѣшиваться? Изъ-за этого самаго жить съ тобой не хотѣлъ, въ Петербургъ перешелъ, а ты опять за свое принимаешься... А если я, можетъ, медленно проговорилъ онъ,—и вовсе не хочу въ твой университетъ опять?

Бѣдный Ѳедоръ Ѳедоровичъ такъ и остолбенѣлъ.

— Какъ же ты... не хочешь? былъ онъ только въ состояніи проговорить.

— А такъ!—Иринархъ повелъ ядовито губами.—Послѣдній *Колоколъ* прочелъ? уронилъ онъ помолчавъ.

— Прочелъ, какже, прочелъ! поспѣшилъ отвѣтить отецъ:— какъ ты принесъ, я отъ аза до ижицы...

— Ну, и что же?

— Удивительно, Ира, удивительно!—И Ѳедоръ Ѳедоровичъ закатилъ изъ-за своихъ очковъ глаза къ потолку.— Уменъ-то какъ, остеръ человѣкъ!

— Остеръ! повторилъ презрительно Иринархъ,—ты въ суть-то самую вникнулъ-ли? Вѣдь прямо говоритъ: довольно наболтано, пора за живое дѣло приниматься.

Сбитый съ толку Ламартинъ залепеталъ опять:

— Конечно, Ира, кто говоритъ... живое дѣло... Мы вотъ не умѣли, а вамъ это все предстоитъ... Только какъ же это такъ, изъ университета выйти... безъ правъ безо всякихъ?...

— Пошелъ опять зудить свою старую ложь!

И Иринархъ, отвернувшись отъ отца, воззрился на княжну Киру, словно намѣреваясь призвать ее въ судьи пренія ихъ съ отцомъ.

Но она и не слышала его. Опершись головою на лѣвую руку, она устремила непроницаемые глаза свои на противоположную сторону стола, и трудно было отгадать: глядѣла-ли она въ задумчивости безцѣльно впередъ, или наблюдала за сидѣвшею тамъ двоюродною сестрой и ея собесѣдникомъ. Тѣнь отъ руки падала ей на лицо, какъ бы ограждая его отъ нескромныхъ взглядовъ, и только Овцынъ, для котораго оста-

валась открытою свѣтлая сторона его, могъ бы замѣтить нервное вздрагиваніе ея тонкихъ ноздрей и спросить себя: чему слѣдовало приписать этотъ несомнѣнный у нея признакъ обнимавшаго ее внутренняго волненія? Но Овцынъ былъ не физіономистъ, а всякую „психологію“ къ тому же презиралъ всѣмъ существомъ своимъ; онъ ничего не замѣтилъ и ничего не спрашивалъ себя.

Но Троекуровъ *почувствовалъ* эти упорные лучи устремленныхъ на *него* глазъ и отвѣчалъ имъ, въ свою очередь, долгимъ и пристальнымъ взглядомъ. „Чья возьметъ?“ словно хотѣлъ онъ сказать имъ...

„Взялъ“ онъ. Княжна опустила вдругъ руку и обернулась всѣмъ лицомъ къ Овцынымъ.

„А-а!“ пронеслось у него въ головѣ; онъ безотчетно улыбнулся...

— Вы мнѣ сказали, обратился онъ къ Сашенькѣ,—что кузина ваша „тоже несчастная“. Хотите, я скажу вамъ отчего?

— Скажите! отвѣчала она съ любопытствомъ и какою-то тревогой.

— Она не можетъ позабыть роль, которую играла она тамъ, у себя, въ Сибири; здѣсь ей и тѣсно, и мелко...

— Не говорите, мнѣ ее такъ жалко! прервала его Сашенька;—ей, въ самомъ дѣлѣ „мелко“ здѣсь, она очень умна, вѣчно за книгами сидитъ.... Ей было бы надобно другое общество... и простору больше, добавила дѣвушка, нѣсколько затрудняясь выразить свою мысль;—мнѣ иногда она представляется точно большая, сильная птица, засаженная въ клѣтку...

— Она характерна очень, это видно! молвилъ Троекуровъ.

— Это ужь въ роду у насъ, мы всѣ характерны, возразила Александра Павловна, и ея оживленныя черты приняли мгновенно то обычное имъ спокойно строгое выраженіе, которое такъ нравилось въ ней нашему Кавказцу.

— Да? протянулъ онъ, любуясь ею;—и вы?

— И я!—Она взглянула на него со счастливою улыбкой:—*я знаю*, чего хочу, и никогда отъ этого не отступаюсь.

Онъ понялъ и улыбнулся тоже:

— А вѣдь вы знаете, говорятъ, что одинаковые характеры никогда не могутъ прочно сойтись?

Она взглянула вдругъ на него такъ испуганно, что въ головѣ его пронеслась безумная мысль схватить, обнять и страстно сжать ее въ объятіяхъ тутъ же, при всѣхъ...

— Александра Павловна, съ легкою дрожью въ голосѣ и съ разстановкой проговорилъ онъ:—можете вы мнѣ сказать, въ которомъ часу я могу застать завтра утромъ матушку вашу?... Одну, домолвилъ онъ, подчеркивая;—сегодня, я боялся, она будетъ утомлена послѣ дороги...

Дѣвушка поблѣднѣла вся и опустила вѣки...

— Въ двѣнадцать... въ часъ... Когда хотите,—я ей скажу, чуть слышно прошептала она.

— Ахъ, Боже мой, княгиня Аглая Константиновна! раздался въ это время звонкій голосъ Марьи Яковлевны.

Она шумно отодвинула свой стулъ и направилась навстрѣчу входившей.

— Вы знаете эту princesse des eaux de vie? спросилъ на ухо Веретеньевъ свою сосѣдку.

— Comme mes poches, разсмѣялась она.—А вы?

— Пробовалъ призанять у нея,—не даетъ, бестія! вздохнулъ на это Фифенька...

Княгиня Аглая Константиновна Шастунова довольно сильно измѣнилась со времени послѣдней встрѣчи съ нею читателя *). Не даромъ сказано еще Расиномъ: „des ans l'irréparable outrage“... Былая полнота ея замѣтно начинала теперь переходить въ тучность, наводненіе которой уже не въ силахъ былъ сдержать никакой корсетъ; знаменитыя брови „en arc de Cupidon“ представляли гораздо болѣе признаковъ искусной живописи, чѣмъ природной растительности, а прижимавшіеся ко лбу, ярко лоснившіеся, подобранные какъ по ниточкѣ и словно приклеенные черные волосы заставляли сомнѣваться въ преизобиліи ихъ и настоящемъ цвѣтѣ на мѣстахъ, которыя прикрывалъ ея низко спускавшійся, разубран-

*) *Четверть вѣка назадъ.*

ный лентами и цвѣтами модный чепецъ. Но на короткихъ пальцахъ блестѣли все тѣ же цѣнныя кольца, нитка крупнаго жемчуга переливала молочною бѣлизной кругомъ обширной и красной шеи, а темнолиловое муаре платье шуршало всею добротностью своей густой лионской ткани.

— J'ai dîné chez mon vieil ami, le comte, заголосила она входя, подавая руку хозяйкѣ и оглядываясь круглыми глазами на ея гостей;—онъ мнѣ сказалъ, что хотѣлъ къ вамъ быть ce soir; вотъ и я къ вамъ пріѣхала... Ахъ, princesse, bonsoir!

И она шагнула по направленію къ Кирѣ, которая, въ силу носимаго ею титула, признавалась ею in petto главною особой въ этомъ домѣ.

Княжна встала и присѣла съ какою-то величавою учтивостью.

— Vous savez, вы моя grande favorite! закачала умильно головой Аглая Константиновна, подавая ей четыре пальца руки, къ ладони которой прижимала она большимъ пальцемъ свои свернутыя перчатки.—Elle mé rappelle beaucoup ma fille défunte pour la tenue, прошептала она Марьѣ Яковлевнѣ, вздохнувъ и отходя съ нею къ чайному столу,—mais une autre expression dans les traits, глубокомысленно добавила она.—Et Basile, mon fils, вы его не видѣли въ Петербургѣ?

— Вы забыли, что вы никогда его мнѣ не представляли, княгиня, засмѣялась г-жа Лукоянова, — я его не знаю... Но вотъ кто можетъ дать вамъ о немъ подробныя извѣстія... Вы, кажется, знакомы... madame Rantzoff...

Аглая Константиновна взглянула.

— Ah mon Dieu, mais c'est, je crois... mademoiselle ci devant Akouline? поспѣшила она поправиться, едва узнавая свою бывшую „барышню на побѣгушкахъ“ въ этой „петербургской“ отъ головы до ногъ въ своей „tenue“ и туалетѣ, красивой и самоувѣренной женщинѣ, которой смѣлый и нѣсколько насмѣшливый взглядъ далъ ей сейчасъ же почувствовать, что она ее „оборветъ“ при малѣйшей попыткѣ неучтивости, или даже невниманія.

— Enchantée de vous voir, madame, сказала она, подавая *ей руку и опускаясь* подлѣ нея на стулъ;—я васъ не видѣла

depuis que vous êtes mariée... Такъ давно этому... Et ma pauvre Lina, помните ее?

— Она была мой лучшій другъ въ жизни, молвила на это самымъ убѣдительнымъ тономъ madame Rantzoff и глубоко вздохнула.

— Oui, oui, vous nous êtiez si dévouée alors!

— Si *amie*, madame, подчеркнула Ольга Елпидифоровна, глядя съ улыбкой мимо нея на хозяйку дома, покусывавшую себѣ губу отъ заранѣе предчувствовавшагося ей смѣха, изобильно доставляемаго ей всегда „глупостями“ княгини Шастуновой.

— Certainement, говорила та между тѣмъ, — и мы avec Lina, nous vous aimions tant! Вы теперь изъ Петербурга?... И говорятъ, vous y voyez Basile, mon fils?

— Да, онъ бываетъ у меня довольно часто. Je reçois beaucoup, промолвила вскользь Ранцова, — и у меня любятъ бывать, говорятъ, у меня весело. Она засмѣялась.

— Oh, je le crois, сказала любезно Аглая Константиновна и вдругъ начала громко вздыхать, какимъ-то заискивающимъ взглядомъ воззрясь на нее.

— Ахъ, если бы вы могли,—vous êtes si jolie, — prendre de l'influence sur lui! Il me désole!

— Чѣмъ это, княгиня?

— Вообразите, il n'y a pas un an что онъ офицеръ, и онъ уже мнѣ стоитъ cinquante mille, figurez vous ça!

— Реи! проговорилъ Фифенька Веретеньевъ, все время съ мѣста подмигивавшій Марьѣ Яковлевнѣ: погодите, молъ, сейчасъ представленіе начнется!

— Quoi „реи?“ повторила княгиня, оборачиваясь на его голосъ, и, узнавъ его, кивнула ему небрежно головой.

— Cinquante mille. Я вотъ ѣду въ Петербургъ, на дняхъ, и непремѣнно скажу ему, чтобъ онъ pour l'autre an непремѣнно cent mille, по крайней мѣрѣ, истратилъ.

— Vous dites toujours des bêtises, monsieur Веретеньевъ! вскликнула она, вся покраснѣвъ отъ досады.

— Да куда вамъ деньги дѣвать, княгиня! засвисталъ хо-

хоча Фифенька въ пустое отверстіе своихъ зубовъ; — у васъ ихъ куры не клюютъ.

— А вы ихъ считали, мои деньги? спросила она отгрызаясь.

— Не я, такъ другіе считали. У васъ, я знаю, два милліона однѣми серіями лежитъ теперь въ сундукѣ.

— Quel menteur!—И Аглая Константиновна всплеснула въ негодованіи руками;—кто вамъ сказалъ cette calomnie?

— И вѣдь никому руки помощи протянуть не хотите, продолжалъ все такъ же Фифенька, оставляя ея вопросъ безъ отвѣта, — не то ужь мнѣ, сиротѣ, а на что кажется другъ вамъ Зяблинъ, Евгеній Владиміровичъ, и тому вѣдь вы ни гроша никогда въ займы не дадите!

И онъ, надрываясь отъ удовольствія, замигалъ обоими глазами сидѣвшему противъ него съ пресерьезнымъ лицомъ Ашанину.

— И никогда вамъ не дамъ, никогда, parceque c'est sans retour! У васъ rien que des dettes! отгрызалась все злѣе княгиня...

Хозяйка и Ольга Елпидифоровна, отодвинувшаяся даже со своимъ стуломъ, чтобы сидѣвшимъ направо и налѣво ея воюющимъ удобнѣе было обмѣниваться выстрѣлами, едва держались отъ пронимавшаго ихъ хохота.

— Спорятъ! Узнаю! Фифенька! Вретъ, вѣрно, какъ всегда! заговорилъ нежданно кто-то, незамѣченно вошедшій въ комнату подъ гоготъ этого спора.

— Ахъ, графъ! вскликнула Марья Яковлевна, вскакивая съ мѣста,—какъ я рада! Спасибо, что вспомнили обо мнѣ... Я только сегодня изъ Петербурга...

— Знаю! Чесминъ встрѣтилъ васъ утромъ, когда ѣхали. Обѣдалъ у меня сегодня, сказалъ. Я пріѣхалъ! запѣлъ онъ аккомпанистомъ въ отвѣтъ, вознося вверхъ свои пухлыя ладони и обводя общимъ поклономъ поднявшихся со своихъ мѣстъ вслѣдъ за хозяйкою гостей.

Знакомый читателю *) лысый, тучноватый старецъ, со

*) *Четвертъ вѣка назадъ.*

своею добродушно выпяченною впередъ, отдутою губой, китайскими глазками и мягкими щеками, переваливавшими съ обѣихъ сторонъ черезъ туго натянутый высокій форменный галстукъ,—бывшій грозный главноначальствующій Москвы,—жилъ въ ней теперь, по замѣнѣ его въ должности другимъ лицомъ, мирнымъ гражданиномъ, сохранивъ лишь свое генералъ-адъютантское званіе, но болѣе чѣмъ когда прежде популярный и любимый въ московскомъ обществѣ. Сочувственная улыбка заиграла у всѣхъ на губахъ, отвѣчая на его поклонъ. Только Иринархъ Овцынъ, принужденный невольно подняться со стула за остальными, не сѣлъ уже на него вновь, а со злобно задрожавшими губами прошелъ въ залу, гдѣ и повалился на диванъ, задравъ ноги кверху и шипя сквозь зубы: „Старые идолы!“...

— Графъ, не знаю, помните-ли вы меня? говорила тѣмъ временемъ Ранцова, вставая съ мѣста и идя къ нему съ протянутою рукой.

Онъ зорко взглядѣлся въ нее.

— Нѣтъ, помню, воскликнулъ онъ, засмѣявшись всѣмъ своимъ отдутлымъ и добродушнымъ лицомъ и ласково трепля ея руки въ своихъ пухлыхъ ладоняхъ: — шалунья! Сейчасъ узналъ! Не перемѣнилась! Такая же хорошенькая, и глаза! Въ Петербургѣ все живете?

— Да, графъ...

— Давно пріѣхали въ Москву?

— Сегодня.

— Это хорошо! невѣдомо къ чему счелъ нужнымъ одобрить старецъ и спросилъ затѣмъ:

— Отца видѣли?

Она поспѣшила скорѣе замять этотъ вопросъ и, не отвѣчая на него, проговорила:

— Я чрезвычайно рада видѣть васъ, графъ, и въ добромъ здоровьѣ... Вы всегда были такъ добры ко мнѣ!...

Хозяйка между тѣмъ, подозвавъ къ себѣ глазами Троекурова, подвела его къ графу и назвала его.

— Троекуровъ! воскликнулъ онъ разводя ладони, — Василья Борисовича сынъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ; — покойный батюшка мнѣ не разъ говорилъ о васъ; онъ васъ очень любилъ.

— Знаю! А зачѣмъ ты у меня не бываешь? Стыдно! Съ отцомъ твоимъ вмѣстѣ флигель-адъютантами у государя Александра Павловича были!...

Троекуровъ не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ старецъ, быстро обернувшись въ сторону княжны Кубенской, заголосилъ ласково, кивая на нее:

— Вотъ и ея отецъ тоже! Здравствуйте! Гордая какая сидитъ, меня не видитъ! засмѣялся онъ.

— Я вамъ кланялась, графъ, вы не видѣли, сказала она, и мимолетная улыбка, измѣнившая всю ея физіономію, пронеслась и тутъ же потухла на ея губахъ.

Она встала, шагнула къ нему и подала руку.

— На отца похожа! запѣлъ онъ снова, удерживая эту руку въ своей рукѣ;—умный человѣкъ былъ! Желѣзный, кланяться не умѣлъ! Если бы не характеръ, не такую бы карьеру сдѣлалъ! Въ Сибири держали до смерти... Покойный императоръ его цѣнилъ, только ходу не давали...

— Угодно вамъ чаю, графъ, спросила подходя къ нему и присѣдая Сашенька.

— Благодарствуйте! Пилъ дома! Милое дитя!

Онъ опустилъ руку Киры и принялся хлопать по рукѣ Александры Павловны:

— Въ Петербургѣ были,—знаю! Весело было?

Марья Яковлевна поспѣшила отвѣтить за дочь:

— Очень, графъ, очень! На большой балъ попали, въ grand monde, къ Краснорѣцкой; всю царскую фамилію видѣли. Одинъ изъ князей танцовалъ съ нею.

— Un des grands... вся сомлѣвъ отъ неожиданной возможности такого счастья для такой незнатной въ ея понятіяхъ дѣвушки, какъ Сашенька Лукоянова, воскликнула княгиня Аглая Константиновна; — il a dansé avec vous, mademoiselle? примолвила она, съ нѣкоторою уже благоговѣйностью взглянувъ на дѣвушку.

— Да, да; она—я и не ожидала даже, — имѣла большой

успѣхъ на этомъ балѣ, заморгала, наклоняясь къ ея уху, Марья Яковлевна, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не оскорбить скромности дочери. — Да что же, графъ, хоть присядьте къ намъ, по крайней мѣрѣ! обратилась она къ нему, опускаясь сама на свое мѣсто.

Онъ сѣлъ подлѣ нея.

— Что въ Петербургѣ слышали? спросилъ онъ.

— Насчетъ чего, графъ?

— Ну, вотъ, что они тамъ насчетъ крестьянъ сочиняютъ?

— Ничего, по правдѣ сказать, не слышала, повинилась смѣясь Марья Яковлевна;—съ балами этими, да выѣздами ни съ кѣмъ и говорить-то объ этомъ не пришлось... И не слышно тамъ ничего особеннаго, каждый своимъ занятъ, Вавилонъ какой-то!...

— Если вамъ угодно, графъ, я могу вамъ сообщить совершенно свѣжія новости, вмѣшалась въ разговоръ Ольга Ипполитовна: — я вижу многихъ участвующихъ въ комиссіи и...

Онъ не далъ ей договорить: ему нисколько не было интересно то, что могла она сообщить ему; мнѣніе его о томъ, о чемъ онъ спросилъ сейчасъ г-жу Лукоянову, не способно было измѣниться ни отъ какого извѣстія; оно непререкаемо и твердо стояло въ головѣ его, и самый вопросъ былъ сдѣланъ имъ развѣ лишь для того, чтобъ имѣть случай высказать это свое мнѣніе:

— Знаю! Все вздоръ! Людей сначала приготовить надо! А то распустятъ, а потомъ некому сдержать будетъ! Гдѣ люди? Всѣхъ знаю! Никого нѣтъ!

— Распустятъ, ахъ, распустятъ, вѣрно это! завздыхала Марья Яковлевна.

— C'est affreux! испустила за нею вслѣдъ княгиня Аглая, испуганно закатывая свои круглые глаза подъ лобъ;—je m'enferme déjà maintenant pour dormir, de peur des gens.

— Нельзя вѣдь однако противъ требованій вѣка, сестрица, заговорилъ съ другой стороны стола Ламартинъ. Овцынъ, обращаясь словомъ къ хозяйкѣ, но косясь на графа, которому намѣренъ былъ отпустить колкость (онъ былъ однимъ изъ

рьянѣйшихъ ораторовъ оппозиціи московскаго „государственнаго совѣта“, какъ называлъ графъ тамошній Аиглійскій Клубъ, въ пору владычества нашего старца надъ Москвою),— когда вся образованная Европа свободна, оставаться намъ однимъ варварами.

— Поѣзжайте въ Европу, болтуновъ и тамъ много! такъ и огорошилъ его бывшій московскій паша;—а эти варвары вашу Европу спасли въ Тринадцатомъ году, и она имъ въ ножки кланялась вся до едина!

— Я позволю себѣ замѣтить однако вашему сіятельству... язвительно началъ было Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Дворянство по міру пустятъ! запѣлъ опять свое графъ, не слушая его,—а кѣмъ замѣнятъ? На дворянствѣ тронъ держался! Жили вѣка такъ! Худъ-ли, хорошъ, порядокъ былъ какой-нибудь! А какъ тронете, между тономъ и зипуномъ ничего не оставите, что тогда? Старыхъ слугъ вонъ, а новыхъ изъ прохвостовъ станете брать? Теперь всякъ мѣсто свое зналъ, а тогда каждый вверхъ захочетъ лѣзть. А не попалъ— за топоръ! Такое государство развѣ можно вдругъ безъ фундамента? Смута пойдетъ одна, мерзость, вотъ какъ во Франціи было!...

— Я позволю себѣ замѣтить однако вашему сіятельству, упорно повторилъ свою фразу Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—что дворянство и такъ теперь разорено до тла, или въ долгахъ все...

— Кто съ крестьянъ дралъ послѣднее и въ карты проигрывалъ, невозмутимо отпустилъ на это графъ,—тотъ и остался безъ ничего! А хорошій помѣщикъ и свою выгоду знаетъ, и народу пользу приноситъ.

— Мнѣ кажется однако, графъ, сказалъ Троекуровъ, заинтересовавшійся и личностью, и оригинальною рѣчью этого представителя иныхъ временъ и воззрѣній, и оставшійся стоять подлѣ него, прислушиваясь къ разговору,—хорошій помѣщикъ ничего не потеряетъ отъ уничтоженія крѣпостнаго права; ихъ, мнѣ кажется, даже можетъ больше у насъ явится, потому что каждый тогда человѣкъ съ умомъ и капиталомъ будетъ имѣть право пріобрѣсти землю.

Ладони графа раскинулись вѣеромъ!

— А кто онъ будетъ? Говори! Бородачъ? Онъ въ три года землю эту выпашетъ, лѣсъ спуститъ весь на срубъ, капиталъ свой съ процентомъ вернетъ—и кинетъ! А примѣръ народу забылъ? Духъ какой—подчеркнулъ старикъ,—перейдетъ отъ него въ народъ? Народъ знаетъ теперь барина, воспитаніе его и службу уважаетъ. Знаетъ и солдатъ, потому впереди его идетъ баринъ въ сраженьи! А этотъ чему научитъ? Обмѣривать и обвѣшивать своего же брата мужика?

Кавказецъ не нашелъ отвѣта и замолкъ.

Княгиня Аглая Константиновна шептала тѣмъ временемъ на ухо хозяйкѣ:

— Ce monsieur Троекуровъ est le neveu du vieux Остроженко?

— Да! Борисъ Васильичъ, сказала та,—позвольте васъ представить княгинѣ Шастуновой...

Онъ поклонился. Она протянула ему руку:

— Je vous félicite, monsieur, avec un superde héritage! Вы знаете, графъ, вѣдь это теперь наслѣдникъ всего имѣнія Остроженковскаго.

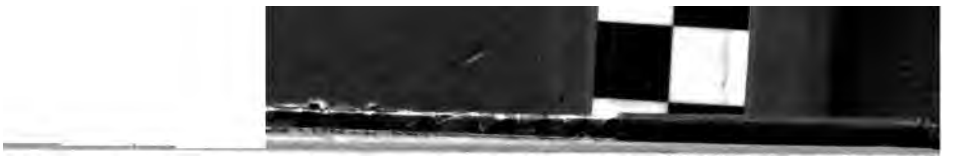
— Знаю! Помню, сказалъ онъ вдругъ, обернувшись къ Троекурову,—когда отецъ твой съ покойнымъ Акимомъ Иванычемъ еще друзьями были, на одной квартирѣ въ Семеновскомъ полку жили! А потомъ враги стали; и до смерти не могли простить другъ другу!

— Отецъ мой не имѣлъ ничего противъ Акима Ивановича, замѣтилъ Троекуровъ;—тотъ никакъ простить не могъ, что сестра его вышла противъ его воли за моего отца.

— Il ne vous aimait pas aussi, vous! отпустила ему княгиня со своею глупою улыбкой;—онъ всегда пріѣзжалъ ко мнѣ по четвергамъ faire ma partie de préférence, и когда говорилъ о васъ, то toujours en mal!...

— Отчего у нихъ первая ссора вышла? прерывая ее, спросила Марья Яковлевна графа.

— Завистливъ былъ покойный всегда, отвѣчалъ онъ:—Троекуровъ, Василій Борисычъ, воспитанный человѣкъ былъ, ловкій, за границей учился. Александръ Павлычъ адъютантомъ его къ себѣ взялъ. Ну, а тотъ, не смотря на богатство,



остался лямку тянуть... Простить не могъ... И женщина тутъ одна примѣшалась, вдовушка хорошенькая,—добавилъ графъ шепоткомъ и подмигивая своимъ собесѣдницамъ:—тотъ жениться хотѣлъ, а Троекуровъ отбилъ и безо всякой свадьбы...

— Ну, конечно, это причина достаточная! разсмѣялась Марья Яковлевна.

— Стрѣлялись вѣдь они тогда изъ-за этого, засмѣялся и графъ, — только и тутъ ему не повезло: Троекуровъ же всадилъ ему пулю въ икру! Тутъ онъ со злости и на службу плюнулъ, и въ Москву жить переѣхалъ!

— Я была еще очень молода, въ свѣтъ еще не выѣзжала, продолжала г-жа Лукоянова, относясь къ Троекурову,—когда по всей Москвѣ было только и говору, что про эту свадьбу вашей матушки. Акимъ Ивановичъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; онъ ее, говорятъ, запиралъ, морилъ голодомъ... Вѣдь она гораздо его моложе была; онъ послѣ смерти родныхъ воспиталъ ее и привязался какъ къ дочери, жениться самъ не хотѣлъ изъ-за нея...

— Совершенно такъ, сказалъ Троекуровъ,—и мой покойный отецъ самъ говорилъ мнѣ, что онъ вполнѣ понималъ, какъ должно было казаться ужаснымъ Акиму Ивановичу отдать за него сестру! Но это все-таки не дозволяло ему дѣлать то, что онъ дѣлалъ...

— Совсѣмъ спятилъ тогда человѣкъ! прервалъ графъ.— Я былъ тогда финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, и оттуда къ себѣ, въ Студенецъ, пріѣхалъ, когда эта свадьба была.. Онъ по всей Москвѣ траурные билеты разослалъ: сестра моя, молъ, Маргарита Ивановна, волею Божіею помре такого-то числа, въ такомъ-то часу, въ томъ самомъ, когда ей вѣнчаться ѣхать.

— Да, да, воскликнула Марья Яковлевна,—я помню, тогда разсказывали...

— У меня до сихъ поръ сохранилось такое траурное извѣщеніе, сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ какою-то заискивающею улыбкой, адресуясь черезъ столъ къ Троекурову.

— Если бы не князь Дмитрій Владиміровичъ, молвилъ *графъ*,—государь покойный за эту штуку хотѣлъ его въ су-

масшедшій домъ на цѣпь! Сослали только въ имѣніе. Черезъ годъ вернули опять!

— Отецъ мой самъ просилъ объ этомъ государя, промолвилъ Кавказецъ.

— Да, добрый былъ человѣкъ Василій Борисовичъ, и умный!... А теперь гдѣ люди? воскликнулъ старецъ, возвращаясь къ залегшему въ головѣ его помыслу, и поднялся съ мѣста.

— Да, мало, сказала усмѣхнувшись Ольга Елпидифоровна;— я *всѣхъ ихъ* вижу въ Петербургѣ, но *человѣка*, по правдѣ сказать, не встрѣчала.

— Les hommes sont si rares en général, сочла нужнымъ вздохнуть по этому случаю княгиня Шастунова.

— А плотину снести хотятъ, чтобы все затопило! произнесъ таинственно на этотъ разъ графъ, склоняя голову и не подымая уже, а разводя веслами свои ладони.

Онъ взялъ со стула фуражку, всталъ и обвелъ общимъ поклономъ присутствующихъ.

— Куда же это вы, графъ, рано? плачущимъ тономъ проговорила хозяйка.

— Нѣтъ! У меня положено! Въ одиннадцать ровно—въ постелькѣ! Прощайте! Троекуровъ, стыдно, что у меня не былъ!...

Онъ пожалъ руку дамамъ и вышелъ изъ комнаты, переваливаясь съ боку на бокъ своею быстрою и еще бодрою походкой. Хозяйка провела его до передней...

— И вотъ-съ, подъ гнетомъ такого человѣка десять лѣтъ мы здѣсь прожили! обращаясь снова къ Троекурову, желчно заговорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ.

— Ничего не гнетъ, сказалъ на это Ашанинъ:—добрѣйшій человѣкъ со старою генеральскою придурью,—какимъ на свѣтѣ былъ, такимъ и теперь остался.

Кавказецъ улыбнулся:

— Фонвизинскій Здравомыслъ!... А впрочемъ, кто поживетъ—увидитъ, промолвилъ онъ шутливо, и отошелъ опять къ Александрѣ Павловнѣ.

Княжна Кира повела ему вслѣдъ длиннымъ взглядомъ, поднялась и прошла въ залу.

Чай былъ отпитъ; все остальное общество послѣдовало за нею.

Фифенька, не любившій „головоломныхъ“ разговоровъ, а потому молчавшій во все время, пока былъ графъ, попробовалъ было теперь опять поднять на-смѣшки княгиню Аглаю Константиновну, но она отвернулась отъ него за первымъ его словомъ, и махнувъ рукой проговорила:

— Ne vous approchez pas de moi, vous êtes une peste!

Онъ расхохотался, и подошелъ къ Ашанину:

— Вы здѣсь ужинать останетесь?

— Не знаю... нѣтъ, у меня голова болитъ.

Фифенька наклонился къ его уху:

— Одинъ кусокъ готовятъ свѣжій для хозяйки, а остальное все вчерашнее, разогрѣтое. Вы замѣтьте, Архипъ подавать станетъ ей первой и пальцемъ-то большимъ ткнетъ на хорошій кусокъ; она возьметъ, а гостямъ дохлятина.

— Какой вздоръ!

— Вѣрьте, не вѣрьте, а я подглядѣлъ le truc... Какъ это настоящее говорится, спохватился онъ вдругъ почему-то: truc или tric?... Развѣ у умной княгини спросить?—Онъ свистнулъ и фыркнулъ со смѣха.—А, все равно! Прощайте, я въ клубъ!... А хороша déesse правда? Femme chic, настоящая!...

И онъ исчезъ.

Въ залѣ разбились группами. Княжна Кира сѣла опять за свои пяльцы, а къ ней опять присѣлъ неизбѣжный Овцынъ. Княгиня Шастунова совершенно завладѣла Ольгой Елпидифоровной: она допытывала петербургскую барыню чуть не до обморока про сына, про эту „coquine Lucie Ladrague“, на которую онъ истратилъ cinquante mille, про его „tenue dans le monde“, про то, какъ она думаетъ, „когда его могутъ сдѣлать aide de camp de Sa Majesté?“ Марья Яковлевна слушала смѣясь, глядя на свою молодую гостью, и только плечами пожимала.

— Помилуйте, княгиня, какъ можетъ знать это все madame Rantzof? попробовала было она выручить ее.

— Oh, une jolie femme sait toujours ce qu'elle veut savoir! *отпустила* въ отвѣтъ княгиня, любезно улыбаясь своей жертвѣ,

и продолжала допекать ее разспросами и просьбами „prendre de l'influence sur mon fils qui me coûte les yeux de la tête!"

Ольга Елпидифоровна подняла умоляющіе глаза на сидѣвшаго невдалекѣ Ашанина, какъ бы говоря: „хоть бы вы нашли средство меня избавить".

Но Ашанинъ только закусилъ губы и не тронулся. Онъ не подходилъ къ ней съ видимою нарочитостью, которую она какъ-то смутно угадывала и объясняла себѣ тѣмъ, что онъ избѣгалъ повода напоминить княгинѣ о его ухаживаніи за ней въ пору ея дѣвичества, и дать тѣмъ возможность этой глупой женщинѣ ляпнуть какую-нибудь пошлую шутку. „Это хорошо съ его стороны!" подумала она—и предалась со смиреніемъ на дальнѣйшія истязанія своего палача въ наколкѣ.

Подъѣхали между тѣмъ новые гости. Вошелъ нѣкто Моховъ, недавно кончившій курсъ въ университетѣ, небогатый молодой человѣкъ, два уже года страстно и безнадежно влюбленный въ Сашеньку; вползла какая-то очень древняя княжна съ двумя сѣдыми букольками, въ видѣ колбасокъ пристегнутыми къ налѣзавшему на самые глаза чепцу, и съ французскимъ произношеніемъ русской рѣчи, родственница хозяйки, которая и сочла нужнымъ представить ей незнакомаго ей Троекурова. Древняя особа затрясла головой въ видѣ поклона, поглядѣла на него тусклыми глазами и, обернувшись на Марью Яковлевну, громко спросила:

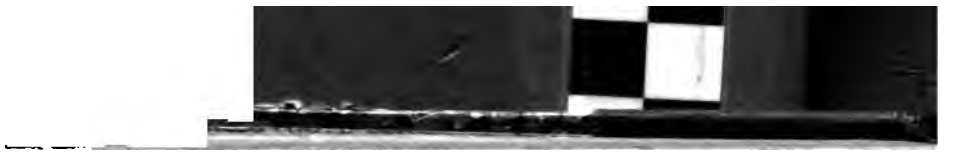
— Кто онъ, ma chère, офисеръ аль capitan?

— Полковникъ, тетушка! крикнула ей на ухо нѣсколько раздосадованная Марья Яковлевна.

— Грибоѣдовская Москва! фыркнулъ вслухъ у пялецъ Ириархъ Овцынъ.

Овцынъ-Ламартинъ обернулся испуганно на сына. Но эпизодъ прошелъ незамѣченнымъ, затерявшись въ звукахъ какой-то фортепіанной піески, заигранной Моховымъ по просьбѣ Александры Павловны.

Не было еще одиннадцати часовъ, но никакого уже терпѣнія не хватало Ольгѣ Елпидифоровнѣ. Она встала съ мѣста и начала прощаться съ хозяйкой.



— Куда же вы? всполошилась та, — рано, у меня всегда ужинаютъ...

— Нѣтъ, pardon chère madame, не могу, право, я очень устала...

Марья Яковлевна поглядѣла на нее:

— Я васъ впрочемъ понимаю, сказала она, пожимая ей обѣ руки и чуть-чуть мигнувъ въ сторону Аглаи Константиновны,—и отпускаю васъ съ миромъ. Надѣюсь, до свиданія?...

— Непремѣнно, если только пробуду въ Москвѣ...

— Et moi aussi j'espère que vous viendrez me voir, запѣла княгиня. — Я очень буду рада. Vous me rappelez un si bon temps. Помните la pauvre Lina? Vous lui êtiez si dévouée!...

Пока шла эта болтовня, Ашанинъ, присѣвшій было къ круглому столу, за которымъ помѣщалась Сашенька, вмѣстѣ съ Троекуровымъ и Шигаревымъ, разсказывавшимъ ей какой-то старый анекдотъ, всталъ и взялся за шляпу.

— Вы уходите? проговорила равнодушно дѣвушка. „Если бы всѣ они могли уйти и оставить меня съ *нимъ!*“ подумала она.

— Да, у меня ужасно голова болитъ, торопливо отвѣтилъ онъ и выскользнулъ изъ залы.

Ольга Елпидифоровна, распрощавшись со всѣми и доведенная до передней очарованною ею хозяйкой и ея дочерью, спускалась съ лѣстницы, кутаясь въ свою чернобурую лисицу и выражая мысленно по-французски вынесенное ею изъ этого дома впечатлѣніе: „Mon Dieu, quelle province!“ Красноносый Архипъ, выѣздной Марьи Яковлевны, крѣпко придерживаясь за перила, чтобы не уронить своей вѣчно упитанной спиртомъ особы, трусилъ, предшествуя ей во крыльцу, говоря себѣ въ свою очередь: „Безъ человѣка своего ѣздютъ, а еще петербургской дамой прозываются!“

Онъ дернулъ ходившею на блокѣ выходною дверью и вышелъ во дворъ.

— Пожалуйте! сказалъ онъ, возвращаясь черезъ мигъ.

У самаго крыльца стояла только-что подкатившая карета.

— А фонари? вскликнула Ранцова, подымая глаза на кучера, слабо освѣщеннаго на козлахъ своихъ свѣтомъ масля-

ной лампы за стекляннымъ колпакомъ, вставленной надъ выходною дверью;—ты фонарей не зажегъ!

— Ничего-съ, отвѣчалъ онъ сонным голосомъ,—и такъ довеземъ!..

— У насъ въ Москвѣ просто! добавилъ къ этому самодовольно Архипъ и отворилъ дверцы:—пожалуйте.

Она вошла...

— Пошелъ! крикнулъ онъ, захлопывая дверцы за нею...

Карета тронулась, и въ то же мгновеніе кто-то, быстро отворивъ ее съ другой стороны, вскочилъ въ нее на-ходу и опустился рядомъ съ красивой барыней.

— Владиміръ Петровичъ! вскрикнула она, еще не распознавъ его въ темнотѣ, но тотчасъ же догадавшись, что это онъ, по дерзости выходки,—что вы дѣлаете! Карета нанята мужемъ, кучеръ знаетъ его въ лицо, разскажетъ...

— Вашу карету я отослалъ, это другая, кучеръ не знаетъ ни васъ, ни меня... А я такъ счастливъ!..

Онъ охватилъ ее одною рукой, другою завладѣлъ ея руками, и его палящія губы такъ и ожгли ея лицо...

XIII.

Нѣтъ ужь не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покоя:
Сила и воля нужны мнѣ для страшнаго боя...
Графъ А. Толстой.

Карета только-что скрылась за воротами, и Архипъ еще стоялъ на крыльцѣ, глядя слезившимися глазками на мѣсячное небо, какъ во дворъ, визжа полозьями, скользнули широкимъ раскатомъ сани, и сидѣвшій въ нихъ господинъ въ шинели и фуражкѣ съ кокардой окликнулъ его изъ нихъ:

— Эй, любезный, это домъ Лукояновой госпожи?

— Извѣстно ихній... а то чей еще? фыркнулъ въ отвѣтъ огорошенный и видимо даже оскорбленный такимъ удивительнымъ для него вопросомъ старый дворовый.

Господинъ выскочилъ изъ саней:

— Такъ вотъ что, любезный,—у барыни твоей гости?...

— Точно такъ, гости-съ... А вамъ что угодно?...

— Такъ вотъ что, повторилъ, прерывая его, тотъ:—тутъ моя жена...

— Не могу знать-съ!

— И не знаешь, конечно, нетерпѣливо молвилъ пріѣхавшій: — она въ первый разъ у васъ... Пріѣзжая изъ Петербурга, молодая дама, Ольга Елпидифоровна Ранцова.

— Изъ Петербурга? протянулъ Архипъ,—молодыя, безъ человѣка пріѣзжали?

— Да, да!

— Онѣ вотъ сею минутой только уѣхать изволили: онѣ изъ воротъ только, а вы въ ворота...

— Такъ это она была! Ранцовъ кинулся къ своимъ саняхъ.—Поворачивай скорѣе! крикнулъ онъ извощику.—Я карету ея не признялъ, проговорилъ онъ.

Архипъ ухмыльнулся и качнулъ головой:

— А и какъ признать-то? Потому, первое, не свой экипажъ, да и не та совсѣмъ, потому ихняя безъ колеса осталась, такъ самъ Владиміръ Петровичъ ѣздили имъ другую нанимать.

— Какой Владиміръ Петровичъ?

— Ашанинъ господинъ... извѣстно какой! фыркнулъ опять тотъ съ выраженіемъ новаго изумленія: не знать, молъ, такого господина, какъ Владиміръ Петровичъ!

— Пошелъ! крикнулъ Ранцовъ, вскакивая въ сани съ безсознательно сдвинувшимися бровями; — тутъ карета одна выѣхала сейчасъ, видѣлъ? Норови нагнать скорѣе!

— Видѣлъ, влѣво приняла; нагонимъ, баринъ. Извощикъ хлестнулъ свою лошадь.

„Досадно“, говорилъ себѣ Никаноръ Ильичъ, нетерпѣливо и тревожно выглядывая прищуренными глазами изъ-за спины его въ даль пустынныхъ московскихъ улицъ: „не засталъ ее тутъ, бѣдную, и предувѣдомить не успѣлъ... Придется теперь уже дома... Не пущу войти безъ себя, пока не приготовлю къ бѣдѣ къ этой“.

Онъ глубоко скорбѣлъ и путался въ мысляхъ. „Она можетъ на отвѣтственность мою возложить... Какъ я допустилъ, зачѣмъ далъ этой Анфисѣ?.. Такъ вѣдь она-жь сама приказывала, чтобы по-прежнему, чтобъ та и чай подала ему, и все... Какъ же мнѣ предвидѣть было!.. А теперь „до утра, до утра не проживетъ“, говоритъ докторъ... Господи...“

Онъ упросилъ доктора („милый человѣкъ, сейчасъ пріѣхалъ!“) оставаться при *немъ*, покуда самъ онъ съѣздитъ за женой и привезетъ ее... „И докторъ тутъ, ну, и Анфиса эта, и Сергѣя моего тоже нарядилъ, чтобы ни на минуту не покидалъ его... Не одного оставилъ... Только чтобъ ей теперь застать его еще, застать, чтобы по крайности дочерняя рука глаза ему закрыла!..“

— Во, катитъ, обернулся на него извощикъ, указывая

кнутомъ на быстро подвигавшійся впереди черный остовъ колеснаго экипажа;—перегнать что-ль требуется?

— Д-да, двигайся живѣй... за нею! нерѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ Ранцовъ.

Обычная ему съ женой робость впала ему опять въ душу. „Что-жь ее останавливать теперь посреди улицы, только испугать хуже!“ доказывалъ онъ самъ себѣ,—„не засталъ тамъ, у этихъ Лукояновыхъ, такъ теперь ужь какъ пріѣдемъ, на крыльцѣ ее высажу... и приготовлю...“

— Пошевеливай-ка кнутомъ, пошевеливай! закомандовалъ онъ со внезапною опять мыслью перегнать карету, чтобы пріѣхать раньше и дождаться ея на этомъ крыльцѣ, и тутъ же попридержалъ за плечо своего рисхлеставшагося возницу:

— Добро, довольно, не отставай только!...

„Съ этими наемными экипажами—бѣда!“ пришло ему въ голову: „лучше ѣхать за нею, а то неравно что случится, не замѣтишь! Вотъ, говорилъ этотъ, та карета ея безъ колеса осталась, а это другая... „Владиміръ, молъ, Петровичъ сами нанимали“, повторилъ съ невольною усмѣшкой онъ... „Это тотъ самый, который“... не договорилъ себѣ Никаноръ Ильичъ. Предъ нимъ мгновенно блеснуло далекое воспоминаніе: темная лѣтняя ночь въ богатой усадьбѣ Шастуновыхъ, полусумасшедшая старая дѣва, влюбленная въ этого самого Владиміра Петровича, бесѣдка въ саду, „скандалъ“, и тамъ съ нимъ она, Оля...

Онъ мотнулъ головой, отгоняя этотъ „вздоръ“ изъ головы. „Своевольница была она всегда такая, сумасбродница... и безъ умыслу безо всякаго дурнаго, а такъ, что въ голову втемяшется, такъ сейчасъ и“... Чего онъ только въ ту ночь ни передумалъ, какъ ни перемучился, а понялъ все же, что это „легкомысліе одно“, да молодость — и простилъ. И вотъ онъ десятый годъ женатъ на ней, „и какого, кажется, еще больше соблазну нужно женщинѣ, какъ отъ всѣхъ этихъ ея въ Петербургѣ графовъ, князей и вельможъ? А она только, умница моя, водитъ ихъ всѣхъ, да вертитъ, и сама же мнѣ, какъ найдетъ на нее такой стихъ, про все про это до ниточки доложитъ, и хохоту-то тутъ что бываетъ у нея, что

словъ такихъ ловкихъ, что кажется бы въ книжку только напечатать. И сама даже очень, можно сказать, строга, напротивъ, насчетъ всего такого, вотъ хоть бы взять нынче съ этою Анфисой, напримѣръ"...

— Да куда-жь это она? уже громко проговорилъ онъ, замѣтивъ, что карета, доѣхавъ до Никитскихъ воротъ, не продолжала вверхъ по Тверскому бульвару, а повернула по Никитской внизъ.

— А намъ все за ними, баринъ? спросилъ извощикъ, умѣряя рысь лошади.

— Да, да, пошелъ... Все одно, низомъ можно, объяснилъ себѣ Ранцовъ, запахиваясь плотнѣе въ шинель отъ пронимавшаго его холода.

„Господинъ Ашанинъ", воскресало у него опять въ памяти, „барчукъ балованный, безпардонная головка! Можетъ, теперь поскромнѣе сталъ, а въ ту пору даже жутко слушать было, что про него разсказывали"... И Никанору Ильичу вспомнился вдругъ во всей подробности одинъ изъ тѣхъ, всегда коробившихъ нравственное чувство его, разнузданныхъ разсказовъ про Ашанина, которыми наглый Свищовъ послѣ ужина имѣлъ привычку угощать въ Сицкомъ холостую компанію лицедѣевъ *„Гамлета:"* — какъ этотъ „баловень" однажды, нанявъ нумеръ въ одной извѣстной московской гостинницѣ, назначилъ будто бы тамъ свиданіе въ одинъ и тотъ же день двѣнадцати барынямъ, „все мужнинымъ женамъ", опредѣливъ каждой изъ нихъ по часу, отъ 12 часовъ дня до 12 ночи, и пробесѣдовалъ затѣмъ съ ними все положенное время, съумѣвъ такъ устроить, что ни одна изъ нихъ не заподозрила, что у нея могутъ быть конкуррентки, и каждая ушла счастливая и увѣренная въ неизмѣнной къ ней одной страсти ихъ общаго, безсовѣстнаго Донъ-Жуана... Ранцовъ и тогда не повѣрилъ этой исторіи, но, по его строгимъ понятіямъ, со стороны Ашанина уже было то скверно, что онъ не опровергалъ съ негодованіемъ этихъ разсказовъ Свищова, а смѣялся имъ сочувственно вмѣстѣ съ другими, да пожалуй и пуще всѣхъ другихъ...

А карета Ольги Елпидифоровны, за которою шагахъ въ

пятнадцати слѣдовали сани ея мужа, свернувъ съ Никитской, выѣзжала тѣмъ временемъ Камергерскимъ и Кузнецкимъ переулками на Кузнецкій Мостъ и, проѣхавъ первый его кварталъ, взяла вправо по Неглинному проѣзду.

— Да что-жь это, куда? Назадъ, налѣво! крикнулъ безотчетно Никаноръ Ильичъ, порывисто подымаясь со своего сидѣнья и ухватывась за плечи своего извощика.

Тотъ затпрукнулъ и осадилъ лошадь:

— Ворочать что-ль?

— Нѣтъ, нѣтъ, *они* не туда взяли,—догоняй!

Но карета, проѣхавъ улицу до перваго ея перекрестка, круто повернула за уголъ Софійки и исчезла изъ глазъ.

— Пошелъ, пошелъ! погонялъ Ранцовъ.

Сани его, описавъ широкую дугу, завернули за тотъ же уголъ, очутясь на другой сторонѣ улицы.

— Стали! проговорилъ извощикъ, натягивая вожжи и осаживая еще разъ.

Никаноръ Ильичъ, ухватившійся на раскатѣ за его поясъ, чтобы не вылетѣть изъ саней, быстро повернулъ голову.

Карета дѣйствительно остановилась и стояла у крыльца той именно, знакомой Ранцову по своей репутаціи, гостиницы, въ которой когда-то Ашанинъ назначилъ въ одинъ и тотъ же день свиданіе двѣнадцати полоненнымъ его красотой „мужнинымъ женамъ“... И самъ онъ, собственною особой, стоялъ теперь на этомъ крыльцѣ въ шубкѣ и шапкѣ изъ сѣрыхъ смушекъ (Ранцовъ какимъ-то чутьемъ угадалъ его скорѣе, чѣмъ призналъ въ первое мгновеніе,) и нервно дергалъ за ручку колокольчика, обернувшись въ то же время къ каретѣ всѣмъ, освѣщеннымъ мѣсяцемъ, лицомъ своимъ.

— Мнѣ, значитъ, совралъ этотъ лакей, растерянно проговорилъ себѣ Никаноръ Ильичъ, — *онъ* нанималъ карету для себя, а Оля... Господи, что же это такое? внезапнымъ стономъ застонало тутъ же въ его груди. Въ отворившуюся дверь гостиницы, вслѣдъ за Ашанинымъ, быстро скользнула только-что высаженная имъ изъ кареты женская особа съ укутанною вплоть кружевнымъ платкомъ головой и въ бархатной шубѣ, малиновый цвѣтъ которой отлилъ на мигъ подъ

свѣтомъ, вырвавшимся изъ двери наружу... И все затѣмъ исчезло за этою снова захлопнувшеюся дверью съ быстротой какого-то сновидѣнія.

— Стой! крикнулъ Ранцовъ задыхавшимся голосомъ, выскочилъ изъ саней и, перебѣжавъ улицу, ухватился за колокольчикъ—и рванулъ.

Дверь отворилась не сейчасъ, и придерживавшій ее рукою за замокъ полусонный швейцаръ опросилъ его хриплымъ голосомъ:

— Что вамъ угодно?

— Тутъ сейчасъ пріѣхали... господинъ одинъ, съ дамой... ужинать, домолвилъ Ранцовъ насколько могъ спокойнѣе и находчивѣе.

— Ужинать? протянулъ какъ бы недовѣрчиво тотъ, принимая однако руку отъ замка и пропуская его въ дверь: — вы съ ними?...

— Да... Гдѣ они?

— На верхъ пожалуйте! съ видимою неохотой промолвилъ травленый Церберъ, лѣниво скидывая шинель съ плечъ вошедшаго;—тамъ спросите...

Никаноръ Ильичъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и трясущимися руками взбѣжалъ стрѣлой по ступенькамъ и очутился въ недлинномъ корридорѣ, куда выходили двери шести или семи помѣщавшихся тутъ нумеровъ. У одной изъ этихъ дверей стоялъ слуга, замѣтно только-что вышедшій изъ нея и остановившійся тамъ при видѣ поспѣшно шагавшаго къ нему „господина“.

— Поди сюда! глухо и рѣзко кликнулъ его на-ходу тотъ.

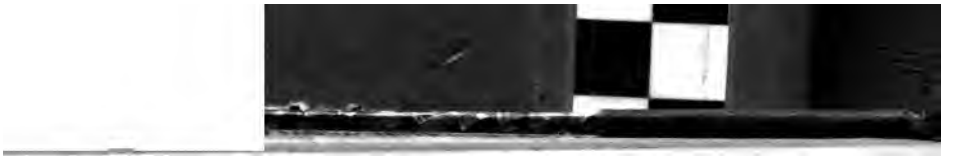
Слуга двинулся не торопясь ему навстрѣчу.

— Ты господина... Ашанина знаешь? проговорилъ черезъ силу Ранцовъ, передохнулъ и спросилъ снова:—Ашанина, понялъ? Знаешь его въ лицо?

— Знаю-съ, пробормоталъ оторопѣло слуга;—а вамъ на что-съ они?

— Онъ здѣсь, въ этомъ нумерѣ? отрѣзалъ, указывая рукой, Никаноръ Ильичъ и пошелъ далѣе.

Слуга побѣжалъ за нимъ.



— Позвольте, надо доложить! громко выговорилъ онъ, храбро становясь передъ дверью нумера, къ которому направлялся Ранцовъ.

Зеленые огни запрыгали въ глазахъ бывшаго браваго армейца. Онъ схватилъ его за шиворотъ, отшвырнулъ отъ себя съ какою-то самимъ имъ невѣданною силой и, нажавъ разомъ ручку, дернулъ къ себѣ дверь—и вошелъ...

Онъ какъ-то мгновенно обнялъ взглядомъ всю внутренность комнаты: полинялые, тисненные подъ бархатъ, зеленаго цвѣта обои и темный коверъ во весь покой, старомодная краснаго дерева мебель, обитая порыжѣвшимъ трипомъ, двѣ зажженныя въ высокихъ шандалахъ свѣчи на овальномъ гладкомъ столѣ, — и въ углу, отгороженномъ ширмами, очеркъ двухъ взбитыхъ подушекъ на широкой кровати.

Ольга Елпидифоровна, закинувъ нѣсколько голову назадъ, съ отброшеннымъ на затылокъ кружевомъ вуали, стояла посреди этой комнаты, и Ашанинъ, наклонившись до уровня ея подбородка, торопливо и неловко отъ спѣха и волненія, хлопоталъ надъ отстегиваніемъ крючка спиравшей ее у горла шубы...

Внезапный шумъ, шаги, чей-то неожиданный, прерывавшійся, грозный голосъ поразили его слухъ... Онъ вздрогнулъ, обернулся, отпрянулъ инстинктивно отъ нея и, зардѣвшись отъ смущенія и досады до самыхъ волосъ, устремилъ тутъ же сверкающіе глаза на вошедшаго.

Шуба какъ бы сама собою скользнула и скатилась за спину молодой женщины. Она безотчетно, движеніемъ купальщицы, застигнутой въ минуту раздѣванія, поднесла руку къ груди и съ задрожавшими, бѣлыми губами обернулась въ свою очередь всѣмъ тѣломъ къ мужу.

— Вы... вы, хрипѣли и путались слова въ его горлѣ, — у васъ отецъ умираетъ, а вы... *Гдѣ* вы?...

— Никсъ! вскрикнула она,—и оборвала на этомъ словѣ... Изъ страшнаго, никогда ею до тѣхъ поръ невиданнаго такимъ выраженія его лица она поняла разомъ, что это слово было уже безсильно, какъ была бы безсильна всякая попытка

обмана, что для него уже не оставалось сомнѣній, и что сбыть бѣду она могла лишь крайнею дерзостью и самообладаніемъ.

Она шагнула къ нему вся блѣдная:

— Безъ скандала, прежде всего!

Онъ глядѣлъ на нее дикими, будто ничего не видѣвшими глазами. Грудь его тяжело вздымалась и падала; руки поводило судорогами...

— Не для меня, такъ хоть для вашего имени... которое я ношу до сихъ поръ, проговорила она полушопотомъ.— Владиміръ Петровичъ, — обратилась она съ мѣста къ Ашанину,—прошу васъ уйти!

Замѣтное колебаніе сказалось въ чертахъ молодаго человѣка.

— Прошу васъ!... Меня не тронутъ! добавила скороговоркой Ольга Елпидифоровна со скользнувшею на мигъ по губамъ ея надменною улыбкой.—Пропустите Владиміра Петровича! молвила она тутъ-же, вскидывая опять глаза на мужа.

Онъ машинально, какъ бы съ привычною покорностью прежнихъ дней, двинулся съ мѣста.

Ашанинъ низко наклонилъ голову предъ своею сообщницей, словно прощаясь съ нею въ ея гостиной, и направился къ двери.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ! тихо произнесъ онъ, проходя мимо Ранцова.

Тотъ встрепенулся вдругъ, вздрогнулъ:

— Если, — и безумное, глубоко потрясающее отчаяніе сказалось въ звукѣ этихъ словъ,—если я васъ не разорвалъ въ клочки въ первую минуту, то... ступайте съ Богомъ!—И онъ твердымъ и печальнымъ жестомъ указалъ ему пальцемъ на дверь.

Московскій Донъ-Жуанъ не нашелъ слова отвѣтить. Онъ безсознательно опустилъ глаза и вышелъ. На душѣ у него было скверно; онъ предпочелъ бы десять вызововъ этому нѣмому презрѣнію и сознанію той муки, которую несъ отъ него теперь этотъ „сильный“, чувствовалъ онъ, и „хорошій человѣкъ“.

Онъ спустился поспѣшно внизъ, въ буфетъ гостиницы,

потребовалъ бутылку шампанскаго, выпилъ ее залпомъ до дна и, выйдя на улицу, пошелъ къ себѣ домой пѣшкомъ, покачиваясь отъ разобравшихъ его на морозѣ винныхъ паровъ и съ готовыми брызнуть сейчасъ изъ глазъ слезами.

Ольга Елпидифоровна по его уходѣ вздохнула полною грудью; главная,—да и пожалуй вся, думала она,—опасность миновала для нея. Она опустилась на стулъ, подлѣ стола, оперлась о него локтемъ.

— Объясните мнѣ теперь, пожалуйста, начала она своимъ самоувѣреннымъ, давно знакомымъ Ранцову тономъ,—какъ вы сюда попали... и къ чему вся эта сцена?

Онъ стоялъ недвижно, въ трехъ шагахъ отъ нея, и странен былъ въ эту минуту взглядъ, которымъ неотступно глядѣлъ онъ ей въ лицо. Какая-то будто новая, никогда имъ доселѣ невиданная женщина сидѣла теперь предъ нимъ и вела съ нимъ рѣчь съ этимъ безстыдствомъ. Горькая усмѣшка блуждала подъ его щетинистыми усами...

— Я вамъ сказывалъ... я поѣхалъ предварить васъ: отецъ вашъ при смерти... а вы... съ любовникомъ, въ этой грязи! неудержимо сорвалось вдругъ у него съ языка. Онъ отвернулся и, сжавъ до мучительной боли свои заледенѣвшіе пальцы, упалъ, словно подкошенный, въ стоявшее близь него кресло.

Ольга Елпидифоровна вспрянула съ мѣста:

— Я не поняла... Папа хуже?... Ѣдемте!

Она кинулась поднимать свою шубу съ пола.

— Помогите же надѣть! почти крикнула она на него.

Онъ поднялся, дрожавшими ознобомъ руками накинулъ ей мѣхъ на плечи—и отошелъ.

— Никсъ, проговорила она вдругъ со внезапнымъ порывомъ,—вы мнѣ простите?

Онъ пристально поглядѣлъ на нее и засмѣялся.

Смѣлая барыня перемѣнилась въ лицѣ:

— Что же это значить должно? гнѣвно вскрикнула она.

Ранцовъ нервно тряхнулъ плечами:

— И къ чему спрашиваете? Извѣстно, вамъ одна дорога, а мнѣ...

Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и вышелъ первый изъ комнаты.

Въ корридорѣ человѣкъ пять слугъ, а съ ними самъ хозяинъ гостиницы похаживали съ озабоченными лицами, въ очевидномъ смятеніи и страхѣ: „не дай Богъ чего въ 3-мъ нумерѣ“.

Никаноръ Ильичъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Чего вамъ тутъ? пропустилъ онъ сквозь стиснутые зубы, шагнувъ къ первому стоявшему у него на пути:—деньги требуются?

— Pardon, monsieur, tout est payé! поспѣшилъ заявить Французъ содержатель, выступая впередъ съ приторно-любезною улыбкой.

— Врешь ты, я плачу за удовольствіе! бѣшено крикнулъ на это Ранцовъ, выхватилъ изъ кармана бумажникъ и, забравъ изъ него въ комъ все, что тамъ случилось ассигнацій, швырнулъ ими въ лицо говорившему.

Жена его между тѣмъ, укутанная до подбородка вуалью, скользила какъ тѣнь мимо стѣны, пробираясь къ лѣстницѣ.

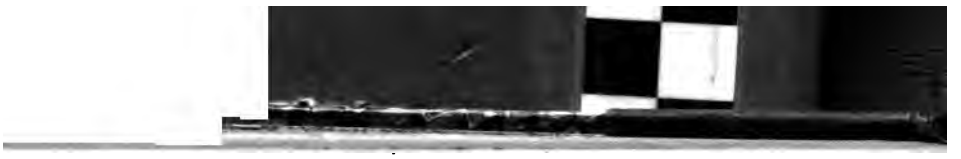
Швейцаръ усадилъ ее въ карету. Она поспѣшно уткнулась въ уголъ и судорожно прижмурила глаза.

Чрезъ мгновеніе вышелъ на крыльцо Никаноръ Ильичъ, кликнулъ свои сани, сѣлъ и, поднявъ до самаго лба свой старенькій бобровый воротникъ, не опускалъ его уже до самаго дома.

Онъ пріѣхалъ ранѣе жены нѣсколькими минутами, и изъ растеряннаго лица Ѳедьки, выбѣжавшаго отворять ему, понялъ, что она уже не застанетъ отца въ живыхъ. Онъ сбросилъ ему на руки шинель и, не выговоривъ ни единаго слова, пробѣжалъ въ спальню Елпидифора Павловича.

Взбѣжавъ на лѣстницу въ свою очередь, Ольга Елпидифоровна застала въ сѣняхъ вышедшаго ей навстрѣчу доктора. Онъ несъ на себѣ офиціально понурый видъ, приличествовавшій данному обстоятельству, который все ей сказалъ...

— Докторъ, неужели?... могла она только выговорить, блѣднѣя и едва переводя дыханіе.



— Que faire, madame? прошепталъ онъ ей на это въ отвѣтъ, вздохнувъ и внушительно разводя руками, — наука не Богъ.

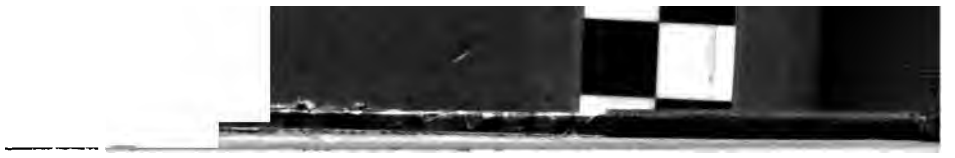
Красивая барыня опустилась на стоявшую тутъ лавку, закинула безпомощно голову назадъ и лишилась чувствъ—въ первый разъ жизни.

XIV.

In welche soll ich mich verlieben,
Da beide liebenswürdig sind?
Heine.

Къ полуночи, послѣ ужина, гости Марьи Яковлевны Лукіановой стали разъѣзжаться. Сашенька вся сіяла, такъ какъ все время по отъѣздѣ Ранцовой и Ашанина проговорила невозбранно съ Троекуровымъ подъ звукъ фортепіано, за которое усадила злополучнаго вздыхателя своего, Мохова, заставивъ его проиграть всѣ до одной піесы его довольно обширнаго репертуара. Бѣдный молодой человѣкъ принимался вздыхать послѣ каждаго новаго указанія дѣвушкой той или другой изъ нихъ, но ослушиваться не смѣлъ и принимался снова бѣгать по клавишамъ своими длинными и худыми пальцами... Шѝгаревъ присѣлъ къ хозяйкѣ и княгинѣ Аглаѣ, которую онъ не менѣе упорно, чѣмъ Веретеньевъ, подымалъ на-смѣшки каждый разъ, какъ встрѣчался съ нею, но дѣлая это гораздо успѣшнѣе, чѣмъ легкомысленный Фифенька. Онъ никогда не противорѣчилъ ей, а напротивъ поддакивалъ и „входилъ“ въ тонъ и пошибъ ея рѣчей, причемъ передразнивалъ голосъ ея и движенія такъ тонко и искусно, что все кругомъ помирало со смѣху, а она одна благодушествовала и, ни о чемъ не догадываясь, поддакивала ему въ свою очередь и самодовольно озиралась на присутствовавшихъ, говоря: „Monsieur Шѝгаревъ et moi nous nous entendons toujours si bien“!

Марья Яковлевна такъ и покатывалась, слушая ихъ рѣчи.



Она любовно поглядывала между тѣмъ на дочь и на сидѣвшаго рядомъ съ нею „наслѣдника всего Остроженковскаго имѣнія“ и—чувствовала себя совершенно счастливою.

— Et comment va votre mal de côté, chère madame Loukoianof? вздумалось вдругъ спросить ее княгинѣ Аглаѣ.

— Да все побаливаетъ... Варвинскій говоритъ, что это у меня отъ сердца идетъ. Сердце у меня не въ порядкѣ давно, я знаю, примолвила Марья Яковлевна съ мимолетною тѣнью озабоченности на лицѣ.

— Сердце! воскликнула Аглая, испуганно воззрясь на нее своими „boules de loto“, какъ называли въ Москвѣ ея глаза,—mais c'est très effrayant ça!

Марья Яковлевна засмѣялась.

— Ну, дастъ Богъ, еще поживемъ, княгиня!

— Non, non, ne croyez pas ça! возразила убѣдительнѣйшимъ тономъ та,—les maladies de coeur ne pardonnent jamais!

— Очень вамъ благодарна, княгиня, за такую любезность, отпарировала съ сердцемъ Марья Яковлевна,—но я надѣюсь, что отъ вашего слова не сбудется.

— Ne vous fâchez pas, невозмутимо отпустила на это умная женщина,—я вѣдь это говорю par intêret pour vous.

И она при этомъ встала, пожала вздыхая руку только-что обреченной ею на близкую смерть собесѣдницѣ и поплыла къ двери, мимо княжны Киры, усѣвшейся не вдалекѣ отъ фортепіано, рядомъ со все такъ же не отходившимъ отъ нея Иринархомъ Овцынынъ (Овцынъ-Ламартинъ уѣхалъ еще до ужина).

Она остановилась на-ходу, ухмыльнулась и закивала дѣвушкѣ съ какимъ-то многозначительнымъ и какъ бы лукавымъ видомъ.

Та привстала и поклонилась, отвѣчая на этотъ знакъ прощанья.

— Adieu, chère princesse, проговорила Аглая Константиновна, нагнулась нежданно къ ней и уже прошептала таинственнымъ шопотомъ, который впрочемъ явственно донесся и до Овцына, и до учтиво провожавшей гостью, хотя и донельзя на нее взбѣшенной за „пророчество“ хозяйки:

— Я всегда, chère princesse, когда васъ вижу думаю: Dieu fasse чтобы вы нашли себѣ un parti convenable!—Она пріостановилась и, какъ бы осѣненная новою лучезарною мыслью, тяжело вздохнула и прибавила, глядя на дѣвушку съ выраженіемъ чрезвычайной жалости:—quoique ce soit bien difficille pour une personne qui n'a rien!

Зеленые глаза Киры загорѣлись молніей. Она такъ и ожгла ими свою непрошенную радѣтельницу:

— Je n'ai que faire de vos souhaits, madame, прогово рила она чистѣйшимъ парижскимъ акцентомъ,—gardez les pour qui vous les demande!

— Mais... mais je n'ai pas voulu vous offenser, chère princesse, залепетала растерянно Аглая, озираясь кругомъ какъ бы прося себѣ защиты,—bien au contraire...

— Княгиня, кинулся къ ней Шѣгаревъ, рѣшившій мысленно, что необходимо „произвести сейчасъ же диверсію, а не то до потасовки, пожалуй, дойдетъ“,—а что я слышалъ про *Basile, votre fils!* протянулъ онъ ея голосомъ:—весь вечеръ хотѣлъ вамъ разсказать, да все не успѣвалъ, васъ заслушивался...

Она, вся уже багровая, поспѣшно обернулась къ нему:

— Ah, mon Dieu, quoi donc encore,—de nouvelles dettes?

— Н-нѣтъ! Пожалуй, почище будетъ! отпустилъ онъ, наклонясь къ ея уху съ комически вытянутымъ лицомъ.

Она вскрикнула даже:

— Pourquoi m'effrayez vous comme çà, monsieur Шѣгаревъ!—Это очень не хорошо que vous dites: „почище“!

— А вотъ пойдемте! сказалъ онъ, завертывая локоть *калачикомъ*:—я васъ доведу до кареты и все вамъ разскажу дорогой...

Она послушно продѣла руку свою подъ его руку и, торопливо обведя послѣднимъ поклономъ присутствовавшихъ, вышла съ нимъ изъ залы въ самомъ жалкомъ состояніи духа.

— Какая дура безобразная! едва исчезла она за дверью, воскликнула Марья Яковлевна, обращаясь къ Троекурову:—вы этакихъ, пари держу, отродясь еще не видывали!

Онъ засмѣялся:

— Да, это не простая, а какая-то triple essence глупости, и даже глупости агрессивной, сколько я могъ замѣтить, примолвилъ онъ, скользнувъ бѣглымъ взглядомъ въ сторону княжны.

Она, уже совершенно овладѣвшая собою, сидѣла по-прежнему холодная и безмолвная, незамѣтно слѣдя за нимъ глазами и прислушиваясь къ его словамъ, между тѣмъ какъ Иринархъ Овцынъ, хихикая и злорадствуя ея отповѣдью княгинѣ Шастуновой, выражалъ ей новую „аппробацію“ по этому случаю:

— Люблю то, что вы не миндальничаете съ этими аристократами, говорилъ онъ ей,—вы сознаете ваше право на жизнь и счастье внѣ условій ихъ безобразной морали. Да, вамъ дѣйствительно не нужно ни пожеланій ихъ, ни совѣтовъ, ни образцовъ! Вы съумѣете пойти по своей, свободной, новой дорогѣ; въ васъ всѣ задатки для этого. И вы ихъ чувствуете въ себѣ, не правда-ли?

Онъ глядѣлъ на нее какими-то хищными, сверкающими и жадными какъ у волка глазами.

— Что? спросила разсѣянно Кира, словно пробуждаясь ото сна.

Овцынъ передернулъ желчно губами, замѣтивъ ея невниманіе:

— Если вамъ не интересно слушать, такъ для чего же повторять!

Она, не возражая, посмотрѣла на него.

— А книгу принесли? спросила она, помолчавъ.

— Принесъ, съ неостывшею еще досадой сказалъ онъ.

— Гдѣ же она?

— У меня въ шинели...

— Дайте сюда!

— Не передавать же вамъ при всѣхъ! фыркнулъ онъ.

— А вы за кого боитесь: за себя или за меня? высокомѣрно и нѣсколько насмѣшливо проговорила княжна: — я никого и ничего не боюсь.

Его такъ и повело всего со злости: это значило, что онъ, Иринархъ Овцынъ, могъ кого нибудь или чего нибудь бояться.

— Мнѣ ужь подавно на всѣхъ ихъ наплевать! бравурно заявилъ онъ;—а на счетъ васъ,—домолвилъ онъ уже съ нѣкоторою язвительностью,—то вы не то что боитесь, а васъ, пожалуй, можетъ смущать, что кто-нибудь изъ нихъ васъ за это осудитъ.

Кира еще разъ пристально остановила на немъ нѣмые глаза.

— Кто же именно „изъ нихъ“ по-вашему? медленно выговорила она.

— Да хоть бы этотъ представитель христолюбиваго воинства, изъ франтовъ, хихикнулъ Иринархъ, метнувъ взглядомъ въ сторону Троекурова (Кавказецъ нашъ съ перваго появленія своего возбудилъ въ немъ враждебное чувство);— онъ, кажется, призванъ играть маркантную роль въ этомъ домѣ; не даромъ же любезная сестрица моя, Александра Павловна, внимаетъ ему съ такимъ рабскимъ подобострастіемъ!..

Княжна не отвѣчала. Она встала съ мѣста, подошла къ инструменту, за которымъ все еще сидѣлъ Моховъ, задумчиво перелистывая лежавшую на пульпетѣ нотную тетрадь, и обращаясь къ нему:

— Сыграйте пожалуста *la Marseillaise*, громко сказала она;—вы знаете?

— Нѣтъ, княжна, не знаю, поспѣшно обернулся онъ къ ней;—и нотъ у меня никогда не было... да я не помню ея совсѣмъ...

— А еще студентомъ были недавно, — и не знаете, не слыхали такой вещи, какъ *Marseillaise!* все такъ же громко, съ какимъ-то намѣреннымъ напираніемъ на свои слова молвила Кира;—это стыдно!

Добродушный молодой человѣкъ сконфузился и опустилъ глаза. Троекуровъ, все слышавшій со своего мѣста, чуть-чуть улыбнулся подъ своими усами и поднялъ глаза на Александру Павловну, прислушивавшуюся, какъ и онъ, къ тому, что говорилось у фортепіано. Она нѣсколько смущеннымъ взглядомъ отвѣчала на этотъ взглядъ его.

Кира видѣла все и отгадывала въ свою очередь. Она словно торжествовала:

— Такъ погодите же, сказала она Мохову, — я вамъ сыграю, а вы слушайте и запомните, смотрите!

Онъ торопливо соскочилъ съ табурета, уступая ей мѣсто. Она сѣла и заиграла вѣско, отчетливо, съ какою-то преувеличенною суровостью:

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé!..

— Ну, скажетъ мнѣ спасибо „Basile mon fils!“ влетѣлъ въ эту минуту въ залу съ громкимъ хохотомъ Шйгаревъ:— я увѣрилъ ее, что онъ хочетъ жениться на французской актрисѣ; она завтра же собирается къ нему въ Петербургъ ѣхать!

— Что вы! такъ и привскочила Марья Яковлевна, находившаяля до этой минуты все еще подъ меланхолическимъ впечатлѣніемъ Аглаинова „пророчества“ объ исходѣ болѣзни, которою она дѣйствительно страдала. „Штучка“ Шйгарева возвратила ее къ свойственной ей смѣшливости: — она вамъ повѣрила и въ самомъ дѣлѣ собирается ѣхать въ Петербургъ?

— Ѣдетъ, ѣдетъ! замахалъ шутъ обѣими руками, надрываясь отъ смѣха, — приглашала меня завтра проводить ее на желѣзную дорогу. Соберу цѣлую компанію, и поѣдемъ на этотъ *шпектакль*.

— Однако пора и честь знать, сказалъ тихо Троекуровъ Сашенькѣ, взявъ свою папаху и пожимая ея руку долгимъ и нѣжнымъ пожатіемъ. — Завтра... началъ и не кончилъ онъ, и съ договорившею остальное улыбкой повелъ на нее прощальнымъ взглядомъ.

За нимъ поднялись и Моховъ, и Овцынъ.

— Прощайте, Борисъ Васильевичъ, очень вамъ благодарна, запѣла Марья Яковлевна, — надѣюсь, до свиданія... до скораго?..

— Завтра... Я сказалъ Александрѣ Павловнѣ... тихо и значительно промолвилъ онъ, низко склоняя голову надъ протянутою ему рукой ея.

— Да?.. краска радости покрыло все ея лицо. — Такъ до свиданія, Борисъ Васельевичъ, желаю вамъ пріятнаго сна!.. Прощайте, батюшка, и вамъ того же! безпощадно засмѣялась она тутъ же, кивая раскланивавшемуся предъ ней бѣдному Мохову (о несчастной любви его къ ея дочери она знала еще прежде, чѣмъ объ этомъ догадалась сама дѣвушка), наслаждаясь въ душѣ его безпомощнымъ и убитымъ видомъ. „Страдай, голубчикъ мой, страдай; не тебѣ-голышу чета—нашла я ей партію!“ проносилось въ ея головѣ.

Овцынъ вышелъ за прочими въ переднюю, добылъ книгу изъ кармана своей шинели и, вернувшись въ комнату, передалъ ее княжнѣ Кирѣ.

— Это что еще? спросила увидавъ Марья Яковлевна.

— *Полярная Звѣзда* Герцена, лондонское изданіе, отвѣтила дѣвушка, глядя ей въ глаза, какъ будто хотѣла нарочно вызвать какое нибудь замѣчаніе.

— Это запрещенное-то? замѣтила ей дѣйствительно тетка.

— Запрещенное! кивнула утвердительно Кира.

— Охота вѣдь смертная!... И гдѣ это ты достаешь все? обратилась Марья Яковлевна уже къ племяннику.

— Мое дѣло! грубо отвѣтилъ онъ.

— Ну, и отправляйся съ нимъ... Довольно потѣшился, мы спать хотимъ.

Иринархъ вышелъ, ни съ кѣмъ не простившись.

— Ну что, довольна? тихо и нѣжно улыбаясь, спросила Марья Яковлевна подошедшую къ ней дочь, между тѣмъ какъ Кира, спиной къ нимъ и уложивъ принесенную ей Овцынымъ книгу на крышку фортепіано, жадно погружалась въ нее глазами,—довольно наговорилась?... Что же онъ говорилъ тебѣ, Сашенька? спросила она, помолчавъ, глядя на нее и видимо любуясь ею.

Губы Сашеньки задрожали. Она приподняла рѣсницы, опустила ихъ опять, прижалась вдругъ головкой къ плечу матери и прошептала чуть слышно:

— Онъ будетъ къ вамъ завтра, maman... вы знаете зачѣмъ...

Марья Яковлевна взяла эту упавшую на ея плечо головку

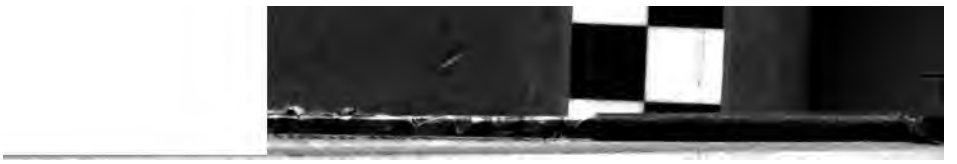
обѣими руками, тихо приподняла ее и приникла долгимъ поцѣлуемъ къ горячему лбу дочери; двѣ крупныя слезы выкатились изъ ея глазъ:

— Суженаго конемъ не объѣдешь, истинно, вижу это, прошептала она:—сама знаешь, не помышляла, не желала,—а Богъ лучше знаетъ; видишь, какъ устроилось!... Ну, и да будетъ милость Его и благословеніе надъ тобою!... А мнѣ что же, уже блаженно смѣялась наша барыня,—мнѣ только на васъ смотрѣть, да радоваться, надѣюсь, останется...

XV.

Oui c'est demain, oui, c'est demain
Que l'on nous marie...
Fra Diavolo, paroles de Scribe.

Спальни обѣихъ кузинъ расположены были въ двухъ смежныхъ, довольно просторныхъ, но низкихъ комнатахъ, на антресоляхъ барскаго дома Марьи Яковлевны, весь бельэтажъ котораго, за исключеніемъ собственной ея спальни и туалетной, состоялъ, по обычаю, изъ однихъ пріемныхъ покоевъ. Кромѣ дверей, выходившихъ въ тотъ же длинный и узкій корридоръ, упомянутыя „опочивальни барышень“, какъ назывались онѣ въ домѣ, не сообщались между собой: ихъ раздѣляла сплошная, хотя тонкая перегородка, обтянутая съ обѣихъ сторонъ одними и тѣми же голубенькими обоями, съ того же цвѣта ситцевыми занавѣсами и обивкой мебели въ обѣихъ комнатахъ (такъ было устроено нарочно Марьей Яковлевной въ пору ея перваго, мечтательнаго чувства къ никогда еще въ ту пору невиданной ею племянницѣ, когда послѣ смерти князя Никиты Кубенскаго вызывала она ее жить къ себѣ на положеніи „второй дочери“). Съ комнатой же Сашеньки соединялась внутреннею дверью комната ея няни, Глафиры Савельевны, болѣзненной и довольно ворчливой старушки, которую Александра Павловна тѣмъ не менѣе очень любила, не умѣя и заснуть иначе, какъ если эта старушка-ворчунья „затычетъ ей одѣяльце“ подъ ноги и перекреститъ ее большимъ крестомъ, со лба къ „душкѣ“ и къ оконечности плечъ, на сонъ грядущій. За спальной княжны находилась узенькая



въ одно окно каморка, служившая помѣщеніемъ ея горничной, рябой Агаѳьи, которую она не любила и, кромѣ самыхъ необходимыхъ приказаній, не удостоивала ни словомъ разговора.

Простившись съ Марьей Яковлевной, кузины отправилнсь одновременно къ себѣ.

— Кира, молвила, подымаясь за нею по лѣстницѣ, Сашенька, — какую еще глупость сказала тебѣ эта княгиня Шастунова, за которую ты такъ ей отвѣтила? Я не поняла хорошенько.

— Я очень жалѣю теперь, что даже дала себѣ этотъ трудъ! сказала нехотя княжна:—такимъ существамъ не отвѣчаютъ. Она хотѣла меня уколоть тѣмъ, что я бѣдная и что никакой parti convenable не захочетъ меня въ жены.

— Ахъ, comme elle est bête! воскликнула съ негодованіемъ Александра Павловна; — развѣ непремѣнно изъ-за богатства женятся?... Развѣ я богата, напримѣръ? невольно вырвалось у нея къ этому.

— А все-таки нашла le parti convenable demandé? съ холодною усмѣшкой договорила ея мысль Кира, оборачиваясь къ ней съ площадки передъ корридоромъ, до которой дошла она тѣмъ временемъ.

Сашенька быстро поднялась къ ней въ свою очередь, обняла ее за талію и прошептала ей на ухо прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Завтра, Кира... завтра... все рѣшится!...

— Поздравляю! уронила та съ высоты губъ... И насмѣшливая, улыбка скользнула по нимъ:—какъ люди иногда умираютъ во-время! домолвила она.

Сашенька испуганно шевельнула бровями:

— Какіе люди, кто умираетъ?

— А эти, какъ ихъ? Остроженко père et fils... До этого счастливаго событія твоя мать не хотѣла и слышать...

Александра Павловна замахала руками:

— Ну что объ этомъ говорить, Кира! Ты знаешь, мнѣ это все равно,—я его полюбила, когда онъ былъ разоренъ, и пошла бы за него и тогда...

— Ну, прощай! перебила ее княжна и двинулась съ мѣста.

Кузина удержала ее за руку:

— Кира, милая.—И она робко и жадно глянула ей въ лицо:—я хотѣла тебя спросить, скажи, какъ ты *его* находишь?

— А тебѣ мало своего, нужно еще мое мнѣніе?... И слегка раздувшіяся ноздри Киры словно договорили: я бы не спрашивала ни у кого!...

— Comme il est bien, n'est-ce-pas?...

Счастливой Сашенькѣ такъ хотѣлось на это отклика въ эту минуту.

— Д-да... пожилъ много! протянула, не отвѣчая прямо на вопросъ и какимъ-то страннымъ тономъ княжна.

— Что это значитъ?...

— Нѣтъ, такъ... отецъ мой покойный говорилъ бывало... про иныхъ, объснила она разсѣянно и неопредѣленно.—А тебѣ Мохова не жаль? спросила она неожиданно съ обычною ей короткою усмѣшкой.

— Ахъ, Кира, что это! воскликнула, вся вспыхнувъ даже, Александра Павловна.

— Напрасно! Этотъ любилъ бы тебя, кажется, совсѣмъ по-твоему. Вѣдь ты идеалистка...

— А развѣ.... И къ чему это я тебя все спрашиваю! прервала себя досадливо Сашенька,—ты ужь всегда такая!...

— Какая это?

— Недобрая... Сама никого не любишь и... Но Богъ съ тобой, я не сержусь.—Она во мгновенномъ порывѣ закинула ей руку за шею и поцѣловала въ щеку:—je suis si heureuse! прошептала она.— Прощай, спи хорошо!...

— Прощай!...

Онѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Едва вошла къ себѣ Александра Павловна, какъ изъ комнаты ея няни выглянуло маленькое, отцвѣтшее лицо Лизаветы Ивановны.

— А я васъ все поджидала, сокровище мое, выговорила она, идя навстрѣчу дѣвушкѣ, и, захвативъ обѣ ея руки въ свои, принялась цѣловать ихъ.

— Что это вы, Лизавета Ивановна! вскликнула та, краснѣя и отымая ихъ у нея;—поцѣлуемся и такъ! Она обняла ее.

— Давно не видала васъ, голубушка моя, такъ съ радости! Очень ужь я васъ люблю всегда за смиреніе ваше и тихость... По закону, ангелъ мой, по Христову, такъ и надо! А то, сами знаете, въ мірѣ нынче злоба одна!..

— Ахъ, не говорите, милая! На свѣтѣ такъ хорошо, и всѣ мнѣ кажутся такими добрыми, такими... Вы знаете,—и голосъ Сашеньки такъ и замеръ отъ пронимавшаго ее блаженнаго волненія,—вѣдь кончено все, завтра...

— На счетъ это чего „завтра“? недоумѣло спросила Лизавета Ивановна,—не въ домекъ мнѣ...

— Ахъ, Боже мой, да, вѣдь вы были у Троицы, а мы въ Петербургъ ѣздили, а за это время...

И Сашенька въ спѣшныхъ, прерывавшихся словахъ передала ей о нежданномъ происшествіи, сдѣлавшемъ возможнымъ то, о чемъ давно знала Лизавета Ивановна, о чемъ онѣ вдвоемъ въ продолженіе двухъ лѣтъ переговаривались съ тихими слезами въ этой самой спальнѣ, въ эти поздніе часы предъ сномъ, и объ осуществленіи чего маленькая особа, не говоря своей пріятельницѣ, еженедѣльно ставила свѣчи предъ иконами Спасителя и Божіей Матери Иверской.

Она такъ и всплеснула руками:

— Въявь, ангелъ мой, въявь десница Вышняго надъ вами! вскликнула она съ восторженнымъ лицомъ,—возблагодаримъ Отца Небеснаго!

Она обернулась на уголъ, въ которомъ, надъ бѣлѣвшею своимъ свѣжимъ бѣльемъ кроватью Сашеньки, зажженная лампадка освѣщала темные лики старинныхъ иконъ, и зашептала умиленнымъ голосомъ:

„Свѣте тихій святыя славы безсмертнаго Отца Небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе! Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа...“ *).

Она упала на колѣни, лбомъ въ землю, договорила молитву

*) Гимнъ Софронія, патріарха Іерусалимскаго.

уже неслышнымъ шопотомъ, встала, еще разъ обняла дѣвушку. Слезы стояли у той на глазахъ.

— Ну, а теперь, ангелъ мой, сказывайте: самый вотъ это, значитъ, и есть господинъ, военный, что съ вами въ дверяхъ разговаривалъ, какъ я ушла-то снизу?

— Онъ, онъ самый, милая! Нравится онъ вамъ, скажите? спрашивала торопливо Сашенька.

— Какъ не нравится! Видный изъ себя, молодой еще, вполнѣ вельможественный баринъ, видать! Развѣ бы вы себѣ дурного выбрали, ангелъ мой? улыбалась радостно маленькая особа.

— Онъ такой благородный, храбрый, Лизавета Ивановна!

— Чего ужь, золотая моя, за Христа и Россію въ бояхъ съ невѣрными Агаряны кровь свою проливалъ! Сочтется это ему, ангелъ мой, сочтется въ вышнихъ, потому, какъ грѣшенъ и онъ,—вольно или невольно, а грѣшенъ, какъ всяко дыханіе земное,—а только впишется ему тамъ претерпѣнное имъ за его иройство, это вѣрно! Вѣсы-то на спасеніе ему и перетянутъ...

Лицо Александры Павловны отуманилось вдругъ:

— Я спрашивала про него Киру, какъ она его находитъ... Она такъ странно отвѣтила мнѣ...

Лизавета Ивановна глубоко вздохнула вдругъ и наклонилась къ ея уху:

— Одержима она, милая, одержима! выговорила она чуть слышно.

— Что это вы! вскликнула Сашенька почти испуганно.

— Духомъ гордыни и возмущенія обуяна... Смущаетъ онъ ее, анделъ мой, да!...

— Кто это, вы думаете? Иринархъ?

Та закачала отрицательно головой:

— Что этотъ, милая. Такъ, съ жиру мелетъ; развѣ бы стала она его пустыя слова слушать!... Врагъ, врагъ человѣческій, — вотъ кто!... Лизавета Ивановна даже вздрогнула и перекрестилась:—За нее молиться надо, анделъ мой, молиться,—вотъ что!

— Ну, вы, полунощницы, полно языки-то чесать! забрюж-

жала, входя въ спальню съ ночною сорочкой Александры Павловны на рукѣ, старая няня ея,—второй часъ въ началѣ, и по постелькамъ пора!...

— Давно не видались, Глафира Савельевна, матушка, такъ вотъ и загуторили на радостяхъ-то, молвила ласкательно и извиняясь Лизавета Ивановна.

— А мнѣ васъ до пѣтуховъ глазъ не смыкаючи дожидаться!... Ну, ладно ужь, ладно, буде!—усмѣхнулась старуха, отстраняя морщинистою рукой обнявшую ее маленькую особу; — тутъ вамъ что-ль, на диванѣ стелить, аль у меня въ комнатѣ заночуете?

— Здѣсь, няня, здѣсь! воскликнула Сашенька,—ты только не ворчи, мы будемъ съ Лизаветой Ивановной потихонечку, потихонечку разговаривать, не помѣшаемъ тебѣ спать!

Старушка раздѣла ее, уложила, „затыкала“ одѣяло подъ тюфякъ и, перекрестивъ ее, задула стоявшія на туалетѣ свѣчи, вышла и заперла за собою дверь.

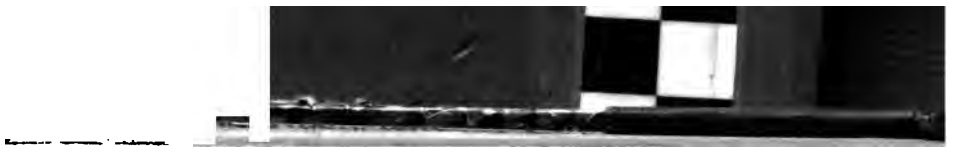
Лизавета Ивановна, скинувъ въ свою очередь платье, причемъ какъ-то боязливо оглядывалась и ежилась всѣмъ своимъ маленькимъ и зябкимъ тѣльцемъ, стыдливо нырнула подъ старую шубку Сашеньки, служившую ей одѣяломъ, и, осѣнивъ трижды крестнымъ знаменіемъ себя и свою подушку, уложилась головой на сложенныя руки и воззрилась ласково улыбавшимися глазками на молодую свою пріятельницу, лежавшую противъ нея съ разсыпавшимися по бѣлой наволочкѣ роскошными черными волосами, по которымъ дрожа игралъ красноватый цвѣтъ зажженной предъ иконами лампады...

И долго еще среди ночной тиши раздавались ихъ задушевныя и тихія, какъ дѣтскій лепетъ, рѣчи.

А по другой сторонѣ стѣны княжна Кира, раздѣвшись, отпустила свою горничную и въ широкомъ ночномъ пеньюарѣ сѣла за столъ, оперлась головою на обѣ руки и принялась за чтеніе книги, принесенной ей Овцынымъ. Но *Былое и Думы* бойкаго беллетриста съ ихъ сверкающимъ, какъ фейерверочные огни, разсказомъ не въ силахъ были преодолѣть то чувство грызущей тоски, которою чувствовала она себя охваченною... Она встала и зашагала безшумно по комнатѣ, сжавъ

брови и поводя кругомъ своими зелеными, заискрившимися теперь на волѣ глазами, словно красивая пантера въ своей клѣткѣ.

„Душно здѣсь!“ проговорила она про себя, подошла къ окну и, отдернувъ занавѣси, отворила форточку... Струя морознаго воздуха вмѣстѣ съ луннымъ сіяніемъ ворвалась къ ней въ комнату... „Простудиться можно“, пронеслось у нея въ мысли. Но она тутъ же презрительно улыбнулась и, сложивъ на груди свои обнаженныя до локтя руки, встала прямо навстрѣчу леденившей ее мглѣ и устремилась широко раскрытыми зрачками въ далекое небо, будто вызывая его и мигавшія на немъ безчисленныя звѣзды на какой-то таинственный, смертельный—и безцѣльный бой...



XVI.

...Духа злобы надъ душою
Я слышу тяжкое крыло.
Фетъ.

На другой день, часу въ девятомъ, Троекуровъ, только-что совершившій утренній туалетъ, сидѣлъ въ своемъ нумерѣ, въ халатѣ, съ газетнымъ листкомъ въ рукѣ, и прихлёбывалъ чай изъ похолодѣвшаго уже стакана, когда въ его передней отворилась дверь, послышался звукъ голосовъ, и вслѣдъ затѣмъ слуга его, Грузинъ, вошелъ въ комнату.

— Кто тутъ? спросилъ его Борисъ Васильевичъ.

— А не знаю! Грузинъ пожалъ плечами и подалъ визитную карточку;—говорятъ, чтобы вы прочитали хорошенько, и тогда будете знать.

Троекуровъ поднесъ карточку къ глазамъ. На ней читалось:

Степанъ Іоакимовичъ

Троженковъ.

Ходатай по дѣламъ.

— Проси! по минутномъ размышленіи сказалъ Троекуровъ.

Вошелъ господинъ въ синихъ очкахъ, съ которымъ читатель уже встрѣтился въ „укромномъ уголкѣ“ Елпидифора Павловича Акулина.

— Извините, что принимаю васъ въ такомъ туалетѣ,

учтиво проговорилъ привставъ хозяинъ,—я не хотѣлъ заставить васъ ждать... Не угодно-ли? И онъ указалъ ему на стулъ подлѣ дивана, на которомъ помѣщался самъ.

Тотъ поклонился, сѣлъ и молча сквозь темныя свои стекла уперся въ него взглядомъ.

Такой дебютъ не понравился нашему Кавказцу.

— Вы желали меня видѣть, сухо проговорилъ онъ,—чему именно обязанъ я этою честью?

— Вы изволили прочесть мою официальную, такъ-сказать, кличку? медленно вымолвилъ на это вошедшій, кивнувъ подбородкомъ на карточку, лежавшую на столѣ предъ Троекуровымъ.

— Какже, прочелъ!

— И полагаю, продолжалъ тотъ, растягивая слова, усиленно придыхая на гортанныхъ звукахъ и особенно напирая на гласную о,—полагаю, что вы, не смотря на великороссійское *закончаніе* на *оѣди-ергъ*, разобрали въ той кличкѣ обрубленный, съ позволенія сказать, какъ у собаки хвостъ, фамиліи очень близкой вамъ по связямъ родства?

Троекуровъ съ видимымъ уже любопытствомъ воззрился на него въ свою очередь.

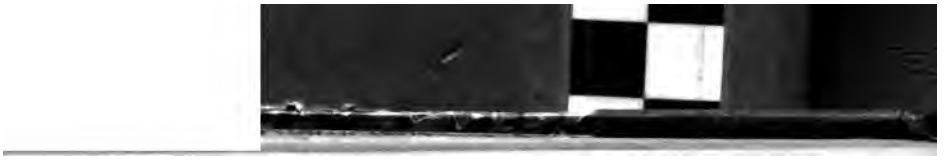
— Разобралъ, вы не ошиблись... Мнѣ впрочемъ о васъ было ранѣе извѣстно, примолвилъ онъ помолчавъ.

— Было извѣстно? повторилъ Троженковъ и повелъ какъ бы съ удовольствіемъ головой;—извѣстно вамъ слѣдовательно то обстоятельство, что по естеству природы, такъ-сказать, я вашей покойной матушкѣ состою роднымъ племянникомъ, а вамъ двоюроднымъ братомъ?

Невольное брезгливое ощущеніе пробѣжало по лицу Троекурова, но онъ тутъ же сдержался и съ безстрастнымъ выраженіемъ поднялъ опять глаза на говорившаго.

Но тотъ очевидно все видѣлъ, все замѣчалъ. Рѣчь его приняла тутъ же не то беззаботно-насмѣшливый, не то язвительно-ироническій оттѣнокъ:

— По тому же естественному основанію могу предаться и дальнѣйшей, такъ-сказать, игрѣ моей фантазіи, какъ-то: почитать себя потомкомъ древнихъ предковъ, единственно на-



стоящимъ наслѣдникомъ значительныхъ маетностей, перешедшихъ отъ оныхъ родившему меня отцу,—и вообще въ нѣкоторомъ смыслѣ видѣть въ себѣ персону... А по дѣйствительности, какъ опредѣлилъ мнѣ законъ человѣческій, ничто болѣе есмь, какъ червь земляный, хуже даже того червя, могу сказать, потому какъ съ перваго момента непрошеннаго появленія моего въ мірѣ семъ отмѣченъ, могу сказать, клеймомъ позора...

— Позвольте, перебилъ его Троекуровъ,—я не понимаю, для чего вамъ угодно объяснять мнѣ все это?

— Потому угодно, невозмутимо возразилъ странный его собесѣдникъ,—что прежде всего желалъ бы знать, съ какой стороны вамъ *угодно* будетъ взглянуть на меня, имя рекъ? И онъ снова указалъ подбородкомъ на свою визитную карточку.

— То-есть со стороны „персоны“, или со стороны „червя“, какъ вы изволите выражаться?—Борисъ Васильевичъ чуть-чуть усмѣхнулся.—Ни съ той, ни съ другой, позвольте сказать вамъ откровенно. Рожденіе ваше я ни въ какомъ случаѣ позоромъ для васъ не почитаю, а вижу въ этомъ... несчастіе, за которое вы никакъ не отвѣтственны, и которое, напротивъ, можетъ только возбудить сожалѣніе о немъ въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ... Что же касается вашего гражданскаго положенія, то я, вы понимаете, не властенъ его измѣнить и могу смотрѣть на него лишь такъ, какъ создано оно для васъ закономъ.

Троеньковъ повелъ всѣмъ тѣломъ:

— Извините, натянуто проговорилъ онъ,—я полагалъ, что, какъ сынъ нашего просвѣщеннаго вѣка, вы признаёте неправедность писаннаго закона вообще и принимаете въ основаніе естественныя права человѣка...

— На что? коротко отрѣзалъ Троекуровъ.

Вопросъ этотъ какъ бы смутилъ „ходатая по дѣламъ“: онъ примолкъ на минуту и началъ затѣмъ опять, не отвѣчая прямо на него:

— Не знаю, извѣстенъ-ли вамъ слѣдующій фактъ: по выходѣ замужъ матушки вашей, Маргариты Ивановны, про-

тивъ воли брата ея, а моего отца, подчеркнулъ онъ,—сей послѣдній подалъ на Высочайшее имя просьбу объ узаконеніи меня, тогда пятигодоваго дитяти, во всѣхъ правахъ законнаго сына своего и наслѣдника.

— Въ чемъ ему было отказано, холодно замѣтилъ Троекуровъ.

— Отказано, какъ бы машинально повторилъ тотъ,— остается знать, признаёте-ли вы за онымъ фактомъ нравственное, такъ-сказать, значеніе утверждающаго меня обстоятельства?

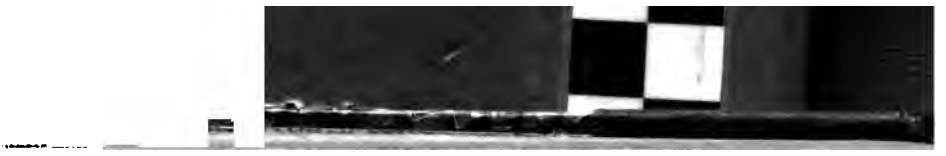
— Въ чемъ утверждающаго, я не понимаю?

— Да хотя бы въ возрѣніи самого родившаго меня лица на права моего рожденія?

— Послушайте, Степанъ Акимычъ, молвилъ не сейчасъ Троекуровъ, глядя въ стекла его очковъ, сквозь которыя тщетно старался онъ уловить выраженіе его глазъ,—я не философъ и не юристъ и въ соціологическія пренія вступать полагаю безполезнымъ какъ для васъ, такъ и для меня. На вашъ же фактъ я отвѣчу такими же фактами. Отецъ вашъ, дѣйствительно, желалъ васъ одно время узаконить и просилъ объ этомъ... Вы меня извините, если я позволю себѣ замѣтить, что онъ при этомъ руководился гораздо болѣе ненавистью къ матери моей и намѣреніемъ лишить ея потомство всякой надежды на его наслѣдство, чѣмъ заботой о „правахъ вашего рожденія“. Доказательствомъ этому служитъ то, что, получивъ отказъ въ своей просьбѣ, онъ тутъ же женился на дочери своего управителя, прижилъ отъ нея сына, покойнаго Ивана Акимыча, а о вашей судьбѣ, сколько мнѣ извѣстно, позабылъ и думать... Я былъ вчера у занимавшагося его дѣлами и близкаго его пріятеля, Захара Петровича Успенскаго; онъ мнѣ говорилъ, что отношенія къ вамъ... *отца* вашего... и *брата* были далеко не нѣжны, и что вы съ вашей стороны...

— Успѣли ужъ побывать и справиться! ядовито вскликнулъ Троженковъ,— и почерпнули, разумѣется, самыя неблагопріятныя обо мнѣ данныя?

— Я не справлялся о васъ: то, что до васъ относится, сказано мнѣ было мимоходомъ.



— Понимаю—и плюю на презирающихъ меня такъ же, какъ и они на меня плюютъ, неожиданно отпустилъ на это господинъ въ синихъ очкахъ; — но я позволю себѣ спросить васъ, какъ человѣка... какъ человѣка, такъ-сказать, въ абстрактномъ смыслѣ слова, — имѣю-ли я право обиды на того, кто, родивъ меня на свѣтъ безъ спроса моего и желанія, угнеталъ затѣмъ все это, имъ же данное, мнѣ существованіе, не только не обезпечивъ его въ юныя, но даже и въ зрѣлыя мои лѣта, лишивъ меня даже средствъ пріобрѣсти права служебныя, такъ какъ, по окончаніи мною гимназическаго курса въ Полтавѣ, гдѣ я проживалъ, до ея смерти, съ матерью на пенсіонъ въ 500 рублей въ годъ, назначенный ей этимъ ея обольстителемъ, онъ на поступленіе мое въ университетъ ни за что не согласился, а опредѣлилъ писцомъ въ губернское правленіе, въ коемъ и прозябалъ я въ убожествѣ и, можно сказать, въ грязи до болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго возраста?.. Такъ если я, пріѣхавъ послѣ того сюда, по недостатку средствъ, съ обознымъ извощикомъ, въ видѣ поклажи, требовалъ отъ того человѣка и сына его настоящаго себѣ обезпеченія, а они мнѣ въ этомъ злостно отказывали и меня своею же противъ меня виной корили,—такъ вы какъ скажете: меня, или ихъ казнить треба за это? Прошу отъ васъ откровеннаго мнѣнія.

— Вы правы съ вашей точки зрѣнія, сказалъ внимательно прислушивавшійся къ рѣчи его Троекуровъ, — но, быть-можетъ,—промолвилъ онъ, нѣсколько запинаясь,—съ вашей стороны были также... поступки, объясняющіе въ нѣкоторой мѣрѣ, если далеко и не оправдывающіе, суровость къ вамъ покойнаго Акима Ивановича...

У Троженкова дрогнула челюсть:

— А, поднесли вамъ уже и о моихъ „поступкахъ!“ злобно захихикалъ онъ;—доложили, вѣроятно, о томъ, какъ я со стола милліонера, Акима Иваныча Остроженко, тысячу рублей позволилъ себѣ самовольно присвоить разъ, и какъ за это панъ сей большой меня, дѣтище свое первородное, крова и хлѣба послѣдняго лишилъ?

Онъ вскочилъ съ мѣста и перегнулся черезъ столъ такъ,

что Троекуровъ поспѣшно откинулся въ спинку своего дивана, чтобы не почувствовать его дыханія на своемъ лицѣ.

— Взялъ-съ, дѣйствительно, взялъ... потому и мнѣ... и мнѣ пожить захотѣлось *разъ*, какъ жилъ ежедневно *законный* братецъ мой, Иванъ Акимычъ, что̀ такія тысячи карбованцевъ въ одну ночь у Фараоновыхъ дѣвъ оставлялъ!... Взялъ-съ, и не отказался, когда допытывали: „Ты взялъ?“ — Я!... Мошенникомъ меня они изъ-за того сдѣлали, а сами честные остались! Полна грошей кишень,—и честные! А отъ другихъ съ честности, голодомъ чтобы померъ, требуютъ!...

Онъ опустился снова на стулъ, порывисто дыша и трясущеюся рукой поправляя свои слегка скользнувшіе внизъ по носу очки. Поверхъ ихъ на мгновеніе выглянули глаза его— недобрые, мышиныя щелки глазъ, лукавые и тревожные...

— Несправедливость общественная, что̀ съ нею подѣлать! выговорилъ онъ, какъ бы въ résumé всего предыдущаго, съ изнеможеннымъ видомъ опуская обѣ руки.

„Что-то подобное говорилъ вчера этотъ... Овцынъ“, мелькнуло въ головѣ Бориса Васильевича, „но тутъ посеріознѣе основаніе“...

Онъ глядѣлъ на этого своего „двоюроднаго брата по естеству природы“ съ какою-то странною смѣсью жалости и отвращенія. Онъ вполнѣ признавалъ естественность высказывавшагося этимъ обездоленнымъ человѣкомъ протеста, но голосъ, выражавшій этотъ протестъ, звучалъ въ его ухѣ чѣмъ-то неестественнымъ и заученымъ. Забѣгавшее впередъ признаніе о кражѣ имъ денегъ у отца вслѣдъ за первымъ намекомъ о его „поступкахъ“ отзывалось гораздо болѣе злымъ цинизмомъ, чѣмъ душевною страстностью; самые *подходы* его рѣчи наконецъ и какъ бы ощупываніе своего собесѣдника, прежде чѣмъ приступить къ самому дѣлу, за которымъ (Троекуровъ понялъ это изъ одного уже его визита,) этотъ господинъ явился къ нему, коробили нашего джентльмена своею грубою *дѣланностью* и лукавствомъ.

Но онъ не хотѣлъ поддаться этому впечатлѣнію. „Мало-ли что̀ кажется иной разъ фальшивымъ, а на самомъ дѣлѣ совершенно искренно!“ настойчиво доказывалъ онъ себѣ; „че-

ловѣкъ этотъ несчастливъ, и если даже и пороченъ,—не по своей винѣ; онъ не просился, въ самомъ дѣлѣ, на этотъ свѣтъ, въ эту свою несчастную шкуру незаконнорожденнаго, заклейменнаго, какъ говоритъ онъ справедливо, съ первой минуты его рожденія; отвѣтственность за него, за его исковерканность, за неблаговидность его дѣлъ лежитъ не на немъ, а на томъ, кто, родивъ его, не далъ ему ни средствъ къ жизни, ни настоящаго образованія... Безсердечный, по истинѣ, человѣкъ былъ этотъ мой дядя, Акимъ Ивановичъ!...“

— Да, я понимаю, соотвѣтственно этому внутреннему разсужденію громко уже выговорилъ онъ,— обезпеченному человѣку трудно себѣ представить даже, сколько нужно иной разъ мужества бѣдняку, чтобы противостоять соблазну зла...

Троженковъ поднялся еще разъ съ мѣста и протянулъ ему черезъ столъ руку:

— Позвольте поблагодарить васъ, Борисъ Васильевичъ, за такія ваши слова! Запишу ихъ, вѣрьте слову, на вѣчныя времена въ памяти своей и сердцѣ. Сказанныя такимъ человѣкомъ, какъ вы...

Троекуровъ поспѣшилъ прервать его и принять руку, которую тотъ продолжалъ давить въ своихъ холодныхъ и какихъ-то склизкихъ пальцахъ:

— Словамъ цѣна—грошъ, говорятъ, вымолвилъ онъ съ невольною рѣзкостью, — и вѣроятно вы не для этого почтили меня своимъ посѣщеніемъ... Господинъ Успенскій — поспѣшилъ онъ тутъ же перейти на другую почву разговора,—говорилъ мнѣ, что онъ за нѣсколько времени до смерти Акима Ивановича склонялъ его обезпечить васъ извѣстною суммой, и что тотъ совсѣмъ было согласился на это, и обѣщалъ ему даже внести на ваше имя въ банкъ, съ тѣмъ, чтобы вы, пока онъ живъ, пользовались процентами съ нихъ, двадцать пять тысячъ рублей.

— Отъ полуторамилліоннаго состоянія двадцать пять тысячъ! У него однѣхъ чистыхъ денегъ билетами до трехсотъ пятидесяти тысячъ оставлено! злобно захихикалъ Троженковъ:—справедливо это, какъ полагаете?

Борисъ Васильевичъ чиркнулъ спичкой о стоявшую на

столѣ коробку, закурилъ папироску и, жмурясь какъ-бы отъ дыма, проговорилъ торопливымъ голосомъ:

— Духовнаго завѣщанія, какъ достовѣрно извѣстно Успенскому, покойный не оставилъ никакого; всему такимъ образомъ долженъ наслѣдовать я... Я обязуюсь, по вводѣ меня во владѣніе, выдать вамъ вдвое того, что онъ назначалъ вамъ:— пятьдесятъ тысячъ.

Онъ старался не глядѣть на него, говоря себѣ: „только бы онъ опять не сталъ мнѣ глупыхъ благодарностей выражать, а главное не хваталъ бы еще разъ за руку!...“

— Полагаю, что имѣю право на бо́льшее! къ немалому своему удивленію услышалъ онъ въ отвѣтъ шипящій, словно оскорбленный голосъ „ходатая по дѣламъ“.

Онъ глянулъ теперь на него во всѣ глаза и громко разсмѣялся:

— На все, то-есть? Потому что я иначе не понимаю: или вы, въ самомъ дѣлѣ, почитаете себя въ правѣ оспаривать у меня это наслѣдство,—тогда я не причемъ; если же наслѣдникъ я, то торговаться со мною въ томъ, что я добровольно желаю отдѣлить вамъ... по крайней мѣрѣ, забавно!...

— Есть все же совѣсть, Борисъ Васильевичъ! проговорилъ тотъ уже нѣсколько обробѣвшимъ тономъ.

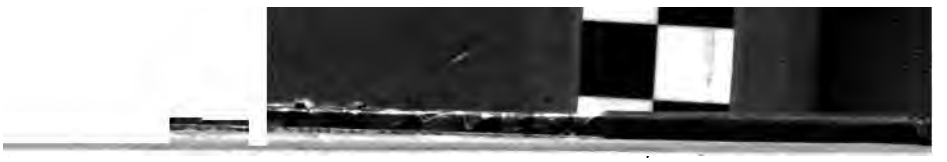
Троекуровъ поблѣднѣлъ весь и нервно закусилъ усъ:

— Есть, сказалъ онъ,—я съ нею согласно и поступаю: *отецъ* вашъ давалъ вамъ цѣны ровно на половину меньше!..

„Смертный мнѣ врагъ съ этой минуты“, сказалъ онъ себѣ тутъ-же, угадывая сквозь непроницаемыя стекла Троженкова змѣиный взглядъ, направленный на него вслѣдъ за этими его словами, и презрительно усмѣхнулся.

Но тотъ не доигралъ еще всей своей игры:

— Правы вы были, Борисъ Васильевичъ, правы! завздыхалъ онъ вдругъ, какъ-бы внезапно одумавшись:—безсиленъ бѣднякъ предъ соблазномъ... туманъ, такъ-сказать, напускаетъ ему въ очи... И вотъ, какъ предъ Богомъ, повѣрите, изъ чего это я, вмѣсто слезъ благодарности, въ такой постыдный, извините великодушно, съ вами торгъ вступилъ? Всю душу вамъ свою открою. Какъ дитею еще себя помню въ имѣніи



отцовскомъ, пока не отослалъ онъ насъ изъ него безчеловѣчно съ матерью, такъ и до сегодняшняго дня, все одно я въ мысли держалъ: удалиться отъ людей, да зажить себѣ панкомъ въ деревнѣ тихо, честно, благородно... И даже сколько разъ пытался съ покойнымъ объ этомъ, даже изъ Полтавы письмо ему писалъ: дайте, говорю, мнѣ изъ земель вашихъ хотя кусочекъ масенькій, построю я тамъ себѣ хибарку, стану наймомъ работать,—потому я, какъ не имѣя дворянскихъ правъ, крѣпостнымъ людомъ владѣть не могу. А онъ даже и отвѣта никакого на то мнѣ не далъ... И вотъ теперь какъ разъ, занимаясь веденіемъ процессовъ по присутственнымъ мѣстамъ, такой случай вышелъ, что могу я знатнѣйшее имѣніе пріобрѣсти, давъ подъ залогъ его теперь сорокъ тысячъ, а когда, уповательно, объявлена будетъ воля крестьянская и всѣмъ безъ исключенія предоставится право владѣнія землей, доплатить еще двадцать тому помѣщику и переѣхалъ туда пановать на его мѣсто. И такъ ни о чемъ, какъ предъ Богомъ, думать не могу, какъ объ этомъ имѣніи; и какъ вы сказали... „пятьдесятъ тысячъ“, а у меня въ головѣ сейчасъ: „не хватаетъ до полной суммы“...

— Дѣло, значитъ, въ лишнихъ десяти тысячахъ, гадливо воскликнулъ Троекуровъ, не давая ему договорить:—хорошо, я согласенъ ихъ прибавить.

Онъ всталъ и поклонился, давая ему этимъ знать, что переговоры ихъ кончены.

Троженковъ медленно поднялся въ свою очередь:

— Такъ я буду въ надеждѣ, Борисъ Васильевичъ, проговорилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго обоюднаго молчанія и какъ бы имѣя вымолвить что-то другое заботившее его.

— У меня одно только слово! отрѣзалъ Троекуровъ, которому видъ этого человѣка уже глубоко претилъ, поклонился ему еще разъ и прошелъ въ свою спальню.

„Паны проклятые!“ не слышно прошипѣли позеленѣвшія губы Троженкова... „А гроши съ гонора съ одного заплатитъ всѣ, и документа не треба, только бы самъ дожилъ до ввода во владѣніе“, добавилъ онъ мысленно чрезъ мигъ, усмѣхнулся, надѣлъ шапку тутъ же въ комнатѣ и вышелъ.

XVII.

Нѣтъ искръ живыхъ во мнѣ на голосъ
твой привѣтный,
Одна глухая ночь, и нѣтъ для ней утра.
Тютчевъ.

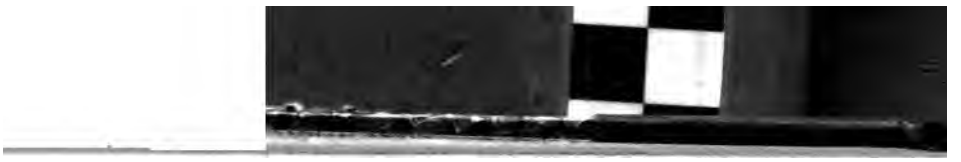
Онъ жилъ на Грачевкѣ, въ домѣ діакона, у котораго нанималъ двѣ комнаты на дворѣ, сквозь который, промежъ поднявшихся какъ горы сугробовъ снѣга, протоптана была черневшая оттаявшею грязью тропинка до его квартиры. Ворота во дворъ были постоянно заперты наглухо, и хода въ него другаго не было, какъ черезъ низенькую калитку, куда Троженковъ, давно привычнымъ движеніемъ нагибая заранѣе голову, и направился, отпустивъ на улицѣ своего извощика. Но, столкнувшись въ проходѣ съ выходившимъ отъ себя въ эту минуту въ просторной лисьей шубѣ и шапкѣ и съ высокою тростью въ обнаженной красной рукѣ высокимъ и тучнымъ хозяиномъ дома, оборвалъ его самымъ неожиданнымъ для сего послѣдняго образомъ:

— Когда это вы, отецъ-діаконъ, по-человѣчески жить зачнете, ворота отколотить прикажете?

Отецъ-діаконъ отступилъ на шагъ, пропустилъ его и, прислонившись къ стѣнкѣ дома, открылъ большіе глаза:

— А для чего это теперича требуется, Степанъ Акимовичъ?

— А *для* того что *теперича*, передразнилъ его Троженковъ,—порядочному человѣку у васъ и доѣхать-то до своего крыльца нельзя!



— Кому-жь это, къ примѣру, батюшка? наивно выговорилъ отецъ-діаконъ, моргая все съ тѣмъ же удивленіемъ, и, не дождавшись отвѣта, поглядѣлъ вслѣдъ быстро удалявшемуся отъ него жильцу, покачалъ подозрительно головой и шагнулъ къ калиткѣ, но тутъ же отступилъ еще разъ.

Въ нее торопливо входила съ улицы статная и бѣлолицая женщина въ шубкѣ, укутанная большимъ платкомъ, черты которой были намѣчены въ его памяти (онъ уже не въ первый разъ встрѣчался съ нею, или видѣлъ ее изъ своихъ оконъ пробирающеюся къ флигелю Троженкова).

Онъ осанисто усмѣхнулся, поднесъ руку къ шапкѣ и спросилъ:

— Къ Степану Акимовичу изволите?

— Да; онъ дома? усиленно переводя дыханіе, молвила женщина, пріостанавливаясь.

— Въ аккуратъ сейчасъ подъѣхалъ...

Она кивнула ему головой и прошла мимо.

Отецъ-діаконъ усмѣхнулся опять, повелъ усами, какъ тараканъ (съ которымъ вообще представлялъ нѣкоторое сходство), и вышелъ на улицу, проговоривъ себѣ подъ-носъ въ видѣ одобрительнаго отзыва:

— Тѣлостроеніе знатное!

А она, быстро перебѣжавъ дворъ и войдя въ сѣни, раздѣлявшія флигель на два отдѣленьица, въ одномъ изъ которыхъ жилъ Степанъ Акимовичъ, схватилась за ручку его двери, передохнула еще разъ отъ спѣха ходьбы и вошла въ комнату.

Сквозь ледяные кристаллы, заволакивавшіе зеленоватыя стекла низенькихъ оконъ, проникалъ въ нее свѣтъ зимняго дня, освѣщая ея неряшливую и грязноватую обстановку. Крашеная подъ красное дерево мебель, состоявшая изъ дивана и четырехъ креселъ, обитыхъ черною волосяною матеріей, приставленный къ стѣнѣ столъ, покрытый подранною клеенкой, на которомъ рядомъ со сложенною кипкой „дѣлъ“ въ сѣрыхъ сенатскихъ обложкахъ и X-мъ томомъ Свода Законовъ въ зеленомъ корешкѣ лежали два, три нумера тогдашняго *Современника* и истрепанный, видимо перебывавшій во многихъ

рукахъ, тоненькій листикъ лондонскаго *Колокола*, — таковъ былъ этотъ покой, служившій кабинетомъ и пріемною нашему „ходатаю по дѣламъ".

— Кто тамъ? раздался его голосъ изъ сосѣдней, спальной его, комнаты, куда только-что прошелъ онъ снять верхнее платье.

— Я! произнесла женщина, устало опускаясь въ кресло подлѣ стола и откидывая къ затылку толстый шерстяной платокъ, покрывавшій ея голову.

— Анфиса Дмитріевна! воскликнулъ онъ, поспѣшно выходя къ ней.—Какъ это въ такой часъ?

Она подняла на него свои голубые, отуманенные теперь, глаза съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ печали и робости и тихо проговорила:

— Кончился онъ...

Троженковъ качнулся на ногахъ:

— Померъ... Ну? глухо проговорилъ онъ, наклоняясь къ самому ея лицу и жадно впиваясь ей зрачками въ зрачки.

Она медленно закачала головой:

— Вчерась еще... утромъ,—падали чуть слышно ея слова изъ блѣдныхъ устъ,—все, до копѣйки... въ банкъ... отвезли...

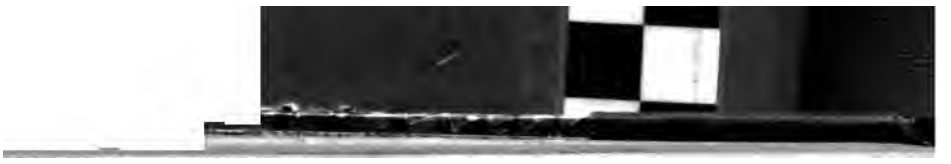
— Кто? Кто отвезли? спрашивалъ онъ, блѣднѣя въ свою очередь.

— Дочка... съ мужемъ...

— Вы мнѣ-жь говорили, что они про тѣ деньги ничего не знаютъ?...

— И не знали... только вчера, какъ ты ушелъ... выслала она меня изъ комнаты... самъ онъ, должно, боясь часа смертнаго, открылъ имъ... разговоръ у нихъ былъ большой... Слушала я, да черезъ дверь не разслышала... Только сказала потомъ безстыжая барыня эта, что „такъ *вѣрнѣе* будетъ"... это насчетъ, то-есть, что увезли они эти деньги... меня опасаючись, значитъ!...

Она говорила порывисто, несвязно, передавая ему съ судорожною поспѣшностью то, въ чемъ принимала участіе сама и что могло быть ей лично извѣстно изъ общаго хода этого дѣла, подробно изложеннаго нами читателю.



Онъ слушалъ ее теперь, шагая крупными шагами изъ угла въ уголъ комнаты и заставляя хрустѣть одинъ за другимъ какимъ-то гробовымъ звукомъ всѣ суставы своихъ пальцевъ.

— Ни съ чѣмъ теперь остался, браво! злобно захихикалъ онъ въ заключеніе всего того, что узналъ изъ ея сообщеній;— не захотѣли слушать меня: допрежъ того... пока хозяйкой всему были, обезпечить себя могли.

— Допрежъ того! зашептала Анфиса, тревожно слѣдя за нимъ все такъ же робкимъ взглядомъ:—грѣхъ, не могла я противъ благодѣтеля моего рѣшиться...

— „Благодѣтеля", ядовито перебилъ онъ ее:—въ крѣпости состояли и духомъ, и тѣломъ у хапуги того полицейскаго!

— Оставьте! строго проговорила она на это, подымая голову:—человѣкъ на столѣ лежитъ, а вы обиждать!

— Извините, государыня моя милостивая, зашипѣлъ онъ,— извините, что до драгоцѣннаго сокровища вашего коснуться осмѣлился... Вдовою вы, значитъ, неутѣшною по формѣ теперь сдѣлались?

— Не поминать бы ужь лучше, Степанъ Акимычъ, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ возразила она;—четыре года какъ за Кремлемъ каменнымъ выжила я за нимъ; можетъ, для другихъ, а для меня благоволительный былъ господинъ, сами видѣли. Въ глаза, можно сказать, глядѣлъ, какъ бы успокоить, да жизнь мою вдовью усладить; такъ должна я или нѣтъ жалѣть его, какъ вы полагаете?... Когда, можетъ, и померъ-то онъ даже черезъ злость мою на него!—вырвалось у нея стономъ изъ груди.—Я теперича къ вамъ за совѣтомъ пришла, потому какъ осталась я, почитай, сиротою послѣ того человѣка, а вы меня такими словами вашими какъ изъ ведра на морозѣ обливаете!...

— Какихъ же вамъ еще словъ?—онъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе злился;—когда были у васъ въ рукахъ козыри всѣ, да и тутъ въ дурафьяхъ себя оставили! Что же я теперь могу совѣтовать?

Анфиса Дмитріевна поспѣшно растегнула свою шубку, развязала и сорвала съ шеи тяжелый платокъ: кровь приливала ей въ голову:

— Степа, вскрикнула она, блеснувъ глазами,—чтой-то ты говоришь теперь, Бога ты не боишься! Кто-жь до теперешняго довелъ меня, какъ не ты! Памяти въ тебѣ, видно, не осталось крошечки, или совсѣмъ ужь безъ совѣсти? Забылъ ты, какъ писаришкой убогонькимъ къ нему поступилъ, на меня въ ту пору глядѣлокъ-то своихъ лукавыхъ поднять не смѣлъ... а потомъ съ кухни бѣгать сталъ, Лазаря пѣть, да улещать меня словами змѣиными, въ ноги кидался, колѣнки цѣловалъ... Онъ въ часть или въ иное мѣсто на службу, а ты шасть изъ канцеляріи тутъ какъ тутъ,—годъ цѣлый гвоздилъ, сердце мое смущалъ... И обошелъ таки, спуталъ... Совѣсть-то свою всю съ тобой потеряла! Кабы не любилъ еще онъ меня такъ, да не вѣрилъ, а то мукою мучусь бывало объ этомъ думаючи, а ты придешь, да и распишешь опять языкомъ, будто и права я съ тобой... И какихъ ты мнѣ только тогда словъ ни говорилъ, чего ни наобѣщивалъ, замужъ меня взять за счастье себѣ почиталъ! Говорилъ ты, нѣтъ? И до вчерашняго утра даже до самаго, какъ вышла я къ тебѣ въ переднюю, ты мнѣ что первымъ дѣломъ: „Изнылъ, говоришь, весь ожидаючи, какъ бы съ тобой въ законный сыграть, да на деревню ѣхать!“... А теперь у тебя словъ нѣту!...

Голосъ ея оборвался, и одни глаза ея, съ прежнею мучительною тревогой устремленные на него, договорили ему остальное.

— Вы это напрасно себя безпокоите, Анфиса Дмитріевна, началъ онъ въ отвѣтъ, продолжая шагать по комнатѣ и не глядя на нее:—я все это очень хорошо разумѣю; только вѣдь сами знаете, на счетъ деревни и прочаго, такъ мы съ вами предполагали, какъ если будетъ изъ чего... А если теперь ни у васъ, ни у меня *нема ничдго, такъ ничдго й не буде*, говорятъ у насъ въ Полтавѣ; сами ужь разсудите послѣ этого!...

Но она еще не „разсудила“, слова еще неудержимо просились у нея изъ души наружу:

— Какъ бы не ты, развѣ бы оставилъ онъ меня ни съ чѣмъ? Умный онъ былъ, догадливый... Скажемъ прямо такъ,

что онъ только не говорилъ, меня жалѣючи, а все про насъ понималъ, видѣлъ... а то, можетъ, и слышалъ, какъ ты со мной ночью-то шопотомъ шепталъ... „Спитъ“, а какъ если не спалъ?... А механику-то твою съ депешей оченно онъ хорошо замѣтилъ; сейчасъ опосля того велѣлъ мнѣ при докторѣ другую написать, а какъ она съ мужемъ пріѣхали, такъ первымъ дѣломъ чтобы тебя вонъ... Сама при мнѣ ему сказала: „Я молъ, папа, Ѳедькѣ, по вашему приказанію, передала, чтобъ этого Троженкина къ вамъ на глаза не пущать“...

Троженковъ остановился на-ходу:

— Покорнѣйше васъ благодарю! Я, значитъ, и до разоренія васъ довелъ, и „благодѣтеля“ лишилъ, и...

— А то кто-жь? пылко прервала она его; — кабы ты все сердце мое не возмутилъ, что не у него, а у тебя дѣйствительно я за крѣпостную была, онъ бы и теперича живъ остался! Лукавствомъ твоимъ и жадностью душу ты мнѣ отравилъ, вотъ что̀! Какъ вижу, денежки-то сплыли, да о тебѣ тутъ подумала, а и еще барыня эта ошельмовать меня вздумала, такая меня злость взяла, что вотъ, кажется, всѣхъ бы ихъ въ ступѣ истолкла сама... И пришла я тутъ къ нему,— знаю, что все одно, какъ ножомъ ему:—„счастливо молъ оставаться, Елпидифоръ Павловичъ, говорю,—не хочу у васъ больше жить“... Такъ даже страхъ на него глядѣть было: затрясся весь... и зять его даже кинулся просить меня, чтобъ осталась я... А я и слушать не хочу: „пропадай вы всѣ прò-падомъ“, думаю... И пошла, обернуться-то на него въ послѣднее не захотѣла... и обернулась только, какъ ужь онъ...

И Анфиса залилась вдругъ неудержимымъ истерическимъ рыданіемъ. Не даромъ, дѣйствительно, далось ей удовольствіе сорвать свою злость на покойномъ „благодѣтелѣ“...

Степанъ Акимовичъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее, вышелъ въ спальню, вынесъ оттуда налитый водою стаканъ, молча поставилъ его подлѣ нея на столѣ и заходилъ опять по комнатѣ.

Она успокоилась чрезъ нѣсколько минутъ, отпила, утерла

слезы концомъ платка и остановила на немъ пристальный взглядъ:

— Что же теперь, Степа? медленно проговорила она.

— А что? не оборачиваясь, отвѣтилъ онъ.

— Какое твое на счетъ меня рѣшеніе будетъ?

Онъ, все также не глядя на нее, обвелъ рукой кругомъ себя:

— Обитель сію видите,—противъ вашихъ съ нимъ хоромъ добрѣ покажется?

— А деньги же гдѣ? спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Какія деньги?

— Какія! А мало ты ихъ перебралъ у меня за три года?

— Много, правда! фыркнулъ онъ насмѣшливо.

— Всѣ; ничего себѣ не оставила... Билетами было три тысячи, да серіями пятьсотъ... Съ возвратомъ бралъ,—съ усиліемъ добавила она,—всю душу-то свою, почитай, проклялъ, божившись, что отдашь...

— Такъ эти деньги въ дѣлѣ; не разъ, кажется, говорилъ вамъ! молвилъ Троженковъ обиженнымъ тономъ.

— Слышала! Документъ все обѣщалъ принести, сегодня, да завтра,—а и по сю пору нѣтъ!...

— Какой документъ?

Она все время не отрывала отъ него глазъ. Презрительное выраженіе все сильнѣе и сильнѣе заволакивало ея красивое и измученное лицо; голубые глаза горѣли темнымъ пламенемъ...

— Плутъ ты, плутъ безстыжій! глухо вымолвила она вдругъ, вставая и быстро окутывая снова голову платкомъ:— проклятъ будь тотъ день, какъ забыла я, на пагубу свою, совѣсть съ тобою!...

И, едва держась на ногахъ, она двинулась къ двери.

Онъ вдругъ смутился:

— Позвольте, Анфиса Дмитріевна, что же вы однако такъ...

Она обернулась на него съ горькою и выкомѣрною усмѣшкой:

— Небось, въ пролубь кинусь съ большаго черезъ тебя горя? И не мни! На-зло тебѣ жить стану! Только ты отъ нонѣшняго часа и встрѣчаться со мною не смѣй, чтобъ я тебѣ при всемъ народѣ подлеца не сказала!

И она исчезла за дверью.

XVIII.

Who is't can read a woman?
Shakespeare.

Mobile comme l'onde.
V. Hugo.

Черезъ день послѣ этого Ольга Елпидифоровна Ранцова, вернувшаяся часа два назадъ изъ Андроньева монастыря съ похоронъ отца и прилегшая было отдохнуть, поднялась быстрымъ движеніемъ съ кровати (заснуть она не могла ни минуты) и кликнула свою горничную, занимавшую сосѣднюю съ ней комнату.

— Что, баринъ вернулся? спросила она ее.

Амалія приняла нѣсколько таинственный видъ:

— Пріѣхалъ изъ монастырь, опять сичасъ уѣхалъ и сичасъ wieder hier.

— Гдѣ онъ?

— Въ свой комната.

Она оглянулась кругомъ и прошептала по-нѣмецки:

— Собираются уѣзжать.

— Куда это еще?

Амалія махнула неопредѣленно рукой по воздуху:

— Aus Moskau weg!...

— Вы вздоръ говорите! гнѣвно вскликнула Ольга Елпидифоровна.

Горничная пожала плечами и чуть-чуть усмѣхнулась.

Барыня наша задумалась на мигъ.

— Сходите сейчасъ къ нему и попросите его ко мнѣ! сказала она уже болѣе спокойнымъ тономъ.

Она въ видимомъ волненіи заходила по комнатѣ въ ожиданіи мужа.

Шли вторыя сутки, какъ онъ не говорилъ съ ней, ограничиваясь лишь самыми необходимыми словами въ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда требовалось ея мнѣніе по предмету похоронъ. Всѣ хлопоты по нимъ взялъ онъ на свою обязанность: уговаривался съ гробовщиками, съ духовными лицами, съ пѣвчими. Онъ уѣзжалъ съ утра, возвращаясь домой къ панихидѣ, и опять уѣзжалъ... Она имѣла такимъ образомъ нѣкоторое основаніе думать, что ему „*некогда* говорить съ ней, и только“... Возможности окончательной размолвки она все еще допустить не хотѣла. „Ну да, я поступила неосторожно, и кто бы могъ предвидѣть такой случай, что онъ пріѣдетъ за мной къ Лукояновымъ въ ту самую минуту, когда я оттуда уѣхала, и что этотъ сумасшедшій Ашанинъ вскочитъ ко мнѣ въ карету! Но мало-ли сколько разъ проходили въ Петербургѣ подобнаго рода неосторожности такъ, что онъ или совсѣмъ не замѣтитъ, или, если что-нибудь ему и покажется, онъ понадуется день, другой, и я же надъ нимъ насмѣюсь, объясню, и онъ тутъ же повѣритъ, кинется руки цѣловать... А теперь что же это такое?—онъ собирается уѣзжать въ деревню, не спросившись, не предваривъ даже меня“, разсуждала наша барыня; „я сама хочу не позднѣе какъ завтра уѣхать въ Петербургъ; на кого же я домъ этотъ оставлю, и вещи, и распоряженія всѣ?... Не думаетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ разводиться со мной!“ улыбнулась даже Ольга Елпидифоровна... Но на душѣ ея тѣмъ не менѣе не было спокойно...

Ранцовъ вошелъ съ какою-то бумагой въ рукѣ. Онъ былъ блѣденъ и видимо усталъ, но торопливо и зорко взглянувшая на него жена не прочла на лицѣ его ни гнѣва, ни упрека... Нѣмымъ взглядомъ отвѣтилъ онъ на ея взглядъ, подошелъ къ столу и положилъ предъ ней листъ гербовой бумаги:

— Довѣренность, коротко промолвилъ онъ.

— На что это? спросила удивленно Ольга Елпидифоровна, садясь.

— На полученіе капитала изъ банка.

— Билетъ у меня вѣдь.

— На мое имя положены, по желанію покойнаго...

— Такъ не все-ли равно?

— Не мои-съ, — ваши. Полу̀чите, на свое имя полòжите опять, или какъ вамъ угодно будетъ...

— Да я этого вовсе не хочу! воскликнула она, отпихивая отъ себя бумагу,—пусть останется, какъ есть!

Онъ закачалъ головой.

— Этого нельзя-съ, мнѣ вашего не нужно... а, какъ у насъ дѣтей нѣтъ, въ случаѣ моей смерти родственники мои могутъ явиться съ претензіями...

— Не собираетесь же вы умирать завтра! перебила она его съ внезапною тревогой подъ тономъ шутки.

— Для чего собираться! спокойно возразилъ онъ,—а что только въ животѣ и смерти Богъ воленъ, такъ все предвидѣть надо... Если васъ это безпокоитъ, — молвилъ онъ подумавъ, — такъ пожалуйте документъ, я съѣзжу, на ваше имя перепишутъ.

Она безмолвно воззрилась ему опять въ лицо.

— Никсъ, промолвила она тихо затѣмъ на своихъ низкихъ, ласкательныхъ нотахъ, — вы все еще сердитесь на меня?

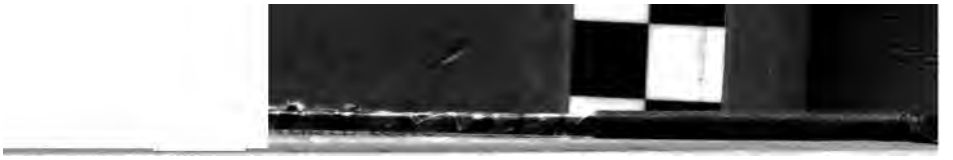
На лбу его у виска внезапно вспухла и посинѣла жила; онъ, не подымая глазъ, чуть-чуть усмѣхнулся страдальческою улыбкой...

— Вы мнѣ простить не можете!

— На что̀ вамъ мое прощеніе!—еле слышно проговорилъ онъ и поспѣшно прибавилъ: — Пожалуйте документъ, я сейчасъ съѣзжу.

— Нѣтъ, это не возможно! пылко вскликнула Ольга Елпидифоровна:—намъ надо объясниться; я не хочу ссориться съ вами, не хочу, чтобы вы меня подозрѣвали Богъ знаетъ въ чемъ!... Ну да, я сумасшедшая, я сдѣлала глупость, согласилась ѣхать ужинать съ этимъ... съ Владиміромъ Петровичемъ. И не вдвоемъ даже: должны были еще пріѣхать Веретеньевъ и другіе молодые люди, — мы тамъ у Лукояновыхъ согласились. А вы сдѣлали тутъ сцену Богъ-знаетъ изъ чего...

Его какъ ножомъ пырнуло отъ этой лжи.



— Туда... гдѣ вы были... не ужинать ѣздятъ, съ усиліемъ проговорилъ онъ,—мнѣ извѣстно.

Она покраснѣла вся.

— Такъ онъ меня обманулъ! Я не Москвичка, я не знала...

— И не обманывалъ онъ васъ, прошепталъ Никаноръ Ильичъ, все также отводя отъ нея глаза,—какой онъ человѣкъ, вы давно знаете!

— Такъ что-же это такое? растерянно молвила она, не находя даже въ себѣ силы притвориться разгнѣванною:—я слышала, вы хотите уѣхать... вы меня кинуть хотите?

— Свободу предоставить вамъ хочу, медленно сказалъ онъ.

— Какую свободу?

— Какъ пожелаете, — голосъ его дрогнулъ:—такъ какъ жить ужь намъ по-прежнему... не приходится.

Ей сдѣлалось страшно вдругъ. Насмѣшливыя слова одного изъ ея петербургскихъ поклонниковъ по адресу этого самаго ея мужа пронеслись у нея въ головѣ: „un mari est un intendant donné par la nature“. Какъ же станетъ она жить безъ этого „управителя“?

— Да я никакъ не желаю! возгласила она: —я хочу, чтобы вы перестали дуться... Слышите, сейчасъ, сейчасъ перестать, Никсъ! заговорила она вдругъ *кошечкой*, улыбаясь ему во всю ширину своихъ алыхъ и полныхъ, какъ спѣлыя вишни, губъ и ловя заискрившимися глазами его поникшіе глаза.

— Не мучьте! не то отчаянно, не то бѣшено вырвалось у него на это изъ груди. Онъ быстро отвернулся отъ нея, подошелъ къ окну и приникъ къ нему лбомъ.

Она смущенно отшатнулась на мѣстѣ, въ свою очередь, пораженная звукомъ его голоса.

— Къ чему напрасныя слова говорить? началъ онъ неожиданно, поворачивая опять къ ней свое исковерканное теперь мукой лицо:—любилъ-ли я васъ, сами знаете... Всю душу, всѣ мысли, все... Девять лѣтъ!.. Ежели когда и приходило въ голову, такъ я... я и допустить не хотѣлъ... Вѣрилъ, молился на васъ, какъ...

Слова путались у него въ горлѣ, замирали на ссохшихся губахъ:

— Что-жь чужой вѣкъ заѣдать! Человѣкъ я темный, не свѣтскій вашъ... Понималъ я это хорошо, только думалъ: все-жь никто изъ нихъ... никто покоить ее такъ не способенъ... А тутъ... Обманъ-то зачѣмъ, обманъ? Сказали бы просто,— развѣ я бы не понялъ! Срамиться зачѣмъ?... Вѣдь, кажется, весь открытъ былъ, насквозь меня видѣли. Сказали бы прямо: отступись!... Вы его еще дѣвушкой... любили. Вы, можетъ, полагаете на счетъ состоянія... Такъ мнѣ на что! Ваше все, берите... Идите за него... Я все на себя возьму...

Ольга Елпидифоровна внезапно разрыдалась.

— Вы съ ума сошли, говорила она, всхлипывая,—вы меня за какую-то дуру почитаете; можете-ли вы воображать, что я пошла бы за него замужъ!... Неужели вы думаете, что если-бъ я захотѣла... разойтись съ вами, я бы не нашла нивого лучше этого... вѣтрогона? Но я не хочу расходиться... я васъ люблю, Никсъ; вы добрый, благородный; вы меня вотъ до слезъ довели... Я хочу, чтобы... пожалуйста, Никсенька!... чтобы все оставалось по-прежнему...

— Да развѣ это возможно, воскликнулъ онъ,—развѣ возможно!

— Все можно, Никсъ, все! Забудьте, умоляю васъ!

Онъ горько усмѣхнулся:

— Забыть!.. А довѣріе прежнее, гдѣ взять!

Она не успѣла отвѣтить, какъ въ дверь, запертую при входѣ Ранцовымъ, послышался стукъ.

— Кто тамъ? быстро утирая глаза платкомъ, спросила она.

— Depeschen, gnädige Frau! отвѣтилъ голосъ Амаліи.

— Войдите!

Амалія поспѣшно повела на-ходу своимъ косымъ взглядомъ на барина, перевела его вопросительно на барыню и, очевидно уяснивъ себѣ вполнѣ то, что происходило у нихъ сейчасъ, самодовольно усмѣхнулась и подала Ольгѣ Елпидифоровнѣ двѣ принесенныя ею телеграммы.

— Aus Petersburg, произнесла она съ достоинствомъ.

Ольга Елпидифоровна вскрыла одну изъ нихъ, взглянула на подпись и прочла:

„Въ Петербургѣ не осталось ни одного розана, ни камеліи. Всѣ цвѣтутъ у васъ на квартирѣ и ждутъ васъ. Ѣзжу туда каждый день. Тоска безъ васъ хуже смерти. Умоляю телеграфировать, когда вернетесь. Отвѣтъ за сорокъ словъ уплаченъ. Базиль Шастуновъ."

На едва просохшемъ послѣ слезъ лицѣ красивой барыни скользнула невольная, освѣтившая его на мигъ улыбка. Но она тотчасъ же согнала ее съ устъ и съ озабоченнымъ видомъ вскрыла вторую депешу. Содержаніе ея было слѣдующее:

„Не извѣстили о своемъ отъѣздѣ. Только сегодня узналъ о вашемъ адресѣ. Жестокая. Не ожидалъ. Для чего уѣхали? Мучусь, не сплю. Должны бы пожалѣть. Знаете, что преданности нѣтъ границъ. Отвѣтъ уплаченъ. Леонидъ".

Это было *petit mot* одного изъ дѣйствительно „преданнѣйшихъ" ей „паричковъ" ея, какъ выражалась она, говоря съ Ашанинымъ о своихъ поклонникахъ, графа Наташанцева, человѣка вдоваго, богатаго, съ большимъ служебнымъ положеніемъ и весьма „goûté en haut-lieu", какъ говорится въ свѣтѣ.

Внезапное раздумье охватило вдругъ теперь Ольгу Елпидифоровну. „И старый, и молодой"... пронеслось и не досказалось у нея въ мысли... Что-то зарождалось тамъ, еще неясное, но освѣщавшее уже совсѣмъ инымъ свѣтомъ то, что сейчасъ еще казалось ей такимъ тяжелымъ и „сквернымъ"...

Она долго молчала, не отрывая глазъ отъ депеши.

— Хорошо, сказала она наконецъ, подымая ихъ на горничную,—ступайте!

Амалія вышла. Ольга Елпидифоровна закусила губу, продолжая видимо соображать, и затѣмъ неспѣшно обернулась на мужа, стоявшаго все также у окна съ печально опущенными взглядомъ и руками... Подвижныя черты ея приняли разомъ теперь строгое и обиженное выраженіе:

— Такъ вы, говорите, потеряли довѣріе ко мнѣ, да? начала она.

Онъ только глубоко вздохнулъ въ отвѣтъ.

Она помолчала опять.

— Значитъ, вы меня разлюбили, потому что нѣтъ любви безъ довѣрія. Если-бъ у васъ оставалась ко мнѣ хоть капля

чувства,—поспѣшила она прибавить, какъ бы боясь возможнаго возраженія съ его стороны,—вы бы не рѣшились сказать мнѣ, что сказали.

— Какъ же говорить-то мнѣ было послѣ того...

Онъ не въ силахъ былъ кончить.

— Ну да, само собою, молвила она уже съ преобладающимъ оттѣнкомъ иронiи въ тонѣ, — вы рѣшились... Я рѣшилась тоже!—почти весело примолвила она.—Что же дѣлать, Никаноръ Ильичъ, насильно милъ не будешь!... Вы предлагаете мнѣ разводъ, — замѣтьте, вы, а не я... Мнѣ остается только повиноваться.

Онъ слушалъ ее, не перерывая, — и не вѣря своимъ ушамъ... Да, онъ вошелъ къ ней въ комнату съ твердымъ намѣреніемъ „все покончить разомъ“: онъ не даромъ три ночи не спалъ, шагая до одури по своей спальнѣ, переходя отъ лютаго, бѣшенаго отчаянія до полнаго изнеможенія, до ребяческаго рыданія, которое заглушалъ онъ, забиваясь головой въ подушки. Онъ зналъ: счастье... нѣтъ, не „счастье“, развѣ былъ онъ когда-нибудь счастливъ?—обольщеніе исчезало для него на вѣкъ. Онъ уже не могъ обманывать себя: то, что онъ видѣлъ, „собственными глазами видѣлъ“, открывало ему вѣжды и на все остальное, на все, что такъ часто мутило его душу недобрымъ подозрѣніемъ, и что „допустить“, во что углубиться онъ не хотѣлъ... Онъ понималъ теперь: „развѣ одинъ этотъ Ашанинъ!“ А въ Петербургѣ, когда онъ по мѣсяцамъ проживалъ въ деревнѣ, а она оставалась одна со всею этою своею свитой... а за границей, можетъ-быть... И онъ девять лѣтъ, девять лѣтъ... „Господи, что же это за женщина! Что за унизительную роль заставляла она играть его! Вѣдь онъ честный, ничѣмъ не запятнанный человѣкъ, и онъ такъ, такъ любилъ ее!... А она такъ безсердечно, такъ „*страмно*“ могла поступить съ нимъ!... Нѣтъ, нѣтъ, кончить скорѣе, разомъ кончить!“

Но когда онъ очутился въ ея присутствіи, когда на него пахнуло опять ея женскою прелестью, когда она глянула на него тѣми неотразимыми глазами, заговорила тѣмъ, всю душу его проникавшимъ голосомъ, съ какими смотрѣла и говорила

она съ нимъ въ одну незабвенную для него минуту (послѣ болѣзни, отъ которой думала она умереть), заговорила, въ первый и послѣдній разъ въ жизни, называя его „ты“: „Никсенька, я знаю, что никто на свѣтѣ не можетъ меня любить болѣе тебя“,—онъ почувствовалъ, что онъ не выдержитъ, что всѣ рѣшенія его, вся суровость, а съ ними и все его достоинство сгинутъ какъ дымъ предъ ея властью, что онъ будетъ „сто разъ проклинать себя потомъ за это, всю остальную жизнь свою будетъ терпѣть изъ-за этого муку,—но проститъ, не въ силахъ будетъ не проститъ“...

И вотъ, не онъ теперь, — она говоритъ о разлученіи съ нимъ, она—внезапно, послѣ этой телеграммы, — она, только-что плакавшая и молившая о прощеніи, говоритъ, что она *повинуется*, что насильно милъ не будешь, она, видимо, придравшись къ его словамъ, предлагаетъ ему развестись съ нимъ... Она *хочетъ*, у нея есть человѣкъ, для котораго она его броситъ, кинетъ навсегда... Навсегда...

Сердце у бѣднаго Ранцова забилось съ такою невыносимою болью, что онъ безсознательно поднесъ къ нему руку (сознательно онъ почелъ бы верхомъ для себя счастія въ эту минуту пасть мертвымъ къ ея ногамъ).

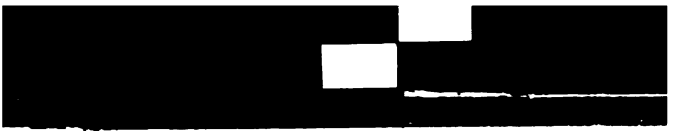
— За кого же вы это думаете выходить теперь? крикнулъ онъ ей со злостью.

Она смутилась на мигъ, на одинъ мигъ, но тотчасъ же оправилась и, остановивъ на немъ ледяной взглядъ, проговорила спокойно:

— Не все-ли это вамъ равно, разъ вы находите, что жить вамъ по-прежнему не приходится? Вѣдь сами вы сказали?

Онъ стиснулъ зубы, такъ что судорожный скрежетъ ихъ донесся до ея слуха.

— Вы не въ правѣ сердиться, сказала она:—вы, я повторяю это вамъ еще разъ, предложили мнѣ развестись съ вами. Я просила васъ помириться... Я дошла до того, что просила наконецъ у васъ прощенія въ... въ небывалой винѣ... Вы и выслушать меня не хотѣли. Вы мнѣ отказали наотрѣзъ... А я не такая женщина, чтобъ это забыть — и простить, заключила она, подчеркивая. (Она самымъ искреннимъ образомъ



успѣла убѣдить себя теперь, что обиженною и достойною всякаго сочувствія была она, одна она).

Ранцовъ качнулся на ногахъ и двинулся къ ней со страшнымъ, обезображеннымъ лицомъ. Она съ испуга вскочила съ мѣста.

Онъ вдругъ остановился, повелъ растерянно рукой по лицу и вдругъ захохоталъ:

— За что же Анфису-то эту вы такъ хаяли?...

Она сѣла опять, пожала плечами и примолвила уже совсѣмъ величественно:

— Не забывайте, Никаноръ Ильичъ, что оскорблять женщину низко!

Онъ вперилъ въ нее глаза съ видомъ человѣка, не понимающаго, кто и о чемъ ему говоритъ. Не по его, дѣйствительно, простому разумѣнію была эта непостижимая перемѣна фронта. Въ дѣлѣ его на вѣки разрушеннаго существованія отвѣтственнымъ лицомъ оказывался теперь въ ея и—что было непостижимѣе всего,—въ его собственномъ понятіи онъ, и никто иной.

— Низко! повторила она,—да!...

Онъ опустилъ вѣки, подавилъ вопль, вырывавшійся у него изъ груди, и собралъ свои послѣднія силы.

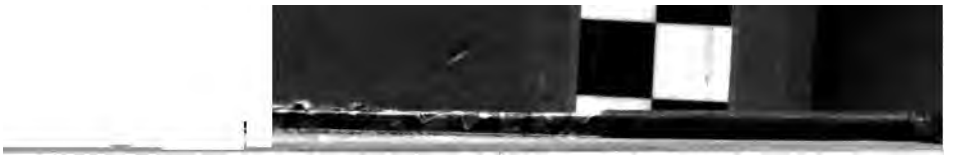
— Такъ какъ прикажете? вымолвилъ онъ съ поклономъ, какъ бы въ знакъ извиненія.

— Я вамъ напишу объ этомъ изъ Петербурга, не сейчасъ и холодно отвѣтила она.—А вы въ самомъ дѣлѣ собираетесь сегодня въ деревню?

Онъ кивнулъ утвердительно головой.

— Какъ же я однако останусь съ этимъ домомъ и вещами? вскликнула Ольга Елпидифоровна, вспомнивая вдругъ опять, что „un mari est un intendant donné par la nature“, и что, пока онъ еще „mari“, онъ не долженъ забывать, что онъ „intendant“, — и потомъ съ этимъ наслѣдствомъ всякія формальности, я ничего не понимаю, кто же этимъ всѣмъ займется? Я сама хочу чрезъ день или два уѣхать въ Петербургъ; не пропадать же мнѣ здѣсь со скуки!...

— При домѣ можетъ остаться мой Сергѣй, я его оставлю



вамъ, возразилъ Ранцовъ:—онъ, вы знаете, человѣкъ вѣрный и исполнительный,—можете ему поручить все, что надо. Бумаги нужныя въ шкапу, гдѣ деньги у покойнаго... Елпидифора Павловича (онъ не считалъ для себя болѣе возможнымъ сказать по-прежнему „батюшка“, и эта мысль уколола его какъ острою булавкой). А на счетъ формальностей я былъ уже у одного знакомаго мнѣ, хорошаго человѣка: въ гражданской палатѣ служитъ; онъ обѣщалъ быть сюда часу въ третьемъ. Вы ему можете довѣриться, — а за все платы ему двѣсти рублей, ужь сговорено. Затрудненій особыхъ никакихъ нѣтъ, и не предвидится... А я ужь сегодня уѣду! вырвалось вдругъ у бѣдняги: онъ едва держался на ногахъ.

— А съ этимъ какъ-же? И Ольга Елпидифоровна кивнула на принесенную имъ и лежавшую на столѣ довѣренность.

— Дана съ передовѣріемъ, объяснилъ онъ,—можете тому же Чернову, Николаю Иванычу, поручить, если не желаете сами въ банкъ съѣздить.

— Нѣтъ, сказала она хмурясь,—я бы желала, чтобы вы ужь сами это сдѣлали; вѣрнѣе такъ!

— Чтобъ я въ банкъ съѣздилъ?

— Да, будьте такъ любезны!...

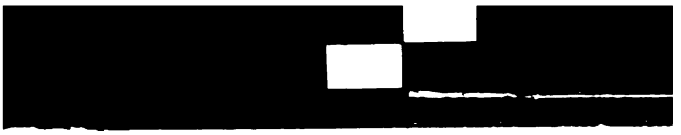
Она потянулась къ своей шкатулкѣ, открыла ее, вынула билетъ Сохранной Казны на внесенную туда Ранцовымъ сумму и передала ему.

Онъ вложилъ его въ бумажникъ, кивнулъ, все также не подымая на нее глазъ, и молча вышелъ изъ комнаты, заперевъ за собой дверь.

Красивая барыня, не теряя времени, подбѣжала къ письменному столику между оконъ, на которомъ разложенъ былъ серебряный бюваръ ея, достала изъ него почтовый листокъ, перо и принялась писать:

1) „Царское Село. Лейбъ-Гусарскій полкъ. Князю Шастунову.

„Вы сумашедшій, но очень милый человѣкъ. Буду скоро. Дамъ знать когда. Видѣла вашу матушку. Увижу еще. Она проситъ меня принять васъ подъ *особенное* (это слово она



подчеркнула) мое покровительство. Я думаю, вы не разсердитесь".

2) „Петербургъ. Сергіевская, собственный домъ. Графу Наташанцеву.

„Тысячу разъ виновата. Грустныя обстоятельства. Болѣе чѣмъ когда нуждаюсь въ преданности. Вы для меня вѣчный, несравненный другъ. Потерпите немножко. Сама жажду видѣть. Телеграфирую заранѣе".

— Амалія, крикнула она, подписавшись подъ обѣими депешами однимъ именемъ своимъ „Ольга",—это надо сейчасъ послать съ кѣмъ-нибудь на телеграфъ. За обѣ получено въ Петербургѣ.

— Gut schon! подмигнула на это Чухонка, верхнимъ чутьемъ угадывавшая въ самомъ зернѣ каждую новую продѣлку своей барыни,—сама съѣзжу, знаю гдѣ...

— Хорошо... Ахъ, да! Вотъ что, Амалія, вспомнила вдругъ та,—дома женщина эта, Анфиса? Я, уѣзжая съ похоронъ, видѣла ее и предлагала взять съ собою въ карету. Она отказалась. Вернулась-ли она теперь?

— Дома.

— Что она?

— Ничего, плашетъ. Собралъ свой вся вещь въ сундукъ, сѣлъ на него и плашетъ... А серебро, и все, что у нея было на рукахъ, сдала вчера аккуратно по описи, по вашему приказанію, мнѣ и Сергѣю, объяснила уже по-нѣмецки Амалія.

— Сходите къ ней, сказала Ольга Елпидифоровна,—и попросите ее,—поучтивѣе и поласковѣе, прошу васъ,—зайти ко мнѣ. Скажите, что я хочу ее *поблагодарить*. Поняли?

Минутъ черезъ десять Анфиса, съ красными и опухлыми глазами, но съ обычнымъ ей невозмутимымъ выраженіемъ лица вошла неслышно въ комнату, остановилась въ дверяхъ и почтительно поклонилась.

— Я хотѣла поговорить съ вами, Анфиса... Дмитріевна, начала поспѣшно Ранцова...—Подойдите пожалуста! Вы очень устали, я думаю... Зачѣмъ не хотѣли вы, чтобъ я васъ довезла?

— Что-жь вамъ себя безпокоить, отвѣчала та своимъ пѣ-

вучимъ голосомъ,—я и такъ дойти могла... Да и помолиться-то еще на могилкѣ остаться захотѣлось, тихо примолвила она, опуская глаза.

— Вы очень... преданы были батюшкѣ, я знаю.

— Эвто точно-съ. Потому какъ они мнѣ, можно сказать, благодѣтелемъ были... Очень я была несчастная, когда мужъ мой померъ, такъ они меня тутъ вызволили...

— Покойный говорилъ мнѣ объ этомъ... И какъ вы ему полезною всегда были, даже въ дѣлахъ его... Вы, можетъ-быть, обо мнѣ дурно судили до сихъ поръ,—Ольга Елпидифоровна не совсѣмъ твердо проговорила это (ее нѣсколько грызло воспоминаніе о враждебныхъ отношеніяхъ, въ которыя поставила она себя къ этой женщинѣ въ первый день своего пріѣзда, вслѣдствіе чего та не нашла возможнымъ оставаться долѣе при ея отцѣ и этимъ „невольно“ ускорила его смерть),—но я желаю доказать вамъ, что вы ошибались и что у меня не черствое сердце.

У Анфисы дрогнули брови:

— Какъ же я судить васъ смѣю, сударыня, когда, можетъ, сама я грѣшница, предъ вами, можетъ, сама чѣмъ провинилась. Во имя Христа Спаса нашего простите великодушно!

И она поклонилась ей въ поясъ.

Ольга Елпидифоровна почувствовала себя вдругъ тронутою до слезъ. Она быстро подошла къ „экономкѣ“, обняла ее и поцѣловала:

— Всѣ мы грѣшны, всѣ мы нуждаемся въ прощеніи... Я бы желала поговорить съ вами... о васъ, о томъ, что вы думаете дѣлать... У меня даже было намѣреніе предложить вамъ остаться здѣсь, въ этомъ домѣ, на покоѣ и смотрѣть за нимъ. Но такъ какъ я въ Москвѣ не живу, да и бывать въ ней никогда не намѣрена, то я думаю всего лучше домъ этотъ продать... Да и вы еще такъ молоды... и хороши, вы можете замужъ выйти...

Тоскливая усмѣшка пробѣжала по губамъ Анфисы:

— Наплакалась я, сударыня, вдосталь и въ первой-то разъ. Лучше ужь въ монастырь, за Божью ограду, иттить,

потому на міру соблазнъ одинъ, да обманъ, произнесла она съ какою-то нежданною, какъ бы безсознательною живостью.

Петербургская барыня съ удивленіемъ поглядѣла на нее:

— Неужто вы, милая моя, серіозно думаете въ монастырь итти?

— Къ примѣру говорю, сударыня... Потому въ серіозъ и думать-то о себѣ до нонѣшняго дня некогда было.

— Вамъ непремѣнно надо замужъ пойти... Я увѣрена, что у васъ есть кто-нибудь въ предметѣ, уже лукаво промолвила Ольга Елпидифоровна, вспоминая господина въ синихъ очкахъ, „къ которому папа покойный ревновалъ эту Анфису," сказала она себѣ при этомъ.

Анфиса подняла глаза и съ мучительнымъ выраженіемъ устремила ихъ въ глаза своей собесѣдницы. Губы ея замѣтно побѣлѣли:—она поняла.

— Можетъ есть такой человѣкъ, что я его проклясть должна, а не то что итти за него, неудержимо сорвалось у нея съ языка.

— Я вѣдь не знаю... Я только такъ сказала, молвила нѣсколько смущенная этимъ горячимъ отвѣтомъ Ранцова; — я желаю вамъ добра, Анфиса Дмитріевна... Куда же вы думаете переѣхать отсюда?

— А тутъ сестренка у меня есть замужняя, къ ней пойду пока, а тамъ мѣста искать буду... Привыкла въ услуженіи-то находиться.

— Скажите мнѣ откровенно, я знаю, что батюшка былъ щедръ, остались у васъ какія-нибудь средства?

— У меня свои деньги были... отъ дяди получены, не сейчасъ отвѣчала экономка, — да въ четыре года на всемъ готовомъ жила, жалованье собрала... А вотъ теперь всего осталось, — молвила она съ какою-то какъ бы уже веселою улыбкой, вынимая изъ кармана старый, затасканный портмоне и вынимая оттуда три красненькія и двѣ рублевыя бумажки.

— А остальное же гдѣ? воскликнула Ольга Елпидифоровна.

Та улыбнулась опять:

— Кому повѣрила,—не отдалъ, значитъ, и нѣтъ.

— Послушайте, милая, молвила поспѣшно петербургская барыня, — я не допускаю, чтобы вы вышли нищая изъ этого дома. Если бы покойный папа зналъ о такомъ вашемъ положеніи и не умеръ бы такъ внезапно, онъ, вы понимаете, обезпечилъ бы васъ непремѣнно... и я, въ его имя и воспоминаніе, прошу васъ принять за ваши заботы о немъ... полторы тысячи рублей. Они вамъ на черный день пригодятся...

Анфиса вскинула на нее опять свои синіе, увлаженные глаза и еще разъ поклонилась ей въ поясъ:

— Спасибо вамъ, барыня, за милости ваши... Только это напрасно будетъ...

— Какъ напрасно?

— Потому какъ не нужно мнѣ этого. Поминать-то его въ молитвѣ и такъ каждоденно стану, на что тутъ деньги!

— Я вамъ ихъ и не предлагаю въ награду за молитвы ваши, нѣсколько обиженнымъ тономъ возразила Ранцова,—я прошу васъ ихъ принять отъ меня во имя его на случай нужды, какъ онъ бы ихъ вамъ далъ въ такомъ случаѣ.

Брови Анфисы судорожно вздрогнули.

— Коли-бъ захотѣла я, сударыня, *онъ* не то чтобъ.... онъ.... *все* бы мнѣ отдалъ... А мнѣ теперича награды не нужно!

И, не давъ той сообразить отвѣта:

— Мнѣ, можетъ, сударыня, тихо, словно застыдясь вдругъ, проговорила она,—самая она и есть награда настоящая, что какъ вошла я въ домъ этотъ нищая, такъ и ухожу изъ него теперь... Можетъ, такъ отъ Господа и положено, чтобы мнѣ за грѣхи мои нужду терпѣть, такъ я это чувствовать должна...

Ольга Елпидифоровна пристально глянула ей въ лицо.

„Этотъ Троеникинъ большой должно-быть мерзавецъ“, сказалось въ ея сообразительной головѣ, „а она раскольница какая-то, видно“.

— Я, конечно, принудить васъ не могу, Анфиса Дмитріевна, сказала она вслухъ, — но прошу васъ знать, что я положу на ваше имя въ банкъ полторы тысячи рублей, и

билеты на нихъ вы можете получить отъ меня во всякое время, когда вамъ понадобится.

„Раскольница“ безмолвно и недвижно выслушала эти слова.

Ранцова, не дождавшись отвѣта, замолкла въ свою очередь.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Позволите итти? спросила наконецъ Анфиса.

— Вы думаете уже отправляться... совсѣмъ? молвила разсѣянно Ольга Елпидифоровна, мысли которой за это время успѣли ужь отлетѣть за тысячу верстъ.

— Такъ точно, собралась совсѣмъ, подтвердила та.

— Для чего вы спѣшите? могли бы пожить здѣсь, пока не найдете мѣста... А впрочемъ какъ хотите!... Прощайте въ такомъ случаѣ!

— Счастливо вамъ оставаться, сударыня, дай вамъ Господь въ жизни вашей благополучія и всякаго споспѣшествованія.

И Анфиса, подойдя, наклонилась къ ея рукѣ.

Ольга Елпидифоровна не допустила поцѣловать ее и, обнявъ еще разъ „раскольницу“, поцѣловалась съ ней щека въ щеку.

Та отвѣсила низкій, прощальный поклонъ, вздохнула и вышла изъ комнаты.

XIX.

Alles opponirende Wirken geht auf das Negative hinaus, und das Negative ist Nichts. Es kommt nicht darauf an dass eingerissen, sondern dass Etwas aufgebaut werde...

Göthe.

На Арбатѣ, въ домѣ Лукояновыхъ, шло ликованіе. Троекуровъ былъ объявленъ женихомъ Александры Павловны.... Марья Яковлевна, когда онъ въ назначенный имъ день пріѣхалъ дѣлать *предложеніе*, не дала ему и договорить его en forme, вскочила съ мѣста и, всхлипывая, отверзла ему свои объятія. „Знаю, знаю", говорила она, „любите ее давно и она васъ, я согласна, — а до сихъ поръ не могла, сами должны понимать,—Сашенька слишкомъ молода была, да и согласитесь, Борисъ Васильевичъ, что при вашихъ привычкахъ"... Она запнулась: — „Мужъ мой покойный оставилъ дочери по завѣщанію, нарочно для нея куплены, триста душъ, незаложенныя".... Троекуровъ прервалъ ее: „Сдѣлайте милость, Марья Яковлевна, оставимте это; то, что вы даете вашей дочери, до меня не касается". Она замахала большими руками, уже смѣясь сквозь непросохшія еще слезы: „Знаю, знаю, мой батюшка, вы тысячи всегда за грошъ почитали, такъ вамъ что это!... А теперь все-таки остепениться надо будетъ, жена, дѣти пойдутъ; совѣтую вамъ"... На лицѣ его невольно изобразилось неудовольствіе. Заботливая маменька испугалась, перебила себя опять на полусловѣ и поспѣшно зашагала къ двери сосѣдней комнаты, гдѣ, вся блѣдная отъ волненія „въ

ожиданіи своей судьбы", какъ выражалась маленькая Лизавета Ивановна, сидѣла Сашенька. Мать вывела ее оттуда за руку и, подведя къ Троекурову, проговорила протяжно и, для большей, повидимому, торжественности нѣсколько въ носъ:

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, мой другъ, проситъ твоей руки. Я на это согласна,—остальное теперь зависитъ уже отъ тебя.

Блѣдная Сашенька отъ этихъ словъ мгновенно зааллѣла какъ маковъ цвѣтъ и молча, сіяя райскою улыбкой, протянула жениху руку... Онъ горячо прильнулъ къ ней губами...

Марья Яковлевна вытащила платокъ изъ кармана и погрузила въ него свое снова омочившееся ради такой оказіи лицо.

Лизавета Ивановна робко выглядывала на нихъ изъ-за полуоткрытой двери, утирая глаза въ свою очередь, крестясь и шепча отъ глубины сердца молитву „о благоденственномъ будущемъ житіи" молодой пріятельницы своей и ея нареченаго...

Вѣсть о ихъ помолвкѣ облетѣла въ тотъ же день всю дворянскую Москву, съ доброю половиной которой Лукояновы состояли въ родствѣ или близкой пріязни. Со слѣдующаго же утра и „ближайшіе" эти, и дальнѣйшіе ринулись на домъ Марьи Яковлевны, какъ на приступъ. Дни тріумфа настали для его хозяйки,—тріумфа, который росъ въ ея глазахъ съ поздравленіями каждаго новаго лица и питалъ, какъ солнце падающими въ него астероидами, свѣтъ свой и пламень всѣмъ тѣмъ обильнымъ матеріаломъ безсильной злобы и зависти, которую ея счастливая игра внушала всѣмъ совмѣстницамъ ея, маменькамъ, обладательницамъ дочекъ на возрастѣ... Дѣйствительно, на той многотрудной, тяжелой, требующей, говорятъ, самыхъ спеціальныхъ способностей тонѣ, которую на свѣтскомъ языкѣ называютъ умѣньемъ пристроить дочь замужъ, savoir marier sa fille, Марьѣ Яковлевнѣ удалось выловить такого осетра, предъ которымъ всѣмъ остальнымъ товаркамъ ея по ремеслу оставалось только ахнуть и развести руками... Не успѣли всѣ онѣ притти въ себя отъ смерти Ивана Акимовича Остроженки, забулдыги-лошадника, проводившаго жизнь

свою въ клубахъ и у Цыганъ, но залучить котораго къ себѣ въ домъ составляло въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ предметъ упорнѣйшаго желанія и хитроумнѣйшихъ „подходовъ“ со стороны каждой уважающей свой домъ московской родительницы,—а Марья Яковлевна, не говоря дурнаго слова, успѣла ужь пронюхать, отыскать, *обойти* и *окрутить* никому еще неизвѣстнаго наслѣдника всего этого богатства, и выдаетъ теперь за него свою Сашеньку! Какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, не возненавидѣть ея, не проклясть тайно и явно, не объявить „интриганкой“,—а потому и не поспѣшить къ ней съ поздравленіемъ, съ возгласами радости, хотя бы для того, чтобъ имѣть случай при этомъ доставить себѣ удовольствіе ввернуть со змѣиною улыбкой: „Это такой сюрпризъ для всѣхъ, такая неожиданость!... И гдѣ они успѣли познакомиться?... Вы впрочемъ были всегда *такъ умны*, Марья Яковлевна!...“ Марья Яковлевна была и въ самомъ дѣлѣ весьма умна въ житейскомъ дѣлѣ, читала насквозь въ душѣ своихъ добрыхъ пріятельницъ и змѣиными намеками не только не смущалась, а даже вызывала ихъ и лакомились ими, какъ бы сладчайшимъ блюдомъ, подносимымъ ей ея современниками въ награду за блестящее исполненіе материнскихъ обязанностей, возложенныхъ на нее Небомъ. „Нынѣ отпущаеши рабу твою съ миромъ“, готова она была сказать себѣ послѣ каждой новой колкости на сахарной подкладкѣ, послѣ каждаго тонкоядовитаго намека на ея „интриганство“...

Явилась одною изъ первыхъ извѣстная читателю *) Женни Карнаухова, незлобиво носившая свое теперь тридцати уже съ чѣмъ-то лѣтнее дѣвство, все также продолжавшая благоволить ко всему міру и почитать себя необходимою для его блаженства и видѣвшая въ помолвкѣ Сашеньки съ ея cousin свое созданіе, дѣло своего ума, своихъ „комбинацій“ и заботъ. Она дѣйствительно радовалась, искренно умилялась, сердечно прыгала и лобызалась въ восторгѣ своемъ съ „нареченными“, съ „другомъ своимъ“ Марьей Яковлевной, съ маленькою Лизаветой Ивановной, съ крупною, какъ и она

*) *Четверть вѣка назадъ.*

сама, грузинскою дѣвой Катериной Борисовной. Явилась она въ самый день сговора и съ этой минуты являлась уже сюда каждый день, хотя на полчаса. Домъ Лукояновыхъ съ его благорастворенною атмосферой „двухъ влюбленныхъ сердецъ“ обратился для нея въ эдемъ, гдѣ могла она „отдыхать душой“ отъ невыносимой скуки и тоски, испытываемыхъ ею дома, въ обществѣ зубастой маменьки, болѣе чѣмъ когда гнетомой своимъ „mal de dos„ и недочетами своихъ тщеславныхъ грезъ (Толя, на котораго она такъ долго глядѣла, какъ на звѣзду первой величины, ея Толя, вмѣсто блестящей карьеры, проживалъ уже второй годъ безъ ногъ въ Ахенѣ на излѣченіи), и которая на „établissement“ самой Женни давно махнула рукой, какъ на вещь, разъ навсегда покончennую и сданную въ архивъ. Женни пользовалась этимъ и отсутствовала изъ дому, насколько могла чаще, увѣривъ и мать, и самое себя, что Марьѣ Яковлевнѣ нельзя обойтись безъ нея „насчетъ приданаго Сашеньки“.

Почти ежедневно являлись и Овцыны, отецъ съ сыномъ. Старый либералъ видимо льнулъ къ Троекурову. Чувство изящнаго, свойственное всѣмъ людямъ его эпохи, подкупало его въ пользу будущаго мужа его племянницы. Ему нравились въ Троекуровѣ его „аристократическій“, нѣсколько холодный обликъ, сдержанность пріемовъ и движеній, простой, краткій, тщательно избѣгавшій всякаго книжнаго оборота складъ рѣчи,—„вся эта какая-то смѣсь англійскаго съ лезгинскимъ“, объяснялъ онъ себѣ, тщательно скрывая впрочемъ такое свое преступное сочувствіе отъ сына, предъ которымъ бѣдный „Ламартинъ“ робѣлъ, какъ рядовой предъ строгимъ фельдфебелемъ. Иринархъ, само собою, злился на Троекурова и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже сознавалъ безсиліе свое предъ нимъ. Употребляя одно изъ тѣхъ чужеземныхъ выраженій, которыя въ ту пору сотнями и цѣликомъ начинала переносить періодическая печать въ русскій языкъ,—Троекуровъ *импонировалъ* ему противъ его воли, *осаживалъ*, какъ говорится, однимъ словомъ, взглядомъ всѣ тѣ попытки къ фамильярности или дерзости, которыя ежедневно роились въ намѣреніяхъ и просились наружу изъ души злобнаго студента. Онъ не да-

валъ ему даже удовольствія раздразнить его своею *прогрессивностью*, и когда тотъ за обѣдомъ или ужиномъ начиналъ „разрушать міръ“, по выраженію Марьи Яковлевны, молчалъ глубокимъ молчаніемъ, пока кто-либо не заговаривалъ о чемъ-либо постороннемъ, къ чему онъ тотчасъ же и присоединялся... „Шваль великосвѣтская, Печоринъ изъ военныхъ усоносцевъ!“ измышлялъ Иринархъ внутренно бранныя слова по адресу будущаго мужа двоюродной своей сестры... „И не проберешь вѣдь его ничѣмъ, вотъ что!“ принужденъ онъ былъ сознаваться съ невыносимою досадой... Онъ однажды попробовалъ не отвѣтить на поклонъ входившаго въ гостиную Троекурова и отвернулся, будто не видавъ его. Марья Яковлевна, замѣтившая это, вспыхнула вся отъ негодованія. „Ты слѣпъ, что-ли“, крикнула она ему, „не видишь, что тебѣ кланяются?“ Иринархъ поднялъ на нее сверкающіе глаза, но встрѣтился на пути съ глазами Бориса Васильевича, скользнувшими по немъ на мигъ съ такимъ всецѣлымъ, уничтожающимъ равнодушіемъ, что онъ весь позеленѣлъ, торопливо мотнулъ головой въ видѣ поклона и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты...

Онъ давно „наплевалъ бы на этотъ домъ“, если бы не влекло его сюда двойнымъ влеченіемъ къ одному предмету,— ко княжнѣ Кирѣ. Апостолъ „новаго слова“, какъ начинали говорить тогда въ той же петербурской журналистикѣ, онъ предвкушалъ въ этой дѣвушкѣ съ ея своеобразною и гордою красотой, дразнившею и возбуждавшею въ немъ то „естественное стремленіе“, которое „упорные пуристы искусственной морали называютъ всякими сентиментальными существительными на своемъ пошломъ языкѣ“ *), будущую, близкую сектантку и поборницу его „свободныхъ ученій“; ненавистникъ „Печориныхъ изъ военныхъ усоносцевъ“, онъ угадывалъ въ ней ту же, не высказывавшуюся, но несомнѣнную въ его убѣжденіи враждебность къ жениху ихъ общей кузины...

Для него же въ настоящую минуту наступило самое благопріятное время для тѣснѣйшаго сближенія съ нею, возможность подолгу и безпрепятственно излагать ей свои теоріи,

*) Добролюбовъ.

вліять на ея „развитіе“ невозбраннымъ многоглаголаніемъ своей „прогрессивной“ проповѣди. Марья Яковлевна была такъ поглощена самоуслажденіемъ блестящей партіи, которую устроила она для дочери, и блаженными заботами о ея приданомъ, что ни о чемъ иномъ не могла думать, ни на что другое не обращала никакого вниманія. Иринархъ проводилъ теперь цѣлые вечера съ княжною въ какомъ-нибудь углу дома, читая ей вслухъ *Былое и Думы* или *Современникъ*, толкуя о „послѣднихъ выводахъ науки“ по Молешоту и Бюхнеру, Фейербаху и Карлу Фохту, сочиненіями которыхъ снабжалъ онъ ее въ изобиліи, отмѣчая при этомъ въ нихъ мѣста, въ которыя должна она была „вникнуть“, и рекомендуя не читать остальнаго на томъ основаніи, что „самый умный Нѣмецъ—все-таки филистеръ и не прочь *сподлить* здѣсь или тутъ предъ старою пошлостью“, между тѣмъ какъ она, склонясь надъ пяльцами, слушала его съ обычнымъ ей безмолвіемъ, прерывая его лишь изрѣдка какимъ-нибудь нежданнымъ, часто нѣсколько смущавшимъ его вопросомъ, или грамматическою поправкой какой-нибудь приводимой имъ цитаты на нѣмецкомъ языкѣ, который онъ зналъ плохо... Внимательнѣе и оживленнѣе, замѣчалъ онъ, становилась она, когда онъ заводилъ рѣчь о „женскомъ вопросѣ“, все по тому же поводу предстоявшаго брака Сашеньки съ Троекуровымъ, къ которому онъ и относился всегда съ крайнимъ, насилованнымъ ожесточеніемъ.

— Наша Александра Павловна достигла высшаго ранга на своемъ служебномъ пути, говорилъ онъ однажды, хихикая.

— Это какой-же „служебный путь“? спрашивала Кира, чуть-чуть улыбнувшись.

— А замужсто! Вѣдь при нынѣшнемъ безобразномъ строѣ общества для женщинъ нѣтъ иныхъ путей, иныхъ задачъ въ жизни! Выходи замужъ,—это ея единственная цѣль, промыселъ, работа, назначеніе! Выходи замужъ,—и какъ можно выгоднѣе, то-есть употреби весь тебѣ данный умъ, напрягай всю имѣющуюся въ тебѣ способность къ притворству и лжи, чтобы продать себя наивозможно дороже, какъ продаются на Востокѣ гаремныя невольницы, съ тою разницей, что ихъ

тамъ продаютъ насильно другіе, а у насъ онѣ сами воспитываются съ дѣтства на ремесло торговли собою!...

— Саша не продаетъ себя, неторопливо молвила на это княжна, — она влюбилась въ... въ этого господина, когда у него ничего не было, и ея мать и слышать не хотѣла, чтобъ она шла за него.

— Саша! принялся опять *иронизировать* Иринархъ,—да что-жь такое сама-то эта любезная персона? Вѣдь это чистѣйшій продуктъ нашего отвратительнаго патріархальнаго курятника, и вѣдь дальше такого курятника не простираются ея способности мышленія и желанія. Вы говорите, она въ *этого* „влюбилась", когда онъ былъ бѣденъ, и мать не соглашалась отдать ее за него. Ну, а какъ вы думаете, если-бъ онъ остался бѣденъ, и милая маменька все также не отдавала бы ее за возлюбленнаго, наша *кисейная* родственница не пошла бы, по волѣ этой же маменьки, за любаго стараго подагрика съ милліономъ въ шкатулкѣ?

Кира закачала головой:

— Она упрямѣе, чѣмъ вы думаете... Въ крови это у насъ, промолвила она какъ бы про себя.

— Ну да, прошипѣлъ онъ, уязвленный этими словами,— кровь у васъ особая, княжая, спеціальнаго химическаго состава, синяя что-ли, а не красная, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ! Вы до сихъ поръ въ это вѣруете, Кира Никитишна, вопреки самой простой логикѣ...

„Вѣрую", отвѣчало, показалось ему, на это чуть-чуть замѣтное движеніе ея бровей.

Онъ вскипятился:

— Никакой крови нѣтъ-съ! Есть среда, да-съ—среда и влагаемыя ею въ насъ съ ранняго дѣтства уродливыя, или здоровыя, естественныя воззрѣнія и понятія. А среда родившихъ и воспитавшихъ всѣхъ насъ,—*князей*, какъ вы съ кузиной, и плебеевъ... какъ я,—яйца выѣденнаго не стоитъ! Надо особенно сильную натуру...

Княжна подняла вдругъ глаза, уложила локти на пяльцы и, продѣвая шерстинку въ ушко высоко приподнятой иголки, прервала его вопросомъ:

— Что вы думаете, будетъ она съ нимъ счастлива?

— Александра-то Павловна со своимъ нещечкомъ? возгласилъ Иринархъ;—помилуйте, таять будетъ, въ лужу блаженства распуститъ свою идеальную особу! Что дѣтей народитъ ему съ благодарности съ большой!...

Ея внезапно сжавшіяся брови заставили его примолкнуть.

— А онъ? спросила она черезъ мигъ.

— Господинъ Троекуровъ, то-есть?... Я полагаю, протянулъ Овцынъ,—что сей сподвижникъ отечественнаго милитаризма и аристократъ изъ россійскаго музея древностей найдетъ въ нашей кузинѣ вполнѣ соотвѣтствующую его вкусамъ и идеаламъ рабыню, которая что Иверской, что ему станетъ земные поклоны класть... Какого ему еще счастія нужно?

— Онъ... уменъ, проговорила съ разстановкой и какимъ-то загадочнымъ тономъ княжна.

Иринарха всего даже передернуло отъ злости:

— Уменъ... Вотъ и мой достойный родитель почитается тоже умникомъ... Въ „чернокнижной“ Англійскаго Клуба рѣчи держитъ, между двумя пульками преферанса въ великобританскую оппозицію играетъ, Маколеемъ до одури зачитывается, либеральныя пѣсни, что твой соловей, свищетъ. Такъ и у него, по-вашему, мозги въ головѣ?

— Этотъ очень мало говоритъ, напротивъ, небрежно промолвила Кира.

— Ну да-съ, тотъ же объектъ, только съ другаго фаса. Вѣдь это у нихъ всѣхъ та же игра въ великобританскій палисандръ, насаженный на русское дубье. У господина Пушкина, помните, въ стихахъ даже выражено: „сей двойственный соборъ“ и даже какія-то „пружины смѣлыя гражданственности новой“, то-есть, которыя они въ невѣжествѣ своемъ мнятъ и по сю пору „новыми“. Ну, такъ вотъ-съ и изображаютъ они собою въ россійскихъ лицахъ сей знаменитый „двойственный соборъ“, какой онъ тамъ есть въ Англіи: родитель мой, напримѣръ, пламенный „коммонеръ“, изъ нижней *говорильни*, ратующій потоками пустыхъ словъ за гроша мѣднаго не стоящія „вольности“; господинъ Троекуровъ — недосягаемый лордъ, „краса и честь націи“, дозволяющій себѣ

разжимать зубы не для всякаго и не во всякое время, разжимающій ихъ на дѣлѣ лишь для „суроваго отпора“—это я опять-таки словами господина Пушкина выражаюсь, — всему тому, что здорово, свѣжо и молодо, всѣмъ законнымъ требованіямъ современнаго демократическаго прогресса и гуманности...

Кира подняла голову какъ бы съ намѣреніемъ возразить, или замѣтить что-то по поводу этихъ послѣднихъ его словъ, но опустила ее вновь тутъ же и проговорила только съ неодобрительною, понялъ онъ, усмѣшкой:

— Вы между прочимъ и отца роднаго не щадите?

— Отца! вскрикнулъ позеленѣвъ Иринархъ:—что такое отецъ? Случайность, въ которой онъ такъ же неповиненъ, какъ я! Изъ-за чего же долженъ я щадить его болѣе, чѣмъ другаго? Заповѣди-то Моисея отжили свой вѣкъ, и этимъ пугаломъ современнаго человѣка не испугаешь. Хочешь почтенія теперь, такъ требуй не въ силу родительскаго званія, а ради настоящихъ правъ на уваженіе тебя. А у моего Ѳедора Ѳедорыча какія такія имѣются? Не изъ-за того ли мнѣ его уважать, что у него на третьемъ словѣ „Европа“ и очеса въ небу? А этотъ самый Европеецъ съ русскаго крѣпостнаго мужика тянулъ послѣднее, пока и всѣхъ ихъ, своихъ и матери покойницы, мужиковъ въ карты не продулъ, а сына пролетаріемъ по міру пустилъ... Не изъ того-ли, что онъ мнѣ чуть не съ десятилѣтняго возраста предоставилъ волю жить, думать и пробавляться съ кѣмъ, что и какъ мнѣ вздумается, потому я, молъ, твою свободу стѣснять не хочу,—а въ дѣйствительности потому, что тунеядничать въ клубѣ интереснѣе, чѣмъ надъ мальчуганомъ съ указкой сидѣть?.. А я вамъ вотъ что скажу: покойница-мать моя въ дѣтствѣ выпорола меня разъ розгами за то, что старую няню кулакомъ по лицу съѣздилъ,—такъ я ее до сихъ поръ помню и *экзекуцію* ея надо мной почитаю во сто разъ *гуманнѣе*, чѣмъ весь протухлый либерализмъ Ѳедора Ѳедоровича!.. „Либералы“ во вкусѣ просвѣщеннаго моего тятеньки всю жизнь свою, по истинѣ, были лишними *человѣками* и пошлыми *Гамлетами Щигровскаго уѣзда*, не способными во всю жизнь ни на какое путное дѣло и не додумавшимися ни до одной серіозной идеи.

— А вы... додумались? промолвила Кира.

Иринархъ сверкнулъ глазами:

— Еще бы!

Онъ схватилъ лежавшую на сосѣднемъ столикѣ только что возвращенную ему княжной книжку *Современника*, быстро перелистaлъ ее и, отыскавъ мѣсто, принялся читать:

„Ежели наши читатели поймутъ, что точно русская жизнь и русская сила вызваны на рѣшительное дѣло, и если они *почувствуютъ* (подчеркнулъ онъ) законность и важность этого дѣла“...

Кира прервала его:

— Да, я помню, и даже хотѣла спросить васъ, что̀ надо понимать подъ этимъ дѣломъ?

— Ненавидѣть прежде всего!—такъ и отрѣзалъ онъ.

Тонкія ноздри ея какъ-бы сочувственно дрогнули.

— А потомъ? медленно протянула она.

— Уничтожать весь этотъ гнилой и гнусный строй прежней жизни, съ его угнетателями и пошляками.

— Какими способами?

— Всѣми, какіе у кого подъ руками! воскликнулъ онъ, пожирая ее глазами:—печатнымъ словомъ, живою проповѣдью, неустанною насмѣшкой, ежечаснымъ, ежеминутнымъ протестомъ противъ мертвящихъ бредней старой ѳеогоніи, противъ мрачнаго формализма семейной жизни, безгласности и покорности... Противъ всего того, — быстро и наклонясь къ ней, проговорилъ онъ полушопотомъ, — что̀ окружаетъ и душитъ васъ самихъ въ этомъ домѣ... Скажите, развѣ вы не изнемогаете здѣсь, не возмущаетесь понятіями, складомъ, привычками всей этой затхлой среды?..

Кира нежданно откинулась затылкомъ на свое кресло, прижмурила вѣки и словно уронила съ губъ:

— Да, душитъ!..

Все лицо Иринарха освѣтилось плотоядным пламенемъ. Онъ торопливо откинулъ одною рукой прядь длинныхъ своихъ волосъ, упавшую ему на лицо, схватилъ другою съ пялецъ ту же книжку *Современника*, открылъ ее...

ПЕРЕЛОМЪ.

[illegible] Кира Никитишна, точно про васъ и *для* [illegible] онъ,—писано:

[illegible] нее: она можетъ на время или покориться, [illegible] или даже пойти на обманъ, какъ рѣчка можетъ [illegible] землею, или удалиться изъ своего русла; но те[illegible] не остановится и не пойдетъ назадъ и все-таки [illegible] своего конца, до того мѣста, гдѣ можетъ слиться [illegible] ими водами и вмѣстѣ съ ними бѣжать къ водамъ [illegible]" *)...

[illegible]а, воскликнулъ онъ дочтя, — вы та же „многоводная [illegible], какъ Катерина Островскаго, вы можете „покориться [illegible] время", но не остановитесь на полпути! Придетъ день,—и [illegible] чувствую, что онъ близокъ,—когда вы бодро сорвете и от[illegible]ырнете отъ себя послѣдніе путы старой ветоши предраз[illegible]ка и гордо отдадитесь новой, свободной жизни!...

— Я здѣсь не останусь, промолвила Кира быстро и рѣшительно.

Онъ потянулся къ ней всѣмъ тѣломъ.

— Вы знаете, заговорилъ онъ еле слышнымъ, прерывающимся голосомъ,—что вамъ стоитъ только слово сказать... Я вамъ все устрою. У меня такія мѣста есть... и связи... Никто не отыщетъ, не узнаетъ...

Она быстро выпрямилась, глянула изумленно ему въ лицо, видимо не понимая, о чемъ онъ говоритъ, и безъ словъ встала и вышла изъ комнаты.

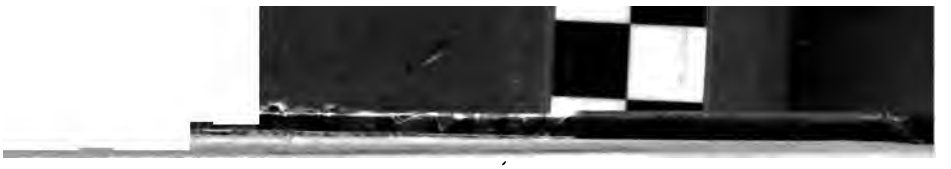
---

*) *Лучъ солнца въ темномъ царствѣ* (*Гроза* Островскаго). Добролюбовъ.

XX.

Le génie est bien beau, j'aimerais mieux l'amour.
Si j'étais jeune fille.
V. de Laprade.

Эти-ли разговоры ея съ Иринархомъ и „освободительныя“ книжки, которыя давалъ онъ ей читать, или иные, тайно зрѣвшіе въ ней, помыслы,—только съ каждымъ днемъ, казалось, становилась все мрачнѣе Кира, съ каждымъ днемъ будто дѣлалось для нея тяжелѣе общеніе съ тою „средой“, въ которой жила она. Эдемъ, какимъ рисовался домъ Лукояновыхъ скучавшей у себя въ семьѣ княжнѣ Карнауховой, представлялся чуть не однимъ изъ мытарствъ, ожидающихъ человѣческую душу за гробомъ обитавшей здѣсь княжнѣ Кубенской. Ее здѣсь дѣйствитетьно „душило“ все и вся... То праздничное настроеніе, та неустанная сутолока, что̀ неизбѣжно воцаряется въ *домѣ невѣсты* съ самаго дня помолвки и на многіе и многіе дни превращаетъ его въ какую-то Вавилонскую башню, — усиленно усердное прислуживаніе и возня слугъ, поставщики и магазинщицы, шмыгающіе съ ранняго утра со своими картонами, свертками и узлами, кипы матерій развернутыхъ по столамъ и стульямъ, часовые споры о выборѣ бархата на шубу, букеты, подарки и *сюрпризы*, аханье горничныхъ, примѣриванія и раздѣванія, встрѣчи и проводы *жениха*, казенное умиленіе и приторныя улыбки,—все это раздражало ее до слезъ, до разлитія желчи... Кира не выходила изъ своей комнаты до обѣда; часто и къ обѣду не являлась она подъ предлогомъ головной боли, или даже просто потому, что



ей-де „ѣсть не хочется“, коротко отвѣчала она слугѣ, прибѣгавшему извѣстить ее, что „господа ужь всѣ за стóломъ сидятъ“. Въ первое время Сашенька или сама тетка считали долгомъ подняться въ этихъ случаяхъ къ ней послѣ на антресоли, узнать, не заболѣла-ли она въ самомъ дѣлѣ; но на вопросы ихъ она такъ язвительно давала разумѣть, что онѣ ей докучаютъ ими, что Марья Яковлевна объявила наконецъ: „пусть-молъ она какъ хочетъ, такъ и дѣлаетъ“, и оставила ее уже совершенно съ этой минуты „безъ вниманія“... Это являлось теперь новымъ поводомъ злиться нашей княжнѣ. Она чувствовала себя какъ бы покинутою, заброшенною, какъ бы „пренебреженною“. этими всѣми ликующими, счастливыми людьми... Она, которую — давно-ли! — цѣлый край носилъ на рукахъ,. которая съ самаго дѣтства привыкла почти къ царственному обращенію со всѣмъ ее окружавшимъ... Никогда еще такъ не было тяжело для нея сознаніе сиротства своего и одиночества,—сознаніе паденія съ высоты, съ которой, юная орлица, рѣяла она надъ общественнымъ доломъ. Она не обманывалась на счетъ себя,—она знала, что холодность къ ней и отчужденность, которыя она встрѣчала кругомъ, были единственно ея дѣломъ, что стоило ей только протянуть руку, чтобы привлечь всю эту боязливо отстранявшуюся теперь отъ нея родственную среду... Но она—*не могла*, уста ея не способны были отомкнуться для повинныхъ, „заискивающихъ“, даже примирительныхъ рѣчей. Она могла сознавать себя in petto виноватою, пожалуй, но она умерла бы скорѣе, чѣмъ признаться въ этомъ вслухъ, чѣмъ „отступиться“, чѣмъ сдѣлать шагъ назадъ на пути, по которому вели ее душевные ея инстинкты... Да и на что̀ ей было примиреніе, на что̀ дружба, на что̀ ласка этихъ людей?

„I learn'd to love dispair“ *), говоритъ Байрононскій Шильонскій узникъ. Княжна Кира привыкла любить „ненависть“, которой поучалъ ее Иринархъ Овцынъ; ей была люба и сочувственна его излюбленная проповѣдь противъ „гнилаго строя“ того *общества*, въ которомъ не представлялось ей

*) Я научился любить отчаяніе.

исключительнаго главенства; она „презирала“ и почитала подлежащимъ разрушенію все то, надъ чѣмъ властвовать не могла...

Болѣе всѣхъ другихъ, быть можетъ, возбуждалъ въ ней враждебное чувство Троекуровъ, — она никогда не говорила съ нимъ, старалась не глядѣть на него, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе могла она найти внутри себя поводовъ презирать его. Онъ былъ уменъ, что она прежде всего цѣнила въ людяхъ. Онъ былъ гордъ и независимъ, съ тою къ тому же особенною чертой присутствія „синей крови“, надъ которою глумился Иринархъ и которая именно, въ глазахъ ея, опредѣляла степень превосходства его надъ Иринархомъ. Онъ „пожилъ“, по выраженію ея отца, то-есть многое видѣлъ, испыталъ, чувствовалъ, способенъ былъ опредѣлить, взвѣсить и оцѣнить все это видѣнное имъ и испытанное.... И этотъ „пожившій“, независимый, умный и снова богатый человѣкъ... къ чьимъ ногамъ несетъ онъ все это? Что нашелъ онъ въ простой, дюжинной дѣвочкѣ, какова это Сашенька, смиренной и равнодушной ко всему, что не ея гнѣздо, не ея „курятникъ“,—да, Иринархъ правъ! для которой „нѣтъ лучше компаніи, какъ какая-нибудь ханжа Лизавета Ивановна“, нѣтъ иного чтенія, какъ „какой-нибудь Пушкинъ, или глупѣйшій *Heir of Redcliffe* *), надъ которымъ проплакала она два вечера сряду?“... Неужели красотою ея увлекся онъ? Но, во-первыхъ „красивы у нея только волосы и глаза, да и то глаза ничего не выражаютъ, а цвѣтъ волосъ просто черный, какъ у всѣхъ, а лицо слишкомъ безжизненно, и она очень скоро разжирѣетъ“. А во-вторыхъ, „развѣ онъ никогда не встрѣчалъ красивыхъ женщинъ лучше Саши, не могъ выбрать себѣ другой... болѣе подходящей къ себѣ?“ разсуждала Кира... „Что же послѣ этого“, мысленно говорила она въ заключеніе съ желчною усмѣшкой“, что же это за *герои*, за *лучшіе* этого общества, къ чему служитъ имъ умъ, чего добиваются и чѣмъ удовлетворяются они въ жизни? Противны они, какъ и весь тотъ milieu, изъ котораго вышли!“...

*) Романъ весьма нравственнаго содержанія, соч. миссъ Іонгъ.

А то самое простое и смиренное, что возбуждало въ Кирѣ такое высокомѣрное отношеніе къ ея кузинѣ, исполняло Троекурова какимъ-то цѣлебнымъ умиряющимъ чувствомъ. Острое ощущеніе недовѣрія и пренебреженія къ людямъ, вынесенное имъ изъ недочетовъ и ошибокъ своего прошлаго, таяло, какъ снѣгъ весеннимъ первовременіемъ, подъ тепломъ той, не испытанной имъ до сихъ поръ, чистой, глубокой, „безкорыстной“ женской привязанности, о которой говорилъ онъ Сашенькѣ въ вагонѣ по пути изъ Петербурга. Долголѣтній „скиталецъ по міровой пустынѣ“, онъ дорожилъ именно тѣмъ *запахомъ* „гнѣзда“, тою благоухающею *домовитостью*, которыми исполнена была она. Разочарованный давно честолюбецъ, ему самому ничего иного не хотѣлось, какъ уложить будущую жизнь свою въ рамки тѣхъ скромныхъ горизонтовъ, далѣе которыхъ не заходили ея дѣвическія мечты. „Довольно эпоса и драмы“, готовъ онъ былъ сказать: „Ich auch war in Arcadia geboren“, я тоже идилліи хочу!... Сидя съ нею по часамъ вдвоемъ въ будуарѣ Марьи Яковлевны, уступленномъ какъ бы имъ теперь въ исключительное владѣніе, ему часто вспоминалась одна, прочтенная имъ въ ранней молодости, французская книга. Это была трогательная и милая исторія одного заключеннаго и полеваго цвѣтка, Богъ знаетъ какъ занесеннаго въ зернѣ и разцвѣтшаго въ щели его рѣшетчатаго окна, и на которомъ мало по малу сосредоточиваются всѣ заботы, всѣ интересы и упованія жизни бѣднаго узника *). Онъ, Троекуровъ, точно также теперь лелѣялъ и холилъ распускавшійся предъ нимъ драгоцѣнный цвѣтъ молодой души, жадно любуясь каждымъ новымъ раскидывавшимся лепесткомъ его, каждымъ оттѣнкомъ его нѣжныхъ, не поддающихся взгляду каждаго, красокъ. Для него, для него одного распускался онъ и благоухалъ; онъ одинъ, сказывалось ему, былъ въ состояніи понять всю его тихо проникавшую прелесть... „Мнѣ кажется иногда, что я совсѣмъ не жила до сихъ поръ“, сказала ему однажды Сашенька, нежданнымъ движеніемъ схватываясь въ восторгѣ за

*) *Piccola* par Saintine.

голову: „точно какой-то ангелъ принесъ меня откуда-то изъ темноты, поставилъ сюда и сказалъ: вотъ оно что!“ „*Вотъ оно что!*“ повторилъ онъ. — и лучше, выше и умнѣе этихъ словъ, показалось ему, не изобрѣталъ человѣческій языкъ...

Свадьба ихъ назначена была послѣ Пасхи, на *Красную Горку*, по извѣстному московскому обычаю. Къ этому времени Троекуровъ долженъ былъ быть окончательно введенъ во владѣніе наслѣдствомъ Остроженковъ, о чемъ усиленно хлопоталъ вліятельный въ Москвѣ чиновникъ Успенскій, большой пріятель и повѣренный покойнаго Акима Ивановича, человѣкъ честный и хорошій, которому Борисъ Васильевичъ и ввѣрилъ всѣ свои интересы. Послѣ вѣнчанія *молодые* должны были сѣсть въ карету и ѣхать въ отстоявшее на сто съ чѣмъ-то верстъ отъ Москвы село Всесвятское, великорусское имѣніе покойнаго, въ которомъ онъ года за два до смерти началъ постройкою новый, каменный, нынѣ только что оконченный, одноэтажный домъ; въ немъ никто еще не жилъ, и комнаты стояли пусты, такъ какъ смерть унесла его владѣльца прежде, чѣмъ успѣлъ онъ сдѣлать распоряженіе о его меблированіи. Троекуровъ предпочелъ *основаться* (предположенія жить когда-нибудь въ городѣ у нихъ съ Сашенькой и вовсе не было,) въ этомъ имѣніи, а не въ старомъ малорусскомъ Остроженковскомъ гнѣздѣ на берегахъ Сулы, съ его строеннымъ по планамъ Растрелли въ Екатерининскія времена „дворцомъ“,—предпочелъ не столько ради близости къ столичнымъ центрамъ, сколько въ виду тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, которыя могли ожидать его среди той дорогой ему, но соединенной съ такими враждебными по отношенію его воспоминаніями старины. „Тамъ тѣни ненавидѣвшихъ меня съ матерью мѣшали бы намъ, кажется, не только спать, но и обѣдать“, говорилъ онъ съ невеселою усмѣшкой Сашенькѣ, въ воображеніи которой рисовалось такъ заманчиво синее небо Украйны, какимъ знала она его по *Майской Ночи* Гоголя, да по стихамъ „какого-то“ Шевченки, которые приносилъ ей какъ-то Моховъ и которые ей такъ понравились, что она ихъ выучила наизустъ и читала съ презабавнымъ акцентомъ:

Садокъ вышнёвій коло хаты
. . . . . .
. . . . . .
Дочка вечёрять подаё,
А маты хоче научаты,
Да соловейко не даё.

„Да соловейко не даё," какая прелесть! повторяла она, декламируя ихъ съ загоравшимися глазами пріятельницѣ своей, Лизаветѣ Ивановнѣ...

„Но съ *нимъ* не все-ли равно гдѣ жить, съ *нимъ* вездѣ рай, вездѣ блаженство!" говорила она себѣ теперь. *Онъ* принесъ ей планъ этого нововыстроеннаго дома въ *русскомъ* имѣніи, въ которомъ поселятся они, и указалъ ей между прочимъ на чертежѣ большой крытой террасы, выходившей въ садъ. Садъ огромный, старинный, вѣтвистый, съ глубокою и свѣтлою рѣчкой по самой серединѣ его,—узнала она отъ бывавшаго тамъ Успенскаго... И *тамъ* будетъ пѣть „соловейко", „пѣть именно тогда, когда мы туда пріѣдемъ въ концѣ апрѣля, и все въ зелени, и по небу ходятъ тѣ веселыя бѣленькія тучки, что я такъ люблю, а вечеромъ изъ-за большой, большой липы выплываютъ золотые рожки мѣсяца, и мы съ нимъ тутъ одни... Царица Небесная, чѣмъ заслужила я себѣ такое счастіе!" прервала себя дѣвушка, закрывая обѣими руками омоченные непереносимою полнотой этого счастія глаза свои.

О будущемъ обиталищѣ своемъ говорили они каждый день. Домъ оказывался по плану если не весьма обширнымъ по числу комнатъ, то весьма удобнымъ по размѣрамъ и расположенію ихъ: къ тому же съ обѣихъ сторонъ его выстроено было по павильону „для гостей", небольшія зданія, комнаты въ четыре каждое, съ балкономъ, выходящимъ въ садъ, какъ и терраса дома... Троекурову было досадно лишь то, что все это съ иголочки.

— Выписать еще мебель отъ Тура или Galepin *), говорилъ онъ насмѣшливо однажды за обѣдомъ по этому поводу,—

*) Мебельные магазины въ Петербургѣ.

и у насъ будетъ такъ же *модно*, какъ въ любой петербургской чиновнической квартирѣ.

— Ахъ, батюшка, вскликнула на это Марья Яковлевна,— не любите новаго и моднаго, можете хоть на три дома старья изъ Покровскихъ-то хоромъ Акима Иваныча перевезти велѣть. Вѣдь биткомъ тамъ этимъ набито!

— Нѣтъ, сказалъ, слегка поморщившись, онъ,—изъ этого дома я стула не возьму... и не пойду въ него никогда, договорилъ онъ какъ бы нехотя.

— Внаймы отдадите съ мебелью?

— И внаймы не отдамъ.

— Продадите?

Онъ повелъ отрицательно головой.

Марья Яковлевна покосилась на него: „Мудренекъ-таки мой будущій зять", пронеслось у нея въ мысли.

— Такъ онъ у васъ впустѣ и стоять будетъ?

— Такъ и стоять.

— До втораго пришествія? засмѣялась она.

Онъ усмѣхнулся тоже.

— До втораго поколѣнія, пожалуй. Тому будетъ все равно.

Марья Яковлевна пожала недоумѣло плечами: она не поняла.

Но Сашенька отгадала чутьемъ то деликатное и двойственное чувство, которое сказывалось въ его словахъ, и незамѣтно подъ салфеткой (она сидѣла рядомъ съ нимъ,) пожала ему руку.

Поняла и Кира, сидѣвшая напротивъ его. Ея зеленые русалочьи глаза остановились на Троекуровѣ со страннымъ выраженіемъ: „Такъ вотъ ты какой еще!" словно говорили они.

Онъ замѣтилъ это и, въ свою очередь, вопросительно взглянулъ на нее.

Лицо ея тотчасъ же измѣнилось, ноздри дрогнули...

— У Сухаревой Башни, говорятъ, иронически проговорила она, — сколько угодно можно купить подержаннаго, цѣлыя ameublements: и старо, и дешево...

— Про дешевизну никто не говоритъ! отрѣзала вдругъ обиженнымъ тономъ Марья Яковлевна (желчь, давно копив-

шаяся у нея противъ племянницы, то-и-дѣло теперь прорывалась наружу).

Александра Павловна обернулась испуганно на нее. Троекуровъ поспѣшилъ предупредить *сцену*.

— Вы даете мнѣ блестящую мысль, княжна; какъ я самъ объ этомъ не подумалъ! Завтра же отправлюсь туда...

— Ахъ, Боже мой, какая у меня голова! вскликнула вдругъ его невѣста:—мнѣ Лизавета Ивановна говорила, тутъ одинъ цѣлый домъ прекрасной мебели продается, и все старинная.

— Гдѣ?

— Не знаю. У нея есть одна женщина, съ которою она познакомилась въ церкви, такъ она ей сказала. Послѣ одного умершаго господина А... Акулина, да, по фамиліи.

— Акулина! Марья Яковлевна такъ и привскочила:—Да это отецъ этой хорошенькой Ранцовой. То-то она и не пріѣхала даже поздравить, я очень удивлялась...

— Она въ Петербургѣ, сказалъ Троекуровъ.

— Почемъ вы знаете?

— Мнѣ говорилъ какъ-то Фифенька Веретеньевъ.

— И давно уѣхала?

— Право не знаю, равнодушно промолвилъ онъ.—А если въ самомъ дѣлѣ старинныя вещи, надо будетъ съѣздить, сказалъ онъ тихо Сашенькѣ: — хотите вмѣстѣ? Я выпрошу у maman.

Она быстро закивала головой, вся розовая отъ радости...

XXI.

Drum prüfe wer sich ewig bindet,
Ob sich das Herz zum Herzen findet.
Schiller.

Марья Яковлевна, само собою, не рѣшилась отказать въ просьбѣ внушавшему ей *решпектъ*, смѣшанный съ нѣкотораго рода страхомъ, зятю, хотя и почитала далеко несогласнымъ съ конвенансами „отпускать съ нимъ дочь одну до свадьбы“,— не рѣшилась предложить ему ѣхать сама съ ними. Но, въ виду все тѣхъ же конвенансовъ, она потребовала, чтобы съ ними поѣхала Лизавета Ивановна: она, молъ, „какъ знаетъ, куда ѣхать, пусть васъ туда и привезетъ“.

Троекуровъ ни словомъ не возразилъ противъ этого, но въ день и часъ, назначенные для поѣздки, во дворъ Лукояновскаго дома въѣхали двое саней: однѣ — просторныя, парой, другія—обыкновенная одиночка.

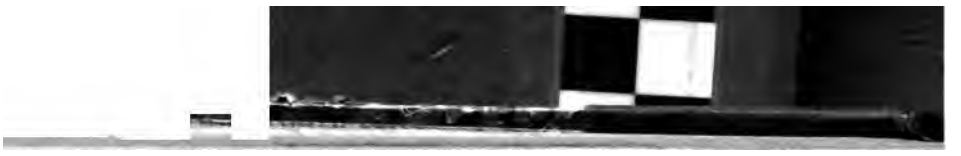
— Такъ вы не всѣ вмѣстѣ ѣдете? воскликнула глядѣвшая въ окно и тотчасъ же сообразившая „хитрость“ хозяйка.

— Троимъ вѣдь не усѣсться въ однѣхъ саняхъ, объяснилъ преспокойно Троеруковъ.

— Ловокъ, батюшка, ловокъ! засмѣялась только она, махнувъ рукою.

„Вотъ и увезъ!“ говорилъ весело женихъ, спускаясь по лѣстницѣ объ-руку съ едва чувствовавшею у себя землю подъ ногами невѣстой.

Онъ усадилъ ее въ парныя сани, сѣлъ рядомъ съ нею. Маленькая особа тронулась за ними на одиночкѣ...



Они поѣхали бульварами. Стояла уже половина марта, но вьюгою за два дня предъ тѣмъ нанесено было опять снѣгу на оттаявшія было улицы; морозецъ прихватилъ и угладилъ ихъ снова набѣло. „Вторая первопутка пошла“, говорили, радостно посмѣиваясь, извощики... Добрыя лошади помчали съ мѣста...

Холодно чуть-чуть, ровно настолько, чтобы живѣе заиграла молодая кровь подъ кожею и заалѣло нѣжное лицо, а солнце уже пламенѣетъ на безоблачномъ небѣ, и въ воздухѣ несутся ласкающія струи, предвѣстники близкаго тепла...

— Благодать-то Господня на человѣковъ отъ вѣка нерушимая! шепчетъ, выѣзжая на улицу, маленькая Лизавета Ивановна первыя попавшіяся ей на языкъ слова „отъ Писанія“, подъ вліяніемъ объемлющаго и ее радостнаго возбужденія.

Сашенька не въ состояніи говорить: въ ней, по выраженію поэта, говорили „развѣ только сердце, да рука“,

Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо“... *)

Она только чувствовала, какъ сквозь опущенную вуаль пріятно ожигалъ ее разсѣкаемый быстрою ѣздой морозный воздухъ, какъ въ большую ея муфту пробирается эта рука любимаго человѣка и мягко и нѣжно сжимаетъ ея пальцы,— чувствовала, что солнце свѣтитъ надъ ними, что она мчится съ нимъ куда-то въ блаженную даль, и что всему этому ея счастію не предвидится конца...

Ее пробудилъ голосъ Троекурова:

— Погоди, говорилъ онъ, притрогиваясь къ плечу ихъ возницы,—одиночка отстала...

Они пріостановились на минуту на углу Тверскихъ Воротъ.

— Здравствуйте, куда это вы? крикнулъ кто-то проѣзжавшій мимо.

Это былъ Ашанинъ. Онъ выскочилъ изъ своихъ саней и подбѣжалъ къ нимъ:

---

*) Фетъ.

— Александра Павловна! Съ женихомъ вдвоемъ? Браво, вотъ это я люблю!

— Втроемъ! поправилъ, слегка нахмурившись, Троекуровъ:—вотъ за нами porte-respect ѣдетъ! кивнулъ онъ на нагонявшую ихъ Лизавету Ивановну.

Сашенька разсмѣялась, какъ ребенокъ: такъ забавнымъ показалось ей, что ея маленькая, робкая пріятельница могла служить кому-либо „porte-respect".

А та, подъѣхавъ, такъ и завздыхала:

— Мать Пресвятая Богородица, отродясь еще никогда такого страха не чувствовала! Того гляди, думаю, вывернетъ, да о тумбу... Всѣ молитвы, какія знала, перечла, страсть просто!...

Извощикъ ея только посмѣивался и моталъ головой.

— Развѣ не прелесть такъ летѣть! крикнула ей, оборачиваясь, Александра Павловна.

— Да куда это вы „летите"? спросилъ опять Ашанинъ, любуясь ея прелестнымъ въ своемъ оживленіи лицомъ.

— Старую мебель въ деревню покупать, прошептала она съ шутливою таинственностью.

— У Сухаревой Башни?

Троекуровъ лукаво покосился на него:

— Въ домѣ умершаго отца извѣстной вамъ особы, спутницы нашей изъ Петербурга, Ольги Елпидифоровны Райцовой... Не хотите-ли съ нами?

— Да развѣ она въ Москвѣ? воскликнулъ Донъ-Жуанъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ не нужно было бы приглашать васъ; сами вы, полагаю, давно бы тамъ были, возразилъ смѣясь Кавказецъ:—нѣтъ, она уѣхала...

— Съ мужемъ?

— Должно быть... Нѣтъ, онъ вернулся въ деревню, говорили мнѣ, вспомнилъ Троекуровъ.

— Поѣдемте съ нами, Владиміръ Петровичъ, прибавила Сашенька: — садитесь съ Лизаветой Ивановной, ей не такъ страшно будетъ!...

Ашанинъ, ѣхавшій по очень важному для него дѣлу—переписать вексель у одного ростовщика, едва склонившагося на это послѣ трехъ дней всякихъ увѣщеваній его и просьбъ,

но ни разу еще въ жизни не умѣвшій отказаться отъ встрѣчавшагося ему на пути соблазна, или даже просто разсѣянія,—послушно наклонилъ голову, отпустилъ своего извощика и вскочилъ въ сани къ маленькой особѣ.

— Вѣдь я васъ обниму, Лизавета Ивановна, для большей безопасности, объявилъ онъ ей тутъ же.

— А что же, обнимайте, голубчикъ, невинно отвѣтила она,—и точно безопаснѣе...

— И прижму къ себѣ.

— Значитъ, вывалиться чтобъ помягче было, засмѣялась она на это.

Выѣхавъ на Садовую, сани помчались опять... Рука Троекурова очутилась опять въ муфтѣ блаженствовавшей Сашеньки. Ашанинъ, какъ сказалъ, обнялъ свою спутницу и прижалъ къ себѣ,—даже гораздо ближе и крѣпче, чѣмъ этого требовала безопасность.

Домъ покойнаго Акулина отыскали не сейчасъ, такъ какъ будочникъ на ближайшемъ къ нему углу оказался пьянымъ и отправилъ спрашивающихъ въ какой-то переулокъ, гдѣ они въѣхали торжественнымъ поѣздомъ во дворъ дома какого-то „кофешенка 7-го класса“ Микулина, полный нѣкіихъ неистовыхъ собакъ, которыя съ истерическимъ ревомъ и накинулись на ихъ лошадей и едва отпустили ихъ цѣлыми выѣхать обратно за ворота... Сашенькѣ всѣ эти приключенія доставляли большое удовольствіе, а Лизавета Ивановна только крестилась, прижмуривая глаза.

— Ахъ, да вотъ она сама! воскликнула она неожиданно, завидѣвъ спѣшно пробиравшуюся черезъ улицу мимо первыхъ саней женщину въ темной шубкѣ и съ чернымъ шерстянымъ платкомъ на головѣ:—Анфиса Дмитріевна!

Та, обернувшись на зовъ, остановилась, узнала (она предварена была Лизаветой Ивановной) и, обращаясь къ Александрѣ Павловнѣ и ея жениху:

— За уголъ сейчасъ, налѣво, вторыя ворота будутъ, пожалуйте! промолвила она привѣтливо и побѣжала впередъ, спотыкаясь на скользкомъ и избитомъ тротуарѣ.

Ашанинъ, какъ только увидѣлъ это бѣлое, чистое лицо,

эти синіе глаза съ поволокой, такъ и откинулъ немедленно руку отъ стана своей спутницы и возчувствовалъ къ ней даже мгновенное отвращеніе...

Знакомый намъ Ѳедька, въ томъ же куцомъ, страшно истрепанномъ фрачкѣ (онъ непробудно спалъ теперь въ немъ по цѣлымъ суткамъ), взъерошенный и неумытый, выбѣжалъ встрѣчать посѣтителей на крыльцо и съ обычнымъ своимъ „пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!“ повелъ ихъ по лѣстницѣ. Анфиса, пробѣжавшая чернымъ ходомъ, встрѣтила ихъ въ передней. Она была вся въ черномъ, въ платьѣ *нѣмецкаго* покроя и въ чепцѣ.

— Ну вотъ я вамъ, голубушка моя, и привезла нашихъ нареченныхъ, заговорила Лизавета Ивановна, цѣлуясь съ нею щека въ щеку,—какъ вы мнѣ сказали, что можно посмотрѣть и продается...

— Это точно, протяжнымъ и невеселымъ голосомъ (Сашеньку почему-то сразу тронулъ этотъ голосъ,) промолвила та,—въ продажу назначено... отъ наслѣдницъ...

— Все? живо обернулся на нее Троекуровъ, входя въ ближайшую комнату и первымъ дѣломъ натыкаясь взглядомъ на превосходный баютъ голландской *манеры* XVII вѣка.

— Какія вещи *они* желаютъ себѣ оставить, такъ билетики на нихъ приклеены, объяснила Анфиса,—а прочее все продавать приказали...

— Ольга Елпидифоровна?

— Такъ точно... Изволите знать ихъ? добавила она черезъ мигъ, слабо усмѣхаясь.

— Знаю... Давно она уѣхала?

— Какъ батюшка ихъ скончались, на четвертый день и уѣхали... Третья недѣля теперича пошла.

Троекуровъ изумленно и жадно оглядывалъ картины на стѣнахъ:

— C'est un vrai Watteau! невольно вскрикнулъ онъ, указывая на одну изъ нихъ Сашенькѣ.

— Да? вскрикнула машинально и она, въ унисонъ выражавшемуся у него выраженію художественнаго наслажденія,

хотя молодой Москвичкѣ ровно ничего не сказало это славное имя.

— А билетиковъ не много, сказалъ онъ, оглядываясь.

— Мало-съ, молвила Анфиса,—*они* сказывали, что у нихъ у самихъ въ Петербургѣ *небели* и прочаго такого некуда дѣвать, такъ оставили себѣ изъ этого почитай самую бездѣлицу; изъ мелкихъ вещей, такъ тѣхъ много при себѣ отправили, и увезли даже съ собою.

— А вы тутъ при домѣ остались? спросила ее Александра Павловна, пока женихъ ея, влекомый любопытствомъ, проходилъ въ другую комнату.

— Нѣтъ-съ, а какъ я служила при покойномъ, и оставленный ими, Ольгой Елпидифоровной то-есть, человѣкъ очень заболѣвши и въ больницу легъ, такъ и просилъ меня присмотрѣть пока... потому тутъ только малый этотъ остался, ненадежно...

— Alexandrine, подите сюда! позвалъ невѣсту Троекуровъ показать ей подобранную въ гостиной мебель чистѣйшаго *empire*, красное дерево съ бронзовыми рельефными украшеніями.

Ашанинъ, все время молчавшій до сихъ поръ, пожирая издали огненными глазами стройную и роскошную наружность Анфисы, подбѣжалъ теперь къ ней своими короткими и быстрыми шажками.

— Со вкусомъ былъ человѣкъ Елпидифоръ Павлычъ покойный, проговорилъ онъ вполголоса.—Я его зналъ.

— Знали-съ? протянула она, печально вскидывая на него свои прекрасные глаза:—да-съ, любитель были! добавила она со вздохомъ.

— Еще-бы! Не даромъ отыскалъ такую красавицу, прошепталъ Донъ-Жуанъ уже совсѣмъ ей на ухо.

Она мигомъ отшатнулась отъ него, не то испуганно, не то надменно обмѣрила его взглядомъ и молча прошла въ гостиную.

Ашанинъ нѣсколько смущенно закусилъ губу.

— Не обиждайте, голубчикъ, не обиждайте! тихо заговорила вдругъ подлѣ него слѣдившая за ними маленькая Лизавета Ивановна тревожнымъ, чуть не плачущимъ голосомъ,— *много у нея* на свѣтѣ нѣтъ у бѣдной... Вы бы лучше, анделъ

мой, помочь ей сдѣлали, на мѣсто ее опредѣлить... Она въ монастырь желаніе имѣетъ, только я не совѣтую. Сама была, знаю, въ келіи-то, можетъ, соблазну еще болѣе нечѣмъ на міру...

— Сдѣлайте милость, засмѣялся неисправимый шалунъ,— предложите ей ко мнѣ поступить, я съ удовольствіемъ ей мѣсто предоставлю.

Лизавета Ивановна съ болѣзненно передернувшимся лицомъ закачала головой.

— Ахъ, не хорошо, голубчикъ, не хорошо! Сами божественное любите, а что на умѣ держите? Душа спасенія проситъ, а вы на пагубу... Если въ шутку, такъ все не хорошо, анделъ мой, грѣхъ!...

Ему стало совѣстно.

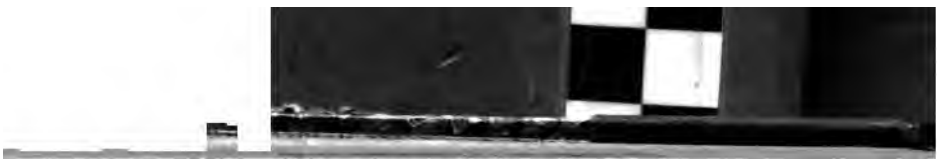
— Ну, полно голосить, святая душа, полно! само собою, я пошутилъ... А вы мнѣ скажите вотъ, откуда вы ее знаете, красавицу эту?

— Откуда, голубчикъ, повторила она,—извѣстно, въ церкви встрѣчались. Въ Андроньевскомъ монастырѣ заупокойную обѣдню въ девятый день по этомъ самомъ помершемъ хозяинѣ дома здѣшняго служили. А я тутъ случаемъ зашла. И никого, почитай, нѣту, окромя вотъ этой самой женщины. И плачетъ она, заливается, ажно больно мнѣ стало. По комъ плачете, милая? подошла, спрашиваю:—отецъ или мужъ вамъ былъ?—Ну и пошли мы съ нею опосля того на могилку къ нему, помолились и изъ монастыря ушли вмѣстѣ. Она мнѣ всю исторію про мебель и прочее тутъ разсказала.

— Ну послушайте, скептически молвилъ на это красавецъ,— благодѣтеля-то ея я зналъ, и навѣрное скажу вамъ, что была она у него ужь, конечно, не за дочь.

— Такъ что же, анделъ мой? невозмутимо молвила на это маленькая особа:—тѣмъ паче, значитъ, за него молиться, а ей себя смирять всячески должно!..

„Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“, пронеслось въ головѣ Ашанина. Онъ провелъ рукой по лицу и медленно двинулся на голоса Сашеньки и Троекурова, отыскавшаго среди картинъ въ бывшей спальной Елпидифора



Павловича портретъ madame de Sévigné, писанный несомнѣнно Миньяромъ, утверждалъ онъ.

Онъ былъ страстный любитель и, въ извѣстной мѣрѣ, знатокъ искусства, воспитанный на немъ, такъ-сказать, съ дѣтства въ домѣ отца, всю жизнь свою собиравшаго картины и мраморы, которые затѣмъ *спущены* были Борисомъ Васильевичемъ въ пору его Sturm und Drang-Periode. Онъ съ глубокимъ наслажденіемъ любовался теперь художественнымъ подборомъ предметовъ, которые представлялись ему здѣсь и которые такъ мало чаялъ онъ найти въ обиталищѣ „какого-то частнаго пристава".

Онъ взялъ вошедшаго Ашанина подъ руку и отвелъ его нѣсколько въ сторону, стѣсняясь присутствіемъ Анфисы:

— Какъ все это пріобрѣтено, понятно, — сказалъ онъ, — но выборъ самый замѣчателенъ и показываетъ въ человѣкѣ рѣдкое чутье прекраснаго... Знали вы его?

— Зналъ, и очень одно время. Игралъ съ нимъ въ *Гамлетѣ*. Лучшаго Полонія я и не видѣлъ... А былъ онъ отставной, промотавшійся кавалеристъ, исправникомъ потомъ служилъ, переведенъ приставомъ въ Городскую часть нашимъ почтеннымъ *графомъ*. Вотъ и вся его біографія. Хапалъ онъ, извѣстно, по преданію, гдѣ и какъ могъ, — а художникъ былъ въ душѣ, стихи бывало говоритъ, плачетъ, искренно плачетъ... Вотъ вы и подите, разберите русскаго человѣка! заключилъ смѣясь Ашанинъ.

— Да, проговорилъ задумавшись Троекуровъ, — мудреная штука этотъ русскій человѣкъ. Безъ подготовки, безъ культуры, вѣчно наитіемъ какимъ-то...

— И вѣчно прахомъ все и кончается, замѣтьте. Ни къ чему и ни для кого, промолвилъ красавецъ:—хоть бы теперь: отецъ все собиралъ, а дочь, не успѣлъ онъ глаза закрыть, не надо мнѣ-молъ, прочь возьми все!...

— Самая любимая картина у покойнаго—эта вотъ и была, говорила тѣмъ временемъ Анфиса Сашенькѣ, указывая на портретъ, обратившій на себя вниманіе ея жениха:—Ольга Елпидифоровна за себя ее оставили.

— Да, молвилъ досадливо, подходя къ нимъ, Троекуровъ,—

о madame de Sévigné она слышала (его уже разбирала художественная жадность)... А скажите мнѣ, сударыня, есть тутъ опись вещамъ и цѣна имъ? И какъ желаютъ продать, знаете вы: гуртомъ все, или въ розницу, съ аукціона?

— Этого навѣрное я сказать вамъ не могу-съ, молвила Анфиса, — потому какъ у Ольги Елпидифоровны повѣренный есть, такъ ему поручено. А что, конечно, имъ лучше, если бы кто гуртомъ взялъ, такъ какъ онѣ оченно даже желаютъ скорѣе и домъ продать, и даже покупщикъ уже на него есть... А опись тутъ имѣется, и цѣны всѣ означены...

Она потянула къ себѣ ящикъ одного изъ столовъ, вынула изъ него листы и подала ему. Онъ опустился на стулъ и принялся пробѣгать ихъ.

— Вамъ, я думаю, жаль, что этотъ домъ продается? обратилась Александра Павловна къ синеокой женщинѣ, которая все болѣе привлекала ее сдержанными пріемами своими и „порядочностью“.

— Видно, надо такъ, съ горечью молвила та, — чтобы гнѣздо разорить... И тутъ же, какъ бы спохватившись, промолвила смиренно и вздохнувъ:—а впрочемъ, извѣстно, воля ихняя!...

Сашенька помолчала и спросила потомъ:

— Что же вы думаете дѣлать теперь?

— А сама не знаю, барышня, какъ Богъ дастъ!

— Рукодѣлье знаете какое-нибудь?

— Шить, извѣстно... Крою, промолвила она.

— И платья можете, и бѣлье?

— Покойному сорочки всегда сама кроила. Одобряли.

— Вотъ что, милая, быстро проговорила Александра Павловна: — у насъ теперь много кройки и шитья по случаю моего... приданаго. Такъ приходите къ намъ работать, я очень рада буду... А на счетъ цѣны, какъ вы тамъ положите съ Лизаветой Ивановной... Хотите?

Анфиса подумала и поклонилась затѣмъ въ поясъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, извольте-съ... И то отъ тоски сердце сосетъ, сидя-то день-деньской руки покламши.

— Pour rien! прервалъ этотъ разговоръ невольный возгласъ Троекурова, дочитавшаго опись до конца.

Невѣста подошла къ нему.

— Эта сумасшедшая женщина и ея совѣтники, продолжалъ онъ по-французски,—не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о цѣнности всего, что тутъ есть. Покойный владѣлецъ обозначилъ своею рукою ту, видимо, цѣну, за какую самъ онъ пріобрѣталъ вещи, а пріобрѣталъ онъ ихъ очевидно задаромъ, случаемъ. Они же на все это накинули 50 процентовъ, почитая это совершенно достаточнымъ.... Я ни одного гвоздя отсюда изъ рукъ не выпущу, воскликнулъ онъ со мгновеннымъ возбужденіемъ,—но пріобрѣсти все это за такую цѣну просто воровство!

Онъ обернулся къ Анфисѣ:

— Кто же повѣренный тутъ у Ольги Елпидифоровны?

Она назвала.

— Можете-ли вы дать ему знать, что вотъ такой-то (онъ вынулъ карточку свою изъ бумажника и протянулъ ей) желаетъ купить *все*, что назначено ею въ продажу, а потому проситъ его зайти къ нему — я живу въ гостиницѣ Шевріе,— для переговоровъ?

— Могу-съ. Сегодня же даже исполню.

— Благодарю васъ! А Ольгѣ Елпидифоровнѣ я самъ буду писать.

— Слушаю-съ...

Компанія поднялась затѣмъ и, пройдя еще разъ черезъ всѣ комнаты дома, направились въ переднюю.

— Вы къ намъ обѣдать, Владиміръ Петровичъ? сказала Сашенька.

Онъ наклонился въ знакъ согласія,—и тутъ же вскрикнулъ:

— Ахъ, Боже мой, а Зильберманъ?

— Кто это такой?

— Ростовщикъ, у котораго я долженъ былъ быть въ два часа.

А теперь пятаго четверть, разсмѣялся Троекуровъ.

Ашанинъ раздумчиво покачалъ головой,—и махнулъ въ заключеніе рукой:

— Ну, такъ, значитъ, и самъ Богъ не велѣлъ!...

Они разсѣлись по санямъ въ прежнемъ порядкѣ.

— Только я ужь васъ теперь обнимать не буду, Лизавета Ивановна, объявилъ онъ своей спутницѣ, цѣловавшейся на прощанье съ Анфисой и кидая на эту пламенный и, мы должны сознаться въ этомъ, весьма сурово встрѣченный ею взглядъ.

— И не нужно, голубчикъ, отвѣтила ему маленькая особа, — сама придержусь за рукавчикъ вашъ, какъ если на ухабѣ...

— Вы будете писать... сами? едва выѣхали они на улицу молвила тихо и какъ бы смущенно Сашенька жениху своему.

— Кому это?... Ахъ, да, Ранцовой? Непремѣнно! Я хочу поскорѣе кончить... Лучше fond d'ameublement представить себѣ нельзя, не говоря уже о предметахъ художественныхъ...

Она молчала.

Онъ поглядѣлъ на нее нѣсколько удивленно.

— Развѣ вамъ непремѣнно нужно писать самому къ ней? повторила она наконецъ:—вѣдь къ вамъ придетъ ея повѣренный?...

— Повѣренный этотъ можетъ-быть мошенникъ... началъ было Троекуровъ, но оборвалъ на половинѣ фразы, взглянулъ на нее еще разъ и усмѣхнулся.—А вы имѣете что-нибудь противъ, Сашенька? протянулъ онъ, называя ея уменьшительнымъ, которое никогда не употреблялъ при другихъ.

Она опять задержала отвѣтъ, видимо озабоченная, какъ выразить его... И вдругъ онъ нежданно такъ и сорвался съ ея губъ:

— Борисъ, видите, я увѣрена, что вы были влюблены въ нее!

— Изъ чего же это заключеніе? засмѣялся онъ.

— Я не знаю... И ничего, и все... Когда я васъ увидѣла въ ея ложѣ въ Петербургѣ и она васъ спросила—я слышала!—почему вы не пріѣхали къ ней обѣдать, и когда она васъ увидѣла на станціи желѣзной дороги, и какіе у нея глаза, когда она говоритъ съ вами... Ну, положимъ,—Борисъ, милый, признайтесь! прервала она себя, подымая на него

умоляющій взглядъ,—положимъ, что вы—нѣтъ, но она? Поклянитесь, что она никогда васъ не любила... aimé d'amour! прибавила она для большаго поясненія.

Троекуровъ спокойно, почти строго, обернулся къ ней лицомъ:

— Совершенно безполезно! сказалъ онъ.

— Почему? вскрикнула она.

— Прежде всего потому, что это до васъ не касается.

— Какъ не касается! пылко возразила Сашенька: — вы мой будущій мужъ!

— Именно по этой причинѣ! (Онъ не могъ не улыбнуться ея неожиданному „азарту“). Вы должны знать, если только вы меня уважаете, что, дѣлаясь вашимъ мужемъ, я съ этой минуты отдаю вамъ всего себя и отрубаю какъ топоромъ наше начинающееся общее съ вами будущее отъ моего личнаго, *безъ васъ*, прошедшаго. Какое же вамъ дѣло до него, до того времени, когда васъ для меня *не было?* Допытываясь узнать, что и какъ происходило тогда, не ставите-ли вы меня въ непріятное положеніе быть однимъ изъ трехъ: или хвастуномъ, или бездѣльникомъ, выдающимъ не одному ему принадлежащія тайны, или, наконецъ, лжецомъ по отношенію къ вамъ?...

Дѣвушка внимательно, сжавъ брови, прислушивалась къ этимъ словамъ.

„Онъ правъ, онъ благороденъ, какъ всегда“, думала она,— „но мнѣ такъ хотѣлось бы знать“...

— Ну, хорошо, молвила она вслухъ послѣ новаго молчанія,—я согласна, что мнѣ этого не нужно спрашивать... Ну, а потомъ, когда мы будемъ mari et femme, я буду имѣть право требовать отъ васъ, чтобы вы никого, кромѣ меня, не любили... Никакой женщины, то-есть?

— Полное! вскликнулъ онъ, глядя на нее съ восхищеніемъ.

— Смотрите же, Борисъ, помните! проговорила она вдругъ, понижая голосъ до шопота:— *я не прощу обмана!*

Онъ былъ пораженъ звукомъ этихъ словъ, выраженіемъ ея лица. Обычная этому лицу строгость линій приняла те-

перь какъ-бы рѣшительность и холодность мрамора; глаза недвижно глядѣли впередъ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, возразить шуткой... и не нашелъ ея... Онъ только наклонился и спросилъ усмѣхаясь:

— А теперь что-же, милая, „летѣть“?

— Ахъ, пожалуйста!...

Она встрепенулась вся и съ загорѣвшимися вновь, возбужденными счастіемъ глазами прошептала чуть слышно у его уха:

— На край свѣта, вмѣстѣ... и всегда. Такъ, Борисъ?

— Трогай! крикнулъ Троекуровъ.

Лошади помчались, сверкая стальною гладью копытъ по матовому серебру снѣга...

XXII.

Fair is foul, and foul is fair.
Shakesp. *Macbeth.*

Троекуровъ въ тотъ же день написалъ въ Петербургъ къ госпожѣ Ранцовой и дня черезъ три получилъ отъ нея отвѣтъ, который и не преминулъ тутъ же показать своей невѣстѣ. На *дѣловое* его посланіе она отвѣчала такимъ же дѣловымъ письмомъ, начинавшимся съ „Mon cher monsieur Troékourof“ и кончавшимся „Recevez l'assurance de mes meilleurs sentiments“, — въ которомъ она благодарила его за его „manière toute chevaleresque de traiter les choses“ и выражала полное удовольствіе, что именно ему можетъ уступить (céder) доставшуюся ей по наслѣдству движимость. Купецъ, покупающій ея московскій домъ, желалъ бы пріобрѣсти его со всѣмъ въ немъ находящимся и даетъ за все это купно 25 тысячъ рублей; но такъ какъ онъ, само собою, ничего не разумѣетъ „en fait d'art“, то она ему и продастъ „однѣ стѣны“, остальное же предлагаетъ съ радостью Троекурову. Относительно его „scrupules de conscience“ по поводу слишкомъ, по его мнѣнію, низкой оцѣнки предметовъ, она спѣшитъ его предварить, что „pour lui faire plasir“ она готова накинуть еще на нихъ три тысячи (общій итогъ въ описи былъ выведенъ въ пять тысячъ), и „pas un sou de plus“, такъ какъ она „все лучшее оставила за собою“ (Троекуровъ пожалъ насмѣшливо плечомъ, дойдя до этого мѣста), съ остальнымъ же не знала бы, что̀ дѣлать. Пришлось бы перевозить вещи въ Петербургъ, искать для нихъ помѣщенія и рисковать въ концѣ-концовъ не найти

на нихъ покупщиковъ даже и за уменьшенную цѣну, такъ какъ, увѣряла она, „il y a ici une panique d'argent générale en vue de l'émancipation prochaine"...

— Мнѣ кажется, весело молвилъ Троекуровъ, дочтя письмо, — что я затѣмъ могу не смущаясь купить все это. Она ничего не понимаетъ и дѣйствительно спустила бы это сама въ Петербургѣ уже совсѣмъ задаромъ. Я говорилъ съ ея повѣреннымъ; вещи можно будетъ отправить сейчасъ же во Всесвятское. Я немедленно распоряжусь... Но мнѣ надо будетъ самому туда съѣздить на день, на два, чтобы посмотрѣть, сообразить и устроить нашъ home нѣсколько комфортабельно къ нашему пріѣзду.

Сашенька вся поблѣднѣла даже, услышавъ это.

— Вы уѣдете... на два дня! могла только проговорить она.

— Даже и на три, если будетъ нужно, отвѣчалъ онъ смѣясь.—Я не хочу, чтобы вы нашли тамъ казарму...

Онъ быстро повелъ дѣло. Деньгами онъ не стѣснялся, такъ какъ, до окончательнаго ввода его во владѣніе, Успенскій ссудилъ его довольно значительною суммой,—разсчитался тутъ же за Акулинскую движимость съ повѣреннымъ Ольги Елпидифоровны и немедленно велѣлъ отправлять ее въ имѣніе. Ближайшій надзоръ за этимъ поручилъ онъ Анфисѣ, все еще остававшейся добровольно при домѣ, за болѣзнью приставленнаго къ нему Ранцовымъ довѣреннаго слуги, Сергѣя, и которая къ этому приложила всевозможное стараніе. Вслѣдъ за вещами отправилъ онъ принимать ихъ во Всесвятское архитектора, обойщика и столяра, назначивъ свой выѣздъ позднѣе.

Какъ ни глупо казалось это ей самой и какъ ни старалась она этого избѣгнуть, но, прощаясь съ нимъ на лѣстницѣ, Александра Павловна не выдержала и заплакала.

— Ну, не буду, Борисъ, не буду! воскликнула она тутъ же, пересиливая себя и глядя ему въ глаза, боясь прочесть въ нихъ выраженіе нетерпѣнія или неудовольствія, — только по вечерамъ будетъ такъ скучно! промолвила она ему на ухо, пока онъ наклонился къ ея рукѣ.

Троекуровъ обернулся съ улыбкой къ провожавшему его

въ числѣ другихъ Ашанину, который послѣ ихъ прогулки въ саняхъ зачастилъ, какъ это періодически происходило у него съ тѣмъ или другимъ изъ знакомыхъ ему домовъ, каждый почти день къ Лукояновымъ.

— Владиміръ Петровичъ, будьте добры, найдите такое средство, чтобъ Александру Павловну заставить три вечера сряду думать о предметѣ, нѣсколько болѣе интереснымъ, чѣмъ поѣздка моя во Всесвятское!

— Трудно, батюшка, трудно! засмѣялась, покачивая головой, Марья Яковлевна.

— Будьте покойны, средство есть! отозвался на это рѣшительнымъ тономъ Ашанинъ: — явлюсь съ нимъ нынче же вечеромъ. А теперь возьмите меня съ собою, Борисъ Васильичъ, и киньте на Кузнецкомъ мосту,—вы мимо ѣдете...

— Отлично! Ѣдемъ!..

Вечеромъ, къ чаю, за которымъ, кромѣ домашнихъ, сидѣли Женни Карнаухова и Ламартинъ-Овцынъ, нашъ Донъ-Жуанъ явился къ Лукояновымъ съ книгою въ рукѣ.

— Это что-ли средство ваше? усмѣхнулась Марья Яковлевна, кивнувъ на нее подбородкомъ.

— Самое оно и есть.

— Ну ужь!.. (Марья Яковлевна никогда не питала особенной страсти къ книгамъ, а послѣднее время „ученость“ племянника и племянницы внушила ей къ нимъ даже рѣшительную антипатію).

— А вотъ дайте начну, а потомъ и увидите, молвилъ на это невозмутимо Ашанинъ. — Я впрочемъ не васъ пріѣхалъ лѣчить, а Александру Павловну.

— А что это вы привезли? спросила дѣвушка.

— *Дворянское гнѣздо* Тургенева; я вѣдь знаю, что въ этомъ домѣ его не читали до сихъ поръ.

— Я читала, молвила небрежно Кира.

— Чего ты не читала! сквозь зубы пропустила на это тетка.

Княжна какъ бы не слышала...

— On dit que c'est très joli, встрепенулась Женни, которой maman Dodo и до сей минуты не дозволяла читать ни-

чего, кромѣ англійскихъ романовъ, и притомъ почти исключительно тѣхъ лишь, авторами которыхъ были женщины.

— Превосходная вещь, а въ чтеніи Владиміра Петровича выиграетъ вдвое, галантерейно подтвердилъ Ламартинъ.

Ашанинъ раскрылъ книгу и, не откладывая, началъ чтеніе тутъ же за чайнымъ столомъ.

Читалъ онъ, дѣйствительно, очень хорошо; онъ умѣлъ увлекать и увлекался самъ. Публика его, послѣ первыхъ, довольно холодно прослушанныхъ страницъ, унесена была имъ.

Сашенька слушала все внимательнѣе, съ пробѣгавшими то-и-дѣло въ темныхъ глазахъ ея искорками сочувствія и глубокаго внутренняго наслажденія. Ламартинъ-Овцынъ, забывъ о клубѣ, не подымался со стула и только покачивался на немъ какъ бы въ ритмъ музыкальному языку произведенія, значительно и самодовольно улыбаясь каждый разъ, когда, въ его понятіи, „авторъ тонкимъ штрихомъ намекалъ на *оппозиціонный* характеръ убѣжденій“ своего героя. Женни Карнаухова такъ и подпрыгивала отъ восторга, возносила глаза къ потолку и восклицала отъ времени до времени: „Ravissant“, „adorable“, „comme il connait le coeur féminin!“ (Она, по старой привычкѣ отождествлять себя съ героиней каждаго читаемаго ею англійскаго *novel*, переносила себя всецѣло въ образъ Лизы и по этому случаю глядѣла теперь на Донъ-Жуана-чтеца такими пожирающими глазами, какими, конечно, и въ голову бы не пришло тихой, сдержанной Лизѣ смотрѣть на „медвѣдя“ Лаврецкаго). Сама Марья Яковлевна, вся застывъ въ нескончаемой кирасѣ своего корсета, видимо любопытствовала, хотя нѣсколько и оскорблялась тою „дурацкою ролью“, говорила она, которую „во всемъ этомъ“ играла такая же, какъ она, маменька, и даже „теска ей“, Марья Дмитріевна Калитина *).

— У этихъ новыхъ сочинителей, извѣстно, говорила она въ перерывахъ чтенія, — всѣ молодые не-вѣсть какіе умные, а всѣ старые дрянцо; по нынѣшнему же времени, я почитаю, что это даже совсѣмъ напротивъ, добавляла она, косясь то на

*) Мать героини романа.

племянницу, то на золотыя очки на длинномъ носѣ своякa своего, Овцына...

Кира, уложивъ голову на руку и опустивъ глаза, слушала въ свою очередь въ томъ глубокомъ безмолвіи и неподвижности, которыя составляли какъ бы ея особую спеціальность и имѣли даръ непомѣрно оскорблять и „выводить изъ себя“ ея впечатлительную, горячую и ребячески-невоздержную въ выраженіи впечатлѣній своихъ тетку.

Чтеніе протянулось до ужина, и по общему желанію положено было продолжать его на слѣдующій день „съ самаго послѣ-обѣда и до тѣхъ поръ, пока хватитъ у Владиміра Петровича голоса“, къ чему самъ Ашанинъ смѣясь прибавилъ: „и даже послѣ того, какъ *онаго* у меня не окажется.“

Такъ и случилось. Начавъ въ половинѣ шестаго, онъ къ одиннадцати, изнеможенный чтеніемъ, которое не чувствовалъ себя въ силахъ перервать хотя на мгновеніе, уже хрипѣлъ и задыхался отъ устали и накипа пережитыхъ имъ художественныхъ ощущеній, передавая послѣднія страницы романа.

„Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы“, читалъ онъ глубоко тронутымъ голосомъ прощаніе Лаврецкаго съ юнымъ поколѣніемъ столь дорогаго ему нѣкогда „Калитинскаго дома“,—„жизнь у васъ впереди и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ-бы уцѣлѣть,—и сколько насъ не уцѣлѣло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать...“

— Святая истина! раздался вдругъ неумѣстнымъ диссонансомъ въ гармоніи общаго усиленнаго и трепетнаго вниманія голосъ Ѳедора Ѳедоровича Овцына,—немногіе уцѣлѣли изъ насъ, немногіе!...

Всѣ глаза обернулись на него съ негодованіемъ.

— Да не мѣшай! крикнула на него, махая рукой, хозяйка.

Ашанинъ дочиталъ... Натянутые нервы его слушательницъ не выдержали:

— До слезъ вѣдь хорошо, до слезъ! всхлипнула Марья Яковлевна.

Сашенька тихо плакала, закрывъ лицо платкомъ. Пылкая

Женни рыдала уже громко, словно на панихидѣ... Сама Кира поводила кругомъ какими-то смягченными взорами...

— Художникъ, да-съ, большой художникъ! возгласилъ опять старый Ламартинъ, вставая въ ростъ и расправляя свои длинныя ноги,—и какъ вѣрно отмѣтилъ: мало изъ насъ, дѣйствительно, мало кто „уцѣлѣлъ!“...

— Изъ какихъ это *васъ?* послышался неожиданно рѣзкій голосъ Иринарха Овцына (онъ вошелъ къ концу чтенія и сѣлъ у дверей, незамѣченный никѣмъ): — изъ, то-есть, какъ ты, *вдовцовъ французской республики* тысяча *восемьсотъ* сорокъ восьмаго года?

Онъ подошелъ къ отцу хихикая, насмѣшливо поглядѣлъ на него и пожалъ плечами.

— Мое почтеніе! проговорилъ онъ тутъ же сквозь зубы, встрѣтивъ разгнѣванный и вызывающій взглядъ тетки, готовой сейчасъ же, онъ зналъ, *оборвать* его, и съ которою онъ не почиталъ нужнымъ ссориться, какъ ни кипѣла въ немъ желчь въ эту минуту.

Онъ злился и на это чтеніе, и на то, что̀ именно прочтено было, и на „успѣхъ“, какой выпадалъ при этомъ на долю Ашанина, — злился въ особенности на то, что все это „повліяло“ на Киру, на то, „почти растроганное“ выраженіе (онъ все время не отрывалъ отъ нея взгляда изъ своего угла), которое читалъ онъ теперь на ея лицѣ...

— Да что̀-жь, Ира, говорилъ между тѣмъ, нѣсколько заикаясь, смущенный, какъ всегда въ присутствіи сына, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—ты никакъ отрицать не можешь, что, какъ говоритъ Лаврецкій, если вамъ дѣйствительно приходится теперь „дѣло дѣлать“, то мы могли только „бороться и падать“ среди мрака. Но вѣдь все же мы были *носителями идеи*, Ира, да, — протянулъ онъ, значительно и даже таинственно понижая голосъ,—и васъ, что̀ тамъ ни говори, приготовили— *мы!*

— Тряпки, то-есть, въ родѣ твоего Лаврецкаго? отпустилъ съ глубокимъ презрѣніемъ Иринархъ.

— Откуда же было у насъ взять характеровъ? уже слезливо воскликнулъ Ламартинъ, прижимая умоляющимъ же-

стомъ растопыренную пятерню длинныхъ и костлявыхъ пальцевъ къ лацкану своего застегнутаго фрака, — ты ужь не маленькимъ совсѣмъ былъ, долженъ помнить, каково время-то наше было!

— Помню, возразилъ сынъ съ новымъ хихиканьемъ, — помню, напримѣръ, какъ неповинныя тысячи сыновъ народа водили съ палками вмѣсто ружей на убой дальнострѣльныхъ англо-французскихъ винтовокъ, а ваша либеральная братія радовалась, что ихъ бьютъ, какъ побѣдѣ цивилизаціи — вашей *буржуазной* цивилизаціи—надъ варварствомъ. Отъ тебя вѣдь слышалъ эти умныя слова!...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ быстро разстегнулъ фракъ, вытащилъ часы и торопливо проговоривъ: „пора мнѣ однако!“ подошелъ прощаться къ *ручкѣ* хозяйки, занятой въ это время выраженіемъ благодарности Владиміру Петровичу за его прелестное чтеніе, но которой это нисколько не мѣшало прислушиваться обоими ушами къ пренію отца съ сыномъ.

— Плодами дѣлъ своихъ можешь любоваться, батюшка. возгласила она громко, машинально протягивая губы къ его лбу, пока онъ наклонялся къ ея рукѣ; — молодца взрастилъ, нечего сказать, молодца!...

Бѣдный Ламартинъ не то вздохнулъ, не то усмѣхнулся. раскланялся галантерейно съ дамами, пожалъ съ чувствомъ находу локоть Ашанина и поспѣшными шагами вышелъ изъ комнаты.

Марья Яковлевна тотчасъ же обратилась къ Иринарху:

— Отецъ твой съ большаго характера привыкъ предъ тобою пасовать; ну, а у меня, батюшка, и свой царь въ головѣ есть, авось предъ умомъ твоимъ и не струшу. Почему это по-твоему, скажи на милость, Лаврецкій этотъ—„тряпка“?

Студентъ судорожно повелъ своими безцвѣтными губами:

— А по-вашему, онъ—*человѣкъ?*

— А чѣмъ не „человѣкъ“, по-твоему?

Онъ чувствовалъ, что она его „допекаетъ“ и хочетъ „къ углу прижать“, и что дальнѣйшій разговоръ по этому поводу долженъ непремѣнно вызвать бурю.

— Очень ужь онъ грузенъ и тяжелъ на подъемъ, сказалъ онъ уклончиво подъ видомъ шутки.

Но въ то же время глаза его встрѣтились съ обернувшимися на него глазами Киры. „Что же ты, отступаешь?“ насмѣшливо, показалось Иринарху, говорили они ему...

Онъ весь загорѣлся вдругъ.

— Что можно другаго сказать, желая выражаться *учтиво*, поспѣшилъ онъ добавить къ первымъ словамъ своимъ,—про такого господина, которому счастіе само дается въ руки, и который, въ виду перваго затрудненія и смущаясь всякими старыми бреднями, добровольно отказывается отъ него и, поджавъ хвостъ, ретируется, какъ послѣдній изъ пошляковъ?...

— Какъ это такъ „ретируется“? воскликнула Марья Яковлевна;—что-жь ему дѣлать было, когда жена его не померла и пріѣхала къ нему?

— Такъ что же такое?

— Какъ что? Значитъ, жениться ему на Лизѣ нельзя было.

Губы Иринарха задергало снова:

— Да любилъ онъ ее, или нѣтъ?

— Конечно, любилъ.

— А она его?

— Если-бъ не любила, не пошла бы она съ отчаянія въ монастырь, вмѣшалась въ разговоръ Сашенька.

— Въ этомъ-то и пошлость! фыркнулъ Овцынъ.

— Неужели, d'après vous, ей лучше было бы épouser cet affreux Паншинъ? визгнула въ свою очередь Женни, отирая глаза.

Иринархъ еще разъ глянулъ въ сторону княжны Киры. Она склонилась надъ своею работой и какъ бы не слушала.

— Когда люди любятъ другъ друга не салоннымъ, дряблымъ чувствомъ, а искреннею страстью, вымолвилъ онъ особенно рѣзко, какъ бы съ тѣмъ, чтобы вызвать ея вниманіе,—нѣтъ соображеній, какъ и не можетъ быть препятствій для нихъ къ удовлетворенію влекущаго ихъ другъ къ другу естественнаго и вполнѣ законнаго стремленія!

Марья Яковлевна такъ и всколыхнулась:

— То-есть, это, батюшка, по-нашему, по-русски, то значитъ, что ей, Лизѣ, надо было бѣжать изъ родительскаго дома, да еще съ женатымъ человѣкомъ. Такъ оно по-твоему, или нѣтъ?

— Вы сказали! хихикнулъ онъ на это.

— То-есть, продолжала Марья Яковлевна, все болѣе разгорячаясь,—чтобы честная дѣвушка сдѣлала изъ себя потерянную женщину?

— Зависитъ отъ понятій, отрѣзалъ онъ въ отвѣтъ:—по вашему міровоззрѣнію—„потерянная“, а съ естественной и здравой точки зрѣнія, *честность* ея только бы и началась съ той минуты, когда-бъ она рѣшилась разорвать путы пошлой старой морали и слѣдовать открыто прямому влеченію своей природы.

Марья Яковлевна уже не въ силахъ была сдержать свой гнѣвъ:

— Да какъ ты смѣешь,—вся багровая, закричала она на него,—какъ ты смѣешь въ моемъ домѣ... при дѣвушкахъ, проповѣдывать такія мерзости!... Если отецъ твой довелъ свою слабость до того, что ты чуть его не бьешь... если тебя здѣсь можетъ кто и слушаетъ съ удовольствіемъ,—и она сверкнула взглядомъ въ сторону племянницы,—такъ я тебѣ этого не позволю никогда, слышишь!

— Такъ вѣдь сами вы спросили, я вамъ и отвѣчалъ; не стану врать изъ угоды вамъ! нагло отпустилъ онъ въ свою очередь, чувствуя, что сожигаетъ свои корабли, но держа прежде всего въ мысли „не показаться трусомъ“ въ глазахъ Киры.

— Иринархъ! вскликнула перепуганно Александра Павловна, подымаясь съ мѣста.—Maman, прошу васъ, оставьте это!...

Но Марья Яковлевна, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, была тѣмъ болѣе оскорблена, чѣмъ справедливѣе было возраженіе, что сама же она его вызвала на отвѣтъ:

— А я тебя прошу выйти вонъ, крикнула она на него,—я твоихъ дерзостей слушать не хочу!

Иринархъ поднялъ на нее глаза, полные неисходной зло-

бы... Губы его перекосились, какъ бы готовясь разразиться потокомъ язвительныхъ словъ... Но онъ сдержался, кивнулъ презрительно головой и съ мѣста, никому не кланяясь, быстрыми шагами направился къ двери.

Не доходя до нея, онъ остановился подлѣ Киры, сидѣвшей по своему обыкновенію одна на концѣ стола, и протянулъ ей руку.

— До *свиданія*, Кира Никитишна! громко, вызывающимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— До свиданія, машинально повторила она, равнодушно подавая ему свою.

— Только не въ моемъ домѣ, конечно! послышался слѣдомъ за этимъ возгласъ разбѣшенной Марьи Яковлевны, между тѣмъ какъ онъ, энергическимъ движеніемъ пожавъ пальцы княжны, исчезалъ за дверью.

Княжна воззрилась въ нее черезъ столъ съ какою-то странною усмѣшкой и высоко приподняла плечи.

Умоляющій взглядъ Александры Павловны остановилъ вовремя срывавшееся съ устъ ея матери рѣзкое, непоправимое уже, быть можетъ, слово...

Кира вернулась къ своему мѣсту, собрала со стола лежавшія на немъ шитье, ножницы и катушки нитокъ, уложила все это въ свой рабочій ящикъ, обвела присутствовавшихъ общимъ кивкомъ и вышла изъ столовой.

Послѣдовало общее, тяжелое молчаніе. Никто словно не смѣлъ поднять глазъ на другаго. Хозяйка, съ багровыми пятнами на лицѣ, порывисто дышала подъ своею кирасой, упрекая себя внутренно за излишнюю горячность и въ то же время усиленно доказывая себѣ, что поступить такъ, какъ она поступила, былъ ея „прямой священный долгъ“, и что она, конечно, чрезъ порогъ свой не допуститъ болѣе въ жизни этого „мерзавца“, а что касается до того, чтобъ *она* (то-есть Кира) видѣлась съ нимъ въ другомъ мѣстѣ, — „такъ это мы еще посмотримъ!“.. Ашанинъ, упершись взглядомъ въ скатерть, молча барабанилъ по ней ногтями: „шутъ-то вѣдь этотъ гороховый на сочувствіе ея, пожалуй, разсчитываетъ“, разсуждалъ онъ мысленно про Иринарха и княжну, „а онъ для

нея букашка и взгляда не стоящая"... У Сашеньки отъ волненія то-и-дѣло выступали слезы на рѣсницахъ. Сконфуженная Женни сидѣла подлѣ нея, размышляя въ свою очередь, что „эта Кира навѣрно ужь *убѣжала бы* съ Лаврецкимъ, если-бы была на мѣстѣ Лизы Калитиной... да что впрочемъ и сама она, Женни, право, не знала бы, какъ поступить, если бы *такой*, женатый, человѣкъ ей *ужь очень* нравился"...

Она первая сочла нужнымъ заговорить „pour rompre ce silence glacé":

— Борисъ завтра будетъ? спросила она Сашеньку.

— Надѣюсь, да! встрепенулась та. И быстро понижая голосъ:—если-бъ онъ былъ тутъ, ничего бы этого не случилось, прошептала она ей на ухо.

Слуги вошли съ приборами. Но Женни поспѣшила встать и объявила, что ее ждутъ дома. Ашанинъ послѣдовалъ ея примѣру: онъ понималъ, что никому не до ѣды теперь... По ихъ отъѣздѣ мать и дочь тотчасъ же, не прикасаясь къ ужину и не размѣнявшись ни единымъ словомъ, разошлись по своимъ комнатамъ.

XXIII.

...Душа ея
Была изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы.

Лермонтовъ.

Вернувшійся на слѣдующій день Троекуровъ успокоилъ всѣ тревоги Сашеньки, которая подъ впечатлѣніемъ происшедшей наканунѣ *сцены* всю ночь спать не могла. Онъ доказалъ ей, что ничего такого особенно „ужаснаго“, какъ выражалась она, тутъ не было, что, конечно, можно пожалѣть о томъ, что „*maman* черезъ-чуръ разгорячилась и *прогнала этого господина* со слишкомъ большимъ *трескомъ*, вслѣдствіе чего онъ можетъ почитать себя въ нѣкоторой мѣрѣ оскорбленнымъ ею,—но что рано или поздно она, все равно, вынуждена была бы закрыть ему двери своего дома“... „Онъ вамъ родня“, говорилъ Борисъ Васильевичъ, „и я очень понимаю, что вамъ его жаль, жаль и что *maman* съ нимъ такъ строго поступила, а съ другой стороны что и самъ онъ, какъ я понимаю, какой-то озлобленный неудачникъ, котораго ждетъ самое печальное будущее“...

— Да, говорила Александра Павловна,—потому что въ этомъ главнымъ образомъ виноватъ не онъ, а тѣ, какъ его воспитали. Вы знаете теперь дядю Овцына. Тетя умерла, когда Ирѣ не было еще девяти лѣтъ, и онъ остался на ру-

кахъ отца. А тотъ ничего въ жизни, кромѣ своихъ belles phrases, не дѣлалъ и въ карты игралъ. Онъ совсѣмъ иногда забывалъ о бѣдномъ мальчикѣ, по цѣлымъ днямъ не возвращался домой, забывалъ кормить его и одѣвать. Ира къ намъ тогда черезъ всю Москву бывало во всякую погоду пѣшкомъ ходилъ обѣдать... Онъ съ начала былъ въ пансіонѣ, но не хотѣлъ тамъ остаться потому, что тамъ были у него богатые товарищи, которые смѣялись надъ его порванными сапогами, жаловался онъ намъ тогда... Онъ этого выдержать не могъ. Тогда отецъ отдалъ его въ гимназію и взялъ ходить къ нему на домъ повторять уроки одного семинариста, отъ котораго, я знаю, и научился Ира всему тому вздору, который онъ говоритъ.

— Все это прекрасно, возражалъ Троекуровъ,—но его „вздоръ“ однако не такого сорта, чтобы быть терпимымъ... Изъ того, напримѣръ, что у него вырывается громко, при всѣхъ, можно себѣ представить, что онъ проповѣдывалъ кузинѣ вашей, княжнѣ Кирѣ, въ теченіе тѣхъ безконечныхъ часовъ, которые проводилъ онъ до сихъ поръ съ нею совсѣмъ почти наединѣ... Какъ мы съ вами теперь, Сашенька, но безъ тѣхъ же правъ, какъ мы на это, заключалъ онъ, улыбаясь и цѣлуя ея руку.

— Кирѣ нечего научаться отъ него, Борисъ, повѣрьте, молвила съ такою же улыбкой счастливая невѣста:—она гораздо умнѣе его.

— Положимъ. Ну, а сами вы на мѣстѣ *maman*, почти строго проговорилъ онъ,—потерпѣли бы вы, чтобы въ вашемъ домѣ проповѣдывали все это дѣвушкѣ, сиротѣ, которой вы замѣняете мать?

— Нѣтъ... Конечно, нѣтъ! согласилась невольно Сашенька со вздохомъ внезапнаго облегченія.

Такое же облегченіе почувствовала и Марья Яковлевна, узнавъ объ аппробаціи ея поступка будущимъ ея зятемъ, который все болѣе и болѣе подымался въ ея глазахъ на степень неопровержимаго авторитета. Она возсіяла вся и въ неоспоримомъ уже теперь для нея сознаніи своей правоты рѣшила отнестись какъ можно „снисходительнѣе“ къ „этой

сумасшедшей Кирѣ", какою почему-то представилась ей въ ту минуту ея мятежная племянница, „которая вѣчно на сторонѣ этого *скверная мальчишки стоитъ*".

Но она никакъ не ожидала того, чѣмъ въ тотъ же день должна была озадачить ее эта племянница.

Минутъ за десять до обѣда весь домъ, по обыкновенію, собрался въ большой бѣлой гостиной въ ожиданіи оповѣщенія буфетчикомъ торжественнаго: „кушанье готово!" Недоставало только Киры. „Дуется еще, пожалуй, со вчерашняго, не сойдетъ", тревожилась внутренно Марья Яковлевна и съ обычною своею торопливостью и нетерпѣніемъ обратилась къ карлику Памфилу Ивановичу:

— Сходи сейчасъ наверхъ къ княжнѣ и спроси, будутъ ли онѣ кушать?

Но въ это время сама княжна появилась въ дверяхъ комнаты.

— А-а! Здравствуй! протянула Марья Яковлевна, привѣтливо улыбаясь ей: — я сегодня проспала, не выходила къ завтраку, не видала тебя еще... Здорова?

Кира наклонилась безмолвно и холодно.

— Письмо какое-то было тебѣ загородное, принесли съ моими,—я послала къ тебѣ. Получила?

— Какъ же, благодарю васъ...

— Изъ Петербурга по штемпелю, продолжала г-жа Лукоянова:—отъ кого это? спросила она небрежно.

Кира помолчала, подняла потомъ глаза на тетку и проговорила медленно и отчетливо:

— Я въ Петербургъ переѣзжаю, такъ это объ этомъ...

— Что-о? вскрикнула и такъ и замерла Марья Яковлевна.

Княжна молча вынула изъ кармана исписанную почтовую четвертушку и протянула ей.

Все бывшее въ комнатѣ подняло на нее вопрошавшіе и недоумѣлые глаза, пока Марья Яковлевна, принявъ отъ нея листокъ задрожавшею нервно рукою, принималась жадно разбирать его.

Кира обвела кругомъ себя спокойнымъ и какъ бы невольно насмѣшливымъ взглядомъ. Какъ ни была она сдер-

жанна, но зорко глядѣвшій на нее Троекуровъ прочелъ въ этомъ взглядѣ какое-то презрительное торжество: „А вы думали въ самомъ дѣлѣ, что я способна буду терпѣть долѣе вашу компанію!“ словно говорилъ онъ.

Письмо было отъ старой камеръ-фрейлины Охвостовой, приходившейся теткой покойной матери Киры,—особы, пользовавшейся уваженіемъ и даже извѣстнымъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ,—и говорило слѣдующее:

„Ma chère enfant,—

— Tenant fort à coeur de vous prouver tout l'intérêt que je prends à votre position d'orpheline, je me suis empressée de soumettre à qui de droit le désir que vous m'exprimez dans votre lettre. Une circonstance fortuite et très inattendue, le mariage de la baronne de Hagern avec le jeune comte Nataschantzef, étant venue tout particulièrement en aide aux démarches que je faisais en votre faveur, je me fais une vraie fête de vous annoncer que votre demande a été gracieusement agréée par Son Altesse Impériale et a déjà même obtenu l'assentiment Suprême. Je suis heureuse de vous dire que vous devez cette haute faveur tant aux éminents services rendus à la patrie par feu le prince votre père, qu'à l'impression toute favorable faite par votre personne elle-même sur Son Altesse Impériale, à laquelle vous avez eu l'honneur d'avoir été présentée à Bade et qui en a gardé un très bon souvenir... *).

Княжна Кубенская назначалась фрейлиной къ одному изъ

*) Милое дитя, желая отъ всего сердца доказать вамъ все то участіе, которое внушаетъ мнѣ ваше сиротское положеніе, я довела до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о желаніи выраженномъ вами въ письмѣ ко мнѣ. Случайное и весьма неожиданное обстоятельство, помолвка баронессы Гагернъ съ молодымъ графомъ Наташанцевымъ, пришло особенно кстати на помощь моему о васъ ходатайству, и я почитаю для себя настоящимъ праздникомъ извѣстить васъ, что ваша просьба принята весьма милостиво Ея Императорскимъ Высочествомъ и удостоилась уже Высочайшаго соизволенія. Вы одолжены этою высокою милостью столько же превосходнымъ заслугамъ покойнаго князя, отца вашего, сколько и благопріятному впечатлѣнію, какое произвели вы и сами на Ея Императорское Высочество, которой вы имѣли честь представляться въ Баденѣ и которая сохранила объ этомъ очень хорошее воспоминаніе...

„малыхъ“ дворовъ. Въ письмѣ читалось далѣе, что официальную бумагу о назначеніи своемъ она получитъ на дняхъ чрезъ Московскаго генералъ-губернатора, послѣ чего совѣтовалось ей поспѣшить пріѣздомъ, такъ какъ баронесса Гагернъ, преемницею которой должна была поступить она, покидаетъ дворъ, уѣзжая въ Курляндію, къ роднымъ, до свадьбы, назначенной послѣ Пасхи. Писавшая заключала повторительнымъ поздравленіемъ съ высокою милостью, которой удостоивалась княжна, и приглашеніемъ, по прибытіи въ Петербургъ, остановиться у нея, Охвостовой, пока не опростается во дворцѣ, гдѣ должна была жить Кира, аппартаментъ ея предшественницы.

Марья Яковлевна, начавшая было читать громко, не въ силахъ была дойти до конца. Она какимъ-то безпомощнымъ движеніемъ опустила руку съ письмомъ и подняла на Киру не то оскорбленные, не то опечаленные глаза.

— Не ожидала, признаюсь, проговорила она:—побольше, кажется, довѣрія отъ тебя заслуживала! — И переходя для большей язвительности съ *ты* на *вы*: — Я, вы очень хорошо знаете, никогда ни въ чемъ вамъ не препятствовала; какъ для себя лучшимъ почитали, такъ всегда и дѣлали, а я, тетка вамъ родная, въ сторонѣ стояла, и только гляжу иной разъ и... удивляюсь только... Такъ прятаться отъ меня и бѣжать теперь, сюрпризомъ, изъ моего дома, я ужь и не знаю, для чего вамъ понадобилось...

Ноздри Киры надменно раздулись.

— Не въ моихъ привычкахъ прятаться и бѣгать, тетушка, промолвила она съ насилованною усмѣшкой, — и никакого сюрприза я не намѣрена была вамъ дѣлать. Не говорила я вамъ *объ этомъ* раньше потому, что не знала, будетъ оно или не будетъ, а тѣшить себя и другихъ пустыми чаяніями я не люблю.

Глаза Марьи Яковлевны заискрились,—но, замѣтивъ тревожныя лица, съ какими слѣдили за нею Александра Павловна и ея женихъ, она воздержалась, какъ Гомеровскій Одиссей отъ „крылатаго слова“, и проговорила, какъ могла толь-

ко спокойнѣе, между тѣмъ какъ губы ея еще нервно вздрагивали:

— Конечно, въ петербургскомъ дворцѣ поинтереснѣе для дѣвушки, чѣмъ на Арбатѣ сидѣть... Могу только поздравить тебя съ этимъ... И скоро ты такимъ образомъ думаешь ѣхать?

— Какъ соберусь, тетушка... Вы читали, la tante Okvostof пишетъ, что надобно скорѣе...

— И къ Сашенькиной свадьбѣ, разумѣется, не пріѣдешь?

— Постараюсь... если только можно будетъ... промямлила Кира. Эти вопросы видимо докучали ей...

Александра Павловна поспѣшила вмѣшаться. Она поднялась съ мѣста и, подойдя къ кузинѣ, обняла ее:

— Зачѣмъ загадывать заранѣе, maman? веселымъ тономъ заговорила она:—пріѣдетъ, я увѣрена, если пустятъ; а если нѣтъ, такъ вѣдь она не виновата будетъ...

— Какъ не виновата птица, попавшая въ раззолоченную клѣтку, въ унисонъ этому тону промолвилъ Троекуровъ.

Кира быстро подняла глаза и вопросительно воззрилась на него. „Что это: укоръ или предупрежденіе?“ словно говорили они.—„Что вамъ будетъ угодно!“ отвѣчали имъ невозмутимо глядѣвшіе на нее его глаза...

— Кушанье готово!..

И, вслѣдъ за появившимся въ дверяхъ красноносымъ Архипомъ, влетѣлъ въ комнату Шйгаревъ:

— Ну, была игра, могу сказать, была! хохоталъ онъ, мотая головой и голосомъ Садовскаго въ роли Расплюева,—боксомъ, то-есть, настоящимъ боксомъ, насилу ноги унесъ!..

— Гдѣ это, батюшка, кто тебя обидѣлъ? заголосила, вся внезапно взрываясь, Марья Яковлевна, которую всякое подобное шутовство имѣло постоянно способность развлекать и тѣшить, какъ бы ни была она озабочена.

— А все же она, умница моя разумница, Аглая! гаерничалъ онъ: — вѣдь я ее въ Питеръ-то послалъ, помните, сыномъ напугалъ, что онъ будто на француженкѣ-актрисѣ жениться хочетъ.

— Ну, какъ же, да! Что-жь она, вернулась?.. И съ сы-

какъ экспликація была? допрашивала уже съ тревожнымъ любопытствомъ хозяйка.

— Само собою, отвѣчалъ шутъ продолжая надрываться;— „Basile mon fils“, вы понимаете, забрыкалъ и руками, и ногами: „Откуда вы-молъ это выдумали?“ А она ему: Я, говоритъ, знаю, que vous voulez épouser cette vilaine Lucie Ladrague“. А онъ ей: „Vous mentez, maman!“ А она ему: „Comment est ce que vous osez!“ А онъ ей: „Съ такою непроходимою, какъ ты, все очень можно“...

— Что̀ это, батюшка! вскликнула, прерывая его, Марья Яковлевна:—сынъ ее въ глаза дурой назвалъ?

— Ну, не назвалъ, а въ томъ же родѣ, должно-быть, сказалъ, объяснилъ не смущаясь Шѝгаревъ, — только она, разумѣется, сейчасъ меня и выдала: „Вотъ-молъ кто меня на счетъ этого напугалъ“. „Basile mon fils“ на это гусарскую свою прыть впередъ: „Я, говоритъ, его—то-есть меня грѣшнаго—за это на дуэль вызову!“ Съ этимъ она и уѣхала. Пріѣзжаетъ она вчера сюда, за мною сейчасъ шлетъ. Я, само собою, поспѣшилъ: потѣха будетъ, чувствую... Въ самомъ дѣлѣ, гляжу, глазища-то у нея въ кегельные шары выросли, такъ и наровятъ *коном*ъ меня сбить. Съ первыхъ же словъ такъ и огорошила: „Vous courez un grand danger, monsieur Шѝгаревъ“, говоритъ, „vous savez comme mon fils Basile tire bien du pistolet“.—Не слышалъ никогда, говорю, а если дѣйствительно, такъ чего-жь лучше!—А она мнѣ на это: „Ne plaisantez pas, parce qu'il veut vous tuer pour avoir voulu le calomnier à mes yeux“... Ну, знаете, я такъ и померъ... А она тутъ и пошла, и пошла“. Vous savez, говоритъ, que semer la zizanie — и откуда вѣдь слова такія беретъ? — entre une mère et un fils est un grand pèché devant Dieu et un crime contre les lois du gouvernement...

— Что̀ вы! такъ и прыснула Марья Яковлевна, замахавъ отъ избытка удовольствія своими большими руками.

— Обѣдъ поданъ, maman, напомнила ей Александра Павловна.

— Ну, пойдемте, пойдемте!..

„Аглаина глупость“, по выраженію Марьи Яковлевны,

продолжала служить мотивомъ разговора и во все время обѣда. Разговаривали впрочемъ почти исключительно она и ея гость. Троекуровъ невольно то-и-дѣло поморщивался, и невѣста его, замѣчая это, поглядывала на мать и нѣсколько разъ пыталась навести ее на какой-либо другой предметъ бесѣды. Но Марья Яковлевна чувствовала себя на верху блаженства отъ скоморошескихъ выходокъ Шигарева; она вторила ему и поощряла на новый вздоръ, поддакивая, подмигивая и одобрительно покачивая головой. О „сумашедшей“ и „неблагодарной“ племянницѣ она видимо позабыла и думать въ эту минуту...

А та, сжавъ вдумчиво брови и не прикасаясь почти къ своей тарелкѣ, сидѣла погруженная въ глубокое внутреннее раздумье,—только зеленые, непроницаемые глаза ея подымались иной разъ, какъ бы украдкой на жениха ея кузины и съ выраженіемъ какой-то будто неудовлетворенности опускались опять. Онъ это замѣчалъ и въ свою очередь взглядывалъ на нее отъ времени до времени, пощипывая усы и не то разсѣянно, не то задумчиво усмѣхаясь.

Едва встали изъ-за стола, какъ Александру Павловну поманила къ себѣ пальцемъ Катерина Борисовна и проговорила ей таинственно на ухо, что ее „на верху“ ждетъ швея „насчетъ кофточекъ“.

— Опять что-нибудь примѣривать? спросилъ, пожимая плечами, Троекуровъ.

— Что дѣлать! чуть не жалобно молвила извиняясь Сашенька;—я сейчасъ приду, Борисъ... Это вы знаете, кто пришелъ? Наша protégée Анфиса, которая вамъ вещи и картины отправляла, и вы такъ еще были довольны ею...

Она нѣжно кивнула ему и побѣжала.

Онъ досталъ папироску изъ портсигара, закурилъ ее...

Всѣ прошли уже въ гостиную. Слуги принялись убирать со стола. Одна Кира стояла лицомъ къ окну и безмолвно глядѣла на улицу.

Онъ двинулся съ мѣста, мимо нея.

Она внезапно обернулась къ нему:

— Какъ вы сказали: „золоченая клѣтка“?

Троекуровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее: такъ странно было это неожиданное обращеніе къ нему, послѣ того явнаго недоброжелательства, какое онъ до сихъ поръ имѣлъ право видѣть по отношенію себя въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

— Такъ точно, княжна, отвѣтилъ онъ учтиво и холодно.

Она скрестила руки на груди и уперлась затылкомъ къ рамѣ окна. Слегка прищуренные глаза ея обратились въ одну точку въ стѣнѣ...

— Вы осуждаете меня! медленно уронила она.

Невольная улыбка скользнула по губамъ Троекурова. „Она объясненія хочетъ,—къ чему?“ пронеслось у него въ мысли.

— Вы желаете моего мнѣнія? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да!

— И позволите сказать его съ полною откровенностью?

— Конечно!

— Извольте! улыбнулся онъ еще разъ: — мнѣ кажется, вамъ и такъ *тѣсно*, а отъ золотой проволоки кругомъ шире не будетъ...

— Такъ хоть выше! быстро проговорила она, не давъ ему продолжать. Что-то горькое и надменное заразъ зазвучало вдругъ въ ея голосѣ: — меня не любитъ здѣсь никто, я знаю... и не удивляюсь, pour être aimée il faut être aimable, а я... Что же дѣлать, я въ этихъ рамкахъ не могу...

— А *тамъ* что же вы думаете найти? тихо спросилъ онъ.

— Выше... шире... Я вамъ сказала, глухо отвѣчала она не сейчасъ, все такъ же не отрываясь взглядомъ отъ стѣны.

— А потомъ?

— Не знаю... Увижу!

Онъ зоркимъ, скептическимъ взглядомъ бывалаго петербургскаго человѣка воззрился ей въ лицо.

Но онъ не прочелъ на немъ того, что заподозрилъ на мигъ въ ея словахъ. Недосказанная мысль захватывала далѣе тщеславнаго женскаго разсчета, который думали прозрѣть въ ней его сообразительность и „бывалость“... Его самого какъ бы подняло вдругъ что-то. Онъ объяснилъ себѣ

вдругъ нежданность и стремительность ея рѣчей. Брови его вдумчиво сжались:

— Вы думаете... дѣйствовать? проговорилъ онъ, растягивая, — положимъ, вы успѣете.... Но дѣла бываютъ разныя, княжна, хорошія... и недобрыя...

Она въ свою очередь глянула ему прямо въ глаза широко раскрытыми, заискрившимися глазами:

— Вы думаете, я зла, потому что вижу зло тамъ, гдѣ оно есть?... А вы его не видите?... Сами вы счастливы... или почитаете себя счастливымъ, добавила она съ какою-то какъ бы безсознательною презрительностью,—но неужели вы полагаете отъ этого, что весь окружающій насъ міръ—совершенство изъ совершенствъ?

Онъ закачалъ головой:

— Нѣтъ, и я даже, смѣю думать, имѣлъ болѣе васъ случаевъ убѣдиться, насколько въ немъ несовершенства. Но я знаю и то, что ненавистью никогда еще дурное положеніе не передѣлывалось въ хорошее въ этомъ мірѣ, сказалъ онъ, смягчая по возможности тономъ голоса то, что могло бы показаться ей оскорбительнымъ по сущности.

Ноздри ея вздрогнули.

— Надо прежде всего *знать* и *возненавидѣть* дурное, подчеркнула она,—чтобъ *умѣть* дѣлать добро...

— Не наоборотъ-ли? возразилъ Троекуровъ, — не начать ли съ горячей любви къ добру?... Вы поймете это, Кира Никитишна, промолвилъ онъ съ оттѣнкомъ дружескаго участія,—когда сами полюбите...

Она свысока и иронически прервала его:

— Да, да! Старый Шиллеровскій рецептъ.

flechten und weben
Himmlische Rosen in's irdische Leben *);

и вы полагаете, что у женщинъ теперь не можетъ быть другихъ задачъ и дороги менѣе избитой?

— Попробуйте, если вѣрите въ это! отвѣчалъ онъ съ какимъ-то невольнымъ выраженіемъ жалости.

---

*) Вить и вплетать небесныя розы въ жизнь земную.

Зеленые глаза ея замерцали словно двѣ крупныя звѣзды:

— И не раскаюсь, конечно!...

Она быстро отдѣлилась отъ окна и съ зардѣвшимся лицомъ безмолвно прошла мимо него по направленію къ гостиной.

— Странная какая! сказалъ Троекуровъ, глядя ей вслѣдъ;— но что можетъ изо всего этого выйти въ Петербургскомъ дворцѣ?... Любопытно!

Вернувшаяся „съ примѣриванія“ Сашенька застала его одиноко курившимъ у того же окна, у котораго происходилъ разговоръ его съ Кирой.

— Вы меня все ждали здѣсь, одни? спросила она.

— Ждалъ... какъ всегда...

Онъ тихо взялъ ея руку и съ какою-то особенною нѣжностью прижалъ ее къ губамъ.

О бесѣдѣ своей съ княжною онъ не счелъ нужнымъ передавать ей.

XXIV.

Fare thee well, and if for ever,
Still for ever fare thee well!
Byron.

Дня три спустя княжну Киру провожала на станцію Николаевской желѣзной дороги довольно большая компанія. Кромѣ *своихъ*, тутъ были „завсегдашніе“ дома ея тетки, Ашанинъ, Веретеньевъ, Моховъ, Женни Карнаухова (никогда особенно не дружившая съ отъѣзжавшею, но со дня назначенія ея фрейлиной возгорѣвшая къ ней самою восторженною пріязнью,), и даже гораздо менѣе ей знакомыя двѣ, три маменьки и дочки изъ московскаго бомонда, движимыя тѣмъ соображеніемъ, что пріѣдешь-молъ въ Петербургъ, не мѣшаетъ заручиться этимъ ходомъ на случай придворнаго бала, или даже и поважнѣе чего-нибудь...

Киру повелъ подъ руку Ламартинъ-Овцынъ... Онъ со дня изгнанія Иринарха Марьей Яковлевной проводилъ всѣ вечера свои на Арбатѣ и былъ крайне любезенъ со всѣми, какъ бы желая торжественно доказать, что нисколько не почитаетъ себя солидарнымъ съ сыномъ. Вокругъ княжны онъ какъ-то особенно вился, очевидно намѣреваясь что-то объяснить ей. Но она или занята была своими сборами, или представлялась ему „не въ своей тарелкѣ“, и онъ робко отступалъ предъ этимъ просившимся у него на уста объясненіемъ... Теперь же онъ, выступая съ нею шагъ въ шагъ вдоль длинной линіи ожидавшихъ вагоновъ, почтительно склонивъ къ ней голову *и устремивъ* пристально глаза себѣ подъ ноги, будто чая

каждую минуту попасть ими въ провалъ, говорилъ ей полушопотомъ:

— Смѣю надѣяться, Кира Никитишна, что если бы вамъ что-нибудь понадобилось въ дорогѣ, вы прямо обратитесь къ Иринарху... Онъ тутъ,—ѣдетъ съ вами въ одномъ поѣздѣ, примолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже таинственно, кивнувъ на рядъ вагоновъ втораго класса, мимо котораго проходили они.

Она не отвѣтила,—она и не слышала.

Ламартинъ заговорилъ еще тише:

— Онъ здѣсь, какъ вамъ извѣстно, проживалъ безъ отпуска изъ университета, единственно изъ удовольствія, которое доставляло ему ваше общество...

— Что? разсѣянно спросила она, пробуждаясь изъ раздумья, въ которое погружена была вся.

Онъ вдругъ обробѣлъ опять и, не повторяя сказаннаго, торопливо залепеталъ:

— Я хотѣлъ васъ просить, княжна... Я все-таки отецъ и... и долженъ предвидѣть... Если бы, чего Боже сохрани, надъ Ирой стряслась, говоря по-народному, какая-нибудь бѣда, не откажите быть его, такъ сказать, предстательницею въ высшихъ сферахъ...

Она поглядѣла на него:

— Я сама ничего не знаю... Какъ же вы хотите, чтобъ я... не дотянула она до конца и замолкла.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ замолкъ тоже.

„Вотъ она, птица-то породистая, крылья какъ отросли, она и... А мой *плебей* воображалъ, что она его...“ проносилось у него обрывками въ головѣ. И весьма затруднительно было бы сказать, къ этой-ли „*породистой* птицѣ“, или къ тому, ему близкому существу, котораго онъ, съ его же словъ, называлъ „плебеемъ“, болѣе влеклись при этомъ тайныя сочувствія стараго либерала.

Вслѣдъ за *господами*, съ кожанымъ мѣшкомъ въ одной рукѣ, съ пледомъ „своей барышни“ на другой, шла Анфиса... Не безъ тоскливой внутренней смуты рѣшилась она принять неожиданное предложеніе, сдѣланное ей княжной, по совѣту Александры Павловны (бывшая экономка все это послѣднее

время жила у Лукояновыхъ, работая надъ бѣльемъ невѣсты, и съ каждымъ днемъ возбуждала къ себѣ со стороны той все болѣе расположенія и довѣрія), ѣхать съ нею въ чужой, пугавшій ея воображеніе городъ. Уговорила ее Лизавета Ивановна, случайно зашедшая къ Лукояновымъ послѣ двухъ недѣль, проведенныхъ ею у какого-то больнаго, и къ которой Анфиса тотчасъ же и обратилась за совѣтомъ. Маленькая особа, горячо привязавшаяся къ бывшей „экономкѣ“ за набожность ея и „тихость“, доказывала ей, что ей „*Бога для* безпремѣнно ѣхать надо“.

— Испробовать себя надо, милая, говорила она,—приневолить; вотъ какъ апостолъ сказалъ: *аще можеши свободнымъ быть, тѣмъ паче поработи себя!*

— Барышня-то, говорятъ, нравная очень! возражала шопотомъ Анфиса.

— *Обуянная* она, милая, вотъ что! подтвердила тѣмъ же голосомъ Лизавета Ивановна;—такъ изъ-за этого изъ-за самаго и ѣхать надо съ нею. Кротостью учить ее надо, примѣромъ да молитвой, чтобы сердце у нея умягчилось, на ваше смиреніе глядя... Можетъ, подвигъ большой возлагаетъ на васъ Царица Небесная, перейти же его грѣхъ, ангелъ мой!... Намеднись вотъ невѣста моя золотая, Александра Павловна, сказываетъ мнѣ: „ахъ какъ хорошо бы-молъ, если бы сестрица княжна Анфису съ собой взяли, потому ея Агаѳья неряшлива и лѣнива“. Очень вы полюбились Александрѣ-то Павловнѣ, милая; сама-бъ она васъ къ себѣ взяла, да по добротѣ своей безконечной прежде всего не о себѣ, а о сестрѣ-сиротѣ подумала, чтобъ ей васъ предоставить...

— Къ ней бы я съ радостью.—Слезы выступили на глазахъ Анфисы:—Что же, Лизавета Ивановна, видно надоть... Какъ Богу угодно, пойду, скажу, что согласна...

Маленькая особа кинулась обнимать ее.

Она, боязливо озираясь кругомъ, словно чтобъ ея не раздавили, шла теперь рядомъ со своею пріятельницей и шепталась съ нею, уговариваясь о томъ, какъ имъ писать другъ другу...

Аѳанинъ, имѣвшій повсюду услужливыхъ пріятелей, устро-

илъ для княжны на поѣздѣ особое, просторное отдѣленіе, куда она и вошла въ сопровожденіи родныхъ.

Но вотъ раздался звонокъ.

У нея вдругъ сжалось сердце. Она уѣзжала *одна*, на невѣдомую жизнь... Что ждетъ ее? „А если *тамъ* еще тяжеле?“ пробѣжало на мигъ у нея въ мысли. Глаза ея заморгали,— она протянула вдругъ обѣ руки Марьѣ Яковлевнѣ:

— Простите, тетушка,—голосъ ея слегка дрогнулъ,—если я не всегда была такая къ вамъ, какъ мнѣ слѣдовало... Повѣрьте, я не забуду...

Пылкая, но незлопамятливая „тетушка“ всхлипнула и не дала ей продолжать:

— Ну, что тамъ, свои люди, сочтемся! заговорила она, охватывая ее за шею своими массивными руками и прижимая къ своей нескончаемой кирасѣ;—не забывай, пиши... да смотри, на свадьбу Саши непремѣнно пріѣзжай; причина законная, кажется, такъ и скажи своей Княгинѣ: сестра-молъ двоюродная, одна и есть у меня близкая...

— Кира, милая, кинулась къ ней, въ свою очередь, вся въ слезахъ Сашенька,—будь счастлива!... Я за тебя каждый день молиться буду, чтобы ты нашла себѣ такое же счастіе, какъ я, прошептала она ей на ухо.

— Второй звонокъ, пожалуйте изъ вагона! возгласилъ у дверцы кондукторъ, между тѣмъ какъ Анфиса, разцѣловавшись съ Лизаветой Ивановной, проворно вскакивала съ платформы.

— Ахъ ты, Господи, еще увезутъ!...

И Марья Яковлевна испуганно поспѣшила вонъ.

Сашенька послѣдовала за нею.

Троекуровъ на мгновеніе остался вдвоемъ съ княжной.

— Прощайте, Борисъ Васильевичъ, промолвила она, протягивая ему руку.

Онъ сжалъ ее, склонивъ голову...

— Все то же, по-вашему: „золотая клѣтка“, и ничего больше? прошептала Кира, слабо усмѣхаясь.

— Если я ошибаюсь — тѣмъ лучше! могъ только сказать онъ.

Странные глаза ея загадочно остановились на немъ...

— Пожалуйте, ваше высокоблагородіе, пожалуйте! торопилъ его съ платформы кондукторъ.

Онъ пожалъ еще разъ ея оставшіеся въ рукѣ его пальцы и молча вышелъ изъ вагона.

Поѣздъ двинулся. Провожавшіе замахали руками. Дамы судорожно закивали, посылая ручками несмѣтное количество поцѣлуевъ по адресу отъѣзжавшей... Кира стояла блѣдная за окномъ, медленно и безъ улыбки поводя головой на эти знаки прощанія. За нею Анфиса истово крестилась на горѣвшіе въ свѣтѣ весенняго дня кресты московскихъ церквей. „Прости матушка Бѣлокаменная“, шептали неслышно уста ея, „на чужой на сторонушкѣ позабыть-ли, что было мнѣ тутъ радости на краткій часъ, что кручины злой на долгіе дни!...“

XXV.

О, Erd'! o, Wonne!
О, Sonne! o, Lust.
Göthe.

То было въ утро нашихъ лѣтъ,
О, счастіе! О, слезы!
О, лѣсъ! О, жизнь! О, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!
Гр. А. Толстой.

Прошли еще три недѣли.

Все уже цвѣло, все зеленѣло, все пѣло кругомъ, когда, только что обвѣнчанные, Борисъ Васильевичъ и Александра Павловна Троекуровы выѣхали изъ Москвы въ щегольскомъ съ иголочки англійскомъ дормезѣ шестерикомъ по пути ко своему Всесвятскому... Вѣнчали ихъ, какъ положено было, на *Красную Горку*, въ Ѳомино воскресенье, у Бориса и Глѣба *), тотчасъ послѣ обѣдни, и по настоятельному требованію Троекурова, въ присутствіи самаго ограниченнаго кружка ближайшихъ родныхъ. Сашеньку благословляла мать съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Овцынымъ, который, не смотря на свое *завадничество*, весьма обрядливо, хотя и нѣсколько театрально, отбылъ свою должность посаженаго отца (онъ былъ ею весьма польщенъ, сказать кстати). Княгиня Додо, никуда еще не выѣзжавшая, благословила жениха у себя на дому со старикомъ *графомъ*, который, въ свою очередь, съ большимъ удовольствіемъ принялъ на себя „быть за отца“ у сына бывша-

*) У Арбатскихъ воротъ.

го товарища своего „по службѣ при государѣ Александрѣ Павловичѣ“. Шаферами были: у Троекурова Веретеньевъ и Ашанинъ, а у невѣсты—братъ ея, кавалергардъ, пріѣхавшій къ этому дню изъ Петербурга. (Вторымъ шаферомъ напросился было самъ къ ней отвергнутый обожатель ея, Моховъ. но отказался отъ этого подъ предлогомъ болѣзни за сутки до вѣнчанія и провелъ весь тотъ день у себя, рыдая въ подушки и затыкая себѣ уши, чтобы не слышать праздничнаго звона колоколовъ, представлявшагося ему какою-то безпощадною насмѣшкой надъ его „растерзаннымъ сердцемъ“)... Кира Кубенская не пріѣхала на свадьбу, поручивъ двоюродному брату сказать матери и сестрѣ, что въ этотъ самый день вѣнчаютъ въ ея дворцѣ предмѣстницу ея, баронессу Гагернъ, съ секретаремъ нашего посольства въ Вѣнѣ, графомъ Наташанцевымъ, и что она, Кира, обязана по должности быть въ этомъ торжествѣ при своей Княгинѣ. Марья Яковлевна вскипятилась было за первыми словами сына и назвала племянницу „возмечтавшею о себѣ *фрелкой*“, но Сережа очень спокойно и обстоятельно объяснилъ ей, что „фрелка“ иначе поступить не могла, особенно на первыхъ порахъ своей службы при дворѣ, и заслуживаетъ поэтому гораздо скорѣе поощренія, чѣмъ порицанія. На послѣдовавшій же затѣмъ, уже болѣе насмѣшливый, чѣмъ гнѣвный, вопросъ матери: „ну, какъ же ей тамъ живется, нашей недотрогѣ-царевнѣ, въ Петербургѣ-то?“—молодой кавалергардъ, со свойственными ему осторожностью и сдержанностью тона, сказалъ, что къ Кирѣ, какъ кажется, весьма благоволитъ высокая особа, при которой состоитъ она, „mais qie dans le monde on la trouve quelque peu étrange“...

Изъ церкви поѣхали всѣ въ домъ къ Марьѣ Яковлевнѣ, гдѣ, послѣ тотчасъ же поданнаго и не долго длившагося déjeûner dinatoire (до Всесвятскаго было 120 верстъ, изъ которыхъ послѣднія двадцать по проселочной, не совсѣмъ надежной дорогѣ, и Троекуровъ разсчитывалъ проѣхать ихъ еще засвѣтло), *молодая* поспѣшила переодѣться въ дорожное платье и, разцѣловавшись со всѣми, принявъ напутственное благословеніе разрыдавшейся при этомъ матери, вся въ слезахъ

спустилась объ-руку съ мужемъ съ лѣстницы, сопровождаемая всѣми приглашенными, родными и друзьями, домочадцами и слугами, кидавшимися ей на пути „къ ручкѣ“, на прощанье,— и сѣла съ нимъ въ поданный ко крыльцу, весело сверкавшій подъ солнцемъ свѣжимъ своимъ лакомъ и шелковою, темно-малиновою обойкой, дормезъ...

Шестерикъ тронулъ.... На крыльцѣ замахали платками, заголосили пожеланія добраго пути и всякаго благополучія. Марья Яковлевна, высоко поднявъ руку, осѣнила въ послѣдній разъ отъѣзжающихъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Слезы закапали вновь изъ глазъ Александры Павловны.

Но не надолго. Не успѣли они доѣхать до Никитскихъ воротъ, какъ она, сунувъ въ карманъ отиравшій слезы эти платокъ, обернулась лицомъ къ безмолвно сидѣвшему подлѣ нея мужу и глянула на него съ улыбкой безконечнаго счастья.

Онъ улыбнулся тоже, взялъ ея руку и страстнымъ поцѣлуемъ приникъ къ ней, словно съ тѣмъ, чтобы никогда отъ нея не отрываться.

Мчали ихъ, какъ говорится, *по-царски*. Впереди скакалъ почталіонъ, предоставленный къ услугамъ Троекурова обязательнымъ московскимъ почтдиректоромъ. Заранѣе готовыя лошади ждали ихъ въ хомутахъ у каждой станціи и впрягались мигомъ въ ихъ экипажъ совокупностью всѣхъ состоявшихъ тамъ на лицо ямщиковъ, которымъ Троекуровъ выкидывалъ по двадцати пяти рублей каждый разъ, какъ новый шестерикъ снова пускался съ мѣста вскачь по влажной еще отъ весеннихъ дождей поверхности шоссе. Къ одиннадцати часамъ вечера, благополучно миновавъ всякія ухабистыя гати и дребезжащіе мосты, они въѣзжали въ свое Всесвятское.

Сашенька, убаюканная мягкою качкой рессоръ, заснула къ концу дороги на плечѣ мужа... Она проснулась въ его объятіяхъ, — онъ выносилъ ее изъ экипажа, — и широко открыла глаза.

Они стояли на ступеняхъ уставленнаго высокими растеніями балкона-крыльца, спускавшагося во дворъ, усаженный старыми тѣнистыми кленами. Изъ раскрытыхъ настежъ дверей, изъ длиннаго ряда оконъ дома лился свѣтъ ярко освѣ-

щенныхъ внутри покоевъ. Кучка слугъ, прибывшая на мѣсто еще за нѣсколько дней назадъ, суетилась кругомъ господъ, высаживала горничную Александры Павловны изъ-подъ ея будки надъ заднимъ сидѣньемъ дормеза.

— А, Скоробогатовъ, говорилъ Борисъ Васильевичъ радостнымъ голосомъ невысокому и коренастому усачу въ солдатской шинели, стоявшему, вытянувшись въ струну и съ фуражкой въ рукѣ, у самыхъ перилъ балкона,—давно-ли здѣсь? Я тебя не ждалъ такъ скоро.

— Какъ получилъ письмо отъ вашего всеблагородія, такъ и заспѣшилъ тотчасъ; вчерась прибылъ, рапортовалъ тотъ, весело глядя на него маленькими и живыми глазками.

— Ну, вотъ и жена моя, — поцѣлуй ей ручку, она про тебя знаетъ.

— Ахъ да, знаю! съ горячимъ порывомъ вскликнула Александра Павловна, прикасаясь губами къ загорѣлому лбу служиваго, кинувшагося цѣловать ея руку,—и какъ благодарить уже не знаю...

— Ну, пойдемъ, другъ мой, ты устала! сказалъ ей Троекуровъ.

Онъ повелъ ее въ комнаты. Все говорило въ нихъ объ изяществѣ вкуса и нѣжной заботливости влюбленнаго мужа, уготовившаго ей это „голубиное гнѣздышко“... Но она не хотѣла останавливаться въ нихъ: — у ней въ головѣ неотступно стояло то, какъ она въ дѣвическихъ мечтахъ своихъ представляла себѣ ихъ первое прибытіе во Всесвятское.

— Въ садъ пойдемъ, Борисъ, говорила она ему, — мнѣ такъ хочется скорѣе увидѣть его!...

Она прошла съ нимъ на террасу.

Да, все это было такъ, какъ она чаяла, — это былъ сонъ ея наяву.

Въ прозрачной полутьмѣ апрѣльской ночи стояли предъ нею великаны-дубы, вѣковыя липы и золотые рожки молодаго мѣсяца, выплывая изъ-за дымчатыхъ тучекъ, сверкали перебѣгавшими искрами въ недвижной глади затоплявшей низы сада рѣки... Проницающій и тонкій струился въ воздухѣ нѣжный запахъ фіалокъ...

— Шш... Слышишь? тихо промолвилъ Троекуровъ, обнимая станъ ея рукою и прижимая къ себѣ.

Робко сначала, какъ бы пробуя, *заурчалъ* незримый пѣвецъ... Сашенька вся замерла. Какая-то нѣжная, трогательная мольба послышалась ей въ этихъ звукахъ... Но вотъ онъ ударилъ, *затенькалъ*, задробилъ, — и задорный рокотъ его понесся звенящимъ вызовомъ въ необъятную даль...

— Борисъ, прошептала молодая жена, это то, что я... Нѣтъ, все это лучше того, что я воображала, — это рай на землѣ!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Du musst nur Alles nicht verlangen gleich von Allen
So wird in seiner Art dir Alles wohlgefallen.
Rückert. Die Weisheit des Bramahnen.

Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ...
Пушкинъ.

Une femme d'esprit est un diable en intrigue.
Molière. L'école des femmes.

Мы опять въ Петербургѣ, опять въ знакомомъ читателю салонѣ Ольги Елпидифоровны Ранцовой... Истекъ почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нею. Вернувшись изъ Москвы послѣ смерти отца, она недолго оставалась на берегахъ Невы, находя себя послѣ этого обстоятельства въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Ей казалось неприличнымъ,—да и внутренно „совѣстно было“ — не надѣть траура по человѣкѣ, горячо любившемъ ее всегда, и о потерѣ котораго сама она скорбѣла, насколько было это лишь дано ея подвижной натурѣ, но съ другой стороны, ее коробило отъ одной мысли, что трауръ долженъ будетъ естественнымъ образомъ вызвать разговоръ объ этомъ отцѣ ея, имени котораго

никогда не произносила она до сихъ поръ предъ своими петербургскими знакомыми. „Раскапывать опять старую генеалогію начнутъ“, разсуждала она,—„что позабыто всѣми, снова на верхъ выплыветъ, и *частный приставъ*, и прочее“... На основаніи такого соображенія, она, по возвращеніи изъ Москвы, объявила себя вольною, не велѣла принимать никого, кромѣ двухъ-трехъ изъ интимнѣйшихъ ея „паричковъ“, вытребовала письмомъ отъ мужа (онъ дѣйствительно и тяжело больной лежалъ одиноко въ своемъ Рай-Никольскомъ,) свидѣтельство на свободное полученіе заграничнаго паспорта, получила таковое чрезъ недѣлю и въ концѣ марта уѣхала по варшавской дорогѣ, ни съ кѣмъ не простившись и никого не увѣдомивъ о днѣ своего отъѣзда... Нежданное исчезновеніе это произвело въ первую минуту настоящій переполохъ среди „элегантнаго“ мужскаго роя, привыкшаго жужжать отъ 2-хъ до 5-ти пополудни въ ея гостиной, на Почтамтской. „Что такое, куда, зачѣмъ?“ Объясненія, само собой, искали и отыскивали менѣе всего подходящія къ простой истинѣ: намекали на dépit amoureux вслѣдствіе-де женитьбы Троекурова, о которой, вмѣстѣ съ вѣстью о его колоссальномъ наслѣдствѣ, много было тогда рѣчей въ свѣтѣ. Пронесся слухъ, Богъ вѣсть кѣмъ пущенный, о томъ, что изъ-за этого самаго Троекурова произошелъ-де у прелестной женщины разрывъ съ ея „sapajou de mari“, вздумавшемъ будто бы приревновать ее къ Кавказцу въ ту минуту, когда всего менѣе было это кстати; говорили, наконецъ, что она просто уѣхала отъ долговъ, въ уплатѣ которыхъ этотъ ужасный мужъ отказалъ-де ей наотрѣзъ. Но все это весьма скоро смолкло послѣ того, какъ графъ Наташанцевъ, весьма высокопоставленный и всѣми уважаемый человѣкъ, со свойственнымъ ему grand air заявилъ торжественно и со вздохомъ печали за обѣдомъ въ Яхтъ-Клубѣ, что „cette charmante jeune femme a pris une fluxion de poitrine dans ce chien de Moscou“, что онъ „имѣлъ честь быть допущеннымъ къ ней предъ отъѣздомъ“ и засталъ у нея доктора Здекауера „qui a cru nécessaire de l'expédier daredare avant la débâcle, de crainte de quelque complication sérieuse“. Относительно слуха о размолвкѣ съ ея „sapajou de

mari", о чемъ тутъ же было упомянуто кѣмъ-то, графъ, ни подтверждая, ни отрицая этого, пожалъ только плечами и медленно уронилъ съ губъ: „Un triste sire en tout cas!.."— „Позвольте узнать, ваше сіятельство", спросилъ обѣдавшій за тѣмъ же столомъ пупырь Шастуновъ, обращаясь къ нему съ почтительною улыбкой,—„куда же она направилась и гдѣ можетъ находиться теперь?"—„Je l'ignore absolument, mon prince", сухо и слегка нахмурившись, отвѣтилъ ему тотъ и отвернулся отъ него... Пылкій Basile счелъ нужнымъ съ отчаянія опрокинуть въ себя вслѣдъ за этимъ бутылки двѣ шампанскаго и, уѣзжая изъ клуба въ каретѣ съ товарищемъ, которому во все время пути валился безнадежно на плечо, упорно повторялъ со стономъ и икотой: „*Moi je* la trouverai... *moi je* partirai la chercher... и если генералъ не дастъ мнѣ отпуска, *moi je* prendrai mon congé"...—„Не дадутъ предъ лагеремъ, нечего и думать", доказывалъ ему его спутникъ. — „Дадутъ", кричалъ Шастуновъ, „parceque *moi* je puis dépenser cent mille par an (онъ говорилъ по-французски совершенно, какъ маменька), et c'est toujours flatteur pour un régiment"... Но отпуска все-таки ему не дали, а товарищи посовѣтовали ему подъ рукой выражаться осторожнѣе о своихъ доходахъ, такъ какъ его хвастовство ими не только не лестно для его полка, но можетъ, весьма не лестно для него самого, окончиться тѣмъ, что его попросятъ избавить этотъ полкъ отъ своего присутствія. Basile тотчасъ же поджалъ хвостъ, какъ ошпаренный пудель, и, убѣдившись въ невозможности скакать за границу отыскивать Ольгу Елпидифоровну Ранцову, обратился за утѣшеніями на время ея отсутствія къ m-lle Irma Thénard, замѣнившей извѣстную намъ Lucie Ladrague въ роляхъ ingénues Михайловскаго театра.

Ольга Елпидифоровна вернулась въ Петербургъ лишь въ первыхъ числахъ декабря, послѣ осьмимѣсячнаго отсутствія. Весну она провела въ Парижѣ, лѣтомъ побывала въ Эмсѣ, Гамбургѣ и Баденѣ, гдѣ много играла и, какъ говорили, даже порядочно проигралась; прожила три недѣли въ Карлсбадѣ, не съ цѣлью лѣченія, но „изъ дружбы", такъ какъ графъ Наташанцевъ пилъ тамъ свой обычный курсъ Шлоссбруна, а

осенью свидѣлась съ нимъ опять на берегахъ Сены, гдѣ были у него давнишнія и близкія отношенія въ faubourg St.-Germain, куда онъ и успѣлъ ввести madame de Rantzof. Княгиня Краснорѣцкая, находившаяся одновременно съ нею въ Парижѣ и уѣхавшая оттуда ранѣе ея, разсказывала, по пріѣздѣ въ Петербургъ, со злобнымъ удивленіемъ, что она встрѣчала ее chez la duchesse de la Trémouille et chez madame de Gabriac", и что „cette péronelle s'y tient avec un toupet incroyable. Къ довершенію торжества *весь Петербургъ* прочелъ однажды въ фельетонѣ *Indépendance Belge*, что „madame de Rantzof, cette grande dame russe d'une beauté si éminemment slave et d'un brio d'esprit si parisien", состояла въ числѣ приглашенныхъ „aux dernières chasses de Compiègne" *).

Когда послѣ такихъ звонкихъ рекламъ Ольга Елпидифоровна появилась въ первый разъ въ Большомъ Театрѣ въ платьѣ новомоднаго тогда цвѣта Solferino, — неподражаемый cachet котораго тотчасъ же сказалъ всему тутъ бывшему женскому бомонду, что оно выходило прямо изъ ateliers великаго Ворта **),—изо всѣхъ угловъ театра устремились на нее бинокли, а ложу ея (ложа эта была теперь первая внизу, подлѣ царской,) въ первый же антрактъ буквально осадилъ весь знакомый ей сановный и военный персоналъ понедѣльничныхъ абонентовъ италіянской оперы. Возгласамъ, радостнымъ привѣтствіямъ, ухищренно льстивымъ шуткамъ не было конца. Успѣхъ былъ несомнѣнный, *публичный*, заставлявшій покусывать губы не одну изъ чистокровныхъ mondaines, надменно взиравшихъ на него съ высоты противоположнаго бельэтажа. Досада этихъ дамъ увеличивалась еще болѣе тѣмъ, что tenue и *обстановка* особы, къ которой относился этотъ успѣхъ, были совершенно безукоризненны. Во-первыхъ, рядомъ съ нею сидѣла не какъ прежде какая-то никому невѣдомая компаніонка, а всѣмъ извѣстная, принадлежащая къ хорошему обществу, уже не молодая и почтенная вдова, занимавшаяся спеціально благотвореніемъ ближнихъ, Варвара Петровна Мосягина, рож-

*) Бывшая, какъ извѣстно, осенняя резиденція Наполеона III.

**) Женскій портной въ Парижѣ, обязанный своею знаменитостью императрицѣ Евгеніи.

денная графиня Салгутова, съ которой Ольгу Елпидифоровну познакомилъ въ Карлсбадѣ графъ Наташанцевъ, сказавъ ей предварительно, что „cette ravissante jeune femme n'est pas heureuse en ménage", вслѣдствіе чего та воспылала съ первой минуты къ этой бѣдной „ravissante jeune femme" самою горячею и преданною дружбой, что̀ и доказывала она ей теперь предъ лицомъ всего свѣтскаго Израиля присутствіемъ своимъ въ ея ложѣ. Во-вторыхъ, сама г-жа Ранцова держала себя неузнаваемо даже для ближайшихъ своихъ поклонниковъ, сравнительно съ тѣмъ, какою привыкли они знать ее въ продолженіе многихъ прежнихъ лѣтъ. Она была для нихъ, само собою, все такъ же „прелестна", какъ всегда, но эта прелесть, чувствовалось, приняла теперь какой-то сдержанный, сосредоточенный характеръ, какъ бы запрещавшій слишкомъ восторженное и откровенное отношеніе къ ней. Голосъ ея словно потерялъ на половину свою прежнюю звучность; внезапный, широкій смѣхъ, которымъ она, бывало, не стѣсняясь, въ томъ же театрѣ, отвѣчала на нѣсколько *рискованную* иногда галантерейность антрактовыхъ своихъ посѣтителей, замѣнила снисходительная, чуть-чуть даже недовольная улыбка. Подвижность выраженія, игра глазъ, веселое то-и-дѣло сверканіе бѣлыхъ зубовъ изъ-подъ пышныхъ алыхъ губъ, чѣмъ недавно еще такъ восхищались *всѣ они*,—тщетно отыскивали они это теперь на ея лицѣ, спокойномъ, самообладающемъ, чуть не безжизненномъ. Все это исчезло вмѣстѣ съ русскою рѣчью, московскій пошибъ которой и бойкіе обороты были всегда такъ милы въ ея устахъ для большинства ея обожателей. Г-жа Ранцова говорила теперь уже неизмѣнно по-французски, примѣшивая страннымъ сочетаніемъ самомоднѣйшія въ ту пору словца парижскаго свѣтскаго argot Второй Имперіи къ изысканно рутиннымъ фразамъ петербургско-французскаго придворнаго и дипломатическаго языка...

Все это тотчасъ же было замѣчено и со свойственною свѣтскимъ людямъ проницательностью соображено, разобрано и истолковано надлежащими побужденіями. „Elle pose pour la femme sérieuse", рѣшено было прежде всего... „Elle quitte son mari et veut se faire épouser par Наташанцевъ", разнес-

вскорѣ за тѣмъ негодующимъ крикомъ по всѣмъ будуа-
петербургскаго большаго свѣта.
Въ какой мѣрѣ было основательно это послѣднее предпо-
женіе, терпѣливый читатель узнаетъ изъ послѣдующихъ стра-
ицъ настоящаго разсказа. Но мы считаемъ нужнымъ сооб-
ить ему, не откладывая, что Ольга Елпидифоровна верну-
ась дѣйствительно изъ-за границы болѣе чѣмъ когда-либо
ите politique... Вопросъ первостепеннаго государственнаго
наченія рѣшался въ ту пору на берегахъ Невы. Съ нимъ
весьма хитро сплетенною комбинаціей ея пылкаго воображе-
нія, соединялась для нея лично цѣлая программа и цѣлая
перспектива будущаго...

Въ ту минуту, когда мы застаемъ ее опять у себя въ
Почтамтской,—это было въ началѣ февраля 1860 года,—она,
сидя на диванѣ, съ блестящими отъ какого-то волненія гла-
зами, быстро перекидывалась словами со стоявшимъ предъ
ней въ вицмундирѣ и звѣздахъ и со шляпой въ рукѣ чинов-
нымъ господиномъ, извѣстнымъ въ то время всему Петербур-
гу подъ кличкой: *„статскій генералъ* Прытковъ". Онъ уже
минутъ съ двадцать сидѣлъ у нея и спѣшилъ теперь куда-то...
Она его удерживала:

— Погодите, Петръ Владиміровичъ, еще рано, всего три
часа, вы мнѣ ничего толкомъ не успѣли разсказать. (Бесѣда
велась на этотъ разъ сплошь по-русски, такъ какъ „статскій
генералъ" не разумѣлъ никакого иностраннаго нарѣчія)...

Онъ страдалъ какимъ-то тикомъ иностраннаго нервовъ, за-
ставлявшихъ его то-и-дѣло дергать судорожно головой въ
бокъ, точно отъ слишкомъ туго повязаннаго галстука. Онъ
дернулъ ее, откинулъ назадъ, подавшись при этомъ всею
грудью впередъ, и захохоталъ безпричиннымъ, оглушительно
грубымъ смѣхомъ, бывшимъ у него почему-то въ обычаѣ...

— Все еще вамъ мало! Ненасытная!... Скажите, прелест-
ная женщина, добавилъ онъ съ весьма пошловатымъ по
своему намѣренію подмигиваніемъ глаза,—вы и въ любви н
знаете предѣловъ... своему любопытству?...

Она брезгливо поморщилась:

Пожалуйста, не говорите мнѣ вашихъ гадостей! Я т

нѣтъ не могу этого жанра... Доскажите лучше, что̀ умирающій... Когда же, вы говорите, Государь былъ у умирающаго?

— Въ четвертомъ часу утра сегодня.

— Какой ангелъ Государь! Стоилъ-ли такой милости этотъ monstre, который со своими Линютиными, Бековичами и Гундуровыми хотѣлъ всѣхъ насъ, дворянъ, по-міру пустить!... Скажите, и Государь оставался тамъ до послѣдней его минуты?

— Да, онъ уѣхалъ въ половинѣ седьмаго, когда все уже было кончено.

— И до этой минуты никакого разговора у нихъ не было, не знаете?

— Нѣтъ; когда Государь пріѣхалъ, агонія уже началась...

— Господинъ Хазаровъ! доложилъ въ дверяхъ слуга.

Прытковъ протянулъ ей руку.

— Ну, прощайте, прелестная женщина!

Она слегка ударила по ней пальцами.

— Погодите, вамъ говорятъ!... Скажи, что одѣваюсь, принять не могу, отпустила она докладывавшаго.—И кто же на его мѣсто, обратилась она снова къ своему собесѣднику, — извѣстно?

— *Не извѣстно*, подчеркнулъ онъ.

— Вы, вы! всплеснула она вдругъ руками:—признайтесь, что вы, милый Петръ Владиміровичъ!... Мнѣ говорили, что вы этого очень желаете сами...

— Кто вамъ говорилъ? быстро и тревожно замоталъ онъ головой, спрашивая.

— Конечно, не скажу! Вы знаете, что я никогда никого не выдаю. Вы можете поэтому совершенно откровенно говорить со мной... Тѣмъ болѣе вы знаете, что въ этомъ случаѣ исполненіе вашего желанія обрадовало бы всѣхъ насъ ужасно...

Прытковъ осторожно оглянулся.

— Я знаю, что вы такая же умная, какъ и очаровательная женщина, и что съ вами дѣйствительно можно говорить серіозно и не опасаясь... Я дѣйствительно не прочь былъ бы взять это дѣло въ руки и, полагаю, не безъ пользы... *для спокойствія Россіи*, значительно примолвилъ онъ; — но тутъ повыше меня люди на примѣтѣ...

— Кто такой?

— Во-первыхъ, самъ покойный указывалъ, слышно, какъ на лучшаго себѣ преемника, на графа Кисловскаго... Онъ къ тому же Линютину дядя родной и въ Михайловскомъ дворцѣ большой другъ, не безъ ядовитости примолвилъ Прытковъ.

— На графа Павла Дмитріевича! вскликнула Ольга Елпидифоровна: — я у него обѣдала двѣ недѣли тому назадъ въ Парижѣ. Ему слишкомъ хорошо тамъ, онъ не промѣняетъ своего посольства на незавидное наслѣдство господина Ростовцова, онъ никуда оттуда не уѣдетъ, онъ мнѣ это en toutes lettres сказалъ... Ну, кого же еще думаютъ?...

— Князь Шастуновъ, лейбъ-гусаръ! доложилъ еще разъ слуга въ дверяхъ.

Она досадливо замахала руками:

— Ахъ, Боже мой, скажи, что занята, что не принимаю...

Слуга удалился.

Прытковъ торопливо подсунулъ большую, круглую, въ золотой оправѣ, одноглазку подъ правую бровь и направилъ ее на красивую барыню, стараясь придать всему чиновничьему облику своему выраженіе самаго тонкаго свѣтскаго лукавства:

— Графъ Леонидъ Александровичъ запретилъ? пропустилъ онъ шопотомъ и хихикая. — Скажу непремѣнно Ирмѣ: она этого богача-князька ужасно къ вамъ ревнуетъ. Успокою ее, бѣдную, донесу, что вы его къ себѣ не пускаете.

— Вы опять со своимъ вздоромъ! строго возразила она, пожимая плечами. — И когда это вы успѣваете среди такихъ серьезныхъ занятій, удивляюсь, ко всякимъ Ирмамъ ѣздить?..

— Не могу жить безъ этихъ погибшихъ, но милыхъ созданій! возгласилъ, закатывая глаза, Прытковъ, тщательно и всячески старавшійся поддерживать свою ложную репутацію неистоваго женолюбца.—Ну, однако прощайте, прощайте, очаровательница,—заторопился онъ, взглянувъ на часы:—я обѣщалъ князю Алексѣю Ѳедоровичу *) заѣхать къ нему сейчасъ послѣ панихиды, и вотъ съ вами заболтался...

---

*) Тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта и главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ.

Онъ схватилъ ея руку, высоко приподнялъ ее, чмокнулъ жирными губами, причемъ небольшіе глазки его приняли пресквернoе выраженіе напускной страстности и, проговоривъ скороговоркой: „Ручка одна—цѣлый міръ блаженства!“, быстро повернулъ налѣво кругомъ и направился къ двери, закидывая на-ходу правою ногой впередъ съ какимъ-то спеціальнымъ, далеко не изящнымъ ухорствомъ.

— Когда же мы увидимся? крикнула ему вслѣдъ хозяйка;—мнѣ такъ много еще сказать вамъ...

Но изъ другой комнаты несся уже его оглушительный хохотъ и возгласы какой-то словно неслыханной радости:

— Графъ Леонидъ Александровичъ! тянулъ онъ на сей разъ визгливымъ дискантомъ, какъ бы отъ преизбытка счастія:—легки на поминѣ,—мы вотъ только что съ красавицей о васъ говорили... Здравствуйте, здравствуйте!...

Ольга Елпидифоровна вскочила съ мѣста и побѣжала навстрѣчу новому гостю.

Онъ стоялъ посреди комнаты, чуть-чуть улыбаясь на неестественныя изъявленія чувствъ чиновнаго проходимца, какимъ былъ для него въ душѣ Прытковъ, и глядя, какъ тотъ мялъ и прижималъ руку его ко груди своей, съ учтивымъ спокойствіемъ прирожденнаго барина, проведшаго всю жизнь свою въ изысканномъ обществѣ и при дворѣ.

— Cher comte! bonjour! молвила, быстро подходя къ нему, Ранцова:—вы уже все знаете, разумѣется.

— Да, сказалъ онъ, почтительно и нѣжно поднося ея руку къ губамъ,—и удерживая ее затѣмъ на мигъ въ своей:—Знаете ли вы,—обратился онъ къ Прыткову негромкимъ голосомъ,—что Государю доставлена часъ тому назадъ племянникомъ Якова Ивановича предсмертная его записка?

— Онъ оставилъ предсмертную записку? воскликнулъ тотъ, задергавъ въ объявшей его вдругъ тревогѣ головой уже такъ, какъ будто хотѣлъ отвинтить ее и скинуть съ плечъ.

— И Государь, принимая ее, изволилъ сказать: „Яковъ Ивановичъ оставилъ намъ этою запискою завѣщаніе, которое мы должны свято исполнить“. Его Величество сказалъ это

очень взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ, благоговѣйно промолвилъ Наташанцевъ.

— Значитъ, все у нихъ тамъ, въ коммиссіи, останется теперь по-прежнему, le même esprit révolutionnaire! вскрикнула Ольга Елпидифоровна.

Онъ наклонилъ только голову и слегка развелъ руками.

— Останется, можетъ быть... и даже вѣроятно, подтвердилъ Прытковъ, подымая вдругъ глаза и съ совершенно измѣнившеюся, уже бодрою интонаціей въ голосѣ,—но послѣднее слово все-таки не этимъ господамъ принадлежитъ. Положенія, которыя выработаются редакціонными коммиссіями, поступятъ въ Главный Комитетъ, а потомъ и въ Государственный Совѣтъ,—а тамъ мы еще увидимъ, какъ все это пройдетъ!...

Графъ молча поглядѣлъ на него и какъ бы недовѣрчиво и невесело повелъ губами.

Прытковъ мгновенно вскинулся и сталъ прощаться.

— Да, словно припомнилъ Наташанцевъ,—то, что я сообщилъ вамъ сейчасъ, Петръ Владиміровичъ, не секретъ, сколько я понимаю, и въ настоящую минуту вѣроятно извѣстно всѣмъ, кого это интересуетъ, но я былъ бы обязанъ вамъ, если бы вы не говорили, что слышали это именно отъ меня...

Тотъ схватилъ его руку обѣими своими и опять притиснулъ къ лацкану своего вицмундира.

— И самому князю Алексѣю Ѳедоровичу не скажу, отъ кого узналъ, и ему не скажу, будьте покойны! загоготалъ онъ, надрываясь своимъ неизбѣжнымъ смѣхомъ;—прощайте, вашѣ сіятельство, прощайте, очаровательница!...

— Погодите, возгласила она,—я васъ не пущу прежде, чѣмъ вы мнѣ не дадите слова извѣстить меня двумя словами, какъ только узнаете, кто будетъ назначенъ на мѣсто Ростовцова. Вы знаете, что графъ Леонидъ Александровичъ и я—могила!...

— Вамъ очень хочется знать первой?

— Да, очень.

— Ну хорошо, извѣщу!

— Слово?

— Слово.

Онъ исчезъ.

— Quel monsieur impossible! тутъ же свысока проговорила по его адресу Ольга Елпидипоровна и, обращаясь къ своему поклоннику:—Et vous, cher, какъ вы милы, что пріѣхали сегодня раньше обыкновеннаго! проговорила она, озирая его изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ долгимъ, проницающимъ взглядомъ.

Онъ въ свою очередь засіялъ счастіемъ, осторожно продѣлъ подъ локоть ея руку и, приникнувъ къ ней губами, съ наклоненною головой, медленно повелъ „очаровательницу“ въ гостиную.

II.

En vérité les gens d'un mérite sublime
Entraînent de chacun et l'amour et l'estime;
Et le vôtre, sans doute, a des charmes secrets
Qui font entrer mon coeur dans tous vos intérêts.
Molière. *Le Misanthrope.*

Menschen sind schwimmende Töpfe, die sich an einander stossen.
Göthe.

Графу Леониду Александровичу Наташанцеву было далеко за пятьдесятъ, но онъ казался, да и самъ чуствовалъ себя, гораздо моложе своихъ лѣтъ, и могъ не въ шутку еще нравиться инымъ умнымъ и слегка экзальтированнымъ женщинамъ... Его *точеныя* черты, бѣлые какъ лунь волосы, при живыхъ черныхъ и, какъ говорится, „въ душу просящихся" глазахъ, давали всему характеру его наружности подобіе тѣхъ изящныхъ пастелевыхъ портретовъ, которые аристократическій XVIII вѣкъ завѣщалъ, словно въ насмѣшку, грубому равенству нашихъ поколѣній... Самъ онъ по воспитанію, по вкусамъ, по пріемамъ какъ бы еще принадлежалъ къ тому вѣку. Въ немъ сохранялся послѣдній запахъ того стариннаго тонкаго *грансеніорства* съ его неуловимымъ, но неотразимымъ обаяніемъ, самое понятіе о которомъ отойдетъ въ область миѳовъ для нашихъ внуковъ... Умъ его былъ не глубокъ, сила характера не велика, но онъ былъ одаренъ рѣдкимъ тактомъ, необычайною чуткостью и почти женскою впечатлительностью сердца, которую сознавалъ въ себѣ, отъ которой въ теченіе всей своей жизни старался остеречься и

которая всегда брала въ немъ верхъ надо всѣми доводами его разума. Отношенія его къ женщинамъ отличались совершенно рыцарскимъ, чтобы не сказать сентиментальнымъ оттѣнкомъ, источникъ котораго слѣдовало искать въ герояхъ романовъ госпожъ Cottin, de Duras и de Souza, во впечатлѣніяхъ, навѣянныхъ ему литературой и духомъ эпохи его первой молодости. Вертеръ и *Le dernier des Abencerages* Шатобріана—двѣ книги, скажемъ мимоходомъ, съ которыми никогда не разставался Наташанцевъ и которыя онъ перечитывалъ *каждую весну*,—пробуждали въ немъ и теперь то же мечтательное и сладкое волненіе, какимъ наполняли они его въ тѣ минувшіе годы „грезъ первоначальныхъ“...

Съ Ольгой Елпидифоровной онъ былъ знакомъ уже нѣсколько лѣтъ, но долго держался настороже, ограничиваясь тѣмъ поверхностнымъ, ни къ чему не обязывающимъ ухаживаніемъ, безъ котораго какъ бы никому не было мѣста въ ея салонѣ. Она ему сильно нравилась, но онъ долго не довѣрялъ ни ей, ни себѣ,—не допускалъ, „чтобъ она могла *понять его и избрать*“, боялся и собственнаго „*неразумнаго увлеченія такою особой*“. Затѣмъ онъ незамѣтно сталъ относительно ея въ положеніе друга, *оберегателя*, тонко и осторожно стараясь отстранить „*опаснѣйшихъ*“ изъ ея обожателей... Но онъ былъ уже такъ отуманенъ кипѣвшимъ въ немъ чувствомъ, что проглядѣлъ... или, можетъ-быть,—и на это, увы, бываетъ иногда способенъ влюбленный человѣкъ!—не хотѣлъ видѣть связь ея съ Троекуровымъ... Когда послѣ его телеграммы къ ней въ Москву она вернулась въ Петербургъ и передала ему о своемъ разрывѣ съ мужемъ, вслѣдствіе-де его „грубаго нрава и невоспитанности, которые она, *никому до сихъ поръ не говоря о своихъ тайныхъ слезахъ*, имѣла силъ терпѣніе переносить девять лѣтъ сряду“, вслѣдствіе его „сумасшедшей, *ничѣмъ серіознымъ неоправдываемой* ревности“,—Наташанцевъ ей слѣпо повѣрилъ и положилъ тутъ же въ душѣ своей „замѣнить, насколько будетъ въ его силахъ, все, чѣмъ судьба обездоливала до сихъ поръ это прелестное созданіе.—cet être adorable, si merveilleusement doué et si digne d'un meilleur sort!“...

Ольга Елпидифоровна поняла это съ самыхъ первыхъ словъ, произнесенныхъ имъ въ ея утѣшеніе, — поняла, что „этотъ человѣкъ *весь ея* съ этой минуты"... Смутное чаяніе, возникшее въ ея головѣ при полученіи его депеши, и на которомъ она со свойственною ей смѣлостью *поршила* съ мужемъ, становилось для нея теперь несомнѣнною дѣйствительность. Она кинулась всѣмъ существомъ въ эту нежданно открывавшуюся предъ нею дверь лучезарнаго будущаго...

Они почти не разставались за границей... Графъ былъ вдовъ, занималъ очень важную по іерархіи, но не обременительную придворную должность, былъ поэтому полный хозяинъ своего времени. Онъ вернулся въ Россію только за двѣ недѣли до нея, и то „для избѣжанія разговоровъ". Волна любви—той „послѣдней любви", о которой сказано поэтомъ *): „ты и блаженство, и безнадежность", — уносила его все далѣе и далѣе отъ надежныхъ береговъ старческаго благоразумія...

Въ первый разъ еще въ жизни испытывала въ свою очередь Ольга Елпидифоровна то чувство, которое наполняло ее въ настоящую пору. Страсть такого человѣка, какъ Наташанцевъ, и льстила ей, и подымала ее въ собственныхъ глазахъ, и налагала на нее цѣпи, которыхъ никогда не знала она до сихъ поръ и которыя несла теперь съ невыразимою радостью. Она понимала, она должна была *заслужить* то, что обѣщала ей эта страсть, эта безграничная привязанность; ей надобно было поставить себя на ту ногу, завоевать себѣ ту степень *респектабельности*, при которыхъ честолюбивыя цѣли ея могли бы быть достигнуты, не возбуждая слишкомъ отчаянной оппозиціи, не вызывая слишкомъ бѣшеныхъ криковъ. Природный инстинктъ подсказывалъ ей то, до чего додумалась великая мысль Гёте: „Wer will grosses leisten, der muss sich beschränken wissen". Ольга Елпидифоровна *ограничивала*, *собирала* себя, сосредоточиваясь въ ожиданіи той минуты, когда новымъ, невидимымъ еще свѣтомъ, должна была уже во всѣ стороны заблестѣть ея счастливая звѣзда... Она пере-

*) Тютчевъ.

воспитывала себя въ постоянномъ обществѣ Наташанцева, прилежно изучала его пріемы, его изящно небрежную рѣчь, пошибъ и складъ его сужденій. „Mésalliance, конечно“, признавалась она себѣ, — „но чтобы ни въ какомъ уже случаѣ не mésalliance d'éducation. А тамъ все забудутъ!“... Пылкость, самолюбіе и льстивый туманъ надеждъ застилали предъ ней безпощадную и вѣковѣчную истину: люди никогда не забываютъ того, что они не хотятъ позабыть....

По возвращеніи ея въ Петербургъ замѣченная въ ней наружная перемѣна возбудила, какъ мы уже знаемъ, удивленіе и толки во всемъ обширномъ кругѣ ея знакомыхъ. Перемѣна отозвалась и на самыхъ отношеніяхъ ея къ этому кругу. Ольга Елпидифоровна сочла необходимымъ „épurer son salon“, очистить его отъ непригодныхъ плевелъ и окончательно изгнать изъ него тотъ тонъ веселаго балагурства и легкой скабрёзности, который до этого времени примѣшивался здѣсь ко всякому разговору, хотя бы даже самаго серьезнаго свойства. Юное офицерство, толпившееся нѣкогда у нея, и тѣ, подобныя ей самой, дамы такъ-называемаго „втораго общества“, къ которымъ изъ „большаго“ ѣздятъ, когда онѣ хорошенькія, всѣ мужчины и ни одна почти женщина, блистали теперь здѣсь, какъ говорится, своимъ отсутствіемъ. „Невозможные“ господа въ родѣ Прыткова допускались еще сюда лишь въ силу своего служебнаго положенія и пользы, ожидаемой отъ нихъ тою „партіей“, которой Ольга Елпидифоровна, принимая въ серьезъ шуточныя слова, сказанныя про нее въ Михайловскомъ дворцѣ, почитала себя теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь „madame Roland“.

Она принимала горячо къ сердцу интересы этой своей „партіи“, ужасно волновалась кипѣвшими кругомъ ея мрачными слухами о томъ, что „всѣ эти Линютины, Бековичи и К° veulent amener un quatre vingt-treize en Russie“, и весьма краснорѣчиво доказывала, повторяя слова ходившей тогда по рукамъ весьма рьяной записки одного камергера (отставленнаго за составленіе ея отъ службы и недавно сосланнаго въ дальнюю губернію), что „толпѣ обѣщаютъ отдать на добычу чужую собственность“ и что русское дворянство этого никакъ

допустить не должно... О такой ея пламенной преданности „à la bonne cause“ заговорили серьезно въ свѣтскомъ Петербургѣ. Въ противоположномъ лагерѣ посыпался по ея адресу градъ раздраженныхъ насмѣшекъ (лагерь этотъ въ свою очередь не щадилъ своихъ противниковъ). Ольгу Елпидифоровну позвали за то на балъ въ два-три „maisons huppées“, двери которыхъ закрыты были для нея до сихъ поръ... Графъ Наташанцевъ (представительству котораго въ сущности одолжена она была этими приглашеніями,) радовался ея успѣху на этихъ балахъ, любовался горячностью ея „консервативныхъ“ рѣчей, но какъ бы всколзь напоминалъ ей по этому поводу, что „prudence est mère de sûreté!“...

Самъ онъ не волновался, онъ скорбѣлъ... Онъ признавалъ себя „Европейцемъ“, да и по натурѣ своей былъ весьма человѣколюбивый, великодушный и образованный человѣкъ,— онъ самыхъ юныхъ лѣтъ и самымъ искреннимъ образомъ желалъ „свободы Русскому народу“. Но то, какъ „la question a été emmanchée“, говорилъ онъ, пугало его. Вопросъ для него вовсе не состоялъ въ тѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованіяхъ, которыя при этой „свободѣ“ долженъ былъ понести владѣльческій классъ въ Россіи; лично онъ готовъ былъ и на гораздо бо́льшія жертвы на пользу дѣла, которое называлъ святымъ, „une cause sainte“. Но тотъ способъ, какимъ руководились при разрѣшеніи его, казался Наташанцеву гибельнымъ для всего русскаго будущаго. „Я ничего не понимаю“, говорилъ онъ, „à toutes ces questions de надѣлъ, de пользованіе, de выкупъ; крестьянину, comme de raison, нужна земля, и я безо всякаго выкупа дамъ ему ее, и гораздо больше даже, чѣмъ ces messieurs могутъ придумать, mais il faut, подчеркивалъ онъ, *que nous restions les seigneurs de nos paysans*“. У него было какое-то свое, феодально-патріархальное представленіе объ этомъ предметѣ, отъ котораго онъ не отступалъ: онъ не понималъ крестьянина безъ *барина*,—безъ хорошаго, „настоящаго“ барина, какимъ онъ былъ самъ (крестьяне его дѣйствительно благоденствовали), — руководителя, воспитателя, судьи, и — это было въ глазахъ его главное,— оберегателя темнаго мужика отъ „этой lèpre odieuse du чи-

новничество,. которое и такъ у насъ все захватило"... „Faites des lois sévères", доказывалъ онъ, „противъ тѣхъ помѣщиковъ, которые вздумали бы злоупотреблять своею патримоніальною властью, но не лишайте народъ его естественныхъ покровителей. Вы отымете дворянство у народа и—что дадите на его мѣсто? un самоуправленіе, c'est à dire un кабакъ en permanence, ou bien toujours le même omniscient, omnipotent et вездѣсущій чиновникъ, cet affreux тараканъ, расплодившійся на нашей русской землѣ! А само дворянство, qu'en ferez vous?—лишнихъ dans la hiérarchie sociale людей и слѣдовательно враговъ de ce Trône, котораго отцы ихъ и прадѣды были самые преданные слуги, ou une bourgeoisie sans traditions, envieuse de lucre et de pouvoir, comme en France, то-есть тѣхъ-же опять ennemis nés du само-дер-жа-вія, произносилъ онъ по складамъ,—hors lequel point de salut въ Россіи".

„Насъ ждетъ toute une révolution sociale", печально вздыхалъ Наташенцевъ въ интимныхъ бесѣдахъ своихъ съ предметомъ его страсти... Онъ предвидѣлъ всѣ послѣдствія такой революціи: внезапный разгромъ цѣлаго, сложившагося вѣками, общественнаго строя, наплывъ чуждыхъ, невѣдомыхъ Россіи элементовъ броженія и недовольства, смуту въ умахъ, разоренія, „une mauvaise carricature de l'Europe вмѣсто нашей доброй старой матушки, святой Руси, comme Dieu l'a faite!.." „Не все было хорошо dans cette bonne matouschkà, сознавался онъ, но вѣдь жилось же, и хорошо, многимъ очень хорошо жилось en commençant par mes paysans. Лучше-ли имъ будетъ... да и кому будетъ лучше, когда все прошлое, а съ нимъ de glorieux souvenirs et tout ce qu'a créé l'esprit national, особенный духъ нашего народа, сметутъ съ лица земли и замѣнятъ какимъ-то mauvais échafaudage libéral à l'instar de l'ètranger?"... Странное дѣло, этотъ старый царедворецъ и „Европеецъ", не умѣвшій сложить русской фразы безъ примѣси французскихъ словъ, какимъ-то прирожденнымъ чутьемъ своей народности возмущался болѣе всего опасеніемъ, что перестроенію всей русской жизни будетъ недоставать въ самомъ корнѣ самобытнаго, „особеннаго" русскаго духа!..

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ переживалъ въ тѣ

дни свой трагическій кризисъ... Депутаты „перваго призыва“, приглашенные во второй половинѣ 1859 года для совѣщаній по этому вопросу, разъѣхались въ началѣ зимы изъ Петербурга въ самомъ раздраженномъ состояніи [1]). „Петербургскія власти“ не имѣли, говорили они, никакого основанія сомнѣваться въ ихъ горячемъ желаніи содѣйствовать благимъ начинаніямъ Государя. Они пріѣхали съ искреннѣйшимъ намѣреніемъ доказать это на дѣлѣ. На милостивое обращеніе къ нимъ Его Величества, при пріемѣ ихъ въ Царскомъ Селѣ [2]), на которомъ произнесены были Государемъ знаменательныя слова: „Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда былъ еще Наслѣдникомъ, гордился и горжусь этимъ и теперь“ [3]), одинъ изъ нихъ [4]) прямо объяснилъ даже, что „дворянство готово на жертвы, хотя бы онѣ простирались и до трети ихъ состоянія“, и уже самъ Государь изволилъ выразить, что „Онъ не требуетъ такихъ значительныхъ жертвъ и желаетъ, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ“... А между тѣмъ ихъ, представителей *дворянства*, отстранили отъ этого дѣла, имѣвшаго рѣшить всю будущность ихъ сословія. „Они, конечно, вовсе не воображали быть повѣренными отъ земли на совершеніе, обще съ правительствомъ, великаго дѣла уничтоженія крѣпостнаго состоянія, но они никакъ не думали, чтобъ ихъ призвали въ С.-Петербургъ, *чтобы сидѣть каждому на своей квартирѣ, отвѣчать на заданные вопросы и представлять справки*“ [5]). Они почитали себя „законно въ правѣ“ надѣяться, что голоса ихъ выслушаются въ высшемъ учрежденіи, назначенномъ Государемъ для разрѣшенія вопроса объ освобожденіи [6]), и не по отдѣльнымъ только вопросамъ, но „вообще по существу

---

[1]) *Матеріалы для ист. упразди. крѣп. состоянія въ Россіи*. Берлинъ 1860—1861.

[2]) 4 сентября 1859.

[3]) *С.-Петерб. Вѣдом.* 1859, № 164.

[4]) Воронежскій предводитель, князь Гагаринъ.

[5]) *Депутаты и редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу*. Лейпцигъ 1860. Брошюра, написанная однимъ изъ этихъ депутатовъ.

[6]) Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, учрежденный 8 января *1858 года*.

крестьянскаго положенія", а имъ самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещено было „касаться общихъ началъ" *); совѣщаніямъ ихъ между собой не дозволили „имѣть офиціальнаго характера"; отняли у нихъ всякую инціативу, даже ихъ названіе *депутатовъ*, замѣнивъ его обозначеніемъ „членовъ губернскихъ комитетовъ"; заставили, какъ школьниковъ, отвѣчать на вздорные детальные пункты, какіе вздумала предложить имъ редакціонная коммиссія, составленная изъ „бюрократовъ", исполненныхъ-де „самыхъ крайне-демократическихъ и враждебныхъ дворянству убѣжденій", назначивъ имъ для отвѣтовъ такой короткій срокъ, который дѣлалъ невозможнымъ какое-либо общее выраженіе и соглашеніе... Они почитали себя, а въ лицѣ ихъ и все сословіе, ихъ избравшее, обманутыми „бюрократіей", униженными подначальною ролью, въ которую поставили ихъ въ отношеніи въ коммиссіи, глубоко оскорбленными „недовѣріемъ", которое оказано имъ было вообще правительствомъ.

Съ такими сѣтованіями, упреками и обвиненіями вернулись эти представители дворянства въ свои губерніи. Во многихъ изъ этихъ губерній готовились выборы. Они были вообще шумны съ самой той минуты, когда правительствомъ возбужденъ былъ крестьянскій вопросъ. Явилось опасеніе, что разсказы о горькихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ депутатами изъ Петербурга, придадутъ имъ еще болѣе острый характеръ... Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ **) извѣстилъ нежданно дворянство всей Россіи, что оно „на собраніяхъ своихъ отнюдь не должно входить ни въ какія сужденія по предметамъ, вообще касающимся крестьянскаго вопроса".

Лѣкарство оказалось хуже болѣзни. На выборахъ заволновались, заголосили... Изъ Петербурга отвѣчали молчаніемъ, отказомъ или удаленіемъ предводителей отъ должности на получаемые отъ дворянства адресы и прошенія... ***)

---

*) *Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія*, Ст. Н. П. Семенова, *Русск. Вѣстн.* 1867.

**) Въ ноябрѣ 1859.

***) Отъ рязанскаго, ярославскаго, орловскаго, владимірскаго, тверскаго. *Мат. для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи.*

Политическая рознь,—явленіе, невиданное до тѣхъ поръ на Руси,—проникала теперь во всѣ углы ея... Частные люди и служащіе, сановныя лица и вѣдомства — избранные органы и слуги одной и той же высшей, самодержавной власти,—раздѣлились на два лагеря, мгновенно возненавидѣвшіе другъ друга съ ожесточеніемъ, свойственнымъ лишь какой-либо наслѣдственной, племенной враждѣ... „Прогрессисты", какъ выражалась тогдашняя журнальная публицистика, обзывали „*плантаторами*" ревнителей „сословныхъ привиллегій"; „дворянская партія" въ свою очередь клеймила недруговъ своихъ прозвищемъ „соціалистовъ". Вражда усиливалась отъ недоразумѣній, отъ бабьихъ сплетенъ и постыдныхъ клеветъ. Самомнѣніе „передоваго" канцеляризма и личныя честолюбія съ одной стороны, угрожаемые интересы и оскорбленныя самолюбія съ другой—вели каждый день въ стѣнахъ казенныхъ зданій и въ салонахъ Петербурга неустанную мелкую борьбу взаимныхъ обличеній, презрительныхъ надмеваній и смѣхотворныхъ другъ про друга „анекдотцевъ"... Смыслъ великаго дѣла терялся въ тинѣ всякихъ личныхъ счетовъ и дрязгъ...

Неслыханнымъ нареканіямъ подвергался прежде всего человѣкъ, поставленный высшимъ довѣріемъ во главу этого дѣла... Онъ служилъ мишенью для ударовъ со всѣхъ сторонъ. „Дворянская партія" видѣла въ немъ лютаго себѣ врага. *Колоколъ*—эта гроза и Алкоранъ той поры—громилъ и пятналъ въ то же время имя его чуть не въ каждомъ своемъ листкѣ. Въ самой средѣ ближайшихъ его пособниковъ относились о немъ нѣкоторые небрежно или свысока; онъ слылъ у нихъ подъ кличкой „Капитана", *) угодникомъ и честолюбцемъ... Нелицепріятная исторія заговоритъ иначе объ этомъ человѣкѣ; она воздастъ ему подобающую честь и хвалу за великую заслугу его предъ родиной... Возложенной на него задачѣ онъ отдалъ всю душу свою... и жизнь. Желчная болѣзнь, прямое послѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ, заботъ и душевнаго огор-

*) О несочувственныхъ къ нему отношеніяхъ этихъ лицъ свидѣтельствуетъ лучше всего отзывъ о немъ въ упомянутыхъ изданныхъ за границей *Матеріалахъ для упр. кр. сост.* (Выпускъ I, стр. 380), происхожденіе которыхъ изъ ихъ среды не подлежитъ, кажется, сомнѣнію.

ченія, уложила его въ постель. *Задача* не дала ему ни времени, ни нужныхъ силъ бороться съ недугомъ. Онъ волновался ею сердцемъ на самомъ порогѣ могилы *), — и угасъ, повторяя еще въ предсмертномъ бреду: „Государь, не бойтесь!..“

Должно-ли было это дѣло его погибнуть вмѣстѣ съ нимъ? Оттянется-ли оно на неопредѣленный срокъ? Успѣютъ-ли „крѣпостники“ вырвать его у „бюрократовъ“ и „соціалистовъ?“ Кто станетъ теперь во главѣ его, кто замѣнитъ это лицо, сильное положеніе котораго не въ силахъ были сломить самые высокопоставленные противники его воззрѣній?

Вопросы эти стояли теперь у каждаго на устахъ и въ мысли. Въ канцеляріяхъ били тревогу; свѣтскія гостиныя ликовали...

— Это развѣ очень важно по-вашему, его предсмертная записка? спрашивала въ гостиной, усаживаясь въ глубокое кресло, Ольга Елпидифоровна Ранцова: — expliquez moi cela, cher.

Наташанцевъ не успѣлъ отвѣтить.

— Графъ Шепелевъ, генералъ-графъ Анисьевъ! доложилъ слуга.

Она чуть-чуть повела бровью и вопросительно поглядѣла на своего собесѣдника.

— Конечно, примите! изобразилъ онъ движеніемъ головы и какъ бы благодарно улыбаясь ей за этотъ нѣмой вопросъ.

— Проси!

---

*) 1 февраля утромъ, Яковъ Ивановичъ приказалъ настойчиво послать за княземъ Черкасскимъ. Когда послѣдній и завѣдывавшій дѣлами (П. П. Семеновъ) вошли къ нему, онъ сказалъ: „Вотъ цѣлый мѣсяцъ, князь, какъ я не видалъ васъ, по возвращеніи вашемъ изъ Москвы. Въ это время я былъ безъ силъ; теперь я чувствую силы и долженъ поговорить съ вами“. Затѣмъ онъ повелъ бесѣду о работахъ коммиссій, сначала шопотомъ, потомъ внятно; онъ спрашивалъ: „Увѣрены-ли вы такъ же, какъ я, что обязательный выкупъ для правительства не возможенъ? Увѣрены-ли вы такъ же, какъ я, что срочно-обязанныя отношенія, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбѣжны?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ мы сдѣлали все, что могли только сдѣлать: совѣсть моя спокойна. Силы мои слабѣютъ, но одинъ только савванъ можетъ отдѣлить меня отъ крестьянскаго вопроса“. *Некролог Я. И. Ростовцова*, сост. Ѳ. Еленевымъ 19 февраля 1860 года, стр. 19.

Оба они были люди лѣтъ сорока, оба красивы, оба занимали видныя положенія: Анисьевъ по служебной должности (онъ недавно былъ назначенъ на нее изъ губернаторовъ), — Шепелевъ, или, какъ прозывали его друзья, „Chou-Paul“, по выборамъ.

— Eh bien, c'est fini! молвилъ входя первый изъ нихъ, предупредительно раскланиваясь съ Наташанцевымъ и подавая съ особенною любезностью руку хозяйкѣ.

— Вы были на панихидѣ? спросила она.

— Само собою, по обязанности... Но если это можетъ васъ утѣшить, промолвилъ Анисьевъ со своею особенною улыбкой, — я могу вамъ сообщить, что и графъ Игловъ-Савловъ былъ тамъ, и громко всѣмъ выражалъ свою горесть о понесенной отечествомъ утратѣ.

— Не можетъ быть! вскрикнула Ранцова:—послѣ его знаменитаго письма къ покойному, которымъ отъ такъ хвалился намъ и напечаталъ въ Парижѣ!...

— Et dont on a été fort mécontent, протянулъ многозначительно Наташанцевъ.

— Malheureusement! быстро проговорила она,—но это не мѣшаетъ, что онъ высказалъ въ немъ des choses très dures, но совершенно справедливо, насчетъ самовластныхъ дѣйствій Ростовцова, который со своими Линютиными et compagnie долженъ былъ только сдѣлать сводъ изъ того, что постановили комитеты въ провинціяхъ, а никакъ не выдумывать своего положенія... N'est-ce pas, comte?—обратилась она къ Шепелеву, который не то угрюмо, не то устало опустился въ кресло насупротивъ ея и молча глядѣлъ на нее бархатно-нѣжными и какъ-бы упрекающими глазами (онъ ревновалъ ее къ Наташанцеву).

Онъ утвердительно повелъ головой на ея вопросъ.

— Да, но вы слышали, что сказалъ сейчасъ графъ Леонидъ Александровичъ, продолжалъ Анисьевъ:—эти „choses dures“ очень не понравились...

— Такъ вы думаете, что онъ это pour rentrer en grâce?...

Предоставляю вамъ заключить...

— Mon Dieu, mon Dieu! Человѣкъ такой богатый, si ari-

stocrate, en paroles... Для чего это ему?...—И Ольга Елпидифоровна подняла глаза къ небу.

Анисьевъ, прикусивъ усъ, иронически поглядѣлъ на нее:

— La grande propriété—ваша надежда, а?...

Шепелевъ поморщился. Наташанцевъ опустилъ глаза и тихо вздохнулъ.

— Вы рѣшительно сдѣлались краснымъ въ вашей губерніи! сказала досадливо хозяйка Анисьеву.

— Повозились-бы вы тамъ съ *бѣлыми*, весело возразилъ онъ,—пунцовымъ можно сдѣлаться!...

Она обратилась опять къ Шепелеву:

— И вы не знаете, кто же на мѣсто покойнаго?

— Графъ Сергѣй Северовъ, on dit.

— Онъ не пойдетъ... да ему и не предложатъ, молвилъ негромко графъ Наташанцевъ.

— Это почему?

— Trop entier de caractère...

— Баронъ фонъ-Гагернъ, помѣщикъ Перстневъ! раздался въ дверяхъ голосъ слуги.

— Перстневъ, c'est précisément mon homme, сказалъ Шепелевъ хозяйкѣ:—депутатъ, про котораго я вамъ говорилъ. Très intelligent, промолвилъ онъ.

— Ахъ, да, я очень рада... Проси!

Баронъ фонъ-Гагернъ, Остзеецъ, когда-то товарищъ графа Наташанцева по конной гвардіи, высокій, сухой старикъ съ лысившеюся до затылка кирпичнаго цвѣта лысиной и съ сѣдыми усами, подчесанными кверху, державъ себя чрезвычайно прямо, чинно и щеголевато, какъ и приличествовало прибалтійскому феодалу и бывшему кавалеристу. Онъ въ прошломъ году выдалъ одну изъ дочерей своихъ, фрейлину, за сына Наташанцева, и почиталъ нужнымъ, снисходя къ слабости стараго „камрада и нынѣ родственника“, не оставлять своимъ вниманіемъ и „прекрасную даму его сердца“.

Перстневъ, степнякъ и крѣпышъ, съ ворохомъ взъерошенныхъ полусѣдыхъ волосъ на головѣ, высунутою впередъ челюстью и острыми, умными глазами, надъ которыми непроходимымъ кустарникомъ висѣли густыя темныя брови, глядѣлъ

на первый разъ циникомъ и нелюдимомъ. Но это первое впечатлѣніе, какъ только онъ отворялъ ротъ, оказывалось совершенно ошибочнымъ: онъ былъ ужасный болтунъ.

— Очень рада съ вами познакомиться, говорила Ранцова, протягивая ему руку, между тѣмъ какъ другую галантно подносилъ къ устамъ своимъ баронъ фонъ-Гагернъ:—графъ Шепелевъ вотъ говоритъ о васъ, какъ о...

— Какъ о товарищѣ въ будущихъ бояхъ противъ нашихъ Сенъ-Жюстовъ и Бабефовъ, не далъ ей договорить онъ:—такъ оно точно. Да много-ли пооораторствовать-то намъ дадутъ? Вѣдь у нихъ тамъ, говорятъ, на Васильевскомъ Острову *) не совѣщанія-съ, а экзамены происходятъ: сидятъ это учителя и наставники—господа все изъ здѣшнихъ министерій—и предлагаютъ темы для упражненія въ прекрасномъ слогѣ, а практики—помѣщики, избранные русскимъ дворянствомъ, обращенные въ школьниковъ, строчатъ на эти темы, спины не разгибая, чтобы къ сроку не опоздать, а то и вовсе съ экзамена, изъ Петербурга то-есть, прогонятъ.

Кругомъ засмѣялись.

— Позвольте познакомить васъ съ... и хозяйка переименовала ему своихъ гостей.

Онъ неловко раскланивался и пожималъ протянувшіяся къ нему руки...

— Я сосѣдъ вашему сіятельству по Чембарскому уѣзду, началъ онъ опять, обращаясь къ Наташанцеву:—мужики-то у васъ тамъ отъ чая да пшеничнаго хлѣба эвотъ какъ отъѣлись, тузы тузами, и не подходи!...

— Да, имъ жить, кажется, не дурно, усмѣхнулся въ отвѣтъ графъ.

Баронъ Гагернъ степенно усмѣхнулся тоже:

— Ну, я полагаю, такихъ мужиковъ, которые каждый день чай попиваютъ и *булки* ѣдятъ, немного въ Россіи?

Перстневъ живо обернулся на него:

— А въ Курляндіи много ихъ, господинъ баронъ?

---

*) Редакціонныя коммиссіи, какъ извѣстно, собирались въ зданіи бывшаго 1-го Кадетскаго корпуса, на набережной Вас. Острова.

Тотъ нахмурился:

— У насъ земледѣлецъ давно свободный есть; помѣщикъ не отвѣчаетъ за него.

— А земли у него своей нѣтъ, у земледѣльца у вашего? промолвилъ ему въ тонъ степнякъ.

— Онъ можетъ нанимать у *помѣщика* и даже покупать...

— А отдавать ему вашу землю даромъ васъ никто не принуждаетъ?

— Я полагаю, строго протянулъ Гагернъ, медленно проводя рукой по усамъ и изподлобья глядя на своего собесѣдника,—что никто не думаетъ отымать у насъ наши *привилегіи*.

— О, на этотъ счетъ будьте покойны! желчно отрѣзалъ Перстневъ,—никто васъ никогда не тронетъ, ни вашихъ „привилегій", ни вашей земли! Съ *нами* все это можно, а съ вами нельзя... Вы настоящее *сословіе*, вы—*рыцарство*, а мы... намъ, представителямъ дворянства, господа эти отъ министерій чуть ужь не прямо теперь въ глаза плюютъ...

— Ну, какъ это возможно! возгласилъ баронъ.

— Очень просто-съ. А вы объ этомъ не слыхали? уже напѣлъ степной депутатъ:—когда товарищей нашихъ перваго призыва пригласили въ коммиссію въ первое засѣданіе *), прочли имъ вопросные пункты и строжайшую инструкцію, чтобы ни о чемъ другомъ не смѣли они разсуждать помимо этихъ пунктовъ, вышли они оттуда, вы понимаете, какъ въ воду опущенные, уничтоженные, можно сказать... А господинъ Линютинъ имъ вслѣдъ кулакъ показалъ. „Что, завопилъ, воображаете себя представителями *націи*, а васъ лишь спрашиваютъ то или другое свѣдѣніе; отвѣтили и—убирайтесь къ чорту!"...

— Ну, можетъ-ли это быть! даже весь вспыхнулъ Остзеецъ, водя кругомъ себя вопросительнымъ взглядомъ.

Анисьевъ иронически улыбался. Остальные молчали, опустивъ глаза.

---

*) 25 августа 1859 года.

— Генералъ Базанкуръ!... Господинъ Риччи!... Господинъ Чижевскій! произнесъ слуга одно имя за другимъ.

— Vous savez? первымъ дѣломъ спросилъ высокій, благообразный, похожій на барона Гагена, по нерусскому типу наружности, генералъ, поцѣловавъ руку хозяйки и обводя кругомъ общимъ поклономъ.

— Quoi?

— Le remplaçant de Ростовцовъ?

Все обернулось къ нему, все крикнуло:

— Кто же, кто?

— Моравовъ, le ministre des domaines.

— Въ самомъ дѣлѣ? Откуда вы знаете?

— De très bonne source, подчеркнулъ Базанкуръ: — онъ вчера представилъ записку о необходимости освобожденія государственныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ помѣщичьими и ввернулъ въ нее entr'autres, что государственныя имущества могутъ дать шестьдесятъ милліоновъ для выкупной операціи. Vous comprenez qu'un homme qui vous offre soixante millions pour vous tirer d'embarras...

— И который не „красный“, замѣтилъ Анисьевъ, насмѣшливо глядя на Ольгу Елпидифоровну.

— Совсѣмъ напротивъ, слава Богу! вскликнула она. — Какъ я рада, какъ я рада!...

— Un homme d'esprit! кивнулъ одобрительно графъ Наташанцевъ.

— Et tout d'une pièce! промолвилъ Пепелевъ.

— Имѣю честь знать, сказалъ въ свою очередь Перстневъ, скаля зубы и потирая руки отъ удовольствія,—баринъ этотъ съ редакціонными коммисіями, полагаю, много разговаривать не станетъ.

Общій сочувственный смѣхъ отвѣчалъ на эту выходку.

— Moi z'ai (j'ai) entendu autre sose (chose), вмѣшался въ разговоръ сѣдовласый Риччи, композиторъ, учитель пѣнія и любезный человѣкъ, принадлежавшій къ числу „паричковъ“ хозяйки дома:—z'ai vu auzourd'hui (aujurd'hui) quelqu'un qui *m'a dit que* le ministre de l'intérieur, Danskoi, avait presenté

une zapiska à Sa Mazesté (Majesté) et que c'est lui qui remplacerait le zénéral défunt.

— Un vieux ramolli! вскрикнула нѣсколько испуганно Ольга Елпидифоровна: — это значитъ опять Линютинъ, Соловейкинъ, tout le fond du panier?

Чижевскій, служившій помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, заговорилъ въ свою очередь:

— Меня сегодня увѣряли, что ни Данской, ни Моравовъ, а будетъ назначенъ министръ путей сообщеній Чевыкинъ...

— Ce méchant bossu? перебила его Ранцова.

— Да... и что-то очень похоже на это: онъ сегодня потребовалъ къ себѣ товарища моего по службѣ, Жукова, который непремѣнный членъ въ редакціонной коммиссіи, и очень долго его разспрашивалъ о *ея* трудахъ... Онъ также представилъ спеціальную записку по вопросу освобожденія...

— Современный турниръ, сострилъ Перстневъ: — рыцари копьями вышибали другъ друга изъ сѣдла, а наши министры выковыриваютъ другъ друга записками... О чемъ же именно, не изволите знать, записка генерала Чевыкина?

— О необходимости пересмотра остзейскаго крестьянскаго положенія.

Баронъ Гагернъ даже привскочилъ на своемъ стулѣ.

— Pardon, monsieur, вы это знаете какъ... *вѣрное?* обратился онъ къ Чижевскому съ судорожно заходившимъ лицомъ.

— Я, разумѣется, записки не читалъ, отвѣчалъ тотъ съ полуусмѣшкой,—но имѣю основаніе думать, что она дѣйствительно представлена...

— Но это невозможно... невозможно совсѣмъ, забормоталъ баронъ, поспѣшно вставая съ мѣста.

Онъ торопливо пожалъ руку хозяйкѣ, кивнулъ разсѣянно остальнымъ и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной.

Оставшіеся переглянулись съ невольною улыбкой.

— Да-съ, сказалъ Перстневъ,—вотъ эти господа умѣютъ стоять за себя... И отстоятъ, бояться за нихъ нечего!...

— Европейцы! коротко проговорилъ на это Шепелевъ.

— Да что вы думаете, графъ, вскинулся тутъ же слово-

охотливый степнякъ,—если бы насъ, варваровъ, поставили въ тѣ же условія, въ какихъ...

— Я къ вамъ только на полминуты, ma chère, перебилъ его рѣчь голосъ показавшейся въ дверяхъ довольно тучноватой, но очень живой дамы, въ шляпѣ и мантильѣ и съ *деловымъ* портфелемъ въ рукѣ (это была Варвара Петровна Мосягина, пользовавшаяся, какъ и графъ Наташанцевъ, правомъ входить во всякое время безъ доклада къ г-жѣ Ранцовой),—я и такъ ужь опоздала въ комитетъ... Bonjour, messieurs! послала она съ мѣста поклонъ поднявшимся при ея появленіи мужчинамъ, и вдругъ разсмѣялась и проговорила въ придачу изъ пѣсни о „Мальбрукѣ“:

La nouvelle que j'apporte
Fera pleurer vos beaux yeux...

— Quelle nouvelle? воскликнула, идя ей навстрѣчу, Ольга Елпидифоровна.

— У меня сейчасъ была Нелли Новицкая, прямо изъ Михайловскаго дворца; ей тамъ сказали, что назначеніе Линютина рѣшено.

— Куда?

— На мѣсто Ростовцова.

Произошло настоящее смятеніе. Все устремилось къ ней...

— Вы шутите?

— Не можетъ быть!

— Quelle infamie! взвизгнула Ранцова...

Перстневъ махнулъ отчаянно рукой по воздуху:

— Продамъ все, заберу семью и удеру въ Америку! Чтобъ уши мои не слышали, глаза не видали!...

— А затѣмъ прощайте! молвила тѣмъ временемъ Мосягина, оборачиваясь и уходя:—спѣшу...

— Куда же вы? погодите минутку, Варвара Петровна! кинулась за ней хозяйка.—Вы намъ ничего не успѣли обстоятельно разсказать, какъ это случилось и навѣрное-ли...

— Я ничего не знаю, кромѣ того, что мнѣ сказали, и не спрашивайте!... Мнѣ очень жаль, что это васъ, милая, огорчаетъ (Варвара Петровна неожиданно охватила при этомъ

Ранцову за шею и звонко чмокнула ее въ щеку), но мои пріютскія сироты гораздо для меня дороже, чѣмъ всѣ ваши combinaisons politiques... Я personellement его даже очень люблю, Линютина... и Бековича тоже... Премилые оба et très drôles quand ils s'en mêlent... а я люблю посмѣяться... Прощайте!

— Позвольте мнѣ предложить вамъ руку до крыльца, любезно молвилъ ей Анисьевъ, взявъ свою каску и. уходя за нею... Продольная морщинка стояла между его бровями: онъ былъ озабоченъ не вѣстью объ этомъ назначеніи Линютина,— а тѣмъ, что ему было еще не извѣстно объ этомъ, столь уже рѣшительно, повидимому, распространяемомъ „au palais Michel" слухѣ... Надо было сейчасъ же *провѣрить*.

— Très curieux! сказалъ, прощаясь въ свою очередь, генералъ Базанкуръ:—je vais aux informations.

— Напишите мнѣ сейчасъ же, когда узнаете что-нибудь положительно! потребовала отъ него Ольга Елпидифоровна.

— Vos désirs sont des ordres, madame! отвѣчалъ генералъ нѣжнымъ тономъ и заглядывая ей прямо въ глаза.

Онъ слегка вздохнулъ, замѣтивъ, что глаза эти совершенно нѣмы для него въ эту минуту, пережалъ всѣмъ руки и исчезъ.

— Venez diner chez moi après-demain, Ricci! какъ бы вспомнивъ вдругъ, сказала Ранцова.

Влюбленный Италіянецъ понялъ, что это приглашеніе на послѣзавтра означало: „а въ эту минуту ты здѣсь лишній". Вспышка досады изобразилась на его немолодомъ, но еще свѣжемъ и красивомъ лицѣ.

— Ze vous avais apporté oune (une) nouvelle romance de Gordigiani à santer (chanter), молвилъ онъ, подымая шляпу съ пола и медленно вставая со стула.

Она только головой кивнула.

— Sortons nous ensemble, monsieur Tzizewski? спросилъ онъ молодаго чиновника.—Уходить-молъ, такъ хоть не одному.

Чижевскій всталъ. Перстневъ шевельнулся въ своемъ креслѣ какъ бы съ тѣмъ же намѣреніемъ.

— Погодите! шепнула, наклоняясь къ нему, хозяйка.

Риччи сверкнулъ глазами по направленію Наташанцева и Шепелева, не трогавшихся съ мѣстъ (всѣ „парички“ Ольги Елпидифоровны страшно ревновали къ ней другъ-друга) и удалился съ Чижевскимъ.

Оставшись съ одними „серіозными людьми“, Ольга Елпидифоровна первымъ дѣломъ поставила имъ такого рода вопросъ:

— Неужели вы теперь, господа, не соединитесь крѣпко, не примете рѣшительныхъ мѣръ?... Une adresse à Sa Majesté, que sais-je!... Вѣдь теперь съ Линютинымъ en tête это будетъ уже не то, что дворянство болѣе или менѣе оберутъ; они уже, не церемонясь, прямо поведутъ à une révolution sociale, comme vous dites très bien, cher comte. — И она обернулась ко графу Наташанцеву.

— Такъ или иначе, cela en sera toujours une!... печально и тихо промолвилъ онъ на это.

— Въ Америку-съ, въ Австралію бѣжать только и остается! пропѣлъ отъ избытка волненія визгливымъ дискантомъ Перстневъ.

— Извѣстіе прежде всего требуетъ подтвержденія, замѣтилъ спокойнымъ тономъ графъ „Chou-Paul“; — я въ немъ очень сомнѣваюсь.

— Почему?

— Я, во-первыхъ, видѣлъ сегодня Линютина на панихидѣ, il n'avait pas l'air joyeux du tout...

— А фельдмаршалъ что же? перебила его вдругъ Ранцова, глядя на него заискрившимися снова глазами:— говорили ему? Что онъ сказалъ? Онъ такъ силенъ, близокъ... и съ нами однихъ мнѣній... Онъ можетъ объяснить, наконецъ, куда хотятъ вести Государя и Россію эти Прудоны въ вицмундирахъ.

— Le maréchal n'a que sa gloire en tête, отвѣчалъ недовольнымъ голосомъ „Chou-Paul“;—онъ взялъ Имама, прекратилъ вѣковую войну,—съ него довольно... Il s'est refusé à tout: „не мое дѣло“, говоритъ...

— И онъ правъ! какъ бы про себя пропустилъ Наташанцевъ.

— Никакой надежды, значитъ, не осталось! вскликнула

съ отчаяніемъ пылкая молодая женщина (она такъ вошла въ свою „политическую“ роль, что слезы дѣйствительно готовы были брызнуть изъ ея прекрасныхъ карихъ глазъ)...

Въ дверяхъ показался еще разъ слуга: онъ несъ письмо на серебряномъ подносѣ.

Ольга Елпидифоровна взглянула на адресъ, узнала руку Прыткова и съ судорожною поспѣшностью сорвала обложку.

На клочкѣ бумаги мельчайшимъ почеркомъ и безъ подписи начертаны были ровно девять словъ:

„По всѣмъ признакамъ, графъ Вилинъ. Сейчасъ потребованъ во дворецъ“.

— Браво, messieurs, браво! вся вспыхнувъ, вскрикнула Ольга Елпидифоровна, передавая письмо графу Наташанцеву:—Линютинъ à bas! Вилинъ будетъ, un grand seigneur, какого нужно было!...

— Графъ Вилинъ! повторилъ, всплеснувъ радостно руками, Перстневъ,—ну, значитъ, дѣло въ архивъ сдано! Онъ Васильеостровскую компанію похоронитъ и камнемъ завалитъ.

— Чего онъ не похоронитъ, засмѣялся графъ Шепелевъ,—il est né croquemort!

— Я воображаю, какъ взбѣсится Герценъ, который называлъ его „трехполѣннымъ“, и всѣ наши „либералы“, молвила Ранцова, вторя его смѣху.

— Рано пташечка запѣла, неожиданно уронилъ графъ Наташанцевъ, улыбаясь своею тихою и тонкою улыбкой.

— Вы не вѣрите?

— Чему? A la nouvelle? Вѣрю. Въ остальномъ сомнѣваюсь.

Chou-Paul поднялъ на него свои бархатные глаза:

— Я не менѣе васъ, графъ, сомнѣваюсь, чтобы изъ этого назначенія могло что-нибудь выйти. Nous connaissons l'homme. Но это самое и должно повести къ желанной цѣли. Вилинъ rendra la редакціонная коммиссія impossible. Онъ ею надоѣстъ до смерти, и ее закроютъ, дѣло перейдетъ опять въ главный комитетъ, который, bongré, malgré, принужденъ будетъ созвать представителей отъ дворянства...

— Et la Russie sera sauvée! перебила его восторженнымъ возгласомъ Ольга Елпидифоровна.

— И мы спасаемъ ее дѣйствительно, впадая въ тонъ молодой женщины, заспѣшилъ говорить Перстневъ: — мы докажемъ правительству, что путемъ споліаціи можно только привести ее къ разгрому и разоренію, что единственный путь въ этомъ вопросѣ есть полное довѣріе къ преданности дворянства престолу, къ его великодушію и патріотическому духу, а исходъ—добровольныя соглашенія помѣщиковъ о землѣ съ освобождаемымъ *лично* народомъ...

— А къ этому, какъ условіе sine qua non, примолвилъ Шепелевъ,—полное, и прежде всего другаго, преобразованіе суда и мѣстной администраціи...

— Суда и мѣстной администраціи, уже захлебываясь, повторилъ за нимъ степной помѣщикъ: — съ какой бы стороны вы ни подошли къ этому, можно сказать, роковому вопросу, освобожденія: съ политической, административной, экономической, соціологической..,

— Однако, я думаю, вамъ и обѣдать пора? обратился вдругъ, вынимая часы графъ, Наташанцевъ къ хозяйкѣ, видимо испугавшись дальнѣйшаго краснорѣчія этого „Демосѳена изъ Чембаръ", какъ назвалъ онъ мысленно Перстнева.

— Въ самомъ дѣлѣ поздно! подтвердилъ Chou-Paul, поспѣшно вставая съ мѣста.

Степной депутатъ досадливо поглядѣлъ на двухъ „аристократовъ", не давшихъ ему довести даже перваго періода его рѣчи до конца, вздохнулъ и поднялся тоже.

— Messieurs, сказала хозяйка, спеціально относясь впрочемъ къ нему, Перстневу,—то, что я вамъ прочла,—до поры до времени величайшій секретъ, помните!

— Помилуйте, само собой, воскликнулъ онъ, прикладыя даже руку къ сердцу...

Всѣ трое мущинъ, распростившись съ хозяйкой, направились къ дверямъ. Она поднялась, въ свою очередь, проводить ихъ.

Въ слѣдующей комнатѣ графъ Наташанцевъ замедлилъ шаги и остановился предъ висѣвшею на стѣнѣ одною изъ

немногихъ картинъ покойнаго Акулина, удержанныхъ за собою его дочерью.

— J'aime beaucoup ce Lancret, молвилъ онъ, какъ бы задержанный желаніемъ полюбоваться ею еще разъ, между тѣмъ какъ графъ Шепелевъ и Перстневъ выходили въ переднюю...

— Я не довольна вами, какъ только остались они одни, проговорила полушопотомъ Ольга Елпидифоровна, нѣжно глядя ему въ глаза и роняя руку свою въ протянувшуюся къ ней его руку,—вы чѣмъ-то тревожитесь?

Онъ поглядѣлъ на нее и произнесъ тѣмъ задушевнымъ тономъ, которымъ позволялъ онъ себѣ говорить только съ нею,—тономъ, выдававшимъ своимъ искреннимъ пафосомъ романическую подкладку его натуры:

— J'aime mon pays et—je tremble pour lui!

— Это требуетъ объясненія, сказала Ранцова,—вернемтесь въ гостиную.

Они усѣлись тамъ рядомъ на диванчикѣ и заговорили какъ бы невольно тихими голосами...

— Скажите, спрашивала она,—вы не довольны назначеніемъ графа Вилина? Почему?

— Милый другъ мой, отвѣчалъ онъ,—вы ошибаетесь. Я тревожусь, это правда, но Вилинъ тутъ не причемъ... Вы и наши друзья придаете какое-то огромное значеніе тому, въ чьи руки перейдетъ задача, не довершенная Ростовцовымъ. А я вамъ вотъ что скажу,—онъ осторожно оглянулся кругомъ:—того, чего хотѣли бы мы,—никогда не будетъ! Ни Вилинъ, ни кто бы, излюбленнѣйшій изъ насъ, ни сталъ теперь во главу этого дѣла,—не въ силахъ будетъ сдвинуть его съ того направленія, какое ему дано. Освобожденіе крестьянъ—*личное-е-дѣ-ло Государя*, протянулъ многозначительно графъ:—оно ему всецѣло принадлежитъ и—ни-ко-му другому; Линютинъ et compagnie ne sont que des comparses qui s'imaginent grands rôles, больше ничего. А все это безо всякаго ихъ посредства зародилось въ душѣ Государя; онъ же, не сомнѣвайтесь въ этомъ, доведетъ дѣло до конца и въ томъ духѣ, въ какомъ оно было имъ задумано... Вы слышали переданныя мною Прыткову слова его Величества при полученіи посмерт-

ной записки покойнаго?.... Онъ въ ней видитъ „завѣщаніе“ человѣка, глубоко и искренно проникшаго *его* волею и мыслью, и не отступитъ отъ ея началъ,—вы можете быть въ этомъ увѣрены!

— Но однако же, возразила Ольга Елпидифоровна,—назначенъ на мѣсто этого человѣка другой, совершенно ему противоположный, un grand seigneur, другихъ понятій, воспитанія, традицій...

— Этотъ „grand seigneur“, молвилъ старый царедворецъ, покачивая головой,—безпрекословный слуга высшей власти: онъ строго исполнитъ то, что̀ ему будетъ указано...

— Но въ такомъ случаѣ... вы сами предвидите такія печальныя послѣдствія... не договорила она и вопросительно подняла на него глаза.

Онъ уныло усмѣхнулся:

— Что̀ же дѣлать! Государь не можетъ имѣть къ намъ довѣрія болѣе, чѣмъ мы сами имѣемъ его къ себѣ... А мы... soyons francs: никто изъ насъ *въ себя не вѣритъ!* уже чуть слышно и съ какимъ-то отчаяніемъ проговорилъ графъ.

Оба они замолкли за этими словами.

Онъ первый прервалъ молчаніе:

— Вы не получили еще приглашенія изъ ***го дворца? молвилъ онъ уже съ улыбкой, какъ бы приходя въ себя и отгоняя докучную заботу.

Она вся вздрогнула и загорѣлась взглядомъ:

— Нѣтъ... а развѣ?... не въ силахъ была она докончить отъ радостнаго волненія.

— Vous êtes sur la liste; мнѣ вчера у Оссовицкихъ на балѣ сказала la demoiselle d'honneur de l'endroit, княжна Кубенская.

Ольга Елпидифоровна схватила руку его обѣими своими:

— Oh, mon ami, какъ вы милы, добры, какъ я васъ люблю!...

Онъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ... Она горячо поцѣловала его въ щеку.

— Не почитайте меня пустою и тщеславною, шептала она, прильнувъ *кошечкой* къ его плечу: — я радуюсь всему

этому теперь потому, что я этимъ становлюсь ближе къ вамъ, cher,—къ вамъ, моей единственной привязанности въ жизни...

— О, проговорилъ Наташанцевъ, и пламень глубокой страсти освѣтилъ совершенно юношескимъ пыломъ его красивыя старческія черты, — когда будете вы совсѣмъ моею предъ Богомъ и предъ людьми!...

— Это зависитъ отъ васъ... вы знаете, вся румяная и счастливая отвѣчала она тѣмъ же шопотомъ, глянувъ на него изъ-подлобья своимъ неотразимымъ взглядомъ.

Онъ весь сгоралъ, страстно сжимая и цѣлуя ея руки...

— А изъ Рай-Никольскаго, спросилъ онъ, — есть отвѣтъ на ваше письмо?...

— Сегодня утромъ, я только что встала, явился ко мнѣ *его* повѣренный; онъ пріѣхалъ изъ Москвы безъ письма, но съ порученіемъ сказать мнѣ, что онъ, то-есть mon mari, „на все согласенъ“... „Скажите ей“, передалъ мнѣ тотъ его слова, „что я никогда не захочу помѣшать ея счастью и какъ сказалъ ей, такъ и исполню: вину я приму на себя, пусть она выходитъ, какъ сердце ей скажетъ!“

— Ah, tenez, c'est très beau de sa part! невольно воскликнулъ графъ: — немногіе на его мѣстѣ способны были бы отречься отъ васъ съ такимъ великодушіемъ.

— Да, я всегда скажу, онъ невозможный по воспитанію, но совершенно честный человѣкъ.... Не съ его стороны, конечно, я опасалась... и боюсь препятствій, примолвила Ольга Елпидифоровна съ легкимъ вздохомъ и опущенными глазами, перебирая кольца на рукѣ.

Замѣтное смущеніе сказалось на мигъ въ лицѣ ея собесѣдника:

— Expliquez vous! и онъ тревожно задвигался на своемъ креслѣ.

— Меня не любятъ въ вашей семьѣ, прерывающимся голосомъ отвѣтила она: — мнѣ извѣстно de bonne source, что ваша дочь, княгиня Андомская, напримѣръ...

— Она васъ не знаетъ! не далъ договорить ей Наташанцевъ, какъ бы спѣша успокоить ее этими словами.

— То-есть, *не хочетъ знать*, подчеркнула молодая женщина съ горькою усмѣшкой,—я объ этомъ и говорю...

Онъ вдругъ всталъ, выпрямился; глаза его раскрылись и сверкнули.

— Eh bien, tant pis pour elle, mais il faudra bien quelle passe par là! пылко выговорилъ онъ; — я довольно сдѣлалъ для моихъ дѣтей, и они достаточно богаты и хорошо поставлены въ свѣтѣ, чтобы дозволить наконецъ и ихъ отцу подъ старость лѣтъ de prendre sa part de bonheur dans ce monde!...

Ольга Елпидифоровна всплеснула руками:

— Pas d'emportement, cher ami, au nom du ciel, pas d'emportement! Я лучше соглашусь навѣки отказаться отъ васъ, бѣжать, исчезнуть навсегда, чѣмъ быть причиной раздора между вами и вашими дѣтьми!.. Княгиню Андомскую я понимаю: для нея никакъ не можетъ быть пріятна мысль, что я могу... На ея мѣстѣ я чувствовала бы то же недружество къ такой неизвѣстной, незнатной особѣ, какъ я,—слезы стояли въ горлѣ „очаровательницы“, — у которой нѣтъ ничего взамѣнъ того, что вы хотите ей дать, кромѣ своего чувства къ вамъ...

— Ваше чувство, mais c'est le ciel... et vous êtes un ange! вскликнулъ, замирая отъ восторга, влюбленный старикъ, прижимая ее еще разъ къ сердцу.

Она стыдливымъ движеніемъ отстранилась чуть-чуть отъ него и продолжала:

— Я хотѣла бы только имѣть случай свидѣться гдѣ-нибудь съ вашею дочерью; я успѣла бы, я надѣюсь, внушить ей если не больше расположенія, то во всякомъ случаѣ менѣе враждебности ко мнѣ.

— Я васъ познакомлю съ нею на балѣ у великой княгини, сказалъ рѣшительнымъ голосомъ графъ. — Вы знакомы съ фрейлиной ея высочества? перебилъ онъ вдругъ себя этимъ вопросомъ.

— Да... и нѣтъ... Я познакомилась съ княжной Кубенской въ Москвѣ, когда она еще жила у тетки, потомъ была

у нея предъ представленіемъ великой княгинѣ, но она до сихъ поръ не отдала мнѣ визита...

— C'est une personne qui s'en fait accroire, je m'en suis aperçu, промолвилъ онъ сквозь зубы, — но все равно... сдѣлайте ей лишнюю учтивость, заѣзжайте къ ней, elle a de l'influence dans la maison...

Я поѣду къ ней завтра же, произнесла покорнымъ голосомъ Ольга Елпидифоровна.

Онъ помолчалъ опять.

— Вы знаете, что 12-го числа grand bal masqué въ Михайловскомъ дворцѣ?

— Да, знаю! вздохнула она... не совсѣмъ искренно: то, что она читала на лицѣ его, не предвѣщало ей нисколько повода ко вздохамъ,—напротивъ.

— Надо, чтобы вы тамъ были, дѣйствительно сказалъ онъ.

— Я! вскрикнула она опять далеко неискренно: — меня тамъ терпѣть не могутъ!

Графъ пожалъ плечами:

— Во-первыхъ, ненависть вовсе не въ привычкахъ de la maîtresse du logis. Во-вторыхъ,—добавилъ онъ со своею тонкою царедворческою улыбкой,—вы ни во что не ставите любопытство?

— Любопытство чего?

— Видѣть васъ.

— La madame Roland du parti perruque? расхохоталась во весь раскатъ своего бывалаго дѣвичьяго смѣха Ольга Елпидифоровна.

Онъ разсмѣялся тоже:

— Eh bien, oui, мнѣ было это сказано.

— Что меня желали бы видѣть?

Онъ утвердительно повелъ головой.

— И я, можетъ-быть... получу пригла...—Голосъ ея оборвался окончательно.

— Надѣюсь.

Она вскочила съ мѣста:

— Oh, cher, cher, cher!...

— И когда моя дочь увидитъ васъ и, *тамъ*, il faudra bien qu'elle vous *connaisse*, подчеркнулъ онъ въ заключеніе.

Она нежданно закинула ему обѣ свои руки за шею и прижалась къ нему въ порывѣ невыразимаго счастія...

Ольга Елпидифоровна сѣла въ этотъ день за столъ одна, въ десятомъ часу вечера, такъ какъ по отъѣздѣ графа Наташанцева тотчасъ же принялась писать письмо къ мужу. Въ длинномъ, на четырехъ страницахъ, письмѣ этомъ, какъ солнце въ гладкой скатерти водъ, отразилось все блаженное настроеніе ея духа въ ту минуту. Никогда еще Никаноръ Ильичъ не получалъ отъ нея, да и вообще, такихъ нѣжныхъ строкъ: она его называла въ нихъ „ангеломъ“, „благороднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ“, „лучшимъ своимъ другомъ“ и обѣщалась молиться за него утромъ и вечеромъ... Получивъ письмо, Ранцовъ проплакалъ, запершись у себя, цѣлый вечеръ, а на другой день выѣхалъ изъ деревни.., исполнять то, что было имъ обѣщано ей...

III.

Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
Пушкинъ.

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя...
Тютчевъ.

Das Hofleben gleicht einer Musik, wo jeder seine Takte und Pause halten muss.
Göthe.

Слѣдующій день былъ воскресенье... Изъ толпы молельщиковъ, сходившей со ступеней Исаакіевскаго собора по окончаніи обѣдни, отдѣлился бѣлокурый, худощавый и еще молодой человѣкъ въ мѣховомъ пальто мѣшкомъ и бобровой шапкѣ и, перейдя черезъ площадь на тротуаръ, зашагалъ медленно, опустя голову, по направленію одного изъ петербургскихъ дворцовъ.

Онъ шелъ, не замѣчая ни движенія на улицахъ, ни холоднаго вѣтра, рѣзавшаго ему лицо, глубоко погруженный въ самого себя... Богослуженіе, только-что прослушанное имъ, навѣяло на него какое-то мистически успокоительное настроеніе. Онъ чувствовалъ себя размягченнымъ и *поднятымъ* въ одно и то же время,—поднятымъ на ту созерцательную высоту духа, съ которой земная забота, земная печаль теряетъ всю ѣдкость свою и самое значеніе. „Житіе бо се — сонъ и сѣнь, и всуе мятется всякъ земнородный“, какъ бы безсозна-

о шептали его уста, и то, для чего онъ жилъ теперь
й годъ въ Петербургѣ, проводя дни и ночи за упорнымъ
омъ, вовсе исчезало въ эту минуту изъ его сознанія въ
тывавшемъ его ощущеніи того „таинственно несомнѣнна-
.. что впервые прозрѣно было имъ „до дна души“ предъ
имъ чудно прекраснымъ, объятымъ смертью женскимъ ли-
ъ... Самъ онъ съ минуты той смерти — десять лѣтъ про-
ю съ тѣхъ поръ,—пересталъ жить личною жизнью: ея мо-
ла схоронила и его молодость. Безпощадный ударъ сокру-
илъ ее на самомъ разцвѣтѣ, и какъ дубъ, пораженный гро-
ой, зловѣще звенитъ подъ вѣтромъ своими засохшими вѣтвя-
и, душевныя силы его послѣ того удара трепетали лишь от-
звукомъ мрачнаго и безысходнаго отреченія. Онъ дожилъ,—
дотянулъ до тридцати трехъ лѣтъ безъ радостей, безъ упова-
ній, почти безъ людей, въ суровомъ деревенскомъ отшельни-
чествѣ, исключительно съ книгами и *для книгъ*, отказавшись
отъ всякой *внѣшней* дѣятельности, отъ каѳедры—первоначаль-
ной золотой мечты юныхъ дней его,—и тщетно стараясь въ
своей пустынѣ „забыться и забыть“... Онъ былъ одинъ, какъ
перстъ на свѣтѣ. Тетка, воспитавшая его и бывшая ему вто-
рою матерью, истаяла и угасла отъ его горя, забыть которое
она чувствовала себя безсильною помочь ему...

Онъ зачахъ бы самъ послѣ этой послѣдней потери, или
ушелъ бы куда нибудь въ дальнюю обитель,—не разъ въ те-
ченіе безконечно долго тянувшихся для него годовъ прихо-
дила ему эта мысль въ голову,—если бы не получилъ одна-
жды совершенно неожиданно въ деревнѣ отъ университетскаго
товарища своего, князя Бековича, письма съ предложеніемъ
отъ генерала Ростовцева принять участіе въ разрѣшеніи дѣ-
ла объ освобожденіи крестьянъ. Что-то давно забытое шевель-
нулось вдругъ и заискрилось во мракѣ души его. То великое
дѣло, о которомъ онъ во дни блаженныхъ порывовъ и тре-
петныхъ идеаловъ юности говорилъ *ей* прерывавшимся отъ
волненія или счастія голосомъ,—оно призывало его теперь къ
себѣ, его, рвавшагося тогда къ его недосягаемому призраку
всѣми лучшими помыслами и чаяніями своими. Золотые сны
тѣхъ дней осуществлялись для него наяву: ему давалось те-

перь дѣйствительно въ руки „*послужить* освобожденію своего народа“... *). Онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Петербургъ, принялся за общую съ другими работу...

Онъ внесъ въ нее, вмѣстѣ съ огромнымъ запасомъ знанія въ подтвержденіе тѣхъ началъ „московской школы“, которымъ оставался онъ незыблемо вѣренъ, какой-то строгій энтузіазмъ народности, мало похожій на тотъ почерпнутый изъ французскихъ книжекъ задоръ западнаго демократизма, на которомъ опирались столпы убѣжденій не малаго числа его петербургскихъ сочленовъ. Онъ *зналъ* и глубоко вѣровалъ въ то, о чемъ очень часто и понятія никакого не имѣли эти лица; не мало было имъ уяснено, направлено, отвоевано у нихъ... Бюрократическіе parti pris, заемныя теоріи должны были не разъ пасовать предъ ратоборцемъ, выходившимъ противъ нихъ во всеоружіи русской бытовой и исторической правды...

Холодная съ виду, почти суровая личность его внушала къ себѣ глубокое уваженіе; друзья и недруги его дѣятельности, рукоплеща ей или ненавидя ее, называя самого его „идеалистомъ“ или „фанатикомъ“, видѣли въ немъ равно совершенно „чистаго“ человѣка, служащаго дѣлу съ полнымъ забвеніемъ самого себя и отсутствіемъ всякой задней мысли... Упреки и подозрѣнія въ разсчетахъ личнаго честолюбія, которымъ подвергались нѣкоторые, ближайшіе къ нему по рѣшительности „направленія“, его товарищи, обходили его; для всѣхъ было внѣ сомнѣнія, что *этотъ* человѣкъ „ничего не ищетъ и ото всего откажется“.

Онъ ничего дѣйствительно не искалъ, кромѣ торжества тѣхъ началъ свободы русскаго крестьянства, которыхъ самъ и эти ближайшіе къ нему люди были представителями. Борьба за нихъ глубоко волновала его; онъ возмущался каждою доносившеюся до него клеветой, каждымъ невѣрнымъ, сознательно или легкомысленно искаженнымъ слухомъ... Онъ увлекался въ этомъ отношеніи иногда до несправедливости; въ своемъ страстномъ увлеченіи онъ не допускалъ другаго рѣ-

*) *Четверть вѣка назадъ*. Часть I.

шенія великаго вопроса, какъ то, какое исходило изъ его воззрѣній, и всякое противодѣйствіе ему считалъ „позорнымъ дѣломъ“, дѣломъ эгоизма, корыстолюбія и интриги, доводившимъ его часто до болѣзненнаго, нервнаго раздраженія...

Онъ шелъ теперь умягченный, какъ мы уже сказали, молитвою и торжественностью прослушаннаго имъ богослуженія, направляясь къ одной молодой особѣ, фрейлинѣ, княжнѣ Кубенской, звавшей его къ себѣ утромъ „на чай“,—особѣ, съ которою онъ довольно часто встрѣчался въ Михайловскомъ дворцѣ (гдѣ весьма благоволили къ нему,) и которая, на первыхъ же порахъ его знакомства съ нею, поразила его смѣлостью не совсѣмъ обыкновеннаго и какъ бы не совсѣмъ женскаго ума и самымъ искреннимъ, показалось ему, сочувствіемъ крестьянскому освобожденію въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ онъ понималъ его... Въ другое время онъ вѣроятно *забылъ* бы объ этомъ приглашеніи,—онъ избѣгалъ вообще женскаго общества,—но въ эту минуту онъ чувствовалъ себя расположеннымъ на *тихій разговоръ* безъ горячихъ преній и ожесточенія, обычныхъ тому кружку, въ которомъ онъ исключительно вращался въ Петербургѣ,—разговоръ, который не слишкомъ бы противорѣчилъ тому настроенію, какое уносилъ онъ изъ храма Божія...

Онъ вошелъ во дворецъ съ одного изъ боковыхъ его входовъ, какъ указано было ему, и спросилъ княжну.

— Пожалуйте! Вотъ онъ васъ проведетъ, отвѣтилъ швейцаръ, указывая на стоявшаго на лѣстницѣ придворнаго лакея въ гороховыхъ штиблетахъ, плисовыхъ черныхъ короткихъ штанахъ и красномъ жилетѣ подъ обшитою галунами ливреей.

— Пожалуйте! повторилъ тотъ, подымаясь по ступенямъ и приглашая оборотомъ головы „господина“ слѣдовать за нимъ.

Фрейлина этого дворца, какъ фрейлины всѣхъ дворцовъ въ мірѣ, помѣщалась на самомъ верху его, „поближе къ небесному пространству и повыше отъ уровня моря“, по выраженію какого-то шутника.

Отсчитавъ цѣлыхъ сто пятьдесятъ ступеней вверхъ, лакей

повернулъ въ корридоръ и, подойдя къ одной изъ выходившихъ сюда дверей, постучался въ нее.

— Къ княжнѣ! проговорилъ онъ съ нѣкоторою многозначительностью, какъ бы сдавая съ рукъ на руки приведеннаго имъ посѣтителя новому, появившемуся на порогѣ этой двери, въ такомъ же красномъ жилетѣ и штиблетахъ, ливрейному слугѣ.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ не менѣе многозначительно тотъ.

— Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

— Извольте обождать.

И онъ тою неслышною, скользящею какъ на пробкахъ и раскидистою поступью, какою слуги ходятъ во дворцахъ, отправился „докладывать“, оставивъ молодаго человѣка одного въ полутемной, освѣщенной лишь съ корридора передней.

— Пожалуйте! молвилъ онъ чрезъ мигъ, широко растворяя дверь въ гостиную княжны.

Комната была большая, высокая, въ два окна, выходившія на площадь, и отзывалась нѣкоторою казенностью въ расположеніи мебели, въ протянутыхъ отъ двери до двери коврикахъ и въ полномъ отсутствіи тѣхъ мелкихъ вещицъ, bibelots, безъ которыхъ какъ бы немыслимъ въ нашъ вѣкъ женскій аппартаментъ. Ихъ замѣняли книги, загромождавшія столы, этажерки, окна. Въ двухъ огромныхъ шкафахъ за стеклами расположены были въ стройномъ порядкѣ наслѣдованные княжной отъ отца мюнцъ-кабинетъ и довольно богатая минералогическая коллекція.

Изъ другой комнаты, служившей и кабинетомъ, и спальней, вышла хозяйка и быстро пошла навстрѣчу гостю, протягивая ему руку:

— Спасибо вамъ, что не забыли, Сергѣй Михайловичъ, я очень рада васъ видѣть!

Она замѣтно развилась съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нею въ Москвѣ: плечи ея поширѣли, пополнѣло лицо; но зеленые глаза ея, уйдя глубже подъ полукруги бровей, глядѣли все съ тѣмъ же сосредоточеннымъ и какъ бы усталымъ въ эту минуту выраженіемъ.

Она сѣла на узенькій диванчикъ съ деревянною рѣшетчатою рамкой вмѣсто спинки, предъ накрытымъ чайною скатертью столикомъ, указала Гундурову кресло подлѣ себя и, закинувъ руку назадъ, дернула шнурокъ колокольчика.

— Я сейчасъ изъ церкви; у насъ сегодня служба продолжалась безконечно долго; моя княгиня очень набожна...

— А вы сами? спросилъ съ полуулыбкой гость.

Она какъ бы не слышала вопроса и продолжала:

— Къ намъ тутъ пріѣхала игуменья одна. Ее почему-то очень протежируютъ здѣсь, и она, кажется, думаетъ всѣмъ вертѣть...

Княжна замолкла на полусловѣ: ливрейный слуга ея вносилъ на большомъ подносѣ чайный приборъ и замѣнявшій самоваръ tea-cattle блестящаго англійскаго металла. Онъ поставилъ все это на столѣ предъ нею, зажегъ спичкой спиртъ подъ котликомъ.

— Хорошо, ступайте! сказала она ему и, обращаясь къ Гундурову:

— У меня къ вамъ просьба.

— О чемъ, княжна?

— Сегодня воскресенье, вы свободны?

— Да.

— Обѣщайтесь мнѣ не уходить отъ меня прежде, чѣмъ мы не успѣемъ переговорить объ одномъ... очень важномъ. мнѣ кажется, обстоятельствѣ, и которое васъ во всякомъ случаѣ должно интересовать.

— Говорите, я слушаю, молвилъ онъ.

— Да, но вотъ видите-ли, насъ могутъ прерывать. А я... мнѣ *приказано* принимать сегодня,—и ноздри княжны, пока произносила она эти слова, досадливо и надменно раздулись:— у насъ здѣсь на-дняхъ балъ даютъ... И эта Наѳанаила тоже притащится сюда непремѣнно...

— Игуменья Наѳанаила! доложилъ въ эту же минуту слуга въ дверяхъ.

— Вотъ видите! блеснувъ мгновенно глазами, проговорила княжна...

и встала навстрѣчу духовной особѣ.

Это была худощавая женщина среднихъ лѣтъ и роста, съ поблеклыми чертами и опущеннымъ набожно взглядомъ, медленно и какъ бы механически двигавшаяся подъ широкими складками своей рясы. Черное флеровое покрывало спускалось съ клобука ея до самаго стана; на груди блестѣлъ крупный золотой крестъ; длинные костлявые пальцы перебирали аметистовыя четки, обматывавшіяся двойнымъ охватомъ кругомъ кисти ея правой руки. Но что-то неуловимо *мірское* просвѣчивало сквозь весь этотъ наружный строго-монашескій обликъ.

— Еще разъ здравствуйте, матушка. Угодно вамъ чаю? молвила княжна, садясь на свое мѣсто и усаживая ее подлѣ дивана на кресло, насупротивъ Гундурова.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчала та слабымъ, точно умирающимъ голосомъ, входившимъ повидимому въ ея понятіяхъ въ число обязанностей ея духовнаго сана, — я прошла послѣ службы къ ея высочеству и выпила тамъ чашку... Ея высочество приказала вамъ напомнить, — проговорила игуменья, уже таинственно наклоняясь къ дѣвушкѣ, — насчетъ предметовъ, которыми она, по своему христіанскому милосердію и щедротѣ своей, положила наградить нашу бѣдную обитель...

— Все собрано, уложено и запаковано, быстро промолвила, перебивая ее, княжна:—можете ихъ взять, когда угодно... А вы скоро думаете ѣхать?

Наоанаила вздохнула въ отвѣтъ:

— И сердцемъ, и помысломъ рвуся въ тихое пристанище свое... да видно погодить надо. Ея высочество... удерживаетъ меня... и къ тому надѣюсь еще удостоиться пріема у ея величества, Матушки-Государыни...

Княжна чуть-чуть нахмурилась и повела головой въ сторону своего гостя, молча и внимательно вглядывавшагося между тѣмъ въ казавшееся ему почему-то знакомымъ лицо сидѣвшей противъ него особы.

— Матушка, позвольте вамъ представить Сергѣя Михайловича Гундурова!

Опущенные все время до сихъ поръ глаза игуменьи вне-

запно поднялись при звукѣ этого имени и вонзились на мигъ въ строгое, унылое лицо этого далеко не по лѣтамъ состарившагося человѣка... Какое-то странное смущеніе, показалось княжнѣ, сказалось въ ея чертахъ... Она снова быстро поникла взглядомъ, судорожно перебрала своими четками.

— Я знаю Сергѣя Михайловича, какъ бы противъ воли проронила она,—мы встрѣчались... когда я еще въ міру находилась...

— „Надежда Ѳедоровна! Гертруда!“ пронеслось въ головѣ Гундурова *). Лицо его покрылось смертельною блѣдностью. И предъ его внутренними очами мгновенно воскресало въ этотъ мигъ прошлое,—прошлое во всей своей лучезарности... во всемъ своемъ ужасѣ...

— Да... мы встрѣчались въ прежніе годы, повторилъ онъ точно не своимъ, упавшимъ, безпомощнымъ какимъ-то голосомъ.

Проницающая тоскливость его какъ бы заставила вдругъ зазвенѣть всѣ душевныя струны Наѳанаилы. На искусственно безстрастномъ лицѣ монахини выразилось нежданно глубоко искреннее, жалостливое участіе; на глазахъ выступили слезы... Она еще разъ подняла ихъ.

— Мы знали съ вами ангела на землѣ, Сергѣй Михайловичъ! сорвались дрожа слова съ ея языка.

Онъ только моргнулъ рѣсницами и глухо кашлянулъ, словно захлебываясь...

Княжна, ничего не понимая, смотрѣла на нихъ съ изумленіемъ...

— Госпожа Ранцова! доложилъ, отворяя дверь, слуга.

— Кто? торопливо и будто растерянно обернулась тутъ же игуменья на хозяйку.

— Одна тутъ... *модная* дама, отвѣчала нехотя та, — она московская... очень мелкаго, кажется, происхожденія, но вездѣ здѣсь втерлась...

Наѳанаила двинулась въ своемъ креслѣ, какъ бы намѣреваясь встать и уйти. Но глаза ея встрѣтились съ остановив-

*) *Четверть вѣка назадъ.* Часть I.

шимися на ней печальными глазами Гундурова: она подобрала къ щекамъ раскинувшіяся полы своего покрывала, опустила вѣки и голову—и остановилась.

— Проси! медленно промолвила хозяйка все еще стоявшему у дверей слугѣ.—Вы ее знаете? спросила она вполголоса Гундурова.

Онъ безсознательно сжалъ брови...

— Все равно, не уходите, прошу васъ!...

На Ольгѣ Елпидифоровнѣ былъ туалетъ самаго отмѣннаго вкуса: ничего бросающагося въ глаза, „кричащаго", полнѣйшая трезвость въ цвѣтахъ и покроѣ, но во всемъ необыкновенное изящество, обдуманность, гармонія, — „une de ces toilettes qui font rêver", какъ увѣряютъ Французы — и въ томъ числѣ Бальзакъ.

Соотвѣтственно этому держалась и она сама: не слишкомъ сдержанно, не слишкомъ любезно, спокойно и учтиво подошла къ молодой хозяйкѣ, сжала протянутую ей руку, сѣла на мѣсто, которое поспѣшилъ уступить ей Гундуровъ, и начала съ того, что давно собиралась къ княжнѣ и, узнавъ, что она „принимаетъ по воскресеньямъ", пріѣхала теперь къ ней.

— Немного рано, примолвила она въ видѣ извиненія, — но мнѣ хотѣлось васъ непремѣнно застать и благодарить...

— За что?

— Я получила вчера приглашеніе на балъ къ ихъ высочествамъ, молвила уже въ полголоса Ранцова,—et comme madame la grande duchesse me connaît si peu, я не могу иначе объяснить себѣ эту честь, какъ тѣмъ, что вы... *напомнили* о моемъ существованіи, самымъ скромнымъ тономъ объяснила она.

— Je n'y suis pour rien, madame, je vous assure! холодно отвѣтила княжна и поспѣшила приступить къ обряду взаимнаго *представленія* другъ другу присутствующихъ:

— Мать Наѳанаила, Madame Rantzof, Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

Наѳанаила привстала и поклонилась низкимъ монашескимъ поклономъ... Румянецъ чуть-чуть выступилъ на щекахъ Ольги Елпидифоровны. Она узнала съ перваго раза свою бывшую

влополучную соперницу, узнала, едва войдя въ комнату, не смотря на ея рясу и „безпощадную руку времени“, и, говоря съ княжной, соображала мысленно, какъ отвѣчать въ случаѣ, что та заявитъ о своемъ прежнемъ знакомствѣ съ нею; но такъ какъ этого не оказалось, „модная дама“ сочла нужнымъ со своей стороны „забыть“ объ этомъ знакомствѣ. Она отвѣтила на поклонъ равнодушно-почтительнымъ въ свою очередь поклономъ и тотчасъ же обратилась въ сторону Гундурова:

— Мы съ Сергѣемъ Михайловичемъ, Богъ знаетъ какъ давно, знакомы, молвила она, улыбаясь самою очаровательною изъ своихъ улыбокъ,—но онъ меня знать не хочетъ... Не изъза разности-ли въ нашихъ мнѣніяхъ избѣгаете вы меня? добавила она, глядя ему прямо въ глаза.

Онъ ее, какъ говорится, не *долюбливалъ* и „въ тѣ годы“, а въ настоящую пору видѣлъ въ ней „извѣстную интриганку плантаторской партіи“, какой слыла она въ его кружкѣ.

— А у васъ есть опредѣленныя мнѣнія? съ нескрываемою ироніей отвѣтилъ онъ вопросомъ на ея вопросъ.

— Мнѣ ихъ приписываютъ, по крайней мѣрѣ. И она засмѣялась самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— А именно что? Это очень интересно знать.

Черты ея тотчасъ же приняли серіозное выраженіе:

— То-есть, то, что мнѣ приписываютъ, или то, что я лично думаю?

— Послѣднее прежде всего, конечно, сказалъ онъ, сдерживаясь.

— Я думаю „прежде всего“, подчеркнула она, слегка вздохнувъ,—что люди различныхъ мнѣній не должны ненавидѣть изъ-за этого другъ друга; я думаю затѣмъ, что никого не слѣдуетъ обижать: ни тѣхъ, само собою, *которыхъ* обижали до сихъ поръ, но также и ни тѣхъ, *которые* имѣли возможность обижать прежде, потому что въ послѣднемъ случаѣ это было бы *мщеніе*, а это не по-христіански... Спросите матушку-игуменью, если мнѣ не вѣрите, засмѣялась она опять, указывая на ту глазами.

Наѳанаила поглядѣла на нее изъ-подъ своего надвинувшагося на самыя брови клобука и ничего не отвѣтила, —

только какая-то горькая усмѣшка пробѣжала по ея изсохшимъ губамъ...

— Возвратить обездоленнымъ людямъ ихъ человѣческія права не значитъ *мстить* тѣмъ, которые отымали ихъ у нихъ, скоро вымолвила княжна,—это только *справедливость*!

— Вы совершенно правы, возразила ей самымъ мягкимъ тономъ Ранцова,—но отдавать этимъ людямъ то, что̀ имъ никогда не принадлежало...

Сѣрые глаза Гундурова заискрились пламенемъ изъ своихъ глубокихъ впадинъ:

— Никогда не принадлежало! воскликнулъ онъ:—Не знаю, простительно-ли русской женщинѣ не вѣдать исторіи своего народа, но позорно тѣмъ, которые завѣдомо вводятъ ее въ заблужденіе...

— Княгиня Андомская! прервалъ его, входя опять, слуга.

Молодая фрейлина нѣсколько удивленно подняла голову и промолвила: „Проси!“

По лицу Ольги Елпидифоровны пробѣжало нервное содроганіе; глаза ея на мигъ устремились на дверь и тутъ же опустились, — она успѣла совладать съ собой и *приготовиться*...

Княгиня Андомская могла дѣйствительно внушать страхъ всякому злополучному существу, кто бы ни было оно, женщина или мущина, не пустившему глубокихъ корней въ петербургскомъ свѣтѣ. По „міровоззрѣнію“ своему она принадлежала къ рѣдкому уже и въ тѣ дни species того балтійскаго „майоратсгерра“, который, гуляя одинъ-одинехонекъ по пустыннымъ заламъ своего замка, восклицалъ въ священномъ восторгѣ: „Wenn Ich nur maldenke, wie ich vornehm bin, so wird's mir ganz schauderhaft“! *) Но княгиня не довольствовалась однимъ личнымъ культомъ своей знатности: она еще почитала нужнымъ подавлять имъ весь окружающій міръ, доказывать этому міру при всякомъ удобномъ случаѣ, что ея *сливки* не имѣютъ ничего общаго съ вульгарною сывороткой остальнаго человѣчества. „Знайте, что я не допущу никогда

*) Когда я только подумаю, какъ я знатенъ, мнѣ становится страшно.

ваши низкопробныя волны дохлестнуть до моей родовитой скалы", казалось, говорили ея взгляды, ея движенія, вся ея ледяная, съ выраженіемъ глубокой презрительности и смертельной скуки, наружность... Скука, скажемъ кстати, была высшимъ идеаломъ княгини Андомской, — скука *благородная*, *„entre gens de son bord"*, въ тѣсномъ, исключительномъ, убійственно-*комильфотномъ* кружкѣ, гдѣ каждый и каждая знаютъ другъ друга до тошноты и кличутъ съ дѣтства тѣми невѣроятными уменьшительными на *ни*, на *на*, на *би*, на *та*, на *ту*—Са́нни, Дѝнни, Джѝбби, Нинѝ, Нана̀, Тата̀, Туту,—корня которыхъ не въ состояніи былъ бы отыскать ни одинъ санскритологъ, и которыя, какъ извѣстно, составляютъ признакъ самаго утонченнаго россійскаго fashion; — кружкѣ, гдѣ говорятъ своимъ особымъ франмасонскимъ языкомъ, полнымъ полусловечекъ и намековъ, вѣдомыхъ только посвященнымъ и вызывающихъ одновременно, какъ бы по командѣ, улыбку или вздохъ на устахъ или изъ груди каждаго изъ нихъ;—кружкѣ наконецъ, гдѣ, кромѣ этой завидной привилегіи благородно скучать „entre soi" и вѣчнаго страха допустить до того же наслажденія остальныхъ смертныхъ, не существуетъ, увы, никакого инаго идеала, ни счастья, ни стремленій, ни задачи въ жизни.

„Les gens de peu", какъ выражалась княгиня Андомская,—подъ этимъ понимались всѣ люди, не имѣющіе 50,000 дохода и „которые *никому* не родня" (никому изъ ея круга, разумѣется),— внушали ей этимъ самымъ глубокую враждебность, какъ только замѣчала она въ нихъ малѣйшее поползновеніе пробиться изъ своего „ничтожества" на солнце большаго свѣта, къ тѣмъ высотамъ картоннаго издѣлія, которыя она и ей подобныя искони привыкли оберегать съ лютостью миѳическаго дракона Гесперидовыхъ садовъ. Горе тѣмъ изъ этихъ злополучныхъ, кого случай подвертывалъ подъ ея удары, подводилъ подъ зоркое вниманіе ея безпощадныхъ сѣрыхъ глазъ.

Ей было лѣтъ тридцать съ хвостикомъ. Бѣлокурая какъ ленъ, узкая и плоская какъ доска, съ правильными, но *острыми* чертами, большимъ ртомъ, крупные, ровные и крѣп-

кіе зубы котораго заставляли невольно вспомнить о челюсти хищной рыбы, и тонкимъ носомъ, начинавшимъ краснѣть на своей оконечности, она была, какъ говорится, очень „аристократична“, но настолько же не привлекательна на взглядъ.

Она вошла, не то надменно, не то брезгливо поджавъ губы и устремивъ прижмуренные глаза впередъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы дать себѣ съ перваго раза отчетъ, „*какое* общество могла она встрѣтить здѣсь“, и съ перваго же раза почувствовала себя крайне раздосадованною и оскорбленною. Вмѣстѣ съ какою-то монахиней и неизвѣстнымъ ей молодымъ человѣкомъ, „une nonne et un monsieur quelconque“, сидѣла въ гостиной „этой фрейлины“ женщина, которую она, дочь графа Наташанцева, почитала обязанностью ненавидѣть всею своею ненавистью, „de toute son indignation et de toute sa haine“,—сидѣла именно теперь, когда она пріѣхала сюда съ намѣреніемъ поднять противъ нея бурю...

Она еле-еле удостоила княжну пожатіемъ руки, опустилась подлѣ нея на диванъ и, какъ бы для того, чтобы не дать ей времени представить ей своихъ гостей, поспѣшно заговорила, опустивъ глаза на крошечные часы въ брилліантовой оправѣ, вынутые ею изъ-подъ своей перчатки.

— Я думала увидѣть великую княгиню послѣ обѣдни (разговоръ она вела, само собою, по-французски), но мнѣ сказали, что она занята и не принимаетъ... Гофмейстерина ваша больна, въ постели... Я зашла къ вамъ, мнѣ нужно было съ вами переговорить... но я вижу, что у *васъ* сегодня *пріемный день*, подчеркнула она самымъ вызывающимъ тономъ.

Ноздри у княжны Кубенской мгновенно раздулись; зеленые глаза ея блеснули.

— Да, княгиня, я принимаю сегодня, словно отчеканила она медленно и твердо, — и одолжена этому удовольствіемъ видѣть и *васъ* у себя; въ другіе дни я занята, и дверь моя закрыта *для всѣхъ*.

Та приподняла брови съ изумленнымъ видомъ: она никакъ не ожидала подобной отповѣди...

— Мнѣ хотѣлось переговорить съ вами... насчетъ здѣш-

няго бала... промолвила она уже гораздо мягче и съ чѣмъ-то похожимъ на намѣреніе улыбки на длинныхъ и узкихъ губахъ.

— Вамъ послано приглашеніе, сказала холодно фрейлина.

Княгиня Андомская повела на нее ироническимъ взглядомъ: „Еще бы меня обошли приглашеніемъ!“ краснорѣчиво говорилъ онъ.

— Балъ во сколько персонъ? спросила она тутъ же.

— Триста пятьдесятъ человѣкъ...

— Да, мнѣ говорила ея высочество, что находитъ свою залу не довольно помѣстительною... и что она хочетъ поэтому раздѣлить общество на двѣ группы приглашенныхъ, то-есть дать два бала...

Княжна утвердительно кивнула.

— Adieu, princesse, je vous quitte! проговорила въ это время мать Нафанаила, вставая съ мѣста и давая понять ей сухимъ тономъ этихъ словъ о неудовольствіи своемъ за то, что княжна не позаботилась познакомить ее съ этою „важною княгиней“, а французскою рѣчью—то, что она вполнѣ была достойна этой чести.

Княжна тотчасъ же сообразила все это, но нисколько не сочла нужнымъ принять во вниманіе,—ее всю подмывало отъ внутренняго раздраженія,—и поднялась въ свою очередь:

— Прощайте, матушка!

Она двинулась проводить ее до двери и, тутъ-же вспомнивъ:

— Вы не знакомы? обернулась она къ оставшимся сидѣть дамамъ:—княгиня Андомская, madame Rantzof...

И пошла за удалявшеюся Наѳанаилой.

— Я имѣла уже удовольствіе быть вамъ представленною у графини Оссовицкой, княгиня, предупредительно, чтобы не сказать искательно, поспѣшила заговорить Ольга Елпидифоровна, оставшись такимъ образомъ глазъ на глазъ со своею недоброжелательницей.

Та вымѣрила ее взглядомъ отъ стана и до пера ея шляпки, направила его затѣмъ къ окну и уронила съ выраженіемъ глубочайшаго пренебреженія:

— Да, я васъ видѣла, кажется...

Ранцова вспыхнула по самые волосы... Всѣ разсчеты ея на сближеніе съ дочерью своего „друга“, на возможность соглашенія съ нею исчезали теперь какъ дымъ... „А если ужь такъ, на чистоту, я у тебя въ долгу не останусь“, мгновенно заключила она въ головѣ своей, и красивыя черты ея приняли съ своей стороны боевое выраженіе...

Гундуровъ между тѣмъ, съ шапкой въ рукѣ, шагалъ къ двери, остановившись у которой игуменья легкимъ движеніемъ головы звала его къ себѣ.

— Ради Бога, не уходите! шепнула ему княжна на пути.

Она распростилась окончательно со своею духовною гостьей и отошла къ дамамъ.

А та, остановивъ на молодомъ человѣкѣ пристальный и жалостливый взглядъ, произнесла съ тѣмъ знакомымъ ему романическимъ оттѣнкомъ интонаціи, которымъ звучала ея рѣчь во дни ея *міршества*:

— Не знаю, сподобитъ-ли меня Господь свидѣться съ вами еще разъ, Сергѣй Михайловичъ, такъ я желала сообщить вамъ на прощанье, что у меня въ обители *ее* поминаютъ постоянно за литургіей.

И она, склонившись снова предъ нимъ своимъ глубокимъ поклономъ инокини, исчезла за дверью, очень довольная повидимому эффектомъ своихъ словъ.

А у него еще разъ защемило сердце нестерпимою болью. Онъ провелъ рукой по лицу, двинулся машинально за нею... вспомнилъ смутно о просьбѣ княжны и, вернувшись къ своему мѣсту, опустился на него и задумался глубокою и тяжелою думой.

— Elle parle français, votre nonne? спрашивала тѣмъ временемъ свысока флейлину княгиня Андомская, въ понятіяхъ которой, само собою, русская монахиня могла быть только „une femme grossière et de basse classe“.

И, не дождавшись отвѣта, вернулась къ предмету своего перваго разговора:

— Скажите, кто у васъ во дворцѣ составляетъ списки приглашеній?

Княжна отвѣчала замѣтно нетерпѣливымъ голосомъ:

— Во всѣхъ дворцахъ—общіе списки, составляемые при большомъ дворѣ, и изъ нихъ отмѣчаются тѣ лица, которыхъ ихъ высочества желаютъ пригласить.

— Мало-ли кто стоитъ въ этихъ спискахъ, составляемыхъ по адресъ-календарю! высокомѣрно возразила на это княгиня;—вопросъ въ томъ: *кѣмъ* именно дѣлается выборъ изъ нихъ?

— Я вамъ могу только сказать, княгиня, что это не лежитъ на моей обязанности, да я бы никогда и не приняла ея на себя.

— Напрасно, потому что можетъ иногда случиться, что въ число приглашенныхъ попадутъ невзначай личности (des personnes), которымъ здѣсь вовсе не мѣсто, злобно подчеркнула Андомская.

Ольга Елпидифоровна глянула ей прямо въ глаза:

— Какія же могутъ быть эти личности? мягчайшимъ голосомъ, но съ открытымъ вызовомъ въ лицѣ спросила она.

Та отвѣчала ей въ полоборота:

— Mais tout simplement, madame, des personnes ortant on ne sait d'où, которыхъ никто не знаетъ.

— „Никто", то-есть иныя женщины? засмѣялась вдругъ Рандова.

— Oui, madame, les femmes comme il faut! язвительно выговорила княгиня, поглядѣвъ на дерзкую вопрошательницу со всей высоты своего имени, общественнаго положенія и ста тысячъ ежегоднаго дохода.

— Et polies comme vous, madame! съ самою изысканною ироніей въ тонѣ отпарировала Ольга Елпидифоровна, склоняя предъ ней голову соотвѣтствовавшимъ этому тону поклономъ.

И, не давъ этой „ненавистницѣ" своей сообразить надлежащій отвѣтъ, она шумно поднялась со своего кресла, протянула руку хозяйкѣ, въ глазахъ которой прочла какъ бы неловольное сочувствіе и одобреніе себѣ въ эту минуту, и со словами:

— До свиданья, княжна, у меня для бала ихъ высочест платье — une des plus heureuses créations de Worth com *grande* toilette, надѣюсь, что вамъ понравится! вышла, с

весело глазами, изъ комнаты, подаривъ княгиню Андомскую на прощанье новымъ учтиво-насмѣшливымъ кивкомъ.

Она не успѣла исчезнуть, какъ петербургская grande dame, вся позеленѣвъ отъ гнѣва и не смущаясь присутствіемъ Гундурова, котораго видѣла въ первый разъ въ жизни, вскинулась на молодую фрейлину:

— Я не понимаю, княжна, какъ вамъ дозволяютъ принимать подобныхъ госпожъ!.. Я именно зашла къ вамъ сегодня, не заставъ ея высочества, чтобы просить васъ предварить ее насчетъ этой женщины. Появленіе ея у васъ во дворцѣ произведетъ скандалъ! Vous voyez ses façons! Богъ знаетъ, кто она такая; отецъ ея былъ, говорятъ, un частный приставъ, le dernier des derniers...

— Въ Россіи, перебила ее княжна, сдерживая себя, насколько могла, и насилованно улыбаясь,— люди изъ пѣвчихъ и брадобрѣевъ попадали въ графы и князья, такъ о происхожденіи, мнѣ кажется, говорить по меньшей мѣрѣ безполезно... А у этой дамы мужъ имѣетъ придворное званіе, сама она представлялась и къ Большому и къ Малымъ дворамъ: она имѣетъ полное право быть приглашенною...

— Mais elle a une réputation affreuse! вскликнула Андомская, стискивая зубы;—я не могу вамъ, какъ дѣвушкѣ, разсказывать объ этомъ подробно, но это всѣ знаютъ...

Княжна холодными глазами уставилась на нее:

— Я не понимаю, княгиня, для чего вамъ угодно говорить мнѣ обо-всемъ этомъ: приглашенія идутъ прямо отъ *хозяевъ этого дома*, подчеркнула она,—и если госпожа Ранцова получила его, то на то вѣроятно имѣлись основанія, въ обсужденіе которыхъ я не обязана, да и нисколько не желаю вступать.

— Основанія! повторила та, ядовито улыбаясь: — приглашеніе этой женщинѣ *выпрошено*... и я знаю кѣмъ!

— Можетъ быть, молвила княжна съ невольною усмѣшкой.

Гостья ея судорожно вспрянула со своего дивана.

— J'ai à vous parler seule! пылко вымолвила она.—Pardon, monsieur! добавила она, исполняя по привычкѣ обрядъ свѣтскаго внѣшняго приличія, обернувшись къ Гундурову, ко-

[illegible] время, глубоко сосредоточенный въ собственныхъ мысляхъ, на половину и не слыхалъ предыдущаго разговора, и быстрыми шагами направилась къ окну.

Фрейлина послѣдовала за нею, кинувъ на молодаго человѣка умоляющій взглядъ: не взыщите-молъ, ради Бога, и потерпите еще немножко!..

Княгиня Андомская приперла ее къ амбразурѣ окна и заговорила взволнованнымъ шопотомъ:

— О *ней* просилъ мой отецъ, не правда-ли?

— Я не знаю, княгиня; можетъ быть.

— Не играйте въ тайны со мною, прошу васъ! Я все вижу и понимаю. Отца моего любятъ и вездѣ готовы сдѣлать ему пріятное... Въ настоящую минуту — это несчастіе! Cette femme l'a ensorcelé, она дѣлаетъ изъ него, что̀ хочетъ, и тѣ, кто теперь снисходятъ къ его слабости къ ней, оказываютъ ему дурную услугу, а семейство его приводятъ въ отчаяніе... Вѣдь она разсчитываетъ ni plus ni moins, какъ за него выйти замужъ отъ живаго мужа! Вы понимаете, какой это былъ бы позоръ, quel deshonneur pour nous... Я васъ очень прошу, княжна, передать эти мои слова буквально à qui de droit... Здѣсь были всегда такъ благосклонны ко мнѣ, что я надѣюсь, меня не захотятъ огорчить напрасно...

— Но, чтобы не огорчать васъ, княгиня, спокойно замѣтила княжна,—чего стоило ей это спокойствіе!—пришлось бы еще болѣе теперь огорчить графа, отца вашего. Вѣдь для исполненія вашего желанія нужно было бы потребовать назадъ приглашеніе, уже посланное этой дамѣ?

Княгиня Андомская закинула назадъ голову движеніемъ какой-то оскорбленной орлицы:

— Mais où serait donc la morale, le respect de soi, les devoirs qu'impose le rang, вскликнула она,—если бы здѣсь не умѣли дѣлать разницы между мною... et cette créature!... Мнѣ оставалось бы только тогда бѣжать навсегда отсюда, m'expatrier! прибавила она съ нѣкоторымъ уже какъ бы угрожающимъ паѳосомъ.

Княжна молча поглядѣла на нее. „И не убѣжишь, и „respect de soi“ не помѣшаетъ тебѣ пріѣхать преспокойно

на тотъ самый балъ, гдѣ будетъ эта ненавистная тебѣ „créature“, и все это чужеземныя, выученныя фразы, за которыми нѣтъ никакого своего, самостоятельнаго содержанія... и всѣ вы надоѣли мнѣ до смерти, до отчаянья!“ проносилось у нея въ головѣ.

— Я надѣюсь, chère princesse, говорила между тѣмъ ея собесѣдница,—что вы поймете, какъ важно все, что я вамъ сейчасъ сказала, и поторопитесь передать это, какъ я васъ просила...

— Извините меня, княгиня, къ удивленію и досадѣ своей услышала она въ отвѣтъ,—но я никакъ не почитаю возможнымъ взять это на себя. Если вамъ угодно, чтобъ о вашемъ неудовольствіи извѣстно было, гдѣ нужно, вы гораздо легче можете это сдѣлать сами, чѣмъ чрезъ меня: васъ здѣсь знаютъ съ дѣтства, у васъ большое положеніе, а я—пришлая, чужая... да и, признаюсь, не имѣю ни малѣйшей охоты, сорвалось какъ-то неудержимо съ языка княжны, — de tirer les marrons du feu pour qui que ce soit!

Княгиня Андомская вся превратилась въ оцетъ и желчь. Она подобрала губы, прижала нервнымъ движеніемъ локтей одѣвавшую ее мантилію туже къ бедрамъ и, скользнувъ по дерзкой „фрелкѣ“ (какъ выразилась бы Марья Яковлевна Лукоянова,) змѣинымъ взглядомъ:

— Mercі de l'aveu, mademoiselle, je m'y conformerai! прошипѣла она и съ мѣста, словно на колесцахъ, покатила къ дверямъ, не оборачиваясь.

Княжна, исполняя свой хозяйскій долгъ, проводила ее тѣмъ не менѣе до передней, обмѣнялась съ ней тамъ ледянымъ поклономъ и, вернувшись въ гостиную, вся блѣдная, съ дрожащими ноздрями и потемнѣвшимъ взоромъ, опустилась на прежнее свое мѣсто у чайнаго стола, откинула голову къ стѣнѣ и уронила обѣ руки:

— Вы видѣли, слышали, обратилась она къ Гундурову, безмолвно слѣдившему за ея движеніями,—вотъ моя жизнь! мнѣ мочи нѣтъ!...

Онъ все также молчалъ и глядѣлъ на нее.

— Извините меня за то, что я заставила васъ выслуши-

вать всѣ эти пошлости, продолжала она все съ тѣмъ же волненіемъ,—но вы, по крайней мѣрѣ, можете себѣ составить по нимъ понятіе о нашихъ нравахъ... Дрязги, сплетни, интриги, подкопы другъ подъ друга, попрошайничество, чванство, низкопоклонство!... И сейчасъ же враги, какъ только отказываешься служить ихъ узенькимъ, гаденькимъ разсчетамъ или ненавистямъ... Вотъ она, cette grande dame, я ужь знаю, отправилась прямо отсюда жаловаться и сплетничать на меня... Но довольно объ этомъ, — прервала она себя вдругъ:—я позволила себѣ такъ откровенно говорить съ вами... съ которымъ я еще такъ мало знакома... но иногда мнѣ приходится не въ силу, а вы... вы поймете, я знаю...

Она обернулась вдругъ прямо къ нему, наклонилась.

— Кто-нибудь опять можетъ помѣшать намъ, а я хотѣла вамъ сообщить очень важную новость. Знаете-ли вы, кто будетъ на мѣстѣ покойнаго Ростовцева?

— Нѣтъ, не знаю! И глаза Гундурова съ тревожнымъ любопытствомъ воззрились на княжну.

— Графъ Вилинъ.

— Что вы говорите! воскликнулъ онъ чуть не испуганно.

— Мнѣ извѣстно изъ прямаго источника, сказала она, утвердительно качнувъ головой;—это, разумѣется, пока большой секретъ, и вы меня не выдадите, но вѣрно... Это ужасно, не правда-ли?...

— Полный поворотъ, значитъ, пробормоталъ онъ поблѣднѣвшими устами.

— Онъ, говорятъ, совершенный ретроградъ, un étouffoir?

— Бюрократъ на барской подкладкѣ, худшая порода людей, какую я знаю! воскликнулъ негодующимъ голосомъ Гундуровъ.

— Ахъ, вамъ надобно показать объ этомъ... о бюрократизмѣ именно! быстро проговорила княжна, вскакивая съ мѣста:—я только-что получила послѣдній листокъ *Колокола*...

Она пробѣжала въ свой кабинетъ-спальню и вынесла оттуда нумеръ.

— *Вотъ* что онъ говоритъ между прочимъ, читала она на-

ходу: „Редакціонныя коммисіи принимаютъ въ самомъ дѣлѣ несносную форму бюрократическаго учрежденія“ *)...

— Правда это, Сергѣй Михайловичъ? спросила она, усаживаясь опять подлѣ него.

Онъ нахмурился, какъ бы смущенный ея словами; она видимо коснулась его какого-то больнаго мѣста.

— Что же далѣе? спросилъ и онъ вмѣсто отвѣта.

— А вотъ: „Наше дворянство никогда не осилитъ язвы бюрократизма, потому что бюрократизмъ только его дополненіе; одна нога дворянства—помѣщичья, другая—чиновничья, и обѣ давятъ народъ“.

Глаза его загорѣлись.

— Что же, это правда! воскликнулъ онъ.—Но бюрократія создана не дворянствомъ, а властью, какъ орудіе и оплотъ противъ аристократическаго начала на Руси,—вотъ что забываетъ Герценъ! Оба они равно—зло для народа, это безспорно. Но изъ двухъ золъ оно все-таки меньшее. Бюрократія разумѣетъ смыслъ своего происхожденія, бюрократія не заинтересована въ сохраненіи крѣпостной зависимости крестьянъ отъ дворянства; она, вслѣдствіе того особаго значенія, которое придали ей условія нашего историческаго склада, привлекаетъ въ среду свою способнѣйшихъ людей страны... Она, само собою, въ *этомъ* дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, гнетъ на свой рутинный, мелкій... часто все мертвящій шаблонъ. Что же дѣлать?—Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Гундурова:—Мы, *люди земли*, люди независимые отъ службы, должны были сдѣлать ей и тамъ, въ коммиссіяхъ, многія уступки... **) Но мы сдѣлали это,—добавилъ онъ съ загорѣвшимся опять взглядомъ,—въ полномъ убѣжденіи, что освобожденная народная жизнь съумѣетъ обойти искусственныя путы и загородки, нагроможденныя канцелярщиной въ готовящемся для него новомъ положеніи... а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи „подавитъ“ въ свою очередь какъ дворянство, такъ и бюрократію

*) *Колоколъ*, 1-го февраля 1860 года.

**) По поводу этихъ уступокъ выражено Конст. Аксаковымъ самое страстное порицаніе въ его брошюрѣ: *Замѣчаніе на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи*, Лейпцигъ 1861.

и поставитъ вмѣсто нихъ свои коренныя, никогда не умиравшія въ его разумѣніи, формы быта...

— На дняхъ за обѣдомъ... на который я была приглашена, молвила княжна, — выражена была такая мысль, что дворянство не продержится и десяти лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права.

Гундуровъ пожалъ плечами; лицо его приняло сухое, чуть не злое выраженіе:

— А Богъ съ нимъ, его пѣсенка спѣта!...

И какъ бы отвѣчая на вопросительный взглядъ дѣвушки:

— Тутъ у васъ сейчасъ эта модная барыня, я ее давно знаю,—пустѣйшее существо... но она служитъ эхомъ партіи нашихъ *феодаловъ*... Вы слышали, что за чушь несла она съ ихъ словъ: „не слѣдуетъ-молъ *мстить* дворянству, то-есть, отдавать крестьянамъ „то, что имъ никогда не принадлежало“... Что за извращеніе фактовъ, понятій, какое непростительное невѣжество! Эти милые господа пресерьезно воображаютъ себя потомками какихъ-то сподвижниковъ новаго Вильгельма Завоевателя, покорившаго съ ихъ помощью Россію и подѣлившаго ее между ними... Они не знаютъ, или не хотятъ знать азбуки вопроса,—не знаютъ прежде всего, что, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ при Годуновѣ, крестьянинъ, утративъ право свободнаго переѳода, получилъ за *это* неотъемлемое право на тотъ участокъ земли, на которомъ засталъ его указъ о прикрѣпленіи; *земля эта у правительства уже навсегда зачислялась въ крестьянскія* и таковою постоянно писалась во всѣхъ правительственныхъ росписяхъ и книгахъ... Они не хотятъ знать затѣмъ, продолжалъ Гундуровъ, оживляясь постепенно все болѣе и болѣе, — что дворяне имѣли право владѣть населенными имѣніями и вообще крѣпостными людьми только подъ условіемъ службы государству, потому что они никогда ничѣмъ инымъ и не были какъ *служилыми*, обязанными людьми, которымъ государство, вмѣсто жалованья, платило трудомъ въ ихъ пользу этихъ крестьянъ, населявшихъ жалованныя имъ помѣстья; уклонялся дворянинъ отъ службы, и вотчины его и помѣстья вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ отбирались въ казну, безъ дальнѣйшаго раз-

говора... Эти два понятія—о неоспоримомъ правѣ крестьянъ на землю и о raison d'être дворянства, какъ землевладѣльческаго сословія единственно въ силу его служилыхъ обязанностей государству, — держались неразрывно и незыблемо въ теченіе двухъ вѣковъ не только въ народномъ, — они у народа никогда не измѣнялись, — но и въ правительственномъ сознаніи до знаменитаго манифеста Петра III о „вольности дворянской",—одного изъ антинаціональнѣйшихъ и беззаконнѣйшихъ правительственныхъ актовъ во всей нашей исторіи, такъ какъ освобожденіе служилаго сословія отъ его прежнихъ обязанностей къ государству должно было ео ipso, въ силу самой простой справедливости, освободить подчиненныхъ ему до тѣхъ поръ крестьянъ отъ дальнѣйшаго обязательнаго труда въ пользу ничѣмъ уже не обязанныхъ помѣщиковъ, а оно, вопреки всякой логикѣ и правдѣ, обратило ихъ окончательно въ рабовъ... Но я замѣчаю, что я вамъ цѣлую лекцію прочелъ... и притомъ горячусь,—молвилъ, прерывая свою рѣчь и слабо усмѣхаясь, Гундуровъ, — а я именно шелъ къ вамъ сегодня въ чаяніи успокоенія отъ нашихъ ежедневныхъ треволненій тамъ въ коммиссіи...

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста продолжайте, Сергѣй Михайловичъ, оживленно молвила княжна;—если бы вы знали, какъ такія „лекціи" полезны! Вѣдь всѣ мы въ нашемъ *мондѣ* какъ въ потемкахъ ходимъ...

— Если это васъ интересуетъ, я вамъ пришлю только-что появившуюся очень хорошую книгу московскаго профессора Бѣляева объ этомъ предметѣ *); вы прочтете тамъ все подробно... а пока я скажу вамъ лишь слѣдующее, княжна: если бы наше любезное дворянство было получше знакомо съ отечественною исторіей, оно поняло бы, что то, что отъ него требуется въ настоящую пору правительствомъ, не только не посягательство на его собственность, а прямая, священная и отъ манифеста Петра III и дворянской грамоты Екатерины лишь отсроченная по наше время уплата долга его русскому народу... Оспаривать неотъемлемое право русскаго крестьян-

*) *Крестьяне на Руси*, Москва 1860.

ства на орошенную потомъ отцовъ его землю есть преступленіе противъ нашей исторіи, противъ всего духа нашей народности, — загорячился опять Гундуровъ, — преступленіе, на которое способны только люди, порвавшіе давно всѣ кровныя связи свои съ народомъ, живущіе чужою ему, безпочвенною и безсмысленною жизнью!... Вы сказали сейчасъ, что дворянство погибнетъ вслѣдъ за упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія,—туда ему и дорога... Пусть погибнетъ изъ него все то, что не умѣетъ быть русскимъ ни головой, ни сердцемъ!... А Россія не пропадетъ, княжна: избывъ рабство, она возвращается къ исконному синтезу своего историческаго бытія: церковь, царь и народъ...

Она слушала его внимательно и алчно, вся прикованная, какъ говорится, къ его устамъ. Эта горячая и суровая рѣчь съ ея нѣсколько дидактическимъ, нѣсколько „профессорскимъ“ оттѣнкомъ была такъ мало похожа на все то, что приходилось ей обыкновенно слышать! Слова его подымали собственную ея энергію, воскрешали невольно всѣ тѣ полувеликодушныя, получестолюбивыя чаянія, съ которыми поступила она во дворецъ... Поступая сюда, она мечтала о „дѣятельности“, о служеніи „высокимъ идеямъ человѣчества“; она разсчитывала „проводить“ ихъ вліяніемъ своимъ на авторитетныхъ лицъ, съ которыми должна была состоять въ ближайшемъ и постоянномъ общеніи. Смутными и раздражающими грезами была полна въ тѣ дни голова ея; она много читала, знала исторію, хранила твердо въ памяти „*все*, что могла *всегда* сдѣлать *женщина*, когда она этого сильно хотѣла“, начиная хоть со временъ Эсѳири и Аспазіи, и кончая XVIII, — „этимъ по преимуществу *женскимъ* вѣкомъ“, разсуждала она... Княгиня Дашкова, преданная и строптивая сподвижница Екатерины (*Записки* которой, напечатанныя Герценомъ въ своей „вольной“ лондонской типографіи, жадно читались въ ту пору въ Россіи), приводила ее въ восторгъ. „Связать когда-нибудь свое имя, — какъ сдѣлала эта, такая же какъ она 20-ти-лѣтняя, смѣлая, независимая умомъ и нравомъ, женщина, — съ великимъ историческимъ событіемъ, *держать* въ рукахъ его нити, замыслить его и исполнить,

убѣдить сомнѣвающихся, увлечь нерѣшительныхъ, направить и повести за собой толпу," — таковы были сокровенныя, завѣтныя мечты молодой фрейлины, когда, подъ впечатлѣніемъ ея своеобразной красоты, ея прямыхъ и рѣзкихъ рѣчей, ее встрѣтилъ въ этихъ стѣнахъ одинъ изъ тѣхъ *succès d'engouement*, которые въ придворной средѣ еще болѣе, можетъ быть, чѣмъ среди простыхъ смертныхъ бываютъ столько же внезапны и неожиданны, какъ и скоропреходящи. Успѣхъ на первыхъ порахъ былъ полный... Но она очень скоро должна была замѣтить, что *вліяніе* ея нисколько не росло, да и что достигни оно въ дѣйствительности самыхъ крайнихъ своихъ предѣловъ, все же было бы оно не болѣе, какъ капля въ морѣ, по отношенію къ тѣмъ обширнымъ горизонтамъ, къ которымъ неслась отвага ея юныхъ помысловъ. Ея сужденія о „государственныхъ дѣлахъ" *потѣшали* только тѣхъ авторитетныхъ лицъ, предъ которыми она считала нужнымъ „проповѣдывать" ихъ; они снисходили къ этой ея „оригинальности", соглашались даже иной разъ, en passant и смѣясь, съ вырывавшимся изъ ея устъ какимъ-нибудь мѣткимъ и задорнымъ замѣчаніемъ, но нисколько не расположены были— она это понимала,— поощрять ее на роль нимфы Эгеріи ни у себя, ни у кого-либо другаго... Да и самое то, къ чему влеклась она безпокойною душой своею, было чуждо и не понятно этимъ лицамъ. У нихъ было свое опредѣленное дѣло, свой традиціонный кругозоръ, свой официальный кругъ обязанностей и дѣйствій, за который они, совершенно основательно со своей точки зрѣнія, не почитали себя въ правѣ, да и не желали заходить. Тѣ вопросы *высшаго содержанія*, около которыхъ вѣчно вертѣлась мысль княжны Кубенской, какъ бы вовсе не находили отзвука подъ кровлей величаваго зданія, въ которомъ обитала она...

Ее скоро стало нестерпимо томить ея положеніе. Воспоминанія прошлаго дѣлали для нея еще чувствительнѣе ея настоящее „ничтожество". Въ далекомъ и обширномъ краю, въ постоянномъ обществѣ умнаго, образованаго и опытнаго отца, которому она весьма часто служила секретаремъ, она съ дѣтства привыкла къ дѣловому обиходу, къ сосредоточенію

мысли на интересахъ и заботахъ крупнаго свойства. Она думала найти, создать себѣ и здѣсь нѣчто подобное... Увы, дѣловитость ея и грамотность оказывались здѣсь пригодными лишь на занятія, глубоко претившія ей и оскорблявшія ея внутреннюю гордость. Отвѣчать казеннымъ французскимъ письмомъ о днѣ и часѣ пріема; прочесть „по порученію начальства“ какой-нибудь модный въ данную минуту французскій или англійскій романъ и передать его содержаніе, „когда не о чемъ болѣе интересномъ говорить“; занимать по долгу службы „пріятнымъ разговоромъ“ на вечерѣ или за обѣдомъ какого-нибудь гофмаршала или адъютанта изъ свиты иностраннаго принца, пріѣхавшаго въ Петербургъ по случаю россійскаго высокоторжественнаго дня; сидѣть *en grande toilette* въ этотъ высокоторжественный день рядомъ съ тѣмъ же гофмаршаломъ и дежурнымъ генералъ-адъютантомъ на спектаклѣ въ большой средней царской ложѣ... „и ничего, ничего больше!“ говорила она себѣ съ отчаяніемъ, съ ужасающимъ сознаніемъ, что это „ничего больше“ не только не требуютъ отъ нея, но и никогда не дозволили бы ей...

А между тѣмъ „великое событіе“, предъ которымъ должно было поблѣднѣть все, что совершено было въ вѣкъ княгини Дашковой, готовилось для Россіи... Помышленіе о немъ поглощало теперь все существо нашей фрейлины... Она негодовала и злилась за то „равнодушіе“ и нѣсколько даже насмѣшливый тонъ, съ которымъ отвѣчали кругомъ нея на ея лихорадочное отношеніе къ дѣлу крестьянскаго освобожденія. „Гнилая, отжившая среда!“ повторяла она часто слова Иринарха Овцына... Въ Михайловскомъ дворцѣ (она была тамъ persona grata), куда ѣздила, сколько могла чаще, она сблизилась съ группой „либеральныхъ“ людей, которые находили тамъ высокое покровительство и къ которымъ примыкалъ Гундуровъ. Она горячо сроднилась съ ихъ воззрѣніями, жила ихъ борьбой, ихъ надеждами и ихъ опасеніями... О, что бы дала она, чтобъ имѣть, какъ они, официальное право заступничества „за угнетенный народъ“ противъ „тунеядцевъ и идіотовъ *феодальной* партіи съ ихъ претензіями до-Бироновскихъ верховниковъ и трусливыми душонками византійскихъ

царедворцевъ", какъ ядовито выразился однажды въ разговорѣ съ нею тотъ же Гундуровъ...

— Да, вы правы, говорила она ему теперь съ искрившимися отъ внутренняго волненія глазами, — надо пожить, какъ я, во дворцѣ, чтобы видѣть вблизи, чего стоитъ ужь одна наша свѣтская и придворная soi-disant аристократія; вы правы: „пѣсенка ихъ спѣта"... Но они еще не сознаютъ этого, не уступаютъ поля, Сергѣй Михайловичъ; они еще въ состояніи оттянуть, похоронить дѣло освобожденія... Назначеніе графа Вилина...

Онъ весь измѣнился въ лицѣ.

— О, Боже мой! вскрикнулъ онъ, прерывая ее,—я увлекся сейчасъ общими разсужденіями, а это изъ головы вонъ!.. Вѣрно это, княжна, совершенно вѣрно?

— Несомнѣнно, къ несчастью, сказала она;—я это слышала у *насъ* сегодня за завтракомъ... Противъ этого надо принять мѣры, Сергѣй Михайловичъ! добавила она черезъ мигъ.

— Какія мѣры! Это, видимо, поворотъ... уступка всему этому плачу и стону плантаторской клики... Вчера еще, послѣ полученія государемъ предсмертной записки покойнаго и августѣйшихъ словъ по этому поводу, можно было надѣяться... но видно съ тѣхъ поръ успѣли передѣлать...

— Въ Михайловскомъ дворцѣ объ этомъ еще не извѣстно, я знаю... Надо скорѣй извѣстить, заговорила опять княжна;— тамъ могутъ еще, можетъ быть, предотвратить ударъ... написать, объяснить...

— Я сейчасъ туда съѣзжу, передамъ, молвилъ въ раздумьи Гундуровъ, — но едва-ли это поможетъ. Если, какъ говорите вы, рѣшеніе принято, это не сдѣлано же наобумъ! Очевидно, что произошло что-то, измѣненіе намѣреній...

— Знаете что, воскликнула она неожиданно,—Вилинъ можетъ отказаться!

— Почему вы думаете?

— Онъ долженъ это сдѣлать, если онъ хоть сколько-нибудь себя уважаетъ! пылко объяснила она:—иначе онъ будетъ

или измѣнникомъ волѣ Государя, или измѣнникомъ своей партіи и своимъ убѣжденіямъ...

— Приметъ и—сведетъ дѣло на нѣтъ! желчно засмѣялся на это Гундуровъ.

Глаза дѣвушки мгновенно потемнѣли, ноздри дрогнули съ выраженіемъ какой-то совершенно мужской рѣшительности:

— Онъ этого не посмѣетъ сдѣлать... ему не позволятъ... Онъ долженъ отказаться, упорно повторила она;—если онъ этого самъ не пойметъ, ему это нужно доказать!...

Гундуровъ устойчиво поглядѣлъ на нее, взялъ шапку свою со стула и поднялся.

— Это разъяснится на-дняхъ. Если въ самомъ дѣлѣ возобладала реакція, мы, люди земли, не станемъ конечно ожидать, чтобы насъ погнали: мы уйдемъ сами по первому ея признаку.

Онъ сдерживался, но княжна видѣла, какъ отъ обымавшаго его раздраженія судорожно моргали его глаза и нервное дерганье поводило ему щеку.

— Онъ откажется,—я вамъ отвѣчаю! воскликнула она, сама вся блѣдная, протягивая руку молодому человѣку.

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся, пожалъ ее и вышелъ.

Княжна, оставшись одна, встала, медленными шагами подошла къ окну и, притянувшись лбомъ къ холодному стеклу, устремила глаза ни улицу. По широкой площади съ глухимъ гуломъ сновали экипажи, стремительно скользили офицерскія санки, развѣвались султаны на каскахъ проходившаго караула...

Но зеленые зрачки ея ничего не видѣли, словно та же темь стояла предъ нею, какъ и въ глубинѣ ея тоскующей и возмущенной души...

— Кира Никитична... ваше сіятельство, пробудилъ ее чей-то голосъ изъ задумчивости... Она оторвала глаза от окна.

На порогѣ полуотворенной двери въ ея кабинетъ стоя знакомая читателю синеокая Анфиса и кивала ей, какъ таинственно маня ее къ себѣ.

— Что вамъ надобно? нѣсколько рѣзко спросила она, не двигаясь съ мѣста.

Анфиса окинула гостиную осторожнымъ взглядомъ, приперла за собою дверь и безшумно подошла къ ней.

— Тутъ у меня въ комнатѣ сидитъ...—Она замялась и поглядѣла „на свою барышню“ не то робко, не то пытливо,— просится къ вамъ...

— Кто? прервала ее Кира, сдвигая брови.

— Да... Иринархъ Степанычъ... господинъ Овцынъ...

— Что ему нужно? гнѣвно воскликнула княжна,—и что это за манера... пробираться воромъ какимъ-то! Какъ онъ попалъ?

— Да чернымъ ходомъ поднялись, изъ кухонь стало-быть... *Колидоромъ* ко мнѣ и прошелъ... Я ихъ пущать даже сперва-начала не хотѣла,—мало что-ли у насъ брехни-то, не вѣсть еще что наплетутъ, люди-то здѣсь, сами знаете, какіе!...

— И хорошо сдѣлали!... А еще лучше когда попросите его теперь уйти; я его не желаю видѣть.

На лицѣ Анфисы изобразилось видимое одобреніе этимъ словамъ. Она качнула головой, повернулась итти и—остановилась, вспомнивъ:

— Они принесли съ собою ларецъ какой-то. Говорятъ, безпремѣнно вамъ передать надо, а что сами завтра и совсѣмъ уѣзжаютъ, изъ *Петербурха* то-исъ...

— Что за вздоръ такой... передать... и отъ кого? спрашивала, продолжая хмуриться, княжна.

— Не знаю-съ, а только говорятъ, что безпремѣнно нужно... и всего, говорятъ, „на десять минутъ разговору прошу“.

Дѣвушка помолчала, очевидно колеблясь...

— Во всякомъ случаѣ, сказала она наконецъ, пожимая плечами,—я ему никакъ не позволю пройти чернымъ ходомъ и чрезъ мою спальню... Если ему такъ необходимо меня видѣть, скажите ему, что можетъ войти какъ всѣ, чрезъ переднюю...

— Слушаю-съ... Пустой господинъ по всему! промолвила сквозь зубы Анфиса, выходя изъ гостиной.

Чрезъ нѣсколько минутъ придворный лакей княжны, мелькъ-

нувъ въ отверстіи полураскрытой имъ двери передней абрисомъ своего краснаго жилета и галуновъ съ орлами, — онъ не почелъ нужнымъ войти въ комнату всею своею достойною особой для того *мизернаго* имени, о какомъ приходилось ему теперь докладывать, — произнесъ лѣнивымъ, будто со сна голосомъ:

— Господинъ Овцынъ!...

„Господинъ Овцынъ“ былъ въ статскомъ, опрятномъ платьѣ и даже въ перчаткахъ: онъ видимо постарался явиться сюда въ наивозможно приличномъ видѣ. Длинные, запущенные за уши волосы и широкополая мягкая шляпа, *sombrero*, какъ называли ихъ во время оно, которую волочилъ онъ, низко опустивъ руку, могли лишь развѣ служить признаками принадлежности его къ той особой породѣ человѣческихъ существъ, которая тогда торжественно и побѣдно со всѣхъ столбцовъ петербургской печати кликала себя громкою кличкой „новыхъ людей“ и „солью земли русской“.

Вошелъ впрочемъ „новый человѣкъ“, какъ можно было замѣтить, гораздо болѣе храбрясь наружно, чѣмъ самоувѣренно внутренно. Глаза его бѣгали по сторонамъ съ какимъ-то напускно-разсѣяннымъ видомъ, а въ сущности избѣгая прямо и зорко направленнаго на него изъ глубины комнаты взгляда молодой хозяйки.

Она все также стояла у окна, опершись спиной объ уголъ его амбразуры, „стояла, чтобы не быть принужденною пригласить его сѣсть“,—онъ это тотчасъ же понялъ...

Губы его повело судорогой... Онъ осилилъ себя и, подойдя къ дѣвушкѣ, поклонился короткимъ, но вѣжливымъ по намѣренію поклономъ.

— Здравствуйте, Кира Никитична, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ.

Она наклонила голову въ отвѣтъ и продолжала молча-вопросительно глядѣть на него.

— Здоровы?... Нечего и спрашивать,—перебилъ онъ себя тутъ-же,—все по-прежнему... Ну, и прекрасно, значитъ!...

— Вы говорили моей горничной, сухо заговорила она въ свою очередь,—вамъ что-то необходимо передать мнѣ?...

Онъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ; прищурившись, онъ поводилъ взглядомъ кругомъ себя, какъ бы разглядывая любопытно окружающіе предметы, и перекидывалъ машинально свой sombrero изъ одной руки въ другую.

— Давно-съ не бывалъ я въ вашихъ палатахъ, молвилъ онъ, словно пробуя и отыскивая тонъ, какимъ вести съ нею дальнѣйшій разговоръ,—давно-съ!... И принимали меня здѣсь когда-то иначе. Да, времена, извѣстно, перемѣнчивы,—насильственно хихикнулъ онъ вдругъ,—объ этомъ даже нѣкій древній Римлянинъ стихами выразился...

Княжна молчала.

— Въ послѣдній разъ вѣроятно и вхожу сегодня подъ сѣнь сію, продолжалъ Овцынъ тѣмъ же насилованно-ироническимъ тономъ; — изгнанъ бѣ со срамомъ веліимъ и—безвозвратно... Такъ я говорю-съ?

Глаза дѣвушки мгновенно потемнѣли:

— Я не желаю видѣть людей, настолько дерзкихъ, что они дозволили себѣ забыться со мной!

Все лицо Иринарха передернуло. Онъ вскинулъ теперь въ первый разъ прямо на нее свои сѣрые зрачки съ какимъ-то пылающимъ выраженіемъ и злобы и страсти...

— Ну конечно, вы — и я, звѣзда — и червь!... Какъ же смѣть мнѣ было, — онъ заикался и путался въ словахъ отъ раздраженнаго волненія, — какъ смѣть!... Я не салонный пустозвонъ, я миндальничать не умѣю... Я не облекалъ свое... чувство въ сентиментальный сумбуръ стараго романтизма... Я понималъ такъ, что и вы далеко отошли отъ него, что и вы отрѣшились отъ старыхъ понятій и желаете итти свободною дорогой...

— Довольно, *monsieur Овцынъ*, перебила его Кира, — къ этому возвращаться не для чего! Если вамъ что-нибудь отъ меня нужно...

— Ну да,—не слушалъ онъ ея,—я высказался предъ вами откровенно, подъ вліяніемъ того здороваго, естественнаго влеченія, которое человѣкъ развитой испытываетъ къ такому же здоровому и способному, я полагалъ, къ правильно развитому женскому существу; ваши придворные *грандёры*, я по-

лагалъ, не успѣли извратить въ васъ способность здраваго мышленія...

— Предваряю васъ, молвила княжна, возвышая голосъ,— что если вы намѣрены еще говорить объ этомъ, я уйду изъ комнаты!...

Онъ какъ-то вдругъ разомъ обробѣлъ и замолкъ. Руки его нервно сжались и словно закоченѣли, ухватившись всѣми десятью пальцами за широкія поля его шляпы.

Кира видѣла это, и по надменнымъ губамъ ея пробѣжала мимолетная усмѣшка (женщинъ всегда подкупаетъ покорство)...

— Что же вамъ нужно отъ меня теперь? спросила она чрезъ нѣсколько времени съ нѣсколько уже смягченною интонаціей въ голосѣ; — вы принесли мнѣ, говорятъ, какой-то ящикъ... Гдѣ онъ?

— Я оставилъ его у вашей служанки, отвѣтилъ онъ, усиливаясь въ свою очередь говорить спокойно и твердо,—предъ вашимъ придворнымъ цербероmъ я почелъ безполезнымъ проносить его...

— Отъ кого это?

— Отъ меня собственно... если позволите, сказалъ Ириархъ, попадая опять на пошибъ обычной своей развязности,—такъ какъ я уѣзжаю отсюда завтра...

— Куда? невольно сорвался у нея вопросъ.

— Съ *порученіемъ* въ Лондонъ, многозначительно протянулъ онъ въ отвѣтъ.

Кира поглядѣла на него:

— Къ Герцену? медленно и тихо вымолвила она.

Онъ хихикнулъ:

— Само собою-съ!

— Для чего?

— Съ *порученіемъ*, повторилъ онъ. — Да и для личнаго объясненія притомъ... Читали вы его послѣдній нумеръ?

— Читала.

— Замѣтили тамъ „Письмо изъ Россіи“ и отвѣтъ его по этому случаю? *).

*) *Колоколъ* 1 фев. 1860.

— Гдѣ ему совѣтуютъ „звать Россію *къ топору*“?

— Да, да, именно! воскликнулъ Иринархъ, сверкнувъ глазами.

— А онъ отвѣчаетъ, что онъ врагъ кровавыхъ переворотовъ и что во всякомъ случаѣ не изъ Лондона могъ бы такой зовъ поднять Русскій народъ?

— Другими словами-съ, фыркнулъ Овцынъ: — я-молъ на словахъ богатырь, а на дѣлѣ — тотъ же *буржуа* и *постепеновецъ*... Вотъ-съ объ этомъ мы и потолкуемъ съ достопочтеннымъ Александромъ Иванычемъ! добавилъ онъ, перекашивая губы судорожною гримасой.

Княжна еще разъ поглядѣла на него.

— Это *вы* писали ему о „топорѣ“?

Онъ откинулъ волосы назадъ и какъ бы встряхнулъ этимъ движеніемъ все свое жидкое тѣло назадъ.

— Ну, кто бы тамъ ни писалъ-съ... а что ему объ этомъ прочтется подобающая нотація, будьте на счетъ сего благонадежны-съ!

— Какъ же это вы ѣдете? полюбопытствовала она: — вы оставили университетъ?

— Распростился! Вольный гражданинъ отечества... и, по всей вѣроятности, *вселенной*, произнесъ онъ съ удареніемъ и вскинулъ на нее изподлобья взглядъ, въ которомъ читалось жадное желаніе уловить скорѣе впечатлѣніе, какое могли произвести эти слова его на нее.

Но ничего онъ прочесть на лицѣ ея не могъ: она отвернулась и глядѣла на улицу.

— Такъ вотъ-съ, отрывисто, съ едва одолѣваемою досадой въ звукѣ голоса, началъ онъ чрезъ мигъ, — уѣзжая изъ Петербурга на... неопредѣленное время, я и возымѣлъ счастливую мысль просить васъ сохранить у себя мои бумаги.

Она съ раскрывшимися широко отъ изумленія глазами повела теперь головою въ его сторону:

— Отчего именно меня, и почему это такая, по-вашему, „счастливая“ мысль?

— Очень просто-съ, отвѣтилъ онъ самымъ безцеремоннымъ и самоувѣреннымъ тономъ:—потому, что если бы поли-

цейскимъ ищейкамъ удалось напасть на, ихъ слѣдъ, дальнозоркость ихъ замерла бы тотчасъ предъ *внушительною* неприкосновенностью вашего обиталища.

Онъ ее огорошилъ этими словами въ первую минуту. Но она тотчасъ же овладѣла собой.

— И вы полагаете, спросила она свысока,—что я не могу вамъ отказать въ такой просьбѣ?

— Полагаю и—даже увѣренъ, сказалъ онъ, глядя на нее зоркимъ и острымъ взглядомъ; — увѣренъ-съ, потому что въ этихъ бумагахъ содержится касающееся не одного меня; уничтожить ихъ я не имѣю права, скрыть куда въ иномъ мѣстѣ— нашелъ неудобнымъ... а васъ, не смотря на существующія между нами... недоразумѣнія, — нахально промолвилъ онъ, — почитаю настолько *честною* личностью, что вы не захотите отказомъ вашимъ подвергнуть гибели лучшихъ людей въ Россіи...

Она хотѣла возразить... и не рѣшилась... Онъ взывалъ къ ея великодушію, говорилъ о „лучшихъ людяхъ“ (кто не вѣрилъ въ ту пору въ существованіе этихъ „лучшихъ людей“!), которые могли „погибнуть“ вслѣдствіе ея отказа; дѣло касалось наконецъ все тѣхъ же „высокихъ идей человѣчества“, которымъ сама она какъ горячо стремилась служить...

— Что же есть въ этихъ бумагахъ? спросила она неувѣреннымъ голосомъ, какъ бы откладывая минуту рѣшительнаго отвѣта.

— Долго было бы разсказывать. Интереснаго много-съ, одно могу сказать, надъ чѣмъ людямъ правительства пришлось бы провести дрожа не одну безсонную ночь! сказалъ Иринархъ, мрачно и грозно насупливая брови. — Онѣ запечатаны впрочемъ, и чтеніе ихъ такимъ образомъ скомпромет̀ировать васъ не можетъ, язвительно прибавилъ онъ къ этому, какъ бы въ отместку за эту ея „нерѣшительность“.

Она только презрительно усмѣхнулась на это.

— Вы говорили, что ѣдете на „неопредѣленное“ время, молвила она, помолчавъ:—что же мнѣ дѣлать съ этими бумагами, если вы долго... или *совсѣмъ* не возвратитесь?

— Къ вамъ явится въ такомъ случаѣ неизвѣстная вамъ

личность и вручитъ вамъ въ руки, или чрезъ вашу прислугу, запечатанный конвертъ, подъ которымъ вы найдете листокъ съ надписью: *Земля и Воля*; этого будетъ достаточно. Вы этой личности передадите ящикъ, а онъ вамъ дастъ въ принятіи его росписку съ подписью имъ двухъ буквъ: З и В. Вотъ и все!

Княжна чуть-чуть кивнула головой: хорошо-молъ!

Настало довольно продолжительное молчаніе. Онъ мялъ задумчиво свою шляпу въ рукахъ; она опять уткнулась глазами въ окно.

— А теперь *все*? скучающимъ голосомъ произнесла она наконецъ.

— Все... нѣсколько озадаченно промолвилъ онъ.

И вдругъ глаза его загорѣлись вновь страстнымъ пламенемъ, задрожали блѣдныя губы.

— Я не хотѣлъ бы разстаться съ вами, Кира Никитична, залепеталъ онъ,—не разъяснивъ всего того, что̀ въ поводахъ вашихъ къ неудовольствію на меня...

Она остановила его сразу повелительнымъ движеніемъ руки:

— Позвольте!..

И, направившись быстрою поступью къ двери сосѣдней комнаты, она полуотворила ее и кликнула:

— Анфиса Дмитріевна!

— Что̀ прикажете? отозвалась немедленно та, убиравшая что-то въ спальнѣ.

— Господинъ Овцынъ оставилъ у васъ какой-то ящикъ; принесите его сюда.

— Сейчасъ, ваше сіятельство!

Синеокая женщина побѣжала въ свою комнату, между тѣмъ какъ Кира, недвижимо стоя на томъ же мѣстѣ, казалось, говорила всѣмъ выраженіемъ своего облика: „вздумай начать опять, и я скроюсь и замкнусь за этою дверью“.

„Ларецъ“, вынесенный Анфисой, оказался не очень объемистымъ, но тяжелымъ (она насилу удерживала его въ рукахъ,) коробомъ, сколоченнымъ изъ тонкихъ бѣлыхъ досокъ;

онъ обмотанъ былъ накрестъ бичевкою, а концы ея припечатаны сургучомъ большою, аляповатою печатью.

Она опустила,—уронила его почти на полъ у ногъ княжны и встряхнула обѣими, натуженными ношею его, руками своими.

— Тутъ ваши бумаги? спросила какъ бы официально Кира, полуопуская на него глаза.

— Тутъ! словно прошипѣлъ „новый человѣкъ“.

— Хорошо! коротко сказала она, приподняла голову—и медленно опустила ее тутъ же въ формѣ поклона, самымъ несомнѣннымъ образомъ сказавшаго ему, что затѣмъ ничего инаго не оставалось дѣлать, какъ отвѣтить тѣмъ же и удалиться во-свояси.

Иринархъ побагровѣлъ, позеленѣлъ, заморгалъ вѣками; губы его зашевелились, какъ бы готовясь разразиться потокомъ неудержимыхъ словъ... и ничего не выговорили. Подъ ледянымъ, упорно и безтрепетно направленнымъ на него взглядомъ обѣихъ женщинъ, онъ опустилъ мимо воли дерзкіе глаза свои, коротко и неловко повелъ всѣмъ своимъ туловищемъ вмѣсто отвѣтнаго поклона и, размахивая, какъ говорится, „для контенанса“ шляпой, вышелъ торопливо изъ комнаты.

— Куда мы это дѣнемъ? молвила, едва успѣлъ онъ исчезнуть, княжна съ нѣсколько гадливымъ оттѣнкомъ въ выраженіи, притрогиваясь носкомъ ботинки къ стоявшему все также у ногъ ея коробу.

— А въ печь? отвѣчала на это съ полуусмѣшкой Анфиса, устремляя на нее съ боку свои умные глаза.

Брови Киры досадливо сжались:

— Нельзя... у него тутъ бумаги...

— А тѣмъ паче, Кира Никитична; можетъ что̀ неладное? возразила та. Она въ силу сметки, пріобрѣтенной ею въ интимности Елпидифора Павловича Акулина, на основаніи слышаннаго ею еще въ Москвѣ отъ друга своего Лизаветы Ивановны о „дури“ молодаго Овцына и того, что̀ могла сама замѣтить за нимъ въ ту пору, „когда княжна еще *пущала* его къ себѣ“, чутьемъ чуяла это „неладное“ въ оставленныхъ *имъ* бумагахъ...

Кира молчала.

— Какъ если чтобы не зналъ никто, сказала, не дождавшись отвѣта, Анфиса,—такъ некуда опричь сюда вотъ! И она указала кивкомъ на шкафъ съ мюнцкабинетомъ:—тамъ нижняя полка пустая.

Въ двери изъ передней звякнула въ эту минуту рукоятка замка... Она мгновеннымъ движеніемъ стала предъ коробомъ, закрывая его всѣмъ объемомъ своей юпки.

— Ея высочество проситъ ваше сіятельство къ себѣ! вѣско и спѣшно отчеканилъ входя красный жилетъ.

„Наѳанаила тамъ или Андомская?“ пронеслось въ головѣ княжны. Она надменно повела губами въ чаяніи неотвратимаго, быть можетъ, столкновенія... Она „конечно, не уступитъ, скажетъ“...

— Хорошо, сейчасъ иду! сказала она, указывая лакею выйти движеніемъ головы.

Она пошла за нимъ, взялась за замокъ и, обернувшись къ Анфисѣ:

— Скорѣй, пожалуйста, уставьте это туда!...

Та поспѣшно открыла на обѣ половинки шкафъ ключомъ изъ связки, висѣвшей у нея за поясомъ, подтолкнула къ нему ногою коробъ, подняла его и уставила къ темному углу, такъ же быстро закрыла и защелкнула шкафъ и заткнула ключи свои опять за поясъ.

— Готово! сказала она.

Княжна вышла.

Синеокая женщина медленно двинулась и остановилась у окна. Она замѣтно похудѣла и осунулась со времени переселенія своего въ Петербургъ... Она безконечно тосковала здѣсь, никуда не выходила изъ дворца, избѣгала всякихъ знакомствъ съ сосѣдками своими по „колидору“ и проводила всѣ дни за работой или за чтеніемъ „божественнаго“. Все, что доводилось ей видѣть, замѣчать и угадывать кругомъ себя, наполняло ее унынiемъ и какимъ-то неопредѣленнымъ, но болѣзненно охватывавшимъ ее страхомъ. „Петербургскій народъ“ представлялся ей совершенно особаго рода лукавою и злокозненною породой людей.

— *Внѣуду являются красны, внутръуду же полны суть костей и всякія нечистоты*, шептали и теперь блеклувшія уста ея, подъ впечатлѣніемъ свѣжаго разговора объ Иринархѣ Овцынѣ... Она многое угадывала и изъ „тѣхъ мыслей“, которыхъ держалась ея „барышня“ (къ которой она успѣла привыкнуть, и которая въ свою очередь обходилась съ нею съ видимымъ уваженіемъ и довѣріемъ), понимала, что „и ей здѣсь жить не вольготно“...

— И небо-то здѣсь само будто не христіанское! примолвила она про себя, устремясь взглядомъ на виднѣвшійся изъ окна высокій куполъ Исаакіевскаго собора, надъ крестомъ котораго, словно норовя зацѣпить его своимъ черносинимъ краемъ, ползла большая снѣговая туча.

И Анфиса, вздыхая, перекрестила себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ...

IV.

Чертогъ сіялъ; гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.

Пушкинъ.

Wir sind nur insofern zu achten, als wir zu schätzen wissen.

Göthe.

La cour est comme un édifice de marbre: elle est composée d'hommes fort durs, mais polis.

Labruyère.

Въ большомъ зданіи, на одной изъ главныхъ площадей Петербурга, по всему протяженію нижняго этажа сіяли огни. Тамъ давался большой маскарадный балъ.

Это былъ самый блестящій, самый привлекательный и, выражаясь не изобрѣтеннымъ еще въ ту пору выраженіемъ, самый „интеллигентный“ *домъ* Петербурга той эпохи, къ которой относится нашъ разсказъ. Въ немъ какъ бы вѣяло живою традиціей Екатерининскаго Эрмитажа, Екатерининскаго ума, Екатерининскаго *вкуса* къ дарованіямъ, къ мысли, къ культурѣ... Обаятельная хозяйка этого дома одарена была драгоцѣннѣйшими въ ея высокомъ положеніи качествами: широкимъ объемомъ помысла, твердою иниціативой воли и тѣмъ безцѣннымъ даромъ умственной *зрячести*,— проникновенія и оцѣниванія людей по настоящей мѣрѣ ихъ способностей и того дѣла, на какое они годны, — безъ котораго нѣтъ *великихъ* въ человѣческой исторіи. Она заботливо дознавалась объ

этихъ людяхъ, привлекала ихъ къ себѣ, очаровывала своею милостью, отзывчивостью и усвойчивостью своего ума. Въ небольшомъ, тщательно избранномъ кругу ея обычныхъ *четвергов* дипломаты и государственные дѣятели, свѣтскія красавицы и изощренные царедворцы встрѣчались со скромными, *дичащимися*, ни въ какой иной гостиной не показывавшимися учеными; русскій писатель обмѣнивался здѣсь рѣчью съ иностраннымъ собратомъ, съ путешественникомъ, только-что вернувшимся изъ какого-нибудь еще невѣдомаго угла вселенной; многообѣщающій молодой художникъ внималъ поучительной для него бесѣдѣ патентованнаго спеціалиста со многовидѣвшимъ любителемъ или меценатомъ искусства.

Что-то поднимающее и *движущее* заключалось въ атмосферѣ, окружавшей эту женщину,—что-то возбуждавшее силы, энергію, смѣлость въ тѣхъ, кого она поощряла или вызывала на дѣятельность, кому она со своимъ зоркимъ взглядомъ указывала на предлежавшія имъ цѣли... Ея сочувствіямъ и вѣскому предстательству одолжены были главнымъ образомъ извѣстные дѣятели крестьянскаго освобожденія тѣмъ значительнымъ вліяніемъ, какое дано было имъ внести въ его разрѣшеніе. Многое, быть можетъ, въ этомъ дѣлѣ не совершилось бы, или совершилось бы иначе, если бы за этими людьми не стояла она, со своимъ блескомъ и обаяніемъ, со всѣми чарами своего дома, — единственно направленными въ эту минуту къ служенію той высшей государственной задачѣ, которой она была давнишнею и неустанною поборницей.

Привѣтливая, оживленная, еще прекрасная вопреки годамъ, окруженная высшими особами Россіи, она стояла теперь во глубинѣ танцовальной залы „интимнаго“ этажа своего роскошнаго обиталища и, поощрительно улыбаясь слегка прищуреннымъ взглядомъ и красивыми устами, смотрѣла на стройныя пары костюмированныхъ лицъ, проходившія подъ торжественные звуки полонеза мимо мѣста, занимаемаго ея кружкомъ.

Оркестръ заливался. Яркій свѣтъ падалъ съ люстръ и жирандолей на зыбкую волну тѣснившихся кругомъ головъ, сверкалъ искристыми бликами въ граняхъ бриллiантовъ, по ободъ-

камъ перьевъ и цвѣтовъ, по золоту браслетовъ, эполетъ, по шитью военныхъ воротниковъ. Въ жаркомъ уже воздухѣ струился проницающій запахъ прокуренныхъ духовъ, женскихъ тканей и бѣлья, перчатокъ, хранимыхъ въ благовонныхъ ящикахъ. Людской гулъ и жужжаніе, соперничая съ визгомъ скрипокъ, съ гудѣніемъ валторнъ, словно стояли въ этой насыщенной и раздражающей праздничной атмосферѣ. Всѣ лица сіяли; женскіе глаза горѣли, рдѣли алыя уста въ лихорадочно-радостномъ оживленіи. Не было, знали всѣ, праздниковъ болѣе удачныхъ, болѣе увлекающихъ, какъ въ этихъ стѣнахъ. Тутъ былъ весь дворъ, весь цвѣтъ еще тогда богатаго и многолюднаго большаго свѣта столицы... Новыя вѣянія не успѣли загасить еще тогда „весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ“ былой, безпечальной, отошедшей нынѣ безвозвратно въ вѣчность жизни...

Пары скользили одна за другою... Вотъ двугорбый Полишинель (всѣмъ извѣстный адъютантъ), какъ бы разрѣзанный пополамъ двуцвѣтнымъ своимъ одѣяніемъ, проходитъ съ накладнымъ носомъ и комическою суровостью, возбуждающими звонкій хохотъ *галлереи*, звеня гремушками своей marotte de fou и помахивая ею надъ головой, какъ тамбуръ-мажоръ предъ своими музыкантами: онъ командуетъ цѣлою кадрилью слѣдующихъ за нимъ *Пьеро* и *Пьеретокъ*; всѣ они въ бѣломъ и въ голубыхъ бантахъ, съ того же цвѣта шапочками въ формѣ китайскихъ крышекъ надъ напудренными волосами,— все молодыя, свѣжія, дѣвичьи и юношескія лица... Вотъ *двѣнадцать мѣсяцевъ года* подобранные изъ среды самыхъ красивыхъ женщинъ петербургскаго общества... Новою зыбью колыхнулась и надвинулась къ нимъ толпа. Онѣ проходятъ медленно, гуськомъ, сіяя своими затѣйливыми уборами, блескомъ цвѣтныхъ камней и расширенныхъ какъ бы тревогою зрачковъ, между темными шеренгами жадно взирающихъ на нихъ мужчинъ, направляясь къ группѣ высокихъ лицъ, окружающихъ хозяйку... Ихъ ждутъ тамъ ласковыя улыбки, милостивыя рѣчи...

Вотъ подходитъ *іюль мѣсяцъ*... Читатель, это опять она,— это Ольга Елпидифоровна Ранцова... Благоволящая къ ней

судьба доставила ей нежданно случай предстать въ активной роли на этомъ блестящемъ вечерѣ. Княгиня Гагина, которую замѣняла она теперь, заболѣла внезапно за два дня до того, и *кадрили мѣсяцевъ* грозило разстройство, если бы на нее не было указано все тѣмъ же ея, вліятельнымъ въ придворныхъ сферахъ, „другомъ“. Поставлено было это имъ притомъ такъ искусно, что приглашенная же какъ бы оказывала услугу, выводила хозяйку дома изъ нежданнаго затрудненія, принимая на себя заботу приготовить указанный костюмъ въ полтора дня времени,—и заслуживала поэтому особенной благодарности и расположенія...

Костюмъ удался на славу. Съ сверкающими лучами золотаго полусонца поверхъ головы, въ пышныхъ складкахъ воздушнаго газа, отливавшаго цвѣтомъ водной струи, по которому съ лѣваго плеча черезъ все платье до самаго низа его, слегка приподнятаго надъ шелковою второю юпкой, бѣжала гирлянда яркихъ маковъ и золотыхъ колосьевъ, — эффектная красота ея производила поражающее впечатлѣніе... И словно она одна теперь не догадывалась объ этомъ: она шла съ какою-то сдержанностью, едва улыбаясь и отвѣчая, не поворачивая головы, однимъ помаргиваніемъ вѣкъ на восторженныя восклицанія знакомыхъ, мимо которыхъ пробиралася она (не даромъ проходила она высшую школу свѣтскости съ такимъ человѣкомъ, какъ графъ Леонидъ Александровичъ Наташандевъ)...

Придворный реверансъ ея былъ безукоризненъ. Она, не спѣша, почтительно и самодостойно, потупила голову и глаза, медленно, чуть-чуть бокомъ, поджала колѣни, подалась слегка тѣломъ назадъ,—и волны ея газа и шелка съ едва слышнымъ шуршаніемъ разостлались кругомъ нея, словно какой-то вдругъ опавшій, сверкающій туманъ...

Она *понравилась*,—это сказалось ей вдругъ, инстинктивно, прежде чѣмъ она успѣла поднять глаза.

Она не ошиблась. Ея красивая наружность и изящество туалета замѣчены были еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ, на балѣ въ *** дворцѣ,—первомъ изъ такихъ баловъ, на которомъ появилась она,—и заслужили высшее одобреніе.. Ее

привѣтствовали теперь нѣсколькими очень благосклонными словами, отъ которыхъ забилось у нея сердце до боли и блаженный румянецъ загорѣлся до самыхъ волосъ.

— Ваше... чего ни сдѣлаешь, чтобъ имѣть счастіе быть вамъ угодною! воскликнула съ пламеннымъ энтузіазмомъ молодая женщина. Она готова была бы дать сейчасъ отрубить себѣ голову, чтобы доказать свою преданность „всѣмъ *имъ*, безконечно добрымъ, прелестнымъ, очаровательнымъ!“...

Ее *отпустили* милостивымъ поклономъ. Она присѣла еще разъ и двинулась съ мѣста.

Стоявшій въ группѣ молодой генералъ въ Андреевской звѣздѣ наклонился къ ней:

— Хотите со мной третій контрдансъ, Ольга Елпидифоровна?

О, Боже мой, онъ даже знаетъ, какъ ее зовутъ! Она вспыхнула, присѣла и отошла, не чувствуя ногъ подъ собою...

А онъ, обернувшись къ своему кружку, засмѣялся, произнесъ полушопотомъ имя и нѣсколько словъ объясненія..

— Ah, vraiment?...

Улыбка пробѣжала по всѣмъ устамъ; глаза на мигъ обернулись въ сторону: — тамъ въ группѣ сановниковъ въ звѣздахъ и лентахъ подъ мундирными фраками стоялъ графъ Наташанцевъ, отдѣляясь невольно отъ всѣхъ ихъ тонкимъ изяществомъ своего облика и grand air. Онъ, какъ и прочіе, но тай подъ спокойнымъ видомъ обнимавшее его внутренно волненіе, глядѣлъ на приближавшихся красавицъ, не теряя изъ глазъ въ то же время кружокъ высокихъ гостей хозяйки и угадывая о предметѣ ихъ разговора своимъ старымъ царедворческимъ чутьемъ.

Молодой генералъ подозвалъ его къ себѣ движеніемъ глазъ, подалъ ему руку и весело подмигнулъ ему.

Наташанцевъ блаженствовалъ. Благодарности его не было конца; въ милостивомъ вниманіи, оказанномъ предмету его страсти, онъ разумѣлъ самую лестную для себя награду его дознанной, доказанной, сорокалѣтней преданности...

Онъ безсознательно обратился взглядомъ на дочь. Княгиня Андомская стояла въ группѣ, ближайшей къ тому кружку,

къ которому самъ онъ удостоенъ былъ быть призванъ, среди тѣхъ спеціальныхъ *сливокъ* общества, къ которымъ принадлежала она, и которыя здѣсь, въ этомъ домѣ, держались особою, *эксклюзивною* котеріей.

Она въ свою очередь подняла на отца свои безпощадные сѣрые глаза. „Что ты ни дѣлай, а я не хочу!“ ясно говорили они ему... Онъ чуть замѣтнымъ движеніемъ дернулъ плечомъ и отвернулся.

Но вотъ опять колыхнулась толпа. За костюмированными шли замаскированныя пары въ домино. Мужскіе капуцины были трехъ цвѣтовъ: коричневые, черные и голубые, распредѣленные по росту облекавшихъ ихъ лицъ, — по восьми на каждый цвѣтъ. Для отличія между собою на груди каждаго изъ нихъ висѣла на ленточкѣ карточная фигура... Въ толпѣ мгновенно пробѣжала словно электрическая струя. Кого, чьи лица скрывали эти маски?... На чертахъ всѣхъ мигомъ сказалось выраженіе алчнаго и какъ бы тревожнаго любопытства; всѣ глаза какъ по командѣ вскинулись на входившихъ...

Они, дойдя до хозяйки, раскланялись, разошлись — женщины вправо, мужчины влѣво,—и разбрелись въ одиночку по залѣ.

Посреди ея строился первый контрдансъ. Кавалеры суетились, указывали мѣста своимъ дамамъ. Дамы разсѣянно слушали ихъ рѣчи и, склоняя лицо къ своимъ портбукетамъ, слѣдили избока съ мѣста за пробиравшимися въ толпѣ капуцинами, предъ которыми невольнымъ движеніемъ поспѣшно и осторожно разступались мундиры и фраки...

Одинъ изъ нихъ, коричневый, подошелъ къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ. Она безсознательно вздрогнула и тутъ же съ загорѣвшимся взглядомъ воззрилась въ глаза его...

Она танцовала съ графомъ Анисьевымъ, поспѣшившимъ пригласить ее, какъ только отошелъ отъ нея молодой генералъ въ Андреевской звѣздѣ... Онъ теперь такъ же зорко, какъ и она, но какимъ-то косымъ, лисьимъ взглядомъ направилъ глаза на подошедшаго къ ней и насторожилъ ухо. Но по первому звуку донесшагося до него голоса лицо его приняло свое обычное, искусственно-разсѣянное выраженіе.

— Ты очень счастлива сегодня, кажется? спрашивалъ Ранцову капуцинъ, по-маскарадному.

— Никогда не была такъ счастлива, я не скрываю! радостно воскликнула прекрасная представительница іюля мѣсяца,—а вы... а ты? поспѣшила она поправиться.

— Я такъ отвыкъ отъ шума въ тихой моей обители, что мнѣ здѣсь какъ будто дико, отвѣчалъ онъ.

Она засмѣялась:

— Что-жь ты дѣлаешь въ этой твоей обители, beau capucin—молишься?

— Непремѣнно.

— На *кого?* подчеркнула она.

— Этого я не скажу тебѣ.

— Почему? спросила она, продолжая внимательно вглядываться ему въ глаза.

— Ты не поняла бы, отвѣчалъ онъ страннымъ, уколовшимъ ее почему-то тономъ.

— Намъ дѣлать фигуру! предварилъ ее въ эту минуту Анисьевъ.

Когда они вернулись на мѣсто, капуцина уже не было.

— Кто это можетъ быть, какъ вы думаете? съ живостью спросила она своего кавалера.

Онъ улыбнулся своею многозначительною усмѣшкой и—не сейчасъ проговорилъ шепоткомъ, пристально глядя на нее:

— Во всякомъ случаѣ не то, что вы думали.

Она разсердилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ вѣрнѣе угадалъ онъ ея тайный помыселъ, и вся вспыхнула.

— У васъ вѣчно все то же лукавство и ехидство на умѣ! воскликнула она;—почему вы знаете, что я думала?... Что вы думали, *вы*, говорите!

Онъ все такъ же спокойно и улыбаясь глядѣлъ на нее, словно любуясь ея красивымъ гнѣвомъ.

— Вамъ угодно знать? Извольте: я думаю, что завоеваніе графа Леонида Александровича Наташанцева — достаточно блистательный подвигъ, чтобы вамъ этимъ удовольствоваться, сказалъ онъ.

Ольга Елпидифоровна пуще разсердилась отъ этихъ словъ.

— Какое вамъ, скажите, дѣло до меня и до моихъ „завоеваній"!... Я, слава Богу, изъ вашей опеки вышла,—желчно промолвила она, быстро дыша высокою грудью,—и не желаю возвратиться подъ нее!...

— Напрасно! невозмутимо возразилъ онъ:—je suis de bon conseil, какъ вы знаете, а ваше зданіе далеко еще не доведено до крыши... Намъ опять танцовать!...

Пока она *балансировала* со своимъ vis-à-vis, она успѣла одуматься... Война, порученія, затѣмъ губернаторство Анисьева держали его въ отдаленіи отъ нея лѣтъ пять, шесть. Онъ успѣлъ за это время жениться на одной изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ русскаго юга, подарившей его сыномъ и — вдовствомъ по ней послѣ полутора года замужства. Ольга Елпидифоровна почитала всѣ ихъ прежнія отношенія покончеными, почитала себя навсегда избавленною отъ его „кошмара". Но вотъ онъ опять здѣсь, въ видномъ положеніи, опять сталъ бывать у нея, бывать на ногѣ стараго, *безкорыстнаго* друга. Въ первый разъ заговорилъ онъ теперь прежнимъ, рѣшительнымъ, чуть не угрожающимъ языкомъ. Ей стало жутко вдругъ... Онъ опасный врагъ: онъ интименъ, она знала, въ кружкѣ княгини Андомской; онъ къ тому же опять въ большой милости: его, она слышала, прочатъ еще на новую должность, въ которой онъ будетъ имѣть возможность прямо способствовать ея планамъ, или разстроить ихъ... Но неужели за его содѣйствіе или вмѣшательство придется ей уплатить ему тою цѣной, которой онъ такъ назойливо добивался отъ нея за послуги свои въ годы ея дебютовъ съ мужемъ въ Петербургѣ? проносилось быстрыми, тревожными скачками въ ея головѣ... Нѣтъ, это не возможно, это было бы слишкомъ отвратительно!... „Во всякомъ случаѣ открыто *rompre* съ нимъ не надо!" рѣшила она въ концѣ концовъ.

— Миръ? проговорила она съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ, вертясь съ нимъ рука въ руку въ заключеніе второй фигуры и слегка пожимая его пальцы.

— Даже *Парижскій*, тихо и смѣясь впалъ онъ въ ея тонъ,—*лучше доброй ссоры*...

А капуцинъ, изъ-за котораго чуть не произошла у нихъ

эта „ссора“, брелъ между тѣмъ по залѣ подъ темнымъ своимъ капюшономъ, промежь пышныхъ кринолиновъ и блестящихъ военныхъ мундировъ, озирая любопытно все это хорошо ему знакомое и давно имъ невиданное свѣтское общество... Онъ попалъ на этотъ вечеръ совершенно неожиданно, пріѣхавъ въ Петербургъ всего за два дня назадъ по своимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе уѣхать обратно въ свою „тихую обитель“, и съ намѣреніемъ „ни у кого не быть“. И вотъ наканунѣ случайно встрѣчается онъ на улицѣ со старымъ своимъ знакомымъ, графомъ Пердро, вѣчнымъ участникомъ и устроителемъ придворныхъ празднествъ, который, съ-оника остановивъ его сани, не давъ ему раскрыть ротъ, съ судорожно-поспѣшными рѣчью и движеніями объявляетъ ему, что его „послалъ самъ Зевсъ“, что „*имъ* не достаетъ восьмаго *dans les capucins bruns*“, что онъ именно „le huitième *spirituel* demandé“, и, не ожидая отвѣта, тутъ же поворачиваетъ оглобли и гонитъ своего извощика на Михайловскую площадь; а вечеромъ приносятъ пріѣзжему въ Демутову гостиницу формальное приглашеніе, является портной брать съ него мѣрку на домино... За часъ передъ баломъ пріѣзжаетъ за нимъ Пердро и везетъ его съ собою. Онъ нѣмъ какъ рыба, серіозенъ какъ могила: именъ будущихъ собратій ихъ по *рясѣ* онъ не отбрываетъ, говоря только, что они съ нимъ будутъ „въ очень хорошемъ обществѣ“... Они въ отдѣльной, отведенной имъ комнатѣ совершаютъ свой туалетъ, надѣваютъ маски. „Пожалуйте!“ вбѣгаетъ затѣмъ ливрейный слуга звать ихъ и ведетъ черезъ рядъ комнатъ въ покой, гдѣ собираются таинственные ихъ товарищи: *малые, средніе* и *большіе*... Изъ другихъ дверей выступаетъ такое же число невѣдомыхъ, укутанныхъ въ разноцвѣтное домино дамъ; кавалеры разбираютъ ихъ по росту, подаютъ имъ руки. Двери отворяются,—они вошли въ залу...

Во всемъ этомъ было нѣчто необычное, какое-то *романическое вѣяніе*, заставлявшее невольно звенѣть въ душѣ пріѣзжаго давно и навсегда, думалъ онъ, замолкнувшія струны. Онъ чувствовалъ себя какъ-бы вдругъ помолодѣвшимъ подъ этою маской, скрывавшею его черты, и изъ-за которой онъ

могъ теперь на полной волѣ тѣшить врожденныя ему наблюдательность и насмѣшливость. Онъ подходилъ къ дамамъ, къ старымъ знакомымъ, вызывалъ ихъ смѣхъ забавнымъ замѣчаніемъ, намекомъ, еще чаще смущая неожиданнымъ словомъ, короткимъ вопросомъ, принимавшими въ ихъ понятіи, благодаря цвѣту его костюма и измѣненному голосу, особое, тревожившее ихъ значеніе. И, не давая имъ разубѣдиться въ заблужденіи, онъ быстро удалялся, исчезалъ въ шумно двигавшейся толпѣ...

Онъ прилежно всматривался въ нее, слѣдилъ за отдѣльною игрой физіономій. *Новое* время ясно сказывалось для него въ нѣсколько пріуныломъ, какъ бы растерянномъ выраженіи на старыхъ лицахъ, — въ замѣтной самоувѣренности, въ какой-то особенной *дезинвольтурѣ* всего облика людей молодыхъ. „*Наше* время пришло“, будто сказывалось на лицахъ вчерашнихъ пажей, лицеистовъ, правовѣдовъ, успѣвшихъ уже превратиться въ адъютантовъ и чиновниковъ изъ категоріи „многообѣщающихъ“... Женскія рѣчи и смѣхъ, казалось ему, принадлежавшему первою своею молодостью къ прошлому царствованію, звучали рѣшительнѣе прежняго, „эмансипированнѣе“ были пріемы, откровеннѣе обращеніе... Каждый очевидно чувствовалъ себя свободнѣе и — безотвѣтственнѣе...

Замаскированные придавали вечеру особенное, своеобразное оживленіе. *Они* и *онѣ* отдѣлялись, невольно привлекая на себя взгляды темными сплошными пятнами своими на яркоколерномъ фонѣ женскихъ одѣяній,—вели въ углахъ залы веселые разговоры съ убѣленными сановниками, уводили изъ вальса, таинственные и важные, какъ венеціанскіе Diecі, хохочущихъ красавицъ и исчезали съ ними во глубинѣ сосѣднихъ покоевъ. За ними слѣдили, перебирали шопотомъ предполагаемыя имена ихъ... Общимъ, сочувственнымъ хохотомъ привѣтствованъ былъ свалившійся на-ходу капюшонъ съ головы одного изъ „малыхъ“, *голубыхъ* капуциновъ, въ которомъ, не смотря на маску, узнали по его разлетавшимся во всѣ стороны сѣдымъ волосамъ прелестнаго поэта и умнѣйшаго острослова петербургскаго большаго свѣта того време-

ни... Онъ не смутился, закинулъ руку за спину и, поправляя капюшонъ, проговорилъ своимъ пѣвучимъ и протяжнымъ голосомъ по адресу бѣлокурой, хорошенькой женщины, которую велъ подъ руку:

— J'aimerais bien prêter à rire, si l'on me prêtait en retour un peu de jeunesse pour mériter vos regards...

У одной изъ дверей, ведущихъ въ танцовальную залу, стоялъ въ мундирномъ фракѣ и лентѣ по жилету нѣкто, такой же сѣдой, но съ совершенно молодымъ, почти женственно-миловиднымъ лицомъ, и съ нѣсколько задумчивою или озабоченною улыбкой глядѣлъ на танцы... Эта миловидная, привлекательная наружность нисколько не мѣшала тому, что именемъ этого человѣка чуть не пугали въ тѣ дни дѣтей въ иныхъ кружкахъ Россіи... „Прогрессивная“ партія за то падала ницъ предъ этимъ умнымъ и бойкимъ бюрократомъ, котораго tacito consensu признавала единогласно своимъ главою.

Высокій мужчина въ коричневомъ, какъ и нашъ пріѣзжій, капуцинѣ и съ червоннымъ королемъ на груди, проходя въ эти двери, остановился на мигъ и, взглянувъ на стоявшаго, произнесъ нѣсколько словъ.

Тотъ какъ-бы встрепенулся вдругъ, выпрямился... и тутъ же, съ тактомъ свѣтскаго человѣка, поспѣшилъ принять прежнюю свободную позу, давъ, какъ видно было, вопрошавшему требуемый отвѣтъ.

Червонный король кивнулъ и прошелъ мимо.

— Вы видѣли? Какъ я рада за Николая Алексѣевича! раздался вслѣдъ за этимъ за спиной пріѣзжаго негромкій женскій голосъ:—вѣдь это...

Пріѣзжій живо обернулся. Объ руку съ бѣлокурымъ молодымъ человѣкомъ въ простомъ черномъ фракѣ (онъ зналъ его по имени, встрѣтившись съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ въ Москвѣ,) стояло стройное женское, чернаго цвѣта, домино, съ желтою розой подъ обшитымъ кружевами капюшономъ. Изъ прорѣхъ атласной маски глядѣли зеленоватые, какимъ-то фосфорическимъ блескомъ горѣвшіе глаза.

— Beau masque, я узнаю тебя! такъ и вырвалось у него вдругъ изъ горла.

Она повела на него головой:

— Можетъ быть, но мнѣ теперь некогда говорить съ тобой, холодно произнесла она въ отвѣтъ. И, взглянувъ на своего кавалера, промолвила:

— Я васъ теперь оставлю, Сергѣй Михайловичъ;—но мы встрѣтимся...

И она удалилась быстрыми шагами.

Капуцинъ направился за нею слѣдомъ.

Въ противоположномъ углу залы, разговаривая съ изящнымъ, блестящимъ, живымъ, какъ юноша, въ золотыхъ очкахъ тонкой оправы надъ сверкающими остроуміемъ темными глазами, княземъ Черниговскимъ, руководителемъ иностранной политики Россіи новаго царствованія, стоялъ непомѣрно длинный, *несуразный*, словно срубленный въ три маха топоромъ изъ тяжелаго, дубоваго кряжа, сановный персонажъ въ широкой лентѣ и крупнаго, какъ онъ самъ, размѣра орденахъ, въ золотыхъ, какъ у князя, но массивныхъ и круглыхъ, какъ у нѣмецкаго гелертера, очкахъ. Онъ поводилъ сквозь нихъ близорукими, не то разсѣянно, не то подозрительно глядѣвшими глазами, и туго поворачивался отъ времени до времени всѣмъ неуклюжимъ своимъ тѣломъ, будто боясь задѣть имъ кого-нибудь по близости... Много анекдотовъ, много забавныхъ разсказовъ ходили въ ту пору объ оригинальной личности этого несомнѣнно способнаго и рѣдко образованнаго,— „безъ толку способнаго и коряво-образованнаго“, увѣряли въ *Колоколѣ*, — лица, занимавшаго еще съ прошлаго царствованія важный государственный постъ и только-что наканунѣ нынѣшняго вечера офиціально назначеннаго на первостепенное по значенію его въ ту минуту мѣсто по крестьянскому дѣлу. Онъ появлялся въ первый разъ въ свѣтѣ послѣ этого назначенія и, какъ человѣкъ *въ явной милости*, былъ теперь предметомъ общаго искательнаго вниманія; къ нему постоянно обращались съ заискивающими рѣчами, съ изъявленіями сочувствія и лести, отчего впрочемъ нисколько не измѣнялось сосредоточенное и далеко не веселое выраженіе всего его длиннаго облика.

Домино съ желтою розой подошло прямо къ нему:

— Графъ, хотите-ли дать мнѣ вашу руку?

Онъ недоумѣло обернулся къ говорившей, глядя на нее молча съ безконечной высоты своей внизъ, словно въ колодезь.

Князь Черниговскій быстрымъ, привычнымъ взглядомъ обнялъ стройныя линіи темнаго женскаго облика, стоявшаго предъ нимъ, и засмѣялся веселымъ смѣхомъ:

— Qui que tu sois, voici ton maître,
Il l'est, le fut, ou devra l'être,

промолвилъ онъ изъ Вольтера съ любезнымъ наклономъ головы въ сторону маски. И вамъ чередъ, видно, пришелъ, графъ!

Тотъ, будто только теперь вспомнивъ о томъ, что французы называютъ „les devoirs de la civilité puérile et honnête“, суетливо переступилъ съ ноги на ногу и, очень видимо уже озабоченный, разъ вспомнилъ, тѣмъ, что̀ именно нужно дѣлать въ подобныхъ случахъ, сложилъ предварительно свой правый локоть острымъ треугольникомъ къ бедру, — и пододвинулся въ этомъ видѣ бочкомъ къ маскѣ.

Она продѣла въ этотъ треугольникъ свою руку и двинула вмѣстѣ съ нимъ его съ мѣста. Онъ зашагалъ рядомъ съ нею, словно только-что заведенная механическая кукла.

Маска вывела его изъ залы въ сосѣдній покой, гдѣ, кромѣ двухъ, трехъ, такихъ же, какъ она, замаскированныхъ дамъ, прошедшихъ мимо ихъ объ руку со своими кавалерами, никого не было.

— Сядемте сюда! указала она на диванъ въ углу комнаты.

Онъ усѣлся тамъ бокъ о бокъ съ нею и уставился прямо ей въ глаза:

— Что̀ имѣете вы сказать мнѣ? спросилъ онъ привычнымъ ему вопросомъ просителямъ въ *пріемные дни*.

Она невольно засмѣялась этому „казенному“ тону:

— Много или мало, смотря по тому, какъ вы поймете меня.

Онъ вспомнилъ опять, что „съ дамами надобно быть любезнымъ“, и засмѣялся, совершенно для нея неожиданно, какимъ-то всего его будто пошатывавшимъ смѣхомъ.

— Я готовъ васъ выслушать съ удовольствіемъ, сударыня, выговорилъ онъ поощрительно своимъ глубокимъ басомъ.

— Скажите, графъ, вы довольны вашимъ новымъ назначеніемъ? спросила его съ-оника маска.

Онъ такъ былъ изумленъ этимъ „невозможнымъ“ въ его понятіи вопросомъ, что смѣхъ мгновенно слетѣлъ съ его устъ и голова отшатнулась назадъ съ видимо-испуганнымъ выраженіемъ.

— Назначеніе это возложено на меня высшею властью, и поэтому я, какъ вѣрноподданный Государя моего, пріемлю его съ достодолжною покорностью, проговорилъ онъ поспѣшно.— А впрочемъ, промолвилъ онъ чрезъ мигъ, какъ-бы пораженный внезапною мыслью,—сколько я понимаю, вашъ вопросъ вовсе не женскій... и не *маскарадный*, подчеркнулъ онъ съ тѣмъ же глухимъ своимъ смѣхомъ.

— Совершенно напротивъ, возразила его собесѣдница, къ новому его удивленію:—только *женщина*, и только *подъ маской*, можетъ говорить объ этомъ съ вами свободно и откровенно. Никакой мужчина, подчиненный вашъ или вамъ равный, не рѣшится говорить съ вами такъ въ глаза.

Онъ пристально уставился на нее еще разъ, очевидно соображая степень вѣскости этой имъ неожиданной отповѣди.

— Вы очень правильно разсуждаете! воскликнулъ онъ вдругъ, словно сдѣлавъ необычайное открытіе:—государственнымъ людямъ бываетъ иногда очень полезно знать, что о нихъ думаютъ другіе и какъ ихъ понимаютъ... Прошу васъ поэтому, сударыня, сообщить мнѣ все, что вы про меня слышали съ обѣщанною вами откровенностью; я буду слушать васъ со вниманіемъ и даже благодарностью.

Слова маски полились горячо изъ ея устъ:

— Да, вамъ полезно будетъ знать, графъ, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ узнали о вашемъ назначеніи всѣ, кому дорого крестьянское дѣло. Вчера въ редакціонной коммиссіи, когда объ этомъ узнали, у всѣхъ опустились руки *), всѣ пришли въ отчаяніе...

*) *Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи.* Выпускъ III, *стр. 376.*

— Отчего же въ „отчаяніе?“ перебилъ онъ ее и хихикнулъ; — скажите: въ „нѣкоторое разочарованіе“; это будетъ, полагаю, болѣе подходящая *редакція*.

— Отчаяніе, повторила она настойчиво,— потому что въ этомъ поняли поворотъ назадъ, отступленіе отъ прежней программы. Вы, какъ всѣмъ извѣстно, человѣкъ совсѣмъ иныхъ взглядовъ, вы status quo par excellence, вы не хотите того, чего, кромѣ вашей партіи, желаетъ весь русскій народъ...

Онъ снова испуганно перебилъ ее:

— Моей „партіи“? Позвольте, сударыня, я внѣ всякихъ *партій!*.. И, глядя на нее уже съ явною подозрительностью:— Вы, можетъ быть, — прошепталъ онъ, наклоняясь къ ней, — принадлежите къ этому *дому*... вамъ, можетъ быть, кѣмъ-нибудь... *поручено*,—вырвалось у него какъ-бы противъ воли,— говорить со мною?...

— Никто мнѣ ничего не поручалъ, поспѣшно молвила маска,—и къ *дому* этому я не принадлежу... Но я, торопливо заговорила она теперь со внутреннимъ самоуслажденіемъ, съ гордымъ сознаніемъ тѣхъ „крупныхъ государственныхъ истинъ“, которыя онъ сейчасъ вотъ услышитъ изъ ея устъ,— но я раздѣляю всею душой тотъ взглядъ, какимъ смотрятъ *здѣсь* на это дѣло. Здѣсь смотрятъ на него, какъ слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ „государственнымъ людямъ“; здѣсь понимаютъ, что мудрое правительство должно не тормозить, а итти впереди всякаго умственнаго движенія въ обществѣ, чтобы не быть имъ обойденнымъ, а владѣть имъ и направлять дальше...

— „Мудрое правительство!“ повторилъ своимъ басомъ графъ Вилинъ:—разсуждать о *семъ* вовсе не женское дѣло.

— Что не помѣшало однако вашему отцу или предку, быстро возразила она, — служить съ пользою великой женщинѣ, которая первая мечтала о томъ, что хочетъ осуществить теперь ея правнукъ... и *подчиняться* — подчеркнула она,— желаніямъ другой особы съ такимъ же государственнымъ умомъ и волею *).

*) Княгинѣ Дашковой.

Это напоминаніе ему о его „предкѣ“ произвело въ своеобразномъ процессѣ мысли графа Вилина пріятное на него впечатлѣніе. Онъ вынулъ платокъ, протеръ имъ свои круглыя очки и, поправляя ихъ на носу:

— Вы очень умны, сударыня, проговорилъ онъ, отчеканивая свои слова,— и съ вами пріятно было бы вести бесѣду... о всякомъ другомъ предметѣ, неожиданно добавилъ онъ.

— Возвращаю вамъ вашу любезность, отрѣзала она ему тутъ же въ отвѣтъ:—если-бъ отъ меня зависѣло, я, конечно, не употребила бы вашъ умъ и способности на дѣло, къ которому вы менѣе всего расположены...

— Позвольте, остановилъ онъ ее движеніемъ своей огромной ладони,—вы ничего не можете знать о моемъ, вами такъ называемомъ, „расположеніи“...

— Послушайте, графъ, съ увлеченіемъ воскликнула она, и сейчасъ-же понизила голосъ, замѣтивъ, что проходившій по комнатѣ коричневый капуцинъ съ пиковымъ валетомъ на груди (нашъ пріѣзжій), видимо съ намѣреніемъ замедляя шаги, устойчиво и зорко слѣдилъ за ними взглядомъ:—вы богаты, независимы; вамъ нечего *искать*, какъ другіе... Вы, я не сомнѣваюсь, имѣете свои мнѣнія и дорожите ими; вы не захотите отступить, измѣнить *своимъ*... А тутъ идетъ дѣло о благѣ всего русскаго народа... Откажитесь, графъ, поступите, какъ слѣдуетъ честному человѣку, гражданину!...

— Что это значитъ, сударыня? Что долженъ я разумѣть въ вашихъ словахъ? бормоталъ растерянно сановникъ, пятясь отъ нея на диванѣ, словно отъ привидѣнія или отъ опаснаго звѣря.

— Вы можете только испортить, погубить, такъ же пылко продолжало страшное существо;—откажитесь отъ вашего назначенія, скажите, что вы не можете, не чувствуете себя способнымъ исполнить волю Государя!... Повѣрьте, исторія съ благодарностью помянетъ вашъ поступокъ... Въ противномъ же случаѣ, графъ, васъ... васъ проклянутъ, да,—васъ проклянетъ вся Россія!...

Графъ Вилинъ выпросталъ обѣ свои ноги впередъ, под-

нялся на нихъ и выпрямилъ весь свой горбившійся отъ непомѣрнаго роста станъ.

— Милостивая государыня, кто бы вы ни были, произнесъ онъ съ достоинствомъ, которое какъ-бы странно озадачило ее,—довѣріе, коимъ чтили меня мои государи, я неуклонно старался оправдывать по мѣрѣ разумѣнія моего и силъ; отъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей не отказывался никогда, а совѣтовъ и наставленій, тѣмъ паче женскихъ,—промолвилъ онъ, подымая палецъ кверху,—отъ рожденія моего ни отъ кого не принималъ. Такихъ правилъ считаю долгомъ держаться и впредь; равно и отвѣта вамъ дать другаго не имѣю.

И съ мѣста, не оборачиваясь, онъ *потекъ* своимъ механическимъ шагомъ заведенной куклы обратно въ танцовальную залу.

Она осталась на диванѣ, безъ словъ, готовая заплакать отъ досады и страстно возбужденныхъ нервовъ...

А нашъ пріѣзжій между тѣмъ проходилъ далѣе въ глубь покоевъ, выжидая конца этого разговора, съ намѣреніемъ въ свою очередь „заинтриговать“ домино съ желтою розой, обратившее на себя его особое вниманіе... Навстрѣчу ему шелъ высокій капуцинъ одной съ нимъ рясы, съ червоннымъ королемъ на груди. Съ нимъ шла жена тогдашняго англійскаго посланника въ Петербургѣ,—еще недавно пѣвица италіянской оперы,—видимо забавлявшая его—слышался его смѣхъ,—своимъ полнымъ незнакомствомъ съ обществомъ, среди котораго она находилась, и происходившими отъ того наивностями въ ея вопросахъ и отвѣтахъ. За ними, догоняя ихъ, скользила по паркету въ вѣнкѣ и букетахъ изъ розъ по воздушному бѣлому платью прелестная, черноокая баронесса Таль, состоявшая при хозяйкѣ дома въ должности лектрисы и которую звали „le plus charmant spécimen de *l'escadron volant de la reine*“. *)

— My lady, сказала она по-англійски за спиною той,

*) Подъ этимъ названіемъ значились фрейлины французской королевы Catherine de Medicis, отличавшіяся, какъ извѣстно, красотою своею и умомъ.

притрогиваясь къ ея плечу,—васъ повсюду ищетъ вашъ кавалеръ на третій контрдансъ...

И вдругъ взглянула на обернувшагося къ ней спутника посланницы, внезапно покраснѣла и, проговоривъ „pardon“, отступила на шагъ съ видимымъ смущеніемъ...

— Je n'ose vous retenir davantage, молвилъ тутъ-же съ изысканною любезностью червонный король своей дамѣ и принялъ отъ нея свою руку.

Баронесса Таль, нѣсколько растерянная, подхватила ее подъ локоть и, тревожно оглядываясь по пути, выскользнула съ нею изъ комнаты.

Червонный король быстро подошелъ къ пріѣзжему:

— Dis donc, mon cher, хочешь помѣняться фигурами?

— Пердро! вскликнулъ тотъ, узнавая его,—какъ на тебѣ эта карта? Она сейчасъ была, говорятъ, на...

— Мнѣ ее отдали и взяли мою pour dérouter les curieux, таинственно отвѣчалъ Пердро;—это ужасно весело выходитъ... Ты видѣлъ, разсмѣялся онъ,—quel effet j'ai produit sur Hélène Tahl?... А теперь можешь воспользоваться этимъ талисманомъ для собственныхъ твоихъ комбинацій. Дай мнѣ твоего пиковаго валета!

— Пожалуй! отвѣтилъ капуцинъ, перекидывая черезъ капюшонъ ленту со своею картой.

— Merci et bonne chance! кивнулъ ему головой Пердро,—и исчезъ.

V.

Si cadendum est, coelo cecidisse velim.
Падать,—такъ съ неба.

Пріѣзжій остался одинъ... но не надолго. Въ дверяхъ показался стройный обликъ домино съ желтою розой, о которомъ онъ только-что думалъ... Онъ поспѣшилъ къ ней.

— Вы наконецъ покончили съ государственными дѣлами? спросилъ онъ ее, смѣясь.

Она окинула его быстрымъ взглядомъ, замѣтила висѣвшаго у него на груди червоннаго короля...

Боже мой, неужели?... неужели случай доставляетъ ей возможность выговорить все, все, чѣмъ полна ея мысль, „чѣмъ живетъ она душой“, — и быть выслушанною, произвести впечатлѣніе?... Неужели, вотъ сейчасъ, сейчасъ, послѣ неудачной попытки съ Вилинымъ, должны исполниться завѣтныя ея мечтанія, все, чего тщетно добивалась, къ чему напрасно рвалась она до сихъ поръ?... О, лишь бы только нашлась въ ней сила неотразимаго убѣжденія, нашлись тѣ пылающіе огнемъ глаголы, которыми древніе пророки „жгли сердца людей“! проносилось у нея въ головѣ изъ едва-ли не единственнаго стихотворенія Пушкина, которое почитала она достойнымъ своихъ сочувствій...

— Вы почему думаете, что я говорила о государственныхъ дѣлахъ? молвила она, стараясь подавить невольную дрожь голоса и расходившееся въ ней внутреннее волненіе.

— Достаточно для этого одного вида того, съ кѣмъ вы говорили, тѣмъ же веселымъ тономъ отвѣтилъ капуцинъ; —

о чемъ иномъ можетъ быть рѣчь съ графомъ Вилинымъ!... Позволено-ли будетъ узнать, о какой именно статьѣ свода законовъ шла у васъ съ нимъ рѣчь?

— Я говорила съ нимъ не о законахъ, проговорила она, придавая особенную серьезность тону своихъ словъ, — а о его новомъ назначеніи...

— Какомъ?

Желтая роза вскинула на него изумленно глаза:

— Вѣдь онъ поставленъ во главу коммиссіи по крестьянскому дѣлу...

— Въ самомъ дѣлѣ? Я не зналъ, сказалъ онъ самымъ естественнымъ тономъ.

Она еще разъ повела на него взглядомъ... и тутъ-же успокоилась. „Онъ не желаетъ, чтобъ его узнавали“, объяснила себѣ она, „онъ притворяется незнающимъ того, что̀ знаетъ со вчерашняго дня весь Петербургъ. Тѣмъ лучше, такъ объясняться съ нимъ легче“...

— Да, сказала она громко и рѣшительно,—и я ему передала то ужасное впечатлѣніе, какое произвело это назначеніе его на всѣхъ, кому дорого̀ благо Россіи и слава Государя... Государя, отъ котораго такъ много ждетъ она, прибавила она уже дрогнувшимъ голосомъ.

— О, о, засмѣялся капуцинъ,—такъ-таки и передали bel et bien?... Съ какою же цѣлью?

Она смутилась на мигъ.

— Чтобъ убѣдить его отказаться отъ того, что̀ въ его рукахъ... можетъ только погубить дѣло...

— А онъ, спросилъ насмѣшливо ея собесѣдникъ, — онъ, разумѣется, поспѣшилъ сейчасъ же признать основательность вашихъ резоновъ, поѣдетъ завтра въ Зимній Дворецъ и попроситъ тамъ сложить съ него то, на что̀ онъ, по-вашему, не годится?

Она вся вспыхнула подъ своей маской; эта иронія, это отношеніе къ ея словамъ, какъ къ чему-то не серьезному, ребяческому... О, какъ это было больно ей! На рѣсницахъ ея заискрились слезинки...

— О, прошу васъ, не говорите со мною такъ! вырвалось

у нея неудержимо изъ груди;—вы много для себя полезнаго можете услышать отъ меня; до васъ, въ вашемъ положеніи, рѣдко доходитъ правда...

— Почему вы такъ думаете? перебилъ ее капуцинъ съ новымъ, искреннѣйшимъ, повергшимъ ее въ первую минуту въ величайшее недоумѣніе смѣхомъ; — въ нашей обители братія обязана, напротивъ, говорить и выслушивать правду, только правду.

Но заблужденіе ея не разсѣялось отъ этихъ словъ: она поняла только, что „не такъ“ слѣдовало *ей* говорить, не этимъ „прямымъ обращеніемъ къ лицу“, а сохраняя условные пріемы маскараднаго языка.

— Я слышала о вашемъ уставѣ, поспѣшила она отвѣтить, стараясь теперь попасть въ шутливый оттѣнокъ его тона, — но я именно хотѣла сказать, что въ „вашемъ положеніи“ вы слишкомъ отдалены отъ міра. Ваша „обитель“ на высотахъ, и правда, наша дольняя, *простыхъ смертныхъ* правда доходитъ до васъ съ величайшимъ трудомъ. Ваши стѣны такъ неприступны, такъ ревниво охраняемы... Какъ проникнуть чрезъ нихъ къ вамъ?...

— Вы прекрасно говорите, отвѣтилъ онъ, глядя ей пытливо въ глаза,—но чего бы вы собственно желали?

— Я? Чего бы я хотѣла? вскликнула она, сверкнувъ ему въ отвѣтъ пламеннымъ взглядомъ:—я отдала бы, кажется, всю жизнь, чтобы *тамъ*, въ „вашей обители“, знали, сколько можно сдѣлать здѣсь великаго и добраго... Вѣдь у монастырей есть свои земли и населеніе, добавила она, все также силясь держаться условности и *игривости* маскараднаго языка и дѣлая это крайне неловко,—и вы несомнѣнно желаете, чтобъ они были счастливы... Все, все зависитъ отъ того, чтобы къ вамъ доходили голоса истинныхъ друзей народа, а не тѣхъ, кто заинтересованы держать его какъ можно долѣе въ рабствѣ и невѣжествѣ...

Капуцинъ чуть-чуть пожалъ плечами:

— Изъ вашихъ краснорѣчивыхъ словъ я заключаю прежде всего то, что *патеръ* Вилинъ остался глухъ къ вашимъ словамъ, а затѣмъ...

— А затѣмъ, горячо перебила она его,—что я всею моею душой жажду, чтобы великая воля Того, Кто хочетъ дать свободу милліонамъ своего народа, не могла быть извращена Вилиными и компаніей!...

Если-бъ она могла заглянуть въ этотъ мигъ подъ маску своего собесѣдника, она прочла бы то сочувственное выраженіе, которое горячность ея словъ вызывала на его лицѣ. Но онъ не хотѣлъ почему-то высказать ей это сочувствіе; онъ счелъ нужнымъ, напротивъ, насмѣшливо вздохнуть и проговорить съ комическимъ эмфазомъ:

— О Шиллеръ, гдѣ ты!

Она дрогнула, словно подъ душею ледяной воды.

— Отчего „Шиллеръ“? недоумѣло пролепетала она.

— Я помню въ его *Донъ-Карлосѣ*, въ этомъ же родѣ, говоритъ маркизъ Поза королю. Хотя я не Филиппъ испанскій, и вамъ не угрожаетъ тотъ трагическій конецъ...

— Что-же, не дала она ему договорить, вздрагивая отъ возбужденія, уносившаго все ея существо, — я готова всегда отвѣтить за свои убѣжденія... Куда хотите: въ монастырь, въ ссылку!...

Она услышала новый смѣхъ его подъ маской:

— Еще бы! Я не сомнѣваюсь, что это доставило бы вамъ большое удовольствіе.

Она теперь почти съ ужасомъ обернула къ нему голову:

— Это что же значитъ?

— Есть натуры, для которыхъ мученичество — пріятнѣе конфектъ. А вы, кажется, весьма изъ этихъ натуръ. Середки нѣтъ въ вашемъ воображеніи, не правда-ли: власть, вліяніе, или ссылка, заточеніе?

— Вліяніе, повторила она какъ бы машинально, высоко дыша грудью, — да, для блага, для счастія людей.. человѣчества...

— О, какія громкія слова... и какая самонадѣянность, *княжна!* какъ бы подчеркнулъ капуцинъ.

— Вы меня узнали!... смущенно пробормотала желтая роза.

— Я васъ *знаю*, отвѣчалъ онъ не сейчасъ,—и мнѣ васъ жаль.

— Я не прошу жалости, пылко вскликнула она на эти слова; и тутъ же, считая нужнымъ говорить „болѣе прилично“:—чѣмъ могла я возбудить въ васъ это чувство? спросила она мягче.

Чѣмъ-то необычайно участливымъ, *добрымъ* зазвучало для нея въ его отвѣтѣ:

— Вы губите напрасно свою молодость, мнѣ кажется... да и не кажется только,—я увѣренъ! Мы живемъ далеко другъ отъ друга, но я могу *вѣрно* сказать вамъ, что происходитъ съ вами. Вы томитесь, алчете, ищете... Чего? Вы въ сущности сами этого не знаете. Вы чувствуете только въ безпокойной душѣ своей какой то *задоръ*, муку по чему-то неженскому, ненормальному въ женщинѣ. Ваша жизнь не удовлетворяетъ васъ... Она васъ никогда не удовлетворяла, не правда-ли?

— Да, растерянно отвѣтила она.

Боже мой, кто же съ нею говоритъ, какъ можетъ знать онъ ее такъ?.. И голосъ его теперь, какъ будто не тотъ, что въ первыя минуты ихъ разговора... Но чей же, чей же это голосъ?!.

— А знаете почему? продолжалъ незнакомецъ: — потому что вы исключительно живете умомъ... Посмотрите (они подошли теперь къ одной изъ дверей танцовальной залы): вотъ предъ вами блестящій праздникъ, музыка, огни, вихрь танца... Я знаю, что вы мнѣ скажете, — быстро примолвилъ онъ, предваряя ея возраженіе: — vanité des vanités, ярмарка тщеславія. Ну да, я знаю, *кругомъ* знаю, весело молвилъ онъ;— но все же за этимъ есть и другое. Вотъ вамъ лица вашихъ сверстницъ; посмотрите, какъ они горятъ, какъ блещутъ ихъ глаза,—вѣдь этого не поддѣлаешь, — онѣ искренно веселятся, ихъ въ этомъ вальсѣ уноситъ теперь лучшее, что имѣется у нихъ: ихъ молодость, ихъ вѣра въ будущее и та крупинка поэзіи, которая есть въ каждой душѣ и à ses heures сказываетъ себя ей... А вы, княжна, отдавались-ли вы когда-нибудь этому уносящему *часу* молодости? На этомъ сверкающемъ балѣ вы однѣ, точно старый статсъ-секретарь, заняты

государственными соображеніями и забываете изъ-за нихъ все и вся...

— Себя не передѣлаешь, мрачно промолвила она.

— Положимъ... но *направить* себя всегда можно...

— На что?

— На то, что правильно, возможно, осуществимо... Прежде всего, будьте тѣмъ, чѣмъ Богъ васъ сдѣлалъ,—женщиною, произнесъ онъ съ какою-то особенною ласковостью въ голосѣ.

— Безличностью, то-есть? презрительно уронила она на это съ губъ.

Онъ поглядѣлъ на нее избока.

— А можно просить васъ сказать откровенно: чего вы достигли до сихъ поръ своею *неженственностью*? Вотъ вы сейчасъ говорили съ графомъ Вилинымъ, со мною... у васъ вѣроятно до этого было не мало *дѣловыхъ* разговоровъ и со многими другими лицами... Остались-ли вы довольны ими и полагаете-ли вообще, что ревность ваша о благѣ „человѣчества“ можетъ привести васъ къ чему-нибудь серіозному?

Она не отвѣтила: онъ затронулъ самую больную струну ея... Нѣтъ, ничего она не достигла до сихъ поръ, ничѣмъ не удовлетворила того, что скребло въ глубинѣ души ея и подвигало ее на всю эту ея суетливую и безплодную *дѣятельность*!..

— А что хуже всего, безпощадно говорилъ далѣе капуцинъ, — что вы все-таки для другихъ остаетесь женщиной и что они въ массѣ могутъ судить о васъ только подъ этимъ угломъ зрѣнія... То, о чемъ вы такъ горячо говорили мнѣ сейчасъ, напримѣръ... я вамъ говорилъ,—я васъ *знаю*, знаю, изъ какого *чистаго* источника шли ваши слова... Но другой на моемъ мѣстѣ не могъ-ли бы почесть ихъ за игру, за приманку, за которою скрываются иные, личные мотивы прямо *женскаго* характера?..

Онъ почуствовалъ, какъ мгновенно подъ его локтемъ лихорадочно вздрогнула ея рука. Но вся гордость ея натуры пробудилась вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ невольнаго, какъ бы безсознательнаго стыда.

— Если бы такіе мотивы существовали у меня, я ихъ не скрывала бы, произнесла она звенящимъ какою-то вызываю-

щею отвагой голосомъ, — а пока я говорю другое, никто не имѣетъ права подозрѣвать меня въ чихъ!.. Вы позволите мнѣ васъ оставить? домолвила она, принимая свою руку, кивнула и быстро прошла въ бальную залу.

„Ничего“, сказалъ себѣ мысленно пріѣзжій, глядя ей вслѣдъ, „предварить ее не мѣшало: ей здѣсь добромъ не кончить... А натура интересная, безспорно“... И онъ задумался.

Кто-то притронулся къ его плечу. Онъ обернулся...

— Что, довольно съ тебя червоннаго короля? спрашивалъ его шопотомъ графъ Пердро.

— Совершенно довольно; можешь взять его себѣ обратно.

— Давай, давай! молвилъ съ живостью тотъ:—я подойду съ нимъ сейчасъ къ Линютину и озадачу его. „*L'appétit* vient en mangeant“, скажу ему, „mais pour vouloir trop manger du русское дворянство il vous viendra *la pépie*“ *). Hein, il est joli le mot?

Товарищъ его расхохотался невольно этой глупости. Расхохотался, обернувшись къ нимъ, и стоявшій къ нимъ до сей минуты спиною у тѣхъ же дверей и слышавшій эти громко произнесенныя слова, еще молодой, средняго роста, человѣкъ въ черномъ фракѣ безо всякихъ орденскихъ отличій, похожій выраженіемъ лица не то на Тьера, не то на другаго государственнаго человѣка, графа Кавура (счастливая звѣзда котораго стояла въ эту пору на зенитѣ своей славы,), съ чѣмъ-то притомъ своимъ, ѣдко-остроумнымъ, въ складкахъ рта, въ рѣзко выдвигавшемся впередъ подбородкѣ. Звали его князь Бековичъ.

— Il y en a de moins mauvais—et de plus mérités! сказалъ онъ какъ бы веселымъ укоромъ.

Нѣсколько сконфуженный Пердро готовился отвѣтить, какъ въ эту минуту приблизилась къ князю нескончаемая и мрачная фигура графа Вилина.

— Я имѣю вамъ сказать два слова, князь.

— Сдѣлайте одолженіе, графъ!

---

*) Типунъ на куриномъ языкѣ.

И Бековичъ выступилъ на два шага ближе къ нему, въ танцовальную залу.

— Имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами сегодня и имѣя въ виду наше ближайшее нынѣ совмѣстное съ вами служеніе, загудѣлъ опять надъ его ухомъ похоронный басъ графа Вилина,—я буду васъ просить, въ личное мнѣ одолженіе, а также и въ виду особыхъ, мнѣ извѣстныхъ обстоятельствъ, сказать мнѣ, поскольку вамъ вѣдомо, кто эта женская особа въ маскарадной одеждѣ, идущая подъ руку съ молодымъ человѣкомъ, не состоящимъ, какъ и вы, въ коронной службѣ, какъ я могу о томъ судить по его партикулярному фраку?

— Эта высокаго роста особа въ домино?

— Да, да, точно: мнѣ извѣстно, что эта одежда называется „домино“.

— Съ желтою розой подъ капюшономъ?

— Да, съ большимъ цвѣткомъ желтаго цвѣта.

Бековичъ поднялъ на него глаза и язвительно улыбнулся:

— Она въ маскѣ, графъ.

— Точно, вижу: лицо прикрыто маской.

— Такъ какъ же вы хотите, чтобъ я вамъ ее назвалъ?

— Вы съ нею не знакомы?

— Это все равно: называть имя особы подъ маской не имѣетъ никто права.

Сановникъ недоумѣло поглядѣлъ на него съ трехаршинной высоты своей, поправилъ круглыя очки... и вдругъ вспомнилъ:

— Вы это точно, правы, глухо, внутрь себя захихикалъ онъ:—это, я слышалъ, входитъ въ правила сего рода забавъ... Надо вамъ сказать, князь, примолвилъ онъ, какъ бы уже *конфиденціально*,—что я никогда маскарадовъ не посѣщалъ, да и вообще, въ виду моихъ, съ раннихъ лѣтъ, постоянныхъ государственныхъ занятій, старался всегда избѣгать свѣтскихъ развлеченій.

Бековичъ, покусывая губы, счелъ нужнымъ одобрительно повести головой.

— А этотъ молодой, не служащій и не имѣющій на себѣ маски, человѣкъ, продолжалъ между тѣмъ Вилинъ,—имя его *не* составляетъ тайны?

Князь уже громко разсмѣялся:

— Такъ же мало, какъ то, что солнце грѣетъ и зимою холодно. „Этотъ молодой человѣкъ“—товарищъ мой по редакціонной коммиссіи и по непринадлежности къ „коронной службѣ“,—подчеркнулъ онъ,—Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ.

— А-а! протянулъ сановникъ;—я много слышалъ о его дарованіяхъ и даже учености. Очень радъ, что имѣю возможность познакомиться заранѣе съ характеромъ, такъ-сказать, его наружности...

Онъ примолкъ, словно оборвалъ. Бековичъ съ любопытствомъ глядѣлъ на него... И вдругъ, нежданно, онъ засмѣялся своимъ глухимъ и какъ бы уже не хотѣвшимъ прекратиться теперь смѣхомъ:

— А вотъ, сказалъ онъ князю,—вы не хотѣли сообщить мнѣ имя этой особы съ большимъ цвѣткомъ, а я знаю, кто она, мнѣ раньше сказали. Это княжна Кубенская, фрейлина одна.

И сановный оригиналъ-гигантъ, завернувъ на своихъ огромныхъ ступняхъ и продолжая веселить себя собственнымъ смѣхомъ, отошелъ отъ своего собесѣдника, дѣйствительно пораженнаго этою выходкой.

— Князь, подошелъ къ нему нашъ пріѣзжій въ коричневомъ капуцинѣ, оставшійся стоять у дверей въ продолженіе этого времени,—до меня долетѣло сейчасъ въ вашемъ разговорѣ имя княжны Кубенской. Я имѣю особыя причины быть въ этомъ случаѣ нескромнымъ: можете-ли вы мнѣ сообщить, что могъ сказать вамъ о ней вашъ длинный собесѣдникъ?

— L'illustre homme d'état et orateur de la droite! засмѣялся тотъ своимъ острымъ смѣхомъ;—ничего не понимаю: онъ началъ съ того, что спросилъ меня, кто эта маска, а когда я, само собою, отказалъ ему въ отвѣтѣ, онъ назвалъ мнѣ ее во всеуслышаніе.

— Вы знакомы съ княжною? спросилъ опять капуцинъ.

— Знакомъ, какъ же!

— Благоволите къ ней?

— Очень, очень! съ жаромъ молвилъ Бековичъ.

— Такъ передайте ей объ этомъ эпизодѣ; я имѣю основаніе думать, что вы окажете ей этимъ услугу.

— Сейчасъ же; очень вамъ благодаренъ.

Они подали другъ другу руки. Бековичъ направился въ сторону княжны и Гундурова. Капуцинъ исчезъ въ дальнихъ покояхъ... Онъ искалъ Пердро.

Бонмотистъ, очень довольный вечеромъ, въ устройствѣ котораго принималъ усерднѣйшее участіе, и похвалами, которыя получены были имъ по этому случаю, сидѣлъ одиноко въ полутемномъ углу и, снявъ маску, жадно пилъ сельтерскую воду пополамъ съ шампанскимъ, отдуваясь отъ жары и двухъ сутокъ тревожной бѣготни:

— Ah, mon cher, mon cher, крикнулъ онъ,—ступай сюда, садись!... C'est-il réussi la soirée d'aujourd'hui, hein? Хочешь шампанскаго?... А ты слышалъ la nouvelle romance de Tsips (такъ называлъ онъ интимнѣйшаго своего друга, весьма любимаго тогда въ петербургскихъ гостиныхъ, композитора и піаниста, Леви,) на мои слова:

J'en fais l'aveu,—vous étiez si jolie,
Mon coeur charmé se donna sans retour...

— Послушай, сказалъ ему тотъ,—я пришелъ предварить тебя, что я уѣзжаю...

Пердро такъ и вскочилъ съ мѣста:

— Что ты, что ты! Ignores tu l'étiquette? Развѣ можно отсюда уѣзжать до конца вечера! Подумай, вѣдь это можетъ пасть на меня!

— Ничего не падетъ и никто не замѣтитъ. Всѣ меня давно забыли...

— Eh, eh, on n'oublie pas un millionaire!...

— Ну, какъ знаешь, а только я не могу оставаться; нестерпимо болитъ голова и душно,—а снять маски не хочу; не хочу, чтобы кто-либо и зналъ, что я былъ здѣсь,—понимаешь?

— Ah, hab'Verstand,—affaire de femme! Déjà? взвизгнулъ комически Пердро. Онъ всталъ въ позу, поднялъ руку театральнымъ жестомъ и запѣлъ каррикатурнымъ англійскимъ

акцентомъ на фразу тенора въ извѣстномъ тріо *Лукреціи Борджіа:*

Oh, quelle situechene (situation) affreuse
For an English gentleman! *)

— Прощай! крикнулъ капуцинъ, махнувъ на него рукой и уходя.

— Eh, dis donc, крикнулъ онъ ему въ свою очередь,— если про тебя спросятъ, я скажу, что ты упалъ съ *дромадера.* Ты мнѣ за это поставишь завтра—я зайду къ тебѣ завтракать,—*дрей-мадеры* въ пять рублей бутылку.

— И веревку въ придачу, не могъ не разсмѣяться его пріятель:—послѣ срамоты подобнаго каламбура тебѣ остается только повѣситься...

Гундуровъ, которому княжна только-что сообщила о разговорѣ ея съ графомъ Вилинымъ (они сидѣли теперь въ одномъ изъ угловъ залы,), былъ повидимому гораздо болѣе смущенъ, чѣмъ сама она, когда князь Беҷковичъ передалъ ей о томъ, что̀ ему было сказано тѣмъ: онъ тотчасъ же сообразилъ, что изъ этого могутъ „произойти для нея непріятности".

Князь, узнавъ, въ чемъ дѣло, былъ того же мнѣнія.

— Этотъ человѣкъ, говорилъ онъ, смѣясь,—не видитъ ничего внѣ фокуса своего дѣловаго міра; онъ отнесетъ вашъ разговоръ съ нимъ къ разряду *официальныхъ*, сочтетъ нужнымъ *доложить* о немъ, меморію о немъ составить... Непріятно въ сущности то,—примолвилъ онъ уже серьезнѣе,— что, судя по тому, что̀ онъ сказалъ вамъ, онъ заподозрилъ васъ подосланною къ нему хозяйкой этого дома; изъ этого могутъ выйти серьезныя компликаціи...

— Д-да, какъ бы машинально подтвердилъ Гундуровъ.

Княжна Кубенская внимала имъ, безмолвная и незримая подъ своей маской, съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ... Какое ей было дѣло до могущихъ ожидать ее „непріятностей", — и что̀ онѣ сравнительно съ тѣмъ терзающимъ сознаніемъ своего *безсилія*, которое испытывала она теперь!...

---

*) О, какое ужасное положеніе для англійскаго джентлемена.

Да, онъ былъ правъ, тотъ... послѣдній, съ которымъ она говорила... И кто онъ, этотъ странный человѣкъ... котораго она приняла за другаго... и который судилъ о ней такъ строго— и такъ вѣрно?... Да, онъ правъ; всѣ эти ея мечты „вліянія", власти,—все это мыльные пузыри, тщета, дымъ! Она ничего, ничего не можетъ. Ея никому не нужно, ея содѣйствія никто не проситъ. Она видитъ, понимаетъ: даже вотъ эти два самые сочувственные ей и ей сочувствующіе человѣка въ Петербургѣ не только не благодарны ей, но осуждаютъ въ душѣ то, что вздумалось ей сдѣлать въ цѣляхъ, мечтала она, „общаго ихъ дѣла"; они даже прямо высказываютъ, что ея непрошенная выходка можетъ отозваться непріятною „компликаціей" для высокой особы, благоволящей къ нимъ, и которая имъ гораздо болѣе дорога, чѣмъ она... То, что она говорила, вся эта горячка ея рѣчей, ея страстное желаніе служить „высокимъ идеямъ человѣчества" могутъ быть истолкованы „личными мотивами *женскаго характера*",—могли бы быть объяснены такъ тѣмъ, съ кѣмъ думала она говорить. О, стыдъ!... О, смѣхъ! Она смѣшна — больше ничего! „Донъ-Кихотъ во фрейлинскомъ шлейфѣ", съ горечью говорила она себѣ, „съ канвовою иглой вмѣсто копья"... И неужели, дѣйствительно,— съ новою тоской щемило у ней сердце,—ни къ чему, ни къ чему не найдетъ она приспособить себя, свои способности, свою неизсякаемую жажду большаго, широкаго дѣла, — и нужно уступить общей людской пошлости, опустить голову, итти за всѣми по избитымъ до тошноты колеямъ жизненной дороги? О, еще разъ, какъ онъ былъ правъ, этотъ невѣдомый ея собесѣдникъ: „заточеніе", „ссылка" были бы для нея во сто разъ предпочтительнѣе этого давящаго сознанія своей безполезности, несостоятельности всѣхъ ея душевныхъ задачъ и стремленій!...

А блистательный праздникъ между тѣмъ сверкалъ кругомъ нея всѣмъ своимъ опьяняющимъ соблазномъ. Забирающій, страстный вальсъ Штрауса какими-то раздражающими струями лился ей въ уши, билъ по какимъ-то еще невѣдомымъ ей самой струнамъ въ какомъ-то далекомъ уголку ея *существа*... „Да", припоминались ей опять *его* слова: „му-

зыка, огни, вихрь танца, и имъ всѣмъ весело, *дѣйствительно* весело; въ нихъ говоритъ теперь лучшее, что̀ есть у нихъ: ихъ молодость и та *крупинка поэзіи*, которая есть въ каждой душѣ". Вотъ, чуть-чуть склонивъ вѣнчанную бѣлыми лиліями голову, высокая и тонкая, какъ сама она, съ такими же блѣдными, русалочьими глазами, охваченная ловкою рукой статнаго молодаго командира одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, проносится княжна Лонгоманова, одна изъ красавицъ, изъ наиболѣе обращающихъ на себя вниманіе свѣта красавицъ Петербурга. Предъ Кирой мелькнули на быстромъ поворотѣ ихъ сдержанная улыбка дѣвушки, блаженно пылающіе глаза ея темнокудраго кавалера... „Ils s'aiment", сказалось ей опять въ томъ тайномъ уголкѣ, „онъ безгранично вѣритъ въ нее, ихъ ждетъ счастіе... Счастіе, *поэзія*", безсознательно повторяла она внутри себя, — она лишь одна „будто старый статсъ-секретарь"... А развѣ бы не могла и она... „О, еслибъ *это* когда-нибудь *захватило* ее"... кинулось ей внезапно, какъ вино въ голову, и не договорилось ею...

Прямо въ ея сторону несется новая пара. Мчитъ знакомую ей „интригантку", жену „какого-то никому невѣдомаго" камеръ-юнкера Ранцова, коротенькій и юркій офицеръ Хлыстовъ, изъ „академистовъ". Она его тоже знаетъ, слышала о немъ: новый продуктъ новой эпохи, онъ одновременно и нагло либеральствуетъ въ кругу „авторитетныхъ" сотрудниковъ „непризнающаго авторитетовъ" *Современника* и раболѣпствуетъ предъ властью, предъ звонкими именами, предъ свѣтскимъ успѣхомъ, предъ каждымъ призракомъ успѣха и власти. Онъ заносчивъ и злоязыченъ, лихорадочно лѣзетъ въ большіе люди и уже страстно ненавидимъ равными и низшими... Онъ близко, тѣсно прижимаетъ къ себѣ роскошный станъ своей дамы. Она усмѣхается какъ бы невольно, но замѣтно отворачиваетъ лицо свое отъ его пыхтящаго лица...

„И это тоже *поэзія?*" съ новою горечью поднялось со дна души нашей фрейлины. И еще скептичнѣе, еще презрительнѣе, чѣмъ прежде, сжались ея губы подъ маской.

Собесѣдники ея исчезли, какъ бы не желая прерывать ея задумчивость. Она отошла отъ круга танцующихъ и побрела,

направляясь въ дальніе покои и слѣдя инстинктивно глазами за кое-гдѣ еще мелькавшими въ толпѣ коричневыми пятнами мужскихъ домино. Она, сама не давая себѣ въ этомъ отчета, искала новой встрѣчи съ тѣмъ, кого за четверть часа предъ этимъ покинула подъ вліяніемъ мгновенной на него досады.

Мимо нея проходитъ баронесса Таль подъ руку съ высокимъ Остзейцемъ, барономъ Гагерномъ, отцомъ молодой графини Наташанцевой, ея, княжны, предмѣстницы въ *** дворцѣ. Ихъ занимаетъ оживленный и повидимому вѣскій по своему мотиву разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ:

— Васъ просятъ только не вмѣшиваться, доносится до чуткаго слуха княжны торопливый голосъ хорошенькой лектрисы, — оставьте русскихъ покончить со своимъ вопросомъ, какъ они знаютъ; *нашего* положенія не тронутъ.

— Вы уполномочены сказать мнѣ это? такъ же быстро спрашивалъ онъ, низко наклоняясь къ ней.

Отвѣта уже не слышно, только затылокъ барона откидывается назадъ какимъ-то торжествующимъ движеніемъ.

— Отчего же, отчего же „не тронутъ?“ Развѣ вашъ обезземеленный крестьянинъ счастливѣе нашего крѣпостнаго? готова была чуть не крикнуть Кира, взорванная внезапно опять въ своихъ завѣтныхъ помыслахъ этою „несправедливостью“.

Но они прошли... Другой вѣскій разговоръ заставляетъ ее невольно остановиться и прислушаться снова:

Князь Бековичъ стоитъ у дверей, въ которыя намѣрена пройдти она, съ рослымъ, плечистымъ, высоколобымъ иностранцемъ. Это—прусскій посланникъ, извѣстный въ Петербургѣ, какъ страстный любитель медвѣжьей охоты, на которой проводитъ онъ половину своего времени. Выраженіе лица его, съ круглымъ очертаніемъ глазъ и подстриженныхъ кругомъ рта короткихъ усовъ, напоминаетъ сильный, самоувѣренный и жесткій обликъ большой хищной птицы... Еще нѣсколько лѣтъ, и не будетъ имени въ Европѣ громче его имени,—а пока онъ ѣздитъ, „великій ловецъ предъ Господомъ“, въ новгородскіе и олонецкіе лѣса, всего менѣе появляясь въ *свѣтѣ и всего* болѣе вожжаясь съ медвѣжатниками и сѣрымъ

людомъ страны, въ которой аккредитованъ онъ своимъ правительствомъ...

— N'allez vous pas trop vîte? съ легкою, прирожденною ему, задержкой языка, чтобы не сказать заиканіемъ, говоритъ онъ своему собесѣднику:—il aurait fallu, ce me semble, donner aux opinions le temps de *se tasser* *).

— Разъ на-ходу, намъ ужь некогда ждать, живо, съ какою-то дѣланною шутливостью возражаетъ ему князь:—намъ суждено высшею судьбою, какъ одному изъ богатырей нашихъ сказокъ, бездѣйствовать цѣлый рядъ лѣтъ...

— Pour vous *recueillir*, съ чуть замѣтною ироніей прервалъ его дипломатъ, намекая на извѣстныя, разнесшіяся тогда по всей Европѣ слова: „La Russie ne boude pas, elle se recueille".

Бековичъ, какъ бы не слышавъ, продолжалъ:

— И потомъ надѣвать семимильные сапоги, чтобы догнать вышедшихъ ранѣе насъ на дорогу исторіи.

— Чтобы *перегнать* ихъ, конечно? вскинувъ на него быстрый и пытливый взглядъ, ввернулъ тотъ.

— Eh, eh, засмѣялся князь своимъ язвительнымъ смѣхомъ,—Dieu aidant, petit oiseau deviendra grand.

Посланникъ засмѣялся тоже:

— Chi va *piano* va sano **), громко и дружелюбнымъ тономъ сказалъ онъ только.

— Насъ этому учить не нужно: въ Россіи и такъ все *тяпо*, раздался подъ самымъ ухомъ Бековича чей-то голосъ.

Онъ поспѣшно обернулся.

Подлѣ него стоялъ высокій капуцинъ и, приложивъ палецъ ко рту, таинственно шепталъ ему:

— Это то, что vous autres, *Slaves* moscovites, appelez le „русскій духъ".

— Шутъ, съ невольнымъ раздраженіемъ промолвилъ сквозь зубы князь, отворачивась, между тѣмъ какъ посланникъ, повинуясь пригласительному движенію головой хозяйки

*) Установиться, сложиться.
**) Кто идетъ тихо, идетъ благоразумно.

дома,—они стояли не въ дальнемъ разстояніи отъ ея мѣста,—быстро направлялся къ ней.

Княжна не слышала послѣдняго разговора: глаза ея не отрывались отъ капуцина съ червоннымъ королемъ. Она еще двинулась шагъ впередъ.

— О чемъ рѣчь, не секретъ? проговорила она, налаживаясь на шутливый тонъ и относясь къ Бековичу.

— Nous parlions musique, et spécialement *piano*, beau masque, поспѣшилъ отвѣтить за него червонный король.

Эта острота, этотъ французско-польскій акцентъ...

— Графъ Пердро! вырвалось у нея невольнымъ и досадливымъ возгласомъ.

— *Perdreau rôti*... d'amour, pour vous servir! скаламбурилъ онъ на свое собственное имя, предлагая ей свой подвернутый *калачикомъ* локоть.

Но, къ нѣкоторому изумленію его, она, не отвѣчая, скользнула мимо и исчезла за дверями.

VI.

Умякнуша словеса ихъ паче елеа и та суть стрѣлы.

Псалмопѣвецъ.

Она забралась въ какую-то полуосвѣщенную гостиную, опустилась тамъ у двери на диванъ и, закинувъ голову на его спинку, какъ бы замерла въ тяжелой душевной истомѣ...

Но вотъ шаги, кто-то входитъ въ сосѣднюю комнату. Въ отворенную дверь доносятся до нея чьи-то голоса. Ей не до нихъ, она не слушаетъ, но звуки ихъ будто ей знакомы... Это, кажется, княгиня Андомская, а другой мужской голосъ—не голосъ-ли ея отца?

Да, это они. Графъ увелъ дочь сюда, въ отдаленный покой, для объясненія, для просьбы, на которую отвѣчаетъ она отказомъ...

— Я слишкомъ уважаю себя и *васъ*, говорила она, подчеркивая, своимъ отборнымъ французскимъ языкомъ (княгиня Андомская принадлежала по воспитанію къ той еще порѣ, когда свѣтскія дамы Петербурга говорили по-русски, какъ ихъ Француженки-швеи,),—чтобы согласиться на это.

— Послушайте (по-французски vous: онъ не говорилъ иначе съ дѣтьми своими,) отвѣчалъ графъ, приглашая ее движеніемъ руки занять мѣсто въ креслѣ и садясь самъ подлѣ:— на дняхъ въ *** дворцѣ я хотѣлъ познакомить васъ съ нею формально; вы не согласились. Теперь я у васъ прошу немногаго: будутъ танцовать мазурку, — выберите ее въ какой-нибудь фигурѣ... это васъ ни къ чему не обязываетъ далѣе...

— Je ne le ferai pas, mon père!... Я этого не сдѣлаю! повторила она рѣшительнымъ тономъ:—въ танцахъ, какъ во всемъ прочемъ, я вожусь только со *своими* (je ne fraye qu'avec mes *pareilles*), съ *тѣми*, кого я знаю.

— „Со своими"!... повторилъ замѣтно взволнованнымъ голосомъ графъ Наташанцевъ; — довольно, кажется, что она принята въ свѣтъ... и вы могли видѣть, какого милостиваго вниманія была она предметомъ.

— Мнѣ это совершенно все равно, высокомѣрно возразила ему дочь: — я не привыкла руководиться во мнѣніяхъ моихъ о людяхъ степенью ихъ *фавора*.

Красивый старецъ тоскливо повелъ на нее глазами.

— Да что вы, наконецъ, имѣете противъ нея? вырвалось у него противъ воли, съ тутъ же сказавшимся чувствомъ сожалѣнія за этотъ вопросъ, который, онъ чувствовалъ, могъ вызвать цѣлый рядъ непріятныхъ для него отвѣтовъ.

Но она отвѣтила самымъ лаконическимъ образомъ:

— Вы должны сами это знать, батюшка!

Онъ судорожно задвигался въ своемъ креслѣ.

— Вамъ оклеветали ее... Завистницы и злые языки наговорили про нее нелѣпостей... Когда женщина, какъ она, столь же умна и талантлива, сколько хороша собой, у людей... у насъ въ обществѣ въ особенности... является какой-то зудъ злости, страстное желаніе растерзать, разорвать на клочки ея репутацію...

— А куда она своего мужа дѣла? прервалъ его хлесткій и жесткій, словно палочный ударъ, вопросъ дочери.

— Куда? пробормоталъ онъ уже озадаченно:—онъ... онъ живетъ въ деревнѣ...

— Потому, что она съ нимъ жить не хочетъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Потому, что она почитаетъ положеніе свое не достаточно блестящимъ и добивается высшаго, продолжала ядовито княгиня,—потому, что она въ своей дерзости мечтаетъ замѣнить въ вашемъ домѣ мою покойную мать?...

Наташанцевъ съ какимъ-то будто испугомъ воззрился на *нее, будто* только теперь въ первый разъ, вслѣдствіе этихъ

словъ ея, формулировалось для него съ полною ясностью то положеніе, въ какомъ „стояли вещи“... Но эти же слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, подняли со дна его души всю силу его чувства къ той, къ которой съ такою, видимо, ненавистью относилась его дочь... „Рано или поздно надо было этого коснуться“, пронеслось въ его мысли, — „а разъ она первая начала, тѣмъ лучше, я не остановлюсь“...

— А если-бъ и такъ! заговорилъ онъ горячо и спѣшно, какъ бы для того, чтобы не дать ей времени на возраженіе:— я до сихъ поръ жилъ единственно для васъ, для моихъ дѣтей. Братъ вашъ и вы, надѣюсь, не можете упрекнуть меня въ томъ, чтобъ я не заботился устроить самымъ завиднымъ образомъ ваше благосостояніе. Вы выдѣлены, богаты оба, въ видныхъ положеніяхъ; я никогда не тяготѣлъ надъ вами моею отцовскою властью,—чего же еще больше вамъ нужно?... Оставьте же и мнѣ,—визгливо крикнулъ онъ въ заключеніе („они не имѣютъ права запретить мнѣ это!“ подстрекалъ онъ самъ себя внутренно, досадуя на себя же за тотъ надменный, владычный видъ, съ какимъ слушала его дочь,)—оставьте и мнѣ, наконецъ, подъ старость, право пожить для себя, для счастья... какимъ я его понимаю и хочу! прибавилъ насколько могъ энергичнѣе онъ.

— Старость! повторила она съ ироническимъ выраженіемъ:—вся-то бѣда въ томъ, mon père, что вы слишкомъ молоды!

— Вамъ до этого дѣла нѣтъ! пылко вскликнулъ онъ на это.

Она со своей стороны старалась говорить какъ можно хладнокровнѣе, но слова ея шипѣли, какъ раскаленное желѣзо въ водѣ:

— Я и братъ мой поэтому и не протестовали, не касались вашихъ... *сердечныхъ дѣлъ*, пока они оставались вашимъ личнымъ дѣломъ... Но разъ вы желаете навязать намъ ихъ послѣдствія, разъ вы не только не хотите подумать о томъ стыдѣ, которымъ покрылъ бы насъ бракъ вашъ... *съ такою* женщиной, подчеркивала княгиня Андомская,—но забываете еще и уваженіе къ самому себѣ, къ обществу, къ которому

вы принадлежите по рожденію (le respect que vous devez à vous même, à la caste à laquelle vous appartenez)...

— Это еще что, при чемъ тутъ мое общество! прервалъ ее отецъ, придираясь къ этому слову, чтобъ отвлечь теченіе ея болѣзненно отзывавшихся въ душѣ его упрековъ.

— Noblesse oblige, mon père, а въ теперешнее время тѣмъ болѣе! произнесла она съ какою-то печальною наставительностью, задушевный тонъ которой сильно поразилъ его (не обычное ей тщеславіе, — высокое чувство родоваго достоинства говорило теперь въ ней,):—вы видите, что готовится: демократическая волна заливаетъ насъ отовсюду; насъ разоряютъ, отымаютъ у насъ все прежнее значеніе...

— Да, une révolution sociale, невольно, сквозь зубы, подтвердилъ онъ.

— А мы,—и глаза ея лихорадочно блеснули,—мы ничего не умѣли, не умѣемъ отстоять, мы даемъ себѣ пустить кровь изо всѣхъ жилъ... У насъ скоро останутся одни наши имена и наши преданія... И вы, одинъ изъ уважаемѣйшихъ, изъ виднѣйшихъ людей нашего общества (de notre bord), вы хотите дать собою примѣръ презрѣнія къ этому послѣднему нашему достоянію, желаете попрать ногами (fouler aux pieds) ваше имя, вашу незапятнанную до сихъ поръ жизнь, уваженіе къ вамъ дѣтей вашихъ... tout ce qu'on nomme respect humain! вскликнула княгиня,—изъ-за прихоти какой-то авантюристки, которая навязывается вамъ въ жены отъ живаго мужа!

Наташанцевъ, весь блѣдный, поднялся съ мѣста. На его изящныхъ и выразительныхъ чертахъ сказывалась вся та мучительная борьба, что разрывала ему сердце въ эту минуту. Такъ много отзвуковъ находили въ немъ эти жестокіе... и „справедливые“ дочерніе укоры!... Да, онъ былъ до сихъ поръ безупречный семьянинъ и слуга своего долга, онъ честно носилъ громкое имя и завѣты своихъ предковъ, онъ... Быть можетъ, если бы „не такъ язвительно, не такъ обидно“ говорено было о женщинѣ, для которой онъ забывалъ все это свое прошедшее, онъ нашелъ бы еще въ себѣ достаточно силъ для противодѣйствія увлекавшему его водовороту... Но нѣтъ, ее „оскорбляютъ такъ безпощадно, такъ *безвинно*“, ее

„заѣдятъ, еслибъ онъ“... Нѣтъ, онъ обѣщалъ, онъ „навсегда уже связанъ съ нею“, связанъ всѣмъ, что дорого и свято человѣку,—страстью, жалостью, рыцарскимъ долгомъ...

— Оставимъ это! торопливо, рѣзко выговорилъ онъ, спѣша теперь „покончить скорѣе съ этимъ“,—я не измѣню своего рѣшенія.

Она встала въ свою очередь съ искаженными чертами, съ прерывавшимся тяжело дыханіемъ.

— А я клянусь вамъ, отецъ мой, что я подвигну небо и землю (que je remuerai ciel et terre), чтобы помѣшать вамъ опозорить себя и имя, которое носила моя покойная мать!

Онъ какимъ-то отчаяннымъ движеніемъ махнулъ рукою и съ поспѣшностью юноши вышелъ, выбѣжалъ изъ комнаты.

Княгиня еще разъ перевела духъ, судорожно отряхнула свой кринолинъ и медленно послѣдовала за нимъ.

Кира Кубенская (послѣдняя часть разговора звучала на такихъ высокихъ нотахъ, что она ее невольно услышала изъ своей комнаты,) отдѣлилась отъ спинки дивана, о который опиралась она, откинула капюшонъ на затылокъ и вся какъ-то выпрямилась...

— Такъ и *тутъ* можетъ быть свой фанатизмъ? прошептала она и—глубоко задумалась.

А та, изъ-за которой „фанатизмъ“ этотъ разводилъ отца съ дочерью, чувствовала себя въ эту минуту на самомъ верху блаженства... Вотъ она, наконецъ, та кульминаціонная точка, къ которой устремлены были всѣ завѣтные помыслы ея жизни. Она проникла, достигла!... Дворъ, милостивыя рѣчи, ласковыя улыбки — „съ тѣхъ устъ!“... А кругомъ завистливые женскіе и восхищенные мужскіе взгляды, сладкое жужжаніе льстивыхъ словъ, сдержанный шопотъ страстнаго желанія, или дальновидное искательство предъ восходящею, объясняла она себѣ, новою свѣтскою звѣздой, какою становилась она. Послѣ тѣхъ двухъ баловъ въ высшихъ сферахъ, она является уже равноправною со всѣми этими „гордячками“, благосклонности которыхъ она тщетно добивалась въ теченіе цѣлыхъ почти десяти лѣтъ... Что ей за дѣло теперь до нихъ, до ихъ доброжелательства или до ихъ злобы! Она отвѣчаетъ торже-

ствующимъ равнодушіемъ на ихъ высокомѣрныя усмѣшки, на то, чуть не гадливое, выраженіе, съ какимъ онѣ, опустивъ глаза, поспѣшно прижимаютъ къ себѣ рукой свои пышныя юбки, когда она проходитъ мимо нихъ, будто съ тѣмъ, чтобы не осквернить себя прикосновеніемъ къ газовымъ волнамъ ея костюма *тюля мтяма*... „Пусть ихъ тѣшатся!“ Побѣда ея надъ ними очевидна для всѣхъ. Ихъ мужья, братья, отцы,— „*всѣ* они“ у ея ногъ. Дворская ласка къ ней какъ бы даетъ освященіе и давнишнему ихъ культу ея вызывающей красоты, и ея смѣлымъ отношеніямъ къ старой, „буржуазной“ нравственности. Они спѣшатъ теперь къ ней публично, предъ лицомъ этихъ дочерей своихъ, женъ и сестеръ, съ курильницами того ѳиміама, въ который они до сихъ поръ довольствовались лишь кидать тайно щепотки на тѣсномъ алтарѣ ея гостиной. Къ давно знакомымъ ей присоединяются ежеминутно новые, чающіе ея благоволенія... Самъ князь Черниговскій просилъ сейчасъ представить его ей и, сіяя изъ-подъ золотыхъ очковъ блескомъ живыхъ глазъ, выискалъ для нея въ сокровищницѣ своей неисчерпаемой любезности одно изъ своихъ тончайшихъ, проницательнѣйшихъ „mots heureux“; она вся даже вспыхнула отъ самодовольства—и отъ намека, заключавшагося въ этомъ *mot*... Да, она достигла, достигла! Ее внесло, наконецъ, долго противнымъ ей вѣтромъ въ тѣ глубокія воды, къ которымъ такъ давно направляла она свои паруса; пристань въ виду. — замужство ея съ графомъ Наташанцевымъ представляется теперь въ ея воображеніи уже ни чѣмъ болѣе, какъ *подробностью*—„un détail“...

Она несется въ эту минуту въ полькѣ съ гусаромъ Шастуновымъ, отъ котораго не могла отдѣлаться цѣлый вечеръ. Она не хотѣла дать ему ни одного изъ своихъ contredanses, прибереган ихъ для „cavaliers plus sérieux“ и въ виду нерасположенія Наташанцева къ этому „пупырю“, какъ называлъ его Троекуровъ... Она была притомъ въ такомъ *вознесенномъ* настроеніи, что „Basile mon fils“ представлялся для нея уже очень мелкимъ и „противнымъ“ со своимъ кривымъ носомъ и „гостинодворскимъ“ характеромъ головы, вдавленной въ непомѣрно развитый торсъ, съ „глупо“ приподнятыми

плечами... Онъ это чувствовалъ со своей стороны и съ тѣмъ большею назойливостью приставалъ къ ней, тѣмъ упорнѣе вертѣлся кругомъ нея (онъ былъ вообще изъ числа тѣхъ мухъ въ человѣческомъ образѣ, что тѣмъ неотступнѣе лѣзутъ, чѣмъ ихъ нетерпѣливѣе отгоняютъ).

— И неловокъ вѣдь какъ! совсѣмъ уже сердито вскрикнула она на половинѣ тура, чувствуя и видя, какъ онъ шпорой оборвалъ цѣлое полотнище газа съ ея юбки.

Она остановилась, скинула поспѣшно руку съ его плеча, пока онъ весь красный отъ смущенія суетился надъ кускомъ, обмотавшимся кругомъ его гусарскаго сапожка...

Кто-то подлѣ засмѣялся.

Она нахмурилась:

— Finissez en donc! крикнула она на него.

— *Moi je* ne sais pas vraiment, какъ это случилось, забормоталъ онъ, теряясь еще болѣе.

— Пойдемте, ma chère, я вамъ покажу, гдѣ уборная, сказала видѣвшая это со своего мѣста у стѣны (она давно уже состояла на положеніи „tapisserie“ въ свѣтѣ) Варвара Петровна Мосягина, спѣша ей на помощь.

Онѣ ушли изъ залы. Basile побѣжалъ за ними, дождался у дверей уборной, пока, уколотая и подшитая на прежній ладъ, не вышла изъ нея красавица, и кинулся къ ней съ извиненіями и изъявленіями. Ея досада успѣла пройти, она усмѣхалась теперь въ отвѣтъ на его *нудныя*, но, она не могла сомнѣваться, искренно „влюбленныя“ рѣчи.

— Вы мнѣ телеграфировали въ прошломъ году de Moscou, что вы мною „особенно займетесь“, расписывалъ онъ, — et *moi je* comptais là dessus съ такимъ восторгомъ. А вы, вмѣсто этого, и совсѣмъ меня къ себѣ не пускаете, я васъ еще ни разу въ этомъ году не видалъ одну... вы даже на письма мои ни на одно не отвѣчали...

— Потому что это все вздоръ и пустяки, говорила она въ отвѣтъ, дѣлая усилія итти скорѣе впередъ (она не рѣшилась отказать ему „въ счастіи вести ее подъ руку“), между тѣмъ какъ онъ, напротивъ, старался какъ можно болѣе замедлять шаги;—неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, еще такой ре-

бенокъ, что не понимаете шутокъ и могли вообразить себѣ, что я приму всѣ эти ваши деклараціи, вздохи и письма au sérieux?

Его всего перекосило отъ задѣтаго самолюбія.

— *Moi j'*en vaux bien un autre! прошипѣлъ онъ;—у васъ теперь, я знаю, только *этотъ старикъ* въ головѣ. Всѣ dans le monde говорятъ, что вы хотите за него замужъ выйти... И васъ за это въ куски рвутъ, я вамъ прямо скажу...

— Да какое вамъ до меня дѣло, оставьте меня въ покоѣ! крикнула она на него, силясь выдернуть руку, которую онъ страстно прижималъ къ себѣ локтемъ.

Шастуновъ удержалъ ее.

— Онъ старъ, а я молодъ, продолжалъ онъ, не слушая ея и, какъ всѣ тупые люди, силясь прошибить стѣну лбомъ,— и я гораздо богаче его, et puis *moi je* suis *prince*, et c'est plus que *comte*...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! перебила она его со смѣхомъ.

— Non, attendez! упорно промолвилъ онъ:—s'il veut vous épouser, *moi je* veux aussi!

Она такъ и покатилась—благо были они теперь одни, проходя чрезъ пустую комнату, — звонкимъ, неудержимымъ смѣхомъ. Ей вспомнилась Аглая, ихъ послѣднее объясненіе въ Сицкомъ *), встрѣча съ нею въ Москвѣ, ея самодовольная тупость, какъ бы вылинявшая и на лицѣ этого „мальчишки", пресеріозно мечтающаго отбить ее у ея „cher, cher, cher ami"... Все это въ тотъ мигъ показалось ей такъ забавнымъ, такъ „непроходимо-глупымъ"!..

— Послушайте, безцеремонно сказала она подъ этимъ впечатлѣніемъ,—вѣдь это вы только съ вашею маменькой способны на такія наивности...

— Maman—пожалуй, я не спорю, отпустилъ онъ на это съ самымъ внушительнымъ видомъ,—mais *moi je* ne suis pas bête, je vous en réponds! Я сдѣлаю карьеру, j'ai le temps, какъ и вашъ monsieur le comte. Et *moi je* vous adore и умоляю

*) *Четверть вѣка назадъ*. Часть II.

васъ de me donner la préférence sur ce vieux!.. Moi, en général, я очень нравлюсь женщинамъ, — *moi j'ai* des preuves, добавилъ онъ какъ бы послѣднимъ, неопровержимымъ уже аргументомъ,—отчего вамъ меня не полюбить?

Ольга Елпидифоровна перестала смѣяться.

— Довольно шутовства однако, mon prince, промолвила она, окидывая его взглядомъ, отъ котораго такъ и повѣяло *грандамой*, какою она теперь уже всецѣло чувствовала себя;— вы меня одолжите никогда болѣе, — слышите, *никогда*! — не возобновляя этого разговора со мною.

Онъ, что говорится, совершенно *опѣшилъ* вдругъ, заморгалъ растерянно глазами...

— *Moi je... moi je* voulais... несвязно забормоталъ онъ.

— Ахъ, кажется, мазурка начинается, перебила она его, освободила изъ-подъ его руки свою, кивнула ему слегка головой и, чтобъ отнять у него возможность дальнѣйшаго разговора, обратилась вдругъ къ стоявшему у дверей бальной залы Гундурову съ весьма неожиданнымъ для него вопросомъ:

— А вы никогда не танцуете, Сергѣй Михайловичъ?

Онъ вскинулъ на нее глаза чуть не испуганно, видимо не понявъ даже, о чемъ она его спрашивала... Она чуть-чуть усмѣхнулась и прошла мимо... Онъ опять ушелъ весь въ себя, въ свою задумчивость, въ далекое прошлое, къ которому только-что уносилась его мысль...

Это былъ первый балъ, на которомъ онъ присутствовалъ послѣ десяти лѣтъ, послѣ *тѣхъ* дней... Былъ тоже праздникъ *тогда*... Онъ стоитъ на подмосткахъ въ черномъ плащѣ Гамлета... О, молодость, о незабвенныя, нестерпимыя—и блаженныя муки... и тѣ лазурные, васильковые глаза, и золотистые волосы, и голосъ робкій, и трогательный, какъ пѣніе малиновки,—о, гдѣ, гдѣ все это!.. А тамъ—тотъ ужасъ, та минута, когда онъ увидѣлъ ее съ сомкнутыми вѣждами, покрытую цвѣтами... цвѣтами Офеліи, и свѣтъ выкатился изъ глазъ его, и онъ упалъ на руки Ашанина... Десять лѣтъ не могли смыть всю эту горечь, это отчаяніе. Сердце его очерствѣло; онъ чувствуетъ самъ: къ этому сердцу нѣтъ болѣе доступа; одна голова его, словно безпощадный жерновъ, размалываетъ те-

перь неустанно сложныя задачи предстоящаго отечеству его новаго строя жизни.. Онъ глубоко вѣритъ въ дѣло, которому онъ служитъ, вѣритъ все тою же своею одиноко работающею головой; замкнувшееся сердце не допускаетъ сожалѣнія о всемъ тотъ завѣтномъ прошлаго, что развѣетъ на вѣки, размететъ безвозвратно по лицу Русской земли это дѣло. Fiat justitia, pereat mundus!.. „Да и о чемъ жалѣть?“...

Онъ поводитъ безучастно глазами по головамъ этой чуждой ему, незнакомой свѣтской толпы. „Великая пустыня человѣковъ“!.. „Счастіе милліоновъ“, какимъ-то механическимъ процессомъ мысли говоритъ онъ себѣ вслѣдъ за этимъ. И вдругъ, подъ громъ музыки и топотъ танцующихъ, вспоминается ему какимъ-то налетомъ текстъ Писанія: „Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ“.

— Сергѣй Михайловичъ!

Онъ оборачивается.

Предъ нимъ стоитъ домино съ желтою розой.

— Сергѣй Михайловичъ, не знаете-ли вы одного адъютанта, барона Грюнштейна?

— Адъютанта герцога... Знаю! Вы желаете его видѣть?

— Онъ изъ *умниковъ*, засмѣялась она, — говоритъ, что танцуетъ только „avec les dames qui savent causer“, и удостоилъ пригласить меня поэтому еще на *нашемъ* балѣ на сегодняшнюю мазурку. Она ужь началась, а я совсѣмъ было забыла, что *приказано* къ мазуркѣ снять домино и быть въ toilette de bal. Я сейчасъ переодѣнусь, а вы, если увидите его, попросите за меня извиненія и чтобъ онъ немножко подождалъ,—я сейчасъ буду...

Она двинулась... и остановилась.

— Слышите? шепнула она Гундурову.

Близко къ нимъ стоялъ знакомый уже читателю сѣдой господинъ съ миловиднымъ женственнымъ лицомъ и со спокойною, но чуть-чуть насмѣшливою улыбкой внималъ громкой рѣчи другаго, стоявшаго рядомъ съ нимъ, въ мундирномъ же фракѣ и лентѣ, чиновнаго господина. Полголовою выше сосѣда, статный, прекрасный, съ линіями головы и длинной шеи *образцовѣйшаго* рисунка, словно срисованный—собствен-

ною рукой любовно срисованный—съ фотографіи англійскаго лорда, этотъ послѣдній говорилъ какъ съ амвона. Не оборачиваясь на своего собесѣдника, а поводя кругомъ ласковыми, какъ бы *снисходящими* очами—именно *очами*, а не глазами просто,—онъ пріятнѣйшимъ бархатнымъ баритономъ, протяжно и внушительно, ронялъ одно за другимъ, будто многоцѣнныя жемчужины, слова свои съ устъ (разговоръ шелъ, очевидно, все о томъ же крестьянскомъ вопросѣ, и именно по поводу съѣхавшихся въ ту пору въ Петербургъ дворянскихъ депутатовъ „втораго призыва“):

— Le *jus romanum* nous a légué la formule de l'éternelle justice, вѣщалъ онъ:—*audiatur et altera pars*. Il serait de toute équité, ce me semble, d'accorder aux délégués de la noblesse le droit de libre discussion des éléments de notre futuv *jus rusticum* élaboré par la sollicitude éclairée des редакціонныя коммисіи *).

Онъ остановился на мигъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы дать своему собесѣднику время вникнуть и зарубить въ памяти все изящество и вѣскость выговореннаго имъ мнѣнія, и съ мягкою, нѣсколько уже игривою улыбкой продолжалъ по-русски:

— Я, конечно, не полагаю сказать этимъ вашему превосходительству что-либо новое, но осмѣлюсь напомнить въ настоящемъ случаѣ, что для гармоническаго вообще процесса государственнаго оркестра не всегда достаточно однако аппробующаго гула волторнъ; нужны нерѣдко и прямое порицаніе гобоя, и пчелиная насмѣшка маленькой флейты.

— Нравится вамъ? проговорила княжна на ухо своему спутнику: — это, говорятъ, восходящее свѣтило... Фамилія его Пахановъ; онъ у Нѣмцевъ въ Ригѣ выучился такъ ораторствовать...

Гундуровъ не успѣлъ отвѣтить.

---

*) Римское право завѣщало намъ формулу вѣчной правды: „выслушай и противную сторону“. Мнѣ казалось бы согласнымъ со справедливостью предоставить представителямъ дворянства свободное обсужденіе тѣхъ началъ нашего будущаго *сельскаго права*, которыя выработаны просвѣщенною заботливостью редакціонныхъ комиссій.

Миловидное выраженіе лица сѣдаго господина внезапно измѣнилось: что-то ѣдкое и жесткое сказалось теперь въ его усмѣшкѣ, въ тонѣ его отвѣта:

— Хорошъ былъ бы „государственный оркестръ“, если-бъ его предоставить „благородному россійскому дворянству“!... Libre discussion имѣло оно время заняться всласть въ своихъ губернскихъ комитетахъ и совѣщаніяхъ. Посмотрѣли бы вы, что̀ изъ этого вышло! Невообразимый хаосъ самыхъ несладныхъ, противорѣчащихъ другъ другу по самымъ основнымъ пунктамъ вопроса, дикихъ и корыстныхъ мнѣній (у насъ въ коммиссіи съ величайшимъ трудомъ могли составить изъ нихъ сводъ,), изъ которыхъ иныя не только „государственнаго“, но и никакого *человѣческаго* смысла не имѣютъ... На *кошачью* лишь развѣ *музыку*—вотъ на что̀ способны ваши *благородные дворянскіе инструменты!*... А они съ претензіями на совѣты и контролированіе правительства! Съ какого права, въ силу какихъ антецедентовъ? всклинкнулъ уже онъ, сверкнувъ глазами.—Русская исторія выработала со своей стороны *формулу*, на которой вся она и выросла: царь повелѣваетъ, а всѣ классы народа безразлично и безотвѣтно повинуются... Воспитанная на энциклопедистахъ Екатерина вздумала было слиберальничать, попробовала созвать депутатовъ,—и тутъ же распустила ихъ, убѣдившись, что изъ „libre discussion“ въ Россіи можетъ только выйти безтолочь одна, или пустое горланство.

Величественный сосѣдъ говорившаго моргнулъ своими снисходящими очами.

— И ваше превосходительство полагаете, возразилъ онъ все съ тѣмъ же изысканнымъ эмфазомъ въ рѣчи и произношеніи словъ,—что по прошествіи почти ста лѣтъ со временъ великой монархини какого, если дозволено мнѣ будетъ выразиться по-европейски, *amendement* нельзя допустить въ жесткой редакціи старой русской „формулы“, на которую изволили вы сослаться?

— Полагаю, засмѣялся въ отвѣтъ сѣдой господинъ, — и тѣмъ болѣе, что крестьянская реформа еще упрощаетъ ее: предъ нами въ ближайшемъ будущемъ стоитъ уже *безсослов-*

ный, уравненный во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ *народъ* Русскій, а надъ нимъ все та же единоличная, самостоятельная власть, которой останется только избирать способныхъ агентовъ для исполненія своей программы управленія этою *безотличною* массой населенія.

— Une monarchie démocratique,—le césarisme de la France actuelle? произнесъ какъ бы уже нѣсколько *инсизивно* господинъ, списанный съ англійскаго лорда.

— Называйте, какъ хотите,—не въ кличкѣ дѣло...

Разговоръ оборвался на этомъ словѣ.

Звонкій хохотъ подлѣ нихъ заставилъ въ то же время Гундурова и княжну вскинуть глаза въ другую сторону.

Къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ Ранцовой (они случайно остановились за ея стуломъ,), танцовавшей съ графомъ Мышинскимъ, красивымъ Полякомъ, прибывшимъ недавно изъ Варшавы для какихъ-то, говорили, „политическихъ“ переговоровъ „съ *русскимъ* правительствомъ“, подлетѣла съ разбѣга веселая тройка, состоявшая изъ офицера Хлыстова по срединѣ и двухъ очень молодыхъ генераловъ по бокамъ.

Она поспѣшно встала.

— *Плечи, прелесть, заглядѣнье!* загоготалъ, близко наклоняясь къ ней, Хлыстовъ придуманную ими, согласно дѣлаемой фигурѣ, *фразу* изъ трехъ словъ.

Она усмѣхнулась лукаво и двусмысленно и, протягивая правую руку лѣвому изъ нихъ:

— Само собою „заглядѣнье“! словно процѣдила она сквозь пышныя губы, горячо вскидывая на него — и тутъ же опуская глаза.

— И прелесть — первый сортъ! воскликнулъ съ новымъ хохотомъ молодой генералъ, охватилъ ея талію и понесся съ нею по залѣ...

— Княжна, скажите, молвилъ вдругъ Гундуровъ (брови его сдвинулись, губы иронически скривились), какъ у васъ въ Петербургѣ относятся къ этимъ *откровенностямъ:* „съ апробующимъ гуломъ волторнъ“, или съ „пчелиною насмѣш-

кой маленькой флейты?“ А по-моему, „гобою“ этого вашего „восходящаго свѣтила“ разразиться какъ разъ было бы у мѣста на этого рода мотивъ.

Она не отвѣтила, кивнула ему въ знакъ прощанія и отправилась переодѣваться.

VII.

Herb ist des Lebens
Innigster Kern.
Schiller.

Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.
Державинъ.

Дня три спустя княжна Кубенская вернулась утромъ снизу послѣ завтрака (она въ своемъ качествѣ фрейлины постоянно завтракала съ высокою особой, при которой состояла, и ея семействомъ,) въ свой поднебесный аппартаментъ въ весьма невеселомъ настроеніи духа.

Погода была морозная, и каминъ въ ея гостиной топился съ утра. Она подошла къ нему и протянула руки къ огню, какъ бы желая отогрѣть ихъ; но ее знобило не отъ холода, а отъ нервнаго возбужденія, съ которымъ она не въ силахъ была справиться.

Она не могла не замѣтить сдержанности, чтобы не сказать *сухости*, съ которою съ ней обращались сейчасъ. Ею очевидно не довольны, на нее „дуются“. За столомъ у всѣхъ какъ-то странно опускались глаза въ тарелки, когда она начинала говорить... Бывшая тутъ игуменья Наѳанаила—„о, противное существо!“—даже вздохнула два раза, съ очевидною аффектаціей отвѣчая ей, и повела на нее изподлобья глаза съ такимъ выраженіемъ, что „я-молъ по своему сану должна скорбѣть о тебѣ“... А когда встали, и княжна, по обычаю,

спросила: „Madame a t'elle des ordres à me donner pour ce matin?“ ей отвѣтили поспѣшно, „видимо желая скорѣе отъ нея отдѣлаться“, и по-русски: „Нѣтъ, благодарю васъ, можете располагать вашимъ днемъ“... „Вашимъ *днемъ*“,—значитъ: ее весь день не желаютъ видѣть...

Это все такъ мало походило на столь еще недавнія къ ней ласки и милость... Досада княжны усиливалась еще сознаніемъ, что, помимо „наговоровъ“, многое въ ея поступкахъ за послѣднее время могло подать серьезный поводъ къ неудовольствію на нее,—„само собою, съ *ихъ* точки зрѣнія“, говорила она себѣ... Но отчего же не скажутъ прямо, *что* именно? Она могла бы объяснить, оправдаться... А то молчатъ, хмурятся, не глядятъ...

Грудь ея высоко подымалась, зеленые глаза обводили кругомъ комнату съ разгнѣваннымъ выраженіемъ. Она „не раба, не горничная, она *этого* не снесетъ,—она *потребуетъ* объясненія“, шептали, не раскрываясь, ея поблѣднѣвшія губы.

„Объясненіе“ не заставило себя долго ждать. Ливрейный слуга княжны широко раскрылъ дверь и торопливо проговоривъ: „мать игуменья!“ такъ же быстро попятился назадъ и съ почтительно наклоненною головой пропустилъ тутъ же входившую, не ожидая отвѣта хозяйки.

Это уже одно свидѣтельствовало о степени значенія, пріобрѣтеннаго духовною особой въ этихъ стѣнахъ.

Кровь кинулась въ голову Киры. Но она сдержалась, отвѣтила наклономъ головы на входный поклонъ игуменьи и, не отходя отъ камина, указала ей рукою на кресло подлѣ него.

Та сѣла, опустила глаза, оправила свое черное покрывало и тяжело перевела духъ, какъ бы готовясь къ продолжительной и не особенно пріятной бесѣдѣ.

Но княжна начала первая:

— Вы ко мнѣ *съ порученіемъ?* отчеканила она, воззрясь ей прямо въ лицо.

Игуменья не успѣла отвѣтить. Дверь изъ передней такъ же широко растворилась еще разъ и въ просвѣтѣ ея показался красный жилетъ:

— Ея высокопревосходительство, госпожа камеръ-фрейли-

на, Прасковья Александровна Охвостова! торжественно доложилъ онъ.

Это была двоюродная тетка Киры и, какъ извѣстно читателю, особа, по предстательству которой поступила наша княжна во дворецъ. Она уже давно жила на почетномъ покоѣ въ дворцовомъ помѣщеніи и, кромѣ какъ на интимные придворные вечера, куда приглашалась по старой памяти (ее очень уважали,), никуда изъ него не выѣзжала. Пріѣздъ этой семидесятилѣтней старушки къ ней—къ „дѣвочкѣ“, какою не могла не почитать себя Кира сравнительно съ нею, былъ чѣмъ-то столь необычнымъ, что у нея вдругъ ёкнуло сердце. Ничего добраго не предвѣщало ей это посѣщеніе. „Не даромъ же“, пронеслось у нея въ головѣ, „рѣшилась она взобраться на вышину моихъ 125-ти ступеней“...

Она быстро, съ протянутыми руками, пошла навстрѣчу нежданной посѣтительницѣ:

— Ахъ, тетушка, могла-ли я думать... Вы, надѣюсь, на машинѣ поднялись? перебила она себя предупредительнымъ вопросомъ.

— Да, на машинѣ... Спасибо, я не устала... Я пройду сама, молвила та въ отвѣтъ, нехотя давая племянницѣ поцѣловать себя въ щеку и слегка отстраняясь отъ этихъ рукъ ея, протянувшихся съ тѣмъ, чтобы поддержать ея шаги.

Она еще не нуждалась въ такой поддержкѣ. Не смотря на свои лѣта, Прасковья Александровна Охвостова ходила бодро и держалась необыкновенно прямо. Вся она была словно подтянута благовоспитанностью и чинностью дворскихъ пріемовъ стародавняго времени. Въ черномъ отъ головы до ногъ (она не выходила обыкновенно изъ этого цвѣта со времени смерти одной, угасшей на зарѣ жизни, молодой особы царской крови, къ которой она была особенно привязана, измѣняя его на сѣрый лишь для придворныхъ вечеровъ,), съ двумя накладными сѣдыми буклями, обрамлявшими подъ низкою шляпкой ея узенькое, морщинистое и нѣсколько строгое лицо, — ея худоба и прямизна стана придавали общему характеру ея облика всю ту внушительность и важность, которыя недоставали ей со стороны ея невысокаго роста. Она была очень

близорука и то-и-дѣло должна была прибѣгать къ помощи одноглазаго золотаго лорнета старинной формы, висѣвшаго у нея на груди на широкой, чернаго же цвѣта, лентѣ, и который наводила она на лицо говорившее съ нею не разомъ, а поводя имъ сначала изъ старой привычки учтивости по сторонамъ. „Il est malséant de fixer les gens de façon à pouvoir les embarasser", входило въ ея *правила*... Прасковья Александровна говорила по-русски охотно — и по-старинному, произнося *этто* вмѣсто *это*, *быдто* вмѣстѣ *будто*, и т. п. и примѣшивая самымъ страннымъ сочетаніемъ простонароднѣйшія выраженія и обороты къ галлицизмамъ и книжному языку двадцатыхъ годовъ.

— Куда прикажете, тетушка? спрашивала ее Кира, невольно нѣсколько суетясь.

— Подалѣе только отъ огня: глаза мои не переносятъ пламени...

Княжна усадила ее на диванъ и поспѣшила заставить пламя камина стоявшимъ подлѣ экраномъ.

Мать Наѳанаила поднялась со своего кресла и подошла къ дивану:

— Ваше высокопревосходительство...

— А, матушка игуменья! промолвила та, узнавая ее, и, тотчасъ же вставъ, вынула изъ муфты, которую кинула на диванъ, обѣ свои руки и уложила ихъ одну на другую во испрошеніе ея благословенія... Но на лицѣ ея въ то же время сказалась замѣтная досада.

Игуменья, высоко поднявъ сложенные персты, осѣнила истово эти руки крестнымъ знаменіемъ и тутъ же, съ видомъ крайней почтительности и искательства, сжала ихъ въ своихъ.

Прасковья Александровна сѣла опять, повела прищуренными глазами на нее, на племянницу,—и, съ тѣмъ же досадливымъ выраженіемъ въ чертахъ, молча, забарабанила своими сухими и маленькими пальцами по гладкой поверхности стола, стоявшаго предъ нею.

Наѳанаила сѣла тоже, нѣсколько видимо смущенная наставшимъ затѣмъ молчаніемъ.

Молодая хозяйка прервала его первая:

— Вы имѣете мнѣ что-то сказать, тетушка? отважно произнесла она, прямо вызывая ее на разговоръ.

Та подняла голову:

— Вы должны разумѣть, *княжна*, заговорила она съ прорвавшимся вдругъ возбужденіемъ, подчеркивая для большей внушительности нѣкоторыя слова, — что я въ мои преклонныя лѣта не собралась бы на вояжъ къ вамъ, если бы не имѣла въ *этомъ разъ значительные* на то резоны... Я и точно прибыла сюда, чтобъ имѣть съ вами *нѣкоторый* разговоръ...

Игуменья поспѣшно встала, услышавъ эти слова.

— Вы мнѣ позволите въ такомъ случаѣ удалиться, ваше высокопревосходительство, проговорила она съ насилованною улыбкой и худо скрываемою обиженностью въ звукѣ голоса:— мнѣ также *поручено* было передать *нѣчто* княжнѣ, но я ужь потомъ... я успѣю...

Кира остановила ее движеніемъ руки. Въ лицѣ ея читалось нетерпѣніе и рѣшимость „вывести все это сейчасъ же на чистую воду".

— Позвольте, матушка, — я имѣю основаніе думать, что то, что вамъ „поручено", состоитъ въ очень близкомъ отношеніи къ тому, что желаетъ сказать мнѣ тетушка. Во всякомъ случаѣ, у меня нѣтъ тайнъ, и я не желаю ихъ. Прошу поэтому и тетушку, и васъ передать мнѣ теперь же открыто все, что имѣете мнѣ сказать: пусть каждая знаетъ, что мнѣ скажетъ другая.

Камерфрейлина нѣсколько уже дрожавшею отъ лѣтъ рукой подняла, по привычкѣ, свой лорнетъ, приставила къ правому глазу и тутъ же уронила его, какъ бы сказавъ себѣ: „и смотрѣть на нее не стоитъ!" Она не ожидала такого рѣшительнаго тона у дѣвушки, „chez une jeune fille!" и не привыкла къ нему.

Она откинулась въ сторону игуменьи:

— Новыя понятія, новое обхожденіе, какъ видите, матушка! ѣдко произнесла она:—audace et bravade... *нешто съ отвагой*, какъ говорятъ люди.

Мать Наѳанаила опустилась снова въ свое кресло, перебрала четками и глубоко вздохнула.

Кира закусила губу: ее подмывали и злость, и желаніе засмѣяться.

— Соблаговолите же, матушка, *доложить* княжнѣ, что̀ вамъ *поручено*, продолжала подчеркивать Прасковья Александровна,—а я покамѣстъ *слушать* буду.

Та развела руками и вознесла глаза въ потолокъ, словно призывая его во свидѣтели того христіанскаго прежде всего смиренія, съ коимъ возлагала она на себя тяжелое бремя предстоявшей ей задачи.

— Не посѣтуйте на меня, княжна, жалобно запѣла она,— за то, что̀ можете услышать для себя прискорбнаго изъ моихъ устъ. Сказано: *Твори волю пославшаго тебя*. Какъ приняла приказаніе, такъ по совѣсти и послушанію должна я...

— Говорите, пожалуйста! перебила ее, хмурясь, дѣвушка:— къ чему тутъ извиненія!

— Пылкость молодости, молвила на это Наѳанаила, обращаясь къ Охвостовой и какъ бы прося у нея извиненія за эту „пылкость“, — при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, какъ это почти всегда бываетъ въ эти годы, увлекаетъ часто нашу милую и умную княжну далеко за предѣлы... должной осторожности... Она,—если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться,—очень часто грѣшитъ par trop de zèle, comme a dit Talleyrand, добавила она, считая не безполезнымъ щегольнуть образованностью предъ такою „высокопоставленною *личностью*“, какъ эта „придворная старушка“.

Но придворная старушка только на это поморщилась: въ ея понятіяхъ „православной инокинѣ“ было совсѣмъ „malséant“. говорить въ серіозную минуту. на иностранномъ нарѣчіи, да еще о Талейранѣ.

— Д-да... А дальше? коротко проговорила она.

Наѳанаила испустила новый вздохъ:

— Зложелательствомъ исполнены люди въ нашъ вѣкъ, не прощаютъ они другъ другу ни слабостей, ни достоинствъ, а *паче всего*—превосходства умственнаго и душевнаго... Зависть

снѣдаетъ мелкія души... Такъ самыя блестящія качества княжны служатъ ей часто во вредъ...

Кира перебила ее еще разъ:

— Я вамъ очень благодарна, матушка, за мнѣніе ваше о моихъ качествахъ,—но нельзя-ли скорѣе о *порученіи* вашемъ?

Игуменья глянула на нее теперь изъ-подъ нахлобученнаго клобука съ тѣмъ самымъ „злоязычительствомъ“, въ которомъ она только-что упрекнула „людей нашего вѣка“. Она никакъ не могла простить нашей фрейлинѣ того, что она одна въ этихъ стѣнахъ не хотѣла поддаваться на *эффекты*, къ которымъ бывшая дѣвица Травкина сохраняла все такую же страсть, играя на нихъ и подъ этимъ монашескимъ клобукомъ своимъ.

— До свѣдѣнія высокихъ особъ, начала она теперь ледянымъ голосомъ, съ примѣсью худо сдерживаемой язвительности, — дошло объ одномъ „весьма неприличномъ“ — передаю буквально, извините, княжна! — разговорѣ вашемъ на вечерѣ съ графомъ...

— Такъ объ этомъ уже знаютъ здѣсь, — опечалили *ихъ* уже этимъ! не давъ ей кончить, вскликнула камерфрейлина, вся выпрямившись и направляя на этотъ разъ свою золотую одноглазку прямо на лицо племянницы: — Отмѣнно, княжна, отмѣнно, могу вамъ только принести по этому случаю мой усерднѣйшій комплиментъ!... И какъ вы, право удивительно, *будто* свайкой въ кольцо, такъ и попали, что мы съ матушкой объ одномъ и томъ же съ вами *гуторить* съѣхались! Не даромъ видно сказывается: на ворѣ шапка горитъ... А мнѣ объ вашей *конверсаціи* передала вчера на вечерѣ у Ихъ Величествъ самая та персона, съ которою вы доставили себѣ удовольствіе имѣть таковую.

— А! такъ и вырвалось у Киры (она этого ждала):—онъ успѣлъ и вамъ нажаловаться!...

— Не знаю, возразила Прасковья Александровна, заморгавъ взволнованно глазами, — что вы разумѣете подъ „нажаловаться!“ Онъ, какъ человѣкъ благорожденный и серіозный, *видая*, что я вамъ единственная родня въ Петербургѣ и что *чрезъ меня*, — протянула она, — доставлено вамъ то *знатное*

положеніе, въ коемъ вы *по сю пору* имѣли счастіе находиться, онъ долженъ былъ спросить меня, какъ ему понимать слѣдуетъ *этто*... ваше... votre inimaginable sortie, договорила она по-французски, не находя въ своемъ русскомъ словарѣ соотвѣтствующаго надобности энергическаго выраженія.

— Нечего было ему спрашивать! пылко отрѣзала княжна:— я достаточно ясно высказала ему свои убѣжденія... которыя и готова повторить во всякое время и кому угодно! домолвила она, сверкнувъ глазами по направленію матери Наѳанаилы.

Та поспѣшно втиснула пальцы въ пальцы, тѣсно прижала ихъ ко груди и вонзила еще разъ глаза свои вверхъ: — Тымолъ, Господи, вѣси, а я ничего ужь не могу послѣ *этого!*..

— Какъ вы сказали: „у-бѣж-де-нія?“ повторила по складамъ Охвостова: — да, да, знаю, un mot, которое я начинаю часто слышать и читаю въ этихъ вашихъ новыхъ русскихъ журналахъ. Слово глупое *вообще*, а въ вашемъ *ртѣ* (dans votre bouche) и совсѣмъ негодное!

— Это еще почему? вскликнула дѣвушка.

— Потому, пока вы носите цвѣта и ѣдите хлѣбъ здѣшняго дома, вы своихъ „у-бѣж-де-ній“ не дерзаете имѣть, а обязаны держаться манеры смотрѣть и думать (manière de voir et de penser) тѣхъ, кому вы служите. Безъ того вы имъ не слуга и не другъ, а предательница и врагъ... А давали-ли они вамъ право поступить, какъ вы сдѣлали, говорить, что вы себѣ позволили?

Отвѣта не послѣдовало. Кира не находила его противъ *этихъ* доводовъ.

Тетка ея горячо продолжала:

— Вы вотъ сейчасъ похвалялись съ азартомъ матушкѣ, *будто* какой савраска безъ узды, что готовы и вдругорядь, и „предъ кѣмъ угодно“, *повторить*, что вы расписывали тамъ подъ маской. Значитъ, такъ я понимаю, что за всѣ *ихнія* милости и благодѣянія вы *имъ* же теперича неприлично отвѣчать собираетесь? Похвалы достойно, во-истину! А чтобы, какъ требуетъ честь и долгъ dans toute âme bien née, спросить себя спервоначала, не можете-ли вы compromettre своими без-

умными словами тѣхъ, при комъ имѣете счастіе состоять и кого беречь должны, — такъ на это у васъ не достало ни сердца, ни разума.

Глаза Киры засверкали.

— Позвольте, тетушка, я васъ очень уважаю, но я никому не даю права оскорблять меня!...

Прасковья Александровна вся даже въ лицѣ перемѣнилась; голосъ ея задрожалъ:

— Оскорблять васъ!... Вотъ какъ вы чувствительны въ вашемъ самолюбіи!... А о томъ вы не подумали, какъ оскорбили вы меня *въ нихъ? Я* васъ къ нимъ приставила, *я* отвѣчаю за васъ; *они* могутъ—въ первый разъ въ жизни!—пожалѣть о томъ, что послушались меня... А вы... Мы дожили до такого времени, что вы и чувствъ моихъ не поймете совсѣмъ; можетъ-быть, не поймете, что̀ *они* для меня... Я бабки ихъ, блаженной памяти императрицы Маріи Ѳедоровны, воспитанница и фрейлина (слезы при этомъ выступили на глазахъ старой камерфрейлины)... Я видѣла образецъ всѣхъ добродѣтелей подъ вѣнцомъ, знала государыню-*мать*, давшую тысячи воспитанныхъ и честныхъ матерей моему отечеству... Потомство ея дороже мнѣ паче собственной жизни... Два поколѣнія его родились, выросли у меня подъ глазами... Они привыкли съ дѣтства видѣть во мнѣ преданнаго друга и вѣрную слугу... А вы?... Въ какое положеніе поставили вы меня теперича къ нимъ?...

Она остановилась перевести дыханіе. Княжна заговорила въ свою очередь:

— Я допускаю, тетушка, что *съ вашей точки зрѣнія я*, въ качествѣ фрейлины, обречена на всю жизнь мою молчать какъ рыба; но я никакъ понять не могу, *чѣмъ* въ данномъ случаѣ могла я „compromettre“ тѣхъ, при комъ я состою. Въ томъ, что̀ я сказала, выражено было лишь желаніе, чтобы великая мысль Государя объ освобожденіи крестьянъ, которой я глубоко сочувствую—и должны сочувствовать тѣмъ болѣе близко стоящія къ нему лица, внушительно примолвила она,— не была извращена исполнителями Его воли.

— Что̀ можете вы знать про мысли Государя! вскликнула

Охвостова негодующимъ шопотомъ:—*Сердце царево въ руцѣ Божіей*, оно внушаетъ ему, что̀ нужно для блага его народовъ... А вы,—говорила она уже съ какимъ-то благоговѣйнымъ ужасомъ, вы съ дерзостью вашихъ двадцати лѣтъ рѣшаетесь вмѣшиваться, рѣшаетесь аппробовать или порицать—parceque l'un ne va pas sans l'autre!—такія Его дѣла, гдѣ, кромѣ Бога одного, не можетъ быть Ему судьи dans tout l'univers!...

Она не въ силахъ была продолжать: губы ея дрожали, пятна выступили на лицѣ... Наѳанаила, все время одобрительно кивавшая, будто въ тактъ ея словъ, воспользовалась перерывомъ и съ искреннимъ повидимому увлеченіемъ схватила обѣ руки ея и прижалась къ ней губами. „Придворная старушка“ была такъ взволнована, что и не замѣтила этого изліянія восторга.

Кира какими-то растерянными глазами глядѣла на тетку...

„Я ничего тутъ не понимаю!“ казалось, говорили они... Она впрочемъ начинала ничего не понимать и въ себѣ самой.

Въ этомъ напряжѣнномъ состояніи прошло нѣсколько минутъ.

Прасковья Александровна достала изъ своей муфты оправленный золотомъ флакончикъ, открыла его и поднесла къ ноздрямъ.

— Ея высочество у себя? еще не отымая его, спросила она, ни къ кому опредѣленно не относясь.

— У дѣтей, поспѣшила отвѣтить Наѳанаила.

— А! тѣмъ лучше! Давно ихъ не видала, пойду къ нимъ... Такъ оставить *этто* нельзя! столь же неопредѣленно промолвила она.

— Я провожу ваше высокопревосходительство, если позволите...

Старушка, не отвѣчая ей, встала и двинулась съ мѣста.

— Reconnaissez vous votre faute au moins? спросила она вдругъ, останавливаясь на-ходу, по адресу племянницы, но не глядя на нее.

Княжна стояла у своего стула, нервно перебирая пальцами по его спинкѣ:

— Для чего спрашивать, тетушка! отвѣтила она съ потемнѣвшимъ взглядомъ и чуть-чуть приподымая плечи:—я, дѣйствительно, забыла и виновата въ томъ, что *пока я здѣсь, я*—узникъ, обреченный на безмолвіе и *безсмыслiе*, подчеркнула она;—но я не виновата,—прибавила она съ какимъ-то намѣреніемъ улыбки,—что я дитя своего времени и не могу раздѣлять въ душѣ моей всѣхъ вашихъ идей...

Прасковья Александровна горько улыбнулась:

— Ну да, конечно, *ветхая мимо идоша и вся быша новая*... Такъ я говорю, матушка?.. Счастливы-ли вы оттого станете, что все разрушите старое, не знаю!.. А впрочемъ слышала я отъ покойнаго Ивана Андреевича Крылова — c'était un véritable *русскій* человѣкъ et homme d'esprit,—очень мѣтко сказанное: „напала на кошку спѣсь, не хочетъ и съ печки слѣзть“... Пойдемте, матушка!..

И, опершись на предложенный ей игуменьей локоть, вышла съ нею безъ дальнѣйшихъ словъ изъ комнаты.

„Прощенія станетъ теперь за меня просить, извинять меня *молодостью*, какъ эта противная Наѳанаила, себя выгораживать“, злобно говорила наша фрейлина, проводивъ ихъ до двери передней и возвращаясь къ своему камину.

Она подкинула въ него полѣно и устремила недвижно глаза свои въ пламя. Мысли безпорядочными скачками проносились у нея въ головѣ... „Убѣжденіе — *глупое слово*“, говоритъ, а у самой вѣра въ эти свои старые догматы тверже скалы... Папа покойный какой умный былъ, а свое тоже бывало: „отпустишь — развалится“... Само, значитъ, держаться не можетъ. Чего же жалѣть, что развалится?.. Нѣтъ, не то! какимъ-то вдругъ горячимъ взрывомъ поднялось изъ груди дѣвушки:—вотъ она, старуха, вся еще пылаетъ сердцемъ за свое, за эту вѣру въ *нихъ*,—а я... одна „спѣсь, какъ у кошки“, говоритъ, а на душѣ тоска, тоска...

VIII.

Some sins do bear their privilege in earth.
Shakesp. *King John.*

Ну, какъ-по вашему? По-нашему—смышленъ!

Бѣгу, не оглянусь! Пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...
Горе отъ ума.

— Свиты Его Величества генералъ, графъ Анисьевъ! неожиданно пропѣлъ въ эту минуту жирнымъ и зычнымъ голосомъ ливрейный княжны, распахивая съ шумомъ дверь...

— Графъ Анисьевъ? съ изумленіемъ повторила это имя она:—онъ никогда у меня не бывалъ...

— Очень просятъ принять, сказалъ шопотомъ красный жилетъ, притворяя за собою дверь для большей предосторожности.

— Проси! молвила Кира, подумавъ.

Графъ Анисьевъ, въ сюртукѣ и эполетахъ, раздушенный, щеголеватый и улыбающійся, вошелъ въ гостинную.

— Princesse, началъ онъ по-французски, — я долженъ прежде всего просить у васъ извиненія, что, имѣвъ честь быть вамъ представленнымъ еще мѣсяцъ тому назадъ, такъ опоздалъ явиться къ вамъ изъявить мое почтеніе... Но я еще не очень давно въ Петербургѣ и такъ былъ заваленъ дѣломъ съ первой же минуты, что нахожу съ величайшимъ трудомъ возможность урываться отъ него для исполненія моихъ свѣтскихъ обязанностей...

Она молча повела въ отвѣтъ на эту учтивость подлежа-

щимъ въ этихъ случаяхъ движеніемъ головы, сѣла сама и указала ему на кресло противъ себя.

Онъ сѣлъ, заговорилъ о „прелестномъ вечерѣ“, отзываясь съ „энтузіазмомъ“ о томъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ на него лично.

— Вы не можете себѣ представить, весело говоритъ онъ,— что̀ испытываетъ въ этихъ случаяхъ человѣкъ, который, какъ я, прозимовалъ три года до этого въ глуши провинціи, среди запоздалыхъ модъ, темныхъ улицъ, губернскихъ львицъ, которыя говорятъ тебѣ „ваше сіятельство“, и заматорѣлыхъ медвѣдей-помѣщиковъ, готовыхъ въ настоящую минуту, когда правительство рѣшается наконецъ вырвать изъ ихъ лапъ несчастныхъ ихъ рабовъ, разорвать тебя, какъ представителя его, этими же грязными лапами своими... Вдругъ послѣ общества *антропофаговъ* se retrouver en plein monde élégant!... Смѣшно сказать, княжна, въ мои лѣта, но я былъ счастливъ какъ школьникъ. Вѣдь это мой первый петербургскій балъ послѣ трехлѣтней моей ссылки... Я не могъ, къ величайшему моему сожалѣнію, такъ какъ въ тотъ же день обязанъ былъ *по особому порученію* уѣхать на сутки въ Москву, быть на предшествовавшемъ ему балѣ у *васъ*, въ этихъ стѣнахъ, но онъ, говорятъ, былъ тоже прелестный...

— Д-да... говорятъ, сказала разсѣянно Кира.

Онъ засмѣялся:

— Вы такъ безучастно повторяете „говорятъ“, что можно было бы подумать, что и вы, какъ я, знаете о немъ только по наслышкѣ.

— Нѣтъ, я, разумѣется, была на немъ, слабо усмѣхнулась она.

— Но... Онъ пріостановился, какъ бы выжидая второй части фразы, и, не дождавшись, договорилъ самъ:—но у васъ другіе вкусы, чѣмъ свѣтъ (vous avez d'autres goûts que le monde),—такъ это?

Она холодно взглянула на него:

— Можетъ быть; но почему могло бы это быть вамъ извѣстно? Вы меня совсѣмъ не знаете.

— О, весело возразилъ онъ,—а опытъ жизни и свѣта!...

Я тотчасъ же составилъ себѣ объ этомъ понятіе на томъ вечерѣ во время мазурки, замѣтивъ, какъ тщетно добивался этотъ бѣдный Грюнштейнъ вашей улыбки, наводняя вашъ слухъ своими остзейско-французскими любезностями, и какъ вы морщились, когда Хлыстовъ со своимъ ревомъ заставлялъ васъ подыматься съ мѣста: „Grand rond, s'il vous plait!"... Il ne vous plaisait pas du tout, я это хорошо видѣлъ, хихикнулъ въ заключеніе Анисьевъ собственному своему *mot*.

— Я танцую не охотно, это правда, сказала она.

— Вы и появились только въ мазуркѣ... Я разумѣю: въ бальномъ туалетѣ, тонко промолвилъ щеголеватый генералъ, зорко вдругъ взглянувъ на нее,—такъ какъ вы могли, *невъдомая никому*, быть тутъ и ранѣе...

„Что это", пронеслось въ головѣ Киры,—„намекъ опять на тотъ мой разговоръ?... И онъ!... Прямо бы ужъ объявили меня государственною преступницей!..." И прозрачныя ноздри ея гнѣвно раздулись и затрепетали.

— Я, дѣйствительно, была до этого въ домино и маскѣ, отчетливо выговорила она, вызывающимъ взглядомъ отвѣчая на его остановившійся на ней взглядъ.

Но онъ самымъ невиннымъ тономъ и какъ бы вовсе не обративъ вниманія на этотъ относящійся къ ней лично фактъ, а пользуясь только ея отвѣтомъ для продолженія разговора на тотъ же общій мотивъ, замѣтилъ, что „ничего не могло быть счастливѣе этихъ неожиданно появившихся масокъ и подбора ихъ изъ числа esprits les plus fins de Saint-Pétersbourg, и что въ этомъ „сейчасъ же угадывается та, которой принадлежала эта мысль"... Intelligence supérieure, какихъ въ настоящую пору весьма мало en Europe",—онъ не находилъ достаточно словъ для восхваленія ея. Отъ общаго онъ совершенно логичнымъ путемъ перешелъ затѣмъ къ частному, заговорилъ о ближайшемъ участіи, принимаемомъ этою высокою особой въ вопросѣ о крестьянскомъ освобожденіи, и выразилъ и съ этой стороны полную ей аппробацію... Самъ онъ оказывался „самымъ горячимъ другомъ прогресса" (онъ призналъ необходимымъ сдѣлаться таковымъ съ первыхъ же дней *новаго* царствованія), восторженно говорилъ о „grand acte",

которое должно было „вознести нынѣшнее царствованіе превыше вѣка Екатерины и Петра“, упомянулъ съ новымъ негодованіемъ объ этихъ „ours mal léchés“, помѣщикахъ, „encroutés въ рабовладѣльческихъ традиціяхъ,“ въ обхожденіи съ которыми, по его мнѣнію, правительство „очень могло бы и не надѣвать бѣлыхъ перчатокъ“ (aurait pu tout aussi bien ne pas mettre des gants blancs). При этомъ такимъ же естественнымъ сочетаніемъ мыслей воздана была имъ хвала „литературѣ и вообще печати“, которыя, „къ величайшей ихъ чести, идутъ рука объ руку съ правительствомъ“ и, проводя въ общественное мнѣніе современныя идеи Европы, стремятся *именно къ тому*, что правительство въ своихъ просвѣщенныхъ начинаніяхъ желало бы, такъ сказать, — игриво выражался онъ, — привить (enter) къ заплѣсневѣлому дереву матушки святой Руси (à l'arbre vermoulu de la sainte mère Russie)... „Конечно, молвилъ онъ, снисходительно поводя плечомъ, дѣло не обходится безъ нѣкоторыхъ прискорбныхъ увлеченій (de regrettables entraînements), но нельзя не признать, что корень ихъ все-таки лежитъ въ самыхъ благородныхъ и „вполнѣ патріотическихъ“ побужденіяхъ. Сожалѣя о томъ, что они „иногда переходятъ за предѣлы терпимаго (de ce que l'on peut souffrir)“, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не сочувствовать ихъ искренности и заключающемуся въ нихъ горячему желанію пользы отечеству... И по этому случаю заговорилъ о Герценѣ:

— Это очень большой умъ... Я въ немъ признаю даже геніальность (je lui reconnais du génie), и—васъ, можетъ быть, удивитъ мое мнѣніе, княжна, вернулъ въ скобкахъ изящный генералъ, таинственно вдругъ понижая голосъ,—хотя его *Колоколъ*, строго говоря, долженъ быть почитаемъ обоюдоострымъ оружіемъ (une lame à deux tranchants), которое приноситъ столько же вреда, сколько пользы, я искренно пожалѣлъ бы, если бы какія-нибудь обстоятельства заставили его прекратить свое изданіе. Намъ нуженъ этотъ набатъ (ce tocsin) за границей, чтобы не давать всѣмъ намъ спать (pour nous tenir tous en éveil), стыдить насъ за нашу отсталость и заставлять догонять Европу...

И онъ, какъ бы въ ожиданіи ея отвѣта, вперилъ еще разъ въ лицо княжны свои зоркіе глаза.

— Меня ваше мнѣніе не удивляетъ, спокойно произнесла она:—оно мнѣ кажется очень основательнымъ.

— Не правда-ли, не правда-ли? воскликнулъ онъ, будто очень обрадовавшись ея одобренію.— Конечно,— сказалъ онъ чрезъ мигъ,—вліяніе у насъ Герцена, котораго никто конечно не станетъ отрицать, оказывается, повторяю, иногда черезъчуръ сильнымъ на нѣкоторые неопытные, по преимуществу молодые умы, увлекающіеся одною *утопическою*, такъ сказать, стороной его мнѣній... Но какъ не извинить опять въ душѣ этихъ пылкихъ, всегда благородныхъ молодыхъ людей,— полувздохнулъ, полуусмѣхнулся Анисьевъ,— которые въ этомъ блестящемъ талантѣ видятъ...

Онъ оборвалъ вдругъ на полуфразѣ, прищурился:

— Да вотъ, напримѣръ, проговорилъ онъ небрежно: — вамъ, кажется, родня, княжна, нѣкій бывшій студентъ университета, Овцынъ?... Иринархъ... Ѳедоровичъ, если не ошибаюсь... да, Иринархъ Ѳедоровичъ Овцынъ?

Кира въ свою очередь воззрилась теперь ему прямо въ лицо:

— Мнѣ онъ не родня совсѣмъ, но у насъ есть съ нимъ общіе родные... А что?

— Онъ именно одинъ изъ тѣхъ чрезъ мѣру увлекающихся молодыхъ людей, о которыхъ я говорилъ... Не знаю, извѣстно ли вамъ, произнесъ вдругъ съ какою-то вѣскою медленностью Анисьевъ,—что онъ уѣхалъ въ Лондонъ не подъ своимъ именемъ, съ чужимъ паспортомъ?

Краска невольно бросилась въ голову дѣвушки; она начинала понимать, чему обязана была визитомъ этого любезнаго ея гостя. Но гордость не измѣнила ей въ эту минуту.

— Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ я не знала, проговорила она съ полнымъ хладнокровіемъ,— но я видѣла его недѣли двѣ назадъ, и онъ говорилъ мнѣ, что собирается ѣхать въ Лондонъ.

Анисьевъ быстрымъ движеніемъ тѣла закинулъ глаза за

спину и, увѣрившись, что дверь въ переднюю заперта, такъ же быстро наклонился съ мѣста ко княжнѣ:

— И предъ этимъ отъѣздомъ своимъ передалъ вамъ ящикъ съ бумагами? проговорилъ онъ шопотомъ.

— Что это за вопросъ? И глаза ея засверкали искрами.

Онъ помолчалъ, не отрывая отъ нея взгляда, и промолвилъ затѣмъ участливымъ, чуть не нѣжнымъ голосомъ.

— Извините меня, княжна, — но съ вашей стороны было довольно неосторожно принять эти бумаги.

Она поняла, что фактъ былъ ему самымъ положительнымъ образомъ извѣстенъ, что она напрасно стала бы отрицать его... Да она и не съумѣла бы, — она еще ни разу въ жизни не солгала, — она бы только „спуталась". Нѣтъ, „такъ лучше, пусть знаетъ!" Она на этой почвѣ можетъ вѣрнѣе остаться самой собою...

— *Это уже мое дѣло и никого другого не касается!* грозно сказала она.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, возразилъ онъ, пуская теперь въ ходъ свою многозначительную улыбку: — господинъ Овцынъ бѣжалъ за границу, очевидно, съ преступною цѣлью. Правительству извѣстны его антецеденты... необходимо выяснить теперь его дальнѣйшія намѣренія. Бумаги, которыя онъ оставилъ у васъ, представляются такимъ образомъ крайне важными...

Она молчала.

Онъ опять наклонился къ ней, заговорилъ мягкимъ, словно убаюкивающимъ шопотомъ:

— Княжна, [illegible]

грантами и ихъ здѣшними единомышленниками и корреспондентами... Я увѣренъ даже, что, согласившись по незнанію... или великодушію принять отъ господина Овцына бумаги его на сохраненіе, вы не полюбопытствовали и взглянуть на нихъ...

— Конечно, нѣтъ! такъ и вырвалось у Киры; она опять вся покраснѣла отъ мысли, что кто-нибудь могъ заподозрить ее въ нескромномъ любопытствѣ.

Анисьевъ отвѣчалъ на это полупоклономъ, какъ бы говоря: „вы видите, что я ни единой минуты въ этомъ и не сомнѣвался“,—и продолжалъ:

— Но, повторяю, если-бъ это пошло *инымъ путемъ*, васъ должны были бы попросить тогда... *по правиламъ*,— промолвилъ онъ какъ бы нѣсколько уже пренебрежительно,— отвѣчать на извѣстные... *официальные* вопросы, что уже одно могло бы оскорбить васъ, и не могло бы быть притомъ сдѣлано иначе, какъ уже *съ вѣдома хозяевъ этого дома*... А этого, считаю долгомъ предувѣдомить васъ... для вашего успокоенія,—добавилъ онъ, вскинувъ пристально еще разъ глаза на дѣвушку,—прежде всего желали бы избѣгнуть...

— А какъ же, думаете вы, можно было бы избѣгнуть этого теперь? свысока и нехотя отвѣтила она на это.

— О, ничего нѣтъ легче! засмѣялся онъ самымъ уже успокоительнымъ образомъ: — разговоръ нашъ такъ и останется частнымъ разговоромъ... вы передадите мнѣ эти бумаги...

— Никогда! вскликнула она, прерывая его негодующимъ взрывомъ, съ широко раздувшимися ноздрями, со внезапнымъ пламенемъ въ глазахъ.

Онъ какъ бы уныло опустилъ голову и вздохнулъ.

— Мнѣ извѣстно, что вы очень умны, княжна, началъ онъ, довольно долго помолчавъ предъ тѣмъ, — и мнѣ трудно понять поэтому, какъ вы рѣшаетесь... *усложнять ваше положеніе* изъ-за человѣка, который, во-первыхъ, теперь внѣ власти Русскаго правительства и поэтому внѣ всякой опасности кары или даже задержанія; а, вовторыхъ, который, какъ сами должны вы видѣть, настолько же не деликатенъ, насколько и легкомысленъ, такъ какъ, рѣшившись навязать вамъ роль какой-то будто сообщницы его, не умѣлъ даже схоронить

концы настолько, чтобы сношенія его съ вами и фактъ переданныхъ вамъ бумагъ остались неизвѣстными.

Кира нервно мотнула головой:

— Какое мнѣ до него дѣло! презрительно уронила она... и иронически усмѣхнулась чрезъ мигъ;—но вы, кажется, не совсѣмъ логичны, графъ?

— Почему вы думаете? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Судя по тому, какъ *либерально* говорили вы въ началѣ разговора, я никакъ, согласитесь, не могла ожидать, что онъ долженъ будетъ кончиться *этимъ*.

Анисьевъ нисколько не смутился этимъ аргументомъ ad hominem. Онъ многозначительно потянулъ свой прекрасный усъ, который носилъ теперь не попрежнему, крючкомъ вверхъ, а вытянутымъ въ струну à la Napoléon III, — на котораго, какъ извѣстно, вслѣдъ за Парижскимъ миромъ пошла большая мода въ Петербургѣ,—и возразилъ, тонко ухмыляясь:

— Мнѣ кажется, напротивъ, княжна, что одно совершенно логично истекаетъ изъ другаго. Oui, je suis complètement libéral dans mes opinions: мы должны быть Европа и пройти, чрезъ что она прошла. Я знаю, что ни одно государство не можетъ обойтись безъ революціи и что она у насъ впереди; знаю, что все наше старое зданіе прогнило до костей и что его надо перестроить сверху донизу... Но дерево, у котораго внутри уже ничего нѣтъ, часто еще держится корой, княжна, (на лицѣ изящнаго генерала невольно сказалось удовольствіе, причиняемое ему такимъ удачнымъ сравненіемъ,) и его до поры до времени не слѣдуетъ валить. C'est notre cas, princesse:—Россія тоже держится корой. Нашъ народъ, le bas peuple, былъ до сихъ поръ безсловесное животное, „быдло“, какъ называютъ его Поляки-помѣщики, сосѣди мои по Могилевской губерніи. Получивъ свободу, онъ очень скоро пойметъ и потребуетъ себѣ дальнѣйшихъ правъ, il demandera ses droits de citoyen... Тогда, я не спорю, идеи Герцена и нашихъ *передовыхъ* людей будутъ имѣть свою настоящую raison d'être и возможность быть примѣненными къ дѣлу. А до тѣхъ поръ ne touchez pas à la hache, не трогайте топора! Потому что

все хорошо въ свое время, а иначе можно только компрометировать самое дѣло прогресса... Вотъ почему, княжна,—уже съ торжествующимъ выраженіемъ во всѣхъ чертахъ заключилъ онъ,—я положительно порицаю, порицаю въ интересахъ ихъ же идей, тѣ нетерпѣливые умы, которые, какъ господинъ Овцынъ и ему подобные, торопятся будущею революціей и думаютъ теперь же въ одиночку, не подготовивъ достаточно силъ и средствъ, свалить это гнилое внутри, но еще крѣпкое корой дерево... А пока оно еще стоитъ, ему, vous comprenez, princesse, нельзя запретить защищаться!..

Онъ, словно сожалѣя объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, приподнялъ плечи и замолкъ.

Она слушала его внимательно и сосредоточенно, не отрывая отъ него глазъ и съ какимъ-то загадочнымъ для него выраженіемъ въ складѣ губъ, въ тѣсно сжавшихся бровяхъ...

Онъ ждалъ въ свою очередь отвѣта.

Она нежданно поднялась съ мѣста и гадливо уронила съ губъ:

— Вы даже не вѣруете въ то, чему служите и во имя чего дѣйствуете!..

Блестящій генералъ весь измѣнился въ лицѣ...

А она неторопливымъ шагомъ дошла до двери сосѣдней комнаты, полуотворила ее, кликнула: „Анфиса!“ и, вернувшись къ своему креслу, опустилась въ него и молча устремила глаза свои въ огонь камина.

Гость ея еще не успѣлъ притти въ себя, какъ на порогѣ той двери показалась красивая, синеокая горничная и съ вопросомъ: „чего прикажете?“ подошла ко княжнѣ.

— Гдѣ тотъ коробъ съ бумагами, который оставилъ у насъ Иринархъ Ѳедоровичъ Овцынъ?

— Въ шкапу, ваше сіятельство, съ легкою запинкой проговорила та, быстрымъ вопрошающимъ взглядомъ окидывая свою барышню и невѣдомаго военнаго мущину, показавшагося ей почему-то подозрительнымъ.

— Достаньте его оттуда!

Синеокая женщина еще разъ взглянула ей въ лицо, какъ

бы не совсѣмъ довѣряя этому приказанію и ожидая его подтвержденія.

Кира поняла, усмѣхнулась и утвердительно кивнула головой.

Анисьевъ, еще нахмуренный, но съ оживленными любопытствомъ глазами и нѣсколько озадаченно, слѣдилъ за ними.

Анфиса подошла къ шкапу, отперла его ключомъ изъ связки, висѣвшей у нея на поясѣ, потянула къ себѣ изъ темнаго угла извѣстный читателю коробъ и, взявъ его на руки, донесла и опустила къ ногамъ княжны.

— Вотъ онъ! промолвила та, указывая на него кивкомъ „либеральному" генералу:—вы видите печати, никто къ нимъ не притрогивался.

Онъ недоумѣло повелъ на нее взглядомъ, хотѣлъ отвѣтить и не успѣлъ...

— Киньте это въ каминъ, Анфиса! услышалъ онъ „невѣроятное" приказаніе...

— Княжна! былъ онъ только въ состояніи вскрикнуть.

— Кидайте! торопливо повторила она.

Анфиса своими сильными руками приподняла разомъ тяжелый коробъ, обернулась съ нимъ къ огню и быстрымъ движеніемъ, рискуя обжечь себѣ всѣ пальцы, вдвинула его въ самую середину очага.

Анисьевъ безсознательнымъ порывомъ кинулся съ мѣста къ нему... и отступилъ...

Между имъ и каминомъ стояла также быстро обернувшаяся теперь къ нему лицомъ синеокая женщина, и эти ея синіе, прекрасные и рѣшительные глаза будто говорили ему: „пока не сгоритъ—не подпущу!"

Онъ покраснѣлъ невольно, прикусилъ губу...

— Вы видите, графъ, услышалъ онъ опять голосъ княжны Кубенской,—что меня никакими „путями" нельзя заставить сдѣлать то, что я почитаю *безчестнымъ*.

Онъ уже овладѣлъ собою, усмѣхнулся опять своею многозначительною улыбкой, поклонился и, разводя слегка обѣими руками, проговорилъ:

— Вижу, княжна, но за послѣдствія я ужь не отвѣтчикъ!

— Какія угодно! надменно и презрительно произнесла она въ отвѣтъ,—и тѣмъ легче, что я сегодня же перестану принадлежать къ этому дому!

Она съ какою-то теперь злою радостью заранѣе жгла свои корабли.

Графъ Анисьевъ не нашелъ слова отвѣтить: въ этой дѣвичьей отвагѣ было что-то необычно и увлекательно *красивое*, чего онъ, въ качествѣ „знатока женщинъ", не могъ не замѣтить и не *оцѣнить*... Онъ поднялъ свою каску съ пола, склонился предъ княжной глубокимъ свѣтскимъ поклономъ и вышелъ изъ комнаты.

— Барышня... княжна, заговорила Анфиса, полуулыбаясь, полутревожно, какъ только затворилась за нимъ дверь,—а не выйдетъ какого худа изъ эвтого самаго, что̀ мы съ вами спроворили?...

Кира пожала плечами.

— Вамъ очень жаль будетъ разстаться со дворцомъ? спросила она вмѣсто отвѣта.

— И ни въ жисть! воскликнула та.—Чего мнѣ-то жалѣть, барышня, измаялась я вся тутъ, въ палатахъ въ здѣшнихъ... Особливо если теперича опять въ матушку въ Бѣлокаменную вздумаете... Гори, гори!—прервала она себя, схватывая каминную кочергу и приподымая ею въ очагѣ толстую кипу бумажныхъ листовъ, чтобы дать ихъ скорѣе охватить огню,—и праху твоего чтобъ не осталось!...

Дверь изъ передней еще разъ широко распахнулась и въ нее уже безъ всякаго доклада вошла Прасковья Александровна Охвостова. Она казалась очень утомленною, и придворный слуга княжны велъ ее подъ руку.

Кира быстро пошла ей навстрѣчу, довела ее до дивана, усадила... Анфиса въ свою очередь догадливо заставила опять огонь экраномъ, выбѣжала въ спальню, вынесла оттуда какую-то шитую подушку и заложила ее за спину почтенной особы.

Та поблагодарила ее взглядомъ. Синеокая женщина глубоко поклонилась и вышла по знаку своей барышни.

Старушка перевела дыханіе, вынула свой флакончикъ, нюх-

нула и, не отнимая его отъ ноздри, начала медленно и по-французски:

— Я и не знаю, какъ вы должны быть благодарны Провидѣнію за то, что вамъ приходится имѣть дѣло съ самою милостью и добротой (avec la grâce et la bonté elles mêmes). Я была ими умилена до слезъ. Въ благородномъ сердцѣ той, при комъ вы имѣете счастіе состоять, я нашла за васъ адвоката, какимъ не могла бы быть сама... и не намѣрена была быть,—примолвила строго она,—такъ какъ почитаю поступокъ... да и вообще всю вашу *tenue* здѣсь далеко несообразными съ тѣмъ, къ чему обязываетъ васъ ваше положеніе фрейлины.

— Тетушка, перебила ее Кира,—я съ сегодняшняго же дня перестаю быть ею.

— Что-ѳ? протянула та въ изумленіи:—когда вамъ великодушно прощаютъ всѣ ваши неосторожности и прорухи (vos imprudences et vos maladresses), когда это великодушіе простирается до того, что меня спрашиваютъ: не слишкомъ-ли „жестко“ передавала вамъ эта игуменья то, что̀ поручено было вамъ сказать „*для вашей же пользы*“,—вы кобенитесь и фыркаете какъ вырвавшійся конь (vous regimbez et piaffez comme un cheval échappé) и играете въ обиженное самолюбіе!..

— Выслушайте меня, тетушка, сказала на это дѣвушка,—и затѣмъ судите, самолюбіе-ли, или побужденіе, менѣе заслуживающее вашего порицанія, заставляетъ меня принять это рѣшеніе.

Прасковья Александровна молча поднесла лорнетъ свой ко глазу, направила его на племянницу и словно застыла въ ожиданіи ея объясненія.

Кира спокойно и обстоятельно сообщила ей объ отношеніяхъ своихъ къ Овцыну, „двоюродному брату ея двоюродной сестры“, о его „нѣсколько крайнихъ мнѣніяхъ“, — которыя, впрочемъ, говорила она, „раздѣляются, кажется, всею теперешнею молодежью“ и „свободно. съ дозволенія цензуры, высказываются и въ журналахъ“,—о томъ, наконецъ, что онъ, уѣзжая за границу, явился къ ней съ просьбой сохранить до возвращенія свои бумаги, которыя *могли многихъ* скомпроме-

тировать". и что она *именно въ виду этого* рѣшилась ихъ принять...

Лорнетъ выпалъ изъ руки Охвостовой... Она всплеснула ею о другую руку и вскрикнула въ ужасѣ:

— Бумаги заговорщиковъ (les papiers des conspirateurs)!...

Но когда племянница начала далѣе о визитѣ графа Анисьева, о томъ, что ему было извѣстно о передачѣ ей Овцынымъ этихъ бумагъ, и онъ хотѣлъ, чтобъ она теперь *выдала* ихъ *ему*, — старая камерфрейлина задрожала вся какъ въ лихорадкѣ:

— Полицейскій розыскъ въ этихъ стѣнахъ, подъ этою кровлею,—только этого не доставало! задыхающимся голосомъ застонала она, закрывая себѣ лицо платкомъ.

Кира примолкла... Сама она была блѣдна какъ полотно, только зеленые глаза ея горѣли своимъ обычнымъ, гордымъ пламенемъ.

— Что̀ же вы сдѣлали? спросила ее чрезъ минуту тетка, опираясь обѣими руками на столъ, а головою объ эти руки, будто съ тѣмъ, чтобы не смотрѣть на нее.

— Я сожгла ихъ, при немъ, въ этомъ каминѣ...

Руки внезапно упали, и Прасковья Александровна вся, всѣмъ своимъ худымъ старушечьимъ тѣломъ потянулась теперь чрезъ столъ прямо къ лицу племянницы:

— Вы... это сдѣлали... при немъ? повторила она.

— А что̀ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? уронила въ отвѣтъ Кира.

Старушка, тяжело дыша, опустилась на свое мѣсто:

— Да... выдать ихъ вы... не могли... Un dépôt est sacré.. пролепетала она черезъ силу...

Послѣдовало долгое молчаніе.

— Послѣ этого, конечно, заговорила, нѣсколько успокоившись, Охвостова,—оставаться вамъ здѣсь нельзя... Я ваше рѣшеніе одобряю. У васъ благородное сердце, но голова вверхъ дномъ (vous avez le coeur noble, mais le tête à l'envers); вы не созданы для дворцовой жизни, вы способны только компрометировать здѣсь и себя, и другихъ.

— Я это вижу, съ горечью сказала княжна, — и хотѣла сейчасъ же пойти и сказать...

Та остановила ее движеніемъ руки:

— Погодите! Надо, если можно, избѣгнуть всякой огласки... скандала... Вы сдѣлали себѣ теперь врага изъ этого Анисьева, но я надѣюсь — если только это уже не дошло до свѣдѣнія *выше*,—что самъ онъ, для себя, не захочетъ раздуть этотъ... эпизодъ съ вами... А тамъ я переговорю, съ кѣмъ слѣдуетъ...

Она вдругъ завздыхала:

— Боже мой, что бы я дала, чтобы до *нихъ*, бѣдныхъ, *здѣсь*, не дошла эта новая непріятность!... Вѣдь это уже не разговоры съ Вилинымъ, а нѣчто посерьезнѣе... заговорщики, хоронящіе свои ужасы подъ *ихъ* кровомъ!... Я сейчасъ же напишу, пошлю за этимъ Анисьевымъ, сказала она, вставая,— надо это привести въ ясность. А вы сидите пока смирно и придумайте приличный предлогъ (un motif plausible) уѣхать отсюда... Что вы думаете изъ себя дѣлать теперь? спросила она какъ-то внезапно. Эта мысль, очевидно, только въ эту минуту пришла ей въ голову.

— Не знаю.., За границу поѣду, можетъ быть...

— Одна... безъ средствъ?... проговорила участливо Прасковья Александровна, прищурясь на нее.

— Въ Женевѣ у меня друзья есть... Сибиряки, изъ возвращенныхъ... А средства,—у меня пенсія послѣ батюшки... Развѣ отымутъ теперь...

Старая камерфрейлина вспыхнула вся:

— Какъ вы *ихъ всѣхъ* знаете! Charitables tous et miséricordieux comme Dieu lui-même!... Неужели вы можете думать, что вамъ станутъ мстить?...

Она пожала плечомъ, направилась къ передней, остановилась у двери:

— Пріѣзжайте ко мнѣ вечеромъ, мы рѣшимъ, какъ это получше устроить...

Кира наклонилась невольнымъ движеніемъ поцѣловать ея руку.

Та нежданно и порывисто закинула ей эту руку за го-

лову, прижала ее ко груди и дрогнувшимъ голосомъ прошептала по-русски:

— Ахъ, головушка, несмысленная головушка, что-то тебя ждетъ впереди!... и быстро взялась за замокъ дверей, чтобы не выдать далѣе охватившаго ее волненія.

Кира проводила ее по корридору до подъемной машины и вернулась, лишь увѣрившись, что она благополучно спустилась до низу.

Въ своей передней она въ полутьмѣ замѣтила мужскую фигуру.

Это былъ посланный отъ Гундурова съ запискою къ ней. Она взяла ее, вернулась въ гостиную и, сорвавъ обложку, усѣлась съ нею на прежнее свое мѣсто у камина.

Гундуровъ почиталъ нужнымъ извѣстить ее, чтобъ она не безпокоилась относительно послѣдствій *извѣстнаго* разговора ея на вечерѣ. „Объ этомъ разговорѣ знаютъ“, писалъ онъ ей, „и очень смѣялись испугу графа В., которому (привожу буквально) notre jeune exaltée a dû faire l'effet de Jeanne d'Arc, l'oriflamme à la main, tapant sur les Anglais“...

Письмо выпало изъ рукъ Киры.

„*Jeanne d'Arc!*... Да, я смѣшна, смѣшна!“ заныло новымъ, невыносимымъ уколомъ у ней въ сердцѣ...

Она откинулась затылкомъ въ спинку своего кресла и залилась внезапно нервными, злыми слезами...

Онѣ еще не успѣли просохнуть, когда неожиданное имя, отчетливо произнесенное басистымъ голосомъ вошедшаго слуги ея, донеслось до ея слуха:

— Господинъ Троекуровъ, Борисъ Васильичъ!

Она вся выпрямилась, поглядѣла на докладывавшаго, машинально, быстро провела рукой по глазамъ...

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ? громко повторила она;—онъ здѣсь?... Проси!...

Ей почему-то казалось невѣроятнымъ, чтобъ онъ могъ быть здѣсь, могъ явиться къ ней „именно въ эту минуту“...

Онъ вошелъ. Ей прежде всего кинулась въ глаза въ немъ перемѣна костюма. Онъ былъ въ партикулярномъ habit de matin, *съ* цилиндромъ въ рукѣ, въ лиловыхъ перчаткахъ. Складки

просторной одежды ложились съ какою-то особою, изящною мягкостью кругомъ тонкихъ очертаній его высокаго, все также стройнаго туловища, но въ лицѣ онъ казался пополнѣвшимъ. Прежнее выраженіе усталости, обычное этому лицу, смѣнилось теперь чѣмъ-то спокойно-вдумчивымъ, сознательно-довольнымъ. Кира тотчасъ же замѣтила эту новую черту... Только глубокіе глаза его сохранили знакомую ей привычку нервнаго помаргиванія, да бѣлокурые усы кудрявились надъ все также нѣсколько скептически улыбавшимся ртомъ.

— Какимъ образомъ вы здѣсь, Борисъ Васильевичъ, и давно-ли? спросила она, подымаясь ему навстрѣчу.

— Для чего пріѣзжаютъ изъ провинціи люди въ вашъ отвратительный городъ, отвѣчалъ онъ, смѣясь: — само собою по дѣламъ, по скучнымъ, глупымъ дѣламъ... У меня такое дѣло въ Сенатѣ...

— И давно вы здѣсь? повторила она.

— Дня два, три... сказалъ онъ вскользь, усаживаясь въ кресло, которое указывала она ему.

— Что Сашенька?

— Спасибо!... Велѣла вамъ кланяться, жалуется, что не имѣетъ отъ васъ извѣстій...

— Я виновата, дѣйствительно, предъ нею: не отвѣчала на ея послѣднее письмо... Когда Сережа Лукояновъ былъ здѣсь, я ему часто поручала передать сестрѣ то, что не успѣвала написать сама, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ за границу...

— Вы забыли о ней? договорилъ Троекуровъ, помаргивая направленными на нее глазами.

Брови Киры болѣзненно сжались вдругъ:

— Въ сущности, что можетъ быть для нея занимательнаго въ моихъ письмахъ!... Вамъ, я думаю, *тамъ* вдвоемъ ни до чего въ мірѣ нѣтъ дѣла? промолвила она съ какою-то неодолимою горечью.

— Нѣтъ правилъ безъ исключенія, отвѣтилъ онъ весело;— но, говоря по правдѣ, чѣмъ менѣе *здѣшняго* доходитъ *туда*, тѣмъ, по-нашему, по-*моему* особенно, лучше.

— Развѣ васъ не интересуетъ однако же то, что здѣсь

дѣлается теперь, что̀ готовится для Россіи? спросила она, насилуя себя на разговоръ.

— Общее, les grandes lignes,— да, конечно! И издали, а не близко... Вблизи не красиво, княжна: наглядѣлся и наслушался я въ эти нѣсколько дней...

— А что̀?

— Да какъ вамъ сказать? Во-первыхъ, крупныя и очень хорошія въ сущности слова, но которыя уже успѣли опошлить до тошноты: „свобода“, „прогрессъ“, „человѣчество“, „современность“ и такъ далѣе, и такъ далѣе; ихъ вамъ теперь, куда ни ткнешься, чуть не вмѣсто лимона и сливокъ къ чаю подаютъ... А отъ словъ—какое-то всеобщее пьянство мысли, и не хорошее пьянство, знаете... Отворили тюрьму, пустили на вольный воздухъ,—понятно, человѣкъ и перехватить готовъ отъ радости. Но вѣдь это ужь не то: это похоже ужь прямо на колодниковъ, сорвавшихся съ цѣпи и лѣзущихъ разбивать кабаки. Все долой, глаза въ крови и пѣна у рта!... Не красиво, нѣтъ!...

— Ну, а вы что̀ же, княжна? быстро перемѣняя разговоръ:—все тѣ же иллюзіи? спросилъ онъ, намекая на послѣдній ихъ разговоръ въ Москвѣ, годъ тому назадъ.

Зеленые глаза ея засверкали и тутъ же потухли... Нѣтъ, не насмѣшкою звучалъ его голосъ, да и что̀ онъ могъ знать „обо всемъ *этомъ*“, происшедшемъ съ нею?...

— „Иллюзіи“, повторила она тономъ, поразившимъ его своимъ безотраднымъ выраженіемъ: — я покидаю дворецъ и Петербургъ...

Онъ быстро вскинулъ на нее взглядомъ, потянулъ усъ и, не разспрашивая, какъ бы вовсе не интересуясь тѣмъ, что̀ могло побудить ее къ этому, спросилъ только:

— И жалѣете о нихъ?

— Нѣтъ, не о нихъ... о собственномъ обманѣ, отвѣтила она безъ запинки, въ свою очередь какъ бы вовсе не удивляясь тому, что онъ будто уже все знаетъ и спрашиваетъ ее не о фактахъ, а о томъ, какъ они отзываются въ ея чувствѣ.

— Я радъ, коротко сказалъ онъ на это.

— Чему?

— Вы душу живу вынесете отсюда.

— На что она? вырвалось и замерло у нея какимъ-то стономъ.

— Жить!... „Жизнь для жизни намъ дана", княжна... Это, если не ошибаюсь, даже самъ митрополитъ Филаретъ сказалъ *).

Глубокая продольная морщина сложилась между ея бровями:

— Я охотно сейчасъ отдала бы эту жизнь, если-бъ она на что-нибудь *настоящее* пригодилась.

— Это „настоящее" указано женщинѣ съ тѣхъ поръ, какъ люди... люди... Но вы почему-то, какъ мнѣ кажется, княжна, примолвилъ Троекуровъ съ ласковою усмѣшкой, — всегда задавали себѣ темою стараться не думать и не чувствовать по-женски?...

Она вдругъ вся заалѣла, встрепенулась:

— Такъ это вы были!... Вы неправду сказали сейчасъ, будто только два дня тому пріѣхали. Вы раньше... Это *вы* говорили со мною подъ маской на томъ вечерѣ... Какъ это я васъ тогда же не узнала?...

Онъ съ серіознымъ лицомъ взглянулъ на нее, утверждая, что она ошибается, что онъ никогда не былъ, не могъ быть ни на какомъ „вечерѣ", такъ какъ и не показывался никому въ обществѣ.

Но она не повѣрила ему. Каждое изъ сказанныхъ имъ тогда словъ звучало теперь живымъ звукомъ въ ея ухѣ:

— Не отрицайтесь! говорила она съ какою-то задушевностью, которой онъ до сихъ поръ еще никогда не замѣчалъ въ ней:—вы одни могли знать меня настолько, чтобъ угадать... понять, когда я васъ приняла за... за другаго... что я „изъ чистаго источника"... Это *вы* сказали... Я въ первую минуту разсердилась, но я... я благодарна вамъ, Борисъ Васильевичъ, за ваши слова, за... Вы какъ другъ говорили со мною...

Она оборвала и, высоко дыша грудью, протянула ему руку.

Онъ не сталъ разувѣрять ее далѣе, стиснулъ ея пальцы и спросилъ прямо:

*) Въ извѣстномъ переложеніи стихотворенія Пушкина: „Даръ напрасный, даръ случайный" и пр.

— Что же, Вилинъ нажаловался на васъ?

Его видимое,—„хорошее“, какъ говорила она себѣ внутренно,— участіе такъ-то странно успокоивало ее теперь. Она засмѣялась на его вопросъ:

— Это вы же поручили Бековичу сообщить мнѣ о его разговорѣ съ нимъ обо мнѣ? Онъ смѣшной, но я его не виню. Онъ спросилъ у тетки моей, Охвостовой, что я за человѣкъ и какъ ему слѣдуетъ „понимать мои слова“. Я не могу сердиться на него,—онъ былъ правъ... Но я не изъ-за того— поспѣшила она объяснить,—рѣшилась покончить съ моею дворцовою жизнью. Тутъ произошло другое; вотъ что...

И она передала ему во всей подробности эпизодъ съ Анисьевымъ по поводу Овцынскихъ бумагъ.

— Этотъ дрянной мальчишка, сказалъ, дослушавъ ее, Троекуровъ, пригодился хоть на то, что послужилъ къ скорѣйшей развязкѣ вашего положенія здѣсь, и вы за это должны быть ему благодарны. Сколько я понимаю, вы кончили бы какимъ-нибудь еще худшимъ coup de tête, или истомились бы въ конецъ, на-смерть...

— А теперь, со внезапнымъ напоромъ прежней тоски вскликнула Кира,—я не истомлюсь развѣ отъ бездѣйствія, отъ безцѣльности моего существованія?... Я уѣзжаю за границу безо всякаго плана, безо всякой опредѣленной задачи въ будущемъ...

Троекуровъ отвѣчалъ не сейчасъ:

— Княжна, вы до сихъ поръ все искали для себя крупнаго *общаго* дѣла—и не находили возможности приложить себя къ нему съ успѣхомъ... Хотите-ли попробовать маленькаго и не виднаго, просто *добраго* дѣла, за которое горячо благодарна вамъ будетъ та, для которой вы сдѣлали бы его.

— Хочу, конечно! Что такое, говорите! быстро проговорила она, уставившись пристально въ него.

— Тетка ваша, мать моей жены, Марья Яковлевна, очень плоха.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Я не знала, воскликнула Кира.

— Я видѣлъ въ Москвѣ доктора ея, Варвинскаго. Онъ *говоритъ*, что сердце у нея въ самомъ жалкомъ состояніи и

что со дня на день можно ожидать катастрофы. Сама она, бѣдная, предвидитъ ее и говоритъ о ней... Я, разумѣется, тотчасъ же привезъ бы къ ней жену, но въ ея положеніи,— промолвилъ вскользь Борисъ Васильевичъ (Александра Павловна была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности,) — это было бы опасно, и Марья Яковлевна сама ни за что этого не хочетъ. Саша и не знаетъ, что матери такъ не хорошо... Вы не всегда сходились съ теткой, княжна,—продолжалъ онъ, пока она все также сосредоточенно и безмолвно глядѣла ему въ лицо,—но она, по-истинѣ, добрая и благородная женщина и любитъ васъ, я знаю. Она была бы несомнѣнно счастлива, если бы вы теперь были при ней... Не долго, вѣроятно, пришлось бы вамъ походить за нею... А для васъ это un prétexte tout trouvé, самая естественная въ глазахъ всѣхъ причина отъѣзда вашего отсюда, заключилъ Троекуровъ какъ бы мимоходомъ.

Но Кира поняла, что въ этихъ послѣднихъ словахъ заключалась главная сущность его предложенія,—что онъ прежде всего озабоченъ былъ мыслью „найти для нея самое *приличное* объясненіе этого отъѣзда ея изъ дворца".

Какое-то радостное, давно ею не испытанное чувство шевельнулось у нея въ груди. Она провела медленно по лицу своею блѣдною рукой и тихо улыбнулась:

— Этотъ „предлогъ" разрѣшаетъ все, сказала она:—спасибо вамъ за него! Я отпрошусь сегодня же и могу завтра уѣхать въ Москву.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да!... Самое позднее—послѣ-завтра... Вѣдь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше теперь?

Онъ утвердительно качнулъ головой и всталъ.

— Дайте мнѣ знать въ Демутову гостиницу, нумеръ четвертый, когда вы именно могли бы уѣхать. Я распоряжусь, чтобы вамъ было на поѣздѣ особое отдѣленіе. А я тогда выѣхалъ бы ранѣе, чтобы успѣть предварить больную о томъ, что вы къ ней ѣдете.

— Я напишу вамъ сегодня вечеромъ... можетъ быть поздно,—все равно?

— Конечно!—Онъ засмѣялся.—Люблю такія быстрыя рѣшенія!

Кира посмотрѣла на него мимолетнымъ, страннымъ взглядомъ.

— Въ васъ вѣрить можно, Борисъ Васильевичъ, быстро пролепетала она въ отвѣтъ.—До свиданія!...

XI.

Les hommes ne vivraient pas longtemps en société s'ils n'étaient les dupes les uns des autres.
La Rochefoucauld.

Видишь ты, мудрый, какъ крылато племя
Ни землю пашетъ, ни жнетъ, ниже сѣетъ;
Отъ руки вышней однакъ въ свое время
Пищу довольну, жить продлить, имѣетъ.
Кантемиръ.

Цѣлыя полторы недѣли покоилась Ольга Елпидифоровна Рацова на лаврахъ успѣха, пожатыхъ ею на вечерѣ, на которомъ читатель имѣлъ случай видѣть ее во всемъ ея торжествѣ. „Position“ ея въ большомъ свѣтѣ казалась ей съ той поры вполнѣ обезпеченною; на это были у нея самыя убѣдительныя данныя. Она послѣ того вечера была еще на двухъ вечерахъ въ high life'ѣ и имѣла тамъ *сукцесъ* неслыханный: о мущинахъ и говорить уже нечего, но и дамы „des plus huppées“, двѣ даже изъ интимной котеріи княгини Андомской (самой княгини, по случаю какой-то „счастливой“ простуды, на этихъ балахъ не было, „а то бы онѣ при ней не рѣшились“, признавалась себѣ наша красавица,), знакомились съ ней, выбирали ее въ мазуркѣ, восхищались ея Вортовскими туалетами и завезли ей затѣмъ свои карточки... Наконецъ три разомъ сестры Саватьевы завтракали у нея въ эту минуту и занимали ее веселымъ и льстивымъ разговоромъ...

Семья Саватьевыхъ служила въ тѣ дни самымъ вѣрнымъ барометромъ свѣтской атмосферы,—барометромъ, на которомъ для вящшей точности указывала погоду не одна стрѣлка, а цѣ-

лыхъ шесть,—шесть сестеръ, шесть здоровыхъ, бойкихъ, ничѣмъ не смущаемыхъ организмовъ, сызмала налаженныхъ воспитаніемъ пробиваться въ жизни *клиномъ*, какъ нѣкогда македонская фаланга, и добиваться отъ нея сообща unguibus et rostro всѣхъ тѣхъ благъ земныхъ, какія только въ состояніи дать она.

Желчные люди называли ихъ „интригантками", зубоскалы—„снобсами"... Но это были, по-истинѣ, добродушнѣйшіе снобсы и интригантки во всей природѣ. Онѣ и не подозрѣвали, чтобы могли существовать на землѣ люди, способные возмутиться ихъ неустаннымъ искательствомъ, оскорбиться ихъ наивно-агрессивнымъ тщеславіемъ. Онѣ были такъ мягки сердцемъ, такъ любезны обхожденіемъ, такъ доброжелательны ко всѣмъ... Пріѣдетъ къ нимъ близкая кузина изъ провинціи, старосвѣтская деревенская пріятельница,—онѣ и тѣхъ обласкаютъ, „обворожатъ", накормятъ конфектами отъ Балле, зацѣлуютъ въ передней на прощанье... Правда, онѣ эту деревенскую пріятельницу завтра же не узнаютъ въ театрѣ, не поклонятся ей, встрѣтясь носъ съ носомъ на улицѣ. Правда, если въ то время, когда эта ближайшая родня сидитъ у нихъ въ гостиной, вбѣжитъ слуга съ докладомъ громкаго имени изъ *гранжанра*, всѣ сестрицы съ растерянными взглядами, съ проступившими отъ волненія сизыми пятнами на щекахъ, вскинутся разомъ, будто стая вспугнутыхъ перепелицъ, замечутся, заголосятъ и тутъ же съ мѣста увлекутъ родную plebs куда-нибудь подалѣе, „къ нянѣ", въ дѣвичью и оставятъ ее тамъ сидѣть въ недоумѣломъ одиночествѣ до отъѣзда *именитости*... Но вѣдь, согласитесь, какъ же быть иначе? Княгиня Красно-рѣ-цкая, или графиня Бо-ро-динская, и вдругъ оставить сидѣть рядомъ съ нею какую-нибудь дѣвицу Лу-кош-ки-ну! Развѣ это возможно? „Вѣдь кто же носитъ, въ самомъ дѣлѣ, такую непозволительную фамилію!" объясняли онѣ прямо со своимъ голубинымъ простодушіемъ...

Сами по себѣ онѣ не были ни знатны, ни богаты. Папаша ихъ, „умѣренностью и аккуратностью" вышедшій въ люди, пучеглазый и тучный, дѣйствительный тайный совѣтникъ,—ими же, дочерьми, посаженный подписываться „съ большинствомъ"

въ одно изъ высшихъ учрежденій Имперіи, — казалось, говорилъ всѣмъ своимъ недоумѣлымъ обликомъ: „Какъ это я попалъ на такую степень?..“ Мать, маленькая, щедушная и больная, изъ древняго, но захудалаго рода князей Мордовскихъ, проводила половину жизни въ постели и по старой привычкѣ шпыняла мужа его „вульгарною фамиліей“... „Je suis née princesse, et mes filles, grâce à vous, ne sont que des *savattes* *) pour le monde“, колко острила она ему въ глаза по этому поводу... Но это были совершенно неосновательные попреки. Безъ ея *savattes* въ большомъ свѣтѣ кошекъ, какъ говорится, не сѣкли. Чуткія, смѣлыя, одаренныя желѣзнымъ здоровьемъ и неодолимою безусталостью, сестрицы, какъ мыши, пронюхивали и проползали въ каждую норку, какъ пчелы выбирали воскъ и медъ изъ каждаго цвѣтка и несли свою *взятку* въ родной улей... *Савватьевой* оставалась впрочемъ одна, старшая, „la belle Lydie“, пышная и брезгливая бѣлокурая особа, идолъ прочихъ сестеръ, уже осьмой годъ съ появленія своего въ свѣтъ пребывавшая въ дѣвствѣ, такъ какъ по ея понятіямъ „менѣе чѣмъ за 50,000 дохода не стоитъ продавать свою свободу мужчинѣ“;—остальныя были мужнія жены или вдовы. Но, какъ связаны физіологически пальцы на рукѣ, онѣ такъ неразрывно связаны были между собой общностью цѣлей, вкусовъ, уровнемъ духовныхъ своихъ потребностей, что отдѣльные интересы каждой изъ нихъ какъ бы вовсе не находили себѣ мѣста между ними: *личность* поглощалась *племенемъ*... „La tribu des Savatief“ не даромъ называли ихъ въ свѣтѣ... Каждый Божій день слетались онѣ со всѣхъ концовъ Петербурга къ завтраку въ родимое гнѣздо, „къ maman“, и, нашушукавшись вшестеромъ по всѣмъ угламъ дома, разлетались опять по городу исполнять каждая назначенный ей на тотъ день *урокъ* въ общемъ планѣ дѣйствій. Высшая справедливость людская награждала по достоинству это примѣрное семейное согласіе. Юркимъ сестрицамъ какъ бы никто ни въ чемъ, ни въ большомъ, ни въ маломъ, отказать не смѣлъ: ни въ казенной ложѣ, ни въ отдѣльномъ вагонѣ, ни въ круп-

*) Истрепанные башмаки.

номъ мѣстѣ одному изъ ихъ мужей, ни въ наградѣ „не въ примѣръ прочимъ“ другому, ни въ небывалой правительственной ссудѣ третьему изъ этихъ счастливыхъ супруговъ. Онѣ вхожи были во всѣ подъѣзды дворцовъ, интимны во всѣхъ министерскихъ домахъ; неизбѣжныя спутницы всѣхъ солнцъ и звѣздъ данной минуты, онѣ были посвящены въ интимныя свѣтскія тайны, въ тончайшія закулисныя отношенія въ мірѣ властей, знали до мелочи, и *что*, и *какъ*, и *гдѣ*, кто за или *противъ* кого, и на что *ловится* тотъ или другой, и у кого *сила* сегодня, и къ кому должна перейти она завтра,—и сооружали сообразно съ этимъ свои поразительныя по дальновидности и смѣлости комбинаціи...

Это прирожденное имъ свойство извѣстно было всѣмъ и каждому изъ посѣтителей петербургскихъ гостиныхъ. Зачастятъ къ кому-нибудь онѣ, или станутъ усиленно приглашать обѣдать „къ maman“, всѣ ужь и знаютъ: такому-то (или такой-то) *повезло*, или *должно повезти* на дняхъ, и Саватьевы заранѣе закидываютъ удочку въ воды его чаемой удачи...

На первомъ же придворномъ балѣ, на который приглашена была Ольга Елпидифоровна, Нелли Новицкая, одна изъ младшихъ сестеръ, употреблявшаяся обыкновенно на аванпостную службу, просила въ мазуркѣ своего кавалера „назвать ее“ Ранцовой и сказала ей, что она давно „восхищается ею въ оперѣ“, и что она, Ранцова, la femme certainement la mieux mise de Pétersbourg“... За ужиномъ на томъ же балѣ Ольга Елпидифоровна очутилась за однимъ столомъ съ двумя другими изъ сестеръ, баронессой Идой Фитцгеймъ, томною вдовой, носившей въ семействѣ кличку „le camée“, и Зизи Полинарьиной, *весельчакомъ* семьи („le loustic du régiment, какъ называла она себя сама), которая закланялась ей тутъ же, какъ давнишней знакомой, сказала ей въ свою очередь, что у нея „une toilette étourdissante“, а подъ конецъ ужина назвала ее даже „душечкой“.

Вслѣдъ за успѣхомъ нашей барыни на извѣстномъ маскарадномъ вечерѣ пущены были на нее два новые завоевательные корпуса: Дина Палецкая, „l'artiste de la famille“, и *старшая сестра*, дѣва, „la belle Lydie“. Въ резервѣ осталась еще

главная боевая сила, Nanie Базина, рѣшительная особа, отправившая мужа своего за какую-то скверность на Кавказъ, „se faire oublier pour un certain temps“, и сугубо по этому случаю преданная общимъ интересамъ „племени“, слѣпо со своей стороны подчинявшагося ея высшей мудрости. Она должна была лично появиться на полѣ битвы лишь по окончательномъ созрѣніи нѣкоего тончайшаго плана, зародившагося въ ея изобрѣтательной головѣ изъ соображенія о блестящемъ дебютѣ „неизвѣстной до сихъ поръ“ Ранцовой въ высшихъ сферахъ общества и о страсти къ ней такого высоко стоявшаго на общественной лѣстницѣ человѣка, какъ графъ Наташанцевъ, „une passion évidemment bien vue en haut lieu“, разсуждала она...

Остальныя сестры между тѣмъ, согласно установленному плану, вели правильную атаку обычными имъ орудіями „очарованія“. Не проходило уже дня съ упомянутаго вечера, чтобъ Ольгою Елпидифоровною не завладѣла одна изъ нихъ. Она была съ Зини Полинарьиной въ Михайловскомъ театрѣ на бенефисѣ Лемениля, каталась на конькахъ въ Таврическомъ саду съ Нелли Новицкою и Идою Фитцгеймъ, ѣздила верхомъ въ Кавалергадскомъ манежѣ съ „la belle Lydie“, заказала, по рекомендаціи Дины Палецкой, свой портретъ au pastel новоприбывшему Французу-художнику, котораго та „пускала въ моду“... Зизи, Нелли и Ида напросились къ ней сегодня „на устрицы“, безъ которыхъ, „слышали“ онѣ, она-де никогда не завтракаетъ. За этимъ завтракомъ Зизи смѣшила компанію до упаду, представляя въ лицахъ разговоръ изъ какой-то *салонной* комедіи, которую она видѣла на нѣмецкой сценѣ. Она искусственно картавила и слегка заикалась, что прибавляло еще болѣе комизма ея рѣчамъ. Сестры видимо восхищались ея подражательнымъ талантомъ (онѣ самымъ искреннимъ образомъ восхищались вообще другъ другомъ,) и поощряли ее „голосомъ и взоромъ“, обращая вниманіе хозяйки на каждую счастливую подробность этого дароваго представленія.

Ольга Елпидифоровна чувствовала себя въ прелестнѣйшемъ настроеніи духа. Она сама была, какъ говорится, „не промахъ“ и нисколько не обольщалась насчетъ безкорыстія

этой внезапной дружбы къ ней Саватьевыхъ (она знала о о нихъ давно по разсказамъ своихъ „паричковъ“ и завсегдателей). Но онѣ были всѣ такія „bonnes enfants“ въ своихъ пріемахъ, такъ добродушно и сообщительно смѣялись, такъ мило и откровенно разсказывали, что она невольно поддавалась ихъ обаянію и чувствовала себя сама почти готовою вся *распуститься* съ ними въ *милоть* и откровенности...

Завтракъ былъ заказанъ ею своему повару тонкій: тутъ были и устрицы, и примѣры, и начинавшее входить тогда въ моду moselle mousseux... Сестрицы оказывались гастрономками перваго сорта,—а moselle mousseux „обожали“.

— Мы должны непремѣнно выпить *брудершафтъ*, душечка! вскликнула вдругъ Зизи, вскакивая съ мѣста и съ расплескивавшимся бокаломъ подлетая къ хозяйкѣ.

— Quelle folle! поощрительно хохотали ея сестры.

— *Финисъ, монъ фреръ, пуръ доместикъ!* примолвила Нелли, повторяя чей-то будто бы вольный переводъ съ русскаго на французскій языкъ и кивая на прислуживавшихъ за столомъ.

Но Зизи, не обращая на это вниманія и заставивъ невольно подняться смѣющуюся Ранцову, ловко продѣла свою руку съ бокаломъ подъ ея руку и опрокинула себѣ остатки вина въ горло съ совершенно гусарскимъ молодечествомъ.

Ольга Елпидифоровна выпила въ свою очередь. Маленькая Зизи приподнялась на кончикахъ ногъ и чмокнула ее въ самыя губы.

— Мы теперь *на ты*, душечка, et pour la vie! вскликнула она съ комическимъ эмфазомъ, — и чрезъ мигъ прибавила, лукаво подмигнувъ ей, и по-французски:

— Надѣюсь, что *кто-то* не станетъ ревновать тебя ко мнѣ за это?

— Кто этотъ „кто-то?“ спросила, будто не догадываясь, Ранцова.

Всѣ три сестры закивали разомъ головами и снова захохотали:

— Какая лицемѣрка!

— Объ этомъ только и рѣчи à la cour et à la ville, а она одна этого не знаетъ!...

— Mesdames, мы кончили; извините, больше ничего не будетъ, сказала смѣясь Ранцова, норовя прекратить этотъ разговоръ, и встала изъ-за стола.

— Прелестно! Задала намъ Валтасаровъ пиръ и еще извиняется!

— Lucullus dinant chez Lucullus, промолвила Нелли Новицкая, спеціальность которой состояла въ повтореніи всѣхъ подобныхъ ходячихъ въ обществѣ труизмовъ.

Сестры принялись всѣмъ скопомъ обнимать хозяйку, благодаря за „божественный“ завтракъ.

Она перешла съ ними въ гостиную.

Но разговоръ, который она старалась избѣгнуть, поднялся здѣсь еще съ пущимъ азартомъ.

— А что же бѣдный твой гусаръ теперь? точно выстрѣлила вдругъ Зизи Полинарьина. И за этимъ вопросомъ глаза всѣхъ трехъ сестеръ вонзились разомъ въ лицо Ранцовой.

— Какой гусаръ?

— Et le petit Шастуновъ?

Ольга Елпидифоровна только плечами пожала на это.

— Pas de ça, pas de ça! заголосила Зизи;—пожалуйста не отпѣкивайся: я знаю навѣрное, что Irma Thénard дѣлаетъ ему ужаснѣйшія сцены изъ ревности къ тебѣ.

— Je sais mieux que cela, заспѣшила ввернуть Ида:—онъ надѣется, что вы разведетесь съ мужемъ и выйдете за него, онъ говорилъ...

Ранцова насильственно разсмѣялась:

— За него! Я вотъ ему за это уши выдеру...

— За что же, chère? Онъ не виноватъ, что вы его съ ума свели!

— Онъ мальчишка и болѣе ничего!

— Годы тутъ—вздоръ, живо возразила Нелли:—онъ сумасбродъ, а умная жена взяла бы его въ руки и помѣшала бы ему расточить его огромное состояніе. Онъ въ прошломъ году, промолвила она какъ бы мимоходомъ и съ небрежною

усмѣшкой,—очень сталъ было ухаживать за Lydie, нашею сестрой... Она, конечно, elle n'a pas pris cela au sérieux...

Ида томно вздохнула:

— Она такъ хороша, Lydie!... Ей нужно un grand parti,—она родилась большою барыней до кончика ногтей.

Ольга Елпидифоровна насторожила уши: подъ оболочкою этой шуточной, ничего, повидимому, не значащей свѣтской болтовни она тонкимъ чутьемъ своимъ угадывала какой-то опредѣленный замыселъ со стороны сестрицъ.

— Я знаю Базиля Шастунова съ дѣтства, равнодушно уронила она:—умная женщина сдѣлаетъ изъ него всегда все, что̀ захочетъ:—разоритъ, или женитъ на себѣ, на другой... на комъ хотите, чуть-чуть подчеркнула она.

Даже уши побагровѣли у сестеръ отъ внезапнаго возбужденія.

— „Умная женщина"—это *ты?* такъ и впилась въ нее пронзительными глазами Зизи.

— Конечно, конечно, она! восторженно всклинкула тутъ же Ида,—она можетъ все, что̀ захочетъ!...

„Вотъ оно!" сказала себѣ Ранцова: — „тебѣ-молъ онъ теперь оказывается лишнимъ, такъ уступи его намъ... А вотъ посмотримъ, на что̀ сами думаете вы мнѣ быть годными, сестролюбивыя голубки! Вы очень милы, безспорно, но пальца я вамъ зря въ ротъ не положу,—откусите!..."

Но это между тѣмъ очень забавляло ее; она закусила слегка губу, чтобы не разсмѣяться...

Зизи быстрымъ и недовольнымъ взглядомъ глянула на Иду, какъ бы говоря: „умѣрь свой восторгъ!" Она въ свою очередь понимала, что ея новая пріятельница видитъ ихъ игру и что съ нею надо пустить въ ходъ большіе козыри.

— Дина хотѣла быть сюда съ Lydie, и Nanie тоже думала пріѣхать, сказала она, прицуриваясь на большіе Булевскіе часы въ углу гостиной.

— Она вамъ очень понравится, Nanie, я знаю, закивала Ида,—elle est charmante, ma soeur Nanie, замѣчательно умна et irrésistible, когда захочетъ.

— Да, это правда! подтвердила со смѣхомъ Зизи:—ужь

если она такую несносную особу, какъ Toutou Андомскую, умѣла апривуазировать... Ты вѣдь ее знаешь, Toutou? самымъ невиннымъ тономъ спросила она.

— Княгиню Андомскую?... Имѣю нѣкоторое пріятное понятіе о ней, иронически отвѣтила Ольга Елпидифоровна.

— Ну да, ну да, тотчасъ же впадая въ ея тонъ, быстро заговорила Полинарьина:—rogue, intraitable, insolente... Я ея не переношу... Но вообрази же себѣ, что Nanie сдѣлала ее мягкою какъ перчатка и вертитъ ею рѣ-ши-тельно, какъ хочетъ. Она безъ Nanie жить не можетъ.

— Да-а? протянула Ранцова, внимательно глядя на говорившую.—„За уступку Базиля, значитъ, предлагается мнѣ ходатай предъ княгиней Андомской... Не дурно придумано!“ сказала она себѣ мысленно.

— Александра Петровна Палецкая съ сестрицею! раздался въ дверяхъ докладъ слуги.

— А, вотъ онѣ! вскинулись разомъ Зизи и Нелли и побѣжали стремглавъ встрѣчать сестеръ на лѣстницу.

Онѣ, по неизмѣнному своему обычаю, перешушукались тамъ вчетверомъ, насколько было имъ нужно, и вошли всѣ вмѣстѣ, сіяющія, будто вновь отчеканенный золотой.

— Дина интересныя тебѣ вѣсти привезла! крикнула съ порога Зизи хозяйкѣ, вышедшей къ нимъ въ первую комнату.

— Да, да, мы сейчасъ видѣли вашихъ amoureux, и стараго, и молодаго, подтвердила Дина, цѣлуясь съ нею, между тѣмъ какъ величавая Lydie, медленно склонивъ голову въ видѣ поклона и не вынимая рукъ изъ муфты, проходила мимо нея въ гостиную.

— Ma chère, nous la tenons! быстро кинувшись къ ней, шепнула ей на ухо остававшаяся тамъ Ида Фицгеймъ:—черезъ нее можно будетъ все устроить!

Lydie снисходительно улыбнулась, опустилась, не отвѣчая, въ кресло у фортепіано и, все также руки въ муфтѣ, словно вся замерла въ пышныхъ складкахъ своего toilette de visite... Она могла пробывать такъ цѣлые часы, красивая, безмолвная и безучастная.

— Ну, ну, разсказывай, разсказывай! тормошила Дину

Зизи даже визгнула:

— Ахъ, какъ это кстати! Чего лучше случай познакомиться съ нимъ! Пріѣзжай, душка, и ты! затормошила она Ольгу Елпидифоровну.

„Племя“ загалдѣло все еще разъ.

— Да, да, quelle bonne idée!

— Maman будетъ въ восхищеніи!

— C'est une si aimable personne, maman, я васъ предваряю, умильно улыбалась Ида Фицгеймъ, для которой хвалить *родное* было чѣмъ-то въ родѣ болѣзни.

— Такъ въ четвергъ, да?

— Вамъ можно въ четвергъ?

Ольга Елпидифоровна не успѣла отвѣтить.

— Анна Петровна Базина, произнесъ входя слуга.

Всѣ сестры, кромѣ Lydie, повскакали съ мѣстъ:

— Nanie, Nanie! Проси!... Не правда-ли, просить? защебетали онѣ въ одинъ голосъ, словно воробьи на крышѣ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Конечно! Что же ты не сказалъ, что я принимаю? поспѣшно молвила та.

— Имъ доложено-съ, объяснилъ слуга:—онѣ изволятъ въ каретѣ сидѣть и приказали сказать-съ, что очень извиняются, никакъ не могутъ выйти, а просятъ къ себѣ одну изъ сестрицъ ихнихъ сойтить къ нимъ, потому, онѣ говорятъ, очень нужно-съ.

Мгновеннымъ перекрестнымъ огнемъ засверкали глаза сестеръ; недоумѣніе, любопытство, испугъ сказались въ этихъ обмѣненныхъ ими взглядахъ. Сама невозмутимая Lydie вынула одну изъ своихъ рукъ изъ муфты и обдернула ею нервнымъ движеніемъ свою бархатную мантилью.

Ранцова замѣтила все это:

— Со стороны madame votre soeur очень не любезно лишать меня удовольствія познакомиться съ нею, сказала она, насколько могла, учтивымъ тономъ, но изъ-за котораго весьма ясно для сестеръ просвѣчивала досада.

— Ахъ нѣтъ, chère, напротивъ, вскликнула Зизи: — ей очень хотѣлось, но, видно, она никакъ теперь не можетъ...

Зизи Полинарьина, когда всѣ онѣ разсѣлись кругомъ хозяйки въ гостиной.

— Мы съ Lydie, начала та,—сейчасъ отъ monsieur Durand, который долженъ начать портретъ ея, Lydie, послѣ вашего,— и застали тамъ Nanie и Toutou Андомскую...

„Ты слышишь?“ сказали разомъ обратившіеся вслѣдъ за этимъ именемъ на Ольгу Елпидифоровну глаза Иды, Нелли и Зизи.

— Онѣ были у Татьяны Борисовны и заѣхали en passant (Татьяна Борисовна была очень почтенная и извѣстная своею набожностью особа, весьма уважаемая и, какъ утверждали, даже вліятельная въ высшихъ сферахъ). А Durand сидитъ за вашимъ портретомъ. Прелесть, ma chère! Vous êtes adorable, просто, и главное — живая!... И вотъ, только-что мы успѣли сказать ему нѣсколько словъ, дверь отворяется, и входитъ le petit Шастуновъ, гусаръ... И очень сконфузился, увидѣвъ насъ. Потому что, надо вамъ сказать, онъ прошлою зимой началъ очень ухаживать за Lydie и потомъ вдругъ увлекся вами... И онъ, разумѣется, пришелъ теперь pour admirer votre portraiture, острила разскащица,—какъ вдругъ grand coup de théâtre: входитъ самъ графъ Леонидъ Александровичъ Натанцевъ!...

Всѣ сестры загалдѣли разомъ:

— О—о! Браво!

— Какая прелесть!

— Ахъ, какъ досадно, что я тамъ не была! вскликнула Зизи, — я обожаю эти драматическія минуты! Ну, что же Toutou?

Ольга Елпидифоровна зорко взглянула на Палецкую:

— Я отсюда вижу, сказала она съ дѣланною веселостью,— съ какимъ лицомъ она глядѣла на мой портретъ и какія злости говорила она на мой счетъ по этому случаю!

— Ахъ нѣтъ, право нѣтъ! Ничего рѣшительно!

— Ну, говори, говори правду! обратилась къ сестрѣ нежданно Зизи:—*Ольга* насъ не выдастъ, а ей нужно знать à quoi s'en tenir съ Toutou.

Дина нѣсколько недоумѣло поглядѣла на нее, на осталь-

ныхъ сестеръ. Всѣ онѣ разомъ закивали поощрительно подбородками своими.

— Если такъ, — то вотъ что было. Надо вамъ сказать, что когда онъ вошелъ, графъ, у него было очень невеселое лицо...

— Да? вырвалось тревожно у Ольги Елцидифоровны.

— Да... Онъ вѣрно дурно спалъ, или не такъ здоровъ; онъ показался мнѣ блѣднымъ очень и будто разстроеннымъ... И потомъ видно было, что онъ никакъ не ожидалъ видѣть тутъ дочь... а, можетъ-быть, и Шастунова, и что ему это было не пріятно... Но какъ только онъ сталъ предъ вашимъ портретомъ, une vraie métamorphose сдѣлалась съ нимъ. Глаза заблестѣли, все лицо его точно заиграло отъ радости. А Toutou тутъ и пустила свою иголку. „Une charmante *fantaisie* de monsieur Durand", говоритъ она ему... Какъ онъ взглянулъ на нее, если бы вы видѣли! Quelle indignation dans ses traits! Онъ даже не отвѣтилъ ей, а обернулся къ Durand и говоритъ ему: „C'est toute la poésie de la personne réelle, un double chef d'oeuvre de la nature et de l'art; je vous en félicite, monsieur!" И крѣпко, крѣпко пожалъ ему руку и сейчасъ же потомъ ушелъ, даже не взглянувъ на Toutou и поклонившись всѣмъ намъ вообще...

— Браво! едва далъ сестрѣ кончить, вскликнула Зизи, кидаясь къ Ранцовой:—и ты послѣ этого осмѣлишься сказать, что этотъ человѣкъ не влюбленъ въ тебя безумно и не готовъ на все, чтобы доказать тебѣ это?... Mais je l'adore pour cela, ce cher comte!

— Да, да! заголосили остальныя сестры со всѣхъ своихъ мѣстъ,—il est charmant!

— Молодые такъ не умѣютъ любить! Никогда!...

Зизи, прилегши на диванъ, на которомъ сидѣла хозяйка, охватила ея шею рукою и закартавила шутливымъ шопотомъ:

— Ты будешь *графиня* Наташанцева, душечка, и очень *скоо*, я тебѣ *напеёдъ говою*.

— А гусара женѝте на нашей Lydie, принимая глупенькій видъ (она на этой струнѣ играла), отпустила ей на ухо,

но слышно чуть не на всю комнату, Ида Фицгеймъ, сидѣвшая рядомъ съ нею по другой сторонѣ.

Lydie, до которой долетѣли эти слова, обернула къ ней голову:

— Quelle bêtise, Ida! величественно уронила она.

Зизи махнула въ свою очередь рукою Идѣ, какъ бы тоже говоря: „перестань со своими глупостями!“ И обратилась снова и тѣмъ же шопотомъ къ Ранцовой:

— Скажи мнѣ откровенно, спросила она: — où en est l'affaire de ton разводъ?

Какъ ни была увлечена невольно Ольга Елпидифоровна всѣмъ этимъ гамомъ, веселостью и ласками, но этотъ вопросъ à brûle-pourpoint значительно смутилъ ее:

— Ахъ, право, я ничего не знаю! со внезапно выступившимъ на лицѣ румянцемъ громко вырвалось у нея.

— И я ничего не знаю, вмѣшалась, продолжая наивничать, Ида, — но если вамъ нуженъ Далматовъ, таинственно пропустила она, называя тогдашняго синодскаго оберъ-прокурора, — то знайте que nous l'avons en poche; онъ родня и лучшій другъ мужа Нелли... Вы его знаете, Далматова?

— Нѣтъ, онъ у меня не бываетъ, уже нарочно слышнымъ голосомъ произнесла Ранцова, которой начинали очень досаждать эти таинственности и вмѣшательство въ ея дѣла, хотя добродушный, веселый, какъ бы вѣтреный тонъ, сопровождавшій ихъ, отымалъ у нихъ въ дѣйствительномъ обмѣнѣ рѣчей всю ту вѣскость, которую они въ нашей передачѣ пріобрѣтаютъ, можетъ быть, въ глазахъ читателя. Саватьевы сестрицы были по преимуществу свѣтскія особы: онѣ отлично умѣли держать себя на той грани, съ которой, въ *случаѣ чего*, можно тотчасъ же все обратить въ шутку и обсмѣять еще при этомъ того, кто вздумалъ бы принимать въ *серьезъ* это все...

— Нелли, кликнула Ида, — давно ты не видѣла друга твоего Далматова?

— Онъ былъ у меня вчера послѣ комитета министровъ.

— А опять увидишь когда?

— *Я его* пригласила въ четвергъ обѣдать къ maman...

Зизи даже визгнула:

— Ахъ, какъ это кстати! Чего лучше случай познакомиться съ нимъ! Пріѣзжай, душка, и ты! затормошила она Ольгу Елпидифоровну.

„Племя“ загалдѣло все еще разъ.

— Да, да, quelle bonne idée!

— Maman будетъ въ восхищеніи!

— C'est une si aimable personne, maman, я васъ предваряю, умильно улыбалась Ида Фицгеймъ, для которой хвалить *родное* было чѣмъ-то въ родѣ болѣзни.

— Такъ въ четвергъ, да?

— Вамъ можно въ четвергъ?

Ольга Елпидифоровна не успѣла отвѣтить.

— Анна Петровна Базина, произнесъ входя слуга.

Всѣ сестры, кромѣ Lydie, повскакали съ мѣстъ:

— Nanie, Nanie! Проси!... Не правда-ли, просить? защебетали онѣ въ одинъ голосъ, словно воробьи на крышѣ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Конечно! Что же ты не сказалъ, что я принимаю? поспѣшно молвила та.

— Имъ доложено-съ, объяснилъ слуга:—онѣ изволятъ въ каретѣ сидѣть и приказали сказать-съ, что очень извиняются, никакъ не могутъ выйти, а просятъ къ себѣ одну изъ сестрицъ ихнихъ сойтить къ нимъ, потому, онѣ говорятъ, очень нужно-съ.

Мгновеннымъ перекрестнымъ огнемъ засверкали глаза сестеръ; недоумѣніе, любопытство, испугъ сказались въ этихъ обмѣненныхъ ими взглядахъ. Сама невозмутимая Lydie вынула одну изъ своихъ рукъ изъ муфты и обдернула ею нервнымъ движеніемъ свою бархатную мантилью.

Ранцова замѣтила все это:

— Со стороны madame votre soeur очень не любезно лишать меня удовольствія познакомиться съ нею, сказала она, насколько могла, учтивымъ тономъ, но изъ-за котораго весьма ясно для сестеръ просвѣчивала досада.

— Ахъ нѣтъ, chère, напротивъ, вскликнула Зизи: — ей очень хотѣлось, но, видно, она никакъ теперь не можетъ...

Она вѣрно куда-нибудь спѣшитъ, куда ей очень, очень нужно, и хочетъ намъ только передать... Я сейчасъ спущусь къ ней, узнаю...

— И я съ тобой, залепетала Нелли. — Nanie вѣрно что-нибудь очень, очень нужно намъ сказать, повторила она хозяйкѣ слова сестры, но уже чуть не плачущимъ голосомъ.

И обѣ онѣ стремглавъ вылетѣли изъ гостиной, сбѣжали съ лѣстницы и наткнулись внизу на сестру Nanie, которая со своей стороны отъ великаго нетерпѣнія и съ покраснѣвшимъ не столько отъ холода, сколько отъ волненія, вострымъ носикомъ выскочила изъ своей кареты и вбѣжала въ сѣни— „скорѣе, скорѣе сообщить *aux soeurs* нужное“...

— Вамъ нечего тутъ болѣе дѣлать, стремительно зашептала она сразу, забившись съ ними въ темный уголъ сѣней:— le mariage ne se fera pas, или, если *онъ* сдѣлаетъ глупость, заупрямится, sa position est perdue...

— Да что такое, что ты узнала, Nanie? допрашивали онѣ лихорадочно въ свою очередь.

— *Le vieux* былъ вчера во дворцѣ... Былъ разговоръ, и ему дали понять, что, если онъ женится, *ее* не будутъ принимать...

— Ah, mon Dieu!... Но къ ней были такъ милы на тѣхъ двухъ балахъ?...

— Все перемѣнилось. Пока думали, что съ его стороны это было только такъ, une flirtation, on en a ri, и ее допускали pour lui faire plaisir. Но разъ онъ вздумалъ жениться на ней et l'imposer двору и свѣту... она уже болѣе не получитъ ни одного приглашенія, это *сказано*... И вамъ надо скорѣе уѣхать... Очень не осторожно, что вы всѣ тутъ у нея собрались... Surtout Lydie, une jeune fille... Съ нею нельзя теперь оставаться знакомою...

— А егермейстерство для Динина мужа? воскликнула растерянно Нелли:—ты думала вѣдь это устроить чрезъ *ея* вліяніе sur le vieux...

— Et le mariage de Lydie? добавила Зизи.

— Le vieux ничего не можетъ въ эту минуту, il s'est compromis съ этою глупою страстью, все также ужасно то-

ропясь и едва переводя духъ отъ волненія, возражала на это великая политиканша Nanie:— quant à Lydie, вы понимаете, *эта* ни за что теперь не захочетъ выпустить Шастунова изъ рукъ; она его непремѣнно будетъ держать въ запасѣ, на случай, если le vieux не рѣшится пожертвовать ей своимъ положеніемъ...

— Такъ, значитъ, для Lydie кончено?

— Совсѣмъ, совсѣмъ нѣтъ, пылая побѣдно глазами, вскликнула Базина:—совсѣмъ не кончено, но надо другимъ путемъ... Я сейчасъ у Татьяны Борисовны познакомилась avec la mère de Шастуновъ,—она изъ Москвы пріѣхала,—une femme horriblement sotte, съ которою можно будетъ все сдѣлать. Я ее завтра везу знакомиться съ maman...

— Ахъ, какая ты умница, Nanie! такъ и вырвалось у Нелли и Зизи вслѣдъ за этимъ новымъ доказательствомъ находчивости и ловкости ихъ сестры-руководительницы; — такъ мы сейчасъ дадимъ понять aux soeurs и уѣдемъ всѣ...

— Да, и скажите Lydie, что я везу ее вечеромъ въ оперу, — у меня генералъ-губернаторская ложа; кто хочетъ изъ васъ, пріѣзжай... Et qu'elle fasse une toilette à effet. Эта дура Шастунова тамъ будетъ, я знаю; ее можно будетъ пригласить въ ложу, такъ чтобъ она видѣла Lydie dans tout son avantage... А Динѣ передайте, что насчетъ егермейстерства у меня другая комбинація,—я сейчасъ ѣду для этого...

И, не договоривъ, она повернулась на каблукахъ, побѣжала,—выѣздной ея едва поспѣвалъ за нею,—вскочила въ карету и покатила приводить въ дѣйствіе свою новую „комбинацію“...

Все это шушуканье въ сѣняхъ продолжалось не болѣе пяти минутъ; но время, употребленное на это, показалось вѣчностью оставшимся сидѣть въ гостиной троимъ или шести представительницамъ счастливаго „племени Саватьевыхъ“. Онѣ сидѣли какъ на иголкахъ, сгарая нетерпѣніемъ и тревогою, не находя двухъ словъ въ отвѣтъ на рѣчи хозяйки, старавшейся, какъ предписывала ей обязанность, „поддерживать разговоръ“ со своими гостьями.

Но вотъ въ дверяхъ показались, „наконецъ“, Нелли и

Зизи... Сестры такъ привыкли читать въ чертахъ другъ друга, что по первому лишь взгляду на вошедшихъ поняли, что произошло нѣчто еще имъ невѣдомое, но требующее немедленной перемѣны фронта. Сообразно съ этимъ мгновенно измѣнился весь ихъ обликъ: онѣ разомъ, какъ по командѣ, подобрались всѣ, поджались, словно закисли. Съ устъ сбѣжала самая тѣнь улыбки; холоднымъ и тусклымъ блескомъ стали подернулись глаза, за нѣсколько лишь мгновеній предъ тѣмъ искристо и искательно обращавшіеся на Ольгу Елпидифоровну...

— Nanie очень извиняется, проговорила, подходя къ ней, Нелли Новицкая,—у нея очень нужное дѣло... и она никакъ, никакъ не могла зайти... И намъ также очень нужно, permettez nous de vous dire adieu, madame...

Это былъ точно знакъ дирижерской палочки. Всѣ сестры вспорхнули съ мѣстъ...

— Куда же это такъ скоро? молвила учтиво-спокойно Ранцова, невольно волнуясь въ то же время внутренно тѣмъ чѣмъ-то недобрымъ, что̀ угадывала она за этою, слишкомъ ясною для нея, перемѣною обращенія.

Но выходило, что у каждой изъ сестрицъ имѣлся какой-либо настоятельнѣйшій поводъ уѣхать сейчасъ же:

— Мнѣ очень жаль, но я принуждена... Я обѣщала мужу быть дома ровно въ два, а теперь почти четыре, увѣряла одна.

— Поздно, мнѣ предстоитъ еще цѣлые четыре визита, говорила другая,—и между прочимъ chez une amie malade.

— Намъ надо съ Lydie къ madame Andrieux, томно вздохнула Ида Фицгеймъ, жалостливо при семъ взглянувъ на Ранцову (она въ семьѣ имѣла спеціальностью „безконечную доброту“).

— Мы здѣсь и такъ съ утра; не надо навязываться ближнему своему до одуренія! съ холоднымъ смѣхомъ отпустила Зизи Полинарьина, забывая и „божественный“ завтракъ съ устрицами, и „брудершафтъ“, который пила съ этою „душкою“, и чувствуя болѣе всѣхъ остальныхъ потребность скорѣе, скорѣе отряхнуть свои ботинки отъ праха ея гостиной, *оказывавшейся* теперь опальною.

— Очень жаль, принужденно улыбнулась Ранцова, вставая проводить ихъ.— До свиданія, значитъ? примолвила она, вспоминая ихъ приглашеніе на обѣдъ къ maman Саватьевой:— въ четвергъ вы сказали, кажется?

Сестры переглянулись со страшнымъ перепугомъ,—онѣ и забыли объ этомъ приглашеніи!... Прошло нѣсколько секундъ растеряннаго молчанія...

Первая нашлась Зизи, болѣе всѣхъ, послѣ отважной Nanie, владѣвшая Саватьевскою способностью выкидывать за бортъ все, въ чемъ въ данную минуту не оказывалось болѣе нужды интересамъ „племени“:

— Да, конечно, въ четвергъ, залепетала она,—maman будетъ очень рада... Впрочемъ она, бѣдная, очень часто у насъ хвораетъ, и съ нею никогда нельзя быть увѣреннымъ... Я лучше всего спрошу ее завтра и тогда напишу вамъ уже навѣрное pour quel jour... И тутъ же, быстро перемѣняя разговоръ:—Дина, возьми меня въ сани; Нелли поѣдетъ въ своей каретѣ... Partons, partons!...

И всѣ онѣ, словно гонимыя вѣтромъ, не глядя въ лицо хозяйки („la belle Lydie“ какъ вошла, такъ и ушла, не вынимая рукъ изъ муфты), и, торопливо притронувшись кончиками пальцевъ ея похолодѣвшей руки, вылетѣли за двери съ порывистостью стаи утокъ, вспугнутой нежданнымъ охотникомъ.

X.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
И меланхоліи печать была на немъ.
Жуковскій.

Unseemly woman in a seeming man.
Shakespeare. *Romeo and Juliet.*

Che ti fa ciò che quivi si pispiglia?
Vien dietro a me e lascia dir le gente.
Dante. *Purgatoria.*

Ольга Елпидифоровна осталась одна, смущенная еще болѣе, чѣмъ обиженная. Надо было дѣйствительно случиться чему-нибудь особенно „невыгодному“ для нея, проносилось у нея въ головѣ, чтобъ объяснить оскорбительную „безцеремонность“, которая явствовала для нея изъ образа дѣйствій съ нею Саватьевыхъ... Она достаточно наслышалась о нихъ, достаточно могла вывести о нихъ заключеній и изъ собственныхъ своихъ недолгихъ сношеній съ ними: она знала, что рабство предъ успѣхомъ входило въ самую сущность ихъ организма, составляло эсбукетъ всей ихъ raison d'être. Но именно это, извѣстное ей, отличительное качество ихъ давало ей мѣру того ея успѣха, предъ которымъ почитали онѣ своимъ долгомъ раболѣпствовать все это время... И вдругъ все разомъ, разомъ обрывается... Пріѣзжаетъ эта Nanie, „la grande cheville семьи,“—Ранцова это знала,—сама не входитъ, вызываетъ сестеръ... И затѣмъ — крахъ! все измѣняется, онѣ становятся не приличны: пригласили ее обѣдать къ матери, а теперь не нужно... Эта „парикмахерская кукла“, Lydie, ушла, даже не *по*давъ ей руки... Дѣло ясно. Nanie привезла вѣсть о чемъ-то

несомнѣнно грозящемъ ей, ея только что завоеванному положенію въ свѣтѣ, ея ближайшимъ „планамъ“... Но что̀ именно? *Они* теперь испуганно убѣжали отъ нея, „точно отъ зачумленной“, говорила себѣ, поочередно блѣднѣя и краснѣя, Ольга Елпидифоровна, „а за пять минутъ передъ этимъ чуть мнѣ руки не цѣловали. О, отвратительныя существа!...“

Волненіе ея росло съ каждымъ новымъ мгновеніемъ: ей вспоминались слова „этой Дины“ о томъ „разстроенномъ видѣ“, какой замѣтила та у *него* въ мастерской Durand. *Онъ*, такой свѣтскій, умѣющій сдерживать себя человѣкъ; произошло что-то „въ самомъ дѣлѣ ужасное“, если это отразилось на его наружности, если онъ далъ другимъ читать въ его чертахъ... Это что-то, оно несомнѣнно въ связи со внезапнымъ бѣгствомъ Саватьевыхъ, съ тѣмъ, что̀ привезла имъ „эта скверная *Нанька*“ (красивая барыня, не смотря на свое десятилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ, никогда не могла разучиться объясняться сама съ собою по-уѣздному). Но *что̀* именно, что̀!... И это вдругъ теперь,—теперь, когда, казалось ей, уже все достигнуто. У нея начинало двоиться въ глазахъ...

Не громкіе и не торопливые шаги донеслись до нея изъ первой комнаты.

— Это онъ, онъ!... Она вскинулась съ мѣста, побѣжала, увидѣла Наташанцева и, съ простертыми къ нему руками, съ истерически-спиравшимся дыханіемъ въ горлѣ, кинулась къ нему на грудь:

— Au nom du ciel, qu'est-ce qui arrive?

Онъ ужасно встревожился, обнялъ ее, повелъ, повлекъ обратно въ гостиную, опустилъ на диванъ, выбѣжалъ въ ея спальню, вынесъ оттуда графинъ съ водою и стаканъ, налилъ и поднесъ къ ея губамъ...

Она глотнула, перевела духъ и любовно глянула ему въ лицо.

Если бы на душѣ его было и во сто разъ болѣе муки, чѣмъ насколько испытывалъ онъ ее теперь, она бы мгновенно исчезла предъ этимъ неотразимымъ для него взглядомъ.

Онъ опустился предъ нею на колѣни, ухватилъ ея обѣ руки въ свои:

— Ангелъ мой, зашепталъ онъ ласкательнымъ и дрожащимъ шопотомъ, — что съ вами, изъ чего этотъ перепугъ, что значитъ вашъ вопросъ?

Она улыбнулась черезъ силу:

— Глупости!... Мнѣ сказали сейчасъ, что васъ видѣли у Durand передъ моимъ портретомъ и что вы казались разстроеннымъ, больнымъ... Мнѣ стало страшно! Но вы тутъ, вы все тотъ же, вы... *ты*, проговорила она ему на ухо, роняя ему руку на плечо:—ты любишь меня по-прежнему?..

— О-о! могъ только пролепетать онъ.—Люблю-ли!...

Она поднесла руку къ его лбу, опрокинула ему нѣсколько голову назадъ и пытливо наклонилась глазами къ его глазамъ:

— А все же это правда: что-то съ вами было, лицо у васъ не то!.. Что было, говорите!

Онъ не зналъ, какъ отвѣтить, что сказать; подъ лучами этихъ глазъ онъ не находилъ словъ. Онъ, выражаясь извѣстнымъ стихомъ Мицкевича, готовъ былъ, замирая въ безмолвномъ блаженствѣ, лишь глядѣть въ эти глаза „до скончанія и по скончаніи свѣта“...

Она это знала; она отвѣчала ему чувствомъ глубокой и нѣжной признательности... какимъ-то облагораживавшимъ ее въ собственномъ ея сознаніи чувствомъ, которое лелѣяла она въ себѣ, какъ лучшій цвѣтъ своей души... Ну да, и она любила несомнѣнно, преданно, горячо... Но теперь не до нѣжностей...

— Послушайте, cher, сказала она,—я вамъ разскажу нѣчто... очень забавное въ сущности, но изъ чего я не могла не заключить, что *намъ*—я не отдѣляю себя теперь отъ васъ,—грозитъ откуда-то и чѣмъ-то... Да встаньте! прерывая себя, сказала она ему полунетерпѣливо, полуласково,—вы меня не слушаете...

Онъ поднялся съ колѣнъ, сѣлъ подлѣ нея, не выпуская рукъ ея изъ своихъ...

Ранцова передала ему эпизодъ съ Саватьевыми; начала

она, насколько могла, спокойно, но негодованіе ея росло по мѣрѣ того, какъ она говорила; чувство оскорбленія брало теперь верхъ надъ боязливымъ недоумѣніемъ первой минуты.

— Такъ вѣдь не поступаютъ съ горничною! воскликнула она съ гнѣвнымъ пламенемъ въ зрачкахъ:—вѣдь онѣ не посмѣли бы, если бы чего-нибудь не узнали!.. Онѣ все это время заискивали во мнѣ неслыханно, и я очень хорошо понимала, что это въ виду васъ... Одна изъ нихъ прямо меня спросила даже, когда... Ольга Елпидифоровна остановилась, какъ бы затрудняясь въ выраженіи того, что̀ хотѣла сказать,—когда у насъ съ вами... все будетъ кончено, словно проглотила она,—и всѣ онѣ выражали мнѣ полное сочувствіе *этому*... И вдругъ эта перемѣна du tout au tout... Вѣдь эта штука съ приглашеніемъ обѣдать у ихъ матери, а потомъ отказъ, — c'est donc ignoble, и если онѣ такъ поступили, то, ясно, потому, что имъ нѣтъ болѣе нужды во мнѣ, а слѣдовательно и въ васъ!

— А слѣдовательно во мнѣ! повторилъ Наташанцевъ съ невеселою противъ его воли усмѣшкою.

Она быстро взглянула на него и вскрикнула перепуганно опять:

— Qu'est-ce qu'il y a?.. Ваша дочь... Она уже не сомнѣвалась, что бѣда нагрянула и что бѣда идетъ отъ княгини Андомской;—говорите, что̀ случилось?

Онъ всталъ съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, нервно потирая руки и судорожно жмуря вѣки:

— Je suis bien malheureux: мнѣ дѣти, дочь въ особенности,—враги! Она отравляетъ мнѣ жизнь своею желчью, своимъ колючимъ характеромъ... Не знаю ужь, право, въ кого она! Я никогда не былъ золъ, мать ея тоже. А она... Elle est fière, comme un Artaban, властолюбива, безпощадна и упорна, какъ финляндская скала какая-то!.. Съ ней никакой компромиссъ не возможенъ, она никого въ жизни не любила и не любитъ, дѣтей у нея нѣтъ, вся жизнь ея проходитъ въ неустанномъ кипяченіи надменности и злости...

— Вы узнали о чемъ-то новомъ? перебила его съ нетерпѣніемъ Ольга Елпидифоровна.

— Она кричитъ, всѣмъ жалуется, интригуетъ, сорвалось у него неудержимо съ языка.

Ранцова сразу поняла, что это относилось къ высшимъ сферамъ, что „жалобы“ княгини Андомской „дошли туда“ и что объ этомъ передано было, быть можетъ, даже „говорено“ ея отцу. „Онъ не сталъ бы самъ жаловаться теперь, онъ *пренебрегъ* бы, если бы дѣло шло о простыхъ смертныхъ“, основательно разсуждала умная барыня.

— Et on vous en a parlé? быстро спросила она, прямо ставя, какъ говорится, вопросъ ребромъ.

Онъ смутился, повелъ на нее унылымъ взглядомъ... И тутъ же, какъ бы внезапно испугавшись прочесть въ лицѣ ея упрекъ въ малодушіи, быстро пріосанился, опустился на прежнее мѣсто подлѣ нея и завладѣлъ опять обѣими ея руками:

— Chère ange, заговорилъ онъ, видимо настроивая себя на тонъ совершенно спокойнаго отношенія къ тому, что имѣлъ сказать ей, — j'ai été un fidèle serviteur de mes maîtres pendant trente ans, они не могутъ сомнѣваться въ моей преданности... Но я никому, никому, повторилъ онъ усиленно, съ явнымъ намѣреніемъ утишить ея тревогу, — не пожертвую моею любовью къ вамъ!

Ольга Елпидифоровна слегка поблѣднѣла:

— Меня *тамъ* не хотятъ? вскликнула она съ потускнѣвшими глазами.

Онъ отвѣчалъ не сейчасъ,— ему было такъ тяжело говорить съ ней объ этомъ...

— Не вините *ихъ! Она* (онъ разумѣлъ дочь,) подняла на ноги всѣхъ нашихъ святошъ (tout le clan de nos dévotes). Пошелъ вой, un clabaudage de tous les diables!...

Ранцова закивала головой:

— Эта Базина пріѣхала сюда за сестрами отъ Татьяны Борисовны: теперь все объясняется!... Она узнала тамъ то, что... изъ деликатности... вы не хотите мнѣ передать, не такъ ли?... Но вы можете говорить, я не оскорблюсь...

Наташанцевъ пожалъ судорожно плечами, тревожно въ то *же время* слѣдя за каждымъ движеніемъ ея лица. Въ его соб-

ственныхъ, изящныхъ чертахъ сказывалось безконечно-мучительное чувство:

— Оскорбленъ всѣмъ этимъ могу быть только я. Я полагалъ, что заслужилъ достаточно уваженія всею моею жизнью, чтобы та, которая дѣлаетъ мнѣ честь принять мою руку (accepter ma main), чтобы моя избранная, моя будущая жена, пользовалась въ этомъ качествѣ всѣми тѣми преимуществами, на какія должно дать ей право мое положеніе... Разъ же этотъ предметъ можетъ кому-либо представляться маломальски спорнымъ, — bien vôtre serviteur, je m'en vas! проговорилъ онъ сразу, не останавливаясь:—между положеніемъ моимъ и сердцемъ выборъ у меня давно рѣшенъ!...

Ольга Елпидифоровна неотступно глядѣла на него... Слова его глубоко западали ей въ душу. Она видѣла его насквозь, она понимала: бо́льшаго доказательства безграничной любви не могъ бы дать ей ни единый человѣкъ въ мірѣ... Вѣдь это былъ стараго закала, страстный и *убѣжденный*, царедворецъ, пріявшій въ плоть и кровь свою весь экстрактъ, всю *суть* тѣхъ исключительныхъ сферъ, въ которыхъ прошла и которымъ посвящена была цѣлая жизнь его. Онъ съ самаго дѣтства не дышалъ инымъ воздухомъ, не разумѣлъ иной атмосферы. И то, что́ онъ намѣренъ былъ сдѣлать теперь, онъ дѣлалъ сознательно, зная, чего это должно будетъ ему стоить, теряясь мыслью оторвать себя отъ того, что́ до сихъ поръ составляло какъ бы условіе sine qua non его существованія... „Онъ безъ *нихъ* исчахнетъ и понимаетъ это“, говорила себѣ она, — „онъ мягокъ и слабонервенъ какъ женщина, страдаетъ и мыслью отойти отъ нихъ, и тѣмъ, что они могутъ почесть его неблагодарнымъ... болѣе же всего боязнью, что его *забудутъ*, что прежнее не вернется для него никогда... И всѣмъ этимъ дорогимъ, завѣтнымъ, потребнымъ ему какъ хлѣбъ насущный, онъ приноситъ въ жертву изъ-за меня и мнѣ, мнѣ одной“!..

И со свойственною ей впечатлительностью и порывистостью ощущеній она закинула ему обѣ руки за голову, припала къ его плечу и расплакалась:

— О милый, милый, лепетала она сквозь свои нервныя слезы,—comment vous payer pour tant d'amour!...

Онъ прижалъ ее къ себѣ, покрывая поцѣлуями ея роскошные и пахучіе волосы съ гораздо болѣе отеческою въ эту минуту, чѣмъ страстною нѣжностью:

— Знать, что вы счастливы, вотъ лучшая для меня уплата! произнесъ онъ съ безсознательнымъ эмфазомъ, свойственнымъ французской рѣчи, на которой велся ихъ разговоръ... — А развѣ для этого непремѣнно нуженъ Петербургъ? добавилъ онъ какимъ-то уже робкимъ и заискивающимъ шопотомъ, заглядывая въ ея влажные глаза;—скажите мнѣ, мой ангелъ, станете-ли вы очень жалѣть о нашей хладной столицѣ (notre froide capitale) подъ свѣтлымъ небомъ Италіи, напримѣръ?

— А вы? быстро переставила она вопросъ.

— Съ вами необитаемый островъ покажется мнѣ земнымъ раемъ, воскликнулъ онъ.

— Une île sur la Seine, уже звонко засмѣялась красивая женщина,—le Paris de la Cité? *).

И съ этимъ именемъ въ ея подвижномъ воображеніи предстали всѣ еще такъ недавно извѣданныя ею чары Парижа,—беззавѣтнаго, разнузданнаго, неотразимо увлекающаго въ свой бѣшеный водоворотъ Парижа Второй Имперіи, гдѣ жизнь—одинъ непрерывающійся пиръ, день—одно нескончаемое похмѣлье: утра „au bois“ **), гдѣ ея красота, ея „beauté éminemment slave“ и роскошные туалеты привлекали взоры *спортсмэновъ*, кокотокъ и „mondaines“ изо всѣхъ концовъ міра, Лукулловскіе обѣды у французскихъ сановникокъ, „premières“ ***) въ *Bouffes* или *Gymnase*, вечера у princesse Mathilde, княгиня Меттернихъ, нѣжно-скабрезныя шансонетки Гюстава Надо, приглашенія въ Compiègne, герцогъ Морни, дебюты Оффенбаха, вечернія „conférences“ ****) католической знаменитости въ церкви Saint-Sulpice, многолюдныя и занимательныя, какъ раутъ, ужины „en partie fine“ въ *Maison Dorée* или *Café anglais* съ веселыми соотечествен-

*) Старый Парижъ, la Cité, построенъ, какъ извѣстно, на островѣ Сены.

**) Булонскій лѣсъ, извѣстное мѣсто прогулки моднаго Парижа.

***) Первыя представленія.

****) *Проповѣдь.*

ницами и высокопоставленными русскими „друзьями“ en vacance... И всѣмъ этимъ ей будетъ дано насладиться опять,— съ тою только разницей, что на карточкахъ ея будетъ значиться подъ графскою короной извѣстное во всей Европѣ аристократическое русское имя, что рука ея будетъ опираться на руку человѣка, положеніе и состояніе котораго поставятъ ее на равную ногу со всѣми именитостями вселенной... А тамъ, вздумается ей, „чрезъ годъ, чрезъ два“, вернуться съ нимъ на берега Невы, „все будетъ давно сглажено и позабыто“, всѣ нынѣшія предубѣжденія смолкнутъ „предъ fait accompli“, — и графиня Ольга Елпидифоровна Наташанцева, какъ ни интригуй потомъ „ея belle-fille Toutou, займетъ при дворѣ и въ свѣтѣ то имѣющее принадлежать ей по праву мѣсто, которое осмѣливаются теперь оспаривать ей...

Она теперь была почти рада тому, что̀ за нѣсколько мгновеній предъ этимъ представилось ей разгромомъ всѣхъ ея надеждъ и плановъ будущаго. Оказывалось „все къ лучшему“, какъ у Вольтеровскаго *Кандида*. „*Подвохи* дочери дали *ему* только случай доказать мнѣ на дѣлѣ, что онъ *мой*, безвозвратно и безраздѣльно *мой*... Что̀ взяла, злючка, оборванная кошка?“ говорила себѣ она мысленно по адресу княгини Андомской, торжествуя въ душѣ свою побѣду надъ нею, — и словно разцвѣтшая всѣмъ красивымъ обликомъ своимъ подъ восхищенными взглядами своего собесѣдника.

— Paris, повторялъ онъ послушнымъ и веселымъ отзвукомъ, — cela s'entend de soi-même; вы имѣли тамъ слишкомъ много успѣха, чтобы вамъ, а слѣдовательно и мнѣ, не желать его повторенія... Но лѣтомъ, но въ тѣ дни, когда природа манитъ насъ своею прелестью и душа невольно проситъ идилліи (et l'âme tourne involontairement à l'idylle), добавилъ онъ полушутливо, полусентиментально,—позволите-ли вы мнѣ увезти васъ въ какой-нибудь уединенный уголокъ земли... не слишкомъ далеко, конечно, — на островъ Уайтъ или на Комо?..

— Да развѣ я не *ваша!* вскликнула съ новымъ порывомъ Ольга Елпидифоровна; — развѣ я не *обязана буду* исполнять всѣ желанія моего *законнаго* властелина, медленно промол-

вила она чрезъ мигъ, какъ бы стыдливо опуская глаза и краснѣя самымъ искреннимъ образомъ.

— Навѣки, навѣки моя! страстно проговорилъ Наташанцевъ...—*Онъ* здѣсь, перебилъ онъ себя тутъ же:—мой повѣренный, въ Москвѣ, которому я приказалъ слѣдить за этимъ, пишетъ мнѣ, что онъ выѣхалъ оттуда въ Петербургъ третьяго дня.

— Да, подтвердила Ранцова,—я получила вчера вечеромъ письмо отъ Захарова, котораго вы мнѣ совѣтовали взять *попечителемъ* по этому дѣлу. Онъ подалъ отъ меня просьбу въ консисторію и вчера же утромъ видѣлся съ... avec monsieur Ранцовъ... Свидѣтели, les faux témoins, vous savez, найдены, и Захаровъ говоритъ, что въ консисторіи дѣло пойдетъ скоро... Но mon époux объявилъ ему, что предъ этимъ онъ желалъ бы самъ явиться ко мнѣ для какихъ-то „переговоровъ“... Я понимаю, что ему хотѣлось бы меня видѣть, примолвила она съ дѣланною гримасой, сквозь которую невольно просвѣчивало самодовольное чувство,—но, признаюсь, я предпочла бы обойтись безъ этого.

— И конечно лучше! Il vaut toujours mieux éviter tout contact avec les gens violents et peu élevés, съ какою-то безсознательною презрительностью сказалъ на это графъ.

Что-то въ родѣ угрызенія пробѣжало въ совѣсти Ольги Елпидифоровны. Бѣдный Ранцовъ—„violent“... „Peu élevé“, конечно,—онъ не говоритъ по-французски, онъ по манерамъ своимъ „армейщина“, но „violent“!... Онъ только разъ въ жизни, тогда, въ Москвѣ... И то, говорилъ въ ней внутренній голосъ, такъ-ли бы еще поступилъ другой на его мѣстѣ, заставъ ее *тамъ* съ Ашанинымъ!... Въ результатѣ этого соображенія оказалось, что „она ни за что, ни за что не хочетъ его видѣть“...

— Захаровъ очень мнѣ преданный и дѣловой человѣкъ, говорилъ ей между тѣмъ Наташанцевъ:—съ его умѣлостью и не щадя денегъ надо надѣяться, что въ консисторіи дѣйствительно дѣло не протянутъ. Но тамъ какіе-то еще сроки положены, потомъ синодъ... Онъ мнѣ говорилъ недавно, что ра*нѣе четырехъ*, даже пяти мѣсяцевъ окончательнаго рѣшені

нельзя ждать... Et cette attente me tue! примолвилъ онъ съ новымъ порывомъ.

Она слегка сжала брови:

— Это поведетъ насъ почти до осени... И, говорятъ, пока совсѣмъ не кончится, присутствіе мое здѣсь необходимо, и нельзя будетъ никуда уѣхать.

— Знаете, что̀ я вамъ предлагаю, съ живостью молвилъ онъ:—послѣ Пасхи, то-есть въ концѣ апрѣля, я, „для излѣченія болѣзни“, прошусь въ долговременный отпускъ и уѣзжаю въ мое Псковское имѣніе; оно подъ самымъ городомъ. Vous m'y rejoignez dans quelques jours. Захаровъ будетъ извѣщать насъ регулярно обо всемъ, что̀ касается дѣла и когда именно вамъ нужно быть въ Петербургѣ... Да и нужно-то будетъ,—разъ онъ вашъ *попечитель* и ведетъ за васъ дѣло,—на какой-нибудь день, много два... Мы дотянемъ тамъ, chez moi,—on y est bien, je vous assure,—до августа—я полагаю самый долгій срокъ,—quand le „святой правительствующій синодъ“ vous dégagera окончательно отъ вашихъ узъ. На другой же день послѣ полученія этого счастливаго извѣстія старикъ мой, отецъ Іаковъ, un très brave homme и мой духовникъ, вечеромъ, въ моей домовой церкви... (онъ досказалъ, прижавшись долгимъ поцѣлуемъ къ ея горячимъ рукамъ,), а изъ церкви прямо въ дормезъ, и летнимъ съ моимъ божествомъ въ Туарогенъ... *). А изъ-за границы, поспѣшно прибавилъ онъ (онъ нѣсколько походилъ въ эту минуту на человѣка, торопящагося кинуться въ воду, чтобы покончить скорѣе съ томительнымъ ощущеніемъ боязни ея чаемаго холода,),—я посылаю имъ формальную просьбу объ отставкѣ... Надѣюсь, что madame la comtesse Olga даруетъ мнѣ великодушно на это дозволеніе?

Онъ говорилъ съ нервною веселостью, замѣтно насилуя себя на нее и стараясь настроить на то же свое „божество“. Помимо того, что̀ его самого глодало внутри, онъ продолжалъ тревожиться за тотъ недочетъ, который, въ его понятіи, долж-

*) Въ ту пору Петербургско-Варшавская желѣзная дорога состояла еще въ постройкѣ.

на была испытывать она, лишаясь съ потерею его положенія всего того, что̀ это положеніе даровало бы ей лично и чего, говорилъ онъ себѣ, „она такъ въ правѣ была ожидать“...

Ольга Елпидифоровна читала въ его мысли, какъ въ открытой книгѣ. Она была тронута и спѣшила въ свою очередь успокоить его:

— „La comtesse Olga“, засмѣялась она, — будетъ вполнѣ счастлива только тогда, когда она со своимъ графомъ Леонидомъ очутится *вдвоемъ* на такомъ краю свѣта, гдѣ о Петербургѣ и о его vanités даже во снѣ никому изъ нихъ не приснится.

— C'est vrai cela, c'est vrai? вскрикнулъ онъ радостно, пожирая ее глазами.

— Mon ami, самымъ серіознымъ, какъ бы нѣсколько даже обиженнымъ тономъ молвила она на это,—неужто же вы думали, что я выхожу за васъ замужъ изъ за вашей position de service?

Онъ снова очутился у ея ногъ, обнимая ея колѣни и покрывая ихъ поцѣлуями съ горячностью двадцатилѣтняго юноши...

— До свиданія! говорилъ онъ ей чрезъ часъ, держа шляпу въ рукѣ:—мы увидимся сегодня вечеромъ у Варвары Петровны Мосягиной. А мнѣ теперь еще нужно chez ma vieille amie, mademoiselle Okhvostof, передать ей на счетъ племянницы ея, l'ex-demoiselle d'honneur *** дворца...

— Почему „ex“? перебила его удивленно Ранцова: — вы говорите о княжнѣ Кубенской? Что̀ она, замужъ выходитъ?

— Нѣтъ, она просто уѣхала къ какимъ-то роднымъ въ Москву и оттуда прислала просьбу отпустить ее съ миромъ... Juste ce que je compte faire de mon côté, засмѣялся Наташанцевъ.

— Да изъ чего же это, вы не знаете?

Онъ пожалъ плечами.

— Она, повидимому, какая-то очень фантастическая особа... et d'idées très avancées. Вы меня не выдавайте, но она *надѣлала* совершенно невозможныхъ вещей: приняла на со-

храненіе отъ какого-то убѣжавшаго въ Лондонъ cousin ея компрометантныя бумаги, и когда Анисьевъ, которому поручено было, pour éviter le scandale, добыть ихъ у нея келейно, явился къ ней съ этимъ, она ихъ сожгла въ его присутствіи... Mais le plus comique это то, что она на маскарадномъ балѣ въ Михайловскомъ дворцѣ упрашивала Вилина отказаться отъ предсѣдательства редакціонныхъ коммиссій потому, что онъ— „un retrograde et un крѣпостникъ“... Рѣчь даже шла отнять у нея пенсію, которую она получаетъ послѣ отца; но это мнѣ удалось устроить, и я ѣду сообщить объ этомъ ея теткѣ...

Онъ двинулся съ мѣста и вдругъ вспомнилъ:

— Vous souvenez-vous, спросилъ онъ, и какая-то унылая усмѣшка скользнула по его губамъ,—какъ вы радовались назначенію этого долговязаго croquemort? „Un grand seigneur“, говорили вы, — при немъ дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ при Ростовцовѣ“. А я вамъ тогда же сказалъ: „Не вѣрьте!“ Помните?

— Да, помню... Что же?

— А то, что онъ не далѣе какъ вчера объявилъ публично въ коммиссіи, что, согласно данному ему свыше повелѣнію, онъ не измѣнитъ ни одного параграфа выработанныхъ ею положеній и не удалитъ ни одного изъ состоящихъ въ ней членовъ *). Ergo, все попрежнему, и *для насъ* не остается болѣе никакой надежды... Что вы на это скажете?

Ольга Елпидифоровна подняла на него глаза... Все лицо ея словно дрогнуло отъ внутренняго смѣха:

— Вы меня любите, проговорила она,—я буду ваша чрезъ нѣсколько недѣль, quant au reste je m'en soucie maintenant comme de ça!... И, задѣвъ розовымъ ногтемъ за свои сверкающіе зубы, щелкнула имъ съ ухорствомъ чистокровнѣйшей Парижанки.

Наташанцева всего повело отъ вульгарности этого жеста, и всего приподняло отъ раздражающей граціи его исполне-

*) *Матер. для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи.*

нія. Онъ порывистымъ движеніемъ обнялъ „очаровательницу“ за талію, глянулъ ей безумно влюбленными глазами въ глаза и тутъ же прошепталъ ей на ухо:

— Vous êtes adorable, но, ради Бога, не повторяйте этого ни передъ кѣмъ!..

XI.

I thought to love, was but to bless,
I never dream'd of wretchedness.
Festus.

Ich bin bübisch um mein Leben bestohlen, bestohlen durch sie!
Schiller. *Kabale und Liebe.*

Забыть! Я-то ничего не забылъ... Ну, да Богъ съ вами!
Лермонтовъ. *Максимъ Максимовичъ.*

Чрезъ два дня послѣ того, что̀ сейчасъ передано нами читателю, графъ Леонидъ Александровичъ Наташанцевъ, только что выбритый и одѣтый, въ длиннополомъ сюртукѣ, служившемъ ему халатомъ, съ *Indépendance Belge* въ одной и сигарою въ другой рукѣ, сидѣлъ у высокаго, изваяннаго мраморнаго камина въ пространномъ кабинетѣ съ колоннами, составлявшемъ крайнюю комнату длиннаго ряда покоевъ его барскаго дома на Дворцовой набережной. Глубокій, нѣсколько похожій наружнымъ видомъ на порталъ театральной сцены, альковъ, за которымъ помѣщалась его спальная, отдѣлялся отъ кабинета сплошными занавѣсами стариннаго французскаго штофа, синяго цвѣта съ золотыми разводами, какимъ отянуты были и задрапированы стѣны, мебель, окна и двери этой комнаты (графъ очень дорожилъ и гордился тѣмъ, что „ни единаго гвоздика не перемѣнилъ въ ней“ со временъ отца своего, одного изъ ближайшихъ людей къ императору Александру I-му въ первые годы его царствованія). Незримая на первый взглядъ, отянутая тѣмъ же штофомъ, дверь, продѣланная въ одной изъ боковыхъ стѣнокъ алькова, давала доступъ

въ небольшой корридоръ, на который выходила уборная и ванна графа и помѣщеніе его камердинера; онъ кончался узенькою каменною лѣстницей, спускавшеюся къ отдѣльному отъ всего остальнаго жилья маленькому крыльцу на дворѣ. Съ этого крыльца выѣзжалъ незнаемо изъ дому и возвращался къ себѣ хозяинъ, жившій исключительно въ послѣднее время въ этомъ своемъ интимномъ аппартаментѣ, такъ какъ весь остальной домъ уступленъ имъ былъ въ пользованіе сыну, пріѣхавшему въ продолжительный отпускъ изъ Вѣны съ молодою женою... Онъ видѣлся съ ними рѣдко, по утрамъ, на нѣсколько минутъ, не имѣя привычки завтракать, а обѣдая по большей части въ Яхтъ-Клубѣ, или у Ольги Елпидифоровны Ранцовой. Отношенія его къ дѣтямъ какъ бы совсѣмъ *расклеились* въ послѣднее время: онъ избѣгалъ ихъ...

Онъ уронилъ газету и задумчиво уставился взглядомъ въ разгоравшійся уголь камина. Мысли его брели далеко. Онъ только-что успѣлъ усиленнымъ напряженіемъ воли отогнать тоскливую докуку, сопряженную въ этихъ мысляхъ съ принятымъ имъ рѣшеніемъ отказаться отъ своего высокаго придворнаго положенія и уѣхать въ *опалу* за границу, — уѣхать надолго, быть можетъ навсегда, — и уносился воображеніемъ къ радужнымъ днямъ близкаго будущаго... Онъ думалъ теперь объ одной виллѣ на lago di Como, принадлежавшей хорошему его знакомому, маркизу Альдобрандини, въ которой онъ провелъ нѣсколько дней осенью, много лѣтъ тому назадъ, и о которой сохранилъ какое-то лучезарное воспоминаніе. Альдобрандини умеръ, и графъ зналъ, что наслѣдники отдавали ее теперь внаймы; онъ наканунѣ писалъ по этому поводу въ Миланъ. Вилла эта съ ея розово-мраморнымъ портикомъ, отсвѣчивающимся въ темно-голубой скатерти озера, не выходила у него теперь изъ головы. „Онъ увезетъ *ее* туда въ сентябрѣ, прямо съ Уайта; подъ этими сводами, разносясь по этому водному пространству, будетъ звучать по вечерамъ ея дивный, ея проницающій голосъ, а онъ будетъ слушать ее, слушать *одинъ*, погрузясь взглядомъ въ синія глуби италіянскаго неба, убаюканный этими пѣвучими волнами, уносимый райскими снами“...

— Ваше сіятельство, прервалъ блаженное его молчаніе

голосъ вышедшаго изъ-за занавѣски алькова, стараго камердинера его, Калистрата, человѣка угрюмаго, разсудительнаго и преданнаго барину той патріархальною, безграничною преданностью былаго слуги, которая мыслима и возможна была только во дни исчезнувшихъ *баръ*. Онъ посвященъ былъ „во всѣ секреты своего графа“ и „убивался душевно“ о немъ теперь, вѣдая, порицая внутренно его „слабость“ и ненавидя въ то же время всѣхъ, кого зналъ врагомъ ея.

Сухой и длинный, съ мрачнымъ взглядомъ, жесткими сѣдыми волосами и сутоловатою спиной, онъ имѣлъ привычку говоря морщить лицо въ комъ, на-подобіе печенаго яблока, и язвительно улыбаться въ бокъ, чтобы скрыть свои почернѣвшіе и на половину выпавшіе зубы, некрасивое зрѣлище которыхъ наводило, по его убѣжденію, „уныніе“ на „его господина“.

— Ваше сіятельство, повторилъ онъ осторожнымъ шопотомъ, останавливаясь за самою спиной Наташанцева и закладывая руки за спину,—*ихній* супругъ пріѣхали и желаютъ повидаться съ вами,—господинъ Ранцовъ.

— Ранцовъ? вскликнулъ графъ, быстро оборачиваясь на него:—съ большой лѣстницы? домолвилъ онъ съ какимъ-то безсознательнымъ безпокойствомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—и Калистратъ скосился взглядомъ на сторону: онъ тотчасъ же понялъ опасеніе барина,—я онамедни еще наказалъ швейцару, чтобъ если кто къ вашему сіятельству собственно-лично по дѣлу, такъ отправлялъ бы на наше крыльцо... Они и зашли теперича оттуда... окромя меня никто съ ними не встрѣчался.

— Хорошо; такъ ты проси его сюда, а швейцару скажи, что я уѣхалъ... и со своего крыльца не пускай никого болѣе!..

— Слушаю-съ... Одни съ ними останетесь? понижая голосъ, спросилъ черезъ мигъ старый слуга.

Графъ удивленно поглядѣлъ на него:

— Конечно одинъ!... А что?

— Ничего-съ, прошамкалъ Калистратъ сквозь зубы, направляясь назадъ за занавѣсь...

„Что ему отъ меня нужно?“ спрашивалъ себя Наташан-

цевъ съ невольною тревогой, въ ожиданіи нежданнаго гостя... Онъ подошелъ къ двери, соединявшей кабинетъ съ большими пріемными покоями дома, заперъ ее на ключъ и машинально задернулъ надъ нею портьеры...

Въ то же время маленькая дверь въ корридоръ отворилась настежь, и въ нее вошелъ Никаноръ Ильичъ Ранцовъ. За нимъ мелькнула на мигъ мрачная и, какъ показалось графу, нѣсколько встревоженная фигура Калистрата и тотчасъ же скрылась, щелкнувъ за собой дверным замкомъ съ шумомъ, не совсѣмъ обычнымъ такому, какъ онъ, благовоспитанному слугѣ. „А вы все же берегитесь!“ словно имѣлъ онъ намѣреніе сказать этимъ барину.

Мимолетная усмѣшка пробѣжала по губамъ Наташанцева. Онъ изъ глубины кабинета двинулся съ протянутою рукой навстрѣчу вошедшему:

— Извините, что принимаю васъ по-домашнему и чрезъ этотъ внутренній ходъ,—ко мнѣ пріѣхалъ сынъ съ женою, и я оставилъ себѣ въ домѣ вотъ только то, что видите...

— Ничего-съ, все равно... невнятно пробормоталъ на это тотъ.

— Не угодно-ли?

Графъ сѣлъ и указалъ ему на мѣсто насупротивъ себя подлѣ камина, внимательно вглядываясь въ него и слѣдя за игрою его физіономіи.

Онъ его мало зналъ. Въ прежніе дни, когда его, Наташанцева, отношенія къ Ольгѣ Елпидифоровнѣ состояли еще на положеніи „безкорыстной дружбы“, онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на тѣхъ, ко́го считалъ для нея „опасными“, и менѣе всего на ея мужа; самъ же Ранцовъ, когда находился въ Петербургѣ, замѣтно избѣгалъ общества поклонниковъ своей жены и постоянно отсутствовалъ въ извѣстные часы ея пріемовъ „entre deux et cinq“. Графу такимъ образомъ едва-ли пришлось обмѣняться съ нимъ десятью словами во все время ихъ знакомства...

Но онъ *помнилъ* наружный обликъ его настолько, что не могъ не замѣтить, что „этотъ человѣкъ значительно опустился“ съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ.

Его впалые, мутные глаза, съ опухлыми и покраснѣвшими вѣками, показались прежде всего графу „подозрительными"... „Il doit se soûler, le gredin!" пронеслось у него въ первую минуту въ мысли... Но онъ тотчасъ же, со свойственною ему совѣстливостью, упрекнулъ себя въ этомъ. Она его никогда ни въ чемъ подобномъ не упрекала, и говорила даже, что онъ, „à part sa mauvaise éducation et sa [illegible] [illegible]", очень порядочный человѣкъ; очень можетъ быть, что онъ просто мучается сожалѣніемъ, что теряетъ ее, и [illegible] въ своихъ mauvais procédés съ нею... „Pauvre homme!" [illegible] тапанцевъ,—и поднявшіеся на него теперь глаза [illegible] какъ-то мгновенно засквозились въ [illegible] на [illegible] женіе, сказавшееся подъ этимъ [illegible] въ его [illegible] ныхъ глазахъ.

— Я къ вамъ-съ для [illegible]... [illegible], проговорилъ вдругъ [illegible] голосомъ Никаноръ Ильичъ.

— Что [illegible]? [illegible] спросилъ графъ.

Гость [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

ская нота зазвучала въ его голосѣ, но онъ тутъ же поспѣшно перебилъ себя:—Я, конечно, по первому еще письму отъ... отъ Ольги Елпидифоровны извѣстилъ ее, что на все согласенъ и готовъ взять на себя, потому что-же... чужой вѣкъ заѣдать, и все это выполню, какъ сказалъ... Я желалъ даже лично повидаться и переговорить... отъ нея самой узнать *настоящее* хотѣлъ, подчеркнулъ онъ,—но она на то... почему ужь, право не знаю,—не изъявила своего согласія.. Я, графъ, повѣрьте, всегда ей добра желалъ... и впредь готовъ все, что отъ меня зависитъ, лишь бы только это ей дѣйствительно на пользу... А то сами посудите, этакую муку и страмоту на себя принять... Обличать вѣдь тебя тамъ будутъ... позорить публично, негодяи подкупные показывать будутъ на тебя, будто видѣли... Потому чтобы *дѣйствительно*... это я ни за что не могу, путался и краснѣлъ бѣдняга.

Наташанцевъ не отрывался отъ него взглядомъ. И ему становилось „тяжело:“ этотъ „грубый“ мужъ, какимъ представлялъ онъ его себѣ по *ея* разсказамъ о немъ, оказывался теперь несомнѣнно и глубоко страждущимъ человѣкомъ, вызывавшимъ невольно искреннее къ себѣ сочувствіе и состраданіе, — „насколько бы и ни былъ онъ самъ виноватъ въ своемъ теперешнемъ печальномъ положеніи“, поспѣшилъ домолвить внутренно графъ, какъ бы для собственнаго успокоенія.

— Да, я понимаю, какъ все это должно быть противно! сорвалось у него невольно съ устъ.

Ранцовъ махнулъ рукой:

— Что ужь! Не о себѣ я... лишь бы въ прокъ ей пошло... Я для этого самаго и обезпокоилъ васъ моимъ визитомъ, быстро промолвилъ онъ, поднимая глаза.

— Я васъ слушаю, сказалъ коротко графъ.

— Я, ваше сіятельство, продолжалъ тотъ, глубоко вздохнувъ, — никогда себя на счетъ своей особы не обманывалъ... и не разъ въ жизни своей, повѣрьте, мучался тѣмъ, что не такого... не такого мужа, какъ я, требовалось ей. Съ ея умомъ, образованіемъ... и при такой красотѣ!... Только ужь очень я любилъ ее! Молоденькою ее взялъ, жизнь у нея знаете изо

всего существа ключемъ била. И что предоставить ей *жить* нужно было, это я хорошо понималъ и дѣломъ, такъ сказать, совѣсти почиталъ своей. Переѣхали мы по ея желанію изъ уѣзда въ Петербургъ,—кружокъ у нея составился, сами знаете, какой. И люди, и понятія, ну и за границу ѣздила, видѣла все, вникала... Я не то что препятствовать,—я радовался: въ свое, значитъ, настоящее теченіе попала, и слава Богу!... Самъ я, изволите знать, и не жилъ почти въ Петербургѣ, а все больше въ деревнѣ, на обухѣ тамъ, что̀ говорится, рожь молотилъ, чтобы только она здѣсь ни въ чемъ не имѣла безпокойства, — въ родѣ управителя ея почиталъ себя... и, могу сказать, счастливъ бы этимъ былъ до самой могилы... Впрочемъ, перебилъ онъ себя еще разъ,—я напрасно васъ этимъ утруждаю разговоромъ. Я даже и вовсе не про то хотѣлъ.... Я не про себя-съ, повѣрьте, и даже ее... Ольгу Елпидифоровну, то-есть, видитъ Богъ, за свое несчастіе не виню. Что она меня никогда любить не могла, что я ей, можно сказать, въ тягость всегда былъ, вырвалось у него стенящимъ звукомъ изъ груди, — такъ вѣдь что̀-жь съ этимъ дѣлать! Сердце не холопъ, говорится, не повернешь его, не поломишь; ее, можетъ, и самоё-то иной разъ грызло, видя мою къ ней безграничную преданность, да не въ силахъ она была преодолѣть себя... Да и по истинѣ, съ какимъ-то надрывающимъ смиреніемъ досказалъ онъ,—что̀ за такая фигура я, чтобъ ей мною прельщаться! Всякъ въ этомъ свѣтѣ свою силу знаетъ и подъ пару этой своей силѣ ищетъ, я это очень хорошо понимаю, ваше сіятельство...

— Никаноръ Ильичъ, для чего вы это мнѣ все говорите! вскрикнулъ Наташанцевъ; его всего поводило внутренно отъ щемящаго впечатлѣнія, которое производили на него эти слова.

На блѣдныхъ щекахъ его собесѣдника выступила краска: онъ не понялъ того душевнаго къ нему участія, что̀ сказывалось въ этомъ восклицаніи.

— Я позволилъ себѣ говорить-съ, съ холодною сдержанностью отвѣтилъ онъ,—потому что Ольга Елпидифоровна писала мнѣ, что отъ меня зависитъ ея счастіе, что если я соглашусь *развязать* ее, она... она за васъ замужъ можетъ вый-

ти... Такъ я за тѣмъ и пришелъ къ вамъ, чтобы просить удостовѣрить меня: точно-ли это такъ и дѣйствительно-ли вы намѣрены со своей стороны?...

Графъ утвердительно, съ внезапною краскою на лицѣ, склонивъ голову:

— Совершенно такъ, и это мое самое пламенное желаніе, даю вамъ въ этомъ слово!

Губы Ранцова дрогнули.

— Я впрочемъ со стороны вашей другаго не ожидалъ, съ нервною торопливостью произнесъ онъ,—а только счелъ нужнымъ, такъ сказать, удостовѣрить себя, такъ какъ, зная столько лѣтъ Ольгу Елпидифоровну и ея слишкомъ пылкій нравъ, могъ всегда опасаться за нее... По крайности буду знать теперь положительно, что не даромъ станутъ изъ меня жилы тянуть завтра, добавилъ онъ съ какимъ-то неудавшимся намѣреніемъ улыбки, — что хоть промѣняла она меня на настоящаго человѣка, а не на какого-нибудь Ашан...

Голосъ его оборвался вдругъ разомъ...

— Ашан... Какъ вы сказали? вскликнулъ въ то же время графъ, выпрямляясь весь съ высоковздымавшеюся грудью, — кто это?

— Ашанинъ, тамъ, въ Москвѣ, одинъ такой есть... пробормоталъ Никаноръ Ильичъ.

— Для чего вы о немъ теперь упомянули?

Ранцовъ былъ видимо смущенъ: ему очевидно не слѣдовало произносить это, сорвавшееся у него съ языка, злополучное имя предъ человѣкомъ, которому онъ единственно почиталъ *разумнымъ* передать свои права на Ольгу Елпидифоровну,—права на заботу о ней, о ея счастіи... „Зачѣмъ ему знать о *прочемъ*, зачѣмъ *разстраивать*?“ Онъ даже ужаснулся вдругъ отъ этого сказаннаго себѣ имъ безсознательно слова „разстраивать“. Онъ зналъ по опыту, что̀ за терзанія овладѣваютъ душой вслѣдъ за потерей вѣры въ любимое существо, за потерею уваженія къ нему. А онъ теперь — „точно будто мстить захотѣлъ“... „Нѣтъ“, рѣшилъ онъ тутъ же, и глаза его мгновенно заискрились: „подлецомъ я никогда не *былъ и не* буду“...

— Къ слову пришлось, молвилъ онъ громко въ отвѣтъ:— потому, когда Ольга Елпидифоровна еще въ дѣвушкахъ была, этотъ самый Ашанинъ хотѣлъ на ней жениться тоже.

— Онъ и теперь въ Москвѣ живетъ?

— Въ Москвѣ.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Да ничего... Шалберничаетъ, невольно уронилъ Никаноръ Ильичъ.

— Когда Ольга Елпидифоровна была въ прошломъ году въ Москвѣ, она видѣла его, не знаете? продолжалъ допрашивать графъ, не совсѣмъ удачно стараясь скрыть свое волненіе подъ спокойною улыбкой.

— Не... Нѣтъ, отвѣтилъ Ранцовъ невольно дрогнувшимъ голосомъ:—у нея въ ту пору отецъ былъ при смерти... такъ когда же тутъ кого видѣть? примолвилъ онъ, очень обрадованный такимъ счастливо имъ найденнымъ объясненіемъ.

Но оно нисколько не удовлетворяло Наташанцева,—напротивъ; оно даже прямо противорѣчило тому, что *она* сама, вернувшись тогда изъ Москвы, разсказывала ему о „сумасшедшей ревности“ мужа, вслѣдствіе которой она должна была „разорвать съ нимъ“. Не ревновалъ же онъ ее къ стѣнамъ! Очевидно, что тутъ былъ живой мотивъ, вызвавшій эту ревность, и что подалъ его этотъ самый Ашанинъ (Наташанцевъ вспомнилъ, что она тогда вскользь произнесла его имя,), съ которымъ она несомнѣнно видѣлась, хотя мужъ теперь увѣряетъ противное... Для чего онъ это дѣлаетъ: изъ великодушія-ли къ ней, или потому, что ему стыдно за себя, за свои обидныя для нея и, какъ она выражалась, „ничѣмъ серьезнымъ неоправдываемыя“ подозрѣнія? Графъ лихорадочно ухватился за это послѣднее положеніе.

— Никаноръ Ильичъ, молвилъ онъ какъ можно мягче,— чѣмъ же слѣдуетъ объяснить произошедшую у васъ тогда въ Москвѣ размолвку съ Ольгою Елпидифоровною?

Тотъ вспыхнулъ весь еще разъ. Онъ понялъ, что вопросъ этотъ прямо обличалъ его во лжи, въ сокрытіи истины съ какою-нибудь личною цѣлью, которую графъ могъ истолковать себѣ самымъ некрасивымъ для него образомъ. Жена его посту-

пила умнѣе: она, это было ясно, сообщила графу „объ исторіи своей съ Ашанинымъ“, но освѣтивъ дѣло такъ, что вся тѣнь ея падала не на нее, а на мужа... Горько, очень горько показалось это бѣдному Ранцову.

— Графъ, сказалъ онъ,—позвольте васъ спросить сначала: какъ объясняетъ это сама Ольга Елпидифоровна!

Наташанцевъ нѣсколько тревожно задвигался въ своемъ креслѣ:

— Я прежде всего, Никаноръ Ильичъ, долженъ удостовѣрить васъ моимъ честнымъ словомъ, что Ольга Елпидифоровна не говоритъ никогда иначе про васъ, какъ съ полнымъ уваженіемъ, какъ о честнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ... То, какъ стоитъ теперь дѣло между вами, она приписываетъ долголѣтнимъ недоразумѣніямъ, которыя произошли отъ несходства характеровъ, а главное... Онъ запнулся.

— Главное? переспросилъ тотъ.

— Отъ вашего слишкомъ... подозрительнаго нрава, чуть не шопотомъ договорилъ Наташанцевъ.

Огни запрыгали въ глазахъ Ранцова. Онъ вскочилъ съ мѣста въ неудержимомъ порывѣ:

— Отъ моего подозрительнаго нра... Да я въ нее девять лѣтъ невступно какъ въ Бога вѣрилъ! застоналъ онъ, ударяя себя обѣими ладонями въ грудь,—да я бы, кажется, истерзалъ собственными руками, кто бы мнѣ только намекнулъ... пока самъ я, самъ...

И вдругъ, очнувшись мгновенно, со страшною блѣдностью на лицѣ, онъ упалъ снова въ кресло, растерянно устремивъ глаза въ каминъ.

Наташанцевъ, въ свою очередь блѣднѣе полотна, глядѣлъ на него недоумѣлымъ взглядомъ:

— Что же вы — „*сами*“?... безотчетно пролепеталъ его языкъ, между тѣмъ какъ сердце у него колотилось въ груди съ язвительною болью.

Но Никаноръ Ильичъ успѣлъ уже овладѣть собою; онъ пожалъ плечами:

— *Я* такъ долженъ сказать впрочемъ, молвилъ онъ, какъ

бы не слыхавъ вопроса и будто отвѣчая собственной мысли:— никто въ своемъ дѣлѣ не судья... Можетъ быть, точно, тутъ и много отъ „недоразумѣнія“ вышло... Ольга Елпидифоровна— особа горячая, увлекающаяся, сами знаете, во вредъ себѣ иной разъ тѣ сдѣлаетъ, за что люди осудить могутъ... Если же я по такому случаю, для ея же пользы, можетъ быть когда и замѣтилъ ей, да своимъ простымъ языкомъ не умѣлъ выразить, какъ должно, она и дѣйствительно могла думать...

Онъ не договорилъ; ему была тошна и гадка фальшь, на которую принуждалъ онъ себя теперь съ цѣлью противодѣйствія неблагопріятному *для нея* впечатлѣнію, которое собесѣдникъ его могъ вынести изъ только-что вырвавшихся у него опять неосторожныхъ „проклятыхъ“ словъ. Онъ повелъ на него робкимъ и вопрошающимъ взглядомъ.

Графъ, съ глубокою продольною морщиной между бровями, недвижно и безмолвно глядѣлъ поверхъ его головы на округлость капители одной изъ колоннъ своего пространнаго кабинета.

Ранцовъ въ замѣшательствѣ всталъ и взялъ шляпу.

— Позвольте проститься, графъ...

— Вы уходите! вырываясь изъ задумчивости и будто въ испугѣ, воскликнулъ Наташанцевъ.

— Что же-съ... кажется, все. Мнѣ только остается благодарить васъ. По крайности теперь могу со спокойнымъ сердцемъ на эти мытарства *итти*, усмѣхнулся тотъ, — такъ какъ слову такого человѣка, какъ вы, могу довѣряться *вполнѣ*, подчеркнулъ онъ.

Наташанцевъ нежданно схватилъ его руку обѣими своими:

— А вы меня уничтожаете этою своею благодарностью!.. Вѣдь вы ее безумно любите до сихъ поръ, вы идете на эти муки изъ-за нея и благодарите меня, отымающаго ее у васъ!...

Все дрогнуло въ лицѣ Ранцова: глаза, губы, подбородокъ; слезы внезапно брызнули ключемъ изъ-подъ его рѣсницъ. Онъ выхватилъ еще разъ платокъ изъ кармана и скрылъ за нимъ свои исковерканныя мучительною тоскою черты.

„А кому изъ насъ двухъ тяжелѣй теперь,—право, трудно рѣшить!“ пронеслось въ головѣ графа... Онъ быстро всталъ

съ мѣста и зашагалъ торопливыми и невѣрными шагами по комнатѣ.

Прошло такъ нѣсколько минутъ. Никаноръ Ильичъ поднялъ голову, оглядѣлся кругомъ и заговорилъ, словно вспоминая послѣ сна о сказанномъ ему предъ тѣмъ:

— Жизнь моя прахомъ пошла, такъ что ужь обо мнѣ говорить. У каждаго свой предѣлъ, сказывается, его же не прейдешь... А я, какъ истинно вамъ докладывалъ, такъ и теперь говорю: какъ знаю я характеръ Ольги Елпидифоровны, такъ для счастія ея не можетъ быть лучше, какъ теперь... съ вами... Я съ радостью, повѣрьте!... Такимъ мужемъ, какъ вы ей, разумѣется, только гордиться... Не то, что съ нашимъ братомъ изъ темныхъ армейцевъ... *Вамъ* она, поспѣшно домолвилъ онъ, пораженный страдальческимъ выраженіемъ лица остановившагося передъ нимъ Наташанцева, — вамъ она настоящею, *вѣрною* женой будетъ, повѣрьте слову!...

— Вы „настоящій человѣкъ!“ вырвалось неудержимо изъ устъ графа,—дайте мнѣ вашу руку!

Онъ крѣпко стиснулъ ее. Ранцовъ сконфуженно отвѣчалъ на это пожатіе.

— Никаноръ Ильичъ, Ольга Елпидифоровна не согласилась видѣться съ вами. Каюсь, это по моему совѣту... Я дурно судилъ о васъ тогда, я боялся для нея... непріятностей... А теперь я думаю, — это *для васъ* лучше... Въ такихъ случаяхъ надо избѣгать всего, что можетъ растравить рану, помѣшать забыть...

— Забыть! трепетно зазвучалъ голосъ Ранцова: — пробовалъ-съ... не вырвешь! Видно такъ до гроба нести надо, еле слышно домолвилъ онъ.—Будьте здоровы, графъ!

Наташанцевъ, безъ слова, подошелъ къ стѣнѣ и дернулъ за шнурокъ звонка. Дверь въ корридоръ немедленно распахнулась, и въ ней показалась суровая и подозрительная фигура Калистрата (онъ, видимо, стоялъ за нею все время, въ чаяніи „не дай Богъ чего“ между „его графомъ“ и этимъ „ихнимъ мужемъ“, наружность котораго показалась ему почему-то „бѣдовою“).

„Его графъ“, къ немалому его удовольствію, пожималъ

въ эту минуту самымъ дружелюбнымъ, долженъ онъ былъ убѣдиться, образомъ руку этому мужу, и, обращаясь затѣмъ къ нему самому:

— Калистратъ, сказалъ онъ,—проведи Никанора Ильича... И одѣваться мнѣ потомъ!...

— Слушаю-съ!... „Важный то-есть звѣрь, коли *они* только захотятъ того, станетъ *имъ* ноги лобызать", заключилъ мысленно про барина Калистратъ, уходя съ торжествующею улыбкой на кривыхъ устахъ.

Наташанцеву хотѣлось скорѣе выйти изъ дому, хотѣлось воздуха, пространства, уличнаго шума... Его душило въ этихъ стѣнахъ: въ ушахъ его неотступно нылъ голосъ этого человѣка, котораго онъ „*съ нею*" присудили на „мытарства", на муку, которую „въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ", говорилъ онъ себѣ, тотъ дѣйствительно „понесетъ до гроба"... Онъ чувствовалъ,—счастье, то безконечное счастье „вдвоемъ, подъ италіянскимъ небомъ", о которомъ онъ мечталъ какихъ-нибудь полчаса тому назадъ, все это уже болѣе недостижимо для него: образъ, призракъ этого человѣка съ его „мутными, красными отъ слезъ глазами" будетъ преслѣдовать его и въ *ея* объятіяхъ!... „Въ ея объятіяхъ!... А этотъ *Ашанинъ*, что онъ, *чѣмъ* былъ для нея?„ взмывало у него новымъ язвительнымъ страданіемъ: „она изъ-за него порвала съ *нимъ*, съ мужемъ, и онъ, онъ же выгораживаетъ ее теперь, великодушно лжетъ и заметаетъ слѣды, наивно успокоиваетъ меня, что *мнѣ* она будетъ „*вѣрная* жена"... О Боже! А онъ, со своей стороны, порываетъ съ дѣтьми, съ отечествомъ, съ *ними*, „avec ses maîtres", обрекаетъ себя на опалу, на скитальчество изъ-за „авантюристки" (вздрогнувъ, вспомнилъ онъ слова дочери,), „вздумавшей выйти за него замужъ отъ живаго мужа". И уже все кончено, онъ уже неразрывно связанъ съ нею, онъ назадъ не можетъ... „Да я и не хочу, я люблю ее, она будетъ моею; да, люблю malgré tout, malgré tout, et dût le ciel me tomber sur la tête!" вырвалось у него изъ груди со страстнымъ отчаяніемъ...

— Карета сейчасъ выѣзжаетъ, доложилъ, выходя изъ-за алькова, Калистратъ, съ сюртукомъ барина на рукѣ.

— Не нужно, подай бекешь; я пойду пѣшкомъ.

— Сиверко, ваше сіятельство, снѣгъ мететъ—страхъ!

— Все равно. Шляпу, палку!

— Прикажите каретѣ за вами ѣхать, настаивалъ старый слуга.

— Не нужно, говорятъ тебѣ! нетерпѣливо отрѣзалъ графъ, выходя въ бекешѣ и шляпѣ въ корридоръ.

— Извольте кашне надѣть, суетился, кидаясь за нимъ, тотъ.

Но баринъ его не слушалъ и быстро, словно юноша, спѣшащій на свиданіе, спустился съ лѣстницы и вышелъ, — чуть не выбѣжалъ на Набережную.

XII.

L'orchestre est las, les valses meurent,
Les flambeaux pâles ont décru,
Les miroirs se troublent et pleurent...
Sully.-*Prudhomme.*

...Но это оскорбленье!...
— Нѣтъ, у нея оно вошло въ обыкновенье.
Хмѣльницкій. *Сентскій случай.*

„Пятый часъ въ исходѣ, а его нѣтъ“, говорила себѣ Ольга Елпидифоровна Ранцова, стоя одна съ озабоченнымъ лицомъ предъ большими Булевскими часами своей гостиной (ея ежедневный пріемъ въ эту пору былъ отказанъ ею на сегодня).—„Неужели ему не лучше?“...

Она наканунѣ объ эту пору получила отъ него записку, въ которой онъ въ короткихъ словахъ извѣщалъ ее, что слегка простудился и отъ кашля плохо спалъ ночью, что его докторъ совѣтовалъ ему поэтому „не выходить денекъ изъ дому“ (слова такъ и приведены были по-русски во французской запискѣ,), но что на слѣдущій день онъ *непремѣнно* въ обычный часъ, „entre quatre et cinq“, будетъ у нея.

„Если-бъ я имѣлъ еще слабость вѣрить въ счастіе, я искалъ бы его въ *привычкѣ*“, вспомнились ей прочтенныя ею когда-то слова Шатобріана. Она усилилась усмѣхнуться и объяснить себѣ этими словами то глухое еще, но постоянно наростающее клокотаніе тревоги, которое чувствовала она внутри себя. „Я такъ привыкла къ его аккуратности, къ тому, что въ положенный часъ онъ войдетъ въ эти двери, радостно улыбаясь своимъ тонкимъ, аристократическимъ ртомъ, жадно ожидая моего перваго взгляда... Но какъ же я и напущусь на него,

когда онъ явится, за то, что заставилъ меня о немъ безпокоиться!“ принужденно прервала она себя мысленно, быстро повернулась и присѣла къ своему Эрару.

Первый аккордъ, машинально взятый ею минором въ басу, какъ-то странно заставилъ ее вздрогнуть. Она, словно испуганно, оторвала пальцы отъ клавишъ, усмѣхнулась еще разъ, попробовала какой-то вальсъ, сбилась на второмъ колѣнѣ и вдругъ, какъ-бы нежданно для себя самой, запѣла mezza voce:

Depuis une heure je l'attends,
Conçoit-il mon impatience?
A-t-il compté tous les instants
Qui s'écoulent en son absence?

Это былъ мало извѣстный романсъ стариннаго пошиба на французскія слова двадцатыхъ годовъ, слышанный ею въ первые годы молодости, когда она жила съ отцомъ въ уѣздномъ городѣ, отъ стараго отставнаго гвардейца, разореннаго помѣщика той мѣстности, и удержавшійся въ ея памяти благодаря его задушевной мелодіи, происхожденіе которой (увѣряли ее графъ Пердро и пріятель его „Tsips“,) непремѣнно должно быть *славянское*, „такъ какъ никакой французскій голосъ, говорили они, не способенъ придать ей того accent pénétrant, какой принимаетъ она въ вашихъ устахъ“... Изо всего ея обширнаго репертуара пѣнія не было вещи, которую бы болѣе любилъ Наташанцевъ. Незатѣйливый, пѣвучій, исполненный того элегическаго чувства на элегантной свѣтской покладкѣ, которое входило, какъ говорятъ Англичане, въ линію—in the line—всего его внутренняго *я*, романсъ этотъ неизмѣнно приводилъ изящнаго обожателя Ольги Елпидифоровны въ сладкую задумчивость и вызывалъ блестящія росинки слезъ на его темныя рѣсницы... Онъ поэтому какъ-то самъ собою напрашивался въ эту минуту въ душу нашей пѣвицы, отвѣчалъ и тревогѣ ея, и мысли о томъ, кто вызывалъ ее въ ней. Она начала вполголоса, но съ каждою нотой звуки все металличнѣе вылетали изъ ея груди, разстраивая ее самое до слезъ... и, допѣвъ послѣднюю строфу со словами:

Ah, si j'en juge par moi-même,
Qu'il doit souffrir, qu'il doit souffrir!

она не выдержала и вскочила съ мѣста съ нервнымъ рыданіемъ...

— Et bien oui, il souffre, услышала она за собою, прежде еще чѣмъ успѣла обернуться, голосъ, отъ нежданнаго звука котораго вся она перепуганно дрогнула и поблѣднѣла,—но все же не изъ чего пока въ отчаяніе приходить.

— Ахъ, Варвара Петровна, вскликнула она, узнавая пріятельницу свою, Мосягину, и схватывая руку ея обѣими своими,—ради Бога, скажите, вы что-нибудь знаете?... Онъ писалъ мнѣ, что будетъ сегодня, я его ждала... Я чувствую,—недаромъ я расплакалась,—что что-нибудь нехорошее...

— Я для этого и пріѣхала къ вамъ, чтобы сказать вамъ, что онъ не здоровъ, молвила та, — я сейчасъ была тамъ, у *нихъ*, неопредѣленно промолвила она.

— У кого? У молодыхъ Наташанцевыхъ?

— Да... Надо вамъ сказать, что ко мнѣ часа два тому назадъ заѣхала Нелли Новицкая: она мнѣ сосѣдка и часто такъ заѣзжаетъ, en passant devant ma porte... Ну, какъ извѣстно, эти Саватьевы всегда раньше всѣхъ все знаютъ; она мнѣ и говоритъ: „Знаете-ли вы, что вашъ cousin Léonide *очень* боленъ?..“ Не пугайтесь, милая, поспѣшила прибавить Варвара Петровна, сжимая руку Ранцовой, — оказалось не такъ... или не совсѣмъ такъ.—„Что съ нимъ?“ спрашиваю,—сама перепугалась!.. А она мнѣ и разказываетъ, что была вчера у сестры своей Базиной, гдѣ застала Toutou Андомскую, которая отъ Базиной спѣшила къ отцу, такъ какъ получила записку отъ belle-soeur своей, молодой Наташанцевой; писала ей-та, что она съ мужемъ очень безпокоятся „на счетъ рара“, что онъ пошелъ утромъ гулять въ скверпѣйшую погоду, и вернулся avec une fièvre de cheval, и такъ слабъ, что слегъ: они сейчасъ же послали за Штраухомъ, который пока болѣзни не опредѣлилъ, но, кажется, „assez inquiet“... А сегодня, это уже Нелли опять говоритъ мнѣ, Штраухъ, который и ея докторъ, былъ у нея и на ея вопросъ, „что съ графомъ Леонидомъ?“ поморщился и сказалъ: „воспаленіе въ легкихъ“...

— Воспаленіе... въ его годы! вскликнула, перемѣняясь въ лицѣ, Ольга Елпидифоровна.

— Вотъ услышалъ бы онъ это „въ его годы“, не сказалъ бы вамъ спасибо! засмѣялась никогда не унывавшая Варвара Петровна:—что его за такіе годы, чтобы не выдержать хотя бы une fluxion de poitrine!.. Только вы понимаете, все же это меня очень обезпокоило. Я тотчасъ же велѣла запрягать карету, отправила Нелли и, вопреки моимъ привычкамъ, не заѣзжая въ мой пріютъ, прямо велѣла на Набережную... Пріѣзжаю; принимаетъ меня Lucie Наташанцева. Мужъ, говоритъ, поѣхалъ за Здекауеромъ...

— Консультація! перебила молодая женщина, тревога которой росла съ каждымъ мгновеніемъ.

— Онъ самъ, говорятъ, пожелалъ его видѣть... Леонидъ, то-есть. Онъ очень любитъ Здекауера... О консультаціи не было и рѣчи.

— А его самого видѣли вы? И что говоритъ тотъ, другой докторъ?

— Леонидъ спалъ въ то время, когда я тамъ была, и къ нему никого не пускали... А тотъ, Штраухъ, что говоритъ? Извѣстно, мычитъ, какъ всѣ доктора въ этихъ случаяхъ, не могла не разсмѣяться опять веселая филантропка:—вы знаете ce qu'a dit Molière: „un médécin est un quidam qui vient vous faire tirer la langue jusqu'à ce que la nature vous ait guéri ou ses remèdes vous aient tué“ *). Я въ нихъ не вѣрю, вы знаете...

— Ахъ, Варвара Петровна, неудержимо вырвалось у Ранцовой,—какъ вы ужасны съ вашими шутками въ эту минуту!

Та серіозно, почти строго подняла на нее глаза:

— А вы бы хотѣли, чтобы я, подобно вамъ, заранѣе приходила въ отчаяніе? Это, во-первыхъ, грѣхъ; а затѣмъ... Она оборвала на полусловѣ и, ласково поведя на нее взглядомъ:

— Вы его очень любите? спросила она съ полуусмѣшкой.

— И не скрываю! Я никого еще въ жизни такъ не любила!

Почтенную и нѣсколько экзальтированную госпожу Мосягину глубоко тронулъ этотъ, очевидно для нея, прямо изъ сердца вырвавшійся кликъ.

---

*) Врачъ есть нѣкто, заставляющій васъ показывать ему языкъ, пока природа не излѣчитъ васъ, или лѣкарства его васъ не убьютъ.

— Ну, такъ вотъ что̀, сказала она: — онъ желаетъ васъ видѣть...

— Онъ говорилъ?.. Какъ вы знаете?

— А вотъ какъ. Простилась я съ Lucie, спустилась съ лѣстницы. Гляжу, въ сѣняхъ стоитъ и видимо ждетъ меня его Калистратъ... Вы его знаете; а я съ тѣхъ поръ, какъ Леонида помню, знакома съ этимъ его Калебомъ *). Онъ очень всегда благоволилъ ко мнѣ, зная мою искреннюю дружбу къ его барину... „Что̀, говорю, Калистратъ, какъ графу?“ —Спятъ, говоритъ, покойно, надо такъ надѣяться, что полегчало, а ночью, говоритъ, совсѣмъ не спали: кашель и очень безпокойны были“... И какъ тутъ стоялъ швейцаръ, онъ его отослалъ, а самъ шепчетъ мнѣ: „*Оченно* желалъ бы съ вашимъ превосходительствомъ посовѣтоваться насчетъ одного дѣла“. Отошли мы съ нимъ въ уголъ, онъ мнѣ и говоритъ: „Графъ мой очень скучаетъ по одной дамѣ,—вамъ, говоритъ, извѣстно-съ, кто онѣ“. Я засмѣялась, говорю: „Знаю; а онъ тебѣ говорилъ?“ „Они, говоритъ, имъ писали вчера, что сегодня будутъ у нихъ безпремѣнно, а какъ теперь докторъ запретилъ имъ настрого выѣзжать, они очень этимъ безпокоились, хотѣли писать имъ опять... Велятъ мнѣ подать имъ портфель съ бумагою, чернильницу и начнутъ на колѣняхъ писать имъ письмо, а потомъ разорвутъ, велятъ клочки въ каминъ кинуть, и опять. Такъ до трехъ разъ принимались, пока совсѣмъ устали и заснули“... Только я тутъ его перебила и говорю: „Если Леониду Александровичу очень хочется видѣть *эту даму*, такъ онъ достаточно почтенный и пожилой человѣкъ, а къ тому же боленъ, и она можетъ очень хорошо пріѣхать навѣстить его“...

— Я только-что хотѣла это сказать, спасибо, что вы предварили, вскрикнула опять Ольга Елпидифоровна,—я умираю сама отъ нетерпѣнія увидѣть его...

— А вотъ мы съ Калистратомъ и сговорились на счетъ этого. Ждите отъ него извѣщенія: онъ обѣщалъ пріѣхать извѣстить васъ, переговоривъ съ Леонидомъ, по его пробужденіи и визитѣ Здекауера... Онъ предвидѣлъ одно... неудобство,

*) Извѣстный типъ преданнаго слуги въ *Ламермурской Невѣстѣ* В. Скотта.

примолвила Варвара Петровна, сама нѣсколько затрудняясь тѣмъ, что̀ хотѣла выразить.

Но Ольга Елпидифоровна тотчасъ же поняла въ чемъ дѣло:

— Дѣти его... Княгиня Андомская... сидятъ вѣрно тутъ, у него въ комнатѣ?..

— Да, да!..

— Прелестная Toutou, желчно продолжала Ранцова,— изображаетъ изъ себя теперь, разумѣется, нѣжную и встревоженную дочь... и бѣдный Калебъ нашъ боится, что она не захочетъ допустить меня къ отцу, которому она вѣкъ свой отравляла существованіе злостью своей и дерзостью?...

Варвара Петровна прервала ея раздраженную рѣчь:

— Оставьте ее, ma chère, въ покоѣ! Нрава вы ея не передѣлаете, а сами только безполезно разстраиваетесь... Она все-таки воспитанная особа, и если вамъ дѣйствительно придется тамъ съ нею встрѣтиться, она никакъ не рѣшится *въ такую минуту* и *въ отцовскомъ домѣ* быть съ вами неприличною... Я впрочемъ вотъ что̀ сдѣлаю: когда вы будете знать, въ какое именно время ѣхать къ нему, пришлите мнѣ сказать, я весь день буду дома—и я тогда тоже поѣду навѣстить еще разъ больнаго сегодня... При мнѣ она не рѣшится... Я отведу бурю во всякомъ случаѣ, закончила женщина смѣясь.

Она обняла свою protégée (она не иначе глядѣла на Ранцову, и стоять за нее всѣми своими силами считала дѣломъ чести своей и достоинства.), крѣпко поцѣловала въ щеку и, сказавъ ей на прощанье: „du courage, chère, перемелется, мука будетъ“! быстро вышла изъ гостиной.

Хозяйка проводила ее до лѣстницы, въ нервномъ порывѣ кинулась ей съ свою очередь на шею, расплакалась и убѣжала въ свою спальню.

Но когда осталась одна, ее стало разбирать безпокойство до такой степени, что она, какъ говорится, мѣста себѣ нигдѣ найти не могла. Она припоминала и перетолковывала себѣ каждое изъ словъ, сказанныхъ ей Варварою Петровной въ смыслѣ, все болѣе и болѣе ужасавшемъ ее. Опасность, грозившая ея „другу“, представлялась ей несомнѣнною. Она заклю-

чила объ этомъ уже изъ самаго того, что Варвара Петровна первая завела рѣчь о желаніи *его* видѣть ее... „Варвара Петровна очень добрая женщина“, разсуждала Ольга Елпидифоровна, „и очень любитъ меня, но она—une vertu и очень строга ко всякимъ *конвенансамъ*: она очень хорошо понимаетъ, какого рода чувство питаетъ *онъ* ко мнѣ и къ какой цѣли стремится, но она тщательно избѣгала всегда со мною всякаго разговора объ этомъ и притворялась думающею, что онъ просто любитъ меня, какъ милую и несчастную въ супружествѣ женщину, съ маленькимъ оттѣнкомъ того свѣтскаго flirtation que tout homme de goût doit à une jolie femme. Если она теперь рѣшилась заговорить о томъ, „люблю-ли я его“, и передать то, что̀ ей говорилъ Калистратъ, значитъ, сама она, не смотря на ея успокоивающія слова, судитъ о его положеніи какъ объ очень серьезномъ и находитъ, что *теперь* я могу „ѣхать навѣстить его“, не компрометтируя ни его, ни себя. „Дѣйствительно, человѣка при смерти никто уже компрометтировать не можетъ“, вся содрогаясь отъ ужаса, поясняла себѣ молодая женщина. „И что̀ же, если въ самомъ дѣлѣ это несчастіе... Что̀ же тогда будетъ со мною?“...

Она сидѣла на низенькомъ креслѣ подлѣ своего туалета, закинувъ обѣ руки за голову, съ трепетно вздымавшеюся грудью, съ прижмурившимися судорожнымъ движеніемъ глазами...

Въ притворенную ею дверь спальни раздался со стороны гостиной легкій стукъ.

Она не обратила на него вниманія... „Что̀ будетъ со мною?“ повторяла она мысленно:—„съ нимъ все кончено, все разлетается какъ дымъ... Останется мнѣ только бѣжать изъ Петербурга... безъ него меня здѣсь заѣдятъ, заѣдятъ на смерть... Господи, а еще вчера казалось мнѣ это такъ близко, такъ несомнѣнно“...

— Gnädige Frau, s'ist eine Dame da! раздался за нею голосъ.

Она вздрогнула отъ неожиданности, обернулась съ нахмуреннымъ лицомъ...

Въ просвѣтѣ небольшой двери, соединявшей спальню ея

съ уборною, она увидѣла бѣлобрысую фигуру своей, выступившей изъ-за отдернувшейся занавѣси, Амаліи, съ которою мы имѣли уже случай познакомить читателя.

— Какая дама?.. Я приказала никого не принимать сегодня!..

— Ja wolh, aber... s'ist die Mutter des jungen Fürsten, это мамашенька молодой князь, гусаръ... aus Moscau... Она пріѣхалъ не долго здѣсь, Morgen will sie weg, и сказалъ швейцару, что ошень желаетъ васъ видайть,—объясняла, подмигивая и покачивая головой съ какимъ-то забавно значительнымъ и таинственнымъ видомъ, чухонская субретка.

— Княгиня Шастунова! всклинкула ея барыня, и безсознательная усмѣшка, машинально вызванная этимъ именемъ, пробѣжала по ея засохшимъ отъ внутренняго волненія губамъ.

— So, so! подтвердила Амалія, все также подмигивая и продолжая по-нѣмецки: — Она все ждетъ въ каретѣ; Ѳедоръ стучался къ вамъ, но вы не отвѣчали; онъ думалъ, что вы заснули и пришелъ меня спросить, но какъ я знаю, что вы никогда не спите въ этотъ часъ...

— Пошлите сказать, что я прошу ее! — прервала Ольга Елпидифоровна.—„Ея глупость хоть разсѣетъ на нѣсколько времени эту невыносимую тоску“, разсудила она.

Она сѣла передъ зеркаломъ, оправилась, отерла холодною водой нѣсколько покраснѣвшіе глаза свои и, не торопясь, вышла затѣмъ въ гостиную.

Въ противоположныя двери ея вплыла тѣмъ временемъ княгиня Аглая Константиновна.

Она окинула своими круглыми глазами отянутыя шелкомъ стѣны этой гостиной, ея цѣнный Обюсоновскій коверъ и золоченую мебель и, сказавъ себѣ: „mais c'est très cossu chez cette ex-Olga Akouline“, съ сугубою улыбкой на губахъ, замѣтно притертыхъ помадою, направилась къ выходившей ей навстрѣчу хозяйкѣ.

— Je n'ai pas voulu partir de Pétersbourg sans venir vous voir, заголосила она, протягивая ей руку и заглядывая ей умильно въ лицо,—я настояла, чтобы вы меня приняли. Je suis toujours heureuse de retrouver de vieilles connaissances.

— Очень вамъ благодарна, княгиня, отвѣчала съ нѣсколько холодною учтивостью Ольга Елпидифоровна, усаживая ее на диванѣ и сама садясь подлѣ;—я не знала, что вы здѣсь, хотя въ прошлый понедѣльникъ въ оперѣ мнѣ показалось, будто вы или какая то очень похожая на васъ особа вошли въ антрактѣ къ Саватьевымъ въ генералъ-губернаторскую ложу. Это меня даже очень удивило. Но у меня въ тотъ вечеръ голова болѣла и я тутъ же уѣхала домой, такъ что не успѣла удостовѣриться, дѣйствительно вы-ли это были.

— Oui, c'était moi! У меня была своя ложа бельэтажа, но онѣ очень просили меня зайти къ нимъ... Ce sont des personnes très aimables toutes, n'est-ce pas? примолвила Аглая Константиновна, вопросительно уставившись на Ранцову,— vous les cannaissez?

— Кого это? Саватьевыхъ? Кто же ихъ не знаетъ?

— Но онѣ... Elles appartiennent au meilleur monde, n'est-ce-pas? съ видимымъ уже безпокойствомъ допрашивала княгиня.

— Къ лучшему, къ лучшему, иронически поддакнула ея собесѣдница,—de l'orfévrerie Ruolz *) première qualité.

Аглая не поняла и испуганно захлопала глазами.

— Vous avez toujours eu beaucoup d'esprit chère, Ol... chère madame, поправилась она,—и я вижу, что вы шутите... Но я (она вдругъ приняла сосредоточенный видъ,) я, je vous avoue, хотѣла именно узнать отъ васъ, et j'espère... à titre d'ancienne enfant de la maison, вы мнѣ не откажете сказать... Je ne connais pas Pétersbourg, а онѣ, ces dames, такія любезныя всѣ... Я познакомилась, il faut vous dire, съ одною изъ нихъ, madame Bazine, у Татьяны Борисовны. Vous la connaissez?

Ранцова неопредѣленно кивнула головой.

— Я у нея была pour l'affaire de mon église... Я, вы знаете, въ Сицкомъ... que vous connaissez bien, j'espère, выстроила церковь...

---

*) Поддѣльное серебро. Парижскій Ruolz—предшественникъ извѣстнаго петербургскаго Кача.

Она тутъ же стремительно вздохнула и продолжала:

— Въ память моей бѣдной Лины, dont vous avez été l'amie... и вообще parce qu'il faut protéger, je trouve, la religion de son pays... Хотя теперь (она наклонилась вдругъ къ самому уху хозяйки,), avec cette émancipation, которую намъ обѣщаютъ, можно ожидать qu'on renversera tout, et le trône et l'autel...

— Да, перебила ее та, которую нисколько не интересовала исторія церкви „въ память бѣдной Лины", а хотѣлось скорѣе добраться до новой *продѣлки* ненавидимаго ею теперь племени Саватьевыхъ, — вы говорили, что познакомились у Татьяны Борисовны avec la fameuse Nanie Bazine.

— Отчего „fameuse"?

— Отчего? Этой женщинѣ современемъ статуи будутъ воздвигать на площадяхъ съ надписью: „Богинѣ эксплуатированія ближняго, à la déesse de l'exploitation de son prochain"... Она довела до высокаго творчества искусство выжиманія изъ лимоновъ сока и выкидыванья ихъ корокъ за окно...

Аглая продолжала ничего не понимать и обробѣло глядѣла на расходившуюся молодую женщину. А у той все сильнѣе разливалась желчь. Воспоминанія о недавнемъ пассажѣ съ ней Саватьевыхъ, о дружбѣ этой Nanie съ ея злѣйшимъ врагомъ, княгинею Андомской, примѣшивали всю свою ѣдкую горечь къ тому состоянію нервнаго возбужденія, въ которомъ застала ее гостья. Слова, шипя, съ обрывистымъ и колкимъ смѣхомъ, падали изъ ея устъ:

— Она васъ съ перваго же раза и окрутила: я вижу это отсюда. Не дали вамъ времени вздохнуть, какъ вы уже очутились засосанною en plein Саватьевскимъ болотомъ, всѣми его Динами, Идами, Зизи, e tutti quanti; васъ завертѣли, закидали приглашеніями, повезли обѣдать къ *maman*"...

Аглая Константиновна даже руками всплеснула:

— Ah, mon Dieu, какъ это вы все знаете! Я третьяго дня, c'est vrai, была приглашена à dîner chez madame Savatief... Elle est très bien née cette dame, внушительно качнула она подбородкомъ, — une princesse Mordovskoi de naissance...

— И сынъ вашъ также приглашенъ былъ на этотъ обѣдъ.

— Да, Basile mon fils aussi.

— И за обѣдомъ посадили его между двумя изъ сестеръ, изъ которыхъ одна была, непремѣнно „la belle Lydie", дѣвица?...

Удивленная гостья все шире открывала глаза:

— C'est cela! Но кто могъ вамъ все это передать?

— Ровно никто. Я вамъ сказала: я вижу это отсюда. Я ихъ наизусть знаю... Да и какъ трудно угадать, когда знаешь, что онѣ вбили себѣ теперь въ голову выдать эту свою безсловесную куклу-сестру за вашего Базиля.

— А вы это знаете?

Ранцова только плечами пожала.

Аглая Константиновна принялась вдругъ смѣяться, утвердительно и самодовольно покачивая головою:

— Vous savez, Базиль мнѣ сказалъ, qu'elle est folle amoureuse de lui.

— Ну да, презрительно повела губами Ольга Елпидифоровна,—она вотъ уже десятый годъ влюбляется такъ поочередно во всѣхъ здѣшнихъ богатыхъ жениховъ, но на ея несчастіе ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ не подловился на эту удочку.

— Ah, mon Dieu, неужели она уже такъ давно въ свѣтѣ? Je la croyais encore fort jeune.

— Ей по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать, отрѣзала Ранцова, прикидывая „по крайней мѣрѣ" года три лишнихъ къ настоящему возрасту дѣвицы Саватьевой.—А вы что же, добавила она свысока,—вообразили, что это дѣйствительно могла бы быть подходящая партія для вашего сына?

На жирномъ лицѣ Аглаи изобразилось чувство самой плачевной безпомощности:

— Ахъ, chère Olga... Pardonnez moi, что я васъ называю comme autrefois... Я объ этомъ хотѣла поговорить съ вами comme avec une vieille ami. Я... je me perds dans votre Pétersbourg, не знаю съ кѣмъ посовѣтоваться... Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что mon fils Basile, avec son nom и съ тѣмъ, что онъ можетъ ожидать отъ меня, a le droit de prétendre à la

main de tout ce qu'il y a de mieux ici... Но,—и она самымъ неожиданнымъ образомъ расхныкалась, — je vous avoue cela la mort dans l'âme, — я ужь и не знаю, что̀ лучше: согласиться qu'il épouse une non titrée, et pauvre, et plus âgée que lui, какъ эта Саватьева, или оставить его faire ce tas de dettes pour une gredine, какъ его Yrma... Вѣдь она еще болѣе жадная, чѣмъ та, l'autre, vous savez, Lucie Ladrague. Онъ ей, я знаю, подписалъ векселей на сорокъ тысячъ, кромѣ того, что̀ долженъ по всѣмъ магазинамъ за ея бриллианты и туалеты. Il me ruine, mon fils, и у меня только одна надежда, что если бы онъ могъ попасть въ руки d'une femme à caractère et comme il faut, она удержала бы его sur la pente de l'abime.

Ольга Елпидифоровна прервала ее новымъ язвительнымъ смѣхомъ:

— Вотъ дайте ему попасть къ Саватьевымъ въ руки, онѣ ему покажутъ, что̀ такое характеръ!...

Та замахала руками:

— Я не объ этомъ! Basile совсѣмъ о другомъ думаетъ. Онъ нисколько не тронутъ par l'amour de cette demoiselle; онъ находитъ только, что у нея des épaules qui ne sont pas mal и больше ничего... Она вдругъ ослабѣла и продолжала уже таинственнымъ шопотомъ, испытательно глядя на молодую женщину:

— Но есть другія плечи, онъ говоритъ, отъ которыхъ онъ съ ума сходитъ...

— Мои, то есть? преспокойно и чуть-чуть усмѣхаясь объяснила Ранцова.

— Oui, chère Olga, oui!.. Вы въ самомъ дѣлѣ теперь plus belle que jamais, я понимаю моего сына. — Она завздыхала опять:—Et puis vous êtes désintéressée et femme du monde... Вотъ если бы я знала, что Basile имѣетъ des relations sérieuses съ такою женщиной, какъ вы, я была бы спокойна, что онъ не разорится, comme son père, ce pauvre Michel, que j'ai sauvé de la misère...

— Это что̀ же значитъ: „des relations sérieuses?“ прервалъ ее вопросъ:—*связь*, то есть, ce qu'on nomme *une liaison*?

Она засмѣялась игриво и невинно:

— Mais vous savez, quand des personnes s'aiment...

Ольга Елпидифоровна въ свою очередь теперь уставилась ей въ глаза.

— Другими словами, чтобы избѣгнуть съ одной стороны слишкомъ дорого стоящей въ мірѣ лоретокъ Ирмы, съ другой—недостаточно дорогой на свѣтскомъ рынкѣ Лидіи Саватьевой, вы желали бы, чтобъ я сдѣлалась la maitresse de Basile votre fils. Такъ это?

Несчастная Аглая растерянно захлопала глазами: она никакъ не предвидѣла, чтобы ей могли когда либо вывести ея *тонкіе намеки* на чистоту.

Красивая барыня залилась гомерическимъ смѣхомъ:

— Вы тѣмъ милы, княгиня, проговорила она съ самою откровенною безцеремонностью, — что вы неизмѣнны и незыблемы, какъ какая нибудь египетская пирамида...

— Mais, ma chère madame, испуганно залепетала та,—je ne voulais pas vous offenser...

Ранцова хотѣла что-то отвѣтить... и вдругъ вскочила съ мѣста и съ торопливымъ „pardon“ кинулась къ полуотрывшейся двери въ ея спальню, откуда ея Амалія видимо вызывала ее къ себѣ какими-то многозначительными знаками и пальцевъ, и глазъ.

— Изъ дома *графа* пришла къ вамъ одна женщина, быстро доложила она ей на ухо по-нѣмецки,—и говоритъ, что ей непремѣнно нужно говорить съ вами сейчасъ.

— Гдѣ она?

— Я ее увела въ мою комнату, чтобы никто не видѣлъ.

Женщина эта была жена Калистрата, которую тотъ прислалъ съ извѣщеніемъ, что больной графъ „безпремѣнно проситъ госпожу“ пріѣхать къ нему, не теряя времени, „потому самое обѣденное время: графчикъ съ графинюшкой и сестрица ихъ, княгиня, кушаютъ въ столовой, а *самъ* — одинъ въ своемъ покоѣ и желаютъ, чтобы быть безъ свидѣтелевъ.“

— А пріѣхать къ нимъ, объясняла она „госпожѣ“,— требуется не съ Набережной, а со двора, къ *собственному*

графскому крыльцу. Калистратъ Степанычъ ужь тамъ ждать васъ будетъ и проведетъ...

— Сейчасъ! не дала ей договорить Ольга Елпидифоровна.— Вы на извощикѣ пріѣхали?

— Такъ точно-съ! Калистратъ Степанычъ наказывалъ, чтобъ какъ можно спѣшить...

— Погодите же минутку, я съ вами вмѣстѣ поѣду... Амалія, шубку, капоръ и вуаль! А сами сейчасъ же послѣ меня отправляйтесь въ саняхъ къ Варварѣ Петровнѣ Мосягиной и скажите, что я поѣхала,—она уже знаетъ... Проведите насъ на черный ходъ!...

Она черезъ мигъ была одѣта, окутана вуалью и бѣжала по корридору, сопутствуемая едва поспѣвавшею за ней пожилою женой Калистрата.

— Und die Frau Fürstin, ваша гостья, она тамъ у васъ осталась,—вспомнила, выпуская ихъ за дверь на черный ходъ, Амалія,—was soll ich Ihrer Duchlaucht sagen?

— Скажите ей, что она дура! крикнула ей на это съ сердцемъ барыня, исчезая со своею спутницей за поворотомъ лѣстницы.

Амалія покачала головою ей вслѣдъ, повернулась и, пройдя черезъ спальню въ гостиную, застала тамъ „ея сіятельство“ одну-одинехоньку и весьма замѣтно смущенною этимъ одиночествомъ.

— Die gnädige Frau lässt sich entschuldigen... Моя госпожа очень сфиняетъ себя, проговорила чухонская субретка,— у нея ушасно зубы болѣлъ, и она поѣхалъ къ свой дантистъ.

Княгиня Аглая Константиновна безмолвно уперлась круглыми глазами въ ея косые глаза, судорожно передернула свою новехонькую отъ Andrieux мантилью и, красная какъ піонъ, недоумѣло вышла изъ комнаты.

— Elle est au fond très impertinente, cette ex-Olga Akouline! рѣшила она, додумавшись въ сѣняхъ, пока ея ливрейный вздѣвалъ шубу на ея крутыя какъ Балканскія горы плечи.

XIII.

Чаръ твоихъ могучихъ сила
Можетъ мертваго поднять...
Соколовскій.

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört.
Göthe. *Die Braut von Corinth.*

Извощичьи сани съ Ольгою Елпидифоровной и ея спутницей, скользнувъ подъ ворота дома графа Наташанцева, завернули вправо и остановились у „собственнаго“ крылечка.

Жена Калистрата проворно выскочила изъ нихъ и поспѣшно дернула за мѣдную ручку звонка...

Дверь тотчасъ же отворилась. Калистратъ приставилъ къ ней, въ ожиданіи ихъ, какого-то мальчика.

Самъ онъ, заслышавъ шаги въ корридорѣ, выскочилъ изъ уборной на встрѣчу прибывшихъ.

Онъ отослалъ жену назадъ повелительнымъ движеніемъ руки и, оставшись вдвоемъ съ Ольгою Елпидифоровной, прошепталъ ей:

— Я *имъ* сказалъ, что вы безпремѣнно желаете быть у *нихъ*, такъ вы ужь, на милость, извольте такъ и съ вашей стороны говорить; *они* васъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ.

— Какъ ему? торопливо спросила она.

По изрытому лицу стараго слуги, показалось ей, пробѣжала судорога:

— Ослабѣли очень, вскользь проговорилъ онъ... Я имъ

сейчасъ доложу-съ, поспѣшилъ онъ примолвить,—потрудитесь чуточку погодить здѣсь.

Онъ ввелъ ее въ *туалетную*, довольно просторную комнату, съ длиннымъ вдоль стѣнъ рядомъ дубовыхъ шкафовъ, а самъ быстро скользнулъ изъ нея въ спальню, совершенно неслышно шагая по ковру своею безъ каблуковъ обувью.

— Пожалуйте! молвилъ онъ, возвращаясь чрезъ нѣсколько мгновеній и наклонясь къ ней ближе:—Господинъ докторъ строго наказывали, чтобъ *имъ* отнюдь не говорить, такъ ужь дозвольте, сударыня, просить васъ... поберегите *ихъ!* досказалъ онъ внезапно дрогнувшимъ голосомъ.

Ее передернуло отъ его выраженія... Безотчетно замедляя шаги, переступила она черезъ порогъ *его* спальни...

Глаза ея, сами собою, прежде всего остановились на *немъ*. Онъ сидѣлъ въ своемъ длиннополомъ домашнемъ сюртукѣ, рядомъ со вплоть прикрытою темномалиновымъ байковымъ одѣяломъ желѣзною кроватью, на низкомъ креслѣ, съ протянутыми на табуретъ ногами, лицомъ къ ней и спиною къ высокому, старинному, съ бронзовыми украшеніями комоду, съ котораго пламя четырехъ свѣчей въ старинномъ же бронзовомъ porte-bougies подъ четырехугольнымъ зеленымъ колпакомъ падало отвѣсно на голову больнаго, отчетливо обрисовывая лобъ его по брови, со спутанными надъ нимъ прядями сѣдыхъ волосъ, и оставляя въ полутѣни всѣ остальныя черты. Онъ представлялся такимъ образомъ въ рамкѣ этого своего кресла, съ засунутою за спину его бѣлою подушкой, единственно освѣщеннымъ пунктомъ высокаго и обширнаго алькова, отдаленные углы котораго пропадали въ мглистой, колеблющейся тьмѣ. Лишь кое-гдѣ въ складкахъ спущенныхъ занавѣсей, отдѣлявшихъ этотъ альковъ отъ кабинета, свѣтъ случайными искорками игралъ по золоту разводовъ густой темносиней ткани...

— C'est vous... Enfin! угадала взволнованная молодая женщина скорѣй, чѣмъ услышала его слова.

Она кинулась теперь къ нему, схватила протянувшіяся къ ней руки его, наклонилась, жадно глянула ему въ лицо и, *въ* неудержимомъ порывѣ, съ ужасомъ отъ страшной пере-

мѣны, которую нашла она въ немъ, опустилась вдругъ, словно подломленная, на колѣни и, сдерживая подступавшее къ горлу рыданіе, судорожно приникла губами къ этимъ рукамъ...

— Что вы дѣлаете! Встаньте! *Тамъ*... вскинувъ неопредѣленно глазами за спину, пролепеталъ онъ какъ бы испуганно,—и не договорилъ... Было нѣчто страшно зловѣщее въ слышавшемся свистѣ, съ какимъ вылетали эти звуки изъ его груди, въ порывисто короткомъ дыханіи, которое сопровождало ихъ.—Садитесь тутъ... подлѣ меня...

Тамъ, она поняла, значило кабинетъ, гдѣ могли находиться, или сейчасъ войти *они*, *его* дѣти, — ея враги... Они могли подслушать, подглядѣть изъ-за этихъ занавѣсей... Онъ принимаетъ ее тайкомъ отъ нихъ—и, видимо, не имѣлъ уже духа обезпечить неприкосновенность этой тайны, не рѣшился приказать не впускать ихъ на свою половину, пока она тутъ... Сердце заныло у нея острою, жгучею болью: „это—отреченіе отъ себя... отъ жизни“, чуялось ей какимъ-то внутреннимъ нервомъ въ самой глубинѣ ея существа.

Онъ между тѣмъ глядѣлъ на нее неотрывающимся, проницающимъ и воспаленнымъ лихорадкою взглядомъ. Страненъ былъ этотъ взглядъ для нея; едва узнаваемы эти черты, въ которыхъ она еще столь недавно читала такую безконечную страсть...

— Мнѣ не хорошо... Я хотѣлъ видѣть васъ... пропускалъ онъ чрезъ силу, пожимая влажными и палящими руками ея оледенѣвшіе пальцы,—j'ai besoin de vous parler...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! прервала его она: — вамъ вредно, докторъ запретилъ... Когда вамъ станетъ лучше...

Онъ закачалъ головою, болѣзненно морщась:

— Будетъ поздно... C'est fini, я чувствую... Выслушайте меня!...

— Ради Бога, замолчите, я не хочу этого слышать... Это вздоръ, вы выздоровѣете... скоро! лепетала она съ насилованною улыбкой, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Онъ судорожнымъ движеніемъ потянулся къ ней руками... и безсильно упалъ опять спиною въ подушку:

— Милая, какъ я любилъ васъ—знаетъ Богъ... Но видно, не надо было... Мы были виноваты...

Она вся вздрогнула:

— „Виноваты"? повторила она:—чѣмъ?

— Вы... знаете... Я его видѣлъ, проговорилъ Натанаилевъ еле слышно.

— Его?.. Моего... мужа? блѣднѣя прошептала она на это.—Гдѣ?.. Для чего?

— Онъ былъ у меня... Онъ... онъ васъ безконечно...

Сухой, острый, надрывающій кашель не далъ больному продолжать; онъ нагнулся головою впередъ, поднося платокъ ко рту. Ольга Елпидифоровна инстинктивно приставила ему ко лбу руку... Онъ тотчасъ же прикрылъ и прижалъ ее своею, поднялъ глаза и, словно пріободрясь вдругъ:

— И жить, и умирать подъ этою рукой сладко, сказалъ онъ, силясь улыбнуться... и въ то же время безотчетно моргнулъ и прижмурился отъ ударившаго ему сбоку свѣта въ глаза.

Кто-то тихо отдернулъ одну изъ полъ занавѣсей и вошелъ изъ-за нихъ въ спальню, — вошелъ и остановился съ видимымъ изумленіемъ...

Это была belle-fille графа, жена его сына, рожденная баронесса фонъ-Гагернъ, стройная особа лѣтъ двадцати пяти, съ правильнымъ и холоднымъ нѣмецкимъ лицомъ... Она очевидно никакъ не ожидала застать теперь у свекра „*эту* женщину" (она никогда не видала ея, но тотчасъ же догадалась, кто она,),—и вся застыла въ первую минуту въ цѣломудренномъ негодованіи, увидавъ эти сплетенныя ихъ руки, это „дерзкое" женское лицо, наклонившееся надъ больнымъ „съ самою безспорною фамильярностью (avec la familiarité la plus incontestable)".

Ольга Елпидифоровна точно также никогда не видала ея и въ свою очередь тотчасъ же ее узнала. Но она только скользнула по ней взглядомъ и зорко устремила его въ просѣтъ раздернутыхъ молодою графиней занавѣсей. Тамъ, въ кабинетѣ, освѣщенномъ двумя высокими карселевскими лампами, сидѣло кругомъ камина нѣсколько лицъ; они, видимо,

только-что вышли изъ-за стола и перешли сюда пить кофе, „поближе къ больному“, согласно съ подобающимъ въ этихъ случаяхъ приличіемъ. Вытянувшись въ креслѣ во всю длину свою, съ обращенными къ огню толстыми подошвами тюленевыхъ башмаковъ вѣнскаго издѣлія, въ клѣтчатомъ домашнемъ костюмѣ и съ pince-nez на носу, лѣниво потягивалъ дымъ изъ сигары молодой графъ Наташанцевъ, блондинъ лѣтъ тридцати, похожій на сестру пренебрежительнымъ, какъ бы гадливымъ выраженіемъ своего узкаго, гладко выбритаго лица. Сама она, княгиня Андомская, съ китайскимъ garde-feu въ рукѣ, оберегая ланиты свои отъ пламени, помѣщалась подлѣ брата и, наклонясь къ нему бокомъ, съ озабоченною физіономіей передавала ему что-то, чему внималъ онъ, казалось, съ полнымъ равнодушіемъ, не раскрывая рта, стряхивая отъ времени до времени, механическимъ движеніемъ, пепелъ со своей сигары крѣпкимъ и длиннымъ въ цѣлый вершокъ ногтемъ, выращеннымъ его заботами на правомъ мизинцѣ. Двѣ, три дамы изъ близкой родни, да кто-то изъ тѣхъ intimes de la maison, безъ которыхъ не обходится ни одинъ большой домъ въ Петербургѣ, съ чашками въ рукахъ, вели тутъ же, по близости, неслышный межъ собою разговоръ.

Ранцова въ одинъ мигъ обняла все это общество... „Да“, сказала она себѣ, „*они* теперь, подъ видомъ дѣтской нѣжности и тревоги за него, ворвались въ это послѣднее его убѣжище, распоряжаются у него, какъ бы уже вступивъ въ его наслѣдство, и ведутъ лицемѣрныя рѣчи о томъ, чего сами съ нетерпѣніемъ ждутъ въ своихъ скверныхъ душонкахъ... А онъ,“ — и глаза ея съ безмѣрною жалостью обернулись на страждущаго, — „онъ, безпомощный и уже безмолвный, онъ уже ничего... ничего противъ нихъ не можетъ...“

— Cher papa, рѣжущимъ звукомъ раздался въ ея ушахъ голосъ молодой Наташанцевой (она отдѣлилась отъ темнаго фона занавѣса и быстрыми шагами подошла теперь къ свекру,),—вы не спите? Вамъ пора ваше лѣкарство принять...

— Да, Калистратъ знаетъ... Рука его протянулась къ колокольчику на столикѣ, стоявшемъ подлѣ него вмѣстѣ съ аптекарскими стклянками.

Но старый слуга былъ уже тутъ и, поднеся столовую серебряную ложку ко свѣчамъ на комодѣ, медленно и прищурясь лилъ въ нее микстуру...

Глаза больнаго поднялись на невѣстку съ какимъ-то не то раздраженнымъ, не то умоляющимъ выраженіемъ; впалыя щеки его замѣтно заалѣли отъ внутренняго волненія.

— Ma chère Lucie, я попрошу васъ оставить меня на нѣсколько минутъ одного... avec madame... Madame Rantzof,— ma meilleure amie ici-bas, отчеканилъ онъ въ поясненіе, какъ бы находя опять въ эту минуту тотъ вѣскій и внушительный тонъ знатнаго и уважающаго себя барина и главы дома, предъ которымъ семья его въ оны дни безропотно склоняла головы...

Молодая графиня и не нашла слова отвѣтить. Она ледянымъ, но учтивымъ поклономъ повела въ сторону нашей барыни, причемъ углы ея губъ чуть-чуть дрогнули надменною усмѣшкой, и прошла въ кабинетъ.

— Калистратъ, занавѣси!... проронилъ графъ, глядя ей вслѣдъ...

Онъ поспѣшно прикрылъ еще разъ ротъ платкомъ, чтобы заглушить хриплый свистъ кашля, ломившаго ему грудь, пока Калистратъ, угадывая его желаніе, торопливо задергивалъ занавѣси алькова и недвижно словно замиралъ предъ ними, съ очевидною рѣшимостью не дозволять болѣе никому доступа изъ-за нихъ.

— Ils veulent être toujours là, замѣтилъ больной, тяжело переводя духъ,—я имъ сказалъ, что хочу спать, чтобы не мѣшали, но вотъ... вы видѣли... Et il me reste si peu d'instants pour vous parler...

— О милый, дорогой!... могла только выговорить она сквозь прорвавшееся у нея неудержимо рыданіе.

— Не плачьте, успѣете! почти строго молвилъ онъ на это,—Богъ не хочетъ... намъ надо повиноваться...

Она слушала, глотая слезы, прижимая руку къ нервно-вздрагивавшимъ губамъ и неотступно глядя въ его горячечно горѣвшіе глаза.

— Я не ропщу, падали черезъ силу слова изъ его устъ,— я умру спокойно... если вы мнѣ дадите слово...

— Какое слово! пробормотала она, — я хочу, чтобы вы жили... вы будете жить!...

Онъ безнадежно усмѣхнулся, потянулся рукою къ ея рукѣ.

— Вы должны мнѣ поклясться, твердо промолвилъ онъ, сжимая ее,—что вы вернетесь къ нему...

— Къ „нему"!... Къ мужу? растерянно вскрикнула Ольга Елпидифоровна.

Онъ медленно склонилъ голову.

— C'est le dernier voeu d'un mourant... dun ami, для котораго ваше счастіе дороже собственной жизни. Я умоляю васъ объ этомъ, для васъ... и для себя... Я никому не сдѣлалъ зла въ этомъ мірѣ... Я не хочу унести *туда* мою вину... предъ нимъ... Et vous, mon ange bien-aimé, промолвилъ онъ съ безконечною любовью въ задыхающемся голосѣ,—вы, когда меня не станетъ, васъ ждетъ такая злоба, ненависть... Онъ, онъ одинъ способенъ такъ же безгранично любить и охранять васъ... Другой... un jeune homme... un Ашанинъ—вылетѣло у него помимо воли какою-то послѣднею вспышкой страсти,—погубитъ васъ!...

„Онъ знаетъ! Отъ кого? Неужели *тотъ* нажаловался ему на меня?" пронеслось молніей въ головѣ Ранцовой.—„И это жжетъ ему душу въ эту минуту..."

Глаза ея въ тотъ же мигъ безотчетно направились въ глубину комнаты, гдѣ у замѣтно задвигавшихся занавѣсей происходила какъ бы какая-то борьба между стоявшимъ предъ ними спиною къ ней Калистратомъ и кѣмъ-то, кого онъ очевидно не хотѣлъ пропустить изъ-за нихъ въ спальню. Преданный старый слуга ухватился руками за обѣ полы, просунувъ голову въ узкій между ними просвѣтъ, и велъ, повидимому, съ этимъ невидимымъ кѣмъ-то переговоры, глухой сначала шопотъ которыхъ начиналъ становиться все явственнѣе...

Онъ долетѣлъ и до слуха больнаго:

Калистратъ, что это? произнесъ онъ, вздрогнувъ и оборачивая голову по его направленію.

— Да вотъ-съ ея сіят... не договорилъ тотъ, машинально опуская руки и въ свою очередь оборачиваясь на голосъ барина.

Занавѣси въ то же время быстро и широко раздернулись, и изъ-нихъ, мимо отшатнувшагося предъ ней невольно Калистрата, выступила княгиня Андомская... Братъ ея, со своимъ pince-nez на носу, засунувъ обѣ руки въ карманы жакетки, показался за нею, но, не выступая за грань кабинета, остановился во глубинѣ, откуда съ зоркимъ и безцеремоннымъ любопытствомъ такъ и вонзился взглядомъ въ красивую барыню, о которой наслышался такъ много злобныхъ разсказовъ въ обществѣ своей сестры.

Княгиня подошла прямо къ отцовскому креслу:

— Mon père, принужденно спокойнымъ тономъ произнесла она, глядя ему прямо въ лицо и будто вовсе не замѣчая присутствія его собесѣдницы:—vous vous faites beaucoup de mal. Вы знаете, что доктора строго запретили вамъ говорить...

Голосъ его занылъ, глаза загорѣлись негодованіемъ:

— Vous ne voyez donc pas que madame est là! указалъ онъ на Ольгу Елпидифоровну: — она мнѣ сдѣлала честь посѣтить меня, а вы... Я просилъ, чтобы ко мнѣ не входили, а вы,... врываетесь... насильно!...

Княгиня вспыхнула вся и тотчасъ же закусила губу, чтобъ удержаться отъ слишкомъ рѣзкой отповѣди:

— Vous ne pouvez pas, il me semble, mon père, en vouloir à *votre fille*, подчеркнула она, но съ оттѣнкомъ полнѣйшей почтительности,—за то, что ваше здоровье заботитъ насъ... Madame, добавила она, поведя взглядомъ въ сторону Ранцовой,—doit le comprendre aussi, j'espère!

Та не выдержала:

— Вы не ошибаетесь, княгиня, язвительно пропустила она,—я васъ понимаю... Понимаю и то, что иныя заботы могутъ принести больному болѣе вреда, чѣмъ самое рѣшительное равнодушіе.

Андомская внезапно дернула шеей и уставилась на ненавистную ей женщину сверкающими какъ у ящерицы зрачками:

— А вы, прошипѣла она, — желаете удержать за собой право нанести ему и послѣдній ударъ!...

Раздирающій, стенящій хрипъ вырвался изъ груди ея отца:

— Ah, c'est vous... vous qui me tuez!...

Судорожно простершіяся къ ней руки его мгновенно упали, ударившись о ручки кресла, голова безчувственно заломилась назадъ...

— Mon père! визгнула отчаянно княгиня, кидаясь къ нему...

На этотъ крикъ съ молодымъ Наташанцевымъ впереди хлынуло изъ кабинета все, что тамъ находилось. Спальня наполнилась людьми, замелькали чьи-то блѣдныя, перепуганныя лица, надвигаясь въ растерянномъ переполохѣ подобныхъ минутъ тѣснымъ и безполезнымъ стадомъ ко креслу „умирающаго"... Ольга Елпидифоровна вспрянула съ мѣста, зашаталась... и упала на чьи-то подхватившія ее во-время руки...

Она очнулась въ туалетной Наташанцева. Она лежала на кушеткѣ съ какимъ-то валькомъ подъ головой. На краюшкѣ подлѣ нея сидѣла Варвара Петровна Мосягина со стклянкой одеколона, которымъ только-что терла ей виски, и глядѣла на нее съ жалостливымъ участіемъ...

— Ради Бога, что онъ! вскрикнула молодая женщина, еще недоумѣло озираясь кругомъ.

Пріятельница ея скорбно сжала брови:

— Пришелъ въ себя... Но обманывать я васъ не буду: Штраухъ здѣсь и сказалъ мнѣ, что ему... не протянуть до утра. Болѣзнь пошла такимъ быстрымъ ходомъ, говоритъ онъ, что они ничего не могли противъ нея... Когда же они что-нибудь могутъ!...

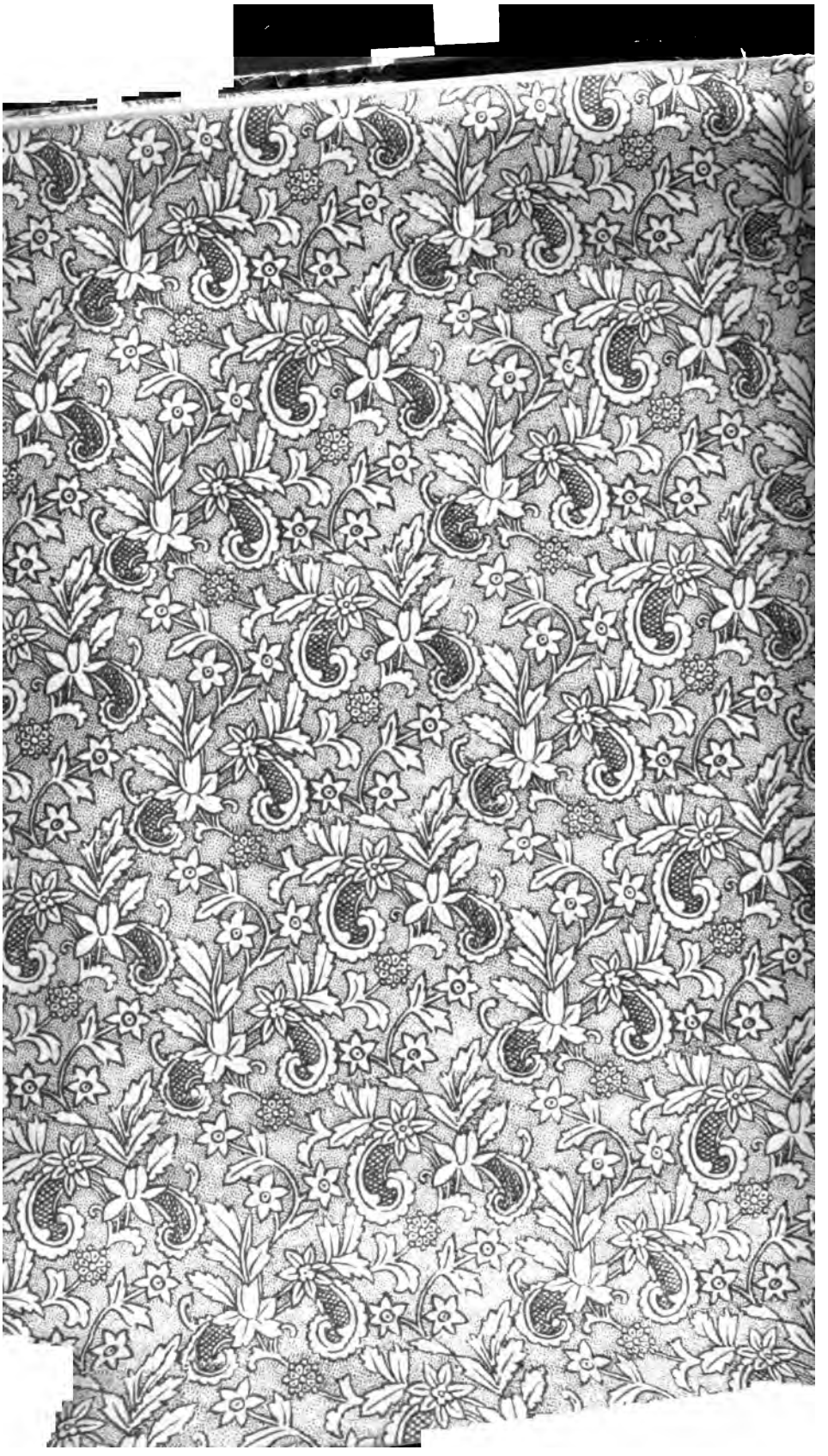
— О, дайте, дайте мнѣ взглянуть на него! взмолилась къ ней та, подымаясь на ноги.

— Нѣтъ, милая,—твердо возразила Варвара Петровна,— я васъ не пущу! Я и такъ насилу могла привести васъ въ чувство. А онъ... онъ сейчасъ потребовалъ священника. Дайте ему умереть спокойно, христіаниномъ... примирившись со своими!... Я васъ сейчасъ отвезу домой.

Ольга Елпидифоровна не отвѣчала. Она упала опять головой на валекъ и такъ и замерла.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

25p



3 6105 015 012 516

5467
.M32
1885
v.6

DATE DUE

STANFORD LIBRARIES
SEP 1 1987
I. L. L.
STANFORD LIBRARIES
SEP 16 1987
I. L. L.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305